

VISIT...

LANZAROTE
Caliente.COM

Книга Утраченных Сказаний — первое значительное художественное произведение Дж. Р. Р. Толкина, начатое в 1916—1917 годах, когда автору было двадцать пять лет, и оставленное незавершённым несколькими годами позже. Замысел Средиземья и Валинора возник именно в этой *Книге*, ибо *Утраченные Сказания* — прообраз тех мифов и легенд, что впоследствии будут названы *Сильмафиллионом*. Неразрывно связанные с английскими легендами, *Сказания* обрамлены историей о совершённом мореходом Эриолом (Эльфине) великом путешествии через океан на запад, к берегам Тол Эрэссэ, Одинокого Острова, где обитают эльфы. От них он узнаёт истинную историю их народа — *Утраченные Сказания Эльфинеса*. В *Сказаниях* мы находим ранние представления о географии и космографии этого придуманного мира и первые упоминания богов и эльфов, карлов, балрогов и орков, Сильмарилей и Двух Древ Валинора, Нарготронда и Гондолина.

Книга Утраченных Сказаний опубликована в двух томах. В настоящий — второй — том включены легенды о Бэрэне и Лутиэн, о Турине и Драконе, а также единственные полные повествования об Ожерелье Карлов и Падении Гондолина. Каждая история сопровождается комментарием в виде короткого очерка, текстами связанных с ней стихотворений. Как и первый, второй том содержит обширный указатель имен и словарь ранних эльфийских языков.

ከኣ ር ኮ ልግጥጥ ሞቶ ከ ሞሽፋ ከ ፕሮፖ ሞፔፍ ከ ርኮጠፍ ልፋ ሃፋሪ
ኮ ሠጃጠጥ ፕጠጥጥ ከሃጠ ኮ ርኬኣ ኮ ሞሪ ሃርቲ ኮ ፕጥሪ

John Ronald Reuel Tolkien

THE HISTORY OF MIDDLE-EARTH

VOLUME II

THE BOOK OF LOST TALES

PART II

Edited by Christopher Reuel Tolkien

George Allen & Unwin

1984

፲፭፮ ጠ ኮ ሰርሞጥ ሳ፲ጥ ሞ ከሞጠጥጥ ሰሃቶ ጠ ኮ ሞሪሞጠ
ሞሽፋ ከ ሞከሃጠፍ: ላጃጠ ሃ ሞሪሞ ኮ ሞፔፍ ኮ ሞጃጠ ሞ ሞጠጠፍ
ኮ ሞጃጠፍ ከ ከር ከ ሞጠሞሪጠ ሞ ከ ሞፋሪጃ ከ ሞጠጠፍ:

ṛḥ ḥṛḡā qēṛḥ qṛṛḡí ṛḡḡṛṛḡ cḡḡṛḡḡ ḡḥṛḡḡ.
qṛḡ ḡḡḡḡ ḡíḡ ḡṛḡḡ ṛ ḡḥḥ ṛḡ ḡḡḡḡ ṛṛḡḡḡḡ

Джон Рональд Руэл Толкин

ИСТОРИЯ СРЕДУЗЕМЬЯ

ТОМ II

КНИГА УТРАЧЕННЫХ СКАЗАНИЙ

ЧАСТЬ II

под редакцией Кристофера Руэла Толкина

перевод на русский язык —
неформальное творческое объединение

ТТТ
(TolkienTextsTranslation)

2002

ēṛḡḡḡ ḥ ḡṛṛṛṛṛḡ ḡṛṛḡ. í ḥṛḡḡṛḡṛḡḡ ḡṛḡḡ ḥ ḡḡṛḡ
qṛṛḡ ṛḡḡṛḡḡ: ḡṛḡḡ ṛḡḡṛḡḡṛḡḡ í ṛḡṛṛḡ í ṛṛḡḡḡḡḡ.
í ṛḡḡṛḡḡ. í ṛṛṛṛḡḡ qṛṛṛḡḡḡ í ṛ ḡḡḡḡḡ qṛḡḡḡḡ.

ББК 84.4 Вл
Т 52

Толкин Дж. Р. Р. История Средиземья. Том II. Книга утраченных сказаний. Часть II. /Под ред. К. Р. Толкина./ Пер. с англ. ТТТ, 2002. — 400 с.

Перевод
неформальное творческое объединение
ТТТ
(TolkienTextsTranslation)

Под общей редакцией
Светланы Таскаевой

Идея дизайна обложки
Ирина Лисицкая

Для оформления обложки
использована картина **Дж. Хоува** «Падение Гондолина»
и фотография Дж. Р. Р. Толкина из книги
Н. Carpenter "J. R. R. Tolkien. A biography"

- © С. Таскаева, общая редакция, перевод предисловия, II, V глав, 2002;
- © С. Лихачева, перевод I главы, 2002;
- © А. Хромова, перевод III главы, 2002;
- © Е. Тихомирова, перевод IV главы, 2002;
- © М. Крайнов, перевод V главы, 2002;
- © Б. Гаршин, перевод VI главы («История Эриола»), 2002;
- © В. Свиридов, перевод VI главы («История Эриола»), 2002;
- © А. Каркошка, перевод VI главы («Эльфвине из Англии»), 2002;
- © А. Дубинина, перевод приложения, стихов в V главе, 2002;
- © И. Лисицкая, перевод стихов в VI главе, 2002;
- © Н. Антонова, перевод указателя, 2002;
- © ТТТ, перевод произведения в целом, 2002.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Предисловие	1
<i>Перевод — С. Таскаева</i>	
I СКАЗАНИЕ О ТИНУВИЭЛЬ (THE TALE OF TINÚVIEL)	3
Примечания и комментарии	48
<i>Перевод — С. Лихачева</i>	
II ТУРАМБАР И ФОАЛОКЭ (TURAMBAR AND THE FOALÓKĒ)	69
Примечания и комментарии	116
<i>Перевод — С. Таскаева</i>	
III ПАДЕНИЕ ГОНДОЛИНА (THE FALL OF GONDOLIN)	144
Примечания и комментарии	197
<i>Перевод — А. Хромова</i>	
IV НАУГЛАФРИНГ (THE NAUGLAFRING)	221
Примечания и комментарии	242
<i>Перевод — Е. Тихомирова</i>	
V СКАЗАНИЕ ОБ ЭАРЭНДЭЛЕ (THE TALE OF EÄRENDEL)	252
<i>Перевод — М. Крайнов, С. Таскаева</i>	
VI ИСТОРИЯ ЭРИОЛА, ИЛИ ЭЛЬФВИНЕ, И ОКОНЧАНИЕ СКАЗАНИЙ (THE HISTORY OF ERIOL OR ÆLFWINE AND THE END OF THE TALES)	278
Эльфвине из Англии (Ælfwine of England)	312
Примечания	328
<i>Перевод — Б. Гаршин, А. Каркошка, В. Свиридов</i>	
Приложение. Имена в «Книге утраченных сказаний, часть II»	335
<i>Перевод — А. Дубинина</i>	
Указатель	353
<i>Перевод — Н. Антонова</i>	

ПРЕДИСЛОВИЕ

Публикация второй части *Книги Утраченных Сказаний* осуществляется в русле той же доктрины и согласно тем же принципам, которые были использованы при публикации первой части: они описаны в Предисловии к первой части, на с. 10—11. Отсылки к содержанию первой части имеют вид «I. 240», к содержанию второй — «с. 240», за исключением тех случаев, когда ссылка относится к обоим частям, к примеру, «I. 222, II. 292».

Как и в первом томе, я придерживаюсь последовательной (хотя и не обязательно «точной») системы простановки диакритических знаков ударения: несмотря на то, что во всей рукописи мы находим, к примеру, *Mim*, *Niniel*, я даю *Mím*, *Níniel*.

С разрешения Бодлеянской библиотеки (Оксфорд) воспроизводятся две страницы рукописей: я хотел бы выразить благодарность сотрудникам Отдела западных рукописей за содействие. Воспроизведенные страницы рукописи соотносятся с печатным текстом следующим образом:

(1) Страница из рукописи *Сказания о Тинувиэль*: текст верхней части см. на с. 24—25 (начиная со слов «сильнейший ужас» и заканчивая «подкрадывается к тебе»), текст нижней части см. на с. 25—26 (начиная со слов «резкий голос» и заканчивая «Тэвильдо зарычал»).

(2) Страница из рукописи *Падения Гондолина*: текст верхней части см. на с. 189 (начиная со слов «И потому сказал Галдор...» и заканчивая «раненые доберутся»), текст нижней части см. на с. 189—190 (начиная со слов «Но остальные, ведомые неким Лэголасом Зеленым Листом» и заканчивая «велев прочим догонять»).

Относительно отличий напечатанного текста *Падения Гондолина* от рукописи см. с. 201, примечания 34—36, а также с. 203, *Бад Утвэн*; другие мелкие изменения, не упомянутые в комментариях, внесены в печатный текст согласно позднейшим поправкам версии «В» данного сказания (см. с. 146—147).

Воспроизведенные страницы рукописи иллюстрируют сказанное в Предисловии к Части I (I. 10) относительно запутанной текстовой ситуации *Утраченных Сказаний*.

Я пользуюсь случаем заметить, что, как указал мне Дуглас А. Андерсон, вариант стихотворения «Почему Человек-с-Луны спустился вниз так быстро», напечатанный в *Книге Утраченных Сказаний I*, не является (как я полагал) той самой версией, что опубликована в *Нортерн Венчер (A Northern Venture)* в 1923 году, но содержит некоторые более поздние исправления.

В третий том «Истории» будут включены аллитерационная поэма *Лэ о Детах Хурина* (над которой отец работал в 1918—1925 годах) и *Лэ о Лэйтиан* (1925—1931 гг.) с комментариями К. С. Льюиса, а также с переработанным вариантом этой поэмы, начатым отцом после окончания *Властелина Колец*.

I

СКАЗАНИЕ О ТИНУВИЭЛЬ

Сказание о Тинувиэль было написано в 1917 году, однако самая ранняя из сохранившихся версий относится к более позднему периоду и представляет собою рукопись, записанную чернилами поверх стертого карандашного текста; видимо, переработка этого предания является одним из последних завершенных отцом эпизодов *Утраченных Сказаний* (см. I. 203—204).

Существует еще и отпечатанный на машинке текст *Сказания о Тинувиэль*, созданный позже, нежели рукопись, но относящийся к той же «фазе» мифологии: отец, держа перед глазами рукопись, последовательно вносил в текст поправки. Значительные расхождения между двумя версиями повести приведены на с. 41—48.

В рукописи сказание озаглавлено «Связующее звено к Сказанию о Тинувиэль, а также и Сказание о Тинувиэль». *Связующее звено* начинается следующим абзацем:

— Велика была во зле мощь Мэлько, — сказал Эриол, — если воистину сумел он разрушить коварством своим счастье и славу богов и эльфов, затмив свет их жилища и погубив всю любовь их! Верно, сие должно быть худшим из деяний, что когда-либо вершил он.

— Воистину, зло большее никогда не творилось в Валиноре, — молвил Линдо, — но длань Мэлько в мире вершила и худшее, и семена зла с тех дней взошли и дали поросль великую и ужасную.

— Нет, — сказал Эриол, — все же не может сердце мое скорбеть об ином, кроме как о разрушении тех прекрасных Древ и тьме мира.

Этот отрывок был вычеркнут, и в машинописном тексте он отсутствует, но возникает вновь в почти неизменном виде в последней части *Бегства Нолдоли* (I. 169). Причиной к тому послужило решение отца поместить *Сказание о Солнце и Луне*, а не *Тинувиэль*, после глав *Затмение Валинора* и *Бегство Нолдоли* (см. I. 203—204, где обсуждается сложный вопрос реорганизации *Сказаний* на данном этапе). Следующая часть *Связующего звена* открывается словами: «И вот, спустя несколько дней после того, как рассказано было это предание», — которые в момент написания относились к сказанию *Затмение Валинора* и *Бегству Нолдоли*; но не существует ясных указаний на то, к какой повести их следует относить после того, как *Тинувиэль* переместили на новое место.

Две версии *Связующего звена* в первой своей части очень близки, но расходятся с того момента, когда Эриол начинает рассказывать о своем прошлом. Первую часть я привожу только по машинописному варианту; там, где тексты расходятся, я последовательно привожу обе. Все комментарии касательно

истории жизни Эриола отложены до Главы VI.

И вот, спустя несколько дней после того, как рассказано было это предание, глядь! — зима приблизилась к Тол Эрэссэа, Эриол же, позабыв ныне о жажде странствий, уже некоторое время жил в древнем Кортирионе. На протяжении всех этих месяцев он не заходил далее возделанных земель, что раскинулись за пределами серых городских стен; однако охотно гостил во многих домах народа Инвир и тэлэри; и стал он еще более искушен в наречиях эльфов и еще глубже постиг их обычаи, предания и песни.

Потом на Одинокый Остров внезапно пришла зима, и сады и лужайки оделись в сверкающую мантию белых снегов; фонтаны умолкли, тишина воцарилась среди облетевших деревьев, и бледные лучи далекого солнца мерцали в тумане, либо дробились о грани ледяных гирлянд. И даже тогда не ушел Эриол, но смотрел, как холодная луна глядит с морозных небес на Мар Ванва Тьялиэва; когда же над крышами сияли сияние звезды, он все прислушивался, однако более не слышал звуков свирелей Тимпинэна; ибо дух этот — дыхание лета, и, едва в воздухе начинает ощущаться незримое присутствие осени, он усаживается в свою серебристую волшебную ладью, и ласточки увозят его далеко прочь.

И все же Эриол знал смех и веселье, музыку и песни в домах Кортириона — тот самый скиталец Эриол, душа которого прежде покоя не ведала. И вот наступил как-то пасмурный день, и сумеречный вечер, но в доме горел огонь, было тепло и уютно, там танцевали, и слышался шум веселых детских голосов, ибо Эриол затеял славную игру с отроками и девицами в Зале Вновь Обретенной Игры. Наконец, утомленные весельем, дети расселись на ковриках у очага, и одно дитя среди прочих, дева немногих лет, молвила:

— Расскажи мне историю, о Эриол!

— Что же рассказать тебе, о Вэаннэ? — спросил он, и та, вскарабкавшись ему на колени, проговорила:

— Поведай о людях и детях Великих Земель или о доме твоём — был ли у тебя сад, такой, как у нас, чтобы цвели там маки и анютины глазки вроде тех, что растут в моем уголке близ Беседки Дроздов?

Далее я привожу рукописную версию оставшейся части *Связующего звена*:

Тогда Эриол поведал ей о своем доме, что находился в древнем городе людей, обнесенном стеною, что ныне осыпалась и обратилась в развалины; там протекала река, над которой нависал замок с

высокой башней.

— Весьма велика была башня, — говорил Эриол, — и высоко приходилось карабкаться луне, чтобы подняться над нею.

— Выходит, сравнилась бы она и с Тирином Ингиля? — спросила Вэаннэ, но Эриол отвечал, что не знает, ибо слишком много лет прошло с тех пор, как он видел этот замок и башню в последний раз.

— О Вэаннэ, — молвил он, — я жил там очень недолго, пока не подрос. Отец мой был родом с побережья, и любовь к морю, которого я никогда не видел, вошла в мою плоть и кровь, и отец мой распалял мою тоску, рассказывая мне многое из того, что его отец поведал ему встарь. И вот мать моя зачахла от голода во время жестокой осады этого древнего города, а отца моего убили у стен в яростном сражении, и в конце концов я, Эриол, бежал к побережью Западного Моря, и домом моим с тех самых пор стала водная гладь или берег у кромки волн.

Тогда дети преисполнились скорби при мысли о горестях, выпавших на долю обитателей Великих Земель, и при мысли о войне и смерти, и Вэаннэ прижалась к Эриолу, говоря:

— О Мэлинон, никогда не ходи на войну — или уже бывал ты там?

— И достаточно часто, — отвечал Эриол, — но не на великих войнах, кровопролитных и безжалостных, что ведут земные короли и могущественные народы; в них гибнут цветущие земли и прекрасные творения рук, и даже женщины и милые девы, такие, как ты, Вэаннэ Мэлинир; нет — славные схватки доводилось мне видеть, где сходятся небольшие отряды смельчаков и обмениваются ловкими ударами. Но се! К чему говорим мы о подобных вещах, маленькая? Может быть, ты с большею охотой послушала бы о моих первых морских странствиях?

С превеликим удовольствием согласились на это дети, и Эриол поведал им о своих скитаниях у западных гаваней, об обретенных друзьях и об известных ему портах; о том, как потерпел он крушение на далеких западных островах; о том, как на одном пустынном острове набрел он на старого мореплавателя, который предоставил ему приют и у огня в заброшенной своей хижине поведал ему немало дивного о том, что есть за пределами Западных Морей, о Волшебных Островах и о самом одиноком из островов, что лежит еще дальше. Как-то раз, давно, довелось ему заприиметить вдалеке его сияние, после же не один день искал он его, но напрасно.

— С тех пор, — молвил Эриол, — одержим еще большим любопытством, я плавал к западным островам, стремясь услышать еще немало подобных рассказов; вот так случилось, что после многих и долгих скитаний я и сам, по милости богов, добрался в конце концов до Тол Эрэссэ — где и нахожусь сейчас, беседа с тобою, Вэаннэ, — до тех пор, пока слова не иссякнут у меня на устах.

Тогда один из отроков, Аусир, потребовал у Эриола новых рассказов о море и кораблях, но Эриол отвечал:

— Нет — однако еще есть время до того, как Ильфиниол зазвонит

в гонг, призывая к вечерней трапезе; пусть же кто-нибудь из вас, дети, расскажет мне повесть, что доводилось ему слышать!

Тогда выпрямилась Вэаннэ и хлопнула в ладоши, восклицая:

— Я расскажу тебе Сказание о Тинувиэль!

Вот что представляет собою машинописная версия этого отрывка:

Тогда Эриол рассказал о доме своем, где жил давным-давно, в древнем городе людей, обнесенном стеною, что к тому времени осыпалась и превратилась в развалины; ибо народ, живущий там, издавна благоденствовал в безмятежном покое и мире. Рядом протекала река, над которой нависал замок с высокой башней.

— Там жил могучий князь, — говорил Эриол, — и, даже гляди он с самого высокого парапета, не удалось бы ему рассмотреть границ своих обширных владений; только далеко на востоке вырисовывались очертания огромных синих гор, — однако башня эта почиталась великолепнейшей в земле людей.

— Сравnilась бы она с Тирином Ингиля? — молвила Вэаннэ, и ответил Эриол:

— Воистину башня эта была весьма велика, и высоко приходилось карабкаться луне, прежде чем подняться над нею; однако сколь именно велика, ныне я сказать не могу, о Вэаннэ, ибо немало лет прошло с тех пор, как в последний раз видел я замок тот с его отвесно вздымавшейся башней. Внезапно на город обрушилась война, растревожив дремотный покой, и обвалившиеся стены не смогли сдержать натиск диких людей с Восточных Гор. Там во время жестокой осады от голода зачахла моя мать, а отец мой, отчаянно сражавшийся у стен, был убит, когда в город вступили враги. В те далекие дни я еще не дорос до того, чтобы участвовать в битвах, и меня сделали рабом.

Узнайте же, что отец мой родом был с побережья и только позже переселился в тот город, и тоска по морю, которого не видел я никогда, вошла в мою плоть и кровь, а отец ее изрядно усиливал, повествуя о бескрайних водных просторах и вспоминая древнее знание, что сам встарь перенял от своего отца. Нет нужды рассказывать о тяжелой жизни моей в рабстве, что выпала мне на долю, но в конце концов я сбросил оковы и добрался до побережья Западного Моря, и с тех пор домом мне стала водная гладь или же земля у кромки волн.

Услышав о страданиях, что выпали на долю обитателей Великих Земель, о войнах и смерти, дети преисполнились скорби, и Вэаннэ прижалась к Эриолу, говоря:

— О Мэлинон, никогда не ходи на войну — или уже бывал ты там?

— И достаточно часто, — отвечал Эриол, — но не на великих войнах, кровопролитных и безжалостных, кои ведут земные короли и могущественные народы, в которых гибнет вся красота земная и все дивные творения рук человеческих, создаваемые в дни мира; нет же — они не щадят даже милых женщин и нежных дев, таких, как ты, Вэаннэ Мэлинир, ибо тогда мужи опьянены яростью и жаждой крови

и в мире торжествует Мэлько. Нет, славные схватки доводилось мне видеть, где сходятся отважные воины и обмениваются ловкими ударами, доказывая силу и мужество, — но се! Для чего говорим мы о подобных вещах, маленькая? Не с большею ли охотой послушала бы ты о моих морских странствиях?

С превеликим удовольствием согласились на это дети, и Эриол рассказал им о первых своих странствиях у западных гаваней, об обретенных друзьях и об известных ему портах; о том, как однажды потерпел он крушение у далеких западных островов, и там, на одиноком острове, обнаружил старого морехода, что жил на берегу один, в хижине, каковую соорудил из древесины своей лады.

— В жизни не доводилось мне встречать собеседника более умудренного во всем, что касается моря, — сказал Эриол, — а в сокровенном знании старика было немало от ведовства. Много дивного рассказывал он мне о краях далеко за пределами Западного Моря, о Волшебных Островах и о самом одиноком из островов, что лежит еще дальше. Как-то раз, давно, довелось ему заприметить вдалеке его сияние, и после того не один день искал он его, но напрасно. Немало всего поведал он мне о потаенных морях, о темных и пустынных водах: без него никогда бы не отыскал я прекраснейшую эту землю и чудесный этот город, и Домик Утраченной Игры, — однако не без долгих и горестных поисков и многих утомительных странствий добрался я, наконец, по милости богов, до Тол Эрэссэа, где и пребываю ныне, беседуя с тобой, Вэаннэ, — пока слова не иссякнут на устах.

Тогда, однако, один из отроков, Аусир, потребовал новых рассказов о море и кораблях, говоря:

— Ибо разве не знаешь ты, Эриол, что тот старый мореход на пустынном побережье был не кто иной, как сам Ульмо; нередко является он в подобном обличии тем мореплавателям, коих возлюбил он — однако у того, кто беседовал с Ульмо, уж верно, найдется не один рассказ, который не наскучит даже обитателям Кортириона.

Но Эриол в ту пору не поверил словам Аусира и молвил:

— Нет, уплатите мне долг, прежде чем Ильфрин ударит в гонг, призывая к вечерней трапезе; пусть кто-нибудь из вас расскажет мне повесть, что доводилось ему слышать.

Тогда Вэаннэ выпрямилась и захлопала в ладоши, восклицая:

— Я расскажу тебе Сказание о Тинувиэль!

Сказание о Тинувиэль

Далее приводится текст *Сказания о Тинувиэль* так, как он представлен в рукописи. *Связующее звено* никак не обозначено и не отделено от самой повести, и Вэаннэ не предваряет ее никаким формальным вступлением.

— Кто же такая Тинувиэль? — спросил Эриол.

— Или не знаешь ты? — воскликнул Аусир. — Тинувиэль была дочерью Тинвэ Линто.

— Тинвэлинта, — поправила Вэаннэ, но отозвался тот:

— Это все едино, однако эльфы сего дома, которым мило это предание, говорят не иначе как Тинвэ Линто, хотя Вайрэ обмолвилась как-то, что истинное его имя — просто Тинвэ; так звался он до того, как заплутал в лесу.

— Тише, Аусир, — молвила Вэаннэ, — ибо моя это повесть, и сама я хочу рассказать ее Эриолу. Разве не видела я однажды своими глазами Гвэндэлинг и Тинувиэль, странствуя Путем Снов в далеком прошлом?¹

— Какова же была обличьем королева Вэндэлин (ибо так зовут ее эльфы)², о Вэаннэ, если видела ты ее? — спросил Аусир.

— Хрупкой и темноволосой была она, — отвечала Вэаннэ, — бледна и светла лицом, но ярко сияли бездонные глаза ее, и прекрасные, зыбкие, как туман, одежды — черные, расшитые сверкающим агатом и украшенные серебряным поясом, облекали ее стан. Когда пела она либо кружилась в танце, сон и забытие нисходили на вас, одурманивая разум. Воистину, была она духом, что покинул сады Лориэна еще до постройки Кора; бродила она в лесах мира, и соловьи следовали за нею, и слагали о ней свои песни. Песнь этих птиц достигла вдруг слуха Тинвэлинта, вождя племени эльдар, что впоследствии стали флейтистами побережья, солосимпи, когда следовал он со своими спутниками за конем Оромэ из Палисора. Илуватар вложил в сердца этого народа зерно музыки: так говорит Вайрэ, а она — одна из них; и после расцвело оно дивным цветом; тогда же показалось Тинвэлинту, внимавшему соловьям Гвэндэлинг, что доселе не слышал он музыки более чарующей; и на миг — как подумалось ему — свернул он в сторону от отряда, стремясь отыскать во мраке деревьев источник чудных мелодий.

И говорится, что не на миг застыл он, заслушавшись, но на многие годы, и тщетно искали короля его подданные, и, наконец, последовали за Оромэ, и увезены были на Тол Эрэссэа далеко прочь, и более не видал их Тинвэлинт. Однако спустя недолгое время, как показалось Тинвэлинту, он отыскал Гвэндэлинг — она покоилась на ложе из листьев, глядя на звезды над головою и внимая птицам. Неслышно приблизившись, Тинвэлинт склонился над нею и взглянул на нее, и подумал: «Вот передо мною создание более дивное, нежели прекраснейшие из моего народа», — ибо Гвэндэлинг воистину не принадлежала ни к эльфам, ни к смертным, но к детям богов; и Тинвэлинт склонился ниже, дабы коснуться локона ее волос, и под ногою его хрустнула ветка. Тогда вскочила Гвэндэлинг и с тихим смехом исчезла вдали; порою издалека доносилась ее песнь, порою кружилась она в танце

прямо перед ним, пока забытье благоуханных снов не овладело Тинвэлинтом, — и опустилс я он на землю, и надолго уснул.

Когда же пробудился Тинвэлинт, более не вспоминал он о своем народе (и воистину, то было бы напрасно, ибо подданные его давным-давно достигли Валинора), но мечтал только о том, чтобы увидеть вновь госпожу сумерек, она же была неподалеку, ибо осталась подле Тинвэлинта, храня его сон. Ничего более о них не знаю я, о Эриол, кроме одного только: в итоге стала она его женою, ибо Тинвэлинт и Гвэндэлинг долго, очень долго оставались Королем и Королевой Утраченных Эльфов Артанора или Запредельной Земли, — по крайней мере, так сказано здесь.

Много-много лет спустя, как ты знаешь, Мэлько вернулся в мир, бежав из Валинора, и все эльдар — те, что остались во тьме или сбились с пути во время похода от Палисора, а также и те нолдоли, что последовали в мир за ним, стремясь отвоевать утраченное сокровище, стали рабами под его властью. Однако говорится, что многие бежали и скитались в лесах и пустошах, из них же немало диких племен, обитавших в лесных дебрях, объединились под владычеством Тинвэлинта. Самыми многочисленными из них были илькоринди — или, иначе, эльдар, никогда не видевшие Валинора и Двух Древ и не жившие на холме Кор, — существа непостижимые и странные; немногое ведомо им было о свете и красоте, и о музыке, разве что песни тьмы и обрывки колдовских заклинаний, что затихали в лесных чащах или эхом отзывались под сводами глубоких пещер. Иными стали они, когда взошло Солнце, однако еще до того к ним присоединились многие странствующие гномы, немало было среди них и своевольных духов из народа Лориэна, что остались при дворе Тинвэлинта; будучи свитою Гвэндэлинг, они не принадлежали к роду эльдалиэ.

Во времена Солнечного Света и Лунного Сияния Тинвэлинт все еще правил в Артаноре, и ни он, ни большинство его подданных не приняли участия в Битве Бессчетных Слез, хотя в этом предании речь о ней не идет. Однако же после ужасного разгрома власть Тинвэлинта весьма умножилась, ибо те, кому удалось спастись, бежали под его защиту. Волшебство фэй Гвэндэлинг скрывало его обитель от мысли и взора Мэлько; она соткала завесу чар над лесными тропами, чтобы никто не мог пройти по ним беспрепятственно, помимо одних только эльдар; так король оказался защищен от любой опасности, кроме разве предательства. Чертоги его находились в просторной и глубокой пещере, однако то была обитель, поражающая красотой и достойная короля. Пещера эта скрывалась в самой глубине Артанора, крупнейшего из лесов, и река протекала у ее врат, так что никто не мог вступить под своды дворца, иначе как

перебравшись через реку. Берега соединял узкий мост, который бдительно охранялся. В те места не было доступа злу, хотя Железные Горы находились не так уж далеко, а за ними лежал край Хисиломэ, где жили люди, и трудились рабы-нолдоли, и скитались немногие свободные эльдар.

Теперь же я поведаю вам о том, что случилось в чертогах Тинвэлинта, — хотя и после того, как взшло Солнце, но задолго до незабываемой Битвы Бессчетных Слез. Тогда Мэлько не исполнил еще всех своих замыслов и не явил в полной мере мощь свою и жестокость.

Двое детей было у Тинвэлинта, Дайрон и Тинувиэль, Тинувиэль же затмевала красотой всех прочих дев из числа сокрытых эльфов; воистину, немногие из живущих могли сравниться с ней прелестью, ибо мать ее была фэй, дочь богов. А Дайрон был в ту пору сильным и веселым отроком, и более всего на свете любил играть на свирели из тростника либо других инструментах — дарах лесного края; ныне же причисляют его к трем эльфийским музыкантам, чья колдовская власть не имела себе равных; другие же двое — Тинфанг Трель и Иварэ, слагающий напевы у моря. Тинувиэль же находила отраду в танце, и некого сравнить с нею — столь прекрасна и изящна была ее легкая поступь.

Дайрону и Тинувиэль нравилось уходить далеко от пещерного дворца Тинвэлинта, отца их, и вместе проводить долгие часы среди деревьев. Часто Дайрон, усевшись на кочку или древесный корень, слагал мелодию, Тинувиэль же кружилась в танце в лад его напевам, и, когда танцевала она под музыку Дайрона, казалась она более легкой и гибкой, нежели Гвэндэлинг, и более волшебства было в ней, нежели в Тинфанге Треле под луной; столь стремительной и радостной пляски не видывали нигде, кроме как в розовых кущах Валинора, где Нэсса танцует на увядающих зеленых полянах.

Даже по ночам, когда луна сияла бледным светом, они играли и танцевали, не ведая страха, что испытала бы я, ибо власть Тинвэлинта и Гвэндэлинг ограждала леса от зла, и Мэлько до поры не тревожил их, а от людей тот край отделяли холмы.

Больше всего Дайрон и Тинувиэль любили тенистый лесной уголок, где росли вязы, и буки тоже, но не слишком высокие, и несколько каштанов с белыми цветами, почва же была влажной, и густые заросли болиголова в туманной дымке поднимались под деревьями. Как-то раз в июне дети Тинвэлинта играли там, и белые соцветия болиголова казались облаком вокруг стволов деревьев, и Тинувиэль танцевала, пока, наконец, не угас летний вечер. Тогда запорхали белые мотыльки, но Тинувиэль, будучи фэери, не пугалась их, как это в обычае у детей человеческих, хотя

жуков она не любила, а до паука ни за что не дотронется никто из эльдар — из-за Унгвэлиантэ. Теперь же белые мотыльки кружились над головою Тинувиэль, и Дайрон наигрывал причудливую мелодию, как вдруг случилось нечто странное.

Я так и не узнала, как Бэрэну удалось добраться туда через холмы; однако же немногие сравнились бы с ним в храбрости, как ты еще убедишься; может статься, одна лишь тяга к странствиям провела его чрез ужасы Железных Гор в Запредельные Земли.

Бэрэн был гном, сын Эгнора, лесного охотника из сумрачных чащ³ на севере Хисиломэ. Страх и подозрительность разделяли эльдар и родителей их, издевавших рабство у Мэлько, и в том нашли отмщение злые деяния гномов в Гавани Лебедей. Аживые измышления Мэлько передавались из уст в уста в народе Бэрэна, и верили гномы всему дурному о потаенных эльфах; однако теперь увидел Бэрэн в сумерках танцующую Тинувиэль, Тинувиэль же была в серебристо-жемчужных одеждах, и ее босые белые ножки мелькали среди стеблей болиголова. Тогда Бэрэн, не заботясь о том, кто она — вала или эльф, или дитя человеческого, подкрался поближе и прислонился к молодому вязу, что рос на холме, — так, чтобы сверху глядеть на полянку, где Тинувиэль кружилась в танце; ибо чары лишили Бэрэна сил. Столь хрупкой и прекрасной была эльфийская дева, что Бэрэн, наконец, позабыв об осторожности, выступил на открытое место, чтобы лучше видеть ее. В этот миг полная яркая луна вышла из-за ветвей и Дайрон заметил лицо Бэрэна. Тотчас же понял сын Тинвэлинта, что тот — не из их народа, а все лесные эльфы почитали гномов Дор Ломина созданиями вероломными, лживыми и жестокими; потому Дайрон выронил инструмент свой и, восклицая: «Беги, беги, о Тинувиэль, в лесу враг», быстро скрылся за деревьями. Но изумленная Тинувиэль не тотчас же последовала за Дайроном, ибо не сразу поняла слова его, и, зная, что не умеет бегать и прыгать столь же ловко, как ее брат, она вдруг скользнула вниз, в заросли белых болиголов, и затаилась под высоким цветком с раскидистыми листьями; там, в светлых одеждах, она казалась бликом лунного света, мерцающим на земле сквозь листву.

Тогда опечалился Бэрэн, ибо одиноко ему было и огорчил его испуг незнакомцев; повсюду искал он Тинувиэль, думая, что не убежала она. И вдруг, нежданно-негаданно, коснулся он ладонью ее тонкой руки среди листвы; и, вскрикнув, Тинувиэль бросилась от него прочь; стремительно, как только могла, скользила она в бледном свете между древесных стволов и стеблей болиголова, и вокруг них. Нежное прикосновение ее руки

зажгло Бэрэна еще большим желанием отыскать ее; быстро следовал он за нею — однако недостаточно быстро, ибо в конце концов ей удалось ускользнуть. В страхе прибежала Тинувиэль к жилищу своего отца, и еще много дней не танцевала в лесах одна.

Великая скорбь овладела Бэрэном, и не пожелал он покинуть те места, все еще надеясь увидеть вновь, как кружится в танце прекрасная эльфийская дева; много дней скитался он в лесу, дик и одинок, разыскивая Тинувиэль. На рассвете и на закате искал ее Бэрэн, когда же ярко светила луна, надежда возвращалась к нему. Наконец, однажды ночью он заприметил вдалеке отблеск света, и что же! — там, на невысоком безлесом холме, танцевала она в одиночестве, и Дайрона поблизости не было. Часто, очень часто впоследствии приходила туда Тинувиэль и, напевая про себя, кружилась в танце. Порою тут же был и Дайрон — тогда Бэрэн глядел издали, от кромки леса; порою же Дайрон отлучался — тогда Бэрэн подкрадывался поближе. На самом же деле Тинувиэль давно уже знала о его приходах, хотя делала вид, что ни о чем не догадывается; давно оставил ее страх, ибо великая скорбь и тоска читались на лице Бэрэна в лунном свете; и видела она, что нет в нем зла и очарован он ее танцами.

Тогда Бэрэн стал незамеченным следовать за Тинувиэль через лес до самого входа в пещеру, до самого моста; когда же исчезала она под сводами дворца, Бэрэн взывал через поток, тихо повторяя «Тинувиэль», ибо слышал это имя из уст Дайрона; и, хотя не ведал Бэрэн о том, Тинувиэль часто внимала ему, скрываясь под темным сводом, и улыбалась либо тихо смеялась про себя. Наконец, однажды, когда танцевала она в одиночестве, Бэрэн, набравшись храбрости, выступил вперед и молвил ей:

— Тинувиэль, научи меня танцевать.

— Кто ты? — спросила она.

— Бэрэн. Я пришел из-за Холмов Горечи.

— Ну что ж, если так хочешь ты танцевать, следуй за мною, — отвечала дева и, закружившись в танце перед Бэрэном, увлекла его за собой все дальше и дальше в лесную чащу, стремительно — и все же не так быстро, чтобы не мог он следовать за нею; то и дело оглядывалась она и смеялась над его неловкой поступью, говоря:

— Танцуй же, Бэрэн, танцуй! Так, как танцуют за Холмами Горечи!

И вот извилистыми тропами пришли они к обители Тинвэлинта, и Тинувиэль поманила Бэрэна на другой берег, и он, дивясь, последовал за нею в пещеру и подземные чертоги ее дома.

Когда же Бэрэн оказался перед королем, он оробел, а величие Королевы Гвэндэлинг повергло его в благоговейный трепет; и вот, когда король молвил: «Кто ты, незванным явившийся в мои чертоги?», — ничего не смог сказать Бэрэн. Потому Тинувиэль ответила за него, говоря:

— Отец мой, это Бэрэн, странник из-за холмов, он хотел бы научиться

танцевать так же, как эльфы Артанора, — и рассмеялась; но король нахмурился, услышав о том, откуда пришел Бэрэн, и молвил:

— Оставь легкомысленные речи, дитя мое, и ответь, не пытался ли этот неотесанный эльф из земли теней причинить тебе вред?

— Нет, отец, — отозвалась она, — и думается мне, что его сердце не знает зла. Не будь же столь суров с ним, если не хочешь видеть слезы дочери твоей Тинувиэль; ибо никого не знаю я, кто дивился бы моим танцам так, как он.

Тогда молвил Тинвэлинт:

— О Бэрэн, сын нолдои, чего попросишь ты у эльфов леса прежде, чем возвратишься туда, откуда пришел?

Столь велики были радость и изумление Бэрэна, когда Тинувиэль заступилась за него перед отцом, что к нему вновь вернулась отвага, и безрассудная дерзость, что увела его из Хисиломэ за Горы Железа, вновь пробудилась в нем, и, смело глядя на Тинвэлинта, он отвечал:

— Что ж, о король, я прошу дочь твою Тинувиэль, ибо девы прекраснее и нежнее не выдывал я ни во сне, ни наяву.

Молчание воцарилось в зале, и только Дайрон расхохотался; все, слышавшие это, были поражены; но Тинувиэль потупила взор, а король, глядя на оборванного, потрепанного Бэрэна, тоже разразился смехом; Бэрэн же вспыхнул от стыда, и у Тинувиэль от жалости к нему сжалось сердце.

— Что! Жениться на моей Тинувиэль, прекраснейшей деве мира, и сделаться принцем лесных эльфов — невелика просьба для чужестранца, — проговорил Тинвэлинт. — Может статься, и мне позволено будет просить о чем-то взамен? О безделице прошу я, разве что в знак уважения твоего. Принеси мне Сильмариль из Короны Мэлько, и в тот же день Тинувиэль станет твоей женою, буде пожелает.

Тогда все во дворце поняли, что король счел происходящее неуклюжей шуткой и сжалился над гномом, и заулыбались многие, ибо слава Сильмарилей Фэанора в ту пору гремела в мире, нолдои встарь сложили о них легенды, и многие из тех, кому удалось бежать из Ангаманди, видели, как сияют они ослепительным светом в железной короне Мэлько. Никогда не снимал Враг этой короны, и дорожил самоцветами как зеницей ока, и никто в мире, ни эльф, ни человек, ни фэй, не смел надеяться когда-либо коснуться их хоть пальцем — и сохранить жизнь. Об этом ведомо было Бэрэну, и понял он, что означают насмешливые улыбки, и, вспыхнув от гнева, воскликнул:

— И впрямь, ничтожный дар отцу за невесту столь милую! Однако же странными кажутся мне обычаи лесных эльфов, уж очень схожи они с грубыми законами людского племени — называешь ты дар прежде, чем предложить тебе его, но что ж! Я, Бэрэн, охотник нолдои⁴, исполню твою пустячную просьбу, — и с этими словами он стремительно выбежал из залы, в то время

как все застыли, словно пораженные громом, Тинувиэль же вдруг разрыдалась.

— Худо поступил ты, о отец мой, — воскликнула она, — послав его на смерть своею злосчастной шуткой, ибо теперь, сдается мне, он попытается исполнить назначенное, ибо презрение твое лишило его рассудка; и Мэлько убьет его, и никто более не посмотрит на танцы мои с такой любовью.

На это отвечал король:

— Не первым падет он от руки Мэлько, коему доводилось убивать гномов и по более ничтожному поводу. Пусть благодарит судьбу, что не остался здесь, скован ужасными чарами, за то, что посмел незванным явиться в мои чертоги, и за дерзкие свои речи.

Гвэндэлинг же ничего не сказала, и не отчитала Тинувиэль, и не спросила, почему вдруг расплакалась та о неизвестном скитальце.

Ослепленный же яростью Бэрэн, уйдя от Тинвэлинта, углубился далеко в лес и шел, пока не добрался до невысоких холмов и безлесных равнин, отмечающих близость мрачных Железных Гор. Только тогда ощутил он усталость и остановился; после же начались для него испытания еще более тяжкие. Ночи беспроекторного отчаяния выпали ему на долю, и не видел он надежды исполнить задуманное, да надежды почти и не было. Вскоре же, идя вдоль Железных Гор, Бэрэн приблизился к наводящему ужас краю, обиталищу Мэлько, и сильнейший страх охватил его. В той земле водилось немало ядовитых змей, там рыскали волки, однако неизмеримо страшнее были банды гоблинов и орков — гнусных тварей, порождений Мэлько, что бродили по окрестностям, творя зло, преследовали и заманивали в западню зверей, людей и эльфов, и влокли их к своему господину.

Много раз Бэрэна едва не схватили орки; а однажды спасся он от челюстей огромного волка, сразившись со зверем, — из оружия же была при Бэрэне только ясеневая дубина; многие другие испытания и опасности выпадали ему на долю всякий день, пока шел он к Ангаманди. Часто мучили его к тому же голод и жажда, не раз склонялся Бэрэн к тому, чтобы повернуть назад, не будь это почти столь же опасно, как и продолжать путь; но голос Тинувиэль, что просила за него перед Тинвэлинтом, эхом звучал в сердце Бэрэна, а по ночам казалось ему, что сердцем слышит он порою, как она тихо плачет о нем — далеко, в своих родных лесах; и воистину, так оно и было.

Однажды жестокий голод вынудил Бэрэна поискать в покинутом орочьем лагере остатков еды, но орки нежданно возвратились, и захватили его в плен, и пытали его, но не убили, ибо предводитель орков, видя, сколь Бэрэн силен, хотя и изнурен тяготами, подумал, что Мэлько, может статься, доволен будет, если пленника доставят к нему, и назначит ему тяжелый рабский труд в шахтах или кузницах.

Вот так случилось, что пленника приволокли к Мэлько, однако же Бэрэн не терял мужества, ибо в роду его отца верили, что власти Мэлько не суждено длиться вечно, но валар снизойдут, наконец, к слезам ноддоли, и воспрянут, и одолеют, и скуют Мэлько, и вновь откроют Валинор для истомленных эльфов, и великая радость вновь воцарится на земле.

Мэлько же при взгляде на Бэрэна пришел в ярость, вопрошая, с какой это стати гном, раб его по рождению, посмел без приказа уйти столь далеко в лес; Бэрэн же отвечал, что он — не беглый раб, но происходит из рода гномов, живущих в Арьядоре и тесно общающихся там с племенем людей. Тогда Мэлько разгневался еще больше, ибо всегда стремился положить конец дружбе и сношениям между эльфами и людьми, и сказал, что видит, верно, перед собою заговорщика, замышляющего великое предательство против владычества Мэлько и заслуживающего, чтобы балроги подвергли его пыткам. Бэрэн же, понимая, что за опасность ему грозит, отвечал так:

— Не думай, о могущественнейший айну Мэлько, Владыка Мира, что это правда, ибо, будь это так, разве оказался бы я здесь один, без поддержки? Бэрэн, сын Эгнора, не жалуется дружбой род людской; нет же, ему опротивели земли, наводненные этим племенем, затем и покинул он Арьядор. Много дивного рассказывал мне встарь отец о величии твоём и славе, потому, хоть я и не беглый раб, более всего на свете желаю я служить тебе тем немногим, на что способен, — и добавил еще Бэрэн, что он — великий охотник, ставит капканы на мелкого зверя и сети на птиц, и, увлекшись занятием этим, заплутал в холмах, и после долгих странствий добрался до чужих земель; и если бы даже орки не схватили его, он бы об иной защите и не помышлял, кроме как предстать перед великим айну Мэлько и просить Мэлько как о милости принять его на скромную службу — может быть, поставлять дичь для его стола.

Должно быть, валар внушили Бэрэну эти речи, или, может статься, Гвэндэлинг из сострадания наделила его колдовским даром слова, ибо и в самом деле это спасло ему жизнь; Мэлько, видя, сколь крепко сложен тот, поверил Бэрэну и готов был принять его рабом на кухню. Сладкий аромат лести кружил голову этому айну, и, не зирая на всю его неизмеримую мудрость, очень часто ложь тех, кого Мэлько удостаивал лишь презрением, вводила его в заблуждение, если только облечена была в слова сладкоречивых похвал; потому он приказал, чтобы Бэрэн стал рабом Тэвильдо, Князя Котов*. Тэвильдо же был огромным котом, самым

* Ссылка внизу страницы рукописи: *Тифиль (Бридон) Миаугион или Тэвильдо (Вардо) Мэойта*.

могучим из тех, что знал мир, — одержим, как говорили, злым духом, он неотлучно состоял в свите Мэлько. Этот зверь держал в подчинении всех прочих котов; он и его подданные ловили и добывали дичь для стола Мэлько и его частых пиров. Вот почему ненависть между эльфами и кошачьим племенем жива и по сей день, когда Мэлько уже не царит в мире и звери его утратили былую силу и власть.

Потому, когда Бэрэна увели в чертоги Тэвильдо, — а находились они неподалеку от тронного зала Мэлько, — тот весьма испугался, ибо не ожидал такого поворота событий; чертоги эти были тускло освещены, и отовсюду из темноты доносилось урчание и утробное мурлыканье. Кругом горели кошачьи глаза — словно зеленые, красные и желтые огни. Там расселись таны Тэвильдо, помахивая и колотя себя по бокам своими роскошными хвостами; сам же Тэвильдо восседал во главе прочих — огромный, угольно-черный кот устрашающего вида. Глаза его, удлинённые, раскосые, очень узкие, переливались алым и зеленым светом, а пышные серые усы были тверды и остры, словно иглы. Урчание его подобно было рокоту барабанов, а рык — словно гром, когда же он завывал от гнева, кровь стыла в жилах, — и действительно, мелкие зверушки и птицы каменели от страха, а зачастую и падали замертво при одном этом звуке. Тэвильдо же, завидев Бэрэна, сузил глаза, так, что могло показаться, будто они закрыты, и сказал: «Чую пса», и с этой самой минуты невзлюбил Бэрэна. Бэрэн же в бытность свою в родных диких краях души не чаял в собаках.

— Для чего посмели вы, — молвил Тэвильдо, — привести ко мне подобную тварь, — разве что, может статься, на еду?

Но отвечали те, что доставили Бэрэна:

— Нет же, Мэлько повелел, чтобы этот злосчастный эльф влачил свои дни, ловя зверей и птиц под началом у Тэвильдо.

На это Тэвильдо, презрительно взвизгнув, отозвался:

— Тогда воистину господином моим овладел сон, либо мысли его заняты были другим, — как полагаете вы, что пользы в сыне эльдар, что за помощь от него Князю Котов и его танам в поимке зверя и птицы; с тем же успехом могли бы вы привести неуклюжего смертного, ибо не родился еще тот человек или эльф, что мог бы соперничать с нами в охотничьем искусстве.

Однако же Тэвильдо назначил Бэрэну испытание и повелел ему пойти и изловить трех мышей, «ибо чертоги мои кишат ими» — сказал кот. Как легко можно догадаться, это не было правдой, однако мыши там и впрямь водились — дикие, злобные, колдовской породы, они отваживались селиться там в темных норах, — крупнее крыс и крайне свирепые; Тэвильдо держал их забавы ради, для собственного своего развлечения, и следил за тем, чтобы число мышей не убывало.

Три дня охотился за ними Бэрэн, но, поскольку ничего у него не нашлось, из чего бы соорудить ловушку (а он не солгал Мэлько, говоря, что искусен в приспособлениях такого рода), гонялся он попусту и в награду за все труды свои остался только с укушенным пальцем. Тогда Тэвильдо преисполнился презрения и великого гнева, но в ту пору ни он сам, ни таны его не причинили Бэрэну вреда, покорные повелению Мэлько, — пленник отделался только несколькими царапинами. Однако теперь для Бэрэна настали черные дни в чертогах Тэвильдо. Его сделали слугою при кухне; целыми днями он, несчастный, мыл полы и посуду, тер столы, рубил дрова и носил воду. Часто заставляли его вращать вертел, на котором подрумянивались для котов жирные мыши и птица; самому же Бэрэну нечасто доводилось поесть и поспать; теперь выглядел он изможденным и неухоженным и часто думал о том, что лучше бы ему никогда не покидать пределов Хисиломэ и не узреть танцующую Тинувиэль.

После ухода Бэрэна нежная эта дева пролила немало слез, и не танцевала более в лесах, и Дайрон злился, не в силах понять сестру; ей же уже давно отрадно было видеть лицо Бэрэна среди ветвей и прислушиваться к его шагам, когда следовал он за нею через лес, и мечтала она услышать вновь голос его, печально взывающий «Тинувиэль, Тинувиэль» через поток у дверей отцовского дома; и не до танцев ей было теперь, когда Бэрэна услали в мрачные чертоги Мэлько и, может статься, там он уже и погиб. Столь горькие мысли одолели ее наконец, что эта нежнейшая из дев отправилась к матери, ибо к отцу не смела идти она и скрывала от него слезы.

— О матушка моя Гвэндэлинг, — молвила она, — открой мне своим волшебством, если то под силу тебе, что с Бэрэном? Все ли до поры благополучно с ним?

— Нет, — отвечала Гвэндэлинг. — Он жив, это правда, но дни свои влачит в жестокой неволе, и надежда умерла в его сердце; узнай же, он — раб во власти Тэвильдо, Князя Котов.

— Тогда, — молвила Тинувиэль, — я должна поспешить к нему на помощь, ибо никого не знаю я, кто захотел бы помочь ему.

Гвэндэлинг не рассмеялась на это; во многом она была мудра и умела прозревать грядущее, однако даже в безумном сне не могло пригрезиться ничего подобного: чтобы эльф, более того — дева, дочь короля, отправилась бы одна, без поддержки, в чертоги Мэлько — даже в те давние дни, до Битвы Слез, когда мощь Мэлько еще не возросла, и Враг таил до поры свои замыслы и плел хитросплетения лжи. Потому Гвэндэлинг ласково велела ей не вести речи столь безрассудные, но отвечала Тинувиэль на это:

— Тогда ты должна просить отца моего о помощи, чтобы послал он

воинов в Ангаманди и потребовал у айну Мэлько освобождения Бэрэна.

Из любви к дочери Гвэндэлинг так и поступила, и непомерно разгневался Тинвэлинт, засим Тинувиэль горько пожалела, что поведала о своем желании; Тинвэлинт же повелел ей не упоминать и не думать более о Бэрэне и поклялся, что убьет гнома, буде тот еще раз вступит в его чертоги. Долго размышляла Тинувиэль, что бы предпринять ей, и, отправившись к Дайрону, попросила брата помочь ей и, если будет на то его воля, отправиться вместе с нею в Ангаманди; но Дайрон вспоминал о Бэрэне без особой любви и отвечал так:

— Для чего мне подвергать себя самой страшной опасности, какая только есть в мире, из-за лесного скитальца-гнома? Воистину не питаю я к нему любви, ибо он положил конец нашим играм, музыке нашей и танцам.

Более того, Дайрон рассказал королю о просьбе Тинувиэль, и сделал это не из злого умысла, но опасаясь, что Тинувиэль в безумии своем и впрямь отправится на смерть.

Когда же⁵ услышал об этом Тинвэлинт, он призвал Тинувиэль и сказал:

— Почто, о дочь моя, не забыла ты об этом безрассудстве и не стремишься исполнить мою волю?

Не добившись от Тинувиэль ответа, он потребовал от нее обещания не думать более о Бэрэне и не пытаться по неразумию последовать за ним в земли зла, одной ли, или склонив к тому его подданных. Но отвечала Тинувиэль, что первого она обещать не сможет, а второе — только отчасти, ибо не станет она склонять никого из лесного народа следовать за нею.

Тогда отец ее весьма разгневался, но и в гневе немало подивился и испугался, ибо любил он Тинувиэль; и вот что измыслил он, ибо не мог запереть дочь свою навеки в пещерах, куда проникал только тусклый, мерцающий свет. Над воротами его скальных чертогов поднимался крутой, уводящий к реке склон; там росли раскидистые буки. Один из них звался Хирилорн, Королева Дерев — то было огромное и могучее дерево, и ствол его расходился у самого подножия, так что казалось, будто не один, а три ствола вместе поднимаются от земли, округлые и прямые: серебристая кора их гладкостью напоминала шелк, а ветви и сучья начинались только на головокружительных высотах.

И вот Тинвэлинт приказал выстроить на этом диковинном дереве, так высоко, как только можно было взобраться при помощи приставных лестниц, сооруженных мужами, небольшой деревянный домик выше первых ветвей, красиво укрытый завесой листвы. Три угла было в нем, и три окна в каждой стене, и на каждый угол приходилось по одному из стволов бука Хирилорн. Там Тинвэлинт повелел дочери оставаться до тех пор, пока не

согласится она внять голосу разума; когда же Тинувиэль поднялась вверх по длинным приставным лестницам из сосновой древесины, их убрали снизу, так, что вновь спуститься стало невозможно. Все, в чем нуждалась Тинувиэль, доставлялось ей: поднимаясь по приставным лестницам, эльфы подавали ей еду и все, чего бы ни пожелала она; а затем, спустившись, убирали лестницы, и король угрожал смертью любому, кто оставит лестницу прислоненной к стволу, либо тайно попытается поставить ее там под покровом ночи. Потому у подножия дерева выставлена была стража, однако Дайрон часто приходил туда, сокрушаясь о содеянном, ибо одиноко ему было без сестрицы; Тинувиэль же поначалу весьма радовалась своему домику среди листвы и часто выглядывала из окошка, пока Дайрон наигрывал внизу свои самые дивные мелодии.

Но как-то раз ночью Тинувиэль привиделся сон, посланный валар: приснился ей Бэрэн, и сердце девы молвило: «Должна я идти искать того, о ком все позабыли», — и пробудилась она, и луна сияла среди деревьев, и глубоко задумалась Тинувиэль, как бы ускользнуть ей. А Тинувиэль, дочь Гвэндэлинг, как можно себе предположить, не вовсе неискушена была в магии и искусстве заклятий, и после долгих раздумий измыслила она план. На следующий день она попросила тех, кто пришел к ней — не принесут ли они ей прозрачной воды из реки, что текла внизу.

— Но воду, — наставляла она, — следует набрать в полночь в серебряную чашу и принести ко мне, не вымолвив при этом ни слова.

После того пожелала она, чтобы доставили ей вина:

— Но вино, — наставляла она, — следует принести сюда в золотом кувшине в полдень, и несущий должен всю дорогу распевать песни, — и было сделано так, как велела она, Тинвэлинту же об этом не сказали.

Тогда молвила Тинувиэль:

— Ступайте теперь к моей матери и скажите, что дочь ее просит прялку, чтобы коротать за нею долгие дни, — а Дайрона втайне попросила сделать для нее маленький ткацкий станок, и Дайрон сладил его прямо в древесном домике Тинувиэль.

— Но как станешь прясть ты и как станешь ткать? — спросил он, и Тинувиэль отвечала:

— Заклятиями и волшебством, — но Дайрон не знал, что задумала она, и ничего более не сказал ни королю, ни Гвэндэлинг.

И вот, оставшись одна, Тинувиэль взяла воду и вино и, смешивая их, запела волшебную песнь великой силы, и, наполнив золотую чашу, она запела песнь роста, а, перелив зелье в серебряную чашу, она начала новую песнь и вплела в нее названия всего, что отличалось непомерной вышиной и длиной; упомянула она бороды индравангов, хвост Каркараса, тело Глорунда, ствол бука Хирилорн, меч Нана; не забыла она ни цепь Ангайну, что отковали Аулэ и Тулкас, ни шею великана Гилима, последними же

назвала она пряди волос Уинэн, владычицы моря, что пронизывают все воды — ничего нет в целом свете равного им по длине. После того Тинувиэль омыла голову водою и вином, и в это время пела третью песнь, песнь неодолимого сна, — и вот волосы Тинувиэль, темные и более тонкие, нежели нежнейшие нити сумерек, вдруг и впрямь стали стремительно расти и по прошествии двенадцати часов почти заполнили комнатку; тогда весьма пордовалась Тинувиэль и прилегла отдохнуть; когда же пробудилась она, словно бы черный туман затопил спальню, окутав Тинувиэль с головы до ног; и взгляните! — темные пряди ее свешивались из окна и трепетали меж древесных стволов поутру. Тогда Тинувиэль с трудом отыскала свои маленькие ножницы и обрезала длинные локоны у самой головы; и после этого волосы выросли только до прежней длины.

И вот принялась Тинувиэль за труды, и хотя работала она с эльфийским искусством и сноровкой, долго пришлось ей прясть, а ткать — еще дольше; если кто-нибудь приходил и окликал снизу, она отсылала всех, говоря:

— Я в постели и желаю только спать, — и весьма дивился Дайрон, и не раз звал сестрицу, но она не отвечала.

Из этого-то облака волос Тинувиэль соткала одеяние туманной тьмы, вобравшее дремотные чары куда более могущественные, нежели облачение, в котором танцевала ее мать задолго до того, как встало Солнце; это одеяние Тинувиэль набросила на одежды свои мерцающей белизны, и волшебные сны заструились в воздухе вокруг нее; из оставшихся прядей она свила крепкую веревку и привязала ее к стволу дерева внутри своего домика; на том закончились ее труды, и Тинувиэль поглядела из окна на запад от реки. Солнечный свет уже угасал среди деревьев, и, едва в лесу сгустились сумерки, девушка запела негромкую, нежную песнь и, продолжая петь, опустила свои длинные волосы из окна так, чтобы их дремотный туман оведал головы и лица поставленной внизу стражи; они же, внимая голосу, тотчас погрузились в глубокий сон. Тогда Тинувиэль, облаченная в одежды тьмы, легко, как белочка, скользнула вниз по волосяной веревке, танцуя, побежала к реке, и, прежде чем всполошилась стража у моста, она уже закружилась перед ними в танце, и, едва край ее черного одеяния коснулся их, они уснули, и Тинувиэль устремилась прочь так быстро, как только несли ее в танце легкие ножки.

Когда же известие о побеге Тинувиэль достигло слуха Тинвэлинта, великое горе и гнев обуяли короля, весь двор охвачен был волнением, в лесах звенели голоса высланных на поиски, но Тинувиэль была уже далеко и приближалась к мрачным подножиям холмов, где начинаются Горы Ночи; и говорится, что Дайрон, последовав за нею,

заплутал и не вернулся более в Эльфинесс, но отправился к Палисору, и там, в южных лесах и чащах наигрывает⁶ нежные волшебные песни и по сей день, одинок и печален.

Недолго шла Тинувиэль, когда вдруг ужас охватил ее при мысли о том, что осмелилась она содеять и что ожидает ее впереди; тогда на время она повернула вспять и разрыдалась, жалея о том, что нет с нею Дайрона; и говорится, будто в ту пору был он неподалеку и скитался, сбившись с пути, между высоких сосен в Чаще Ночи, где впоследствии Турин по роковой случайности убил Бэлэга⁷. В ту пору Тинувиэль находилась совсем близко от тех мест, но не вступила в темные земли, а, набравшись мужества, поспешила дальше; и благодаря ее волшебной силе и дивным чарам сна, окутавшим ее, опасности, что прежде выпали на долю Бэрэна, беглянку не коснулись; однако же для девы то был долгий, и нелегкий, и утомительный путь.

Надо ли говорить тебе, Эриол, что в те времена только одно досаждало Тэвильдо — а именно род Псов. Многие из них, правда, не были Котам ни друзьями, ни врагами, ибо, признавши власть Мэлько, они отличались той же необузданной жестокостью, как и все его зверье; а из наиболее жестоких и диких Мэлько вывел племя волков, коими весьма дорожил. Разве не огромный серый волк Каркарас Ножеклык, прародитель волков, охранял в те дни врата Ангаманди, будучи уже давно к ним приставлен? Однако нашлось немало и таких, что не пожелали ни покориться Мэлько, ни жить в страхе перед ним; эти псы либо поселились в жилищах людей, охраняя хозяев от немалого зла, что иначе неминуемо постигло бы их, либо скитались в лесах Хисиломэ, или, миновав нагорья, забредали порою в земли Артанора или в те края, что лежали дальше, к югу.

Стоило такому псу заприметить Тэвильдо либо кого-либо из его танов и подданных, тотчас же раздавался оглушительный лай и начиналась знатная охота. Травля редко стоила коту жизни — слишком ловко взбирались они на деревья и слишком искусно прятались, и потому еще, что котов хранила мощь Мэлько, однако между собаками и котами жила непримиримая вражда, и некоторые псы внушали котам великий ужас. Тэвильдо же, который силой мог померяться с любым псом и всех их превосходил ловкостью и проворством, не страшился никого, кроме Хуана, Предводителя Псов. Столь проворен был Хуан, что как-то раз в старину удалось ему запустить зубы в шерсть Тэвильдо, и хотя Тэвильдо отплатил ему за это глубокой раной от огромных своих когтей, однако гордость Князя Котов еще не была удовлетворена, и он жаждал отомстить Хуану из рода Псов.

Потому весьма повезло Тинувиэль, что повстречала она в лесах Хуана, хотя поначалу она испугалась до смерти и обратилась в бегство.

Но Хуан догнал ее в два прыжка и, заговорив низким, негромким голосом на языке Утраченных Эльфов, велел ей забыть о страхе.

— Как это довелось увидеть мне, — молвил пес, — что столь прекрасная эльфийская дева скитается в одиночестве так близко от обители Айну Зла? Или не знаешь ты, маленькая, что эти края опасны, даже если прийти сюда со спутником, а для одинокого странника это — верная смерть?

— Мне ведомо об этом, — отвечала она, — и сюда привела меня не любовь к странствиям; я ищу только Бэрэна.

— Что знаешь ты о Бэрэне? — спросил Хуан. — Воистину ли имеешь ты в виду Бэрэна, сына эльфийского охотника Эгнора бо-Римиона, моего друга с незапамятных времен?

— Нет же, я и не знаю, в самом ли деле мой Бэрэн — друг тебе; я ищу Бэрэна из-за Холмов Горечи; я повстречала его в лесах близ отцовского дома. Теперь он ушел, и матушке моей Гвэндэлинг мудрость подсказывает, что он — раб в жутких чертогах Тэвильдо, Князя Котов; правда ли это или что худшее случилось с ним с тех пор, я не ведаю; я иду искать его — хотя никакого плана у меня нет.

— Тогда я подскажу тебе план, — отвечал Хуан, — но доверься мне, ибо я — Хуан из рода Псов, заклятый враг Тэвильдо. Теперь же отдохни под сенью леса, а я постерегу тебя и поразмыслю хорошенько.

Тинувиэль поступила по его слову и долго проспала под охраной Хуана, ибо очень устала. Пробудившись же наконец, она молвила:

— Ох, я слишком долго задержалась. Ну же, что надумал ты, о Хуан?

И отвечал Хуан:

— Дело это непростое и темное, и вот какой план могу предложить я; другого нет. Прoberись, если отважишься, к обители этого Князя, когда солнце поднимется высоко, а Тэвильдо и большинство его приближенных задремлют на террасах перед воротами. Там узнай как-нибудь, если удастся, вправду ли Бэрэн находится внутри, как сказала тебе мать. Я же буду в лесу неподалеку, и ты доставишь удовольствие мне и добьешься исполнения своего желания, если предстанешь перед Тэвильдо, там ли Бэрэн или нет, и расскажешь ему, как набрела ты на Хуана из рода Псов, что лежит больной в чаще в этом самом месте. Но не указывай ему путь сюда; ты сама должна привести его, если сумеешь. Тогда увидишь, что сделаю я для тебя и для Тэвильдо. Сдается мне, что если принесешь ты такие вести, Тэвильдо не причинит тебе зла в своих чертогах и не попытается задержать тебя там.

Таким образом надеялся Хуан и повредить Тэвильдо, и покончить с ним, если удастся, — и помочь Бэрэну, — ибо его справедливо счел он

тем самым Бэрэном, сыном Эгнора, к которому привязаны были псы Хисиломэ. Услышав же имя Гвэндэлинг и узнав, что встреченная им дева — принцесса лесных фэери, Хуан с охотою готов был оказать ей помощь, а нежная красота девушки тронула сердце Предводителя Псов.

И вот Тинувиэль, набравшись храбрости, пробралась к чертогам Тэвильдо, а Хуан, дивясь ее отваге, следовал за нею сколько мог, — так, чтобы не подставить под угрозу успех своего замысла. В конце концов, однако, Тинувиэль исчезла из виду и, покинув лесную сень, вышла на луг с высокой травой, поросший кустарником там и тут, что полого поднимался вверх, к склону холма. На этом скалистом отроге сияло солнце, но над горами и холмами позади клубилось черное облако, ибо там находилась крепость Ангаманди; и Тинувиэль шла вперед, не осмеливаясь поглядеть в ту сторону, ибо страх терзал ее; девушка поднималась все выше, травы становилось все меньше, и местность делалась все более каменистой; и вот, наконец, Тинувиэль оказалась на утесе, отвесном с одной стороны; там, на скалистом уступе, находился замок Тэвильдо. Ни единой тропы не вело туда, и от того места, где возвышался замок, к лесу ярусами спускались террасы — так, чтобы никто не мог добраться до ворот иначе, как огромными прыжками; а чем ближе к замку, тем круче становились уступы. Немного окон насчитывалось в той обители, а у земли — и вовсе ни одного: даже сами ворота находились над землею, там, где в жилищах людей расположены окна верхнего этажа: а на крыше раскинулось немало широких, ровных, открытых солнцу площадок.

И вот скиталась безутешная Тинувиэль по нижней террасе, в ужасе глядя в сторону темного замка на холме; как вдруг, глядь! — завернув за скалу, она набрела на кота, что в одиночку грелся на солнце и, казалось, дремал. Едва приблизилась Тинувиэль, кот открыл желтый глаз и сощурился на нее; и, поднимаясь и потягиваясь, шагнул к ней и молвил:

— Куда это направляешься ты, крошка, — или не знаешь ты, что преступаешь границу той земли, где греются на солнце его высочество Тэвильдо и его таны?

Весьма испугалась Тинувиэль, но отвечала смело, как смогла, говоря:

— Мне ведомо об этом, повелитель, — и тем немало польстила старому коту, ибо на самом деле он был всего лишь привратником Тэвильдо, — но прошу тебя о милости, проводи меня немедленно к Тэвильдо, даже если спит он, — так сказала она, ибо изумленный привратник хлестнул хвостом в знак отказа.

— Срочные вести великой важности несу я, и сообщить их могу лишь одному Тэвильдо. Отведи меня к нему, повелитель, — взмолилась Тинувиэль, и кот при этом замурыкал столь громко, что девушка осмелилась погладить его безобразную голову, а она была гораздо огромнее, нежели ее собственная; больше, чем у любой собаки, что водятся ныне на земле.

На эти просьбы Умуийан, ибо так его звали, отвечал:

— Тогда идем со мною, — и, подхватив вдруг Тинувиэль за одежды у плеча, он перебросил ее на спину, к великому ужасу девушки, и прыгнул на вторую террасу. Там кот остановился и, пока Тинувиэль кое-как слезала с его спины, сказал:

— Повезло тебе, что нынче повелитель мой Тэвильдо отдыхает на этой нижней террасе, далеко от замка, ибо великая усталость и сонливость овладели мною, потому опасаясь я, не было бы у меня большой охоты нести тебя дальше, — Тинувиэль же облачена была в одежды темного тумана.

Выговорив это, Умуийан* сладко зевнул и потянулся, прежде чем повести гостью по террасе на открытое место, туда, где на широком ложе из нагретых камней покоилась отвратительная фигура самого Тэвильдо, злобные же глаза его были закрыты. Подойдя к нему, привратник Умуийан тихо зашептал коту на ухо, говоря:

— Некая девица ожидает вашей воли, повелитель; важные вести принесла она тебе, и не желает слушать моих отказов.

Тогда Тэвильдо гневно хлестнул хвостом, приоткрыв один глаз.

— В чем дело, говори живее, — отозвался он, — ибо не тот ныне час, чтобы искать встречи с Тэвильдо, Князем Котов.

— Нет же, повелитель, — молвила Тинувиэль, дрожа, — не гневайся, да и не думаю я, что станешь ты гневаться, когда выслушаешь; однако дело таково, что лучше даже шепотом не говорить о нем здесь, где дует ветер, — и она опасливо посмотрела в сторону леса, словно боясь чего-то.

— Нет, убирайся, — отвечал Тэвильдо, — от тебя пахнет псом, а бывало ли когда-нибудь, чтобы кот выслушивал хорошие новости от фэери, что якшается с псами?

— О владыка, неудивительно, что чуешь ты запах пса — только что едва спаслась я от одного такого; уж поверь мне, именно о некоем могучем псе, чье имя тебе хорошо известно, хочу я говорить.

Тогда Тэвильдо уселся и открыл глаза, огляделся, потянулся трижды и, наконец, повелел коту-привратнику доставить Тинувиэль в замок, и Умуийан перебросил ее на спину, как прежде. А Тинувиэль охватил сильнейший ужас, ибо, добившись желаемого, то есть возможности попасть в крепость Тэвильдо, она не представляла, что делать дальше, и не ведала, что станется с нею; если бы могла, она бы бежала прочь; но коты уже начали подниматься по террасам к замку. Один прыжок сделал Умуийан, неся Тинувиэль вверх, и еще один, а на третьем споткнулся —

* Над Умуийан здесь написано имя Гумниов, заключенное в скобки.

так, что Тинувиэль в страхе вскрикнула, и Тэвильдо молвил:

— Что случилось с тобою, неуклюжий ты Умуийан? Пора тебе оставить мою службу, ежели старость столь стремительно подкрадывается к тебе.

Умуийан же отвечивал:

— Нет, повелитель, не знаю, что со мною; туман перед моим взором, и голова тяжела, — и он зашатался, словно пьяный, так, что Тинувиэль соскользнула с его спины, и улегся, словно бы погрузившись в глубокий сон. Тэвильдо же разгневался и, довольно грубо подхватив Тинувиэль, сам донес ее до ворот. Одним огромным прыжком оказался кот внутри и, повелев девушке спуститься, издал пронзительный вой, и жуткое эхо отозвалось в темных переходах и коридорах. Тотчас же поспешили к Тэвильдо его слуги, и одним приказал он спуститься к Умуийану, связать его и сбросить с утесов на северной стороне, где скалы наиболее отвесны:

— Ибо более от него мне нет пользы, — молвил Князь Котов, — от старости он нетвердо держится на ногах, — и Тинувиэль содрогнулась от жестоких слов зверя. Но едва вымолвил это Тэвильдо, как и сам зевнул и споткнулся, словно сонливость внезапно овладела им; и повелел прочим увести Тинувиэль в один из внутренних покоев, туда, где Тэвильдо обычно сиживал за трапезой со своими знатнейшими танами. Там повсюду валялись кости и стоял мерзкий запах; окон там не было, одна лишь дверь; однако люк вел оттуда в просторные кухни, откуда пробивался алый отблеск, слабо освещавший покой.

Столь страшно стало Тинувиэль, когда коты оставили ее там, что минуту стояла она неподвижно, не в состоянии пошевелиться; но очень скоро привыкнув к темноте, она огляделась и заприметила люк с широким наружным уступом, и вспрыгнула на него, ибо высота была небольшой, а эльфийская дева отличалась ловкостью и проворством. Заглянув внутрь, ибо люк был открыт настежь, она разглядела кухни с высокими сводами, и огромные очаги, где пылал огонь, и тех, что изо дня в день трудились там — по большей части то были коты, но, глядь! — у одного из огромных очагов склонился перепачканный сажей Бэрэн; и Тинувиэль сидела и рыдала, но до поры не осмелилась ни на что. А тем временем в зале раздался вдруг резкий голос Тэвильдо:

— Нет, куда, во имя Мэлько, запропастилась эта сумасбродная эльфийка, — и Тинувиэль, заслышав это, прижалась к стене, но Тэвильдо, заприметив ее там, где устроилась она, воскликнул:

— Вот птишка и перестала петь; слезай, или я сам достану тебя; ибо смотри мне, я не позволю эльфам искать встречи со мной смеха ради.

Тогда отчасти в страхе, а отчасти в надежде, что звонкий ее голос донесется даже до Бэрэна, Тинувиэль заговорила вдруг очень громко, рассказывая свою историю так, что эхо зазвенело в залах; но молвил Тэвильдо:

— Тише, милая девушка, если дело это являлось тайной снаружи,

незачем кричать о нем внутри.

Тогда воскликнула Тинувиэль:

— Не говори так со мною, о кот, будь ты даже могущественнейший Владыка Котов, ибо разве я — не Тинувиэль, Принцесса Фэери, что свернула с пути, дабы доставить тебе удовольствие?

При этих словах, — а она прокричала их еще громче, чем прежде, — в кухне послышался страшный грохот, словно внезапно уронили гору металлической и глиняной посуды, и Тэвильдо зарычал:

— Не иначе как опять споткнулся этот бестолковый эльф Бэрэн, избавь меня Мэлько от такого народа, — но Тинувиэль, догадавшись, что Бэрэн услышал ее и сражен изумлением, позабыла о страхах и более не жалела о своей дерзости. Тэвильдо, однако же, весьма разгневался на ее заносчивые слова, и, не будь он расположен сперва узнать, что за пользу сможет извлечь из ее рассказа, плохо пришлось бы Тинувиэль. Воистину с этой самой минуты подвергалась она великой опасности, ибо Мэлько и все его вассалы почитали Тинвэлинта и его народ вне закона, и весьма радовались, если удавалось поймать кого-то из лесных эльфов и в полной мере явить свою жестокость; потому великую милость заслужил бы Тэвильдо, если бы доставил Тинувиэль к своему повелителю. И впрямь, едва назвала она себя, именно так и вознамерился Тэвильдо поступить, как только покончит со своим собственным делом; но воистину рассудок его был усыплен в тот день, и кот забыл подивиться, почему это Тинувиэль устроилась наверху, взобравшись на приступку люка: да и о Бэрэне больше не вспоминал, ибо мысли его заняты были только рассказом Тинувиэль. Потому молвил Тэвильдо, скрывая свой злобный замысел:

— Нет же, госпожа, не гневайся; промедление разжигает мое нетерпение; ну начинай же рассказ, что приготовила ты для моих ушей — ибо я уже насторожил их.

И отвечала Тинувиэль:

— Есть тут огромный зверь, злобный и дикий, по имени Хуан, — при этом имени Тэвильдо выгнул спину, шерсть его поднялась дыбом, по ней пробежали искры, а в глазах вспыхнуло алое пламя.

— И кажется мне неладным, — продолжала девушка, — что такому чудищу дозволено осквернять присутствием своим лес столь близко к обители могущественного Князя Котов, владыки Тэвильдо.

Но Тэвильдо отвечал:

— Не дозволено ему это, и является пес сюда не иначе как украдкой.

— Как бы то ни было, — молвила Тинувиэль, — сейчас он здесь, однако сдается мне, что, наконец, с ним можно покончить; ибо шла я тут через леса и увидела огромного зверя, что, стаяя, лежал на земле, словно сраженный болезнью; и глядь! — то был Хуан, во власти злобных чар либо недуга; и сейчас пребывает он, беспомощный, в долине, менее чем в миле к западу через лес от твоих чертогов. Может быть, и не стала бы я тревожить этим известием твой слух, если бы чудовище, едва приблизилась я, дабы помочь ему, не зарычало на меня и не попыталось укусить; сдается мне, что подобное существо вполне заслуживает своей участи.

Все, что рассказала Тинувиэль, являлось великой ложью, подсказанной ей Хуаном, ибо девы эльдар во лжи не искушены; однако не слышала я, чтобы впоследствии кто-либо из эльдар ставил подобный обман в вину ей либо Бэрэну; не вину и я их, ибо Тэвильдо был злобным зверем, а Мэлько превосходил жестокостью всех живущих на земле; и Тинувиэль, оказавшись в их власти, подвергалась страшной опасности. Тэвильдо, однако, сам опытный и искусный лжец, столь глубоко постиг изворотливость и коварство всех зверей и прочих живых существ, что зачастую не знал, верить ли тому, что слышит, или нет; и склонен был не верить ничему, кроме того, во что поверить хотелось, — так случилось ему бывать обманутым и более правдивыми. Рассказ же о Хуане и его беспомощном состоянии столь порадовал Тэвильдо, что кот не склонен был усомниться в его истинности и твердо вознамерился по крайней мере проверить слова госты; однако поначалу он изобразил безразличие, заявив, что незачем было окружать такой тайной дело столь пустячное; вполне можно было говорить о нем и снаружи, без особых церемоний. На это отвечала Тинувиэль, что не подозревала прежде, будто Тэвильдо, Князь Котов, не ведает о том, насколько тонок слух Хуана: уши пса улавливают самый слабый звук на расстоянии лиги, а уж голос кота различают дальше любого другого звука.

И вот Тэвильдо попытался вывести у Тинувиэль, притворившись, что не верит ее рассказу, где именно находится Хуан, но девушка отвечала уклончиво, видя в том свою единственную надежду ускользнуть из замка; и наконец любопытство одержало верх в Князе Котов, и он, угрожая Тинувиэль всевозможными карами в случае обмана, призвал к себе двух своих танов, одним из которых был Ойкэрой, жестокий и воинственный кот. И вот все трое пустились в путь вместе с Тинувиэль; она же сняла свое волшебное черное облачение и свернула его так, что, невзирая на величину и плотность, оно показалось меньше самого крошечного платка (это она умела); так Тинувиэль доставлена была вниз по террасам на спине Ойкэроя без каких-либо неприятностей и сонливость не овладела котом. И вот, крадучись, двинулись они через лес в том направлении, что выбрала Тинувиэль; и вот уже Тэвильдо чует пса, шерсть у кота встает дыбом, он бьет своим пышным хвостом, и взбирается на высокое дерево, и сверху вглядывается в долину, на которую указала Тинувиэль. Там и в самом деле видит Тэвильдо огромного пса Хуана, что распростерся на земле, стеная и скуля, и, ликуя, поспешно спускается Тэвильдо, и в нетерпении своем вовсе забывает о Тинувиэль, что, весьма испугавшись за Хуана, укрылась в зарослях папоротника. Тэвильдо и два его спутника задумали спуститься в ту долину с разных сторон, и наброситься внезапно на Хуана, застав его врасплох, и убить его; или, если тот совсем обессилен недугом, поразвлечься и помучить его. Так и поступили коты, но, едва прыгнули они на Хуана, пес вскочил

и громко залаял, и челюсти его сомкнулись на хребте кота Ойкэроя у самой шеи, и Ойкэрой испустил дух; второй же тан, завывая, проворно взобрался на вершину раскидистого дерева; так Тэвильдо оказался лицом к лицу с Хуаном. Такая встреча не пришлась по душе Князю Котов; но Хуан бросился на него слишком стремительно, чтобы тот успел удрать; и в долине закипела яростная битва; ужасный шум производил Тэвильдо, но, наконец, Хуан вцепился ему в горло; тут-то кот и распростился бы с жизнью, если бы его когтистая лапа, которой он размахивал вслепую, не угодила Хуану в глаз. Тогда Хуан залаял, и Тэвильдо, гнусно завизжав, с усилием вывернулся, освободился и, последовав примеру своего спутника, вспрыгнул на высокое дерево с гладким стволом, росшее поблизости. И вот, невзирая на серьезную рану, Хуан скачет под деревом, оглушительно дая, а Тэвильдо проклиная его, осыпая сверху злобными словами.

Тогда молвил Хуан:

— Эй, Тэвильдо, вот что скажет тебе Хуан, которого задумал ты поймать и убить, беззащитного, словно одну из тех жалких мышей, на которых привык охотиться, — можешь остаться навсегда на своем одиноком дереве и истечь кровью — или же спускайся вниз и отведай еще раз моих зубов. Но если ни то ни другое не по душе тебе, тогда ответь мне, где Тинувиэль, Принцесса Фэери, и Бэрэн, сын Эгнора, ибо они — мои друзья. Пусть же они послужат твоим выкупом, — хотя это и означает оценить тебя много дороже, нежели ты заслуживаешь.

— Что до проклятой эльфийки, она, дрожа от страха, прячется вон там, в папоротниках, если слух мой не обманывает меня, — отвечал Тэвильдо, — а Бэрэна, сдается мне, изрядно испарал повар мой Миаулэ в кухнях замка за неуклюжесть его час тому назад.

— Пусть же отдадут их мне целыми и невредимыми, — потребовал Хуан, — а ты можешь вернуться в свои чертоги и зализывать раны — никто не причинит тебе вреда.

— Уж будь уверен, тан мой, тот, что здесь, со мною, приведет их к тебе, — откликнулся Тэвильдо, но Хуан зарычал:

— Ага, и приведет к тому же все твоё племя, и полчища орков, и все напасти Мэлько. Нет, я не так глуп, лучше ты дай Тинувиэль какой-либо знак, и она отправится за Бэрэном — или ты останешься здесь, если это тебе не по душе.

Тогда пришлось Тэвильдо сбросить вниз свой золотой ошейник — знак, с которым ни один кот не посмеет обойтись без должного почтения, но отвечал Хуан:

— Нет же, еще одно потребую я от тебя, ибо этот знак заставит весь народ твой всполошиться и отправиться на розыски своего повелителя.

Тэвильдо же именно на это и рассчитывал. Но в конце концов усталость, голод и страх взяли верх над гордыней кота, князя в услужении Мэлько, и он открыл тайну кошачьего рода и заклęcia чар, доверенных ему Мэлько; то были волшебные слова, скрепляющие воедино камни его гнусного замка; при помощи этих чар Тэвильдо подчинял своей воле всех котов и кошек, наделяя

их злобным могуществом превыше того, что отпущено им изначально; ибо давно уже говорилось, что Тэвильдо — злобный фэй в образе зверя. Потому, едва Тэвильдо произнес слова заклятий, Хуан расхохотался так, что в лесах зазвенело эхо, ибо он знал, что владычеству котов настал конец.

И вот Тинувиэль с золотым ошейником Тэвильдо поспешила назад, к самой нижней террасе у врат, и, стоя там, звонким голосом произнесла слова заклятий. И тут же, глядь! — в воздухе раздался кошачий визг, замок Тэвильдо содрогнулся, и оттуда хлынули сонмища его обитателей, что уменьшились до крошечных размеров; и испугались они Тинувиэль; она же, размахивая ошейником Тэвильдо, обратилась к ним, свято веря в силу слов, названных Князем Котов Хуану в ее присутствии; и коты в страхе преклонились перед нею. И молвила она:

— Пусть приведут всех эльфов и детей человеческих, что заключены в этих чертогах, — и глядь! — привели Бэрэна; других же рабов там не было, кроме одного только Гимли, престарелого гнома; в рабстве ослеп он и согнулся его стан, но мир не знал слуха острее, чем у него, как поется во всех песнях. Гимли вышел, опираясь на палку, поддерживаемый Бэрэном; Бэрэн же, изможденный, одетый в лохмотья, в руке сжимал огромный нож, каковой схватил в кухне, опасаясь нового бедствия, едва содрогнулся замок и раздался кошачий визг. Когда же завидел он Тинувиэль, стоящую среди кошачьих полчищ, что отпрянули от нее в страхе, и заметил роскошный ошейник Тэвильдо, Бэрэн⁸, до крайности потрясенный, не знал, что и думать. Тинувиэль же обрадовалась и молвила:

— О Бэрэн из-за Холмов Горечи, не потанцуешь ли теперь со мною — только не здесь?

И она увела Бэрэна, и все коты подняли вой и визг; так что даже Хуан и Тэвильдо в лесу слышали их; но ни один зверь не посмел преследовать Тинувиэль и Бэрэна и не причинил им вреда, ибо котами овладел страх, а чары Мэлько оставили их.

Впрочем, котам пришлось об этом весьма пожалеть, когда Тэвильдо возвратился домой в сопровождении своего дрожащего спутника, ибо гнев Тэвильдо был ужасен: Князь Котов бил хвостом и наносил удары всем стоящим поблизости. Хоть это и покажется безрассудством, пес Хуан, когда Бэрэн и Тинувиэль вернулись в долину, позволил злобному Князю Котов уйти восвояси, не причинив ему вреда; однако пес надел себе на шею великолепный золотой ошейник, и это разозлило Тэвильдо сильнее, нежели все прочее, ибо великая волшебная сила и могущество заключены были в том украшении. Не слишком-то радовался Хуан, сохранив Тэвильдо жизнь, но отныне и впредь не опасался он котов, и все кошачье племя с тех самых пор при виде собак обращается в бегство, и все псы презирают котов с того самого дня, когда Тэвильдо подвергся унижению в лесах близ Ангаманди; Хуан же не свершал

подвига более великого. В самом деле, впоследствии, выслушав рассказ о происшедшем, Мэлько проклял Тэвильдо и его племя и изгнал их; с тех пор нет у них ни повелителя, ни хозяина, ни друга; и голоса их звучат как стон и визг, ибо в сердцах их — горечь одиночества, и тоска утраты, и лишь тьма царит там, и ни проблеска добра.

Однако в то время, о котором идет речь в нашем рассказе, более всего Тэвильдо жаждал захватить Бэрэна и Тинувиэль и убить Хуана, чтобы вновь обрести утраченные чары и волшебную силу, ибо великий страх испытывал кот перед Мэлько и не смел искать помощи своего господина и признаться в своем поражении и в том, что выдал секрет заклятий. Не подозревая о том, Хуан опасался этих мест и весьма страшился, что весть о происшедших событиях достигнет слуха Мэлько — а Мэлько узнавал почти обо всем, что случалось в мире; потому Тинувиэль и Бэрэн вместе с Хуаном ушли далеко прочь и весьма сдружились с ним, и, живя в лесу, Бэрэн вновь обрел силы, и забыл о рабстве, и Тинувиэль полюбила его.

Однако жизнь одинокая, суровая и дикая стала их уделом, ибо не видели они лица ни эльфа, ни человека, и Тинувиэль с течением времени сильно затосковала по матери своей Гвэндэлинг и нежным волшебным песням, что пела та своим детям, когда в лесной чаще у древних чертогов сгущались сумерки. Нередко Тинувиэль мнилось, будто на светлых полянах⁹, где жили скитальцы, она слышит флейту своего брата Дайрона, и тяжело становилось у нее на сердце. Наконец, сказала она Бэрэну и Хуану:

— Я должна вернуться домой, — и душа Бэрэна омрачилась тоскою, ибо ему полюбилась жизнь в лесу среди псов (к тому времени многие другие присоединились к Хуану), но только чтобы Тинувиэль была рядом.

Однако же отвечал он:

— Никогда не смогу я возвратиться с тобою в земли Артанора, — не смогу я и после прийти повидаться с тобою, милая Тинувиэль, иначе как с Сильмарилем; но этого теперь не дано мне свершить, ибо разве не бежал я из чертогов Мэлько, разве не подвергаюсь самой жестокой опасности, если кто-либо из его прислужников выследит меня?

Так сказал Бэрэн, скорбя сердцем при мысли о разлуке с Тинувиэль: ее же душа разрывалась надвое: невыносимой казалась ей мысль о том, чтобы покинуть Бэрэна, но и вечно жить вот так, в изгнании, казалось невозможным. Потому долго молчала она, погруженная в печальные мысли, Бэрэн же, сидевший рядом, наконец, сказал:

— Тинувиэль, одно только остается нам — пойдем же добудем Сильмариль, — и тогда Тинувиэль обратилась к Хуану и просила его помощи и совета; пес выслушал ее весьма угрюмо и счел эту затею полным безрассудством. Однако, в конце концов, Тинувиэль выпросила у него шкуру Ойкэроя, убитого псом в поединке на поляне; Ойкэрой же был весьма могучим котом; и Хуан унес эту шкуру с собой в качестве трофея.

И вот Тинувиэль призывает на помощь все свое искусство и волшебство фэери, и зашивает на Бэрэне эту шкуру, и придает Бэрэну обличие огромного кота; и учит его, как следует сидеть и вытягиваться на земле, ступать, и скакать, и бегать по-кошачьи, пока, наконец, при виде этого у Хуана не начала вставать дыбом шерсть, чему немало смеялись Бэрэн и Тинувиэль. Однако так и не научился Бэрэн визжать, завывать и мурлыкать подобно любому из живущих на земле котов, и не удалось Тинувиэль пробудить свет в мертвых глазницах кошачьей шкуры:

— Но придется нам с этим примириться, — сказала она, — да и выглядишь ты, как кот весьма благородный, если только попридержишь язык.

Тогда Бэрэн и Тинувиэль распрощались с Хуаном и отправились в чертоги Мэлько, не слишком утомляя себя путешествием, ибо Бэрэну было крайне неудобно и жарко в пушистой шкуре Ойкэроя; а на душе у Тинувиэль давно уже не бывало так весело, и она гладила Бэрэна, либо дергала его за хвост, а Бэрэн злился, потому что не получалось у него хлестнуть в ответ хвостом так яростно, как бы ему того хотелось. Наконец, однако, приблизились они к Ангаманди, как подсказали им грохот и подземный гул, и звон могучих молотов десяти тысяч кузнецов, ни на минуту не прекращающих своей работы. Уже недалеко были чертоги скорби, где рабы-нолдоли трудились, изнемогая, под присмотром орков и горных гоблинов; столь непроглядная тьма и мрак царили там, что сердца путников дрогнули, Тинувиэль же вновь облачилась в темные одежды непробудного сна. Отвратительные врата Ангаманди сработаны были из железа, утыканы ножами и шипами, а перед ними разлегся огромный из волков, что когда-либо рождались на свет, сам Каркарас Ножеклык, не знающий сна; и Каркарас зарычал при приближении Тинувиэль, на кота же не обратил особого внимания, ибо котов почти не принимал в расчет: они постоянно шныряли туда-сюда.

— Не рычи, о Каркарас, — молвила Тинувиэль, — ибо иду я повидать владыку Мэлько, а свитой мне этот тан Тэвильдо.

Темное одеяние скрывало ее сверкающую красоту, и Каркарас не особенно встревожился, однако же приблизился по обыкновению своему, дабы принюхаться к ней: а дивное благоухание эльдар одежды скрыть не могли. Потому тотчас же закружилась Тинувиэль в волшебном танце и встряхнула перед его взором темными складками своего покрывала, так, что лапы волка подкосились, сонливость овладела им, он повалился набок и уснул. Но Тинувиэль не останавливалась до тех пор, пока зверь не погрузился в глубокий сон и не пригрезился ему славные охоты в лесах Хисиломэ, когда он был еще волчонком; только тогда Бэрэн и Тинувиэль вступили под сень черных врат и, пройдя вниз по извилям бесконечных, одетых во мрак переходов, предстали, наконец, перед лицом самого Мэлько.

Во мраке Бэрэн вполне сносно сошел за самого что ни на есть настоящего

тана Тэвильдо, Ойкэрой же прежде часто бывал в чертогах Мэлько, потому никто не обратил на него внимания; и он незамеченным прокрался под самый трон айну, однако гадюки и злые твари, устроившиеся там, повергли Бэрэна в великий страх, так, что он не смел пошевелиться.

Все сложилось на редкость удачно, ибо будь с Мэлько Тэвильдо, обман неминуемо бы раскрылся — об этой опасности Бэрэн и Тинувиэль задумывались, не ведая, что Тэвильдо укрылся ныне в своих чертогах, не зная, как быть, если о поражении его прознают в Ангаманди; но гляды! — Мэлько замечает Тинувиэль и молвит:

— Кто ты, порхающая в моих чертогах, словно летучая мышь? Как вошла ты сюда, ибо воистину чужая ты здесь?

— Пока что чужая, — отвечает Тинувиэль, — хотя после, может статься, все изменится по милости твоей, владыка Мэлько. Или не знаешь ты, что я — Тинувиэль, дочь Тинвэлинта, объявленного вне закона; он прогнал меня из своих чертогов, ибо он — властный эльф, а я не дарю любовь свою по его приказу.

Воистину подивился Мэлько, что дочь Тинвэлинта сама, по доброй воле, явилась в его обитель, жуткую крепость Ангаманди; и, заподозрив неладное, спросил, чего желает она:

— Ибо разве не знаешь ты, — молвил он, — что не жалуют здесь ни отца твоего, ни его родню; и напрасно дожидалась бы ты от меня слов милости и доброго приветов.

— Так и отец мой говорил, — отвечала Тинувиэль, — но с какой стати мне верить ему? Взгляни: великое искусство танца дано мне, и я бы хотела танцевать теперь перед тобою, повелитель, ибо тогда, сдастся мне, охотно отвел бы ты мне какой-нибудь жалкий угол в своих чертогах, где бы я и ютилась до тех пор, пока не придет тебе в голову призвать к себе маленькую танцовщицу Тинувиэль, дабы облегчить бремя своих забот.

— Нет, — отвечал Мэлько, — такие развлечения не по душе мне, но, ежели проделала ты путь столь далекий, чтобы потанцевать, — так танцуй, а после поглядим, — и с этими словами он воззрился на нее с отвратительным вождением, ибо в темной его душе зародился злобный замысел.

Тогда Тинувиэль закурилась в танце, подобного которому ни она, ни другой лесной дух, фэй или эльф не танцевали ни встарь, ни впредь; и через некоторое время даже пристальный взгляд Мэлько преисполнился изумления. Она скользила по залу, стремительно, как ласточка, бесшумно, как летучая мышь, волшебной-прекрасная, как одна только Тинувиэль; то оказывалась она подле Мэлько, то перед ним, то позади, и туманные ее одежды оведали его лик и трепетали перед его взором; и всеми, кто стоял в том зале либо примостился у стен, одним за одним овладевала дрема, крепко засыпали они и видели во сне все то, к чему стремились злые их сердца.

Под треном каменными изваяниями застыли гадюки, волки у ног

Мэлько зевнули и задремали; замороженный, Мэлько не сводил глаз с плясуньи — но засыпать и не думал. Тогда Тинувиэль еще стремительнее закружилась в танце перед его взором и, танцуя, запела негромким голосом чарующую песнь, которой научила ее Гвэндэлинг давным-давно, — песнь, что певали юноши и девы под кипарисами в садах Лориэна, когда Златое Древо угасало и мерцал Сильпион. Голоса соловьев звучали в ней, и тонкие неуловимые ароматы словно бы повеяли в воздухе жуткого зала, в то время как Тинувиэль скользила по плитам пола, легко, как перышко на ветру; с тех пор не видывали там столь дивной красоты и не слыхивали столь дивного голоса; и айну Мэлько, невзирая на всю свою силу и мощь, оказался побежден волшебством эльфийской девы; воистину, сон смежил бы даже веки Лориэна, окажись он там. Тогда-то Мэлько пал, усыпленный, и погрузился, наконец, в глубокую дрему, и сполз с трона на пол, и железная его корона откатилась в сторону.

И вдруг смолкла Тинувиэль. В зале не слышно было ни звука, помимо сонного дыхания; даже Бэрэн задремал под самым троном Мэлько; но Тинувиэль встряхнула своего спутника, и тот, наконец, пробудился. Тогда, трепеща от страха, он разорвал свое облачение и, освободившись от шкуры, вскочил на ноги. И вот извлекает Бэрэн нож, каковой позаимствовал в кухнях Тэвильдо, и хватает тяжелую железную корону; но Тинувиэль не смогла сдвинуть ее с места, и силы мускулов Бэрэна едва достало, чтобы повернуть ее. Рассудок их мутится от страха, пока в темном этом чертоге погруженного в сон зла Бэрэн старается, производя как можно менее шума, добыть Сильмариль при помощи своего ножа. И вот Бэрэн высвобождает чудесный камень из середины; пот льется у него со лба; но едва извлекает он Сильмариль из короны, вот, нож его ломается с громким треском.

Тинувиэль едва не вскрикнула; Бэрэн же отпрянул в сторону с Сильмарилем в руке; задремавшие спокойно ворочаются, и Мэлько издает стон, словно зловещие мысли потревожили его грезы; и мрачная гримаса искажает лик спящего. Удовольствовавшись одним сверкающим самоцветом, Бэрэн и Тинувиэль обратились в паническое бегство; спотыкаясь, наугад спешили они в темноте по бесчисленным переходам, пока по тусклому отблеску света не поняли, что ворота уже близко, — и глядь! — на пороге разлегся Каркарас, снова бодрствующий и настороженный.

Тотчас же Бэрэн заслонил собою Тинувиэль, хотя она и велела ему не делать этого; и это обернулось в итоге бедою, ибо Тинувиэль не успела вновь усыпить зверя чарами сна: завидев Бэрэна, волк оскалил зубы и злобно заворчал.

— Откуда эта грубость, Каркарас? — молвила Тинувиэль.

— Откуда этот гном¹⁰, который не входил сюда, теперь же, однако, спешит наружу? — отозвался Ножеклык и с этими словами прыгнул на

Бэрэна, а тот ударил волка прямо между глаз, другой рукою добираясь до его горла.

Тогда Каркарас сжал руку Бэрэна в своих жутких челюстях — ту самую руку, в которой Бэрэн держал сияющий Сильмариль; и Каркарас откусил руку вместе с камнем, и алая утроба поглотила их. Велика была мука Бэрэна, и страх и тоска Тинувиэль; хотя, как только они уже готовы были ощутить на себе волчьи зубы, случается нечто странное и ужасное. Узнайте же, что Сильмариль сияет белым потаенным пламенем, рожденным в глубине его, и заключает в себе неодолимые, священные чары — ибо разве не из Валинора этот камень, не из благословенных королевств, разве не был он создан волшебством богов и гномов прежде, чем зло пришло в те края, и не выносит он прикосновения злобной плоти или нечистой руки. И вот оказывается камень в гнусной утробе Каркараса, и тотчас же зверя начинает сжигать страшная боль; и вой его, исполненный муки, что эхом отозвался в скалах, ужасен для слуха; так, что просыпается весь уснувший в стенах крепости двор. Тогда Тинувиэль и Бэрэн бросаются от ворот прочь, стремительно, как ветер, однако обезумевший Каркарас далеко обогнал их, беснуясь, словно зверь, преследуемый балрогами; после же, когда беглецы смогли перевести дух, Тинувиэль разрыдалась над покалеченной рукою Бэрэна и осыпала ее бесчисленными поцелуями: потому, глядь! — кровь унялась и боль стихла, и нежная любовь Тинувиэль исцелила рану; однако впоследствии Бэрэна все называли Эрмабвэд Однорукий, что на языке Одиногого Острова звучит как Эльмавойтэ.

Теперь, однако, им пришлось задуматься о спасении — если позволит судьба; и Тинувиэль набросила часть своего темного плаща на Бэрэна, и так, скользя в сумерках и во мраке среди холмов, они какое-то время оставались незамеченными, хотя Мэлько выслал против беглецов всех своих ужасных орков; эльфы доселе не видели ярости более неистовой, нежели та, что обуяла его из-за похищения Сильмария.

И однако же вскоре показалось им, что сеть преследователей смыкается вокруг них все теснее, и хотя беглецы уже достигли границы знакомых лесов и миновали мрачную чащу Таурфуин, однако еще немало лиг, полных опасностей, отделяли их от пещер короля, и даже если бы добрались они туда, похоже было на то, что они только привели бы за собою погоню и навлекли ненависть Мэлько на весь лесной народ. Преследователи же подняли столь громкий крик и шум, что Хуан издалека слышал их и весьма подивился дерзости этой пары, а более всего — тому, что им удалось ускользнуть из Ангаманди.

И вот отправляется он со сворой псов через леса, преследуя орков

и танов Тэвильдо; много ран получил он сам, многих убил, напугал или обратил в бегство, пока, как-то вечером, валар не привели его на поляну в той северной части Артанора, что после названа была Нан Думгортин, земля темных идолов, но не об этом наша повесть. Однако даже тогда то был зловещий край, темный и мрачный, и ужас таился под сенью его угрюмых деревьев — не меньший, чем в Таурфуин; и наши эльфы, Тинувиэль и Бэрэн, укрылись там — измученные, утратившие надежду, и Тинувиэль рыдала, Бэрэн же вертел в руке нож.

Едва Хуан увидел их, он не позволил им вымолвить ни слова, либо рассказать что-либо о своих приключениях, но тотчас же посадил Тинувиэль на свою могучую спину и повелел Бэрэну бежать рядом изо всех сил:

— Ибо, — молвил он, — сюда быстро приближается огромный отряд орков, и волки — разведчики и охотники при них.

Свора Хуана бежит рядом; стремительно мчатся они вперед по тайным тропам напрямик к далекой обители народа Тинвэлинта. Так беглецы ускользнули от вражеских полчищ, однако после не раз встречались им на пути рыскающие злобные твари, и Бэрэн убил орка, каковой едва не утащил Тинувиэль; то было достойное деяние. Видя, что погоня по-прежнему следует за ними по пятам, Хуан вновь повел беглецов извилистыми тропами, ибо не смел до поры доставить их прямо в землю лесных фэери. Столь ловко прокладывал он путь, что, наконец, спустя много дней, погоня далеко отстала и более никаких отрядов орков не видели и не слышали они; гоблины больше не подстерегали их, а в ночном воздухе не раздавался вой свирепых волков; быть может, потому, что уже вступили они в пределы круга чар Гвэндэлинг, чар, что хранили тропы от злобных тварей и ограждали от зла земли лесных эльфов.

Тогда Тинувиэль вновь вздохнула свободно — в первый раз с тех пор, как бежала она из чертогов своего отца; и Бэрэн отдыхал на солнце от мрака Ангбанда до тех пор, пока вся горечь рабства не оставила его. Вновь забыли беглецы о страхе, ибо свет струился сквозь зеленую листву, и шептались свежие ветра, и пели птицы.

Однако наступил, наконец, день, когда, пробудившись от глубокого сна, Бэрэн вскочил, словно отрешившись от счастливых грез, внезапно пришедших на ум, и молвил:

— Прощай, о Хуан, самый верный из друзей, и ты, маленькая Тинувиэль, любимая моя, прощай. Об одном только молю я тебя — отправляйся теперь под защиту своего дома, пусть славный Хуан ответит тебя.

А я — увы! — должен укрыться в уединении лесных чащ, ибо утратил я добытый Сильмариль и никогда не осмелюсь еще раз приблизиться к Ангаманди, потому вход в чертоги Тинвэлинта закрыт для меня.

Тогда Бэрэн заплакал про себя, но Тинувиэль, что была рядом и слышала его сетования, приблизилась к Бэрэну и молвила:

— Нет, теперь изменилось мое сердце¹¹, и если ты поселишься в лесах, о Бэрэн Эрмаввэд, тогда и я сделаю то же; а если ты станешь скитаться в глуши, и я приму жизнь скитаний — с тобою ли, или вслед за тобою: однако отцу моему не видеть меня вновь, если ты сам не ответишь меня к нему.

Тогда воистину обрадовался Бэрэн ее нежным словам, с охотою поселился бы он с нею охотником в глуши, но сердце его сжалось при мысли о том, сколько выстрадала она из-за него, и ради Тинувиэль Бэрэн забыл о своей гордости. Тинувиэль же увещевала его, говоря, что подобное упрямство — чистое безумие и что отец ее встретит беглецов не иначе, как с ликованием, радуясь, что вновь видит дочь живую и невредимую.

— Может статься, — молвила Тинувиэль, — он устыдится, что шутка его обрекла твою прекрасную руку челюстям Каркараса.

Долго уговаривала она Хуана вернуться с ними, ибо «отец мой должен тебе великую награду, о Хуан, — молвит она, — если хоть сколько-нибудь любит свою дочь».

Вот так случилось, что все трое вновь отправились в путь и возвратились, наконец, к лесам, что знала и любила Тинувиэль, к поселениям ее народа и глубинным чертогам ее дома. Однако еще приближаясь к ним, они застали лесной народ в таком страхе и смятении, в каком эльфы не бывали издавна; и, расспрашивая рыдающих у дверей, скитальцы узнали, что с того самого дня, как Тинувиэль бежала втайне, несчастья не оставляли их. Знайте, король был вне себя от горя; позабыв об осторожности и осмотрительности, воинов своих разослал он туда и сюда, далеко в опасные леса, на поиски девы, и многие погибли либо сгинули. Вдоль всех северных и восточных границ шла война с прислужниками Мэлько, так, что народ весьма опасался, что этот айну двинет в ход всю свою силу и сокрушит их; и волшебство Гвэндэлинг не могло сдержать орочьих полчищ.

— Узнайте же, — говорили эльфы, — теперь случилось самое худшее, ибо Королева Гвэндэлинг давно пребывает в равнодушии ко всему; молча и отрешенно, не улыбаясь, глядит она словно бы вдаль измученным взором, и истончилась завеса чар ее, ограждающая лес, и чащи ныне унылы, ибо Дайрон не возвращается, и музыка его не слышна более среди полян. А вот что венчает все злключения наши: узнайте же, что ринулся на нас в неистовстве своем из чертогов Зла огромный серый волк, одержимый злобным духом, и мчится он, не разбирая путей,

словно подгоняет его скрытое безумие; и нет от зверя спасения. Уже многих убил он, мчась напропалую через леса, лязгая зубами и завывая, так, что даже берега реки, протекающей у королевских чертогов, ныне стали средоточием опасности. Часто приходит туда жуткий волк испить воды — волк, похожий на самого злого Князя, с налитыми кровью глазами и высунутым языком, и не может утолить он своей жажды, словно пламя сжигает его изнутри.

Тогда Тинувиэль преисполнилась скорби при мысли о несчастьях, постигших ее народ, более же всего опечалил ее сердце рассказ о Дайроне, ибо прежде до нее не доходило никаких слухов о его судьбе. Однако не могла она и сожалеть о том, что Бэрэн пришел некогда в земли Артанора; вместе поспешили они к Тинвэлинту; и вот уже показалось лесным эльфам, что злоключениям настал конец, — теперь, когда Тинувиэль возвратилась к ним невредимая. Воистину, на это они едва смели надеяться.

В весьма мрачном состоянии духа находят они короля Тинвэлинта, однако горе его вдруг тает счастливыми слезами, и Гвэндэлинг вновь поет от радости, едва Тинувиэль вступает в зал и, отбросив свое одеяние темного тумана, предстает перед ними в жемчужном сиянии, словно встарь. Некоторое время в зале царят веселье и изумление, однако же наконец король обращает взор к Бэрэну и молвит:

— Итак, и ты тоже возвратился — с Сильмарилем, вне всякого сомнения, во искупление всего того зла, что причинил ты моей земле; ибо, если это не так, не знаю, зачем ты здесь.

Тогда Тинувиэль топнула ножкой и закричала так, что король и все его приближенные подивились новому для нее бесстрашию:

— Стыдись, отец мой, — взгляни, вот отважный Бэрэн, которого шутка твоя завела в края тьмы и гнусное рабство, и только валар спасли Бэрэна от жестокой смерти. Сдается мне, королю эльдар более пристало вознаградить его, нежели порочить.

— Нет, — отвечал Бэрэн, — король и отец твой в своем праве. Владыка, — молвил он, — даже сейчас рука моя сжимает Сильмариль.

— Так покажи, — в изумлении произнес король.

— Не могу, — отвечал Бэрэн, — ибо кисти моей нет здесь, — и вытянул свою изувеченную руку.

Столь мужественно и учтиво держался Бэрэн, что сердце короля склонилось к нему; и повелел Тинвэлинт Бэрэну и Тинувиэль поведать ему обо всем, что случилось с каждым, и с нетерпением предвкушал рассказ, ибо не вполне понял, что подразумевают слова Бэрэна. Когда же, однако, король услышал обо всем, сердце его еще более склонилось к Бэрэну, и подивился он любви, что пробудилась в сердце

Тинувиэль, так, что свершила она деяния большей доблести и дерзости, нежели подвластные ему войны.

— Никогда более, — молвил король, — о Бэрэн, молю тебя, не покидай двора моего и Тинувиэль, ибо ты — великий эльф, и имя твое прославлено будет среди родов эльфов.

Однако Бэрэн гордо отвечал ему, говоря так:

— Нет, о Король, я держусь слова своего и твоего, и добуду тебе этот Сильмариль прежде, чем мирно поселюсь в твоих чертогах.

Король принялся убеждать его отказаться от скитаний в неведомых землях, укрытых мраком, но Бэрэн отвечал:

— Нет в том нужды, ибо узнай: камень этот даже теперь находится близ пещер твоих, — и объяснил Тинвэлинту, что зверь, разоривший его землю, есть не кто иной, как Каркарас, волк-страж врат Мэлько; не всем ведомо было это, однако Бэрэн знал о том благодаря Хуану, который лучше всех гончих умел читать и брать след, а все псы в том весьма искусны. Хуан же в ту пору оставался в чертогах вместе с Бэрэном; когда же эти двое завели разговор о преследовании и великой охоте, пес взмолился, чтобы и ему позволили участвовать в славном деянии, и охотно исполнена была его просьба. И вот эти трое готовятся к травле зверя, чтобы избавить весь народ от чудовищного волка, и чтобы Бэрэн смог сдержать свое слово и добыть Сильмариль, и вновь засиял бы камень в Эльфинессе. Сам король Тинвэлинт возглавил охоту; с ним рядом встал Бэрэн; и Маблунг Тяжелорукий, главный тан короля, вскочил и схватил копье¹² — могучее оружие, добытое в битве с орками дальних земель; и с ними тремя гордо выступал Хуан, самый могучий из псов; никого более не взяли они с собою, ибо таково было желание короля, объявившего «четырех довольно, чтобы убить волка, будь он хоть порождением Преисподней», однако только видевшие зверя своими глазами знали, сколь чудовищен он видом, ростом почти что с коня; столь жарким было дыхание его, что испепеляло все вокруг. Перед самым рассветом выступили они, и очень скоро Хуан приметил новый след у потока, неподалеку от королевских врат.

— И это, — молвил пес, — отпечаток лапы Каркараса.

После того охотники шли по течению весь день, и во многих местах берега реки были истоптаны и изрыты, а воды заводей осквернены, словно охваченные безумием звери дрались там и катались незадолго до того.

И вот опускается солнце, и угасает за деревьями на западе, и тьма крадется с Хисиломэ, так, что свет леса меркнет. Тогда-то подходят они к месту, где след сворачивает от ручья или, может статься, теряется в воде, и Хуан не в состоянии более идти по нему; поэтому там охотники располагаются лагерем и засыпают по очереди у ручья, и близится к концу короткая ночь.

Вдруг, в то время как Бэрэн стоял на страже, вдалеке раздался наводящий смертный ужас звук — вой словно бы семидесяти обезумевших волков, и вот — трещит кустарник, ломаются молодые деревья, в то время как ужас надвигается ближе и ближе, и понимает Бэрэн, что Каркарас уже рядом. Едва успел Бэрэн разбудить остальных, едва вскочили они, полусонные, как в колеблющемся лунном свете, проникающем сквозь листву, воздвиглась огромная фигура; зверь мчался, словно обезумев, и путь его лежал к воде. Тогда залаял Хуан, и волк тотчас же свернул в сторону, к ним, и пена капала с его клыков, и алый свет горел в глазах, и морду его исказили ужас и ярость. Едва волк появился из-за деревьев, как бесстрашный сердцем Хуан кинулся на него, но тот гигантским прыжком перескочил прямо через могучего пса, ибо вся ярость волка обратилась в тот миг на Бэрэна, стоящего позади: Каркарас узнал его, и затемненному разуму зверя показалось, что тот — причина всех его мук. Тогда Бэрэн, не мешкая, направил удар копья вверх, в горло зверя, и Хуан прыгнул еще раз, вцепившись в заднюю ногу волка, и Каркарас упал как подкошенный, ибо в этот самый миг копьё короля вонзилось ему в сердце, и злобный дух его покинул свою оболочку, и, тихо завывая, умчался прочь, за темные горы, к Мандосу; Бэрэн же остался лежать, придавленный тяжестью зверя. И вот охотники сдвигают труп волка и взрезают его брюхо, Хуан же лижет лицо Бэрэна, залитое кровью. Очень скоро подтверждается истина слов Бэрэна, ибо внутренности волка наполовину сожжены, словно скрытое пламя долго тлело там, и вдруг, едва Маблунг¹³ извлекает Сильмариль, ночь озаряет дивное сияние, переливающееся светлыми, потаенными оттенками. Тогда, держа камень в вытянутой руке, молвил Маблунг:

— Взгляни, о Король¹⁴, — но отозвался Тинвэлинт:

— Нет же, я возьму камень, только если сам Бэрэн вручит его мне.

Но Хуан отвечал:

— Похоже, что никогда тому не бывать, если не позаботитесь вы о нем поскорее, ибо сдается мне, что Бэрэн опасно ранен, — и Маблунг и король устыдились.

И вот они бережно подняли Бэрэна, и принялись ухаживать за ним, и омыли его раны, и он вздохнул, но не произнес ни слова и не открыл глаз; и когда взошло солнце, и охотники отдохнули немного, они понесли его назад через чащу — осторожно, как могли, на носилках из ветвей; и к полудню добрались до поселений лесного народа; смертельно устали они к тому времени, Бэрэн же так и не пошевелился и не заговорил, но трижды стонал.

Едва разнесся слух об их приближении, весь народ сбежался им на встречу: многие принесли им еды и прохладного питья, и бальзам, и целебные снадобья от ран, и, если бы не несчастье с Бэрэном, велика была

бы радость эльфов. И вот эльфы укрыли мягкими одеждами ветки с листьями, на которых покоился Бэрэн, и унесли его к чертогам короля, где в великом горе дожидалась их Тинувиэль; она бросилась на грудь Бэрэна и зарыдала, целуя его, и он очнулся и узнал ее; тогда Маблунг отдал ему Сильмариль, и тот высоко поднял его, любуясь красотой камня, прежде чем проговорил — медленно и с болью:

— Взгляни, о Король, я вручаю тебе дивный камень, что пожелал ты, но это всего лишь незначущий пустяк, найденный у обочины, ибо некогда, сдается мне, тебе принадлежала та, что прекраснее всех помыслов, теперь же она моя.

Однако едва вымолвил это Бэрэн, тень Мандоса пала на его лицо, и дух его отлетел в тот час к краю мира, и нежные поцелуи Тинувиэль не призывали его назад.

Тогда Вэаннэ вдруг смолкла, и сказал опечаленный Эриол:

— Скорбная эта повесть для уст девы столь милой, — но, глядь, Вэаннэ разрыдалась и не скоро смогла выговорить:

— Нет же, предание не кончается на этом, но это все, что я знаю в точности.

Тогда заговорили и другие дети, и один сказал:

— Вот я слышал, что волшебством нежных поцелуев Тинувиэль исцелила Бэрэна, и призвала его дух от врат Мандоса, и долгое время жил Бэрэн среди Утраченных Эльфов, бродя по полянам рука об руку с милой Тинувиэль.

Но другое дитя молвило:

— Нет же, все было не так, о Аусир; если ты послушаешь, я расскажу повесть столь же чудесную, сколь и правдивую; ибо Бэрэн и в самом деле умер на руках у Тинувиэль, как сказала Вэаннэ, и Тинувиэль, сложенная горем и не видя более в мире ни утешения, ни света, не мешкая, последовала за ним по тем темным тропам, что каждому суждено пройти в одиночестве. И вот красота ее и нежная прелесть тронули даже холодное сердце Мандоса, так, что он позволил ей вновь увести Бэрэна в мир живых; подобного не случилось с тех пор ни с человеком, ни с эльфом, и немало преданий и песен сложили о молении Тинувиэль перед троном Мандоса, но я не слишком хорошо помню их. Однако вот что сказал Мандос этим двоим: «Ведайте, о эльфы, не к жизни, исполненной безмятежной радости, отсылаю я вас, ибо в мире, где обитает злобный сердцем Мэлько, более не существует она; узнайте же, что станете вы смертными, подобно людям; когда же вы вновь вернетесь сюда, это будет навечно, разве что боги и в самом деле призовут вас в Валинор». Однако же эти двое ушли, взявшись за руки, и прошли вместе через северные леса, и часто видели их, когда кружились они в волшебном танце на склонах холмов, и имена их повсюду передавались из уст в уста.

На этом отрок умолк, и Вэаннэ молвила:

— Так; но не только танцевали они, ибо славные деяния довелось им свершить впоследствии, и немало преданий сложено о том — их должно тебе выслушать, о Эриол Мэлинон, в другой раз, когда вновь наступит время рассказов. Ибо эти двое в легендах названы и-Куильвартон, что означает «воскресшие из мертвых»; и стали они могучими фэери в краях к северу от Сириона. Вот теперь и конец; по душе ли пришелся тебе рассказ?

И отозвался Эриол:

— Воистину, то — дивная история; подобного ей не ждал я услышать из уст юных дев Мар Ванва Тьялиэва.

Но Вэаннэ отвечала ему:

— Нет, не сама облекла я в слова это предание, но оно дорого мне; право же, всем детям ведомы деяния, о которых говорится в нем; а я заучила рассказ наизусть, прочтя его в великих книгах, хотя не все понимаю я из того, что записано в них.

— Как и я, — отозвался Эриол, но вдруг воскликнул Аусир:

— Послушай, Эриол, а ведь Вэаннэ так и не рассказала тебе, что случилось с Хуаном, равно как и о том, что пес не приняла награды от Тинвэлинта, и не остался с королем, но вновь отправился странствовать, горюя о Тинувиэль и Бэрэне. Однажды довелось Хуану повстречаться с Маблунгом¹⁵, который участвовал в травле волка, после же он стал охотником чаш, и сдружились эти двое, и охотились вместе до тех самых пор, пока не объявились Глорунд-дракон и Турин Турамбар; тогда Хуан вновь отыскал Бэрэна и сыграл свою роль в великих деяниях, связанных с Науглафрингом, Ожерельем Карлов.

— Но как могла я рассказать об этом обо всем? — отвечала Вэаннэ, — ибо гляди, время уже к вечерней трапезе, — и вскоре за тем раздастся гул великого гонга.

*

Вторая версия Сказания о Тинувиэль

Как уже было упомянуто (с. 3), существует переработанная версия части повести, отпечатанная отцом на машинке. В целом она близко или очень близко следует рукописи и никоим образом не отличается от нее ни по стилю, ни по настрою; потому нет необходимости приводить вторую версию *in extenso**. Но в некоторых местах в машинописный текст внесены любопытные изменения, которые и приводятся ниже (на полях проставлены номера страниц соответствующих абзацев рукописной версии).

Машинописный текст (который начинается со *Связующего звена*, приведенного ранее, с. 4—7) вначале был озаглавлен «Сказание о Тинувиэль (Tynwfiel), Принцессе Дор Атро», а после заглавие было изменено на «Сказание о Тинувиэль, Танцовщице из Дориата».

(8) — Кто же такая Тинувиэль? — спросил Эриол.

— Или не знаешь ты? — отвечал Аусир, — она была дочерью Синголдо, короля Артанора.

* Полностью, без сокращений (лат.) — *Прим. перев.*

— Тише ты, Аусир, — отозвалась Вэаннэ, — это моя повесть, и говорится в ней о гномах, потому прошу тебя, не утомляй слух Эриола своими эльфийскими именами. Я расскажу тебе только эту повесть, ибо разве не видела я однажды своими глазами Мэлиан и Тинувиэль, странствуя Путем Снов в давно минувшие дни?

— Какова же была обличем Королева Мэлиан, — молвил Эриол, — если ты видела ее, о Вэаннэ?

— Хрупкой и темноволосой была она, — отвечала та, — бледна и светла лицом, и ярко сияли бездонные глаза ее. Тончайшие одежды несказанной красоты, хотя и цвета ночи, облекали ее стан — расшитые агатом, украшенные серебряным поясом. Когда пела она или кружилась в танце, сны и дремотные грезы реяли над головами стоящих поблизости, одурманивая разум, словно крепкое усыпляющее вино. Воистину, была она духом, что покинул сады Лориэна еще до постройки Кора; скиталась она в глуши мира и в безмолвных чашах. Соловьи следовали за нею, слагая о ней свои песни; и вот песнь этих птиц достигла слуха Тингола, когда шел он во главе второго¹⁶ племени эльдалиэ, что после стали Прибрежными Флейтистами, Солосимпи Острова. Они уже далеко ушли от туманного Палисора; отряды устало брели вслед за быстроногим конем Оромэ, потому музыка волшебных птиц Мэлиан показалась Тинголу исполненной умиротворения и более прекрасной, чем все земные мелодии; и король на миг, как подумалось ему, свернул от отряда в сторону, стремясь отыскать во тьме деревьев источник дивных звуков.

И говорится, что не миг один внимал он, но долгие годы, и напрасно искал короля народ его, и, наконец, волей-неволей пришлось его подданным последовать за Оромэ на Тол Эрэссэа, и были они переправлены на нем далеко прочь, оставив Тингола внимать птицам во власти чар в лесах Арьядора. Так солосимпи постигло первое горе, после же немало их еще было, но Илуватар в память о Тинголе заронил в сердца этого народа зерно музыки, равной которой не знают народы земли, кроме одних лишь богов; и после, как говорится во всех преданиях, расцвело оно дивным цветом на острове и в славном Валиноре.

Однако не особенно печалился Тингол, ибо спустя недолгое время, как показалось ему, набрел он на Мэлиан, что покоилась на ложе из листьев...

*

- (9) Вскоре после того, как ты теперь знаешь, Мэлько возвратился в мир, бежав из Валинора, и почти все земные создания обреч на гнусное рабство; свободу потеряли и Утраченные Эльфы, и странствующие гномы, что скитались среди нагорий, взыскуя похищенное у них сокровище. Однако нашлись немногие, во главе которых стояли могучие короли, что по-прежнему бросали вызов злодею из крепостей своих и потаенных убежищ; и если

славнейший из них был Тургон, Король Гондолина, то самым могущественный до поры и долее прочих остававшийся непокоренным был Тингол Лесной.

В последующие дни Солнечного Света и Лунного Сияния Тингол все еще жил в Артаноре и правил многочисленным, мужественным народом, в котором представлены были все племена былого Эльфинесса — ибо ни сам король, ни подданные его не отправились на ужасную Битву Бессчетных Слез; но не о том пойдет речь в повести. Однако после этого злосчастного сражения могущество Тингола несказанно возросло, ибо под его властью собрались все те, кому удалось спастись, все, ищущие вождя и крова. Впоследствии обитель Тингола оставалась скрытой от взора и мысли Мэлько благодаря чарам фэй Мэлиан; над всеми тропами, что вели туда, она соткала заклятия, так, что никто, кроме детей эльдалиэ, не мог пройти по ним, не сбившись с пути. Так король оказался огражден от всякого зла, кроме разве предательства; чертоги его, с бесконечно высокими сводами, возведены были в глубокой пещере, единственным входом в нее служила огромная дверь в скале, с каменными колоннами, затененная древнейшими, величественнейшими деревьями непроходимых лесов Артанора. Огромная река, темная и безмолвная, прокладывала свой путь в глухой чаще; у врат разливалась она широким, стремительным потоком, так, что желающий вступить под сень врат должен был прежде пройти через мост, навешенный через реку нолдоли в услужении Тингола; мост был узок и бдительно охранялся. Лесные эти земли не ведали зла, хотя совсем неподалеку возвышались Железные Горы, а за ними лежал сумрачный край Хисиломэ, где жило диковинное племя людей, и трудились рабы-нолдоли, и скитались немногие свободные эльдар.

Двое детей было у Тингола, Дайрон и Тинувиэль...

*

- (10) «мать ее была фэй и дитя Лоризна», чему в рукописи соответствует «мать ее была фэй, дочь богов».

*

- (11) «Бэрэн был гном, сын Эгнора, лесного охотника», как в рукописи, однако имя *Эгнор* исправлено на *Бапахир*. Тем не менее, это гораздо более позднее и, как представляется, случайное изменение; в 1925 году отец Бэрэна все еще звался Эгнор.

*

- (11) Фраза рукописи «а все лесные эльфы почитали гномов Дор Ломина созданиями вероломными, лживыми и жестокими» пропущена в машинописной версии.

*

- (13) *Ангбанд* вместо употребляемого в рукописи *Ангаманди*, и далее повсеместно.

*

- (14) Много довелось ему сражаться в те дни, много раз оказывался он на волосок от гибели; не одного волка убил он вместе с орком, его седоком, одной лишь своею ясеновой дубиной; немало опасностей и испытаний...

*

- (15) Но Мэлько, гневно глядя на него, молвил:

— Как посмел ты, о раб, покинуть земли, где народ твой живет по моему повелению и скитаться в чащах по своей воле, оставив работу, к которой приставили тебя?

Тогда отвечал Бэрэн, что он — не беглый раб, но происходит из рода гномов, живущих в Арьядоре, где обитает немало людей. Тогда Мэлько преисполнился еще большей ярости, говоря:

— Вот перед нами злоумышленник, задумавший коварное предательство против владычества Мэлько и заслуживающий, чтобы балроги подвергли его пыткам, — ибо Мэлько всегда тщился положить конец дружбе и общению эльфов и людей, чтобы не позабыли они о Битве Бессчетных Слез и не поднялись снова в гнев против него. Но Бэрэн, понимая, что за опасность ему грозит, отвечал:

— Не думай, о могущественнейший Бэльха Моргот (ибо так называли его гномы), что это — правда, ибо, будь это так, разве пришел бы я сюда один, без поддержки? Бэрэн, сын Эгнора, не жалуется своею дружбой род людской; нет же, напротив, ему опротивели земли, наводненные этим племенем, потому и покинул он Арьядор. Куда же было пойти ему, как не в Ангбанд? Ибо немало достопамятных преданий поведал ему встарь отец о величии твоим и славе. Знай, владыка, хоть я и не беглый раб, однако ж более всего на свете желаю я служить тебе тем немногим, на что способен.

Мало правды было в этих словах; воистину, отец Бэрэна Эгнор был главным врагом Мэлько из всего рода гномов, что не утратили еще свободы, не считая одного только Тургона, короля Гондолина, и сыновей Фэанора, и на протяжении многих дней дружба связывала его с родом людей; одно время он был братом по оружию Урину Стойкому, но в те дни назывался он иначе, и имя Эгнор ни о чем не говорило Мэлько. Однако Бэрэн не солгал, уверяя, что он — великий охотник, проворный, ловко умеющий стрелять, ловить в сети и догонять любого зверя и птицу.

— Я ненароком заплутал среди незнакомых мне холмов, о владыка, — молвил он, — и, забредя далеко, добрался до неведомых земель, и не увидел иного способа остаться невредимым, кроме как отправиться в Ангбанд — любой, кто различит вдалеке черные холмы севера, легко отыщет его. Я бы сам пришел к тебе и молил бы принять меня на какую-либо скромную службу (может статься, поставлять дичь для твоего стола), если бы орки не схватили меня и безо всякой на то причины не подвергли пыткам.

Должно быть, валар подсказали Бэрэну эту речь, или, возможно, Мэлиан из сострадания наделила его колдовским даром слова, когда покидал он зал; ибо, воистину, это спасло ему жизнь...

Впоследствии часть этого отрывка была исправлена в машинописной версии следующим образом:

«...на протяжении многих дней дружба связывала его с родом людей (как впоследствии и самого Бэрэна, что приходился собратом по оружию Урину Стойкому), но в те дни орки называли его Рог Быстрый, а имя Эгнор ни о чем не говорило Мэлько».

В то же время слова «Должно быть, валар подсказали Бэрэну эту речь» были исправлены на «Валар подсказали ему эту речь».

*

- (15) «Так Бэрэна сделали рабом Князя Котов, прозванного гномами *Тибэрт Бридон Миаугион*, эльфы же называли его *Тэвильдо*».

Впоследствии *Тибэрт* повсюду употребляется вместо *Тэвильдо*, как в рукописи, а в одном из мест снова возникает полное имя: *Тибэрт Бридон Миаугион*. В рукописи имя кота на языке гномов — *Тифиль*.

*

- (17) ...в награду за свои труды оставшись только с укушенным пальцем. Тогда Тибэрт пришел в ярость, и объявил:

— Ты солгал моему повелителю, о гном, тебе, кто не в состоянии даже мышь словить в моих чертогах, более пристало быть слугою при кухне, нежели охотником.

С тех пор тяжелой сделалась его жизнь во власти Тибэрта; ибо Бэрэна отослали служить при кухне, и нескончаемый труд стал его уделом: он рубил дрова, носил воду и исполнял прочую черную работу в этом отвратительном замке. Часто мучили его коты и другие злобные твари, их сотоварищи, и когда порою в чертогах этих доводилось пировать оркам, Бэрэна зачастую заставляли жарить на вертелах птиц и другую дичь у огромных очагов в подземельях Мэлько, пока Бэрэн не лишился чувств от невыносимого жара; однако Бэрэн почитал себя счастливецем, до сих пор не распростившись с жизнью среди этих злобных недругов богов и эльфов. Самому ему редко удавалось поесть и поспать; Бэрэн исхудал и наполовину ослеп, и часто сожалел, что покинул некогда вольные и дикие края Хисиломэ и подглядел издали, как танцует Тинувиеэль.

*

Но Мэлиан не рассмеялась и ничего не сказала на это, ибо во многом была она мудра и умела прозревать будущее — однако даже в безумном сне не могло пригрезиться ничего подобного; чтобы эльф, более того — дева, дочь того самого короля, что долее прочих противостоял Мэлько, отправилась бы одна к границам того края скорби, где находились Ангбанд и Железные Преисподни. Не было особой любви между лесными эльфами и народом Ангбанда даже в те дни, до Битвы Бессчетных Слез, когда Мэлько не вполне еще обрел свою мощь и он таил свои замыслы и плел тенета лжи.

— Не получишь ты от меня помощи в этом деле, маленькая, — молвила Мэлиан, — ибо если даже колдовство и судьба помогут тебе выйти живой и невредимой из этого безрассудного предприятия, немало событий великой важности повлечет это за собою, а для многих обернутся они немалыми несчастьями; и совет мой тебе — не говорить отцу о своем желании.

Но эти последние слова Мэлиан услышал неожиданно вошедший Тингол, и пришлось им волей-неволей открыть ему все; и так разгневался Король, выслушав рассказ, что Тинувиэль подумала: лучше бы ей никогда не поверять своих мыслей даже матери.

*

- (18) ...Воистину не питаю я к нему любви, ибо он погубил наши игры, музыку нашу и танцы.

Но возразила Тинувиэль:

— Не ради него, а ради себя прошу я, и во имя той самой игры, что знали мы прежде.

И сказал Дайрон:

— Ради тебя же я отвечаю тебе «нет», — и более не говорили они об этом промеж себя, но Дайрон поведал королю, о чем просила его Тинувиэль, опасаясь, что бесстрашная эта дева отправится на верную смерть в безумии сердца своего.

*

- (18) ...не мог он навсегда запереть свою дочь в пещерах, озаренных только неверным, мерцающим светом факелов.

*

- (19) В песни этой поминались названия всего, что отличается на земле непомерной высотой и длиной: бороды индрафангов, хвост Каркараса, тело Глорунда-дракона, ствол бука Хирилорн и меч Нана назвала Тинувиэль, и не забыла ни цепь Ангайну, что отковали Аулэ и Тулкас, ни шею великана Гилима, который выше многих вязов;...

Далее в машинописной версии *Каркарас* (*Carcaras*) пишется именно так.

*

- (20) ...так быстро, как только несли ее в танце легкие ножки.

Было уже позднее утро, когда пробудились стражи, и бежали прочь, не смея доставить известие своему повелителю; и не кто иной, как Дайрон сообщил королю о побеге Тинувиэль, ибо он повстречал эльфов, что, потрясенные, торопились прочь от лестниц, каковые каждое утро приставлялись к ее дверям. Велики были горе и ярость короля, смятение царило в глубинных подземельях его дворца, в лесах звенели голоса высланных на поиски, но Тинувиэль была уже далеко и спешила в безумном танце через темные чащи к укрытым мраком предгорьям и Горам Ночи. Говорится, что Дайрон оказался быстрее прочих преследователей и обогнал их всех, но заплутал в тех обманчивых далеких землях и не вернулся более

в Эльфинесс, но свернул к Палисору; там, в южных лесах и чащах, играет он дивные волшебные мелодии и по сей день, печален и одинок.

Тинувиэль же шла все вперед, и внезапно охватил ее ужас при мысли о том, что осмелилась она содейть и что еще предстояло ей. Тогда она на время повернула назад и зарыдала, сокрушаясь, что нет с нею Дайрона. Говорится, что в ту пору он находился неподалеку, и, сбившись с пути, скитался в Таурфуин, в Чаше Ночи, где впоследствии Турин по роковой случайности убил Бэлэга. Тинувиэль оказалась совсем близко от тех опасных мест, но не вступила в окутанный мраком край, и валар вложили в сердце ее новую надежду, так, что она снова отправилась вперед.

*

- (21) На самом деле травля редко стоила коту жизни, ибо в те дни они были гораздо более могучи и бесстрашны, нежели стали после, с той поры, как случилось все то, о чем ты скоро узнаешь; более могучи, чем рыжевато-коричневые кошки южных земель, где солнце палит нестерпимо. Не менее ловко коты умели лазать по деревьям и прятаться; а проворством могли сравниться с летящей стрелой, однако вольные псы северных краев отличались изумительной доблестью и не ведали страха, и жила между ними и котами непримиримая вражда, и самые могучие коты испытывали страх перед иными псами. Тибэрт же не боялся никого, кроме Хуана, владыки Гончих Псов Хисиломэ. Столь проворен был Хуан, что однажды удалось ему напасть на Тибэрта, когда тот один охотился в лесу; пес догнал недруга и едва не содрал шкуру с его шеи, но тут на помощь подоспела банда орков, слышавшая визг. Много ран получил Хуан в этой битве, прежде чем сумел вырваться, но уязвленная гордость не давала Тибэрту покоя, и кот жаждал смерти врага.

Потому весьма посчастливилось Тинувиэль, что повстречала она в лесах Хуана; а случилось это на полянке у самых границ леса, где начинаются первые луга в верховьях реки Сирион. Завидев пса, девушка смертельно испугалась и обратилась в бегство, но Хуан нагнал ее в два прыжка. Приветливо заговорив на исполненном мудрости языке Утраченных Эльфов, он велел ей забыть о страхе и молвил:

— Почему вижу я, как эльфийская дева, притом красоты несравненной, странствует столь близко от владений Князя Злобного Сердца?

*

- (22) — Что ты надумал, о Хуан?
- Немного могу я тебе присоветовать, — отвечал пес, — одно только: чтобы возвращалась ты как можно скорее в Артанор, в чертоги твоего отца, а я провожу тебя до самого конца пути, пока не доберемся мы до земель,

огражденных магией Королевы Мэлиан.

— Этого никогда не сделаю я, пока жив Бэрэн, покинутый всеми друзьями, — отвечала она.

— Такого ответа и ожидал я от тебя, — отозвался Хуан, — но если ты намерена пойти дальше в осуществлении своего безумного замысла, тогда могу я дать тебе только совет отчаянный и опасный: мы должны поспешить к тем пока еще далеким краям, средоточию зла, где находится обитель Тибэрта. Я провожу тебя туда самыми тайными тропами, а когда мы окажемся там, далее придется тебе пробираться одной, если осмелишься, к замку этого властелина, — ближе к полудню, когда он сам и большинство его приближенных дремлют на террасах у врат. Там тебе, может статься, удастся узнать, если судьба окажется к тебе уж очень благосклонна, в самом ли деле Бэрэн находится в этой обители зла, как сказала тебе мать. Но знай, я останусь неподалеку от подножия холма, на котором высится замок Тибэрта, а ты, там ли Бэрэн или нет, должна будешь сказать, как только увидишь кота, что набрела ты на Хуана из рода Псов и лежит он, больной и израненный, в иссушенной солнцем лощине за пределами его врат. Тебе нечего бояться, ибо тем самым ты доставишь удовольствие мне и наилучшим образом содействуешь исполнению собственного своего желания; и думается мне, что, когда Тибэрт выслушает твои вести, сама ты окажешься на время вне опасности. Только не отсылай его в то место, что я укажу тебе; ты должна вызваться самой проводить его туда. Так ты снова вырвешься из жуткого замка и увидишь, что заготовил я для Князя Котов.

Тинувиэль задрожала при мысли о том, что предстоит ей, но отвечала, что скорее примет этот совет, нежели возвратится домой, и они тотчас же отправились в путь тайными тропами через леса и извилистыми дорогами через лишенные растительности каменистые земли, что раскинулись перед ними.

Наконец однажды утром пришли они к широкой лощине, формой напоминающей чашу среди скал. Лощина была глубока, но ничего не росло в ней, кроме низкорослого кустарника с чахлой листвою и пожухлой травой.

— Это и есть Иссушенная Лощина, о которой говорил я, — молвил Хуан, — а там — пещера, где великий...

На этом машинописный текст *Сказания о Тинувиэль* обрывается в самом конце страницы. По моему мнению, маловероятно, что эта версия когда-либо была продолжена.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 О более ранних упоминаниях Олорэ Маллэ, Пути Снов, см. I. 18, 27; 211, 225.
- 2 Различие, проводимое здесь между эльфами (которые зовут королеву *Вэндэлин*), и, как подразумевается, гномами (называющими ее

Гвэндэлинг), выражено еще более ясно в машинописной версии, с. 42 («Эта моя повесть, и говорится в ней о *гномах*, потому прошу тебя, не утомляй слух Эриола своими *эльфийскими* именами») и с. 45 («Князя Котов, прозванного *гномами* Тибэрт Бридон Миаугион, *эльфы* же называют его Тэ-вильдо»). См. I. 50—51.

- 3 В первоначальном варианте рукописи говорилось следующее: «Бэрэн же был гномом, как говорили иные, сыном одного из тех рабов Мэлько, что трудились в окутанных мраком землях...». См. прим. 4.
- 4 В первоначальном варианте рукописи говорилось следующее: «Я Бэрэн из рода нолдоли, сын охотника Эгнора...». См. прим. 3.
- 5 С этого момента и вплоть до слов «в южных лесах» на с. 21 текст записан на отдельных страницах, вложенных в записную книжку. Отвергнутых материалов, соответствующих этому отрывку, нет. Возможно, что такие материалы существовали, но были изъяты из книжки и утеряны; но, хотя книжка и потрепана, непохоже, чтобы из нее вырывались страницы; мне кажется более вероятным, что отцу, в то время как он писал поверх первоначальной, стертой версии, (скорее всего) расширяя ее по ходу дела, просто не хватило места.
- 6 В первоначальном варианте текста говорилось следующее: «и не вернулся к Эллу, но наигрывает...» (об имени Эллу см. *Изменения в именах и названиях* ниже). В результате интерполяции «но отправился к Палисору» Палисор оказался в южной части мира. В повести *Пришествие Эльфов* (I. 114) Палисор назван краем «в сердце Великих Земель» (см. также рисунок «Корабля Мира», I. 84); возможно, что слово «южных» должно было быть изменено; однако оно сохранено в машинописной версии (с. 47).
- 7 *Сказание о Турамбаре*, хотя и было создано позже *Сказания о Тинувизель*, во время переработки *Тинувизель* уже существовало (см. с. 69).
- 8 От «до крайности потрясенный» до «чтобы Тинувизель была рядом» (с. 30) текст записан на отдельно вложенной странице; см. прим. 5 — и здесь тоже ситуация с текстом достаточно неясна.
- 9 Здесь просматривается небольшой отрывок раннего, карандашного текста, который оканчивается так: «и со временем Тинувизель сильно затосковала по матери своей Вэндэлин, и захотелось ей увидеть Линвэ и услышать, как Капалэн слагает музыку на зеленых полянах». *Капалэн*, очевидно, имя, предшествующее имени *Тифанто*, оно же, в свою очередь, предшествовало имени *Дайрон* (см. ниже, *Изменения в именах и названиях*).
- 10 *Этот гном*: в первоначальном варианте стояло *этот человек*. Это оговорка, но оговорка значимая (см. с. 52), по всей вероятности. Возможно, что слово «тап» («человек», «муж») было использовано здесь, как изредка в других местах (напр., с. 18 «так высоко, как только можно было взобраться при помощи приставных лестниц, сооруженных мужами», где речь идет об эльфах Артанора), в значении «эльф мужского пола»; но в таком случае не было бы повода заменять слово.
- 11 Здесь в рукописи вычеркнуто: «Бэрэн с Холмов».
- 12 «Маблунг Тяжелорукий, главный тан короля, вскочил и схватил копье» заменяет первоначальный вариант «Тифанто отбросил прочь свою свирель и схватил копье». В первоначальном варианте имя брата Тинувизель

на протяжении всей повести оставалось *Тифанто*. См. прим. 13—15 и Комментарии, с. 59.

- 13 Имя *Тифанто* заменено на *Маблунг* здесь и несколькими строчками ниже; см. прим. 12.
- 14 «О отец» заменено на «о Король»; см. прим. 12.
- 15 В этом месте первоначально стояла форма *Маблунг*, см. Комментарии, с. 59.
- 16 Для сюжета сказания *Пришествие Эльфов* важно, что солосимпы были третьим и последним из трех племен; «второе» здесь является не иначе как оговоркой, хотя и неожиданной.

Изменения в именах и названиях в Сказании о Тинувизель

(i) Рукописная версия

Ильфиниол (*Ilfiniol*) < *Эльфриниол* (*Elfriniol*). В машинописном тексте значится имя *Ильфрин* (*Ilfrin*). См. с. 201—202.

Тинвэ Линто, *Тинвэлинт* (*Tinwë Linto*, *Tinwelint*). В первом абзаце повести (с. 8), где Аусир и Вэаннэ проводят различие между формами имени Тинвэлинта, манускрипт крайне запутан, и последовательность стадий невозможно установить. В первоначальном варианте на протяжении всей повести Вэаннэ называет Тинвэлинта *Тинто Эллу* (*Tinto Ellu*) или *Эллу*, но в споре в самом начале именно Аусир зовет его *Тинто Эллу*, в то время как Вэаннэ говорит *Тинто'эллон* (*Tinto'ellon*). (*Тинто*) *Эллу* определенно является «эльфийской» формой, но повсюду в повести этот вариант исправлен на форму языка гномов *Тинвэлинт*, в то время как слова Аусира *Тинто Эллу* в начале переправлены на *Тинвэ Линто*. (В первом абзаце, там, где *Тинвэ* упоминается в третий раз, имя, написанное изначально, было *Линвэ*: см. I. 130.).

В сказаниях *Пришествие Эльфов* и *Воровство Мэлько* в Части 1 *Эллу* является именем второго из правителей солосимпы, избранного вместо Тинвэлинта (впоследствии Олвэ); но в обоих случаях (I. 120, 141) это позднее добавление (I. 130 прим. 5, 155). Много лет спустя *Эллу* снова становится именем Тингола (на синдарине *Элу Тингол* (*Elu Thingol*), на квэнья *Эльвэ Синголло* (*Elwë Singollo*) в *Сильмариллионе*).

Гвэндэлинг (*Gwendeling*) — в первоначальном варианте на протяжении всей повести употреблялось имя *Вэндэлин* (*Wendelin*) (имя *Вэндэлин* встречается в преданиях, приводимых в Части 1, переправлено из *Тиндриэль*: I. 106—107, 131). После это имя было переправлено на вариант из языка гномов *Гвэндэлинг* (встречается в раннем словаре языка гномов, I. 253, позже сам этот вариант был переправлен на *Гвэдилинг* (*Gwedbiling*)), повсюду, кроме как в речах Аусира, который употребляет «эльфийскую форму» *Вэндэлин* (с. 8).

Дайфон (*Dairon*) < *Тифанто* (*Tifanto*). Об изменении *Тифанто* > *Маблунг* (*Mablung*) в конце повести (прим. 12—14 выше) см. Комментарии с. 59, а об имени *Капалэн* (*Kapalen*), предшествующем форме *Тифанто*, см. прим. 9.

Дор Ломин (*Dor Lómin*) < *Арьядор* (*Aryador*) (с. 11). В повести *Пришествие*

Эльфов говорится (I. 119), что среди людей Хисиломэ (*Hisilómë*) называлась *Арьядор*; о *Дор Ломин* — *Хисиломэ* см. I. 112. Далее в тексте, там, где встречается название *Арьядор*, оно оставлено неизменным.

Ангбанд (*Angband*) — изначально упомянут дважды, и в одном из этих случаев название изменено на *Ангаманди* (*Angamandi*), а в другом (с. 35) оставлено как есть; во всех прочих случаях изначально использовалась форма *Ангаманди*. В рукописной версии повести Вэаннэ не придерживается никакой последовательности, употребляя формы «эльфийского» языка или языка гномов: так, она говорит *Тэвильдо* (а не *Тифиль*), *Ангаманди*, *Гвэндэлинг* (< *Вэндэлин*), *Тинвэлинт* (< *Тинто* (*Эллу*)). С другой стороны, в машинописной версии Вэаннэ говорит *Тибэрт*, *Ангбанд*, *Мэлиан* (< *Гвэнэтлин*), *Тингол* (< *Тинвэлинт*).

ХирилоРН (*Hirilorn*), *Королева Дерев* < *Голосбринди* (*Golosbrindi*), *Королева Леса* (с. 18); *ХирилоРН* < *Голосбринди* в последующих случаях.

Уинэн (*Uinen*) < *Онэн* (*Onen*) (или, возможно, *Унэн* (*Unen*)).

Эгнор бо-Римион (*Egnor bo-Rimion*) < *Эгнор го-Римион* (*Egnor go-Rimion*). В предыдущих сказаниях патронимической приставкой была приставка *го-* (I. 146, 155).

Тинвэлинт (*Tinwelint*) < *Тинтэллон* (*Tinthellon*) (с. 35, единственный случай).

Ср. форма *Тинто'эллон* (*Tinto'ellon*), упомянутая выше в разделе *Тинвэ Линто*.

и-Куильвартон (*i-Cuilwartbon*) < *и-Гуильвартон* (*i-Guilwartbon*).

(ii) Машинописная версия

Тинувиэль (*Tinúviel*) < *Тинувиэль* (*Tinwífel*) в заглавии и во всех прочих случаях вплоть до абзаца, соответствующего с. 11 рукописной версии «однако теперь увидел Бэрэн в сумерках танцующую Тинувиэль»; здесь и далее в печатном тексте употребляется форма *Tinúviel*.

Синголдо (*Singoldo*) < *Тинвэ Линто* (*Tinwë Linto*) (с. 41).

Мэлиан (*Melian*) < *Гвэнэтлин* (*Gwenethlin*) во всех случаях вплоть до абзаца, соответствующего с. 12 рукописной версии «величие Королевы Гвэндэлинг»; здесь и далее в печатном тексте употребляется форма *Мэлиан*.

Тингол (*Thingol*) < *Тинвэлинт* (*Tinwelint*) во всех случаях вплоть до абзаца, в рукописной версии соответствующего с. 12 «извилистыми тропами пришли они к обители Тинвэлинта»; здесь и далее в печатном тексте употребляется форма *Тингол* (*Thingol*).

Относительно *Эгнор* (*Egnor*) > *Барахир* (*Barahir*) см. с. 43.

Комментарии к Сказанию о Тинувиэль

§ 1. Основное повествование

В этом разделе я рассмотрю только развитие главной сюжетной линии, оставив на время такие вопросы, как события более общие, подразумеваемые в повести, народ Тинвэлинта и его поселения, или география земель, упоминаемых в повести.

История о том, как Бэрэн увидел Тинувиэль на заливной лунным светом поляне, в самом раннем записанном варианте (с. 11—12) в отношении центрального образа ни разу не менялась. Следует отметить, что в *Сильмариллионе* (с. 165) сцена эта воспроизведена крайне сжато и возвышенно: многие детали, не упомянутые там, тем не менее, не исчезли окончательно. В существенно более поздней переработке соответствующего места из *Лэ о Лэйтиан** по-прежнему наличествуют болиголовы и белые мотыльки, и менестрель Даэрон находится на поляне, когда туда приходит Бэрэн. Однако есть и весьма примечательные отличия; и главное из них, безусловно, то, что Бэрэн — не смертный человек, но эльф, один из нолдори, так что исключительно значимая составляющая истории Бэрэна и Лутиэн здесь отсутствует. Далее станет видно (с. 71—72, 139), что изначально все было иначе: в ныне утраченном (стертом резинкой) первом варианте *Сказания о Тинувиэль* Бэрэн был человеком (вот почему я отметил, что слово *человек* в рукописи (см. с. 33 и примечание 10), позже переправленное на *гном*, является «значимой оговоркой»). Несколько лет спустя после создания этой повести в ее нынешней форме Бэрэн снова превратился в человека, хотя в то время (1925—1926) отец, похоже, долго колебался в вопросе об эльфийской или смертной природе Бэрэна.

В сказании неизбежно приводится совсем иное объяснение враждебности и недоверия, с которыми Бэрэн встретился в Артаноре (Дориате), — а именно, что «лесные эльфы почитали гномов Дор Ломина созданиями вероломными, лживыми и жестокими» (см. ниже, с. 65). Ясно, что в то время биография Бэрэна и его отца (Эгнора) была намечена лишь в самых общих чертах; в любом случае, никаких намеков на историю отряда объявленных вне закона, возглавляемого отцом Бэрэна, и на предательство Горлима Злосчастливого (*Сильмариллион*, с. 162 и далее) не встречается вплоть до появления первого варианта *Лэ о Лэйтиан*, где история уже имеет законченный вид (к концу лета 1925 г. *Лэ* уже продвинулось дальше помянутого эпизода). Однако о том, что отец Бэрэна (в исправленном варианте — сам Бэрэн) приходился Урину (Хурину) «братом по оружию» упоминается и в машинописном варианте повести (с. 44—45); согласно позднейшим наброскам к *Рассказу Гильфанона* (I. 240): «Урин и Эгнор шли с бесчисленными отрядами» (против сил Мэлько).

В первоначальном варианте Тинувиэль не общалась с Бэрэном вплоть до того самого дня, когда он, забыв о страхе, наконец-то заговорил с ней; и тогда же она отвела его к пещере Тинвэлинта. Они не были влюбленными, Тинувиэль знала о Бэрэне только то, что он очарован ее танцем, и похоже на то, что Тинувиэль доставила гостя к отцу из соображений учтивости, — поступок вполне естественный. Таким образом, в ранней версии Дайрон не выдает Бэрэна Тинголу (*Сильмариллион*, с. 166), ведь избаловать тут нечего; и, в самом деле, в повести не уточняется, знал ли Дайрон хоть что-нибудь

* Длинная незаконченная поэма, написанная рифмованными двустушиями, в которой пересказывается история Бэрэна и Лутиэн Тинувиэль; сочинена в 1925—1931 гг., но отдельные части ее подверглись существенной переработке много лет спустя.

о Бэрэне до того, как Тинувиэль привела гостя к пещере, — вот разве что как-то раз видел его лицо в лунном свете.

Несмотря на эти радикальные отличия в сюжетной структуре, примечательно, что сохранились очень многие подробности той сцены в зале Тинвэлинта (с. 12—13), когда Бэрэн предстал перед королем, в то время как значение их и смысл были изменены и углублены. К раннему варианту восходят, например, смущение и молчание Бэрэна, то, что Тинувиэль отвечает вместо него; то, как к нему внезапно вернулась храбрость и он поведал о своем желании без предисловия и не колеблясь. Но сам тон повествования менее возвышен и серьезен, нежели в поздней обработке; в презрительном смехе Тинвэлинта, который воспринимает все происходящее как шутку, а в Бэрэне видит глупца и невежу, нет и намек на то, что очевидно в более позднем варианте: «Так Тингол призвал гибель на Дориат и опутал себя сетью проклятия Мандоса» (*Сильмафиллион*, с. 167). Сильмарили и впрямь знамениты, и обладают священной силой (с. 34), но судьба мира не заключена в них (*Сильмафиллион*, с. 67); Бэрэн — эльф, пусть даже из народа, вызывающего недоверие и страх, и просьбе его до масштабов оскорбления далеко; кроме того, он и Тинувиэль не являются влюбленными.

В этом эпизоде впервые упоминается Железная Корона Мэлько и то, что в Корону были вставлены Сильмарили; и здесь снова возникает неизменно присутствующая подробность: «Никогда не снимал Враг этой короны» (ср. *Сильмафиллион*, с. 81: «Корону эту Моргот никогда не снимал с головы, хотя со временем невыносимой сделалась ее тяжесть»).

Но начиная с этого момента история Вэаннэ совершенно неожиданным образом расходится с более поздним вариантом. Никакой другой эпизод *Утраченных Сказаний* не подвергался трансформации настолько примечательной, как этот прообраз истории о пленении Бэрэна, Фэлагунда и его спутников Некромантом Сауроном, о заключении их в тюрьму и гибели всех, кроме Бэрэна, в подземельях Тол-ин-Гаурхот (Острова Волколаков на реке Сирион), и о том, как Лутиэн и Хуан спасли Бэрэна и ниспровергли Саурана.

Бросается в глаза то, что так называемый «нарготрондский эпизод» отсутствует начисто, и в том виде, в котором пещерный город уже существует, он никоим образом не соприкасается с историей Бэрэна и Тинувиэль (касательно Нарготронда в тот период, еще не получившего это название, см. с. 81, 123—124). У Бэрэна нет кольца Фэлагунда, никто не сопровождает его в этом путешествии на север, и история его пленения, разговора с Мэлько и отсылки в дом Тэвильдо (с одной стороны) никак не соотносится с событиями более позднего варианта (с другой стороны), в результате которых Бэрэн и отряд эльфов из Нарготронда оказываются в подземелье Саурана. В самом деле, вся сложная подоплека легенды, — битвы, соперничество, клятвы и союзы, — из которой возникает история Бэрэна и Лутиэн в *Сильмафиллионе*, здесь по большей части отсутствует. Замок Котов «соответствует» башне Саурана на Тол-ин-Гаурхот, но лишь в том смысле, что занимает в повествовании ту же самую «нишу»: помимо этого бессмысленно отыскивать между ними даже смутное сходство. Чудовищные обжоры-коты, их кухни и террасы для «солнечных ванн», их

очаровательные эльфийско-кошачьи имена (*Миаугион, Миаулэ, Мэойта*) — все они исчезли без следа. А Тэвильдо? На мой взгляд, говорить о том, что Саурон «происходит» от кота, едва ли справедливо: на следующей стадии развития легенд Некромант (Ту) не обладает никакими кошачьими свойствами. С другой стороны, было бы ошибочным считать это простым *замещением* (в повествовании Ту заступает на освободившееся место Тэвильдо) без какой-либо *трансформации* того, что было. Непосредственным преемником Тэвильдо стал «Повелитель Волков», волколак, унаследовавший одну из черт Тэвильдо, а именно: он ненавидел Хуана превыше всех земных созданий. Тэвильдо был «злой фэй в образе зверя» (с. 29); и битва между двумя великими зверями, — пес против волколака (изначально — пес против демона в кошачьем облики), — сохранилась и в последующих версиях.

Когда же речь снова заходит о Тинувиэль в Артаноре, ситуация складывается прямо противоположная: история ее заточения в домике на Хирилорн и побега оттуда существенным изменениям не подвергалась. Соответствующий отрывок в *Сильмариллионе* (с. 172) и впрямь очень краток, однако отсутствие деталей объясняется сжатостью изложения, а вовсе не сокращением в силу того, что автор остался недоволен текстом. *Лэ о Лэйтиан*, поэма, на которой основан прозаический пересказ *Сильмариллиона*, в этом эпизоде настолько близка к *Сказанию о Тинувиэль* в отношении сюжетных подробностей, что версии эти почти совпадают.

Нельзя не отметить, что в этой части повествования самый ранний вариант обладает неоспоримым достоинством: продолжительность заточения Тинувиэль и путешествие ее на помощь Бэрэну легко соотносятся со сроком пребывания Бэрэна в неволе, конца которой, по замыслу его тюремщиков, не предвиделось. А вот более поздняя версия изобилует событиями и передвижениями (включая пленение Лутиэн в Нарготронде), которые необходимо вставить в тот промежуток времени, в течение которого Бэрэн ожидал смерти в подземельях Некроманта.

Если отчетливо выраженному элементу «объяснительной» «сказки о животных» (касательно собак и кошек) суждено было исчезнуть, а Тэвильдо, Князя Котов, заменил Некромант, то Хуан, тем не менее, остался — как великий Гончий Пес Валинора. Его встреча с Тинувиэль в лесах, неспособность девушки убежать от него, его любовь к ней с первого же момента встречи (на это намекается в сказании, с. 23, и прямо говорится в *Сильмариллионе*, с. 173) в ранней версии уже наличествуют, хотя контекст их встречи и побудительные мотивы Хуана совсем иные, в силу отсутствия «нарготрондского элемента» (Фэлагунда, Кэлэгорма и Куруфина).

В истории о победе над Тэвильдо и спасении Бэрэна отчетливо просматривается зародыш позднейшего варианта легенды, хотя по большей части лишь в общем сходстве сюжетной структуры. Любопытно отметить: эпизод, где Тинувиэль, устроившись на уступе кухонного люка в замке Котов, начинает говорить как можно громче, чтобы ее услышал Бэрэн, является прообразом сцены на мосту острова Тол-ин-Гаурхот, когда Тинувиэль поет, а Бэрэн слышит ее песню в своем подземелье (*Сильмариллион*, с. 174). Намерение Тэвильдо передать гостью Мэлько сохранено: Саурон делеет сходный замысел (там же); гибель кота

Ойкэроя (с. 28) — прообраз битвы Хуана с Друглуином, и шкура убитого противника Хуана используется одинаково в обоих случаях (с. 30—31, *Сильмариллион*, с. 178—179). Поединок Тэвильдо и Хуана предварил бой Хуана и Саурона-волка, причем по сути дела с тем же исходом: Хуан отпускает своего недруга, как только тот уступает владычество над замком. Эта последняя деталь весьма примечательна: Тинувиэль произносит заклинание, скреплявшее камни недоброго замка (с. 29). Разумеется, когда записывался этот эпизод, замок Тэвильдо возник в легенде постольку-поскольку, безо всякой предыстории, таким сосредоточием зла, а заклинание (дарованное Мэлько), которое Тэвильдо вынужден был открыть, заключало в себе секрет власти самого Тэвильдо над его подданными, равно как и магию, удерживающую камни вместе. А с появлением в разрабатываемой легенде Фэлагунда и эльфийской сторожевой башни на Тол Сирион (*Минас Тирит: Сильмариллион*, с. 120, 155—156), захваченной Некромантом, заклинание пришлось заменить. Невозможно представить, чтобы заговор был творением Фэлагунда, построившего крепость, ведь в противном случае эльф мог бы произнести его в подземелье и обрушить стены на головы себе и своим спутникам, — такая смерть куда менее отвратительна. Однако этот элемент легенды сохранился и полностью представлен в *Сильмариллионе* (с. 175), хотя, поскольку мой отец напрямую не говорит о том, что Саурон называл Хуану и Лутиэн слова заклинания, но лишь о том, что тот «покорился», возможно не заметить значимости происходящего:

«И молвила она:

— Там бестелесный дух твой будет пребывать вечно, терзаем его презрением, пронзаем его взором, если не уступишь ты мне владычества над башней.

И покорился Саурон, и Лутиэн получила власть над островом и всем, что там было...

Тогда Лутиэн, стоя на мосту, явила свое могущество; и пали чары, что сковывали один камень с другим, и низверглись ворота, и обрушились стены, и разверзлись подземные темницы».

И здесь тоже ранняя и поздняя версия легенды разительно отличаются друг от друга по содержанию: в *Сильмариллионе* «много рабов и узников вышли на волю в изумлении и страхе... ибо слишком долго томились они во мраке подземелий Саурона», в то время как в сказании из содрогнувшегося замка (помимо Бэрэна и слепого гнома Гимли, персонажа, по-видимому, не из важных) появились сонмища котов, которые, едва развеялось заклятие Тэвильдо, уменьшились до «крошечных размеров». (Если бы мой отец использовал имена иные, нежели Хуан, Бэрэн и Тинувиэль, и при отсутствии прочих фоновых знаний, в том числе и об имени автора, непросто было бы продемонстрировать путем обычного сопоставления этого эпизода *Сказания* и варианта, приведенного в *Сильмариллионе*, что сходство здесь не является поверхностным и случайным.)

Тут нужно отметить еще одну, второстепенную подробность сюжета. В машинописной версии о поединке Хуана и Тэвильдо, предположительно, рассказывалось

бы несколько иначе, поскольку в рукописном варианте Тэвильдо и его спутник смогли взобраться на высокие деревья (с. 28), в то время как в машинописном тексте говорится, что ничего не росло в Иссущенной Лощине (где Хуану предстояло лежать, прикинувшись недужным), кроме «низкорослого кустарника с чахлой листвою» (с. 48).

В оставшейся части истории соответствие между ранним и поздним вариантами куда ближе. Сюжетную структуру сказания можно суммировать следующим образом:

- Бэрэн облачается в шкуру убитого кота Ойкэроя.
- Он и Тинувиэль вместе отправляются в Ангаманди.
- Тинувиэль наводит сонные чары на волка Каркараса, стража Ангаманди.
- Они входят в Ангаманди, Бэрэн в облики зверя прячется под трон Мэлько, а Тинувиэль танцует перед Мэлько.
- Все воинство Ангаманди и, наконец, сам Мэлько погружаются в сон, и железная корона Мэлько падает с его головы.
- Тинувиэль будит Бэрэна, он извлекает Сильмариль из короны при помощи ножа, лезвие ломается.
- Спящие заворочались, Бэрэн и Тинувиэль бегут назад к воротам, но обнаруживают, что Каркарас пробудился.
- Каркарас откусывает протянутую руку Бэрэна, сжимающую Сильмариль.
- Проглотив Сильмариль, Каркарас лишается ума от боли, ибо Сильмариль — священен и жжет нечистую плоть.
- Обезумевший Каркарас мчится на юг, к Артанору.
- Бэрэн и Тинувиэль возвращаются в Артанор, предстают перед Тинвэлинтом, и Бэрэн объявляет, что Сильмариль в его руке.
- Начинается охота на волка; в числе охотников — Маблунг Тяжелорукий.
- Бэрэн гибнет в стычке с Каркарасом; его относят назад в пещеру Тинвэлинта на носилках из ветвей. Умирая, он вручает Сильмариль Тинвэлиantu.
- Тинувиэль следует за Бэрэном к Мандосу, и Мандос позволяет им возвратиться в мир.

Если поменять кошачью шкуру Ойкэроя на волчью шкуру Драуглуина и изменить некоторые имена, это вполне сойдет за краткое изложение сюжета из *Сильмариллиона*! Но, безусловно, составлялся этот список как резюме сходных черт. В нем не фигурируют ни ключевые отличия, ни целый сонм второстепенных.

И снова самое важное — это отсутствие «нарготрондского элемента». Как только он совмещается с легендой о Бэрэне, в повествование вводится Фэлагунд в качестве спутника Бэрэна, заточение Лутиэн в Нарготронде Кэлэгорма и Куруфином, ее бегство с Хуаном, псом Кэлэгорма и нападение Кэлэгорма и Куруфина, бегущих из Нарготронда, на Бэрэна и Лутиэн по их возвращении с Тол-ин-Гаурхот (*Сильмариллион*, с. 173—174, 176—178).

По завершении эпизода о пребывании Бэрэна в рабстве в первоначальной версии сюжет развивается совсем иначе (с. 30—31): здесь Хуан остается с Бэрэном и Тинувиэль; Тинувиэль тоскует по дому, а Бэрэн горюет, поскольку любит жизнь в лесу в обществе псов; но он разрешает безвыходную ситуацию, вознамерившись добыть Сильмариль; Хуан, хотя и считает их план безумием, отдает им шкуру Ойкэроя, облачившись в которую, Бэрэн вместе с Тинувиэль отправляется в Ангаманди. В *Сильмариллионе* (с. 177) Бэрэн, после долгих скитаний в лесах вместе с Лутиэн (хотя Хуан не с ними), также решает отправиться с отвоевывать Сильмариль, но Лутиэн занимает совсем иную позицию:

«Выбирай, Бэрэн; только два пути есть у тебя: отказаться от задуманного, забыть о клятве и принять удел неприкаянного скитальца, либо сдержат слово и бросить вызов силе тьмы на ее троне. Но и на том, и на другом пути я не оставлю тебя: единая назначена нам судьба».

Далее происходит нападение Кэлэгорма и Куруфина на Бэрэна и Лутиэн; Хуан, покинув хозяина, присоединяется к ним; вместе они возвращаются в Дориат, и, оказавшись там, Бэрэн оставляет спящую Лутиэн, а сам верхом на коне Куруфина снова отправляется на север. Хуан с Лутиэн на спине нагоняет его на окраине Анфауглита и приносит с Тол-ин-Гаурхот шкуры Драуглуина и летучей мыши Турингвэтиль, гонца Саурона (о которой в первоначальной версии не говорится ни слова); облачившись в них, Бэрэн и Лутиэн отправляются в Ангбанд. Хуан здесь выступает их активным советчиком.

Таким образом, более поздняя версия легенды в этой части богаче действием и дополнительными эпизодами, нежели *Сказание о Тинувиэль* (хотя окончательный вариант возник не за один раз, как можно себе представить); а в изложении *Сильмариллиона* это тем более заметно благодаря тому факту, что соответствующая глава представляет собою сжатый пересказ длинной поэмы *Лэ о Лэйтиан*^{*}.

Характерно, что в *Сказании о Тинувиэль* рассказ о «переодевании» Бэрэна изобилует подробностями: Тинувиэль обучает его кошачьим повадкам, в шкуре ему жарко и неудобно. Однако мотив перевоплощения Тинувиэль в летучую мышь еще не возник, так что, там, где в *Сильмариллионе* при столкновении с

^{*} Ср. у профессора Т. А. Шиппи, в книге *Дорога в Средиземье*, 1982, с. 193: «В «Бэрэне и Лутиэн» в целом слишком много сюжета. Обратная сторона того же самого недостатка состоит в том, что иногда Толкину приходится разделяться со своими задумками по-быстрому. Кэлэгорм ранит Бэрэна, пес Хуан набрасывается на своего хозяина и преследует его; «возвратившись, пес принес из лесу целебную траву для Лутиэн. С помощью этих листьев она уняла кровь и исцелила Бэрэна искусством своим и любовью...» Целебная трава — мотив довольно распространенный; так, он стоит в центре бретонского лэ *Элидюк* (обработанного Марией Французской). Но там мотиву этому посвящена целая сцена, если не вся поэма. В *Сильмариллионе* с ним разделяются в двух строках, на то, чтобы нанести рану Бэрэну и исцелить ее, достаточно пяти. То и дело возникает ощущение, что перед нами — краткий пересказ...» И ощущение это в высшей степени оправдано! В *Лэ о Лэйтиан* эпизод с ранением и исцелением посредством травы занимает около 64 строк (ср. мое предисловие к *Сильмариллиону*, с. 8).

Кархаротом она «отбросила прочь свое мерзкое одеяние» и «повелела ему уснуть», здесь она снова воспользовалась волшебным туманным одеянием, сотканным из своих волос: «встряхнула перед его взором темными складками своего покрывала» (с. 31). Безразличие Кархараса к лже-Ойкэрою контрастирует с подозрительностью Кархарота по отношению к лже-Драуглуину, о чьей гибели он уже слышал; в ранней версии особо подчеркивается, что известия о разгроме Тэвильдо (и смерти Ойкэроя) до Ангаманди еще не дошли.

Встреча Тинувиэль и Мэлько изложена куда более подробно, нежели в *Сильмариллионе* (где приводится в крайне сжатом виде по сравнению с первоисточником). Весьма примечательна фраза «он воззрился на нее с отвратительным вождедением, ибо в темной его душе зародился злобный замысел» (с. 32), предшествующая абзацу в *Сильмариллионе* (с. 180):

«При виде ее красоты родилось в помыслах Моргота гнусное вождедение: чернее замысла не рождалось в его сердце с тех пор, как бежал он из Валинора».

Нигде более мы не встретим выражения столь недвусмысленного.

Неизвестно, можно ли считать слова Мэлько к Тинувиэль: «Кто ты, порхающая в моих чертогах, словно летучая мышь?» и описание того, как она танцевала «бесшумно, как летучая мышь», прообразом ее перевоплощения в летучую мышь более поздней версии, хотя такое вполне возможно.

Лезвие, при помощи которого Бэрэн извлек Сильмариль из Железной Короны, в *Сказании о Тинувиэль* имеет происхождение совсем иное: это — кухонный нож, захваченный Бэрэном из замка Тэвильдо (с. 29, 33). В *Сильмариллионе* это — Ангрист, знаменитый клинок работы Тэльхара, отобранный Бэрэном у Куруфина. Здесь спящих в Ангаманди потревожил треск сломавшегося лезвия; в *Сильмариллионе* нож ломается, отлетевший обломок задевает щеку Моргота, и тот, застонав, просыпается.

В описаниях того, как, убегая, Бэрэн и Тинувиэль сталкиваются с волком, есть небольшое различие. В *Сильмариллионе* «у измученной Лутиэн не было ни времени, ни сил, чтобы совладать с волком»; в сказании создается впечатление, что она бы справилась, если бы Бэрэн не поторопился. Куда более важно то, что здесь в первый раз возникает представление о священной силе Сильмарилья, обжигающего нечистую плоть*.

О бегстве Тинувиэль и Бэрэна из Ангаманди и об их возвращении в Артанор (с. 34—36) в *Сказании о Тинувиэль* рассказывается совсем иначе. В *Сильмариллионе* (с. 182—183) орлы спасают их и относят на окраину Дориата; исцелению раны Бэрэна уделяется куда больше внимания, причем в нем участвует и Хуан. В ранней версии Хуан присоединяется к Бэрэну и Тинувиэль позже, уже после того, как они пешком проделали долгий путь на юг. В обоих вариантах наличествует обсуждение между Бэрэном и Тинувиэль касательно того, следует или нет возвращаться в чертоги ее отца, однако строится оно по-разному: в сказании именно она убеждает Бэрэна вернуться, в *Сильмариллионе* Бэрэн убеждает ее.

* В одном из предыдущих примечаний содержится ссылка на «священные Сильмарилья»: I. 169, примечание 2.

В эпизоде охоты на Волка присутствует любопытная черта (с. 38—39), которую стоит рассмотреть здесь (см. с. 50, прим. 12—15). Первоначально в травле, наряду с Тинвэлинтом, Бэрэном и Хуаном, участвовал брат Тинувиэль, здесь поименованный *Тифанто*; а имя это использовалось на протяжении всего сказания, прежде чем было заменено на *Дайрон*^{*}. Впоследствии «Тифанто», — минувя стадию «Дайрона», — был заменен на «Маблунга Тяжелорукого, главного тана короля», который появляется здесь впервые как четвертый участник охоты. Но еще раньше в сказании говорилось, что Тифанто > Дайрон, покинув Артанор и отправившись на поиски Тинувиэль, сгинул бесследно и «не вернулся более в Эльфинесс» (с. 21), и об исчезновении Тифанто > Дайрона поминается еще раз в эпизоде, когда Бэрэн и Тинувиэль возвращаются в Артанор (с. 36—37).

Таким образом, с одной стороны, Тифанто сгинул бесследно, и Тинувиэль по возвращении с огорчением об этом узнает, но, с другой стороны, он участвует в охоте на Волка. Затем на протяжении всей повести имя *Тифанто* было заменено на *Дайрон*, кроме как в эпизоде охоты, где *Тифанто* заменил новый персонаж, *Маблунг*. Это доказывает, что *Тифанто* исключили из участия в охоте еще до того, как имя его поменялось на *Дайрон*, однако не объясняет, как это, под именем *Тифанто*, он и в глуши заплутал, и в травле задействован. Поскольку в самой рукописи не содержится ровным счетом ничего, способного объяснить эту загадку, я могу лишь заключить, что мой отец, на самом-то деле, поначалу написал, что Тифанто заплутал в лесу и не вернулся, а также и то, что он участвовал в охоте на Волка; но, заметив это противоречие, ввел Маблунга на вторую роль (причем, возможно, еще до того, как закончил сказание, поскольку в том месте, где Маблунг возникает в последний раз, это имя так и значится, оно не переправлено из *Тифанто*: см. примечание 15). А после того имя *Тифанто* во всех остальных местах было переправлено на *Дайрон*.

В сказании охота описана иначе, нежели в соответствующем эпизоде *Сильмариллиона* (где, между прочим, присутствует Бэлэг Тугой Лук). Любопытно, что все участники (включая, по всей видимости, Хуана!), кроме Бэрэна, мирно спали, когда появился Каркарас («в то время как Бэрэн стоял на страже», с. 39). В *Сильмариллионе* Хуан умертвил Кархарота, но и сам при этом погиб, в то время как здесь смертельный удар Каркарасу наносит копьё короля, а мальчик по имени Аусир в конце рассказывает, что Хуан выжил и снова отыскал Бэрэна во времена «великих деяний, связанных с Науглафрингом» (с. 41). О судьбе Хуана, — о том, что погибнет он «не раньше, чем встретит самого могучего из волков мира», и о том, что ему «позволено было заговорить лишь трижды за всю жизнь» (*Сильмариллион*, с. 173), — здесь нет ни слова.

Наиболее примечательной чертой *Сказания о Тинувиэль* по-прежнему остается тот факт, что в самой ранней ее версии, до нас дошедшей, Бэрэн был эльфом; и в этой связи тем более знаменательны заключительные слова мальчика (с. 40):

^{*} Мысль о том, что Тимпинэн (Тинфанг Трель) приходился сыном Тинвэлинту и братом Тинувиэль (см. I. 106, прим. 1), была отвергнута. Теперь Тифанто/Дайрон назван вместе с Тинфангом и Иварэ в числе «трех эльфийских музыкантов, чья колдовская власть не имела себе равных» (с. 10).

«Однако вот что сказал Мандос этим двоим: „Ведайте, о эльфы, не к жизни, исполненной безмятежной радости, отсылаю я вас, ибо в мире, где обитает злобный сердцем Мэлько, более не существует она; узнайте же, что *станете вы смертными, подобно людям*; когда же вы вновь вернетесь сюда, это будет навечно, разве что боги и в самом деле призовут вас в Валинор“».

В сказании *Пришествие Валаф и Создание Валинора* содержится следующий отрывок (I. 76; комментарий I. 90):

«Сюда [т. е. в Мандос] во времена, что настали после, приходили эльфы из всех народов, кто по злой судьбе погиб от оружия или умер от тоски по тем, кого уже не было с ними — только так могут эльфы умереть, и лишь на время. Здесь Мандос выносил им приговор, и здесь они ждали во тьме, грезя о прошлых своих деяниях, до тех пор, пока в час, назначенный Мандосом, не родятся они среди детей своего народа и не уйдут на землю — петь и смеяться».

Та же мысль присутствует в сказании *Музыка Айнуф* (I. 59). Необычная снисходительность Мандоса в случае Бэрэна и Лутиэн, как представлено здесь, состоит в том, что полностью меняется «естественный» удел их как эльфов: они умерли, как могут умереть эльфы (от ран или от горя), но не возродились в новых облициях, а возвратились из Мандоса в прежних ипостасях, — однако стали «смертными подобно людям». Эсхатология на начальной стадии слишком туманна, чтобы возможно было вразумительное истолкование этой «смертности», а отрывок из *Создания Валинора* о судьбах людей (I. 77) особенно труден для понимания (см. комментарий по этому поводу, I. 90 и далее). Но кажется вероятным, что слова «подобно людям» в речах Мандоса к Бэрэну и Тинувиэль добавлены для того, чтобы подчеркнуть окончательность второй смерти для них обоих, какова бы она ни была; их уход будет столь же необратимым, как в случае людей; им не суждено ни второго возвращения в собственном своем облиции, ни реинкарнации. Они останутся в Мандосе («когда же вы вновь вернетесь сюда, это будет навечно»), — разве что боги призовут их жить в Валинор. Эти последние слова, возможно, соотносятся с отрывком из *Создания Валинора* касательно судьбы отдельных людей (I. 77):

«Немногочисленны счастливыцы, за коими в свой срок приходит Норнорэ, глашатай Богов. Тогда едут они с ним в колесницах или на добрых конях в долину Валинора и пируют в чертогах Валмара, поселившись в домах богов до тех пор, пока не настанет Великий Конец».

§2. Ономастика и этнонимы в Сказании о Тинувиэль

Для начала посмотрим, что можно узнать из этого сказания о географии Великих Земель: ранний словарь языка гномов свидетельствует о том, что

название *Артанор* означало «Запредельная Земля», как о том говорится в тексте (с. 9). Целый ряд отрывков из *Утраченных Сказаний* проливают свет на это выражение. В наброске к рассказу Гильфанона, который так и не был поведен (I. 240), нолдоли, изгнанные из Валинора,

«в первый раз воевали с орками и захватили проход через Холмы Горечи; так они покинули Землю Теней... Они вступили в Лес Артанор и Край Великих Равнин...»

(Край Великих Равнин, как я предположил, может являться прообразом более позднего названия Талат Дирнэн, Хранимой Равнины Нарготронда.). Согласно намеченному плану (I. 241), за рассказом Гильфанона должно было следовать *Сказание о Тинувизель*, и набросок начинается со следующих слов: «Бэрэн, сын Эгнора, бродил за пределами Дор Ломина [т. е. Хисиломэ; см. I. 112] в Артаноре...». В настоящем сказании говорится, что Бэрэн прошел «чрез ужасы Железных Гор в Запредельные Земли» (с. 11); а также (с. 21), что некоторые Псы «скитались в лесах Хисиломэ, или, миновав нагорья, забредали порою в земли Артанора или в те края, что лежали дальше, к югу». И, наконец, в *Сказании о Турамбафе* (с. 72) содержится упоминание о пути «чрез темные горы Хитлума в великие леса Запредельной Земли, где жил в те дни Тинвэлинт, сокрытый король».

Таким образом, не приходится сомневаться, что Артанор, впоследствии переименованный в Дориат (это название возникает в заглавии машинописного текста *Сказания о Тинувизель* наряду с более ранней формой *Дор Амро*, с. 41), в первоначальном замысле располагался примерно так же по отношению к Хисиломэ (Земля Тени/Теней, Дор Ломин, Арьядор), как Дориат — по отношению к Хитлуму (Хисиломэ) в *Сильмариллионе*: южнее, за горным хребтом под названием Железные Горы или Холмы Горечи.

В комментариях к сказанию *Воровство Мэлько и Затмение Валинора* я уже отмечал (I. 158—159), что, хотя в *Утраченных Сказаниях* утверждается, будто Хисиломэ лежит за пределами Железных Гор, говорится также (в *Сказании о Турамбафе*, с. 77), что эти горы получили свое название от Ангбанда, Железных Преисподен, что находятся под «корнями самых их северных твердынь». Таким образом, создается впечатление, что название «Железные Горы» в *Утраченных Сказаниях* используется непоследовательно; разве что «если не предположить, что эти горы образовывали непрерывную цепь, южная часть которой (в будущем — Горы Тени) ограждает Хисиломэ с юга, а северная часть, расположенная над Ангбандом, дает имя всему хребту» (I. 159).

В *Сказании о Тинувизель* Бэрэн, пробираясь к северу от Артанора, «добрался до невысоких холмов и безлесных равнин, отмечающих близость мрачных Железных Гор» (с. 14). В первый раз Бэрэн перевалил через горы, но теперь двинулся «вдоль Железных Гор», пока не «приблизился к наводящему ужас краю, обиталищу Мэлько».

Этот факт подтверждает предположение о том, что горы, отделяющие Хисиломэ от Запредельных Земель, и те, что возвышались над Ангбандом, образовывали единую цепь. В этой связи можно вспомнить о небольшой карте (I. 81), где горный хребет f ограждает Хисиломэ («g»): см. I. 112, 135. Подразумевается, что «туманный» или «сумрачный» край Хисиломэ защищен против Мэлько.

Здесь появляются также Горы Ночи (с. 20, 46—47), и кажется очевидным, что бескрайние сосновые леса Таурфуин, Чащи Ночи, росли именно на этих высотах (в *Сильмариллионе* им соответствует Дортонион, «Край Сосен», позже названный Таур-ну-Фуин). Там заплутал Дайрон, но Тинувиэль, хотя и прошла совсем близко, не вступила «в темные земли». Таким образом, по всей видимости, этот край был расположен именно так, как и впоследствии: к востоку от Эрэд Вэтрин, Гор Тени. Также можно предположить, что описание (содержащееся только в рукописном тексте, с. 23), согласно которому Тинувиэль, расставшись с Хуаном, покидает «лесную сень» и выходит «на луг с высокой травой», предвосхищает описание Ард-галэн (после опустошения названной Анфауглит и Дор-ну-Фауглит), особенно если этот абзац соотнести с отрывком из машинописного текста, где рассказывается, как Тинувиэль повстречалась с Хуаном «на полянке у самых границ леса, где начинаются первые луга в верховьях реки Сирион» (с. 47).

После того, как Бэрэн и Тинувиэль бежали из Ангаманди, Хуан отыскал их «в той северной части Артанора, что после названа была Нан Думгортин, земля темных идолов» (с. 35). В словаре языка гномов Нан Думгортин определяется как «край темных чаш к востоку от Артанора; там на поросшей лесом горе были сокрыты идолы, которым приносили жертвы некоторые недобрые племена людей-отступников» (*дум* (*dum*) «тайна, о которой не поминают», *думгорт* (*dumgort*), *дунгорт* (*dungort*) — «(злой) идол»). В *Лэ о Детях Хурина*, написанной аллитерационным стихом, Турин и его спутник Флиндинг (позже — Гвиндор), спасаясь бегством после гибели Бэлэга Тугого Лука, приходят в эту землю:

О ту пору их принял призрачный сумрак
И путей паутина, темных, нечистых,
Нан Дунгортина, где богов безымянных
Скрытые капища окутаны тайной —
Они старше, чем Моргот иль златые боги,
Владыки древние огражденного запада.
Однако незримые стражи угрюмой долины
Тропы не заступили трепещущим странникам,
Вреда не содеяли дрожью пронизанным.
Но из томительной дали смех временами,
Издевки демонов долгое эхо,
Резкий и грубый во мраке безмолвном,
Жестокий, нечестивый — не раз достиг Флиндинга.

(Перевод С. Таскаевой)

Иных ссылок на богов Нан Дунгортина, как мне кажется, не существует. В поэме этот край помещен к западу от Сириона; и, наконец, как Нан

Дунгортэб, «Долина Жуткой Смерти», в *Сильмариллионе* (с. 81, 121) превращается в «ничейную землю» между Поясом Мэлиан и Горами Ужаса, Эрэд Горгорот. Однако из того, что в *Сказании о Тинувииэль* край этот назван «северной частью Артанора», отнюдь не следует, что находился он в пределах охранительной магии Гвэндэлинг, причем складывается впечатление, что этот «район» изначально был менее четко очерчен и менее обширен, нежели стал впоследствии «Пояс Мэлиан». Возможно, в то время *Артанор* мыслился как огромный лесной массив, в центре которого находились пещеры Тинвэлинта; и магическая сила королевы защищала только эту ближайшую область:

«Волшебство фэй Гвэндэлинг скрывало его обитель от мысли и взора Мэлько; она соткала завесу чар над лесными тропами, чтобы никто не мог пройти по ним беспрепятственно, помимо одних только эльдар; так король оказался защищен от любой опасности, кроме разве предательства» (с. 9).

Кажется также, что ограждение это изначально не было настолько полным и не представляло собою защитную стену настолько мощную, как впоследствии. Так, например, хотя орки и волки исчезли, едва Бэрэн с Тинувииэль «вступили... в пределы круга чар Гвэндэлинг, чар, что хранили тропы от злобных тварей и ограждали от зла земли лесных эльфов» (с. 35), высказывается опасение, что даже если бы Бэрэн и Тинувииэль добрались до пещер Короля Тинвэлинта, «они только привели бы за собою погоню» (с. 34), и народ Тинвэлинта страшился, что Мэлько «двинет в ход всю свою силу и сокрушит их; и волшебство Гвэндэлинг не могло сдерживать орочьих полчищ» (с. 36).

Образ Мэнэгрота у Эсгалдуина, достигаемого только по мосту (*Сильмариллион*, с. 92—93) возникает уже в самом начале, хотя в данном сказании не названы ни пещера, ни река. Однако (как проявится еще нагляднее в более поздних сказаниях, приведенных в этой книге) Тинвэлинту, лесному фэери, обитателю пещер, предстояло еще пройти немалый путь, чтобы в итоге возвыситься до Тингола, владыки Тысячи Пещер («прекраснейшего королевского дворца всех времен к востоку от Моря»). Поначалу обитель Тинвэлинта представляла собою отнюдь не подземный город, полный чудес, где серебряные струи фонтанов низвергались в мраморные чаши, а резные колонны походили на деревья, но простую пещеру; и если в машинописном варианте и упоминаются «бесконечно высокие своды», то озаряет их лишь «неверный, мерцающий свет факелов» (с. 43, 46).

В *Утраченных Сказаниях* уже встречались ссылки на Тинвэлинта и его обитель. В отрывке, добавленном к сказанию *Оковы Мэлько* (I. 106, прим. 1), но впоследствии вычеркнутом, говорится, что Тинвэлинт заплутал в Хисиломэ и повстречал там Вэндэлин; «полюбив ее, он покинул свой народ и был счастлив, вечно танцуя в сумерках». В *Пришествии Эльфов* (I. 115) сообщается, что «Тинвэ не жил долго со своим народом, но и поныне, говорят, правит он живущими поодиночке эльфами Хисиломэ»; в том же самом сказании (I. 118—119) утверждает-ся, будто «Утраченные Эльфы» оставались там «много после того, как Мэлько

запер людей в Хисиломэ», а люди называли их Народом Тени и боялись их. Однако в *Сказании о Тинувизль* концепция изменилась. Теперь Тинвэлинт — король, правящий не в Хисиломэ, но в Артаноре*. (Где именно он повстречался с Гвэндэлинг, не уточняется.).

В рассказе (только в рукописном варианте, см. с. 9, 42) о народе Тинвэлинта упомянуты эльфы, что «остались во тьме»; со всей очевидностью, имеются в виду эльфы, которые так и не ушли от Вод Пробуждения. (Разумеется, те, что сбились с пути во время похода от Палисора тоже так и не покинули «тьму» (т. е. так и не достигли света Древ), но в этой фразе различие проводится не между тьмой и светом, но между теми, кто *остался*, и теми, кто *выступил в путь*.). О возникновении этой идеи в ходе написания *Утраченных Сказаний* см. I. 234. Среди подданных Тинвэлинта «самыми многочисленными... были илькоринди» — должно быть, те, что «сбились с пути во время похода от Палисора» (в более ранней версии — «Утраченные Эльфы Хисиломэ»).

Здесь становится очевидным основное расхождение в существенно важной концепции между старой версией легенды и вариантом *Сильмариллиона*. Илькоринди из свиты Тинвэлинта («существа непостижимые и странные», чьи «песни тьмы и обрывки колдовских заклинаний... затихали в лесных чащах или эхом отзывались под сводами глубоких пещер») описаны словами, применимыми к диким авари («Непожелавшим») *Сильмариллиона*; однако они, безусловно, являются предшественниками Серых Эльфов Дориата. Здесь термин *эльдар* эквивалентен слову *эльфы* («все эльдар — те, что *остались во тьме* или сбились с пути во время похода от Палисора») и используется не только по отношению к тем, что совершили Великое Странствие или, по крайней мере, выступили в путь; все те, кто не переплыл Море, называются илькоринди, Темные Эльфы. Позже значимость Великого Странствия в присвоении статуса эльдар явилась одним из аспектов возвышения Серых Эльфов Бэлэрианда, поскольку таким образом было проведено исключительно важное различие среди *мориквэнди* или «Эльфов Тьмы»: они разделились на *авари* (те, что не из числа эльдар) и *уманьяр* (эльдар, «не побывавшие в Амане»); см. таблицу «Разделение эльфов», приведенную в *Сильмариллионе*. Таким образом:

	Утраченные Сказания		Сильмариллион
Эльдар	Кора		Авари
	Великих Земель (Тьмы):	Эльдар (Великого Странствия)	{ Амана Средиземья (Уманьяр)
	Илькоринди		

Однако среди подданных Тинвэлинта были и *нолдоли*, то есть гномы. Этот вопрос не совсем ясен, но, по крайней мере, можно заметить, что машинописный

* В набросках к Рассказу Гильфанона «Народ Тени», обитающий в Хисиломэ — уже не эльфы, а фэй, и происхождение их неизвестно: I. 237, 239.

и рукописный варианты *Сказания о Тинувииэль* ситуацию рассматривают несколько по-разному.

Рукописный текст в этом отношении не вполне однозначен, однако говорится (с. 9), что среди подданных Тинвэлинта «самыми многочисленными... были илькоринди» и что еще до восхода Солнца «к ним присоединились многие странствующие гномы». Однако, завидев в лесу Бэрэна, Дайрон обратился в бегство, поскольку «все лесные эльфы почитали гномов Дор Ломина созданиями вероломными, лживыми и жестокими» (с. 11); и «страх и подозрительность разделяли эльдар и родичей их, изведавших рабство у Мэлько, и в том нашли отмщение злые деяния гномов в Гавани Лебедей» (с. 11). Враждебность эльфов Артанора к гномам, таким образом, была направлена именно на гномов Хисиломэ (Дор Ломина), подозреваемых в том, что они подчиняются воле Мэлько. (Возможно, именно отсюда возник впоследствии мотив *Сильмариллиона*, с. 156: эльфов, бежавших из Ангбанда, воспринимали с подозрительностью и отвергали свои же соплеменники.). В рукописном варианте говорится (с. 9), что *все* эльфы Великих Земель (и те, что остались в Палисоре, и те, что сбились с пути во время похода, и нолдоли, возвратившиеся из Валинора) подпали под власть Мэлько, хотя многие бежали и скитались в лесах и пустошах; а в первом варианте рукописного текста (см. с. 11 и примечание 3) Бэрэн «был... сыном одного из тех рабов Мэлько, что трудились в окутанных мраком землях на севере Хисиломэ». Эта концепция представляется достаточно ясной, постольку-поскольку.

В машинописной версии со всей определенностью утверждается, что «в услужении Тинвэлинта» были и гномы (с. 43): именно они навели мост через лесную реку до самых дверей Тинвэлинта. Теперь уже не заявляется, будто все эльфы Великих Земель подпали под власть Мэлько; напротив, названы несколько центров сопротивления его власти, в добавление к Тинвэлинту/Тинголу в Артаноре: Тургон в Гондолине, сыновья Фэанора и Эгнор из Хисиломэ (отец Бэрэна) — один из главных недругов Мэлько «из всего рода гномов, что не утратили еще свободы» (с. 44). Можно предположить, что именно поэтому из рукописи был устранен абзац о том, что эльфы почитали гномов Дор Ломина вероломными и лживыми (см. с. 43), однако отрывок, повествующий о недоверии к тем, что побывали в рабстве у Мэлько, остался неизменным. Сохранен был и абзац, посвященный Хисиломэ, «где жили люди, и трудились рабы-нолдоли, и скитались немногие свободные эльдар» (с. 10); однако Хисиломэ, — там, где Бэрэн выражает сожаление, что покинул его пределы, — становится краем «вольным и диким» (с. 17, 45).

И здесь возникает совершенно обескураживающая проблема ссылок на Битву Бессчетных Слез; а в ряде отрывков, только что процитированных, речь о ней заходит.

Историю Бэрэна и Тинувииэль предполагалось поместить вслед за рассказом о «Страданиях Нолдоли и Приходе Людей», который должен был быть вложен в уста Гильфанона, но, к превеликому сожалению, после первых нескольких страниц так и не продвинулся дальше стадии предварительных планов (см. I. 241). После Битвы Бессчетных Слез упоминаются Рабство Нолдоли, Рудники Мэлько, Заклятие Бездонного Ужаса, заключение людей в

Хисиломэ, и только *потом* «Бэрэн, сын Эгнора, бродил за пределами Дор Ломина в Артаноре...» (В *Сильмариллионе* деяния Бэрэна и Лутиэн предшествуют Битве Бессчетных Слез.).

В обоих вариантах *Сказания о Тинувиэль* упоминаются «рабы-нолдоли», трудившиеся в Хисиломэ, и люди, живущие там же; и в отрывке, где впервые появляется Бэрэн, в рукописи поначалу говорилось, что отец его был одним из таких невольников. Опять-таки, в обоих вариантах утверждается, что ни Тинвэ-линт, ни большинство его подданных в битве не участвовали, однако благодаря притоку беженцев после разгрома власть короля весьма умножилась; а к утверждению о том, что обиталище его было сокрыто магией Гвэндэлинг/Мэлиан, в машинописной версии добавлено слово «впоследствии» (с. 43), т. е. после Битвы Бессчетных Слез. В машинописном варианте в отредактированном отрывке, повествующем об Эгноре, утверждается, что он — один из главных врагов Мэлько «среди всего рода гномов, *что не утратили еще свободы*».

Все это, казалось бы, допускает только один вывод: события *Сказания о Тинувиэль* произошли *после* великой битвы; и это лишний раз подтверждается вполне определенным утверждением в машинописном варианте: там, где в рукописи (с. 15) сказано, что Мэлько «всегда стремился положить конец дружбе и сношениям между эльфами и людьми», во втором варианте добавлено (с. 44): «*чтобы не позабыли они о Битве Бессчетных Слез и не поднялись снова в гневе против него*».

Таким образом, крайне странным выглядит утверждение Вэаннэ в самом начале (только в рукописном варианте, с. 10, см. также с. 43), что она поведаст «о том, что случилось в чертогах Тинвэлинта, — *хотя и после того, как взошло Солнце, но задолго до незабываемой Битвы Бессчетных Слез*». (В любом случае, подразумевается, что эти два события разделяет период времени куда более долгий, нежели следует из набросков к *Рассказу Гильфанона*: см. I. 242.). То же самое повторено и ниже (с. 17): «не могло пригрезиться... чтобы эльф... дева... отправилась бы одна, без поддержки, в чертоги Мэлько — *даже в те давние дни, до Битвы Слез*, когда мощь Мэлько еще не возросла...» Но еще более странно, что эта вторая фраза сохранена в машинописном тексте (с. 45). Таким образом, в машинописном варианте два утверждения вступают в неизбежное противоречие друг с другом:

Мэлько «всегда стремился положить конец дружбе и сношениям между эльфами и людьми, чтобы не позабыли они о Битве Бессчетных Слез» (с. 44);

«Не было особой любви между лесными эльфами и народом Ангбанда даже в те дни, до Битвы Бессчетных Слез» (с. 45).

Противоречие столь радикальное в рамках одного и того же текста в высшей степени необычно; возможно, среди всех материалов, касающихся Первой Эпохи, оно — единственное в своем роде. Но никаких тому объяснений я не вижу; могу лишь просто признать его радикальным противоречием; равно как и не в силах истолковать тот факт, что в обоих вариантах утверждается: события сказания имели место *до* битвы; ведь практически все свидетельства указывают на обратное*.

* По *Сказанию о Турамбаре* история Бэрэна и Тинувиэль со всей определенностью и неизбежно имела место *до* Битвы Бессчетных Слез (с. 71—72, 140).

§ 3. *Разное*(i) *Моргот*

Обращаясь к Мэлько, Бэрэн называет его «могущественнейший Бэльха Моргот»; говорится, что таковы его имена среди гномов (с. 44). В словаре языка гномов *Бэльха* приводится в качестве формы языка гномов, соответствующей *Мэлько* (см. I. 262), но имени *Моргот* там нет; в *Утраченных Сказаниях* оно встречается только раз — здесь и нигде больше. Элемент *гот* (*goth*) приводится в словаре языка гномов со значением «война, раздор»; но если *Моргот* на том этапе означало «Черный Раздор», странно, пожалуй, что Бэрэн использует это имя в льстивой речи. В списке имен, составленном в 1930-х гг., имя *Моргот* объясняется следующим образом: «образовано от его орочьего имени *Гот* (*Goth*) «Владыка или Хозяин» с префиксом *мор* (*mor*) — „черный или темный“», но очень сомнительно, чтобы эта этимология была в ходу на этапе более раннем. Согласно тому же списку имен, в имени *Готмог*, «Предводитель Балрогов», содержится тот же самый орочий элемент («Голос *Гота* (Моргота)»). Но в «Списке имен» к сказанию *Падение Гондолина* (с. 215) говорится, что имя *Готмог* означает «раздор и ненависть» (*мог-* (*tog-*) — «ненавидеть, питать отвращение» присутствует в словаре языка гномов), что поддерживает истолкование имени *Моргот* в данном сказании как «Черный Раздор»^{*}.

(ii) *Орки и балроги*

Несмотря на упоминание рыщущих «банд гоблинов и орков» (с. 14, та же фраза сохранена в машинописном варианте), в *Сказании о Турамбаре* оба названия со всей определенностью синонимичны. В данном сказании орки описаны как «гнусные твари, порождения Мэлько» (*там же*). Во втором варианте появляются орки верхом на волках (с. 44).

Балроги, упомянутые в сказании (с. 15), уже фигурировали в одном из набросков к *Рассказу Гильфанона* (I. 241); однако они уже сыграли важную роль в самом раннем из *Утраченных Сказаний* — в *Падении Гондолина* (см. с. 212—213).

(iii) *«Удлиняющее заклинание» Тинувизль*

По поводу двух самых длинных предметов, названных в этом заклинании (с. 19—20, 46), — «меча Нана» и «шеи великана Гилима», — по всему судя, ничего с определенностью сказать нельзя, хотя они и сохранились в том же заклинании в *Лэ о Лэйтиан*, где поименован сам меч Нана, *Глэнд*, а Гилим назван

^{*} Ни в одном из текстов не содержится никаких сведений о том, что Готмог играл при Мороте такую роль, как следует из истолкования «Голос *Гота*»; но и опровержений тому нет. С самого начала он был важной персоной в стране зла, особо приближенной к Мэлько (см. с. 215). Возможно, своего рода реминисценцией на «Голос Моргота» стал «Уста Саурона», черный нумэнорец, поставленный во главе Барад-дура (*Возвращение Короля* V. 10).

«великаном Эрумана». В словаре гномов *Гилим* означает «зима» (см. I. 262, статья *Мэлько*), что кажется не вполне оправданным; хотя крайне неразборчивая запись в маленькой записной книжке для заметок по поводу *Утраченных Сказаний* (см. I. 171) вроде бы гласит, что Нан был «южным великаном лета» и был подобен вязу.

Индраванги (*индрафанги* в машинописном тексте) значит «Долгобородые»; в словаре языка гномов говорится, что это — «особое название для науглат или карлов» (см. ниже *Сказание о Науглафринге*, с. 247).

Каркарас (*Karkaras*, в машинописном тексте *Carcaras*) «Ножеклык» назван в заклинании, поскольку изначально он задумывался как «прародитель волков», который «охранял в те дни врата Ангаманди, будучи уже давно к ним приставлен» (с. 21). В *Сильмафиллионе* (с. 180) история его иная: Моргот выбрал его «из числа волчат племени Драуглуина», взрастил на погибель Хуану и как раз тогда поставил у врат Ангаманди. В *Сильмафиллионе* (там же) *Кархарот* переводится как «Алая Утроба», и выражение это используется в тексте сказания (с. 34): «Каркарас откусил руку вместе с камнем, и алая утроба поглотила их».

Глорунд — это имя дракона в *Сказании о Турамбафе* (*Глауфунг* в *Сильмафиллионе*).

В сказании *Оковы Мэлько* ничего не говорится о том, что Тулкас как-либо участвовал в создании цепи (там она называется *Ангайно*): I. 100.

(iv) *Вмешательство валар*

В сказании содержится немало указаний на то, что валар так или иначе прямую влияли на умы и сердца эльфов в далеких Великих Землях. Так, например, говорится (с. 15), что валар, должно быть, подсказали Бэрэну его хитроумную речь перед Мэлько. Возможно, что это — не более чем риторическая фигура, однако совершенно очевидно, что сон Тинувиэль про Бэрэна следует воспринимать как «посланный валар» (с. 19). Далее, «валар вложили в сердце ее новую надежду» (с. 47); и позже в рассказе Вэаннэ валар представлены как деятельные «парки», управляющие судьбами персонажей: так валар «привели» Хуана к Бэрэну и Тинувиэль в Нан Думгортин (с. 35); и Тинувиэль говорит Тинвэлиту, что «только валар спасли Бэрэна от жестокой смерти» (с. 37).

II

ТУРАМБАР И ФОАЛОКЭ

Сказание о Турамбаре, как и *Сказание о Тинувиэль*, записано чернилами поверх полностью стертого карандашного оригинала. Но кажется вполне вероятным, что существующий вариант *Турамбара* предшествует существующему варианту *Тинувиэль*. Имеется достаточно доказательств именно такого порядка создания сказаний, примером чего служат формы имени Короля Лесных Эльфов (Тингола). Во всей рукописи *Турамбара* он сначала назывался *Тинтоглин* (это имя также возникает в сказании *Пришествие Эльфов*, где оно было изменено на *Тинвэлинт*, I. 115, 131). Примечание в рукописи в начале сказания гласит: «Имя Тинтоглина надо везде изменить на *Эллон* или *Тинтэллон* = кв. *Эллу*», но примечание это зачеркнуто, и в сказании имя *Тинтоглин* было заменено на *Тинвэлинт*.

Далее, в *Сказании о Тинувиэль* имя короля было сначала *Эллу* (или *Тинто Эллу*) и — один раз — *Тинтэллон* (с. 50—51); впоследствии во всем тексте оно было заменено на *Тинвэлинт*. Ясно, что указание изменить *Тинтоглин* на «*Эллон* или *Тинтэллон* = кв. *Эллу*» относится ко времени, когда *Сказание о Тинувиэль* переписывалось или уже было переписано и когда уже существовал данный текст *Сказания о Турамбаре*.

Также за переписанным вариантом *Тинувиэль* последовала, тогда же, первая версия «интерлюдии», в которой появляется Гильфанон (см. I. 203), в то время как в начале *Турамбара* упоминается Айлиос (которого заменил Гильфанон). Относительно иного расположения сказаний, которое отец ввел, но которому так и не последовал, см. I. 229—230. Согласно раннему порядку, Айлиос поведал свое сказание в первый вечер празднества Турухалмэ, или Сбора Дров, а на второй вечер его сменил Эльтас со *Сказанием о Турамбаре*.

Есть свидетельство того, что *Сказание о Турамбаре* существовало по крайней мере в середине 1919 года. Хэмфри Карпентер обнаружил отрывок, написанный на обрывке гранок Оксфордского словаря английского языка алфавитом, довольно рано изобретенным отцом; при его транслитерации выяснилось, что это отрывок из данного сказания, не очень далеко от начала. Х. Карпентер сообщил мне, что отец пользовался этой версией «алфавита Румиля» где-то в июне 1919 года (см. *Биографию*, с. 100).

В то время, как Айлиос о многом уже успел поведать, приблизился час возжигания свечей, и так первый день Турухалмэ подошел к концу;

но на следующую ночь Айлиоса не было, и по просьбе Линдо некий Эльтас начал рассказ и молвил:

— Ведают все, собравшиеся здесь, что сие история о Турамбаре и Фоалокэ, а это, — продолжал он, — любимое сказание среди людей, и повествует оно о древних днях этого народа, до Битвы в Тасаринане, когда впервые вступили люди в темные долины Хисиломэ.

И поныне рассказывают они немало подобных историй, а еще больше таких преданий передавалось встарь, особливо же — в тех северных королевствах, что я некогда знал. Может статься, деяния иных людских воителей примешались туда вместе с тем, о чем не шла речь в наидревнейшем сказании. Однако ныне поделюсь я с вами правдивой слезной повестью, которую услышал я много прежде, нежели ступил на Олорэ Маллэ, — а случилось то до падения Гондолина.

В те дни мой народ обитал в долине Хисиломэ, и ту землю люди именовали на своих языках Арьядором. Жилища же их стояли далеко от берегов Асгона, возле отрогов Железных Гор, вблизи от великих лесов, где росли мрачные деревья. Отец мой рассказывал мне, что многие из старших народа нашего, путешествуя в дальние края, видели своими глазами злых змеев Мэлько, а иные пали пред ними, и из-за ненависти нашего народа к этим тварям и из-за злого вала с уст их не сходила история Турамбара и Фоалокэ, которых, однако, по обычаю гномов, люди называли Турумарт и Фуитлуг.

Ибо знайте, что до Битвы Плача и поражения нолдоли жил владыка людей по имени Урин, и, вняв призывам гномов, он и его народ отравились вместе с илькоринди воевать против Мэлько, оставив жен своих и детей в лесах. И среди них была Мавуин, супруга Урина, с сыном, ибо он еще не достиг возраста, когда идут на войну. Имя отрока было Турин, и так звучит оно на всех языках, Мавуин же эльдар зовут Мавойнэ.

В отличие от большинства людских родов, Урин и приверженцы его не бежали с поля боя: многие из них бились не на жизнь, а на смерть, и пали, а Урина взяли в плен. Все нолдоли, что сражались там, были либо убиты или схвачены, либо бежали в беспорядке прочь, кроме только Турондо (Тургона), что вместе со своим народом прорубил себе путь из сечи, — но не о них это сказание. Поскольку сей огромный отряд спасся, победа Мэлько не была полной, и жадно алкал он дознаться, куда бежали враги; но того не достиг он, ибо соглядатаи его ничего не разведали, а в то время никакими пытками

невозможно было заставить пленных нолдоли пойти на предательство и открыть все Мэлько.

Посему, ведая, что эльфы Кора невысоко ставят людей и относятся к ним с малой опаской или подозрением из-за слепоты их и неумелости, Мэлько восхотел принудить Урина пойти к нему на службу, дабы тот, став соглядатаем, отправился на поиски Турондо. Однако ни угроза пытки, ни обещания богатой награды не заставили Урина поддаться, ибо он молвил:

— Нет! Делай, что хочешь, но меня ты никогда не приневолишь творить свое злое дело, о Мэлько, ты, враг богов и людей.

— Верно, — отвечивал Мэлько в гневе, — уж более не попрошу я тебя о том и даже не стану принуждать, однако на дела мои, что мало придутся тебе по душе, будешь ты взирать, сидя здесь, и не сможешь двинуть ни рукой, ни ногой, дабы помешать им.

Такую пытку измыслил Мэлько на горе Урину Стойкому, и, поместив его на высокое место в скалах, встал рядом и проклял Урина и род его ужасными проклятиями валар, обрекая их на горькую участь и скорбную кончину; однако дал Урину видение, дабы тот мог узреть злоключения жены своей и детей, бессильный помочь, ибо волшебство удерживало его на сей вершине.

— Знай же, — рек Мэлько, — что над историей Турина, сына твоего, и люди, и эльфы станут проливать слезы, где бы ни собрались они, дабы рассказывать предания.

Но Урин отвечивал:

— Однако его никто не станет жалеть за то, что трусом был отец его.

После битвы Мавуин в слезах отправилась в землю Хитлум, или Дор Ломин, где все люди должны были жить отныне по слову Мэлько, кроме лишь немногих дикарей, что бродили вне ее пределов. Там родилась у нее Ниэнори, но муж ее Урин изнывал в рабстве у Мэлько, а Турин был еще ребенком, и не знала в своей беде Мавуин, как вскормить их с сестрой, ибо все люди Урина пали в той великой сече, а чужаки, что жили рядом, не ведали о сани владычицы Мавуин, земля же та была темна и малогостеприимна.

Последующая небольшая часть текста была вычеркнута и заменена вставкой, помещенной на отдельном листке. Далее следует отвергнутый абзац:

В то время слухи [*написано сверху*: рассказы] о деяниях Бэрэна Эрмавэда разошлись в Дор Ломине, и оттого, не видя иного выхода, в сердце своем порешила Мавуин отправить Турина ко двору Тинтоглина¹, попросив короля воспитать сироту в память о Бэрэне и преподать ему мудрости фэй и эльдар; ибо Эгнор², отец Бэрэна Однорукого, приходился родней Мавуин.

Далее следует абзац-замена:

Абзац, исправленный так, чтобы лучше согласовываться с историей о Тинувиэль и с последующей историей о Науглафринге:

Сказание, однако, гласит, что Урин был другом эльфов и тем отличался от многих в народе своем. Великую приязнь питал он к Эгнору, эльфу зеленолесья, гному-охотнику, и знал Бэрэна Эрмавбэда, сына Эгнора, и однажды оказал ему услугу в отношении Дамрода, сына его; о деяниях же Бэрэна Одной Руки в чертогах Тинвэлинта³ еще помнили в Дор Ломине. Оттого, не видя иного выхода, в сердце своем порешила Мавуин отправить чадо свое Турина ко двору Тинвэлинта, прося короля воспитать сироту в память об Урине и Бэрэне, сыне Эгнора⁴.

Весьма горьким было их расставание, и долгое [?время] Турин плакал и не желал покидать мать, и то первая из многих скорбей, что пали на его долю. Но наконец, поддавшись на уговоры матери, Турин уступил и стал, страдая, собираться в путь. С ним отправились двое стариков, в прежние времена — вассалы отца его, Урина, и, когда все было готово и сказаны слова прощания, они двинулись к темным горам; скромное жилище Мавуин сокрылось за деревьями, и Турин, ослепленный слезами, не видел ее больше. Тогда, покуда могла она слышать его, Турин воскликнул:

— О Мавуин, матушка моя, скоро я вернусь к тебе! — но не ведал он, что рок Мэлько лег меж ними.

Долог и весьма тяжек оказался неверный путь чрез темные горы Хитлума в великие леса Запредельной Земли, где жил в те дни Тинвэлинт, сокрытый король; и Турин, сын Урина⁵, первый из людей ступил на ту дорогу, и мало кому с тех пор случалось идти по ней. Грозил Турину и его провожатым опасность: волки и бродячие орки в это время заходили даже в такую даль от Ангбанда, поскольку мощь Мэлько возросла и распространилась на королевства Севера. Подвластные злым чарам, часто сбиваясь с пути, блуждали странники бесплодно многие дни, но наконец добрались они до леса и благодарили за то валар — однако, может статься, так судил им Мэлько, опутав шаги их, ибо в будущие времена жалел Турин, что не погиб он ребенком в тех темных лесах.

Как бы то ни было, вот так они попали в чертоги

Тинвэлинта: безвозвратно заблудившись в чащобах за горами и не имея припасов, погибли бы путники, но нашел их лесной следопыт, охотник потаенных эльфов по имени Бэлэг, ибо был он в своем народе велик статью и могуч сложением. И Бэлэг повел их извилистыми тропами чрез множество темных и пустынных лесистых земель к берегам тенистого потока, что струится у дверей пещерных чертогов Тинвэлинта. Явившись пред королем, хорошо были они приняты в память о Урине Стойком, а когда услышал король о дружбе меж Урином и Бэрэном Одноруким⁶ и о просьбе владычицы Мавуин, сердце его смягчилось и выполнил он ее желание: не только не отправил он Турина прочь, но молвил:

— О сын Урина, станешь ты жить в приятстве при лесном моем дворе даже не как вассал, но как второе мое дитя, и познаешь ты всю мудрость Гвэдэлинг и мою.

Чрез некоторое время, когда путники отдохнули, он отослал младшего из провожатых Турина обратно к Мавуин, ибо таково было желание этого человека — умереть, служа жене Урина. Однако дал ему король эльфов в провожатые и снабдил в дорогу волшебством и всем потребным, что можно измыслить. Сверх того, такие слова нес сей посланец от Тинвэлинта к Мавуин: «Знай, о владычица Мавуин, супруга Урина Стойкого, что не из страха и не из любви к Мэлько, но от мудрости сердца моего и от промысления валар не пошел я с народом моим на Битву Бессчетных Слез, и ныне обиталище мое содеялось убежищем и приютом для всех, кто, боясь зла, сыщет тайные пути, что ведут под защиту моих чертогов. Может статься, не осталось иного оплота против надменного Железного Вала, ибо хотя и говорят, что не убит Тургон, кто ведает, правда ли это, и сколь долго будет он бежать опасности? Отныне стану я пестовать сына твоего Турина как родное мое дитя, пока не войдет он в возраст, когда сможет помочь тебе — тогда он, буде пожелает, отыдет прочь». Также звал он владычицу Мавуин, если в силах она выдержать путешествие, придти в его чертоги и поселиться там в мире; но, услышав это, Мавуин все же осталась: потому, что дитя ее Ниэнори была еще младенцем, и потому, что предпочла она влачиться в бедности среди людей, нежели из милости жить в роскоши — даже у лесных эльфов. Также может быть, что не хотела Мавуин покидать жилище, где поселил ее Урин, прежде чем уйти на великую войну, — лелея слабую надежду на его возвращение, ибо ни один из тех, кто принес скорбные вести с поля боя, не мог сказать наверняка, что Урин мертв, говоря лишь, что никто не знает, где он — но, по чести говоря, немного

было этих вестников, едва ли не безумных от горя, и уже нечувствительно минули годы с того прискорбнейшего дня, когда нанесен был последний удар. Поистине, в грядущие дни мечтала Мавуин взглянуть на Турина и, может быть, потом, когда выросла Ниэнори, отбросила бы она свою гордыню и отправилась за горы, если бы не сделались они непроходимыми из-за могущества и необоримого колдовства Мэлько, что заключил всех людей в Хитлуме и убивал всякого, кто осмеливался выйти за стены гор той земли.

Так поселился Турин в чертогах Тинвэлинта; и с ним позволили остаться престарелому Гумлину, что пришел вместе с Турином из Хитлума и не имел духа и силы для обратного пути. Много радости видел Турин, обитая там, но скорбь от разлуки с Мавуин так никогда его не покинула; велика стала сила тела его, и доблестные деяния снискали ему хвалу везде, где властвовал Тинвэлинт, однако рос Турин молчаливым отроком, часто одолевала его мрачность, и нелегко было ему завоевать любовь, а удача не жаловала его: лишь малого из того, что горячо желал, достигал он, и много из того, что делал он, кончалось неудачей. Ничто, однако, не печалило его столь сильно, как то, что прекратилось сообщение меж ним и Мавуин, когда, как было сказано, невозможно стало пересечь горы, а пути закрылись. Семь лет исполнилось Турину, когда пришел он к лесным эльфам, и семь лет прожил он там, покада приходили к нему время от времени весточки от матери, посему знал он, что сестра его Ниэнори выросла стройной девицей, весьма пригожей, что в Хитлуме все обернулось к лучшему и мать его живет в покое; но затем перестал он получать вести из дому.

Дабы утишить скорбь и неистовство своего сердца, которое вечно помнило о том, что Турин и воины его потерпели поражение, сражаясь против Мэлько, Турин вместе с самыми воинственными из народа Тинвэлинта все время отправлялся в дальние походы, и, еще не достигнув зрелости, убивал он и получал раны в стычках с орками, что неустанно рыскали на рубежах и грозили эльфам. Поистине, если бы не отвага Турина, великий ущерб претерпел бы этот народ: много лет защищал Турин эльфов от гнева Мэлько, а после весьма сильно тревожили их и в конце концов обратили бы в рабство, если бы не случились великие и ужасные события, из-за которых Мэлько забыл про лесных эльфов.

При дворе Тинвэлинта жил эльф по имени Оргов, как и большинство подданных этого короля — илькорин, хотя текла в нем и кровь гномов. По матери приходился он близкой родней самому королю, а будучи добрым охотником и отважным эльфом, снискал его уважение,

однако по причине королевской милости был Оргов неводержан на язык и высокомерен; ничто не любил он столь сильно, как прекрасные одеяния, драгоценные камни, золотые и серебряные украшения, и всегда наряжался в самое лучшее. А поскольку Турин постоянно жил в лесах и терпел лишения в далеких и пустынных местах, одежда его и волосы пришли в небрежение, и Оргов всегда насмеялся над ним, когда эти двое сидели за королевским столом; но Турин никогда и словом не отвечал на эти неразумные подначивания, да и вообще не обращал он внимания на сказанное ему, и глаза его из-под косматых бровей часто смотрели, чудилось, в великую даль — и казалось, что он видит происходящее вдали и внемет лесным шорохам, недоступным иному слуху.

Однажды сидел Турин за королевской трапезой, и в тот день исполнилось ровно двенадцать лет с той поры, как взирал он сквозь слезы на Мавуин, что плакала, стоя у дверей, а он шел между дерев прочь, покуда стволы их не сокрыли мать от его взора. И был он мрачен, коротко отвечая тем, кто сидел подле него, в особенности — Оргову.

Но сей глупец не оставлял его в покое, смеясь над грубой его одеждой и спутанными волосами, ибо Турин явился как раз после долгого пребывания в лесах, и под конец Оргов изящным жестом достал свой золотой гребень и протянул его Турину; сильно хмельной, молвил он юноше, когда тот не удостоил его вниманием:

— Что ж, раз не знаешь ты, зачем нужен гребень, поспеши обратно к своей матери, ибо она, может статься, научит тебя — разве что и впрямь женщины Хитлума так же неприглядны, как их сыновья, и столь же нечесаны.

Тут свирепая ярость, рожденная сердечной болью и этими словами о владычице Мавуин, внезапно вспыхнула в груди Турина, и он схватил тяжелый золотой кубок, что стоял подле, и, забыв о своей силе, со всей мочи швырнул его в зубы Оргову, молвив:

— Заткни немедленно свой рот, глупец, и не пустословь боле!

Но лицо Оргова было разбито, он тяжело повалился назад, грянувшись головой о каменный пол и опрокинув на себя стол вместе со всей утварью, и боле не говорил он и не пустословил, ибо был мертв.

Тогда все поднялись в молчании, а Турин, глядя в ужасе на тело Оргова и на вино, обрызгавшее его руку, повернулся и ушел в ночь; иные из родичей Оргова наполовину вытащили оружие из ножен, но никто не нанес удара, ибо король не подал знака, но неотрывно смотрел на тело Оргова, и великое изумление застыло на лице его. Турин же омыл свои руки в потоке за дверьми и заплакал там, молвив:

— Не проклятие ли на мне, ведь все, что я делаю — дурно, и так все повернулось, что приходится мне бежать из дома моего приемного отца изгоем, пролившим кровь, и не видеть вновь лиц тех, кого люблю.

И в сердце своем не осмелился Турин возвратиться в Хитлум, чтобы не опечалить горько мать собственным позором или чтобы случаем не навлечь на родных гнева эльфов; посему он ушел прочь, и когда стали искать его, то нигде не могли найти.

Но искали Турина не со злом — хотя он о том не ведал — потому что Тинвэлинт, несмотря на свою печаль, простил Турина это недоброе дело, и в том большинство подданных были заодно с королем — ибо долгое время Турин держался мирно и отвечал учтивостью на недомыслие Оргова, хотя нередко бывал уязвлен его злыми словами, ведь сей эльф, будучи весьма завистлив, имел обыкновение отпускать колкости на его счет; и оттого ближние родичи Оргова принуждены были, страшась Тинвэлинта и приняв многие дары, согласиться с приговором.

Но несчастный Турин, мысля, что все против него и что сердце короля содеялось сердцем врага, ушел в самые дальние пределы лесного королевства. Там охотился он ради пропитания, будучи добрым лучником, хотя и не мог Турин тягаться в том с эльфами, ибо скорее во владении мечом он превосходил их. Собралось к нему несколько отчаянных голов, и среди них был Бэлэг-охотник, что когда-то спас в лесах Гумлина и Турина. Пережили эти двое, эльф Бэлэг и человек Турин, множество приключений — о коих ныне не рассказывают и коих не помнят, но о которых прежде много где пели. Со зверьем и гоблинами воевали они, а иногда странствовали в дальние края, неведомые эльфам. Молва о скрытных охотниках пограничья распространилась среди орков и эльфов, так что Тинвэлинт, верно, вскоре узнал бы о том, где искать Турина, если бы однажды весь отряд Турина не вступил в неравный бой с орками, которых было в три раза больше. Убили всех, кроме Турина и Бэлэга, что бежал раненый, а Турина схватили и связали, поскольку повелел Мэлько, дабы Турина привели к нему живым; ибо ведайте, что, обитая в чертогах Линвэ⁷, над коими фэй Гвэдэлинг, королева, соткала покров волшебства, тайны и столь сильных чар, что приходят лишь из Валинора — откуда и вправду в некие давние времена королева принесла это умение, — Турин был сокрыт от взора Мэлько, и тот убоился, как бы Турин не избег уготованной ему судьбы. Посему Мэлько вознамерился худо обойтись с Туринем на глазах у Урина; но Урин воззвал к Валар Запада, ибо многое ведал о них

от эльдар Кора — гномов, с которыми встречался, — и слова его дошли, никому неведомо как, до Манвэ Сулимо на высоты Таниквэтиль, Горы Мира. Однако в тяжкую беду попал Турин: немало горьких лиг тащили пленника безжалостные орки, что продвигались медленно, ибо шли они вдоль темных холмов к тем местам, где холмы эти становятся угрюмыми горами, вершины которых окутаны саваном черных испарений. Там зовутся они Ангородин, сиречь Железные Горы, ибо под корнями самых их северных твердынь лежит Ангбанд, Железные Преисподни, самое ужасное из всех обиталищ — и туда ныне направлялись орки, обремененные награбленным добром и совершенными злодеяниями.

Знайте же, что в те дни в Хитлуме и Запредельных Землях все еще жили на свободе дикие эльфы и нолдоли, что бежали с той давней битвы; и иные скитались, измученные, от места к месту, а другие обитали в тайных укывищах — в пещерах или в лесных оплотах, однако Мэлько без устали разыскивал их и из всех своих рабов обращался с ними безжалостней всего, если брал в плен. Орки, драконы и злые фэй преследовали их, и жизнь их была полна горестей и забот, вот почему те, кто так и не нашел ни королевства Тинвэлинта, ни тайной твердыни короля града камня*, погибли или попали в рабство.

Встречались там и нолдоли, что под злыми чарами Мэлько бродили словно в страшном сне, творя дурное по его велению, ибо лежало на них заклятие бездонного ужаса, и чувствовали они, как жжет их издалека взор Мэлько. Но часто эти злополучные эльфы, рабы и свободные, слышали глас Ульмо в потоках или у берега моря, где воды Сириона вливались в волны; ибо лишь Ульмо из всех валар все еще думал о них с любовью, и замыслил он, как даже с малой их помощью положить конец злу Мэлько. Тогда, памятуя о блаженстве Валинора, иногда отбрасывали эльфы свой страх, творя добрые дела и способствуя людям и эльфам бороться против Железного Владыки.

Случилось так, что сердце Бэлэга, охотника из эльфов, подвигло его разыскать Турина, как только затянулись его собственные раны. То не заняло много дней, ибо Бэлэг владел искусством исцеления, и он с невозможной быстротой отправился за орками — однако ему понадобилось все его следопытское умение, чтобы идти за ними, ибо шайка гоблинов Мэлько ходит бесшумно и ловко прячется. Вскоре очутился он за пределами известных ему земель, но ради любви к Турину поспешил Бэлэг дальше, и выказал тем самым мужество более великое, нежели у большинства

* Гондолин.

лесного народа, и, поистине, нет сейчас никого, кто мог бы постичь силу страха и муки, коими наполнил Мэлько сердца людей и эльфов в те безотрадные дни. Случилось так, что Бэлэг заблудился, застигнутый ночью в темном и опасном краю, где столь тесно росли исполинские сосны, что никто не мог найти там пути кроме гоблинов, чьи глаза пронизали самый глубокий мрак, — но даже из них многие долго блуждали в тех местах; нолдоли называли их Таурфуин, Чаша Ночи. Сочтя, что безнадежно заплутал, Бэлэг лег, привалившись спиной к огромному дереву и внимая ветру, который шумел в высоких вершинах леса во многих фатомах над ним; стонущее дыхание ночи и скрип ветвей полны были скорби и предвестия беды, и сердце его преисполнилось усталости.

Внезапно Бэлэг заметил вдалеке, меж деревьями, огонек, ровный и слабый, как от очень яркого светляка, но решив, что в таком месте неоткуда взяться светлякам, Бэлэг крадучись направился туда. Тех нолдоли, что трудились в земле и в прежнее время, в Валиноре, были искусны в работе с металлами и самоцветами, Мэлько ценил превыше всех своих рабов и не позволял им уходить далеко, а потому Бэлэг не знал, что у этих эльфов имелись маленькие светильни причудливого вида, из серебра и хрусталя, внутри которых горело негаснущее бледно-голубое пламя. Секрет этот знали среди эльфов лишь создатели самоцветов, не открыв его даже Мэлько, хотя много драгоценных камней и волшебных светочей были принуждены они сотворить для него.

С помощью этих светильников нолдоли странствовали по ночам и редко сбивались с пути, если прежде хоть раз ступали по нему. Так что, приблизившись, Бэлэг увидел одного из этих горных гномов, который спал, растянувшись на хвое под огромной сосной, а возле его головы мерцала голубая лампадка. Когда Бэлэг разбудил его, эльф вскочил в великом испуге и тоске, и Бэлэг узнал, что тот — беглец из рудников Мэлько по имени Флиндинг бо-Дуилин из древнего дома гномов. Вступив в беседу, Флиндинг весьма обрадовался разговору со свободным нолдо и немало поведал о своем побеге из самой дальней крепости рудников Мэлько; напоследок молвил он:

— Когда я мнил себя уже почти на воле, ночью я неожиданно для себя забрел на самую орочью стоянку. Они спали; при них было много добычи и тяжелых вьюков, и, думается, я разглядел много захваченных эльфов, а один из пленников лежал возле ствола, к которому его привязали весьма крепко, стонал и поносил Мэлько, взывая к именам Урина и Мавуин; и хотя тогда, чувствуя себя из-за долгого плена

малодушным, я бежал без оглядки, теперь я немало дивлюсь, ибо кто из рабов Ангбанда не знает об Урине Стойком, что единственный из людей бросает вызов Мэлько, прикованный на пытку к пику мук?

Тогда Бэлэг порывисто вскочил на ноги, воскликнув:

— Это Турин, приемный сын Тинвэлинта, тот, кого я ищу, родной сын Урина — но отведи меня к этой стоянке, о сын Дуилина, и вскоре он будет свободен!

Однако Флиндинг сильно уstraшилcя, молвив:

— Говори тише, друг мой Бэлэг, ибо у орков кошачий слух, и хотя дневной переход лежит меж мной и той стоянкой — кто может быть уверен, что за ним не следят?

Однако же, выслушав рассказанную Бэлэгом историю Турина, Флиндинг, несмотря на свою боязнь, согласился отвести Бэлэга к стоянке, и задолго до того, как взошло в тот день солнце и слабые лучи его проникли в сей темный лес, эльфы тронулись в путь, ведомые пляшущим светом колеблющегося фонарика Флиндинга. Так получилось, что их с орками дороги пересеклись: орки двинулись дальше, но не в том направлении, которому долго следовали прежде, ибо ныне, боясь, что пленник сбежит, орки отправились туда, где, как знали они, деревья росли реже и где много лиг тянулась торная тропа. Посему вечером, еще не достигнув места, которое искал Флиндинг, эльфы услышали далеко в лесу крики и грубое пение, что мало-помалу приближались; едва эльфы спрятались, как рядом с ними прошел весь орочий отряд: иные из предводителей ехали верхом на небольших лошадях, к одной из которых Турина привязали за запястья, так что он должен был идти, или его безжалостно волокли. Тогда, после того как сумрак опустился на лес, Бэлэг и Флиндинг с опаской двинулись вслед за орками. Потом шайка остановилась на ночь, и эльфы таились вблизи, покуда не стихли все звуки, кроме стонов пленников. Тогда Флиндинг прикрыл свой светильник шкурой, и они подползли ближе, и вот, гоблины спали, ибо не было у них обыкновения поддерживать огонь или выставлять стражу на ночь: как на охрану полагались они на нескольких свирепых волков, что всегда сопровождали их шайки, как собаки — людей, но не спали во время ночлегов, и глаза их красными точками горели среди дерев. Флиндинг весьма уstraшилcя, но Бэлэг велел ему следовать за ним, и эльфы прокрались там, где волки были дальше всего друг от друга. Как будто сопутствовала им удача валар: Турин лежал неподалеку, отдельно от остальных, и Бэлэг незаметно подобрался к нему и разрезал бы его узы, если бы не увидел, что нож его потерялся, пока он крался, а меч Бэлэга остался за пределами стойбища. Оттого, не осмелившись снова ползти туда и обратно,

попытались Бэлэг и Флиндинг, сильные телом мужи, унести до крайности измученного и крепко спящего Турина со стоянки. Попытка увенчалась успехом, и всегда считалось то великим деянием, и немногим удавалось подобное — миновать гоблинских волков-стражей и ограбить лагерь.

В чаще, не очень далеко от становища, они положили Турина, ибо не могли нести его дальше, поскольку был он человек и статью превосходил их⁸; Бэлэг же достал свой меч, дабы сразу разрубить им узы. Рассек он сначала путы на запястьях и трудился над веревкой, связавшей лодыжки, но когда, промахнувшись в темноте, он глубоко ранил Турина в ногу, тот в страхе очнулся. Увидев во мраке склоненную над ним фигуру с мечом в руке и ощутив жгучую боль в ноге, Турин помыслил, что один из орков явился, дабы мучить или убить его — так часто они поступали, резали его ножами или кололи копьями; но теперь Турин, чувствуя, что руки его свободны, вскочил и внезапно из всей своей силы бросился на Бэлэга, который рухнул, и, еле живой, онемев, лежал на земле; а Турин тут же схватил меч и поразил им Бэлэга в горло прежде, чем Флиндинг понял, что приключилось. Тогда Турин отскочил назад и, выкрикивая проклятия гоблинам, велел им приблизиться, дабы убить его или отведать его меча, ибо помстилось Турину, будто он среди становища, и не думал он о побеге, а только о том, чтобы дорого продать свою жизнь. Напал бы он и на Флиндинга, но тот, отскочив назад, уронил свой светильник, так что покров его соскользнул и свет его засиял, и воскликнул Флиндинг на языке гномов, дабы Турин удержал свою руку и не убивал друзей — тогда Турин, услышав его речь, остановился, и, пока стоял, в сиянии светильника узрел он белое лицо Бэлэга, что лежал подле его ног с пронзенным горлом, и Турин застыл, словно окаменев. И таким взором глядел он на лицо Бэлэга, что Флиндинг долгое время не осмеливался прервать молчание. Поистине, не было у него охоты говорить, ибо ясно видел он при свете, какая судьба постигла Бэлэга, и горько стало у него на сердце. Наконец, однако, Флиндингу показалось, что орки встревожились — а так оно и случилось, ибо услышали они крики Турина; посему молвил эльф Турину:

— Орки идут за нами, бежим, — но Турин не отвечал, и Флиндинг встряхнул его, веля опаматоваться, а не то они погибнут, и Турин поступил, как сказано, но двигался словно во сне. И, склонившись, приподнял он Бэлэга и поцеловал его в губы.

Тогда Флиндинг насколько мог быстро повел Турина из тех мест, Турин же брел вслед за ним, и наконец до поры оторвались они от пре-

следователей и перевели дух. Так у Флиндинга появилось время пове-
дать Турину все, что он знал, а также рассказать о своей встрече с Бэ-
лэгом, и Турин дал волю потокам слез и плакал горько, ибо Бэлэг был
его товарищем во многих делах; так постигла Турина третья из бед, и
до конца своей жизни не избавился он от следа сей скорби; долго бро-
дил он с Флиндингом, мало заботясь от том, куда идет, и, если бы не
сей гном, вскоре бы снова попал он в плен или заблудился, ибо думал
лишь о застывшем лице Бэлэга-охотника, что лежал в темной чащобе,
убитый его рукой, покуда разрезал Бэлэг узы его, Турина, рабства.

Тогда волосы Турина тронула седина, несмотря на его невеликие
годы. Долгое время, однако, Турин и нолдо странствовали вместе: бла-
годаря волшебству светильника шли они ночью, таясь днем. И сокры-
лись они в холмах, и орки не сыскали их.

В горах над потоком, что струился, дабы напитать реку Сирион, бы-
ли пещеры, и перед порогом их росла трава, а входы хитроумно скры-
вали деревья и волшебство, которое доселе хранили те эльфы, что жили
там. Поистине, к тому времени место сие превратилось в укрепленное
обиталище, и многие беглецы присоединялись к жившему там народу, и
в пещерах снова возродились к жизни древние искусства и ремесла нол-
до, хотя в виде грубом и простом.

Там тайно ковали и изготавливали доброе оружие, даже создавали
сверх того дивные творения, женщины снова пряли и ткали, а време-
нами скрытно добывалось по соседству золото, посему глубоко в тех
пещерах можно было при огне потаенных светильников узреть пре-
красные сосуды и услышать, как поются негромко старые песни. Но
обитатели пещер всегда бежали пред орками и никогда не вступали в
бой — разве что принуждало их к тому невезение или могли они пой-
мать орков в ловушку, чтобы все враги погибли и никто не ушел жи-
вым; так поступали эльфы для того, дабы сведения об их жилище не
достигли Мэлько и тот не заподозрил, что в этих краях обретается
много народу.

Об этом месте, однако, ведал нолдо Флиндинг, спутник Турина; по
правде говоря, он жил здесь много прежде, пока орки не схватили его и
он не попал в рабство. Туда Флиндинг ныне и направился, уверившись,
что погоня отстала, однако шли они все же окольным путем, так что
немало минуло времени, прежде чем достигли они тех краев; согладаяи
же и стражи родотлим (ибо так назывался сей народ) предупредили об их

приближении, и все, кто был за пределами своих жилищ, уходили с их пути. Затем родотлим затворили двери в надежде, что чужаки не найдут их пещер, ибо, страшась, не доверяли они незнакомцам, какого бы те ни были народа, — таковы были недобрые уроки сего грозного времени.

Когда же Флиндинг и Турин приблизились к самым устьям пещер, родотлим, видя, что эти двое знают дорогу к ним, сделали вылазку и, захватив их в плен, увлекли в свои каменные чертоги и привели к своему вождю, Ородрэту. В то время свободные нолдоли весьма опасались своих родичей, что отведали рабства, ибо, принужденные страхом, пытками и чарами, вершили те измену; так отмщены были злодеяния гномов в Копас Алквалунтэн⁹: гном обратился против гнома, и проклинали нолдоли день, когда впервые вняли они обману Мэлько, и горько раскаивались в том, что покинули благословенное королевство Валинора.

Тем не менее, Ородрэт, выслушав историю Флиндинга и сочтя ее правдивой, рад был видеть Флиндинга среди своего народа, хотя муки неволи столь сильно изменили этого гнома, что немногие узнавали его; ради Флиндинга Ородрэт преклонил слух к рассказу Турина, и тот поведал о своих тяготах, назвав Урина своим родителем — а гномы еще не забыли этого имени. Тогда смягчилось сердце Ородрэта, и он предложил им жить с родотлим и хранить верность их вождю. Так поселился Турин вместе с Флиндингом бо-Дуилином у народа пещер и изрядно потрудился ему на пользу: убил много бродячих орков и свершил немало отважных деяний, защищая родотлим. В благодарность научили они Турина ранее неведомому, ибо глубоко в их неистовых сердцах горела память о Валиноре и мудрость их была превыше мудрости тех эльдар, что никогда не видели благословенных ликов богов.

Среди этого народа жила весьма прекрасная дева, звавшаяся Файливрин, отцом же ее был Галвэг; сей гном возлюбил Турина и немало помогал ему, и Турин часто сопровождал его в опасных походах и благих деяниях. О том немало рассказал Галвэг, сидя у своего очага, Турин же нередко трапезовал с ними, и тронул он сердце Файливрин. Немало дивилась дева мрачному и печальному виду Турина, размышляя над тем, какая кручина теснит его грудь: ибо ходил Турин нерадостный, удрученный смертью Бэлэга и своей в том виной, не позволяя сердцу смягчиться, хотя и радовался Турин прелести Файливрин; но полагал он себя отщепенцем, над которым тяготеет злой рок.

Оттого Файливрин грустила и плакала втайне, сделавшись столь бледна, что все дивились белизне и нежности ее лица и яркому блеску глаз.

Наступило время, когда банды орков и злые твари Мэлько стали рыскать вблизи жилищ родотлим, и несмотря на добрые чары, что струились в реке под пещерами, мнилось, что недолго обиталищу сего народа оставаться тайным. Говорят, однако, что все то время, пока Турин жил в пещерах, его деяния среди родотлим были сокрыты от взора Мэлько и что это не Мэлько изводил родотлим — из-за Турина или почему-то еще, — но что умножение сих тварей и возросшие их могущество и свирепство принудили их двинуться в столь дальние края. Тем не менее, слепота и злосчастье, сотканые Мэлько прежде, не оставили Турина, как можно убедиться.

С каждым днем все более темнели челом вожди родотлим, и приходили к ним сны¹⁰, повелевая восстать и отправиться быстро и тайно на поиски Тургона, если сие возможно, ибо от него могло еще придти спасение гномам. Вечеру слышались в реке шепоты, и те среди родотлим, кто умел внимать сим голосам, на советах народа говорили о дурных предвестиях. Многими подвигами заслужил себе Турин место на тех советах и пренебрегал он чужими страхами, веруя в свою силу, ибо вседневно алкал он войны с тварями Мэлько, и корил он мужей сего народа, говоря:

— Внемлите! Есть у вас оружие мастерства превосходного, что по большей части не запятнано кровью врагов ваших. Вспомните о Битве Бесчисленных Слез и не забывайте о тех из вашего народа, что пали там, и мыслите не о бегстве, но о сопротивлении и битве.

Несмотря на мудрость наимудрейших, сии резкие слова смущали собравшихся, препятствуя уходу родотлим, и немало было отважных сердец, что узрели в этих речах надежду, печалась при мысли покинуть места, где уже начали они устраивать себе мирное и благолепное жилище; Турин же просил Ородрэта о мече — он не носил меча после убийства Бэлэга и довольствовался тяжелой палицей. По слову Ородрэта сковали для него великий меч, и благодаря волшебству сотворили его на диво черным, лишь края лезвия ярко сияли, будучи остры, как может быть остра только сталь гномов. Был он тяжел, заключен в черные ножны и висел на траурно-черном поясе, и Турин назвал его Гуртолфин — Жезл Смерти; часто сей клинок прыгал к нему в руку по собственному желанию, и говорят, что временами изрекал меч Турину темные слова. С ним ныне ходил Турин в холмы и

убивал им без устали, так что Черный Меч родотлим вселял в орков страх, и надолго все злое бежало от пещер гномов. Отсюда имя, которое дали Турину гномы, прозвав его на своем наречии Мормагли или Мормакиль, ибо оба этих имени значат «черный меч».

Однако вместе с доблестью Турина росла и любовь, которую питала к нему Файливрин, и когда люди роптали против Турина в его отсутствие, она заступалась за него и неизменно стремилась сослужить ему службу. Турин же всегда обходился с Файливрин учтиво и любезно, говоря, что обрел в землях гномов милую сестрицу. Меж тем, из-за деяний Турина отвергли родотлим свой старый обычай, и об их обиталище знали теперь все и повсюду, да и Мэлько не остался в неведении; однако многие нолдоли стеклись к родотлим, умножив их силу, и Турин среди них был в великой чести. Настали дни великого счастья, и некоторое время люди, как и встарь, жили не прячась и могли без опаски уходить далеко от своих домов, а многие тщеславились спасением нолдоли, покуда Мэлько втайне копил великие орды. Их Мэлько неожиданно выпустил на нолдоли, застав тех врасплох, и нолдоли, в страшной спешке собрав своих воителей, вышли против него. Но что же? Армия орков обрушилась на нолдоли, и волки, и орки верхом на волках; и был вместе с ними великий змей в чешуе полированной бронзы, что дышал смешанным огнем и дымом, имя же его было Глорунд¹¹. Все мужи родотлим либо погибли, либо попали в плен в той сече, ибо врагов было без числа: так произошло самое жестокое побоище со времени недоброй битвы Нинин-Удатриол*. Ородрэта тяжело ранили, и Турин вынес его из боя, когда еще сражение не кончилось, и с помощью Флиндинга, чьи раны были не столь серьезны¹², он принес Ородрэта в пещеры.

Там умер Ородрэт, упрекая Турина за то, что тот когда-то стоял против его мудрых советов, и сердце Турина страдало из-за гибели сего народа, вина за которую пала на него¹³. Тогда, оставив покойного владыку Ородрэта, пошел Турин в жилище Галвэга к Файливрин, что горько рыдала, извещенная о смерти отца. Турин попытался утешить ее, и из-за сердечной боли, скорби по отцу и гибели ее народа упала она на грудь Турина и обняла его. Столь сильна была

* Внизу страницы рукописи написано:

«*Ниэрильтасинва* битва бесчисленных слез
Глорунд Лаурундо или *Ундолаурэ*»

Позднее *Глорунд* и *Лаурундо* были исправлены на *Глорунт* и *Лаурунто*.

скорбь Турина, что в тот час помыслил он, будто любит Файливрин всем сердцем; но кроме одних их с Флиндингом оставалось лишь несколько престарелых служителей и умирающих, а орки, ограбив мертвых на поле боя, приблизились к ним.

Посему встал Турин перед дверьми с Гуртолфином в руке, а Флиндинг подле него; и орки напали на то место и разграбили его начисто, таща прочь всех, кто там таился, и все их добро, будь оно, спрятанное, великой или малой ценности. Но Турин не допускал их ко входу в жилище Галвэга, и немало орков полегло вокруг Турина, покуда отряд их лучников, стоя в отдалении, не выпустил в него тучу стрел. Ходил Турин в кольчуге, какие воители-гномы всегда любили и до сих пор носят, но она отвела не все злые жала, и был он уже тяжело ранен, когда Флиндинг пал, внезапно пораженный стрелой в глаз; и вскоре Турин тоже нашел бы свою смерть — и тогда судьба его была бы счастливее — если бы великий дракон, что явился на разграбление, не велел оркам оставить стрельбу; силой же своего дыхания отеснил он Турина от дверей и магией своего взора связал его по рукам и ногам.

Сии драконы и змеи — пагубнейшие создания из сотворенных Мэлько, и самые неуклюжие, однако они же самые могущественные, за исключением одних только балрогов. Наделены они великим коварством и мудростью, посему издавна говорится среди людей, что кто бы ни попробовал сердце дракона, станет он понимать все языки богов и людей, птиц и зверей, а слух его уловит шепот валар и Мэлько, прежде неслышимый. Редкий герой совершал когда-либо деяние столь отважное, как убийство дракона, и никто даже из этих храбрецов не остался в живых, отведав драконьей крови, ибо она сходна с огненным ядом, что убивает всех, кроме лишь наделенных божественной силой. Как бы то ни было, эти подлые твари подобно своему владыке любят ложь и жаждут золота и драгоценностей, пылая великой алчностью, хотя нет им от того ни пользы, ни удовольствия.

Посему *локэ* (ибо так эльдар называют змеев Мэлько) дозволил оркам убить, кого они хотели, и собрать остальных в огромную скорбную толпу, состоявшую из жен, дев и малых детей, но всех великих сокровищ, что орки принесли из каменных чертогов и сложили сверкать на солнце перед входом, он домогался сам и воспретил оркам даже прикасаться к ним, и те не осмелились противиться дракону, да и не смогли бы, пожелай они того.

В том плачевном собрании стояла в ужасе Файливрин, простирая руки

к Турину, но его связали чары дракона, ибо во взгляде сей твари было подлое колдовство, как и у многих других его рода, и дракон словно обратил мышцы Турина в камень, удерживая своим взором взор Турина, так что воля его умерла, и не мог он шевельнуться по собственному желанию, хотя видел и слышал.

Тогда Глорунд своими издевками едва не довел Турина до безумия, говоря, что, дескать, бросил Турин свой меч и нет в нем мужества нанести удар, дабы защитить своих друзей — ныне клинок Турина лежал у стоп его, куда выскользнул из ослабшей длани. Велика была мука сердца Турина, и орки насмеялись над ним, а из пленников иные жестоко упрекали его. Даже когда орки погнали прочь толпу невольников и сердце Турина разбилось при виде этого зрелища, он все же не двинулся; и бледное лицо Файливрин исчезло вдали, и доносился до него ее плач: «О Турин Мормакиль, где твое сердце; о мой возлюбленный, для чего ты меня оставил?». Столь возросло страдание Турина, что даже чары змея не устояли пред ним: с громким криком схватил он меч, лежавший у его ног, и поразил бы им дракона, но змей дохнул на него смрадом и жаром, и Турин лишился чувств, мысля, что настала смерть.

Через долгое время — сколь именно долгое, сказание умалчивает — Турин пришел в себя: он лежал, глядя на солнце, а голова его покоилась на гряде золота, оставленного грабителями. Тогда молвил дракон, что был совсем рядом:

— Не дивись ли ты, для чего удержал я смерть от тебя, о Турин Мормакиль, коего прежде именовали храбрым?

Тогда вспомнил Турин все свои беды и все то зло, что пало на его голову, и рек:

— Не глумись надо мной, смрадный змей, ибо ты ведаешь, что желаю я умереть; и лишь оттого, мнится мне, ты не убил меня.

Дракон же, ответствуя ему, молвил:

— Знай же, о Турин, сын Урина, что злая судьба сплетена тебе и не сможешь ты освободиться от ее тенет, куда бы ни пошел. Да, поистине, не убил бы я тебя, ибо так спасся бы ты от пружестокых горестей и мучительной участи.

Тогда внезапно вскочил Турин на ноги и, избегая гибельного взора твари, воскликнул, воздев свой меч:

— Нет, никто с этого часа не станет звать меня Турином, если буду я жив. Се, нарекусь я новым именем — Турамбар!

Означает это имя «Победитель Рока», а на языке гномов звучит оно как Турумарт. С этими словами второй раз бросился он на дракона, мысля на самом деле принудить дракона убить его и так победить свою судьбу гибелью, но дракон, смеясь, молвил:

— Глупец ты! Захоти я, убил бы тебя уже давно, и могу совершить сие здесь и сейчас, а если не будет на то моей воли, не сможешь ты сражаться со мной бодрствующим, ибо мой взгляд вновь опутает тебя чарами, дабы застыл ты как каменный. Нет, убирайся прочь, о Турамбар, Победитель Рока! Буде пожелаешь преодолеть свой рок, то прежде должен ты его встретить.

Но Турамбар, исполняясь стыда и гнева, может стать, убил бы себя — столь велико было его помрачение, — хотя тогда не мог бы он надеяться, что когда-либо его дух покинет темный сумрак Мандоса или ступит на отрадные тропы Валинора;¹⁴ но в горести своей вспомнил он о бледном лице Файливрин и склонил голову, ибо запало ему в сердце пойти обратно через все чащи по печальным следам сей девы даже в самые Ангаманди и в Железные Холмы. Верно, нашел бы Турамбар в этом безнадежном предприятии смерть легкую и быструю, а хотя бы и тяжкую, или, может стать, он спас бы Файливрин и изведаль счастье, но не так было ему суждено оправдать новоизбранное имя, и дракон, читая его мысли, не позволил ему столь легко избежать злого течения судьбы.

— Внемли мне, о сын Урина, — молвил он, — в сердце своем всегда был ты трусом, лживо тщеславясь пред всеми. Ты, верно, мыслишь, то храброе деяние — следовать за девой чуждого народа, мало заботясь о своих родичах, что претерпевают ныне ужасное? Ведай же: Мавуин, что любит тебя, долго в нетерпении ожидала твоего возвращения, зная, что уже некоторое время назад ты достиг зрелости. Но тщетно уповает она на твою помощь, не ведая, что сын ее — изгой, запятнанный кровью товарищей, осквернивший трапезу своего владыки. Дурно обращаются с ней люди, и помни, что те области Хитлума наводнили орки, посему живет она, страшась опасностей, и с ней — дочь ее Ниэнори, сестра твоя.

Тогда возгорелись в Турамбаре скорбь и стыд, ибо ложь змея колола правдой, а из-за чар его взора Турамбар поверил всему сказанному. Посему прежнее желание снова узреть мать свою Мавуин и взглянуть на Ниэнори, которую он не видел с детства¹⁵, вновь вспыхнуло в нем, и с сердцем, что разрывалось от скорби при воспоминании о судьбе Файливрин, обратил Турамбар свои стопы к горам, взыскав Дор Ломин, и меч его лег в ножны. Правдиво сказано: «Ни за что не покидай своих друзей — и не верь тем, кто советует тебе так поступить», ибо из-за того, что бросил он Файливрин в беде — о чем ведал он сам, — пало величайшее зло на него самого и всех, кого он любил; и поистине, сердце его смутилось и колебалось, и ушел он из тех мест, чувствуя крайний стыд и усталость. Дракон же, втайне злорадствуя, возлег, свернувшись, на кладе, весть же о великом сокровище золотых сосудов

и необработанного золота, что покоилось у пещер над потоком, распространилась далеко вокруг; однако почивал подле клада великий змей и лелеял злые думы, размышляя, как насадить ему коварную ложь, дабы дала она побеги, произросла и принесла плоды — и струи дыма подымались из его ноздрей, покуда он спал.

Чрез долгое время, с великим трудом придя в Хисиломэ, нашел Турамбар место, где было жилище его матери, то самое, откуда его отправили ребенком, но что это? — дом стоит без крыши, а пашня вокруг заросла. Сердце его дрогнуло, но от живших неподалеку он узнал, что несколько лет тому назад, с наступлением лучших дней, владычица Мавуин перебралась в крупное и зажиточное поселение неподалеку, ибо та часть Хисиломэ была плодородна, и тамошние обитатели пахали землю, а многие имели отары овец и стада скотины, хотя по большей части в те мрачные дни после великой битвы люди, боясь селиться в обжитых местах, скитались по лесам, кормясь охотой или рыбной ловлей — таковы были племена, обитавшие у вод Асгона, откуда после явился Туор, сын Пэлэга.

Турамбар же, услышав такие слова, удивился и спросил людей, забредают ли в эти края орки или иной жестокий народ Мэлько, но собеседники качали головами, говоря, что никогда сии твари не заходят вглубь земли Хисиломэ¹⁶.

— Если нужны тебе орки, — сказали ему, — ступай в горы, что окружают наш край, и там не придется тебе их долго искать. Едва ли может даже самый осторожный добраться сюда или уйти прочь, ибо стража их неусыпна и кишат они у каменных врат этой земли, чтобы Дети Людей жили в Земле Теней как в загоне; однако говорят, что есть на то воля Мэлько — дабы не тревожили они нас здесь. Но все же кажется нам, что ты явился издалека, и тому мы удивимся, ибо много минуло времени с той поры, как мог кто-то прийти этим путем из иных земель.

От того был Турамбар в недоумении, заподозрив обман в речах дракона, но, исполнившись надежды, отправился в то поселение и, когда вышел он к усадьбам, без труда узнал дорогу к дому своей матери. Немало озадачили людей его расспросы, и не без причины, те же, к кому обращался Турамбар, взирали на него с великим трепетом и изумлением и не хотели говорить с ним, ибо одет он был как странник по диким лесам, волосы его отросли, а на лице, измученном и осунувшемся от неутолимой скорби, свирепо горели из-под темных бровей темные глаза. Носил он ожерелье из чис-

того золота и могучий меч на поясе, и немало дивился на него народ; а ежели кто осмеливался спросить его, он назывался Турамбаром, сыном усталого леса*, и то казалось людям еще страннее.

Пришел он к обиталищу Мавуин и вот, был это славный дом, но никто не жил в нем, сады заросли высокой травой, в коровнике не было скотины, а в конюшне — лошадей, и на пустынных пастбищах царила тишина. Лишь ласточки шумели и суетились под стропилами скатов крыши, как будто близилась осень, и Турамбар сел у резной двери и заплакал. Шедший мимо прохожий, направлявшийся в другое место, заметил его, ибо усадьба стояла возле дороги, и, приблизившись, спросил о причине печали. И Турамбар отвечствовал, что горько сыну, много лет разлученному с родным домом, покинуть все, что дорого ему, и, бросив вызов опасностям наводненных орками гор, найти по возвращении опустелое жилье своих родичей.

— Нет, тут какая-то хитрость Мэлько, — отвечал прохожий, — ибо и вправду жила здесь владычица Мавуин, жена Урина, но вот уже два года, как она уехала неожиданно и втайне, и люди говорят, что она ищет своего пропавшего сына и что с ней ее дочь Низнори, но так ли это — мне неизвестно. Однако, как и многим другим вокруг, ведомо мне иное, что я зову постыдным, ибо знай, что надзор над всем своим добром и землей Мавуин поручила Бродде, человеку, которому доверяла: он — владевает над здешними местами с согласия людей и женат на родственнице Мавуин. Но вот давно нет ее, и он смешал хоть и малые стада ее и отары со своими, большими, и клеймит ее скотину своим тавром, однако дому и усадьбе Мавуин дал он впасть в разорение, и люди мнят в том зло, но ничего не делают, ибо власть Бродды весьма возросла.

Тогда Турамбар попросил показать ему тропу к жилью Бродды, и прохожий выполнил его пожелание, посему Турамбар, широко шагая, явился туда как раз к наступлению ночи, когда люди в доме сели за стол. Немало народу собралось там той ночью при свете факелов, но владычицы Айрин не было, ибо на пирах у Бродды пили слишком много, пели неистовые песни и часто затевали прямо в зале ссоры, а она такого не любила. Постучал Турамбар в ворота, сердце же его омрачилось и исполнилось великого гнева, ибо ожесточили его слова прохожего, сказанные у дверей его матери.

* Примечание в рукописи относительно этого имени гласит: «*Турумарт го-Драутодаурос* [изменено на *бо-Драутодаврос*] или *Турамбар Руситаурион*».

Когда открыли ему на стук, и Турамбар вошел в зал, Бродда пригласил гостя сесть и велел поставить перед ним вина и еды, но Турамбар не пожелал ни пить, ни есть, так что косо люди посмотрели на угрюмость пришлеца и спросили, кто он таков. Тогда Турамбар, выступив на середине зала перед помостом, где сидел Бродда, произнес:

— Знайте же: я Турамбар, сын леса, — и люди смеялись над этими словами, глаза же Турамбара сверкнули гневом.

Тогда молвил Бродда в сомнении:

— Чего желаешь ты от меня, о сын дикого леса?

На это Турамбар ответил:

— Владыка Бродда, я пришел воздать тебе должное за управление чужим добром, — и молчание воцарилось там.

Однако Бродда рассмеялся, снова повторив:

— Но кто же ты?

Вслед за тем Турамбар вспрыгнул на помост и, прежде чем мог Бродда предвидеть, что случится, обнажил меч Гуртолфин и, схватив Бродду за волосы, отрубил ему голову чуть ли не напрочь, громко воскликнув:

— Так умирает богатей, что присовокупил вдовью малую толику к своему изобилию! Ведайте, не все мужи гибнут в диких лесах, и не я ли сын Урина, что, вернувшись к своим родичам, обретает лишь обобранное пустое жилье?!

Тогда поднялся в зале великий шум, и, поистине, хоть и не в себе был Турамбар, с избытком обремененный горестями, все же совершил он деяние жестокое и незаконное. Тем не менее, иные не пожелали обнажить оружие, говоря, что вором был Бродда и умер как вор, но немало народу напали с мечами на Турамбара, и нелегко ему пришлось: он убил одного человека, и то был Орлин. Тогда в великом страхе вошла в зал Айрин долговолосая, и по ее слову мужчины перестали биться; но с великим ужасом узрела она, что совершилось, и Турамбар отвернулся прочь и не мог взглянуть на нее, ибо гнев его остыл, и охватили его тоска и усталость.

Но женщина, выслушав рассказ, молвила:

— Нет, не обо мне горюй, о сын Урина, а о себе самом: ибо господин мой был суровый владыка, властелин жестокий и несправедливый, и люди могут немало сказать в твою защиту, но погляди: ты поразил Бродду за трапезой, будучи его гостем, и Орлина убил ты, родича своей матери; и какой же вынесу тебе приговор?

При этих словах иные смолчали, но многие вскричали «смерть», однако Айрин сказала, что это не совсем в согласии с законами тех мест:

— Ибо хотя Бродда убит несправедливо, — молвила она, — но справедлив гнев убийцы, и Орлина также поразил он, защищаясь, хотя и было то в пиршественном зале. Но ныне, мыслю я, должно этому человеку спешно уйти прочь от нас и никогда не возвращаться в наши края, а в противном случае любой может убить его; теми же землями и добром, что принадлежали Урину, станет владеть род Бродды, если только

не вернуться из скитаний Мавуин и Ниэнори, но даже тогда не сможет Турин, сын Урина, унаследовать ни доли, ни части этого имущества.

Все, кроме Турамбара, сочли приговор справедливым и дивились беспристрастности Айрин, чей владыка лежал убитый, и не догадывались люди о том, сколь ужасна была ее жизнь с этим человеком; но Турамбар швырнул свой меч на пол и велел им умертвить его, но не пожелали люди того из-за слов Айрин, которую любили, Айрин же не допустила убийства из любви к Мавуин, надеясь, что обретут эти двое, мать и сын, друг друга в счастье, а приговор свой вынесла она, дабы утолить гнев людей и спасти Турина от смерти.

— Нет, — молвила она, — три дня даю я тебе, чтобы покинул ты эту землю, а посему ступай!

И Турамбар поднял свой меч и вытер его, сказав:

— Если б я был чист от его крови, — и вышел в ночь. В неразумии сердца своего полагал он, что навеки отрешен от Мавуин, своей матери, и мыслил, что никогда более кто-либо из тех, кого он любил, не захочет и взглянуть на него. Жаждал он известий о матери своей и сестре и никого не мог расспросить, но побрел обратно за горы, зная только, что они, верно, все еще ищут его в лесах Запредельных Земель, и более ничего не ведал он о них долгое время.

О последующих скитаниях Турамбара ничего не рассказывают, разве то, что после многих странствий скорбь его притупилась, а сердце охладело — покуда, наконец, в краях весьма дальних, во многих переходах за рекой родотлим он не наткнулся на лесных охотников, людей. Иные из них были таны Урина или их сыны, что скитались без цели после Битвы Слез, и Турамбар вошел в их число и начал жизнь сызнова настолько хорошо, как только мог. Жилища тех людей находились в более приветливом лесном крае, в землях не столь далеко от Сириона, от травянистых холмов среднего течения сей реки. Сии стойкие люди не склонились пред Мэлько, и Турамбар был среди них в чести.

Ныне надлежит рассказать, что с Мавуин все обстояло совсем не так, как Фоалокэ поведал Турину, ибо доля ее изменилась к лучшему и жила она в мире, почитаемая людьми тех краев. Тем не менее, с ходом лет, не получая вестей о Турине, все сильнее кручинилась она по сыну, хотя Ниэнори выросла весьма пригожей и стройной девицей. Когда Турин бежал из чертогов Тинвэлинта, ей было уже двенадцать¹⁷ лет, и стала она высока и прекрасна.

Не говорится в сказании, сколько дней Турамбар прожил с

родотлим, но немало их было, и за это время Ниэнори ступила на порог зрелости, и часто вели они с матерью речи о сгинувшем Турине. В чертогах Тинвэлинта также жила память о Турине, ведь там все еще обитал Гумлин, ныне ветхий годами, что опекал Турина-отрока во время первого его путешествия в Запредельные Земли. Сделался Гумлин сед, и годы тяготили его, но горячо желал он снова увидеть народ людей и владычицу Мавуин, свою госпожу. О ту пору Гумлин узнал, что великое множество орочьих отрядов и иных свирепых тварей Мэлько покинули горы, которые весьма долго были непроходимы для людей и эльфов. Теперь на время все горы и тропы, что вели через них, очистились от зла Мэлько, ибо лелеял он тогда великий и ужасный замысел, а именно — разорение родотлим и, сверх того, многих иных поселений гномов, обнаруженных его соглядатаями¹⁸, однако народ в тех краях на время вздохнул свободнее, хотя если бы ведали они обо всем, то, верно, не радовались бы.

Тогда престарелый Гумлин пал на колени пред Тинвэлинтом, моля, дабы тот позволил ему возвернуться домой и увидиться с госпожой, пока смерть не забрала его в чертоги Мандоса — если только владычица его не отправилась туда прежде. Тогда король¹⁹ сказал «да» и дал Гумлину в дорогу двух провожатых, ибо тот, по причине преклонного возраста, нуждался в помощи; и эти трое, Гумлин и два лесных эльфа, совершили весьма тяжелое путешествие, ибо зима близилась к концу, а Гумлин ни за что не пожелал ждать весны.

Когда достигли путники тех мест Хисиломэ, где встарь обитала Мавуин и недалеко от которых она жила в то время, повалил сильный снег — как бывает часто в тех краях, хотя уже стояли дни ранней весны. Под снегопадом заблудился Гумлин, а его провожатые в поисках помощи случайно наткнулись на дом Мавуин, и, попросив ее о подмоге, обрели оную. Сопровождаемые слугами Мавуин, нашли они Гумлина, принесли в дом и, обогрев, вернули к жизни; придя же, наконец, в себя, тот узнал Мавуин и весьма обрадовался.

Когда же он несколько оправился, то поведал свою историю Мавуин, и когда повествовал Гумлин о юности и наидоблестнейших деяниях Турина, она ликовала, но велики были ее скорбь и уныние при вести об уходе его от Линвэ²⁰ и о том, как это совершилось. И покинув Гумлина, горько плакала она. Поистине, уже давно, с того времени, когда Турин, как знала Мавуин, достиг зрелости — буде он жив, — дивилась мать,

что не возвращается к ней сын, и часто сердце Мавуин наполнял ужас при мысли, что на обратном пути погиб Турин в горах; но горькой оказалась правда, и долгое время Мавуин была безутешна, и Ниэнори не могла успокоить ее.

По причине ненастной погоды провожатые, что привели Гумлина из королевства Тинвэлинта, остались жить в гостях у Мавуин до весны, с приходом которой умер Гумлин.

Тогда восстала Мавуин и, пойдя к нескольким вождям тех мест, просила их о помощи, поведав им о судьбе Турина со слов Гумлина. Но иные смеялись, сказав, что обманул ее лепет умирающего, а большинство молвили, что она обезумела от тоски и что лишь глупец мог посоветовать ей искать за горами человека, пропавшего уже много лет назад.

— И не дадим мы тебе, — добавляли они, — ни людей, ни коней для этих поисков, хотя и любим мы тебя, о Мавуин, жена Урина.

Тогда Мавуин покинула их в слезах, но не винила их, ибо мало надеялась она на свою мольбу и знала, что мудрость была в их словах. Однако, не в силах успокоиться, пришла она к эльфам-проводатым, что уже хлопотали, собираясь в путь под солнцем; и молвила она им «Отведите меня к вашему владыке». Эльфы хотели ее отговорить, сказав, что дорога их не та, чтобы женщине ходить по ней, однако Мавуин их не послушала, а вместо того попросила она свою подругу, которую звали Айрин Файглиндра* (длиннокосая) и которая была замужем за Броддой, владыкой того края, богатым и могущественным, чтобы он взял под свое покровительство Ниэнори и все добро Мавуин. На то согласился Бродда даже без усиленных просьб Айрин, и, узнав об этом, Мавуин собралась прощаться с дочерью; но в том она не преуспела, ибо встала Ниэнори пред матерью и молвила:

— Либо ты никуда не пойдешь, о Мавуин, матушка моя, либо мы отправимся вместе, — и ничто не могло поколебать ее. Тогда, наконец, и мать, и дочь изготовились для этого тяжелого странствия, и провожатые немало роптали на это. Однако случилось так, что за жестокой зимой последовала весьма теплая весна, и, несмотря на дурные предчувствия провожатых, все четверо перебрались через горы и совершили долгое свое путешествие, не претерпев иных зол, кроме голода и жажды.

Явившись тогда пред Тинвэлинтом, Мавуин поверглась ниц и плакала, моля о прощении для Турина, о сострадании к ней и Ниэнори и о помощи: но Тинвэлинт велел Мавуин подняться и сесть подле

* На полях написано *Фириганда*.

Гвэдэлинг, королевы его, молвив:

— Много лет тому назад простил я Турина, сына твоего, да, сразу после того, как он покинул эти чертоги, и предприняли мы долгие и утомительные поиски. И не мой приговор прогнал его прочь из этого королевства, но раскаяние и горечь увели твоего сына в глушь, где, думается мне, настигли его злые твари, а буде он еще жив, то пребывает, опасаюсь, в рабстве у орков.

Тогда снова заплакала Мавуин, заклиная короля помочь ей, ибо молвила она:

— Истинно, стану я странствовать, покуда не сотрутся стопы мои, если посчастливится мне в конце путешествия узреть лицо Турина, сына Урина, возлюбленного моего.

Но король ответил, что не ведает, где может сыскать она своего сына кроме как в Ангаманди, а туда не пошлет он никого из своих вассалов, хотя сердце его и исполнилось сострадания к горестям родных Урина. И впрямь говорил Тинвэлинт то, что почитал верным, и не хотел он увеличить скорбь Мавуин, но лишь только желал удержать ее от безрассудных и гибельных поисков, однако Мавуин, выслушав короля, не сказала более ни слова и, покинув Тинвэлинта, отправилась в леса, не дозволив никому остаться с ней, и одна Ниэнори сопровождала мать, куда бы та ни шла.

Народ Тинвэлинта взирает на обеих женщин с жалостью и сочувствием, тайно храня их и без ведома их оберегая ото всякого зла: так эти бродящие по лесам женщины привычны стали и милы многим эльфам, но горестное то было зрелище, и народ клял Мэлько и дела его, когда видел их. Так случилось, что через много лун Мавуин наткнулась на отряд бродячих гномов и, вступив в беседу с ними, услышала рассказ о родотлим и о житье Турина среди них — то, что знали сами эти гномы. Поведали они и о том, как воинства Мэлько и дракон Глорунд захватили обиталище родотлим, ибо сии деяния были еще новостью и молва о них распространилась далеко вокруг. Имени Турина гномы не знали, именую его Мормакиль, неистовый человек, что бежал от лица Тинвэлинта и спасся затем из рук орков.

Тогда сердце Мавуин исполнилось надежды, и она задала им множество вопросов, но нолдоли отвечали, что не слышали, будто кто-то остался в живых после разграбления, кроме тех, кого угнали в Ангаманди, и тогда снова угасла надежда Мавуин. Но она, тем не менее, вернулась в чертоги короля и, поведав свой рассказ, попросила у него помощи против Фоалокэ. Подумала Мавуин: а вдруг Турин все еще томится в рабстве у дракона и у них получится как-то его освободить? Или же доблести людей короля достанет убить змея в отмщение за его злодейства,

а перед смертью он, быть может, скажет верные слова о судьбе Турина, если вправду нет его в пещерах родотлим. О великом кладе, что хранил дракон, Мавуин заботилась мало, но много рассказала о нем Тинвэлинту — со слов нолдоли. Скудны были богатства, коими владел народ Тинвэлинта, однако любили лесные эльфы дивные и прекрасные вещи, золото, серебро и самоцветы, как любят их все эльдар, но нолдоли — более прочих; да и король мыслил сходно, богатства же его были невелики, если не считать чудного Сильмарилля, за который много королев отдали бы все свои полные до краев сокровищницы, если бы могли получить его.

Посему отвечал Тинвэлинт:

— Ныне обретешь ты помощь, о Мавуин самая стойкая, и, прямо скажу тебе, не в надежде освободить Турина предоставляю я ее, ибо не вижу я в этой повести надежды, но, скорее, ее гибель. Но правда то, что нуждаюсь я в сокровище и жажду его, и, может статься, обрету его в этом предприятии: но половину добычи получишь ты, о Мавуин, в память об Урине и Турине или передашь его в опеку Ниэнори, своей дочери.

Тогда молвила Мавуин:

— Нет, дай мне только хижину дровосека и моего сына.

Тинвэлинт же ответил:

— Сего не могу я, ибо я лишь король диких эльфов, а не вала западных островов.

Тогда Тинвэлинт собрал отряд своих лучших воителей и охотников и открыл им свою волю, и оказалось, что имя Фоалокэ уже было им ведомо и немало нашлось тех, кто мог провести отряд в земли дракона, но имя это пугало самых отважных, а места, где жил змей, были обителью неизъяснимого ужаса. Бывшее поселение родотлим находилось не особенно далеко от королевства Тинвэлинта, хотя и не очень близко, однако король молвил Мавуин:

— Ныне оставайтесь вы с Ниэнори у меня, а мои воины отправятся на дракона, и обо всем, что сделают и узнают они в тех краях, они верно передадут нам.

И люди его сказали:

— Да, мы исполним волю твою, о Государь, — но страх стоял в их глазах.

Мавуин, видя это, молвила:

— Да, о Государь, пусть Ниэнори, дочь моя, и впрямь останется у ног Королевы Гвэдэлинг, но я не забочусь, жить мне или умереть, и отправлюсь взглянуть на дракона и найти моего сына, — и Тинвэлинт рассмеялся, но Гвэдэлинг и Ниэнори, опасаясь, что Мавуин не шутит, горячо отговаривали ее. Она же была как адамант, боясь, что ее последняя надежда выручить Турина погибнет из-за страха воинов Тинвэлинта, и ничто не могло поколебать ее:

— От любви, ведаю я, — отвечала она, — идет все сказанное вами, но

дайте мне лучше коня, чтобы ехать, и, если пожелаете, острый нож — дабы умереть, если понадобится, и позвольте мне отправиться.

Слова эти повергли в изумление слышавших их эльфов, ибо поистине жены и дочери людей в те дни были отважны, и весьма долго длилась их юность, но казалось это эльфам безумием.

Еще большим безумием показалось им, когда Ниэнори, видя упорство своей матери, произнесла пред ними всеми:

— Тогда я тоже поеду; куда отправляется мать моя Мавуин, туда я, Ниэнори, дочь Урина, доберусь с еще меньшим трудом.

Но Гвэдэлинг сказала королю, дабы он не дозволил этого, ибо королева была фэй и, верно, смутно провидела, что может произойти.

Тогда прекратила Мавуин спорить и отправилась бы, покинув короля, в леса, если бы Ниэнори не уловила ее за одеяние и не остановила, и все принялись молить Мавуин, пока, наконец, не было решено, что король пошлет против Фоалокэ сильный отряд, с которым Ниэнори и Мавуин доедут до мест, где живет змей. Там надлежит им сыскать возвышенность, откуда они смогут смотреть на происходящее незамеченными и не подвергаясь опасности, пока воители будут подкрадываться к змею, чтобы убить его. Об этой возвышенности рассказал лесной житель, что часто наблюдал оттуда за обиталищем дракона. Наконец, изготовился отряд драконоубийц, и сели они на добрых коней, быстрых и крепконогих, хотя и немного их было у народа лесов. Нашлись кони и для Ниэнори и Мавуин, что ехали во главе отряда, и все немало дивились их посадке, ибо народ Урина и те люди, среди которых выросла Ниэнори, немало ездили верхом, и меж них и отрок, и юница садились на лошадь еще в нежных летах.

После многодневного путешествия всадники достигли мест, где прежде был дивный край: там бежала по каменистому руслу быстрая река, и один ее берег, высокий и крутой, порос деревьями, по другому, что был ровнее, тянулись более плодородные пологие возвышенности, а за высоким краем обрыва сразу начинались холмы. Взглянув туда, путники увидели, что на большое расстояние вокруг древних пещер родотлим местность стала бесплодной и подверглась порче, а деревья втоптаны в землю или сломаны. Черная степь протянулась к холмам, и на земле виднелись огромные следы, которые оставлял, пресмыкаясь, этот отвратительный змей.

Много драконов Мэлько выпустил в мир, и иные из них более могучи, нежели остальные. Самые слабые — что весьма велики по сравнению с людьми тех дней — холодны, как подобает змеям и гадам, и из них

многие крылаты и летают с величайшим шумом и быстротой; но те, что более могучи, — жарки, весьма тяжелы и медлительны, иные из них изрыгают пламя, и огонь мерцает под их чешуей, а ненасытная их алчность и коварство во зле больше, чем у всех иных тварей: таков был Фоалокэ, чье пламя обратило местность вокруг его логова в разоренную пустошь. Уже весьма возрос он с тех дней, когда напал на родотлим, и столь же приумножились накопленные им сокровища, ибо людей, эльфов и даже орков убивал он или же обращал в рабство, дабы те служили ему, добывая ради утоления его вожделения драгоценности и ради увеличения его клада — награбленное добро.

Отряд же устранился, взглянув издали на те места, однако они изготовились к битве, и, бросив жребий, послали одного из них вместе с Ниэнори и Мавуин на сказанную возвышенность²¹ на границах увядших земель; поросла она деревьями, а взойти туда можно было потайными тропами. Как только те трое достигли холма, а воины украдкой подобрались к пещерам, оставив своих коней, что уж были в пене от страха, вот, Фоалокэ выбрался из своего логовища и, соскользнув по берегу вниз, улегся, по своему обыкновению, поперек реки. Сразу же заключился пар и густой туман, к которым примешалось зловоние, и эти испарения накрыли отряд, едва не задушив воинов. Они окликали один другого в тумане, обнаруживая себя перед змеем; и тот громко рассмеялся. Услышав этот ужаснейший из всех звуков, что издают живые твари, воины, не помня себя, побежали во мгле, но не смогли найти своих коней, ибо те, исполнившись крайнего ужаса, сорвались с привязи и укакали.

Тогда Ниэнори вместе со своей матерью, услышав отдаленные крики и видя надвигающийся на них с реки густой туман, повернули обратно, туда, где они расстались с отрядом, и, спешившись, ждали в великом сомнении. Внезапно накрыло их этим непроглядным туманом, и в нем пролетели, обезумев, смутно различимые кони охотников. Тогда их собственные кони, заразившись страхом, затоптали до смерти охранявшего их эльфа, что ухватился за летящую узду, и в исступлении ужаса исчезли в темном лесу, и никогда более человек либо эльф не сидели в их седле; Мавуин же и Ниэнори остались одни и без помощи у предела тех страшных мест. Воистину, весьма опасным было их положение, и долго они ощупью шли в тумане, не зная, где они, и не встретив никого из отряда, и лишь откуда-то издали доносились до них крики, исполненные, казалось, ужаса, а затем все стихло. Прильнули они друг к другу и, усталые,

побрели наобум, куда вели их ноги, покуда неожиданно не проглянуло бледное солнце и не возвратилась к ним надежда; вот, туман рассеялся, воздух очистился, а остановились они не очень далеко от реки. До сих пор подымался над ней пар, словно вода была горяча, и что это? Возлежал там Фоалокэ, обратив взор на них.

Ни слова не произнес он и не шевельнулся, но сковал своим гибельным взглядом их взоры, покуда колена их не ослабли и разумы их не затуманились. Тогда Ниэнори силой воли ненадолго освободила себя из-под власти дракона и воскликнула:

— Знай, о змий Мэлько, что пожелаешь ты сделать с нами, торопись сделать — сказать или совершить, ибо взыскуем мы не тебя и не твоего злата, но некоего Турина, что жил здесь прежде.

На то отвечивал дракон, и земля содрогнулась под ним:

— Ты лжешь: радовались бы вы моей смерти, радовалась бы и та шайка трусов, что ныне бежала, вереща, в леса, — если бы смогла обобрать меня. Глупцы и лжецы, лжецы и трусы, как убьете вы или ограбите Глорунда Фоалокэ, что, еще когда власть его не возросла, истребил воинства родотлим и Ородрэта, владыку их, уничтожив весь народ его?

— Однако случаем, — молвила Ниэнори, — не выбрался ли из битвы некто Турин и не живет ли он здесь, твоим рабом — если только не спасся он от тебя и ныне пребывает далеко отсюда?

Сие молвила она наудачу, надеясь без надежды, но вещал ей злодей:

— Знай, имена всех, кто жил в этих пещерах до меня, ведаю я по своей мудрости, и скажу я тебе: никто, звавший себя Турин, не выходил отсюда живым.

Так похвальба Турина обернулась против него, ибо эти твари любят вести речи подобным образом, бесчестно играя изворотливыми словами²².

— Верно, убили Турина в сем злом месте, — сказала Мавуин, но дракон отвечал:

— Здесь имя Турина навеки исчезло с земли, но не плачь, женщина, ибо это было имя труса, что предал своих друзей.

— Мерзостная тварь, оставь свое злоречие, — молвила Мавуин. — Не поноси мертвых, убийца моего сына, дабы не пало на тебя собственное проклятие.

— Да не будут слова твои, о Мавуин, столь гордыми, если желаешь ты избегнуть мучений и дочь твою с тобой, — рек дракон ей в ответ, но Мавуин воскликнула:

— О ненавистнейший, знай: я не боюсь тебя! Предай меня, буде восхочешь, мукам и заведи меня в рабство, ибо поистине жажду я твоей смерти, но дозволишь лишь Ниэнори, дочери моей, вернуться к жилищам людей: ибо она пришла сюда по моему принуждению, не ведая о цели нашего странствия.

— Не пытайся обмануть меня, женщина, — усмехнулся злодей. — Ско-

рее бы оставил я твою дочь и убил бы тебя или прогнал прочь к твоим лачугам, но нет мне нужды ни в одной из вас.

С этими словами широко распахнул он свои злобные очи, в которых вспыхнул свет, и под взглядом их Мавуин с Ниэнори содрогнулись и затмение пало на разум их: мнилось им, будто ощупью бредут они по бесконечным темным переходам, и не нашли они более одна другую, а на зов откликалось лишь напрасное эхо, и не было ни проблеска света.

Когда, однако, через некоторое время, какое — Ниэнори не помнила, тьма покинула ее разум, не реку и не выжженные Фоалокэ земли увидела она вокруг себя, но дремучий лес в сгущавшихся сумерках. Ныне казалось ей, будто пробудилась она от страшных снов, которых не могла припомнить, но ужас их тьмой отгородил ее разум, затуманив память обо всем минувшем. Посему долгое время блуждала Ниэнори, затерявшись в лесу, и, верно, одни лишь чары удерживали в ней жизнь, ибо она томилась голодом и жаждой; по счастью, стояло лето, ведь ее одежды разорвались, а босые ноги утомились, и она часто плакала и брела, сама не ведая куда.

Однажды на поляне в лесу она заметила словно бы стоянку людей, и, голодная, подкравшись поближе, чтобы рассмотреть ее, увидела, что там обитали создания приземистого и некрасивого сложения, со злыми лицами, а голоса их и хохот походили на лязг металла о камень. Вооружены они были изогнутыми мечами и луками из рога, и Ниэнори охватил страх, пока она взидала на них, хотя она и не знала, что это орки, ибо никогда прежде не видела этих злодеев. Тогда она повернулась и бросилась бежать, но ее заметили, и кто-то выпустил в нее стрелу, что внезапно воткнулась, затрепетав, в дерево, мимо которого пронеслась Ниэнори, а остальные, увидев, что это женщина, юная и красивая, погнались за ней с отвратительным гиканьем и криками. Ниэнори мчалась в этом густом лесу так быстро, как только могла, но скоро она выбилась из сил, и плен и страшная неволя были уже близко, но тут как будто в ответ на ее слезные клики появился некто, с треском проламываясь сквозь лес.

В его косматых черных волосах мелькала седина, бледное лицо словно отмечено глубокими скорбями минувшего, а в руке он держал великий меч, что весь, кроме одних только краев лезвия, был черен. С ним бросился он на орков-преследователей, рубя их, и те вскоре бежали, ошеломленные. Хотя иные посылали наобум стрелы между деревьями, вреда те причинили мало, а пять орков были убиты.

Тогда присела Ниэнори на камень, и теперь, когда страх отпустил ее,

усталую Ниэнори сотрясли рыдания и она не могла говорить; ее спаситель некоторое время стоял подле, дивясь прелести девы и тому, что она блуждает в чащобе одинешенька, и, наконец, заговорил:

— О милая дева лесная, откуда идешь ты и как твое имя?

— То мне не ведомо, — отвечала она. — Однако мнится мне, блуждаю я весьма далеко от дома моего и народа и много зла претерпела по пути, о котором не помню ничего, ибо облако заволакивает мою память — нет, не знаю я, откуда или куда я иду.

И она снова зарыдала, незнакомец же, заговорив, изрек:

— Тогда внимли, я стану звать тебя Ниниэль, заплаканное дитя, — и тут она подняла к нему свое лицо, весьма милое, хотя и заплаканное, и сказала с удивлением во взгляде:

— Нет, не Ниниэль, не Ниниэль, — но более ничего она не помнила, так что на лице ее отразилось страдание и она воскликнула:

— Но кто же ты, лесной витязь, и зачем печалишь меня?

— Я зовусь Турамбар, — отвечствовал он, — и нет у меня ни дома, ни родни, ни прошлого, чтобы думать о том, но обречен я на вечные странствия, — и при звуке этого имени изумление снова охватило деву.

— Ныне осуши слезы, о Ниниэль, — молвил Турамбар, — ибо теперь ты в безопасности, если только уместно здесь это слово. Знай же, что я из маленького лесного народа, и живем мы в славном поселении на расчищенной в лесу поляне далеко отсюда, но сегодня, на твою удачу, мы поехали охотиться — да, и на орков тоже, ибо вынуждены мы отгонять этих злодеев от наших домов.

Тогда Ниниэль (ибо так всегда называл ее Турамбар, и она приучилась считать это имя своим) отправилась с ним к его товарищам, и те, не задавая много вопросов, сели верхом — а Турамбар посадил Ниниэль перед собой — и так они поскакали быстро, как могли, прочь от опасности — от орков.

Уже полдня прошло ко времени схватки Турамбара с орочьей погоней, но они проехали еще немало лиг, прежде чем спешились, а к тому времени настала ночь. Еще на закате Ниниэль показалось, что леса посветлели и утратили прежнюю мрачность, а зло не столь ощущается в воздухе, как прежде. Остановились они на ночлег на прогалине, и звезды ясно сияли сквозь просветы лиственной кровли. Ниниэль легла чуть в стороне, и ей дали много шкур укрыться от ночной прохлады, посему ей спалось мягче, чем в прежние ночи, и ветерки ласкали ее лицо; Турамбар же поведал своим товарищам о встрече в лесу, и они задумались, кто она такая и как забрела в те края словно бы под чарами слепого забвения.

На следующее утро снова поспешили они в путь и сделали еще немало дневных переходов, покуда, наконец, усталые и предвкушающие отдых, не добрались однажды в полдень до лесной реки. Вот, некоторое время всадники ехали вдоль ее русла, пока не достигли места, где река делалась мельче и где со дна ее торчали камни, так что поток можно было перейти вброд; но справа от них река огромным водопадом низвергалась в пропасть. Указав туда, Турамбар молвил:

— Теперь мы близко от дома, ибо это водопад Серебряная Чаша, — но Ниниэль, не зная почему, исполнилась ужаса и не смогла взглянуть на прелесть пенящихся вод. Вскоре путники достигли мест, где деревья росли не столь тесно, а потом выехали на склон, где их было совсем мало, лишь здесь и там высились древние широкоствольные дубы, а под ноги стелилась мягкая трава, ибо поляну расчищали много лет и была она весьма просторна. Стояли там добротные деревянные дома, вокруг которых лежала пашня и росли плодоносные деревья. К одному из этих жилищ, украшенному причудливой грубой резьбой и окруженному яркими цветами, Турамбар привел Ниниэль:

— Взгляни, вот мой дом, — сказал он, — здесь, буде пожелаешь, ты станешь теперь жить, но, мнится мне, это одинокая обитель, а есть еще дома этого народа, где живут девы и жены, и там тебе будет веселее и лучше.

Так поселилась Низнори у лесных следопытов*, и через некоторое время перебралась в дом Бэтоса, отважного мужа, что сражался еще юношей в Битве Бессчетных Слез и избежал смерти. Супругой же ему приходилась, как говорится в сказании, дева-нолдо, дивно прекрасная, и столь же пригожи были их сыны и дочери, кроме лишь старшего сына, Тамара Хромонога.

Поистине, с течением дней весьма сильно полюбил Турамбар Ниниэль, да и весь народ тоже полюбил ее за великую красу и прелесть, но она всегда была нерадостна и часто не в себе, как человек, взыскующий нечто утерянное, что вот-вот найдет, посему люди говорили:

— Если бы валар пожелали снять с Ниниэль чары, что лежат на ней!

Однако по большей части она была счастлива среди этого народа и в доме Бэтоса, с каждым днем становясь все прекраснее, и Тamar Хромоногий, с которым мало считались, любил ее, хотя и безответно.

Настали дни, когда жизнь опять сделалась в радость Турамбару, горечь минувшего затуманилась и отдалилась, и новая любовь поселилась в его сердце. Тогда помыслил он избавиться от своего рока и провести

* На полях, вероятно, в качестве отсылки к словам «лесные следопыты» написано *вэттар*.

свою жизнь в лесном поселении, в окружении детей, и, глядя на Ниниэль, пожелал он взять ее в жены. Много раз просил он ее выйти за него замуж, но хотя был Турамбар доблестен и славен, Ниниэль медлила с ответом, не говоря ни «да», ни «нет», сама не зная почему, ибо казалось ее сердцу, что она сильно любит его, боится за него, когда он далеко, и счастлива, когда он рядом.

У этого народа было в обычае повиноваться своему главе, которого они избирали из числа отважнейших, и исполнял он эту службу, пока был жив или пока по своей воле не складывал ее с себя — будучи болен или стар годами. Тогда Бэтос был их главой; но по несчастливой случайности его убили в стычке некоторое время спустя — ибо несмотря на свои годы, Бэтос уезжал за пределы их земель, — и случилось так, что надо было избрать нового предводителя. Под конец называли люди Турамбара — ведь эти отважные мятежники, восставшие против власти Мэлько, питали уважение к его происхождению, ибо сведили они, что он сын Урина, а вдобавок²³ был Турамбар велик во всех деяниях и, несмотря на молодость, наделен великой мудростью по причине своих дальних странствий и общения с эльфами.

Посему, видя, что их новый глава питает любовь к Ниниэль, и приняв за верное, что знают также и об ее ответном чувстве, стали люди поговаривать, что рады бы они были узреть своего владыку женатым и что безрассудно медлить безо всякой причины; эти слова дошли до слуха Ниниэль, и она, наконец, согласилась выйти замуж за Турамбара, чему все возрадовались. Устроили они славный пир с песнями и весельем, и Ниниэль стала владычицей лесных следопытов и поселилась в доме Турамбара. Велико было их счастье, хотя временами сердце Ниниэль стлыло от дурного предчувствия, но Турамбар был радостен, говоря в сердце своем: «Хорошо, что назвал я себя Турамбаром, ибо вот, победил я злую судьбу, что оплетала шаги мои». Прошное предал он забвению и почти не рассказывал Ниниэль о минувшем, кроме как о своих отце, матери и сестре, которую он никогда не видел, однако Ниниэль эти разговоры всегда повергали в смятение, и он не ведал почему²⁴. Но о побеге из чертогов Тинвэлинта и смерти Бэлэга, о возвращении в Хисиломэ никогда не говорил он ни слова, и память о Файливрин хранилась, запертая и полузабытая, в глубине его сердца.

И Ниниэль ничего не могла поведать Турамбару о своих прошлых днях, и если расспрашивал он ее, в лице ее отражалось страдание, как будто он тревожил поверхность темных снов; тому Турамбар временами печалился, но не очень тем тяготился.

Проходят дни, Ниниэль и Турамбар живут в мире, но Тамар Хромоног бродит по лесам, мня мир злым и жестоким: весьма сильно любил он Ниниэль и не мог забыть своей любви. Но вот, в те дни Фоалокэ сделался тучен, и поскольку было ему подвластно немало отрядов нолдоли и орков, задумал он расширить свои угодья далеко окрест. В самом деле, тогда во многих местах эти твари Мэлько вершили подобное, основывая собственные внушавшие страх королевства под зловещим покровом владычества Мэлько. Посему шайки Глорунда-дракона притесняли эльфов Тинвэлинта весьма сильно, и, наконец, иные из них достигли лесов и полян, возлюбленных Турамбаром и народом его.

Однако лесные жители не бежали, но стойко бились со своими врагами, и великая ярость объяла Глорунда-змея, когда дошли до него вести о храбрых людях, которые живут далеко за рекой и которых бесильны покорить его мародеры. Говорится, что несмотря на все его злокозненные помышления и впрямь не ведал змей, где пристанище Турамбара или Ниэнори; и, поистине, казалось, что удача, наконец, улыбнулась Турамбару: народ его умножился и процветал, многие, что бежали из далекой Хисиломэ, явились к нему, и собрал он немало добра и богатств, ибо каждая битва приносила ему победу и добычу. Стали Турамбар и Ниэнори подобны королю и королеве, песни и веселье наполняли поляны, где жили они, и счастье — их чертоги. И Ниниэль понесла²⁵.

О многом из того поведали соглядатаи змею Фоалокэ, и гнев его бы ужасен. Сверх того, весьма сильно распалилась алчность змея, посему, по зрелом размышлении, поставил он стражу, коей мог доверять, надзирать за жилищем своим и сокровищами — командовал же стражей карла Мим²⁶. Затем, покинув пещеры и место своего сна, Фоалокэ перебрался через потоки и пополз в леса, что запылали пред ним. Вести о том быстро достигли Турамбара, но тот до времени не страшился и, поистине, не много уделил внимания тому рассказу, ибо весьма долог был путь от жилищ лесного народа к пещерам змея. Но у Ниниэль упало сердце, и, хотя не ведала она причины, ужас и скорбь обременили ее, и со времени прихода того известия редко улыбалась она, чему Турамбар дивился и печалился.

И вот, ползет Фоалокэ по дремучим лесам, оставляя за собой разорение, и весьма долго пресмыкается он, покуда отряд лесных людей

нежданно-негаданно не наткнулся на него, спящего в лесу меж сломанных деревьев. Из них несколько, сраженные пагубным дыханием твари, были впоследствии убиты; но двое, с наивозможной скоростью проделав весь путь, принесли своему владыке вести о том, что прежний рассказ не был выдумкой и что ныне дракон приполз к самым границам его края; и молвив сие, они пали без чувств к ногам Турамбара.

Место, где пребывал дракон, находилось в низине, и там неподалеку располагался невысокий, подобный острову среди леса, холм, почти лишенный деревьев: с него была видна, хотя и издали, большая часть края, изуродованного драконом. Бежала в том лесу и река, отделяя дракона от жилищ лесного народа, но русло ее лежало совсем недалеко от змея, а сама она была узким потоком с высокими изрезанными берегами, затененными деревьями. Посему Турамбар намеревался отправиться с самыми отважными из своих людей на тот пригорок и с него втайне следить за драконом, чтобы при случае напасть на него, если тот окажется в невыгодном положении, и убить его, если повезет, ибо на это возлагали они величайшие свои надежды. Он не стал собирать большой отряд, и остальные люди по слову его взялись за оружие и следили за округой, опасаясь, как бы полчища орков не пришли со змеем, их владыкой. Но того не случилось, дракон явился один, полагаясь на свою сокрушительную мощь.

Когда же Турамбар изготовился в путь, Ниниэль попросилась ехать вместе с ним, и он уступил, ибо любил ее и помыслил, что если он падет, а дракон останется жить, то никто из их народа не спасется, и он был рад иметь Ниниэль подле себя, надеясь случаем вырвать ее из лап дракона — смертью от руки его или от руки одного из его вассалов.

Так поехали вместе Турамбар и Ниниэль — ибо под этими именами знал их тот народ, а за ними — два десятка доблестных мужей. Расстояние до того холма в лесах покрыли они за день, и за ними следовало — хотя то было против слов и совета Турамбара — немало народа, даже жены и дети. Влек их соблазн незнаемого страха, иные ожидали увидеть великий бой, другие же шли с остальными, не размышляя много, и никто не мыслил узреть то, что в конце явилось их взорам; они держались не очень далеко, ибо Турамбар и его отряд двигались медленно и сторожко. Сначала, когда Турамбар позволил ей ехать с собой, Ниниэль стала много веселей, чем была долгое время, и оттого прояснились сердца людей, омраченные дурными предчувствиями; но когда оказались они недалеко от подножья холма, пала Ниниэль духом, и, поистине, тоска охватила ее.

Однако весьма дивным было сие место, ибо здесь струился тот же поток, что, вийсь, ниже тек мимо драконьей лежки по глубоко вырезанному в земле руслу; холодная эта река бежала с холмов за домами лесного народа и низвергалась великим водопадом там, где выступали из травы выглаженные водой серые камни. То была верхняя часть водопада, прозванного лесным народом Серебряной Чашей, и прежде Турамбар и Ниниэль миновали его, впервые направляясь к дому после спасения Ниниэль. Весьма высок был тот водопад, и ласкал слух звучный глас потоков его, что превращались в серебряную пену далеко внизу, где выдолбили они огромную впадину в камне; ту котловину затеняли кусты и деревья, а пробившийся сквозь них солнечный свет играл на водяных брызгах; наверху же у водопада лежала открытая поляна; ее зеленый дерн изобиловал цветами, и люди любили это место.

Там Ниниэль нежданно разрыдалась и, бросившись на грудь Турамбару, молила его не искушать судьбу, а бежать прочь вместе с ней и всем народом и увести их в дальние края. Но глядя на нее, Турамбар молвил:

— Нет, моя Ниниэль, ни ты и ни я не погибнем ни сегодня, ни завтра от зла ли дракона, от мечей ли врагов, — но не ведал он, как исполняться его слова; и, услышав их, Ниниэль подавила свои рыдания и сделалась весьма тиха. Отдохнув некоторое время у подножья холма, воины поднялись наверх, и Ниниэль отправилась с ними. С вершины увидели они вдали широкую полосу, где все деревья были сломаны, а земля изранена²⁷ и обгорела до черноты, но у еще невредимых дерев, не очень далеко от края глубокого ущелья, где текла река, подымался черный дымок, и люди сказали:

— Там залег змей.

Немало многообразных суждений произнесено было на вершине холма, и воины испугались открыто напасть на дракона — днем ли, ночью, спит он или бодрствует, и, видя их страх, Турамбар дал им совет, что приняли они. Таковы были его слова:

— Верно молвили вы, о лесные охотники, что ни ночью, ни днем нет у людей надежды застать врасплох дракона Мэлько, и смотрите-ка: сей змей сотворил вокруг себя пустошь и выровнял землю, так что никто не может подползти ближе и затаиться. Пусть же те, у кого достанет духа, отправятся со мной: по скалам мы спустимся к подножью водопада и, следуя вдоль реки, сумеем, верно, подойти к дракону настолько близко, насколько это возможно. Тогда должно нам взобраться, если получится, под самый верх этого берега и там ждать, ибо мыслю я, что Фоалокэ не станет длить свой отдых, пока движется к нашим жилищам. Посему придется ему либо перебраться через глубокий этот поток, либо

повернуть в сторону, ибо стал он слишком огромен, чтобы ползти по руслу реки. Я не думаю, что он поворотит, ибо для великого Фоалокэ златых пещер это всего лишь ров, узкий желоб, по которому бежит струйка воды. Ежели поступит он не по сказанному мной и не отправится тем путем, то кому-то из вас надлежит, набравшись мужества, попытаться со всей осторожностью выманить его за реку, дабы мы — те, кто в засаде, — принесли Фоалокэ смерть, пробив его снизу, ибо плохо защищено брюхо у сих мерзких змеев.

В том отряде нашлось лишь шестеро, что выступили вперед, готовые идти с Турамбаром, и видя то, он молвил, что мыслил, будто в народе его храбрецов больше, чем шесть. Однако после того больше никому не дозволил Турамбар идти с ним, говоря, что вшестером лучше, ведь робкие — лишь помеха. Тогда простились Турамбар и Ниниэль и поцеловались на вершине холма — а полдень давно минул, — и сердце Ниниэль будто обратилось в камень от горя; и все они сошли к Серебряной Чаше, откуда смотрела Ниниэль, как ее владыка спускается к подножью водопада со своими шестью товарищами. Когда исчез он далеко внизу, с горькими словами обратилась она к тем, кто не осмелился пойти, и те от стыда не ответили ей, но украдкой поднялись обратно на вершину холма и не сводили глаз с драконьего логовища, Ниниэль же сидела у воды, глядя перед собой, и не плакала, терзаясь.

Никого не осталось подле нее, кроме одного Тамара, что явился не прошенный вместе со всеми: любил он Ниниэль еще с той поры, когда она жила в чертогах Бэтоса, и некогда мыслил Тамар добиться ее, пока Турамбар не взял ее в жены. С самого детства хромал Тамар, наделенный, однако, добротой и мудростью, хотя мало ценил его народ, который в силе видел защиту, а доблесть почитал величайшей гордостью мужчины. Но теперь, однако, Тамар взял с собой меч, за что многие смеялись над ним, он же был рад случаю охранять Ниниэль, хотя и не замечала она его.

Ныне надлежит поведать, что Турамбар достиг нужного места, с великим трудом пробравшись по каменистому руслу реки, и вскарабкался со своими людьми по крутому склону ложины. Засели они под самым краем берега, меж нависших деревьев, и совсем недалеко от себя слышали громкое дыхание твари, так что иные из спутников Турамбара устрашились.

Уже стемнело, и всю ночь провели они там, а в месте, где лежал дракон, что-то причудливо мерцало, доносился оттуда страшный шум, и все дрожало, если он шевелился. И на заре Турамбар увидел, что с ним теперь лишь трое спутников, и проклял остальных за трусость, и ни одна повесть не рассказывает, куда бежали вероломные.

В этот день все произошло так, как предумыслил Турамбар, ибо дракон, встряхнувшись, медленно подполз к краю расщелины и не повернул в сторону, но вознамерился перебраться через нее и так достигнуть домов лесного народа. Велик был ужас от приближения его, ибо земля сотрясалась, и трое оставшихся боялись, как бы деревья, за которые они держались, не вырвало с корнем и не швырнуло вниз, в бежавший по камням поток. Листья росших подле дерев засохли от дыхания змея, но сами люди остались невредимы, укрывшись под обрывом.

Наконец, достиг дракон берега реки, и сидевшие в засаде увидели вблизи его зловещую голову и влажные челюсти — и мерзостное то было зрелище. И устрешились люди, как бы дракон не заметил их: ведь он переправлялся не там, где овраг был уже и не столь глубок и где Турамбар устроил засаду. Но дракон начал перекидывать свое тело через расщелину немного ниже по течению, так что Турамбар и его люди, соскользнув со своих мест, как могли быстро спустились к реке и подошли под брюхо змея. Столь велик был здесь жар и столь отвратительно зловоние, что людей обуял ужас, и они не осмеливались снова подняться по берегу. Тогда в гневе обратил бы Турамбар свой меч против них, если бы они не бежали, и потому он один взбирался по стене расщелины, пока не подобрался под самое драконье брюхо. От жара и зловония у него закружилась голова, и он уцепился за крепкий куст.

Затем, дождавшись, когда удар может поразить Глорунда в самое уязвимое место, вскинул он Гуртолфин, свой черный меч, и со всей своей силой ударил им вверх, так что волшебный клинок родотлим по рукоять вошел в нутро дракона: вопль смертной боли сотряс леса, и все, кто слышал это, исполнились ужаса.

Страшно корчился дракон, и жутко было взирать, как извивается он в мощных судорогах, ломая деревья, что росли подле места его агонии. Он уже почти перебрался через лощину, когда Гуртолфин пронзил его, и теперь он перебросил себя на дальний берег и опустошал все вокруг, хлеща хвостом и изгибаясь, издавая такие вопли и рев, что отважнейшие бледнели и обращались в бегство. Оставшиеся на холме мыслили, что это грозный шум сражения между семерыми, Турамбаром и его спутниками²⁸, и мало надеялись они узреть их снова, сердце же Ниниэль обмерло при этих звуках; но внизу, в ущелье те трое трусов, что издали следили за Турамбаром, бросились в ужасе обратно к водопаду, а Турамбар прильнул к самому краю расщелины, бледный и трепещущий, ибо силы оставили его.

Наконец, стихли сии жуткие звуки, и повалил густой дым, ибо Глорунд умирал. Исполнившись отчаянной храбрости, в одиночестве выбрался Турамбар из своего укрытия, ибо агония Фоалокэ вырвала из его руки меч прежде, чем он успел выдернуть его, а Турамбар дорожил своим клинком превыше всего, чем владел, ибо всякий, зверь или человек, умирал, будучи хоть единожды ранен лезвием Гуртолфина. Ныне Турамбар узрел, что дракон лежит на боку, окостенело вытянувшись, и Гуртолфин все еще торчал из его брюха; но змей еще дышал.

Тем не менее, Турамбар, с трудом приблизившись, оперся ногой о тело и с натугой, приложив всю свою силу, вытащил Гуртолфин. И совершив сие, промолвил, торжествуя в сердце своем:

— Снова, о Глорунд, встретились ты и я, Турамбар, коего прежде именовали храбрым²⁹! — но когда говорил он сие, злоторная кровь брызнула из раны на его руку, ожгла ее и опалила, так что он громко вскрикнул от внезапной боли. Тогда Фоалокэ, отверзнув свои ужасные глаза, глянул на него, и Турамбар пал без чувств подле дракона, накрыв собой меч.

Так тянулся день, но не приходило вестей на вершину холма, и Ниниэль боле не могла выносить муку, но поднялась, собираясь оставить поляну над водопадом. И спросил ее Тамар Хромоног:

— Что намерена ты содеять?

Ниниэль же молвила:

— Хочу я отыскать владыку моего, лечь и умереть подле него, ибо мнится мне, что нет его в живых, — и Тамар пытался отговорить ее, но без успеха. И пока смеркалось, сия прекрасная госпожа пробиралась по лесу, и не пожелала она, чтобы Тамар следовал за ней, однако, видя, что тот идет сзади, Ниниэль слепо бросилась бежать сквозь чащу, и тернистый подлесок рвал ее одежды и ранил лицо, а Тамар, будучи хром, не смог догнать ее. Так опустилась на леса ночь, все стихло, и великий страх за Ниниэль охватил Тамара; посему проклял он свою слабость, исполнившись сердечной горечи, однако ж продолжал идти за Ниниэль как мог быстро. Потеряв ее из виду, Тамар повернул в ту часть леса, что лежала возле ущелья и где случился последний бой с драконом — насколько то поняли глядевшие с холма. Поздно ночью взошла яркая луна, и Тамар, часто в одиночестве блуждавший далеко от жилищ лесного народа и знавший те места, пришел наконец к пределам разорения, учиненного муками дракона; весьма ярок был лунный свет, и, стоя в кустах у края той пустоши, Тамар слышал и видел все, что там произошло.

Вот, Ниниэль не намного опередила его и немедля, не чуя страха,

выбежала — из любви к своему владыке — на открытое место, где нашла его простертым в забытии, с обожженной рукой, поверх меча; но на тварь, что лежала подле, вытянувшись во всю длину, Ниниэль даже не взглянула и, пав близ Турамбара, она плакала, целовала его лицо и умастила его руку бальзамом, который взяла с собой в маленькой шкапулке, покидая дом, ибо опасалась, что немало ран будет получено, прежде чем люди вернутся домой.

Но Турамбар не очнулся от ее прикосновения и не шелохнулся, и Ниниэль громко воскликнула, мня его мертвым:

— О Турамбар, владыка мой, пробудись, ибо змий ярости испустил дух и я одна здесь!

Но се! При этих словах шевельнулся дракон в последний раз и, обратив на нее свои гибельные очи — прежде чем смежить их навеки, рек:

— О Ниэнори, дочь Мавуин, дарю я тебе радость: после долгих и томительных поисков нашла ты наконец своего брата. И ныне содеялся он весьма могучим воином, что убивает врагов своих исподтишка, — Ниэнори же застыла будто в ошеломлении, а Глорунд, молвив сие, скончался. И с его смертью пала с глаз Ниэнори пелена заклятий, память прояснилась, и ничего не забыла Ниэнори из того, что постигло ее с поры, когда подпала она под чары змея; и содрогнулась она от ужаса и муки. Тогда вскочила она на ноги, смутно различимая в свете луны, и, глядя на Турамбара широко раскрытыми глазами, громко молвила таковые слова:

— Так исполнился, наконец, твой рок. Добро твоей смерти, о несчастнейший, — и, от горя лишившись рассудка, внезапно устремилась она прочь с того места и в неистовстве бежала как безумная куда вели ее ноги.

Но Тамар, чья душа изнывала от горя и жалости, последовал за ней как мог быстро, мало заботясь о Турамбаре, — таким гневом пылало его сердце при мысли о судьбе Ниэнори. Поток и глубокая расщелина лежали на пути Ниэнори, но так случилось, что она повернула, не дойдя до берега, и двинулась вдоль извилистого русла меж камней и терновника, покуда снова не вышла на поляну у верха ревущего водопада, пустынную в первом сером свете дня, проникавшем между деревьями.

Там остановилась она и молвила словно сама себе:

— О воды леса, куда стремитесь вы? Примете ли вы Ниэнори, Ниэнори, дочь Урина, дитя скорби? О белая пена, не ты ли омоешь и очистишь меня — но глубоки, глубоки должны быть воды, что смыли бы память о сем мерзостном проклятии. О, несите меня отсюда, далеко-далеко прочь, в моря забвения. О воды леса, куда стремитесь вы?

И, внезапно умолкнув, она бросилась с края водопада и погибла там, где пенилась на камнях вода; но в сей миг поднялось над деревьями солнце,

и свет озарил воды, что ревели, безучастные, над погибшей Ниэнори.

Все это видел Тамар, и свет юного солнца казался ему темен; отворачившись от тех мест, он пришел на вершину холма, где уже собралась толпа, и там были те трое, что последними покинули Турамбара; и они уже тешили рассказом слух народа. Тамар же, явившись неожиданно, остановился пред ними, и на лицо его было страшно взглянуть, посему пробежал меж людей шепот: «Он мертв», но иные вопросили:

— Что же приключилось с Ниниэль?

И громко воскликнул Тамар:

— Внемли, о мой народ, и скажи, есть ли судьба, подобная той, о коей поведаю я, или горе столь же тяжкое. Мертв дракон, но подле него покоится, тако же бездыханный, Турамбар — тот, что прежде звался Турин, сын Урина³⁰, и сие хорошо, да, весьма хорошо, — и в толпе зашептались, дивясь его речи, а иные молвили, что он безумен. Но Тамар рек:

— Ибо знайте, о люди, что прекрасная Ниниэль, кою все вы любили и которая была мне дороже сердца, мертва, и шумит над ней вода, ибо она бросилась с водопада Серебряной Чаши, не желая боле видеть света дня. Ныне пришел конец злему закланию, исполнился ужасный рок семьи Урина, ибо та, которую звали вы Ниниэль, была Ниэнори, дочь Урина, и, узнав то, пред смертью поведала она о сем глухим лесам, что донесли до меня эхо ее слов.

От сказанного Тамаром сердца всех, кто стоял там, сокрушили скорбь и ужас, и никто не осмелился отправиться к месту мук сей прекрасной госпожи, ибо горестный дух витает там и ничья стопа не тревожит той поляны; но великое раскаяние пронзило сердца трех трусов: украдкой выбравшись из толпы, они отправились искать тело своего владыки и вот, нашли его живым и в сознании, ибо когда дракон издох, беспамятство оставило Турамбара и он уснул глубоким сном усталости, но ныне пробудился от боли. Когда же те трое остановились подле, он заговорил и молвил: «Ниниэль», и при этом имени они сокрыли свои лица из-за сострадания и ужаса и не смогли взглянуть на него, но потом пробудили его, и вот, весьма был рад Турамбар своей победе. Но вдруг бросив взгляд на свою руку, он спросил:

— Что это? Кто позаботился о моей ране столь искусно? Как мыслите вы, кто это был? — но они не ответили ему, ибо догадались. Так принесли Турамбара, истомленного и раненого, к его народу, а один из трех поспешил вперед с известием, что их владыка жив, и люди не знали, радоваться им тому или печалиться; и когда явился он среди них, многие отворотили лица свои, дабы сокрыть растерянность своих сердец и свои слезы, и никто не осмелился заговорить.

Турамбар же обратился к тем, кто стоял неподалеку:

— Где же Ниниэль, моя Ниниэль — ибо я мыслил обрести ее здесь в радости, однако если воротилась она в чертог мой, то это благо, — но внимавшие ему не могли боле сдержатъ слез, и Турамбар воскликнул:

— Что за новое лихо приключилось — поведай же, поведай, о мой народ, и не терзай меня!

Некто промолвил:

— Увы, мой владыка, Ниниэль мертва, — и горестно Турамбар возопил против валар и горькой своей судьбы, пока кто-то иной не прибавил:

— Да, она мертва, ибо пала в пучины Серебряной Чаши, — но Тамар, стоявший подле, глухо произнес:

— Нет, она бросилась туда.

Тогда Турамбар, услышав сии слова, схватил его за руку и воскликнул:

— Говори, ты, калека, говори, ответь, что значат твои подлые речи, или лишишься языка, — и тяжело было видеть его страдание.

Сердце Тамара, терзаясь, исполнилось великого смятения из-за всего того ужасного, что видел он и слышал, и из-за долгой и безнадежной любви его к Ниниэль, посему разгорелся в нем внезапный гнев на Турамбара и, стряхнув его руку, он молвил:

— Деву нашел ты в дремучих лесах и дал ей, забавы ради, имя, коим звали ее и ты, и все люди — Ниниэль, заплаканное дитя. Дурная то была шутка, Турамбар, ибо знай: низверглась она с высоты, ослепленная ужасом и горем, не желая боле видеть тебя, а имя, коим нарекла она себя в смерти, было Ниэнори, дочь Урина, дитя скорби, и во всех водах Серебряной Чаши, что падают в пропасть, не достанет слез, дабы оплакать повесть о Ниниэль.

Тогда Турамбар схватил его за горло и потряс, воскликнув:

— Ты лжешь, ты, злополучный сын Бэтоса!

Но Тамар, задыхаясь, отвечал:

— Нет, проклятый: так рек Глорунд-дракон, и Ниниэль, внимая, ведала, что сие — правда.

Но Турамбар молвил:

— Тогда ступай в Мандос беседовать со своим Глорундом! — и убил Тамара перед лицом людей и устремился прочь словно безумец, восклицая: «Он лжет, он лжет!»; но, освободившись ныне от слепоты и сновидений, ведал он в глубине своего сердца, что сие правда и что его рок, наконец, исполнился.

Так оставил Турамбар людей и слепо бросился в лес, призывая Ниниэль и наполняя пущи скорбным звуком сего имени, и ноги привели его окольным путем к поляне над Серебряной Чашей, и никто не осмелился следовать за ним. Лужайку освещало полуденное солнце, но что это? — все деревья засохли, хотя лето было в разгаре, и листья шумели как на исходе осени. Увяли там все цветы и пожухла трава, а глас падающей воды был печальнее слез из-за кончины белой девы Ниэнори, дочери Урина,

что свершилась здесь. Там остановился Турамбар, истомленный, и, обнажив свой меч, молвил:

— Привет тебе, Гуртолфин, жезл смерти, ибо всем несешь ты погибель и рад выпить жизнь любого, не зная ни владыки, ни верности, кроме как руке, что сжимает тебя, если сильна она. Один ты у меня ныне — убей же меня и не медли, ибо жизнь — проклятие, все дни мои — гнусны, все деяния — мерзостны, и все, что любил я, мертво.

И Гуртолфин ответил:

— Сие совершу я с радостью, ибо кровь есть кровь, и твоя, верно, столь же сладка, сколь и кровь тех, коих предавал ты мне доньше, — и Турамбар бросился на острие Гуртолфина, и черное лезвие забрало его жизнь.

Позже несмело явились люди и, унеся Турамбара оттуда, похоронили неподалеку, воздвигнув над ним великий курган — после туда доставили огромный гладкий камень с высеченными на нем странными письменами, которым сам Турамбар научил людей в былые дни, принеся это знание из пещер родотлим, и надпись та гласила:

Турамбар, убийца Змея Глорунда,
звавшийся тако же Турин Мормакиль,
сын Урина Лесного

И под надписью вырезали имя «Ниниэль» (или дитя слёз); но ее не было там, и никто из людей не ведает, куда унесла вода ее прекрасное тело.

На сем Эльтас завершил свой рассказ, и неожиданно все, кто слушал, заплакали; Эльтас же на то молвил:

— Да, печальная это повесть, ибо хотя скорбь неразлучна с людьми и по сей день, в те безумные дни вершили и претерпевали ужасное; но все же Мэлько нечасто измышлял большую жестокость, и я не знаю сказания более горестного.

Затем, через некоторое время, иные спросили его о том, что случилось с Мавуин и Урином, и он отвечал:

— О Мавуин нет столь же верного предания, как о Турине Турамбаре, сыне ее: рассказов много, и иные разнятся меж собой; но могу вам поведать, что после всех этих страшных событий у лесного народа сердце не лежало к тем местам и они переселились в другие лесные долины, однако иные люди медлили в печали близ своих старых жилищ; и однажды явилась пожилая женщина, что скиталась в чаще, и набрела на камень, где была высечена надпись. Некто из лесного народа прочел ей письма и поведал все сказание, как помнил его — но она молчала, не

говорила и не шевелилась. Тогда молвил ей человек:

— Тяжело у тебя на сердце, ибо сей рассказ заставляет плакать всех людей.

Но ответствовала женщина:

— Да, поистине печально мое сердце, ибо я Мавуин, мать тех двоих, — и человек понял, что лишь ныне достигла конца эта длинная и скорбная повесть. Мавуин же поднялась и ушла в леса, плача от муки, и долгое время оставалась она в тех местах, посему этот человек и народ его бежали прочь и не вернулись обратно, и никто не скажет, была ли то поистине Мавуин, что пришла туда, или ее темная тень, что не возвратилась в Мандос, ибо велико было ее горе³¹.

Рассказывают, что все эти ужасные события видел Урин магией Мэлько и сей айну беспрестанно искушал Урина подчиниться его воле, однако тот не пожелал; но когда свершился рок, тяготеющий над его семьей, задумал Мэлько обойтись с Урином иначе, еще хитрее, и отпустил его с той вершины, где Урин провел много горьких лет в мучении сердца. Явился к нему Мэлько и худое говорил ему об эльфах, особливо вина Тинвэлинта³² в слабости и трусости.

— Никогда не понимал я, — молвил он, — почему до сих пор есть на свете великие и мудрые люди, что полагаются на дружбу эльфов и, исполнившись неразумия, противятся моей мощи, и уповают, множа собственное безрассудство, на помощь гномов или фээри. Ведай же, Урин: лишь благодаря робкому сердцу Тинвэлинта Лесного исполнились мои замыслы, иначе, может статься, жива была бы твоя дочь Ниэнори, и Мавуин, жена твоя, не плакала бы, но радовалась обретению сына. Ступай ныне, о глупец, и возвращайся в чертоги своих дивных друзей вкушать горький хлеб милостыни.

Тогда Урин, согбенный годами и скорбью, беспрепятственно покинул владения Мэлько и отправился в лучшие земли, но пока шел, все размышлял он о сказанном Мэлько, и коварная паутина переплетенных правды и лжи затуманила очи его сердца, и дух его исполнился горечи. Тогда собрал он под свою руку отряд диких эльфов³³, что превратились в жестокий незаконный народ и не жили со своими родичами, которые выгнали их в холмы жить или умереть как придется. Тогда Урин привел их в пещеры родотлим, и вот, орки бежали оттуда после гибели Глорунда, и только один остался там, древний уродливый карла, что восседал на груде золота, распевая сам себе черные чародейные песни. Но никто еще не приходил в пещеры, чтобы ограбить его, ибо ужас дракона пережил его самого и никто не осмеливался вернуться туда, боясь призрака змея Глорунда³⁴. Посему когда явились туда эльфы, карла, стоя

перед дверьми пещеры, что некогда была жилищем Галвэга, воскликнул:

— Что надо вам от меня, о изгой с холмов?

Урин же отвечал:

— Мы явились взять то, что не принадлежит тебе.

Тогда молвил карла, чье имя было Мим:

— О Урин, не думал я увидеть тебя, владыку людей, вместе с таким сбродом. Послушай ныне слов Мима Безотчего: уйди прочь, не тронув этого золота, словно оно — ядовитые огни. Ибо разве не возлежал на нем Глорунд долгие годы? На нем теперь зло драконов Мэлько, и не принесет это золото добра ни человеку, ни эльфу, и я, лишь я один, карла Мим, могу хранить его, ибо многими темными заклятиями связал я его с собой.

Тогда заколебался Урин, но его люди на то разгневались, так что он велел им забрать все, а Мим стоял подле и глядел, а потом разразился ужасными и злыми проклятиями. Тогда Урин ударил его, молвив:

— Мы явились, чтобы взять то, что не твое — ныне же за твои злые слова заберем мы и то, что принадлежит тебе — саму твою жизнь.

Но, умирая, Мим предрек Урину:

— Станут и люди, и эльфы раскаиваться в этом деянии, а из-за гибели карлы Мима будет смерть следовать за этим золотом, куда останется оно на земле, и таковую же судьбу разделит и каждая его часть и частица, — и Урин содрогнулся, но народ его рассмеялся.

Тогда повелел Урин своим приверженцам отнести это золото в чертоги Тинвэлинта, и они возроптали, но Урин молвил:

— Неужто содеялись вы как драконы Мэлько, что возлягут на золото и упокоятся на нем, не ища иной радости? Сладкая жизнь ждет вас при дворе сего алчного короля, буде принесете ему такое сокровище — ведь за все злато Валинора не купите вы того в пустынных лесах.

Сердце его ожесточилось против Тинвэлинта, и он жаждал отомстить королю, как будет видно. Столь велик был клад, что, хотя и немалый, отряд Урина с трудом донес его до пещер короля, и кое-что, как говорят, осталось на месте, а что-то потерялось по дороге, и вечно следовало зло за теми, кто находил его.

Но под конец отягощенный ношей отряд достиг моста перед дверьми Тинвэлинта, и, будучи спрошен стражами, Урин отвечал:

— Скажите королю, что Урин Стойкий пришел с дарами, — и это было сделано. Тогда Урин повелел внести в тронный зал великий клад, скрытый в мешках или запертый в грубых деревянных сундуках; и Тинвэлинт приветствовал Урина с радостью и изумлением и трижды желанным гостем назвал его, и весь двор Тинвэлинта и он сам поднялись, дабы почтить владыку людей; но сердце Урина ослепло из-за проведенных в мучениях лет и лжи Мэлько, и он молвил:

— Нет, о Король, не жажду я таких слов — но скажи только, где Мавуин,

супруга моя, и ведаешь ли ты, какой смертью погибла Ниэнори, дочь моя? — И Тинвэлинт отвечал, что не знает.

Тогда без жалости поведал Урин сие сказание, и король со всеми бывшими подле сокрыли свои лица, исполнившись великой скорби, Урин же молвил:

— Нет³⁵, будь у тебя сердце последнего из людей, никогда бы они не пропали; но вот, я принес полное возмещение за беды того ничтожного отряда, что ходил против дракона Глорунда и, бежав, оставил моих любимых на произвол змея. Благосклонно взгляни на мои дары, о Тинвэлинт, ибо, мнится мне, сердцу твоему дорог лишь блеск золота.

Тогда его мужи бросили сокровища к ногам короля, раскрыв их, так что весь двор поразился и изумился им — однако люди Урина поняли, что произойдет, и были мало довольны.

— Взгляни на клад Глорунда, — молвил Урин, — купленный смертью Ниэнори и кровью Турина, убийцы змея. Возьми его, о король-трус, и радуйся храбрости людей, что добыли тебе богатства.

Этих слов Урина Тинвэлинт уже не смог перенести, и молвил он:

— О чем говоришь ты, дитя людей, и отчего хулишь ты меня?³⁶ Долго воспитывал я твоего сына и простил зло его деяний, и жене твоей пришел я на помощь, отступив от собственного решения ради ее безумных желаний. Мэлько ненавидит тебя, а не я. Но что мне в том — и как смеешь ты, из неуклюжего племени людей, хулить короля эльдалиэ? Се! В Палисоре началась жизнь моя за бесчисленные годы до того, как пробудились первые из людей. Ступай прочь, о Урин, ибо Мэлько обморочил тебя, и заberi с собой свои богатства, — но воспретил Тинвэлинт убивать Урина или связать его чарами, памятуя о его бывших доблестных деяниях, совершенных на стороне эльдар.

Тогда Урин ушел, но не пожелал коснуться золота, и, ветхий днями, достиг он Хисиломэ и умер среди людей, но слова его, его пережившие, породили отчуждение меж эльфами и людьми. Однако сказано, что когда он скончался, его тень явилась в леса, ища Мавуин, и долго эти двое обитали в чащах возле водопада Серебряной Чаши, оплакивая своих чад. Но эльфы Кора говорили — а они ведают — что под конец Урин и Мавуин пришли в Мандос, и не было там ни Ниэнори, ни Турина, их сына. Поистине, Турамбар последовал за Ниэнори черными путями к дверям Фуи, но та не пожелала отворить им, и Вэфантур тоже. Но ныне молитвы Урина и Мавуин дошли до самого Манвэ, и боги сжалились над их несчастной судьбой, посему эти двое, Турин и Ниэнори, вступили в Фос'Алмир,

огненную купель, ту, что Урвэнди и ее девы сотворили века назад до первого восхода Солнца, и так омылись они от всех своих скорбей и позора, зажив среди благословенных подобно сияющим валар, и ныне любовь брата и сестры сделалась прекрасна; но, поистине, Турамбар встанет подле Фионвэ при Великом Разрушении, и Мэлько и его драконы проклянут меч Мормакиль.

Так завершил Эльтас свой рассказ, и никто не спрашивал продолжения.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Этот абзац был отвергнут еще до изменения *Тинтоглин* на *Тинвэлинт*; см. с. 69.
- 2 Над именем *Эгнор* написано: «гном Дамрод»; см. Комментарии, с. 139—140.
- 3 Здесь и сразу дальше сначала было написано *Тинтэллон*; вставка должна относиться к тому же времени, что и примечание в рукописи, указывающее, что *Тинтоглин* надо заменить на *Эллон* или *Тинтэллон* (с. 69). См. примечание 32.
- 4 Связанное с этой заменой примечание в рукописи гласит: «Если Бэрэн — гном (как теперь в истории о Тинувиэль), то надо изменить упоминания о нем». В отвергнутом абзаце Эгнор, отец Бэрэна, «приходился родней Мавуин», то есть, был человеком. См. примечания 5 и 6 и Комментарии, с. 139.
- 5 «Турин, сын Урина»: первоначально было написано «Бэрэн Эрмавэд». См. примечания 4 и 6.
- 6 Первоначально было написано: «и также когда король услышал о родстве меж Мавуин и Бэрэном». См. примечания 4 и 5.
- 7 *Линвэ (Тинто)* было первоначальным «эльфийским» именем короля и относится к тому же «слою» имен, что и *Тинтоглин* (см. I. 115, 131). Оно явно сохранилось здесь по недосмотру (должно было быть изменено на *Тинвэ*). См. примечания 19 и 20.
- 8 Первоначально написано: «поскольку он человек могучей стати».
- 9 Ср. с отрывком в *Сказании о Тинувиэль*, с. 11, весьма схожим. То, что абзац в *Турамбаре* написан раньше (как можно предположить в любом случае), доказывается тем, что абзац в *Тинувиэль* имеет смысл только в том случае, если Бэрэн — гном, а не человек (см. примечание 4).
- 10 «...и приходили к ним сны»: первоначально написано «сны посылали им валар».
- 11 «...имя же его было Глорунд» было добавлено позднее, как и последующие упоминания этого имени далее, на с. 86, 94, 98; но со с. 103 и далее *Глорунд* написано с самого начала.
- 12 «...с помощью Флиндинга, чьи раны были не столь серьезны...»: первоначально написано «...с помощью легкораненого мужа...». В этот абзац были добавлены и все последующие упоминания Флиндинга.

- 13 Первоначально написано «сердце Турина страдало, и случилось так, что лишь он и еще один возвратились с битвы». В предложении «...упрекая Турина за то, что тот когда-то стоял против его мудрых советов» «когда-то» означает «всегда»: Турин всегда противился советам Ородрэта.
- 14 Первоначально написано: «...хотя весь народ тогда почитал сие деяние прискорбным и трусливым».
- 15 Первоначально написано «и снова взглянуть на Ниэнори». Это было изменено на «и взглянуть на Ниэнори, которую он не видел». Слова «с детства» были добавлены еще позже.
- 16 Следующий абзац был вычеркнут, судя по всему, когда текст записывался:

— Поистине, — молвили те, — передают путешественники и скитальцы с гор, что многие и многие луны даже самые дальние границы свободны от них и непривычно безопасны, посему многие люди странствуют из Хисиломэ в Запредельные Земли, — и то была правда, что пока жил Турин изгнанником от двора Тинтоглина или скрывался среди ротварин, Мэлько мало тревожил Хисиломэ и пути туда.

(*Ротварин* было первоначальной формой во всем тексте, позднее замененной на *родотлим*.) См. с. 92, где ситуация, описанная в отвергнутом абзаце, отнесена к более раннему времени (перед гибелью родотлим), когда Мавуин и Ниэнори покинули Хисиломэ.

- 17 Первоначально написано «дважды семь». Когда Турин бежал из земли Тинвэлинта, исполнилось ровно 12 лет со времени его ухода из дома матери (с. 75), и Ниэнори родилась до этого, но за сколько именно, не сказано.
- 18 После слов «ледеял он тогда великий и ужасный замысел» первоначально стояло «повесть о коем не входит в это сказание». Я не знаю, значит ли это, что когда отец написал здесь о «замысле» Мэлько, он не имел в виду разорение родотлим.
- 19 «король»: первоначально стояло «Линвэ». См. примечание 7.
- 20 *Линвэ*: осталось по недосмотру. См. примечание 7.
- 21 «возвышенность»: первоначально «холм».
- 22 Это предложение, «Так похвальба Турина...», было добавлено карандашом позже. Имеется в виду то, что Турин назвал себя *Турамбар* — «никто с этого часа не станет звать меня Турином, если буду я жив», с. 86.
- 23 Данное предложение, начиная от «ведь эти отважные мятежники...» и где-то до этого места, было нежирно зачеркнуто. На противоположной странице рукописи поспешно и неразборчиво написано: «Пусть Турин ничего не рассказывает своему новому народу о своем происхождении (похоронит прошлое) — чтобы Ниниэль не имела возможности (наверняка) услышать от кого-то о его происхождении». См. Комментарии, с. 131.
- 24 Напротив этого предложения на полях нарисован карандашом знак вопроса. См. примечание 23 и Комментарии, с. 131.
- 25 «И Ниниэль понесла» было добавлено карандашом позднее. См. Комментарии, с. 135

- 26 «...командовал же стражей карла Мим» было добавлено позже, карандашом. См. Комментарий, с. 137.
- 27 Слово *полосу* [*tract*] можно прочесть как *след* [*track*], а слово *изранена* [*burt*] (хотя и с меньшей вероятностью) как *обожжена* [*burnt*].
- 28 Это предложение — как оно есть — вряд ли может значить иное, чем то, что люди думали, будто ушедшие сражаются между собой; но с какой стати людям так думать? Более вероятно, что отец нечаянно не дописал предложение: «...между семерыми, Турамбаром и его спутниками, и драконом».
- 29 Турамбар имеет в виду слова Глорунда, сказанные ему перед пещерами родотлим: «...о Турин Мормакиль, коего прежде именовали храбрым» (с. 86).
- 30 Эти слова, начиная с «тот, что прежде звался...», были добавлены позднее карандашом. *Сын Урина* можно также прочесть как *сын Хурина*.
- 31 С этого места и до конца рассказа Эльтаса первоначальный текст был вычеркнут: в рукописи за ним следуют два коротких наброска повествования, но они тоже вычеркнуты. Текст, данный здесь (со слов «Рассказывают, что...»), написан на вложенных в тетрадь отдельных листах. По поводу отвергнутого материала см. Комментарий, с. 135—137.
- 32 Во всей финальной части текста (написанной на отдельных листах, см. примечание 31) имя короля сначала было *Тинтэллон*, а не *Тинтоглин* (см. примечание 3).
- 33 «Эльфы»: первоначально «мужи» (*men*). Та же самая замена сделана ниже («Посему когда явились туда эльфы»), и еще дальше слово «мужи» тоже было убрано в двух местах («народ его рассмеялся», «Тогда повелел Урин своим приверженцам отнести это золото», с. 114); но в нескольких случаях слово «люди (мужи)» осталось, возможно — по недосмотру, хотя в *Сказании о Турамбаре* слово *tin* часто прилагается к эльфам (к примеру, «Бэлэг и Флиндинг, сильные телом мужи», с. 80).
- 34 Это предложение, начиная от «Но никто еще не приходил в пещеры...», было добавлено позднее карандашом.
- 35 Это предложение, начиная от: «Тогда без жалости поведал Урин...», было добавлено позже, заменив: «Тогда молвил Урин: — Нет, будь у тебя сердце...».
- 36 Это предложение, начиная от «О чем говоришь ты...», заменило первоначальный вариант: «Убирайся и заberi прочь с собой свою скверну».

Изменения в именах и названиях в *Сказании о Турамбаре*

Фуитлуз (*Fuitblug*) < *Фотлуз* (*Fotblug*) < *Фотлог* (*Fotblog*)
Ниэнори (*Nienóri*). При первом появлении (с. 71) этого имени отец написал его как *Ньенофэ* (*Ниэноф*) [*Nyenòre* (*Nienor*)]. Впоследствии он вычеркнул *Ньенофэ*, убрал скобки возле *Ниэноф* и добавил *-и*, так что получилось *Ниэнори*. Далее имя писалось и как *Ниэноф*, и как

Ниэнори (*Nienóri*), но *Ниэнор* было позднее исправлено на *Ниэнори* во всей ранней части сказания. Ближе к концу и в заключительной части, написанной на отдельных листах, стоит *Ниэнор*. Я даю *Ниэнори* во всем тексте.

Тинвэлинт (*Tinwelint*) < *Тинтэллон* (*Tintellon*) (с. 72, дважды). См. с. 69 и примечание 3. *Тинвэлинт* < *Тинтэллон* также в заключительной части текста, см. примечание 32.

Тинвэлинт < *Тинтоглин* (*Tintoglin*) во всем тексте, за исключением указанного выше (где *Тинвэлинт* из *Тинтэллон* в абзацах, добавленных позднее); см. с. 69.

Гвэдэлинг (*Gwedbeling*) < *Гвэндэлинг* (*Gwendeling*) во всех случаях (*Гвэндэлинг* осталось без изменений на с. 76, явно по недосмотру: я даю *Гвэдэлинг* во всем тексте). В словаре языка гномов форма *Гвэндэлинг* была изменена на *Гвэдилинг* (*Gwedbiling*); см. с. 50.

Флинддинг бо-Дуилин (*Flinding bo-Dhuilin*) < *Флинддинг го-Дуилин* (*Flinding go-Dhuilin*). Это изменение, внесенное при появлении имени на с. 78, не было сделано на с. 82, но ясно, что эта форма была просто пропущена, и я даю *бо-Дуилин* в обоих случаях; это же изменение *-go* на *-bo* см. в *Сказании о Тинувизель*, с. 51. Имя *Дуилин* (*Duilin*, на с. 79) обретает форму *Дуилин* (*Dhuilin*), когда к нему присоединяется патронимическая приставка.

родотлим (*Rodotblim*) < *ротварин* (*Rothwarin*) во всем тексте.

Гуртолфин (*Gurtbolfin*) < *Гортолфин* (*Gortholfin*) первые несколько раз, но, начиная со с. 90, сразу писалась форма *Гуртолфин*.

Комментарии к Сказанию о Турамбаре

§1. Основное повествование

Комментируя это длинное сказание, удобно разделить его на небольшие части. По ходу комментария я часто буду ссылаться на пространное (хотя и неоконченное) прозаическое повествование *Нарн и Хин Хурин*, вошедшее в состав *Неоконченных Сказаний* (с. 57 и далее), предпочитая его более краткому рассказу — главе XXI *Сильмариллиона*; ссылаясь на первый из этих двух текстов, я цитирую «*Нарн*» и даю номера страниц по *Неоконченным Сказаниям**.

(i) Пленение Урина и детство Турина в Хисиломэ (с. 70—72)

Прежде чем перейти к сказанию, интересно рассмотреть фигуру рассказчика, Эльтаса. Это загадочный персонаж: он, кажется, человек (как он говорит, «наш народ» называл Турамбара *Турумафт* «по обычаю гномов»), живший в Хисиломэ после дней Турамбара, но до падения Гондолина; и который «ступил на Олорэ Маллэ», Тропу Снов. Не является ли он одним из тех детей «праотцов людей», которые «побывали на холме Кор и навсегда остались с эльдар» (*Домик Утраченной Игры*, I. 19—20)?

* *Нарн и Хин Хурин* цитируется в переводе А. Хромовой.

Вводный абзац почти во всем существенном сходен с заключительным вариантом истории. Таким образом, к началу «традиции» (по крайней мере, в наиболее ранней наличествующей ее форме) восходят уход Хурина на Битву Бессчетных Слез по призыву нолдор, в то время как его жена (Мавуин = Морвэн) и юный сын Турин остаются дома; великая стойкость людей Хурина, пленение Хурина Морготом; причина пыток Хурина (желание Моргота узнать о местонахождении Тургона) и сами эти пытки, а также проклятие Моргота; рождение Ниэнор вскоре после великой битвы.

То, что люди были заперты в Хисиломэ (или Хитлуме — это форма языка гномов, которая впервые появляется именно здесь как еще одно название Дор Ломин, с. 71) после Битвы Бессчетных Слез, указывалось в *Пришествии Эльфов* (I. 118) и в последнем из набросков к *Рассказу Гильфанона* (I. 241); отсюда берет начало позднейшее заключение вероломных истерлингов в Хитлуме (*Сильмафиллион*, с. 195), а их дурное обращение с уцелевшими потомками Дома Хадора стало одним из важнейших элементов в истории о детстве Турина. Но в *Сказании о Турамбаре* уже присутствует мысль о том, что «чужаки, что жили рядом, не ведали о сани владычицы Мавуин». На самом деле, не совсем понятно, где именно жил Урин: здесь сказано, что «после битвы Мавуин в слезах отправилась в землю Хитлум, или Дор Ломин, где все люди должны были жить отныне»: это может значить только то, что по приказу Мэлько она отправилась в Дор Ломин из тех мест, где прежде жила с Урином; с другой стороны, чуть дальше (с. 73) упоминается о том, что явно противоречит ранее сказанному: Мавуин отказывается принять приглашение Тинвэлинта прибыть в Артанор частично по той причине, что (как предполагается) «не хотела она покидать жилище, где поселил ее Урин, *прежде чем уйти на великую войну*».

В позднем варианте истории Морвэн решается отослать Турина из страха, что он станет рабом у истерлингов (*Нафн*, с. 70), в то время как тут сказано, что Мавуин «не знала в своей беде..., как вскормить их с сестрой» (что, видимо, говорит о ее бедности). Отсюда еще одно различие, а именно то, что здесь Ниэнори родилась до ухода Турина (но см. с. 131); в позднем варианте легенды Турин и его провожатые покидают Дор-ломин осенью Года Плача, а Ниэнор появилась на свет в начале следующего года — так что Турин никогда не видел сестру, даже младенцем.

Одно из основных отличий — это отсутствие в сказании мотива, что Хурин сам побывал в Гондолине и что это известно Морготу, по каковой причине Хурина берут в плен живым (*Сильмафиллион*, с. 158—159, 196—197); этот элемент возник в истории гораздо позже, когда момент основания Гондолина сдвинулся назад, ко времени задолго до Битвы Бессчетных Слез.

(ii) *Турин в Артаноре* (с. 72—76)

Два старика, сопровождающие Турина, один из которых возвращается к

Мавуин, в то время как более старый остается с Турином, присутствуют во всех версиях путешествия Турина; и восклицание Турина в начале странствия снова появляется в *Нарн* (с. 73): «Морвэн, Морвэн, когда же я увижусь с тобой!»

Бэлэг присутствовал с самого начала, как и значение его имени: «охотник потаенных эльфов по имени Бэлэг, *ибо* был он в своем народе велик статью» (см. I. 275, статья *Халойси Вэлкэ*, и Приложение к *Сильмафиллиону*, статья *бэлэг*); в старой истории он играет ту же самую роль, спасая путников, умирающих с голоду в лесу, и приводя их к королю.

В позднейших версиях не осталось и следа примечательного послания Тинвэлинта к Мавуин, а его в высшей степени чистосердечное признание, что он не участвовал в Битве Бессчетных Слез, в мудрости своей предвидя, что Артанор сможет стать убежищем, если случится беда, довольно плохо соотносится с характером короля, каким он мыслится впоследствии, когда его поведению находят совершенно иные обоснования (*Сильмафиллион*, с. 189). С другой стороны, мотивы, по которым Мавуин остается в Хитлуме, сохранились без изменений (см. соответствующий абзац в *Нарн*, с. 70, где слова «жить на чужих хлебах» звучат эхом старого сказания); однако ставит в тупик утверждение, что Мавуин, когда Ниэнори подросла, могла бы забыть свою гордость и перебраться через горы, если бы те не стали непроходимы — отсюда вроде бы следует, что Мавуин так и не покидала Хитлума. Однако это должно, вероятно, значить, что Мавуин могла бы предпринять путешествие *раньше* (когда Турин все еще был в Артаноре), чем она сделала это на самом деле (когда на время дорога стала легче, но Турин уже исчез).

Черты характера Турина-юноши описаны в *Нарн* (с. 77) почти так же, как и в сказании:

«...судьба, казалось, не благоволила к Турину: часто его замыслы рассыпались прахом, и он редко добивался, чего хотел; и друзей у него было мало: он был суров и редко смеялся, и юность его была омрачена тенью».

(Сказание добавляет к этому еще один примечательный штрих: «не обращал он внимания на сказанное ему»). Сообщение между Турином и его матерью прекращается по той же самой причине — из-за усиления стражи в горах (*Нарн*, с. 78).

Хотя история о Турине и Саэросе так, как она рассказана в *Сильмафиллионе* и, более подробно, — в *Нарн*, во всем существенном восходит к *Сказанию о Турамбаре*, кое-какими примечательными деталями она отличается от ранней версии: основное то, что в первом варианте истории обидчик Турина был сразу убит брошенным кубком. Это с необходимостью ведет к полному отсутствию здесь позднейших усложнений — предательского нападения Саэроса на Турина на следующий день, преследования Турином Саэроса, которое приводит к смерти последнего, суда над Турином в его отсутствие и свидетельства Нэллас (только в *Нарн*); не появляется и Маблунг — кажется очевидным, что Маблунг впервые возникает в конце *Сказания о Тинувиэль* (см. с. 59). Некоторые детали сохранились (как, например, гребень,

который Оргов/Саэрос насмешливо предлагает Турину, *Нафн*, с. 80), в то время как другие детали были изменены или не были впоследствии использованы (к примеру, то, что все происходит в годовщину ухода Турина из дому, хотя число лет — двенадцать — согласуется с последующей историей, как и то, что король присутствует при ссоре — по контрасту с *Нафн*, с. 79). Но насмешка, которая приводит Турина в убийственную ярость, осталась по существу прежней, в том смысле, что она затрагивает его мать; также осталось неизменным, что Турин явился в зал непричесанный и небрежно одетый и что его недруг насмехается над ним именно за это.

Оргов не сильно отличается от Саэроса, хотя и менее разработан. Он в милости у короля, горд и завидует Турину; в позднейшей истории он эльф из народа нандор, в то время как здесь он илькорин с примесью крови гномов (по поводу гномов в Артаноре см. с. 65), но, без сомнения, некая «странность» в его происхождении — часть традиции. В ранней истории он явственно фат и глупец, и его неприязнь к Турину еще не подкрепляется теми мотивами, которые были приписаны этому персонажу в *Нафн* (с. 77).

Важный момент — Турин не знает, что его простили — присутствует с самого начала, хотя изложенный весьма просто. Сказание (на с. 76) также дает отсутствующее в более поздних текстах объяснение того, почему Турин, покинув Артанор, не вернулся в Хитлум; ср. *Нафн*, с. 87: «отправиться в Дор-ломин он не решился, ибо все пути были перекрыты, и Турин думал, что в одиночку нечего надеяться перейти Горы Тени».

В сказании доблести Турина в сражениях с орками во время его пребывания в Артаноре придана большая, фактически — исключительная важность («много лет защищал Турин эльфов от гнева Мэлько»), в особенности потому, что Бэлэг, его боевой товарищ в позднейших версиях, здесь не упомянут (и в этом абзаце могущество королевы, позволяющее противостоять вторжению в королевство снова представлена (см. с. 63) менее значительным, чем впоследствии).

(iii) *Турин и Бэлэг* (с. 76—81)

Часть саги о Турине, повествующая о его жизни после Артанора/Дориата, претерпела позднее большие изменения («Турин у изгоев»), и фактически отец так и не привел эту часть истории в законченное состояние. В самой старой версии сюжет развивается гораздо быстрее: Бэлэг присоединяется к отряду Турина, и за этим почти немедленно (в рамках повествования) следуют гибель отряда и пленение Турина орками. Не упоминаются «изгои», но только «отчаянные головы», нет долгих поисков Бэлэгом Турина, пленения Бэлэга шайкой и дурного обращения с ним, нет изменника, выдающего лагерь врагу (роль, которая впоследствии досталась карле Миму). На самом деле, не говорится, что Бэлэг был товарищем Турина ранее, до убийства Оргова: они сблизились только после самоизгнания Турина.

Упомянуто, что Бэлэг — нолдо (с. 78), и если к этому единственному указанию отнестись с полным доверием (кажется, для обратного причин нет: из *Сказания о Тинувиэль* явствует, что в Артаноре были нолдоли, а в Оргове текла кровь

гномов), то надлежит заметить, что Бэлэг первоначально мыслился как эльф Кора. Здесь о нем не говорится как о великом лучнике (также не возникает ни его имя Куталион — «Тугой Лук», ни сам его огромный лук Бэльтрондинг); при первом появлении (с. 73) он описан как «лесной следопыт, охотник потаенных эльфов», а не как глава пограничной стражи королевства.

Но от пленения Турина до смерти Бэлэга ранний вариант не претерпел впоследствии существенных изменений в каких-либо действительно важных аспектах, хотя изменились многие детали: к примеру, в позднейшей версии Бэлэг неслышно перестрелял волков-охранников, а лицо мертвого Бэлэга освещает вспышка молнии. Однако голубые светильники нолдор снова появляются во многих позднейших работах: такой светильник несут эльфы Гэльмир и Арминас, которые провожают Туора сквозь Врата Нолдор на его пути к морю (см. *Неоконченные Сказания*, с. 22, 51, примечание 2). На рисунке отца (датирующемся, вероятно, 1927 или 1928 годами), изображающем встречу Бэлэга и Флиндинга в Таур-ну-Фуин (рисунок воспроизведен в книге *Рисунки Дж. Р. Р. Толкина*, номер 37), светильник Флиндинга виден недалеко от него. Весьма искусно разработаны детали сюжета ранней истории, такие, как причина того, почему Турина, все еще спящего, надо вынести из лагеря орков, и почему Бэлэг использует свой меч, а не нож, чтобы перерезать пути Турина; вероятно, также то, что Бэлэг, брошенный на землю Турином, задохнулся и не смог окликнуть Турина по имени до того, как тот нанес ему смертельный удар.

История безумия Турина после убийства Бэлэга, то, что его ведет Гвиндор, и слезы Турина у Эйтэль Иврин присутствуют здесь в зародыше. О необычности меча Бэлэга речи нет.

(iv) *Турин среди родотлим; Турин и Глорунд* (с. 81—88)

Здесь мы наблюдаем возникновение (если судить по имеющимся работам, поскольку необходимо помнить, что рукописи предшествовал полностью стертый текст) Нарготронда, хотя бы еще и не названного. Среди многих примечательных черт важная, видимо, та, что Ородрэт был связан с Нарготрондом еще до Фэлагунда, Владыки Пещер, который в позднейшей легенде замыслил и основал Нарготронд. (В *Сильмариллионе* Ородрэт — один из братьев Финрода Фэлагунда (все они сыновья Финарфина), которому после создания Нарготронда Фэлагунд передал в управление Минас Тирит на Тол Сирионе (с. 120). После смерти Фэлагунда Ородрэт стал Королем Нарготронда.). В сказании пещеры гномов-изгнанников — более простое и грубое жилище, твердыня, которая (как видно) недолго сопротивлялась сокрушительной мощи Мэлько; однако — как случилось довольно часто — многие черты ранней версии сохранились, несмотря на то, что история Нарготронда в решающем отношении сильно изменилась под влиянием легенды о Бэрэне и Тинувиэль. Так, с самого начала Нарготронд располагался «над потоком» (позднее Нарог), который «струился, дабы напитать реку Сирион», и, как видно из дальнейшего (с. 96), берег реки со стороны пещер был выше, а холмы подходили ближе к реке; ср. *Сильмариллион*, с. 114: «пещеры

под Высоким Фаротом на крутом западном берегу». Присущие эльфам Нарготронда политика скрытности и отказ от открытой войны всегда были важным элементом замысла (ср. *Сильмафиллион*, с. 168—170)*, как и прекращение этой политики благодаря самоуверенности и властности Турина (хотя в сказании и не упоминается о мосте, построенном по настоянию Турина). Здесь, однако, падение цитадели отнесено на счет Турина, как видится, с большей определенностью, его приход туда выглядит простым проявлением проклятия, а несчастье, еще более, так сказать, неминуемое, происходит по причине его неблагодаримости: по крайней мере, во фрагментах этой части в *Нарн* (с. 155—157) выступление Турина против Гвиндора, который отстаивает политику скрытности, выглядит довольно обоснованным, несмотря на последствия. Но история в сути своей остается прежней: результат политики Турина — обнаружение Нарготронда Морготом, который обрушивает на город свою сокрушительную мощь и уничтожает его.

По мере разработки сюжета образами Флиндинга (Гвиндора), Файливрин (Финдуилас)† и Ородрэта суждено было претерпеть примечательные трансформации. В старом сказании Флиндинг был из родотлим еще до своего пленения и заключения в Ангбанде точно так же, как Гвиндор был из Нарготронда (хотя его история сильно разрослась, см. *Сильмафиллион*, с. 188, 191—192), и по возвращении он так изменился, что его едва узнали (я оставляю без внимания такие сохранившиеся мелкие детали, как то, что Турина и Флиндинга/Гвиндора берут в плен, когда они приходят в пещеры). Здесь же появляются прекрасная Файливрин и ее безответная любовь к Турину, но сложности, проистекающие из-за ее прежних отношений с Гвиндором, совершенно отсутствуют, и она — дочь не Короля Ородрэта, но некоего Галвэга (который впоследствии исчез бесследно). Флиндинг не представлен здесь как противник политики Турина; в последней битве он помогает Турину вынести Ородрэта из боя. Ородрэт умирает (принесенный обратно в пещеры), вина Турина в случившемся — так поступает и смертельно раненый Гвиндор в *Сильмафиллионе* (с. 213): в упреках его звучит и горечь, причина которой — любовь Гвиндора к Финдуилас. Но отец Файливрин Галвэг убит в сражении, как и отец Финдуилас Ородрэт в *Сильмафиллионе*. Таким образом, в процессе эволюции легенды к Ородрэту перешла роль Галвэга, в то время как к Гвиндору перешла часть роли Ородрэта.

Как я уже заметил ранее, в сказании не упоминается о каких-либо особенностях меча Бэлэга, и хотя Черный Меч уже появляется, он откован для Турина по приказу Ородрэта, а его цвет и бледно-светящиеся края существовали с самого начала (см. *Сильмафиллион*, с. 209—210). Его способность к речи («говорят, что временами изрекал меч Турину темные слова») сохранилась в его ужасном ответе Турину перед смертью последнего (*Нарн*, с. 145) — этот мотив появляется уже

* Из первого из этих абзацев, как представляется, следует, что политика скрытности существовала и до прихода Бэрэна, еще при Фэлагунде; но из второго вроде бы явствует, что все это началось из-за убедительной речи Куруфина после появления Бэрэна.

† В *Сильмафиллионе* ее зовут Финдуилас, а имя Фазливрин — «солнечный отблеск Иврина» — было дано ей Гвиндором (с. 209—210).

в настоящем сказании, с. 112; и прозвание Турина по его мечу (здесь *Мормагли*, *Мормакиль*, позднее *Мормэгиль*) было уже придумано. Но нет и намека на то, что Турин скрывал в Нарготронде свое настоящее имя: напротив, прямо сказано, что он назвал себя.

Зерно истории о Гэльмире и Арминасе и предупреждении Ульмо, которое они приносят в Нарготронд (*Нафн*, с. 159—162), можно, вероятно, разглядеть в словах «ввечеру слышались в реке шепоты», что, без сомнения, подразумевает послания от Ульмо (см. с. 77).

Дракон Глорунд поименован в «удлиняющем заклинании» в *Сказании о Тинувизэль* (с. 19, 46), но на самом деле имя появилось в процессе записи *Сказания о Турамбаре* (см. примечание 11). Отсутствуют намеки на то, что он уже играл какую-то роль в исторических событиях или что он был первый в своем роде, Отец Драконов, с длинным списком злодеяний, сотворенных им еще до Разорения Нарготронда. Немалый интерес представляет абзац, где характеризуется природа драконов Мэлько: их злодейская мудрость, любовь ко лжи и золоту («хотя нет им от того ни пользы, ни удовольствия») и знание языков, которое, как говорят люди, приходит, если съесть сердце дракона (это реминисценция на легенды Старшей Эдды о Сигурде Фафниробойце, который стал понимать, к величайшей для себя выгоде, речь птиц, когда съел сердце дракона Фафнира, зажав его на вертеле).

История разорения Нарготронда рассказана в раннем варианте несколько по-другому, хотя существенные черты сохранились: то, что Файливрин/Финдуилас уводит в числе пленников и что Турин, связанный чарами дракона, бессилен ей помочь. Менее важные различия (такие, как позднее появление Глорунда на сцене: в *Сильмариллионе* Турин возвращается в Нарготронд после того, как Глаурунг заполз в пещеры и разграбление «уже началось») и сходные черты (оркам запрещают грабить) можно оставить в стороне; наиболее интересен рассказ о беседе Турина с драконом. Здесь вводится тема возможности или невозможности для Турина избежать рока, и примечательно, что он берет имя *Турамбар* именно в этих обстоятельствах, в то время как в позднейшей легенде он принимает его, присоединяясь к Лесному Народу Брэтиля — ранний вариант интереснее. Но в остальном ранняя версия гораздо менее ярка и выразительна, и слова дракона менее хитры и утонченно-ложивы. Здесь также весьма недвусмысленно заострена мораль: Турину *не следовало* оставлять в Файливрин «в беде — о чем ведал он сам» — не предполагает ли это, что хоть он и находился под чарами дракона, была в Турине некая слабость («слепота», см. с. 83), которую использовал дракон? В истории, как она рассказана в *Сильмариллионе*, мораль оказалась бы ненужной: Турину противостоит неприятель слишком могущественный, чтобы воля и разум Турина могли ему противодействовать.

Здесь примечателен абзац, в котором самоубийство объявлено грехом, лишаящим самоубийцу всякой надежды, «что когда-либо его дух покинет темный сумрак Мандоса или ступит на отрадные тропы Валинора». Это, как кажется, согласуется с примечательным пассажем в сказании *Пришествие*

Валар и Создание Валинора, касающемся судеб людей, см. с. 60.

Наконец, странно, что в ранней истории золото и сокровища были вынесены орками из пещер и оставлены неподалеку (все это покоилось «у пещер над потоком») и что дракон — весьма нехарактерным образом — «почивал подле клада» на открытом месте. В *Сильмариллионе* Глаурунг «собрал все сокровища и богатства Фэлагунда, сложил их грудой и возлег на них во внутреннем покое».

(v) *Возвращение Турина в Хитлум* (с. 88—91)

С этой частью рассказа дело обстоит в основном так же, как и с предыдущими: сам сюжет впоследствии изменился слабо, но, тем не менее, наличествует немало важных различий.

Из *Сказания о Турамбафе* явствует, что дом Мавуин не мыслился стоящим возле холмов или гор, отделявших Хитлум от Запредельных Земель: Турина говорят, что орки никогда «не заходят вглубь земли Хисиломэ», — по контрасту с *Нафн* (с. 68), в которой «дом Хурина был на юго-востоке Дор-ломина, вблизи гор — Нэн Лалайт брал начало в источнике у подножия горы Амон Дартир, на отрог которой взбиралась узкая тропа». Переезд Мавуин из одного дома в Хитлуме в другой — их оба по очереди навещает Турин в поисках матери — был впоследствии изъят, к упрощению и улучшению сюжета. Здесь Турин возвращается в свой старый дом в конце лета, в то время как в *Сильмариллионе* падение Нарготронда произошло в конце осени («шли они, и сильный ветер рвал с деревьев листья, ибо на смену осени явилась суровая зима», с. 213), а в Дор-ломин Турин приходит Лютой Зимой (с. 215).

Имена Бродды и Айрин (второе впоследствии писалось как «Аэрин») сохранились; но здесь Бродда — владыка земли, и Айрин играет более важную роль в сцене, происходящей в зале, нежели в позднейшем варианте: здесь она вершит суд, проявляя мужество и мудрость. Не говорится, что ее взяли замуж насильно, хотя сказано, что ее жизнь с Броддой была весьма нехороша; но, конечно, ситуация в позднейших повествованиях очерчена гораздо более четко: в Хитлуме живут «истерлинги», «пришлецы», враждебные эльфам и остаткам Дома Хадора, в то время как в ранней истории такого различия не проводится, и Бродда — человек, которому Мавуин доверяла. Мотив дурного обращения Бродды с Мавуин уже присутствует, но только в том смысле, что он присвоил себе имущество Мавуин после ее ухода; в *Нафн* из слов Аэрин, обращенных к Турину (с. 107), получается, что причиной ухода Морвэн в Дориат были именно притеснения Морвэн Броддой и другими истерлингами. Из краткого рассказа в *Сильмариллионе* (с. 215) не совсем ясно, чем именно Бродда заслужил ненависть Турина.

В сказании поведение Турина в зале более прямолинейно: обо всем ему рассказывает прохожий, Турин приходит, чтобы отомстить Бродде за расхищение имущества Мавуин, и делает это быстро. В *Нафн* же, где глаза Турину на ту ложь,

которой его обморочили, лишь под конец открывают слова находящейся в зале Аэрин, Турин гневается еще более необузданно, безумно и ожесточенно — что, однако, вполне объяснимо: и моральное суждение касательно того, что деяние Турина было «жестоким и незаконным», не выносится. История о том, как Айрин вершила суд, чтобы спасти Турина, впоследствии была удалена; рассказ об одиноком уходе Турина вырос в объеме, также к нему добавилось сожжение Аэрин чертогов Бродды (*Нафн*, с. 109).

Некоторые детали пережили все изменения: в *Нафн* Турин по-прежнему хватает Бродду за волосы, и в точности, как в сказании, гнев Турина неожиданно утих после его жестокого поступка («гнев его остыл»), так в *Нафн* «пламя гнева его угасло». Можно заметить, что хотя в старом сказании Турин не столь часто меняет имена, данная тенденция уже наличествует.

Рассказ о том, как Турин пришел к Лесному Народу и спас их от орков, отсутствует в *Сказании о Турамбаре*; отсутствуют какие-либо упоминания о Кургане Финдуилас возле Тэйглинской Переправы, так же как и рассказ о ее участии.

(vi) *Возвращение Гумлина в Хитлум и уход
Мавуин и Низнори в Артанор* (с. 91—93)

Позднее старший из провожатых Турина (Гумлин здесь, Гритнир в *Нафн*) не принимает участия в событиях, произошедших после прихода Турина в Дориат: сказано всего лишь, что он оставался там до самой смерти (*Нафн*, с. 74); и Морвэн не имела известий из Дориата до ухода из дому — она узнаёт, что Турин покинул королевство Тингола, только прибыв туда (*Сильмариллион*, с. 211; ср. слова Аэрин в *Нафн*, с. 107: «она думала, что ее сын живет там и ждет ее»). Вся эта часть сказания требуется в основном для того, чтобы объяснить — с ненужными, как, без сомнения, чувствовал отец (поскольку впоследствии почти полностью отбросил эту часть), сложностями — почему Мавуин отправилась к Тинвэлинту. Однако понятно, что в данном месте различия между версиями опираются на разные представления о жизни Мавуин (Морвэн) в Хитлуме. В сказании она не страдает от тягот и притеснения; она доверяет Бродде настолько, что готова оставить ему не только свое имущество, но и дочь, и сказано, что «жила она в мире, почитаемая людьми тех краев»; местные вожди говорят о любви, которую питают к ней. Причиной ее ухода является приход Гумлина и принесенные им вести о победе Турина из земель Тинвэлинта. В позднем варианте, с другой стороны, характер Бродды как тирана и притеснителя становится более определенным, и именно беды, претерпеваемые из-за него, заставляют Морвэн уйти. (Вести, которые приходят Турину в Дориат о том, что «жизнь Морвэн стала легче» (*Нафн*, с. 77, ср. *Сильмариллион*, с. 199), вероятно, представляют собой пережиток старого варианта; в позднейших повествованиях не объясняется, как это могло случиться и почему прекратилось.). В обоих случаях на желание матери Турина покинуть Хисиломэ влияет и то, что дороги стали безопаснее; но в то время как в позднем рассказе

причиной этому — доблесть Черного Меча Нарготронда, в сказании это подготовка к исполнению «великого и ужасного замысла» Мэлько — нападению на пещеры родотлим (см. примечание 18).

Интересно, что в этом абзаце Айрин и Бродда упоминаются как будто впервые. Вероятно, существенно то, что часть текста начиная от слова дракона «внемли мне, о сын Урина» на с. 87 и до «...пал на колени пред Тинвэлинтом» на с. 92 была написана отдельно в тетради-рукописи: вероятно, эта часть заменила собой более ранний текст, где Бродда и Айрин не появлялись. Но самые ранние рукописи порождают множество вопросов, и лишь на немногие сейчас возможно ответить с уверенностью.

(vii) *Мавуин и Ниэнори в Артаноре и их встреча
с Глорундом (с. 93—99)*

Следующий важный шаг в движении сюжета — Мавуин/Морвэн узнает о пребывании Турина в Нарготронде — введен более искусно и легко в *Сильмариллионе* (с. 217) и *Нафн* (с. 112), где новости Тинголу приносят беглецы из разгромленного Нарготронда, по контрасту со *Сказанием о Турамбафе*, где Мавуин и Ниэнори узнают об уничтожении Эльфов Пещер от отряда нолдоли во время своих бесцельных блужданий по лесу. Странно, что эти нолдоли называли Турина не по имени — *Мормакиль*: кажется, они не знали, кто он такой, но им было известно о нем достаточно, чтобы Мавуин опознала сына. Как отмечено выше, Турин назвал свое имя и рассказал о своем происхождении Эльфам Пещер. В позднейшем повествовании, с другой стороны, Турин умолчал обо всем этом в Нарготронде, назвав себя Агарваэн, но те, кто принес вести о падении Нарготронда в Дориат, «сходились на том, что в Нарготронде незадолго до разорения стало известно: Черный Меч был не кто иной, как Турин, сын Хурина из Дор-ломина».

Как часто случалось, ненужные усложнения ранней истории впоследствии были опущены: таким образом, тщательно продуманный спор, необходимый, чтобы воины Тинвэлинта и Мавуин с Ниэнори вместе отправились в дорогу, исчез из *Сильмариллиона* и *Нафн*. В сказании женщины и эльфийские воины уезжают вместе, решив, что Мавуин и Ниэнори будут наблюдать за развитием событий с возвышенности (впоследствии Амон Этир, Дозорный Холм); в позднейшей истории Морвэн просто покидает Дориат, и отряд эльфов, ведомый Маблунгом, следует за ней, а вместе с ними — переодетая Ниэнор.

Особенно интересен тот абзац в сказании, в котором Мавуин предлагает огромный золотой клад родотлим Тинвэлинту в качестве наживки, и тот, не видя здесь повода для стыда, признает (как подобает дикому лесному эльфу), что именно клад — а не надежда помочь Турину — подвигнул его выслать отряд. Величие, мощь и гордость Тинвэлинта возрастали по мере развития концепции Серых Эльфов Бэлэрианда; как я писал ранее (с. 63), «поначалу обитель Тинвэлинта представляла собою отнюдь не подземный город, полный

чудес..., но простую пещеру», и здесь он, как видно, планирует набег ради того, чтобы приумножить скудный запас своих драгоценностей, а отсюда еще очень далеко до описанных в *Нафн* (с. 76) огромных сокровищ короля:

«Надо сказать, что сокровищницы Тингола в Мэнэгроте были полны всякого оружия: доспехов с узором, подобным рыбьей чешуе, сияющих, как река под луной; мечей и секир, щитов и шлемов, созданных самим Тэльхаром или его учителем, Гамиль Зираком Древним, или эльфийскими кузнецами, что были еще искуснее... Ибо Тингол получил в дар несколько вещей, принесенных из Валинора и созданных самим Фэанором-искусником, величайшим из мастеров, когда-либо живших в мире».

Хотя подробности столкновения с драконом довольно сильно отличаются от деталей поздних повествований, смрадные испарения, поднявшиеся над лежащим в реке драконом, — как причина неудачи, — бегство обезумевших лошадей и чары беспамятства, наведенные на Ниэнор, уже наличествуют. Самым поразительным, вероятно, из множества различий является то, что при разговоре с Глорундом присутствует Мавуин; от этих речей в *Нафн* (с. 118—119) ничего не осталось, за исключением того, что Ниэнор, называя того, кого она ищет — Турина, открывает самому дракону, кто она такая (это очевидно в *Нафн* и об этом можно, вероятно, догадаться из сказания). Сам тон Глаурунга в позднейшем повествовании — насмешливый, резкий, тон существа осведомленного, хладнокровного и неизмеримо мерзкого, — можно уловить уже в словах Глорунда, но по мере развития образа дракон изрядно выиграл в производимом ужасе, изъясняясь еще более лаконично.

Основное композиционное различие — всякое отсутствие в сказании как событий, связанных с Маблунгом, так и того, что могло бы их предвещать. Нет никаких намеков на поиски в разоренных жилищах в отсутствие дракона (он, по всей видимости, не отлучается из пещер далеко); цель экспедиции из Артанора — именно военная («сильный отряд» «против Фоалокэ», «они изготовились к битве»), поскольку Тинвэлинт надеется наложить руку на сокровища, в то время как впоследствии это чисто разведывательный рейд, поскольку Тингол «очень хотел побольше узнать о судьбе Нарготронда» (*Нафн*, с. 113).

Любопытно, что хотя Мавуин и Ниэнори должны были ждать на поросшей деревьями «возвышенности», которая впоследствии называлась Дозорный Холм и где они действительно оставались по *Нафн* и *Сильмариллиону*, в старой истории они, кажется, так и не добрались туда, но были пойманы Глорундом, когда он лежал в реке или недалеко от нее. Таким образом, «возвышенность» оказалась в сказании без надобности.

(viii) *Турамбар и Ниниэль* (с. 99—102)

В поздней легенде Маблунг находит Ниэнор после того, как Глаурунг зачаровал ее, и с тремя спутниками он ведет ее обратно к границам

Дориата. Преследование Ниэнор бандой орков (*Нарн*, с. 120) в сказании присутствует, но оно не несет еще той функции, которой нагружено в позднем повествовании, приводя к бегству Ниэнор, по каковой причине Маблунг и эльфы (отсутствующие в сказании) теряют ее; скорее, это бегство имеет своим результатом спасение Ниэнор Турамбаром, живущим среди Лесного Народа. В *Нарн* (с. 122) Лесные Люди Брэтиля в самом деле шли мимо места, где нашли Ниэнор, возвращаясь из рейда на орков; но обстоятельства, при которых ее находят, совершенно иные, поскольку в сказании отсутствуют упоминания Хауд-эн-Эллэт, Кургана Финдуилас.

Интересны детали, касающиеся того, как Ниэнор отнеслась к имени *Ниниэль*, которое дал ей Турамбар. В *Сильмариллионе* и *Нарн* она «покачала головой, но повторила: — Ниниэль...»; в настоящем сказании она говорит: «нет, не Ниниэль, не Ниниэль». Создается впечатление, что в раннем варианте ее затемненный разум поразило лишь сходство имени *Ниниэль* с ее собственным забытым именем — *Ниэнори* (и сходство имен *Турамбар* и *Турин*), в то время как в поздней версии она одновременно и отвергает и, в каком-то смысле, принимает имя *Ниниэль*.

К первоначальным элементам легенды относится то, что Лесной Народ приводит Ниниэль к месту («Серебряная Чаша»), где был огромный водопад (впоследствии Димрост, Дождевая Лестница, где река Кэлэброс низвергалась к Тэйглину): эти водопады находились недалеко от жилищ Лесного Народа, но от места в лесу, где нашли Ниниэль, было гораздо дальше дотуда (несколько дней пути), чем от Тэйглинской Переправы до Димроста. Когда Ниниэль оказалась там, ее охватил страх, предчувствие того, что случилось позже, и отсюда — приступ дрожи в последующих повествованиях, из-за которого место было переименовано в Нэн Гирит, Вода Дрожи (см. *Нарн*, с. 149, примечание 24).

Беспросветной тьме, завладевшей разумом Ниниэль из-за чар дракона, в сказании придется не очень много значения, и нет намека на то, что ей пришлось заново выучить самый язык; обратим внимание на интересную деталь — появление в изменившемся контексте параллели к сравнению «как человек, взыскующий нечто утерянное»: в *Нарн* (с. 123) сказано, что Ниниэль доставляла огромное удовольствие заново учить слова, «словно человеку, вновь обретающему затерявшиеся сокровища, великие и малые».

Хромой человек, здесь названный Тамаром, и его безответная любовь к Ниниэль уже присутствуют; в отличие от своего двойника Брандира, он не вождь Лесного Народа, но сын вождя. Кроме того, он полуэльф! Самое необычайное, что жена Бэтоса и мать Тамара была эльфом, женщиной из нолдоли: об это упомянуто вскользь, как если бы до сих пор не говорилось об огромном значении и редкости браков эльфов и смертных — но в «Списке имен», приложенном к сказанию *Падение Гондолина*, об Эарэндэле говорится, что он единственный, «кто принадлежал наполовину к эльдалиэ, наполовину же к людям» (с. 216)*.

* В переработке отрывка из этого сказания (с. 164 и примечание 22) о Туоре и Ид-риль Гондолинской говорится следующее: «Так впервые случилось, что сын человеческий женился на дочери Эльфинесса, но Туор был не последним».

Первоначальному нежеланию Ниниэль принять предложение Турамбара в сказании объяснения не дано: должно подразумеваться, что некий инстинкт, некое подсознательное знание правды удерживали ее. В *Сильмариллионе* (с. 220):

«...она медлила, несмотря на свою любовь. Ибо Брандир, предчувствуя неведомое ему, пытался удержать ее скорее ради нее самой, нежели ради себя или из ревности к Турамбару; и Брандир открыл ей, что Турамбар — Турин, сын Хурина, и хотя не знала она этого имени, тень омрачила ее разум».

В последней версии, как и в самой старой, Лесной Народ знал, кто был Турамбар. Неразборчивые указания отца относительно переработки этой части, процитированные в примечании 23 («Пусть Турин ничего не рассказывает своему новому народу о своем происхождении...»), загадочны: потому что раз уж Ниниэль лишилась всей памяти о прошлом, она не узнала бы имени Турина, сына Хурина, даже если бы ей сказали, кто такой Турамбар. Однако возможно, что когда отец писал примечание, он мыслил, будто утраченная Ниниэль память о ней самой и ее семье не так далека от поверхности и может прорваться в сознание при звуке этих имен — по контрасту с позднейшей историей, где она так и не узнала имени Турина, даже когда Брандир назвал его. Ясно, что вопросительный знак напротив упомянутых в тексте сказания рассказов Турамбара Ниниэль о «своих отце, матери и сестре, которую он никогда не видел», и смятение Ниниэль при этих словах связаны с тем же ходом мысли. Заявление, что Турамбар никогда не видел свою сестру, расходится с тем, что говорится в сказании раньше — что он покинул Хисиломэ после рождения Ниэнори (с. 71); но мой отец колебался относительно этого, что явствует из последовательности вариантов, данных в примечании 15 — когда принималась и отвергалась то одна, то другая идея.

(ix) *Убийство Глорунда* (с. 103—108)

В этой части я следую за повествованием до того момента, когда Турин теряет сознание — после того как умирающий дракон открыл глаза и взглянул на него. Здесь поздний рассказ весьма близок старому, но наличествует много интересных отличий.

В сказании утверждается, что у Глорунда были в подчинении отряды и орков, и нолдולי, но впоследствии остались одни орки; ср. *Нарн*, с. 125:

«Глаурунг с каждым днем набирал мощь и коварство; он сделался тучен [ср. «Фоалокэ сделался тучен»], и собрал к себе орков, и правил ими, словно некий король, и подчинил себе все былые земли королевства Нарготронд».

Упоминание в сказании о том, что «шайки Глорунда-дракона притесняли эльфов Тинвэлинта весьма сильно», снова подтверждает, что волшебство Королевы было не слишком надежной защитой; а утверждение, что «наконец, иные из них [орки] достигли лесов и полян, возлюбленных Турамбаром и народом его», расходится, как представляется, со словами Турамбара, обращенными к Ниниэль: «вынуждены мы отгонять этих злодеев от наших домов» (с. 100). Здесь нет и намека на обещание Турамбара Ниниэль не ходить в бой, если только жилища Лесного Народа не окажутся в опасности (*Нарн*, с. 125—126); также здесь отсутствует персонаж, соответствующий Дорласу последующих версий. Описание характера Тамара, хотя и краткое (с. 106), похоже на то, что позднее говорится о Брандире, но отношения Брандира и Ниниэль, которая звала его братом (*Нарн*, с. 124), еще не возникли. Счастье и процветание Лесного Народа под главенством Турамбара в сказании подчеркнуты намного сильнее, чем потом (впоследствии он и не был на самом деле вождем, во всяком случае — формально); отсюда логически следует жадность Глорунда как причина нападения на них.

Топографические указания в этой части, важные для повествования, довольно легко согласовать с позднейшими версиями, с одним значительным исключением: из раннего варианта ясно, что река, низвергавшаяся водопадом в Серебряную Чашу, — та самая, что бежала через теснину, где Турамбар убил Глорунда:

«...здесь струился тот же поток, что, вивясь, ниже тек мимо драконьей лежки [имеется в виду место, где дракон лежал в тот момент] по глубоко вырезанному в земле руслу...» (с. 105).

Отсюда слова Турамбара, обращенные к его спутникам:

«...по скалам мы спустимся к подножью водопада, и, следуя вдоль реки, сумеем, верно, подойти к дракону настолько близко, насколько это возможно (*там же*)».

В конечном варианте истории, напротив, река, которая бежит через водопад (Кэлэброс), является притоком Тэйглина; ср. *Нарн*, с. 127:

«Надо сказать, что река Тэйглин... сбегала с Эрэд Вэтрин, такая же быстрая, как Нарог, но поначалу текла по равнине, пока, наконец, ниже Переправы, набрав силу от других потоков, не пробивала себе путь через подножие высокого нагорья, на котором был расположен Брэтильский лес. И там она бежала по глубоким ущельям, со склонами, подобными каменным стенам, а воды, зажатые на дне, гремели и бурлили. И точно на пути Глаурунга, к северу от устья Кэлэброта, лежала одна из таких теснин, отнюдь не самая глубокая, но самая узкая».

Красивая поляна («ее зеленый дерн изобиловал цветами») сохранилась; см. *Нафн*, с. 123: «над водопадами была зеленая лужайка, и вокруг росли березы». То же самое касается и «Серебряной Чаши», хотя само название исчезло: «поток [Кэлэброс] срывался с источенного каменного порога и ниспадал многоступенчатым каскадом в каменную чашу далеко внизу» (*Нафн*, там же; ср. со сказанием, с. 105: «[река] низвергалась великим водопадом там, где выступали из травы выглаженные водой серые камни»). Возвышенность, «невысокий, подобный острову среди леса, холм, почти лишенный деревьев», на который поднялись Турамбар и его спутники, описан в *Нафн* иначе, но возвышенность — наблюдательный пункт недалеко от верха водопада — сохранилась, как можно убедиться из сказанного в *Нафн* (с. 123): от Нэн Гирит «были хорошо видны теснины Тэйглина»; далее (*Нафн*, с. 128) сказано, что Турамбар намеревался «отправиться к высокому водопаду Нэн Гирит, где он мог... сам видеть земли далеко вокруг». Таким образом, кажется несомненным, что старый образ так и не поблек, лишь слегка изменившись.

В то время как и в раннем, и в позднем повествовании за Турамбаром вопреки его велению следует большая толпа народу, в позднем понятно, почему именно он велит людям не ходить за ним: им надлежит остаться дома и готовиться к бегству. Здесь, с другой стороны, Ниниэль едет вместе с Турамбаром к верху Серебряной Чаши и прощается с ним там. Но одна деталь раннего повествования не изменилась: словам Турамбара к Ниниэль «ни ты и ни я не погибнем ни сегодня, ни завтра от зла ли дракона, от мечей ли врагов» соответствуют в *Нафн* (с. 129) слова «ни тебя, ни меня не убьет ни этот Дракон, ни другой враг с Севера»; и если в первом повествовании Ниниэль «подавила свои рыдания и сделалась весьма тиха», то во втором она «перестала плакать и замолчала». Ситуация, обрисованная в сказании, еще довольно проста, в том смысле, что Лесные Люди едва намечены: Тамар, в отличие от Брандира, не является номинальным главой своего народа, и этот мотив неприязни к Турамбару отсутствует; нет ни Дорласа, который оскорбляет Брандира, ни Хунтора, упрекающего Дорласа. Тамар, однако, появляется рядом с Ниниэль в том же самом месте истории, опоясавшись мечом, «за что многие смеялись над ним», — в *Нафн* (с. 132) и о Брандире сказано, что он редко поступал так прежде.

Здесь Турамбар спускается от водопада вместе с шестью спутниками, которые все оказываются в конце концов трусами, в то время как впоследствии с ним идут только двое, Дорлас и Хунтор, и Хунтор остается верен, но его убивает в теснине сорвавшимся сверху камнем. Но результат не меняется: Турамбару приходится карабкаться по дальней стороне расселины одному. Здесь дракон остается лежать у скального обрыва всю ночь и двигается в путь только с зарей, так что его гибель и события, немедленно за ней последовавшие, происходят при свете дня. Но в других отношениях убийство дракона во многом осталось таким, каким оно было первоначально описано, особенно при сравнении с *Нафн* (с. 134), где Турамбар и его

спутник(и) вынуждены перебираться в другое место, чтобы оказаться под самым брюхом твари (что пропущено в *Сильмариллионе*).

Остается указать на два примечательных момента в этой части, оба по прошествии времени были вписаны в рукопись карандашом. В первом случае мы встречаемся с Мимом-карлой в роли начальника стражи, оставленной Глорундом сторожить сокровища на время отсутствия дракона, — довольно странный выбор, как видится. По этому поводу см. с. 137 ниже. Во втором случае говорится, что Ниниэль понесла ребенка от Турамбара, о чем, что весьма примечательно, не упоминалось в первоначально записанном тексте; по этому поводу см. с. 135.

(х) *Смерть Турина и Ниэнори* (с. 108—112)

Детали конца сказания не менялись от старой версии до *Нарн*: лунный свет, перевязывание обожженной руки Турамбара, восклицание Ниниэль, которое пробудило дракона к его последнему злодеянию, обвинение драконом Турамбара — что он «убивает врагов своих исподтишка», то, что Турамбар называет Тамара/Брандира «калейкой» и отправляет его «беседовать со своим Глорундом», неожиданное увядание листьев там, где Ниэнор бросилась в пропасть, словно настал конец осени, обращение Ниэнори к водам и Турамбара — к своему мечу, постройка кургана Турина, на котором высечены «странные письмена». Сюда же можно добавить много иных деталей. Но также немало и различий; здесь я указываю только наиболее существенные.

В ранней истории нет Маблунга, и лишь интуиция («освободившись ныне от слепоты» — слепоты, «сотканной Мэлько прежде», с. 83)* подсказывает Турамбару, что Тамар говорил правду. Убийство Глорунда и все его последствия случаются в позднем варианте в течение одной ночи и утра следующего дня, в то время как в сказании все растянуто на две ночи, включая утро после второй. Турамбара несут к людям на холм трое беглецов, бросивших его в расселине, в то время как в позднем варианте он приходит сам. (В сказании нет и намека на что-либо, подобное убийству Дорласа Брандиром, и меч Тамара оказывается ружьем, которое не стреляет.).

Весьма интересен результат изменения места, где умерли Турин и Ниэнори. В сказании фигурирует только одна река, и Ниниэль поднимается вверх по ее течению по лесу и бросается с водопадов Серебряной Чаши (место, впоследствии названное Нэн Гирит) и там же, на поляне над водопадами, Турамбар убивает себя; в последующей истории Ниэнор бросилась в теснину Тэйглина в Кабэд-эн-Арас (Олений Прыжок), недалеко от того места, где Турамбар лежал возле Глаурунга, — там же принимает смерть и Турамбар. Таким образом, ужас Ниниэль, когда она впервые оказалась возле Серебряной Чаши вместе с Лесными Людьями, которые спасли ее

* Ср. с его словами Маблунгу в *Нарн*, с. 144: «Хотя да, я ведь слеп! А ты не знал? Слепец, слепец, с детства застила мне глаза темная мгла Моргота!»

(с. 101), предвещал ее собственную смерть в этом месте, но в измененном варианте у нее меньше оснований предчувствовать зло, которое здесь с ней впоследствии происходит. Однако хотя место смерти Ниниэль изменилось, увядание листьев сохранилось, как и ощущение ужаса, которое после гибели Ниниэль и Турина охватывает на этом месте любого, так что никто потом не приходит к Кабэд-эн-Арас, точно так же, как в раннем сказании никто не ступает на траву над Серебряной Чашей.

Наиболее примечательной чертой самой ранней версии истории Турамбара и Ниниэль является, конечно, то, что отец *не сразу* написал, что Ниниэль понесла от брата (примечание 25); таким образом, в старом варианте отсутствуют какие-либо слова, соответствующие словам Глаурунга, сказанными Ниниэль: «Но худшее из его деяний ты носишь в себе» (*Нарн*, с. 138). Этот момент, который в основном объясняет крайний ужас и отчаяние Ниэнор, был добавлен в сказание позднее.

Завершая пространный разбор *Сказания о Турамбаре* как такового, можно указать на отсутствие топонимов во второй половине сказания. Жилище родотлим, как и текущая под ним река, никак не названы; никакого имени не дано лесу, где живет Лесной Народ, их поселению и даже реке, которая играет такую важную роль в заключительной части истории (что контрастирует с наличием в поздних повествованиях топонимов Нарготронд, Нарог, Тумхалад, Амон Этир, Брэтиль, Амон Обэль, Эфэль Брандир, Тэйглин, Кэлэброс).

§2. Дальнейшее повествование Эльтаса (о событиях после смерти Турина)

Отец вычеркнул большую часть этого продолжения, оставив его до слов «ибо велико было ее горе» на с. 113 (см. примечание 31). Из короткого сохранившегося отрывка видно, что история о приходе Морвэн к камню на могиле Турина восходит к первоначальному замыслу, хотя в позднем варианте она встретила там Хурина (*Сильмариллион*, с. 229).

Вот отвергнутая часть повествования:

Но также рассказывают, что когда свершился рок его семьи, тогда отпустил Мэлько Урина, и, согбенный годами, отправился тот прочь, в лучшие земли. Там обрел он спутников, и, придя, обнаружили они, что пещеры ротварин [*ранняя форма* родотлим, см. с. 119] пусты и никто их не сторожит, и все еще лежало там великое сокровище, никем не тронутое, поскольку страх перед драконом пережил его самого, и никто не осмеливался снова явиться туда. Однако Урин повелел отнести золото к самому Линвэ [т. е. Тинвэлинту], и, бросив клад к ногам короля, с горечью просил его принять свою мерзостную награду, называя короля трусом, чьим малодушием зло, которого могло бы и не случиться, пало на его дом; и отсюда происходит новое отчуждение эльфов и людей, ибо Линвэ, разгневавшись на слова Урина, велел ему убираться прочь, молвив:

— Долго воспитывал я Турина, сына твоего, и простил зло его деяний,

и жене твоей пришел я на помощь, отступив от собственного решения ради ее безумных желаний. Но что мне в том — и как смеешь ты, из неуклюжего племени людей, хулить короля эльдалиэ, чья жизнь началась в Палисоре бесчисленные века прежде рождения людей?

И после того ушел бы Урин, но его люди не пожелали оставить там сокровище, и случился раздор меж ними и эльфами, и оттого — ожесточенная сеча, кою Тинтоглин [т. е. Тинвэлинт] остановить не смог.

И весь отряд Урина перебили в его чертогах, и кровь их обагрила клад дракона; однако Урин спасся и проклял то золото ужасным проклятием, чтобы никому не было от него радости и чтобы зло и смерть принесло оно тому, кто станет хранить хоть частицу его. Но Линвэ, услышав то проклятие, устроил так, чтобы золото бросили в глубокий речной омут перед его дверьми, и долгое время никто не видел этого золота, если не считать Кольца Рока [*исправлено на:* Ожерелья Карлов], рассказ о чем сюда не относится, хотя в том зло дракона Глорунда исполнилось до конца.

(Последняя фраза — это добавление к тексту.). Оставшаяся часть отвергнутого повествования, где рассказывалось о посмертной участи Урина, Мавуин и их детей, по сути совпадает с текстом замены, данным на с. 115 («Тогда Урин ушел...»), и приводить ее нет необходимости.

Сразу вслед за отвергнутым повествованием идет короткий набросок, озаглавленный «История Науглафринга, или Ожерелья Карлов», который тоже был перечеркнут. Урин здесь вообще не упоминается, но сказано, что орки (переправлено из *гонги*, см. I. 245, примечание 10), которые охраняли сокровище Глорунда, отправились на поиски дракона, когда тот не вернулся в пещеры, и в их отсутствие Тинтоглин (т. е. Тинвэлинт), узнавший о смерти Глорунда, послал эльфов похитить клад ротварин (т. е. родотлим). Возвратившиеся орки проклинали и воров, и само золото.

Линвэ (т. е. Тинвэлинт) хранил золото, и было у него великое ожерелье, сделанное некими уванимор (наутар или науглат). (В одном из предшествующих сказаний *уванимор* были определены как «чудовища, великаны и исполины», см. I. 75, 236; *науглат* — это карлы, I. 236.). В это ожерелье был вставлен Сильмариль; но проклятие золота лежало на короле, и он обманом лишил мастеров части их награды. Науглат устроили заговор и получили помощь от людей; Линвэ погиб во время набега, а золото унесли прочь.

Далее следует еще один отвергнутый набросок, озаглавленный «Ожерелье Карлов», который соединяет в себе черты предшествующего наброска и отвергнутого окончания рассказа Эльтаса (с. 135—136). Здесь Урин собирает отряд буйных и свирепых эльфов и людей, и они приходят в пещеры, которые слабо охраняются из-за того, что «оркви» (т. е. орки) ушли отсюда искать Глорунда. Они уносят сокровище, и орки, вернувшись, проклинают его. Урин бросает сокровище перед королем и упрекает его (говоря, что тот мог бы

послать большой отряд к пещерам, чтобы завладеть сокровищем, если не для того, чтобы помочь в беде Мавуин); «Тинтоглин не пожелал его коснуться и велел Урину оставить себе добытое им, однако Урин, молвив исполненные горечи слова, ушел». Люди Урина не пожелали уйти без золота и украдкой явились обратно; в чертогах короля происходит стычка, и немало крови пролито на золото. Кончается набросок следующим:

Гонги грабят чертоги Линвэ, и Линвэ убит, а золото унесено прочь. Бэрэн Эрмавэд нападает на них у переправы через Сирион, и сокровище брошено в воду, и с ним — Сильмариль Фэанора. Науглат, что живут неподалеку, ныряют за золотом, но находят одно только великое золотое ожерелье (в него вделан тот Сильмариль). Оно становится знаком их короля.

Эти два наброска связаны с историей Науглафринга и показывают, как отец размышлял над ней, прежде чем записать; здесь нет необходимости рассматривать данные элементы. Очевидно, что отец испытывал большие сомнения относительно хода событий после освобождения Урина — что же случилось с кладом дракона? Охраняли его или нет, и если охраняли, то кто именно? Как он, наконец, попал в руки Тинвэлинта? Кто проклял его, и в какой момент это произошло? Если его захватили Урин и его отряд, были ли то люди, эльфы или и те, и другие вместе?

В окончательном варианте, написанном на отдельных листах, помещенных вместе с рукописью и данных выше, на с. 113—116, эти проблемы решены следующим образом: отряд Урина сначала состоит из людей, позднее замененных на эльфов (см. примечание 33); сокровище охраняет карла Мим, которого убивает Урин, и именно карла проклял золото, умирая; отряд Урина превращается в носильщиков, которые доставляют Тинвэлинту сокровище в мешках и деревянных сундуках (и они, очевидно, без особых трудностей приносят сокровище к мосту перед дверьми короля в самой чаще леса). В тексте отсутствуют какие-либо намеки на то, что произошло с сокровищем после ухода Урина (поскольку с этого места начинается *Сказание о Науглафринге*).

Уже дописав основную часть *Сказания о Турамбаре*, отец ввел туда упоминание о Миме (см. с. 103, 118 и примечание 26), сделав его предводителем охраны, поставленной Глорундом надзирать за сокровищем в отсутствие дракона; но было ли это упоминание вписано до или после появления Мима в конце сказания (с. 113—114), представляют ли эти два упоминания две разные идеи или первое призвано объяснить, как Мим оказался в пещерах, — я сказать не могу.

В *Сильмариллионе* (с. 230—232) эта история полностью изменена, поскольку сокровище остается в Нарготронде, и Хурин, убив Мима (по более основательной причине, нежели приведенная в раннем повествовании), не приносит в Дориат ничего, кроме Ожерелья Карлов.

Что касается удивительного окончания рассказа Эльтаса (с. 115—116) — «обожествления» Турина Турамбара и Низнори (а также отказа Богов Смерти

открыть им свои двери), следует заметить, что какие-либо объяснения этого отсутствуют — хотя в более поздних версиях мифологии Турин Турамбар принимает участие в Последней Битве и поражает своим черным мечом Моргота. Очистительная купель, в которую вступают Турин и Ниэнори, названная в окончательном варианте *Фос'Алмиф*, в отброшенном именовалась *Фаури*; она была описана в *Сказании о Солнце и Луне* (I. 187), но там ей даны иные имена: *Таньясалпэ*, *Фаскала-нумэн* и *Фаскалан*.

Остается рассмотреть еще один отрывок. Второй из отвергнутых набросков, упомянутых выше (с. 136—137), был написан чернилами поверх наброска карандашом, который *не был* стерт, и я смог разобрать довольно большую его часть под позднейшей записью чернилами. Два абзаца совершенно между собой не связаны; по какой-то причине отец не потрудился в этом случае стереть ранний текст, который, насколько я смог разобрать, гласит следующее:

Тираннэ и Вайнони сталкиваются со злым волшебником Куруки, который опоил их вредоносным питьем. Они забывают свои имена и блуждают, лишившись рассудка, в лесах. Вайнони потерялась. Она встречает Турамбара, который спасает ее от орков и помогает ей искать мать. Они женятся и живут в счастии. Турамбар становится владыкой лесных следопытов и истребителем орков. Он отправляется искать Фоалокэ, который опустошает его землю. Груда сокровищ — и бегство его отряда. Он убивает Фоалокэ, однако ранен. Вайнони приходит ему на помощь, но дракон, умирая, все ей рассказывает, подняв завесу, брошенную Куруки. Мучения Турамбара и Вайнони. Она убегает в леса и бросается с водопада. Безумие Турамбара, который живет один Урин бежит из Ангаманди и ищет Тираннэ. Турамбар убегает от него и падает на свой меч Урин строит кайрн и рок Мэлько. Тираннэ умирает от горя, и Урин достигает Хисиломэ Очищение Турамбара и Вайнони, что путешествуют в сиянии над миром и идут с воинствами Тулкаса против Мэлько.

Вслед за этим идут отдельные замечания, написанные, без сомнения, тогда же:

Урин бежит. Тираннэ узнает о Турине. Оба блуждают безумные в лесу.

Турин покидает Линвэ, потому что убил, поссорившись, одного из родственников Линвэ (случайно).

Ввести сюда историю с Файливрин?

Турин не может сражаться из-за взгляда Фоалокэ. Видит, как уходит Файливрин.

Эти наброски дают лишь некоторое представление о самых ранних размышлениях отца над историей Турина Турамбара. (То, что они появляются в тетради в

конце дописанного сказания, может показаться странным, но отец явно использовал эти тетрадки довольно эксцентричным образом.). Ниэнори зовется *Вайнони*, а Мавуин — *Тираннэ*; заклятие забвения наведено здесь волшебником по имени *Куруки*, хотя наброшенную им завесу поднимает именно дракон. Два столкновения Турина с драконом появились, как представляется, из одного.

Как я уже упоминал ранее, *Сказание о Турамбаре*, как и другие *Утраченные Сказания*, написано чернилами по полностью стертому карандашному наброску, и наличный текст сказания таков, что он мог возникнуть только на основе предшествовавшего ему черновика; но карандашный текст стерт так тщательно, что невозможно строить догадки, на какой стадии развития легенды он находился. Может быть и так — я полагаю это в высшей степени вероятным, — что отрывок, повествующий о Вайнони, Тираннэ и Куруки, дает нам редкую возможность бросить взгляд на еще более ранний «слой» в развитии саги о Турине, нежели стертый текст, предшествовавший настоящей версии.

§3. Разное

(i) Бэрэн

На основе анализа отвергнутого отрывка, приведенного на с. 71, вместе с пометкой на полях «Если Бэрэн — гном (как теперь в истории о Тинувиэль), то надо изменить упоминания о нем» (примечание 4), я пришел к выводу (с. 52) о том, что в самом раннем, ныне утраченном, варианте *Сказания о Тинувиэль* Бэрэн был человеком. Надеюсь, я уже доказал тот факт, что наличный вариант *Сказания о Турамбаре* предшествует нынешнему варианту *Сказания о Тинувиэль* (с. 69). Бэрэн был человеком и *родичем Мавуин*, когда настоящий вариант *Турамбара* был уже написан; в гнома он превратился в существующей версии *Тинувиэль*; и соответствующие изменения были сделаны в *Сказании о Турамбаре*. Изменения, внесенные абзацем-заменой на с. 72, сводятся к тому, что Эгнора и Бэрэна теперь связывают с Урином дружеские отношения, а не кровное родство с женой Урина. (Уточнение в машинописной версии *Тинувиэль*, с. 45, сделано позднее: Урин здесь, скорее, товарищ Бэрэна, а не Эгнора). Еще два изменения в тексте *Сказания о Турамбаре*, последовавшие за превращением Бэрэна из человека в эльфа, приведены в примечаниях 5 и 6. Интересно заметить, что, согласно развернутой генеалогии *Сильмафиллона*, когда Бэрэн опять стал человеком, он снова сделался родственником Морвэн, став двоюродным братом отца Морвэн, Барагунда.

В отброшенном абзаце — на с. 71 — отец приписал над именем Эгнора «гном Дамрод» (примечание 2), а в абзаце-замене он упомянул, что Урин знал Бэрэна «и однажды оказал ему услугу в отношении Дамрода, сына его». Нигде нет никакого намека на то, в чем могла заключаться эта услуга; но во втором из «конспектов» к *Книге Утраченных Сказаний* (см. I. 233—234) набросок к *Сказанию о Науглафринге* упоминает о сыне Бэрэна и Тинувиэль, отце Эльвинг, по имени *Дайморд*, хотя в самом сказании сына Бэрэна зовут — как и впоследствии — *Диор*. По-видимому, между *Даймордом* и *Дамродом* можно

поставить знак равенства. Я не могу объяснить появления приписки «гном Дамрод» над именем «Эгнор» — вероятно, это была всего лишь случайная мысль — дать имя *Дамрод* отцу Бэрэна.

Здесь можно заметить, что и отвергнутый, и вставленный на его место абзацы четко показывают, что действие рассказа о Бэрэне и Лутиэн происходит до Битвы Бессчетных Слез; см. с. 65—66.

(ii) *Битва в Тасаринане*

В начале настоящего сказания (с. 70) говорится, что «повествует оно о древних днях этого народа [людей], до Битвы в Тасаринане, когда впервые вступили люди в темные долины Хисиломэ».

На первый взгляд, мы имеем дело с неразрешимым противоречием, поскольку неоднократно говорилось, что люди были заперты в Хисиломэ во времена Битвы Бессчетных Слез, а действие *Сказания о Турамбаре* происходит — должно происходить — после этой битвы. Однако объяснение лежит в самой двусмысленности процитированного предложения. Отец вовсе не имел в виду, что это сказание о древних днях народа людей до того, как они пришли в Хисиломэ; он имел в виду, что это «сказание о древних днях, когда люди впервые пришли в Хисиломэ — задолго до Битвы в Тасаринане».

Тасаринан — это Край Ив, *Нан-татрэн* в *Сильмариллионе*; ранние словари дают «эльфийскую» форму *тасарин* и форму языка гномов *татфин* — «ива»*. Битва в Тасаринане состоялась значительно позднее, когда из Валинора явилось великое войско освободить поработенных нолдоли Великих Земель. См. с. 219—220.

(iii) *География Сказания о Турамбаре*

Абзац, где описан маршрут орков, захвативших Турина (с. 77), также, как представляется, подтверждает мысль, что «горы, отделяющие Хисиломэ от Запредельных Земель, и те, что возвышались над Ангбандом, образовывали единую цепь» (с. 62), поскольку здесь сказано, что орки шли «вдоль темных холмов к тем местам, где холмы эти становятся угрюмыми горами, вершины которых окутаны саваном черных испарений» и «там зовутся они Ангородин, сиречь Железные Горы, ибо под корнями самых их северных твердынь лежит Ангбанд».

Сказанное о местоположении пещер родотлим хорошо согласуется с тем, что позднее говорится о Нарготронде. Расположение пещер уже обсуждалось на с. 123, точно так же, как и топография Серебряной Чаши и расщелины, где Турамбар убил Глорунда, относительно позднейших Тэйглина, Кэлэброса и Нэн Гирит (с. 132—133). Также в сказании есть некоторые дополнительные указания на то, как располагались пещеры родотлим относительно королевства Гинвэланта и земель,

* Слово *тасаринан* — квэнийская форма — сохранилось без изменений: «ивовые луга Тасаринана» в песне Древоборода в *Двух Башнях*, III. 4.

где жил Лесной Народ. На с. 95 сказано, что «бывшее поселение родотлим находилось не особенно далеко от королевства Тинвэлинта, хотя и не очень близко», в то время как Лесной Народ жил «в землях не столь далеко от Сириона от травянистых холмов среднего течения сей реки» (с. 91), что вполне можно сказать и о расположении Брэтильского Леса. Лесной Народ, как говорится в том же абзаце, обитает «в краях весьма дальних, во многих переходах за рекой родотлим», а Глорунд очень сильно разгневался, услышав «о храбрых людях, которые живут далеко за рекой» (с. 103); это легко согласуется с позднейшими представлениями о географии тех мест — Брэтиль и в самом деле довольно далеко за рекой (Нарог), если смотреть от Нарготронда.

Таким образом, я почти уверен, что хотя представления о географии запада Великих Земель все еще, быть может, оставались достаточно смутными, им уже были присущи во многих важных чертах та структура и отношения, которые зафиксированы на картах, прилагаемых к *Сильмариллиону*.

(iv) *Вмешательство валар*

Как и в *Сказании о Тинувизель* (см. с. 68), так и в *Сказании о Турамбаре* мы находим несколько упоминаний о влиянии валар на дела людей и эльфов Великих Земель и о молитвах, благодарственных или просительных, адресованных им: так, провожатые Турина «благодарили... валар», добравшись до Артанора (с. 72), а Урин, что более примечательно, «воззвал к Валар Запада, ибо многое ведал о них от эльдар Кора — гномов, с коими встречался, — и слова его дошли, неведомо как, до Манвэ Сулимо на высоты Танинквэтиль» (с. 76—77). (Урин здесь уже «друг эльфов», наставленный нолдоли; см. абзац-замену на с. 72.). Была ли его молитва «услышана»? Возможно, это и означает странное выражение «как будто сопутствовала им удача валар» (с. 79) — в тот момент, когда Флиндинг и Бэлэг нашли Турина, как только проникли в орочий лагерь*.

Посланные валар сны приходили к вождям родотлим, хотя впоследствии это было изменено, и упоминания о валар удалены (с. 83 и примечание 10); Лесной Народ говорит: «Если бы валар пожелали снять с Нинизель чары, что лежат на ней!» (с. 101); а Турин «горестно возопил... против валар и горькой своей судьбы» (с. 111).

Интересно упоминание о валар (и их могуществе) в ответе Тинвэлинта (с. 95) на слова Мавуин «дай мне только хижину дровосека и моего сына». Король отвечает: «Сего не могу я, ибо я лишь король диких эльфов, а не *вала западных островов*». В той небольшой части *Рассказа Гильфанона*, которая была написана, оставшиеся в Палисоре Темные Эльфы говорят (I. 231), что «их собратья ушли

* В словаре языка гномов есть статья: *гвалт* «удача — любой счастливый случай или мысль: «удача валар», *и-валт нэ Ванион*» (I. 251).

на запад к Сияющим Островам. Там, говорили они, пребывают боги, и они называли их Великим Народом Запада и думали, что те обитают на озаренных огнями островах в море».

(v) *Возраст Турина*

Согласно *Сказанию о Турамбаре*, Турину, когда он покинул Мавуин, было семь лет, а получать вести из дому он перестал после того, как прожил у лесных эльфов семь лет (с. 74); в *Нафн* этим цифрам соответствуют восемь и девять, и Турину было семнадцать, а не четырнадцать, когда «печаль вернулась к нему» (с. 68, 76—77). В тот день, когда он убил Оргова и бежал из Артанора, исполнилось ровно двенадцать лет со дня его ухода от Мавуин (с. 75) — Турину девятнадцать лет; в *Нафн* (с. 79) проходят те же двенадцать лет с ухода Турина из Хитлума, когда он, охотясь на Сазроса, становится причиной его смерти — но здесь Турину двадцать лет.

«Не говорится в сказании, сколько дней Турамбар прожил с родотлим, но немало их было, и за это время Ниэнори ступила на порог зрелости» (с. 91—92). Ниэнори была семью годами младше Турина: ей исполнилось двенадцать, когда он бежал из Артанора (*там же*). Таким образом, Турин не мог прожить у родотлим больше, чем, скажем, пять или шесть лет; и говорится, что когда его выбрали вождем Лесного Народа, он был, «несмотря на молодость, наделен великой мудростью».

Бэтос, вождь Лесного Народа до Турина, «сражался *еще юношей* в Битве Бессчетных Слез» (с. 101), но погиб в ходе вылазки, «ибо *несмотря на свои годы*, он уезжал за пределы их земель». Однако невозможно соотнести срок жизни Бэтоса («юноша» во времена Битвы Бессчетных Слез — смерть в ходе вылазки в возрасте достаточно зрелом, на что специально указано) и Турина; поскольку события от разорения родотлим вплоть до спасения Туринном Ниниэль после ее первой встречи с драконом не могут занимать очень много времени. Но совершенно очевидно и ясно, что в ранней версии Турин умирает еще довольно молодым. Согласно точной датировке, присутствующей в позднейших работах, он умирает в возрасте тридцати пяти лет.

(vi) *Рост людей и эльфов*

Эльфы мыслятся более хрупкого сложения и меньшего роста, чем люди: так, Бэлэг был «*в своем народе велик статью и могуч сложением*» (с. 73), а Турин был «человек и статью превосходил их», т. е. Бэлэга и Флиндинга (с. 80) — это переделано из: «поскольку он человек могучей стати» (примечание 8). По этому поводу см. I. 32, 235.

(vii) *Крылатые драконы*

В конце *Сильмариллиона* (с. 252) Моргот «бросил в безнадежный бой на врагов последнее из приуроченного им, и из глубин Ангбанда вылетели крылатые драконы,

прежде невиданные». Предполагается, что крылатые драконы — это усовершенствование первоначального замысла Моргота (воплощенного в Глаурунге, Отце Драконов, который ползал, а не летал). Однако согласно *Сказанию о Турамбаре* (с. 96—97) среди драконов Мэлько некоторые были меньшего размера, холодные, как змеи, и часть их умела летать; в то время как другие, более могучие, были горячими и тяжелыми огненными драконами, — и они не летали. Как уже было замечено (с. 125), из рассказа не следует, что Глорунд был первый в своем роде.

III

ПАДЕНИЕ ГОНДОЛИНА

В конце рассказа Эльтаса о приходе Урина к Тинвэлинту и о странных судьбах Урина и Мавуин, Турина и Ниэнори (с. 116), рукопись, написанная на отдельных листках, на самом деле продолжена краткой интерлюдией, где обсуждаются темы последующих рассказов в Мар Ванва Тьялизва:

Так завершил Эльтас свой рассказ, и никто не спрашивал продолжения. Но Линдо велел всем поблагодарить его за повесть, и на это Эльтас сказал:

— Нет, если хотите, есть еще длинная история о золоте Глорунда и о том, что сотворило коварство этого змея, — но это ведь история о Науглафринге, Ожерелье Карлов, и с нею лучше подождать, — а пока я могу рассказать вам что-нибудь попроще и повеселее, если вам угодно будет послушать.

Тогда многие зашумели и принялись упрашивать Эльтаса поведать на следующий день сказание о Науглафринге, но он ответил:

— Нет-нет! Разве кто-нибудь здесь знает целиком историю Туора и рождения Эарэндэля, и кто такой был Бэрэн Эрмаввэд, и о его деяниях — а обо всем этом следует ведать заранее.

И все ответили, что о Бэрэне Эрмаввэде они знают, но о рождении Эарэндэля до сих пор почти ничего не слышали.

— И очень жаль, — сказал Линдо, — ведь это самое главное предание гномов, и прямо у нас в доме обитает Ильфиниол, сын Бронвэга, который знает об этих делах больше всех, живущих ныне на земле.

А тут как раз вошел Ильфиниол Хранитель Гонга, и Линдо сказал ему:

— Послушай, Сердечко, сын Бронвэга, все просят, чтобы ты рассказал нам историю Туора и Эарэндэля, и чем скорее, тем лучше.

И Ильфиниол обрадовался этой просьбе, но сказал:

— Это очень длинная история, и нам придется семь раз собираться у Огня Сказаний, чтобы ее можно было поведать как следует; а потом, она так тесно связана с повестями о Науглафринге и о походе эльфов¹, что я был бы рад, если бы мне помогли своими рассказами Айлиос, что сидит здесь, и Мэриль, Владычица Острова — давненько она не навещала в этот дом.

И потому на следующий день в *корин*² из высоких вязов отправили гонцов, и они сказали, что Линдо и Вайрэ очень хотели бы вновь лицезреть

свою владычицу: они намереваются устроить праздник, на котором будут рассказывать много эльфийских историй, ибо их гость Эриол собирается на время отбыть в Тавробэль. Так и вышло, что три дня в той комнате не звучало никаких повестей, и все обитатели Ванва Тьялиэва готовились к празднеству, а к вечеру четвертого дня к ним явилась Мэриль со своими спутницами, и дом наполнился светом и весельем; а после вечерней трапезы перед Тон а Гвэдрин³ расселось множество народа, и девы Мэриль запели прекраснейшие песни из тех, что знал остроу⁴.

И одну из этих песен Хеорренда впоследствии перевел на язык своего народа, и звучит она так⁵.

Но когда песни умолкли, рекла Мэриль, сидевшая в кресле Линдо:

— О Ильфиниол, начини же ныне сказание сказаний, и поведай все до последней мелочи.

И молвил тогда Сердечко, сын Бронвэга... (Сказание о Гондолине) [*sic*].

Таким образом, это — *Связующее звено* между *Сказанием о Турамбаре* и *Падением Гондолина* (более раннее «предисловие» к сказанию дается ниже). Похоже, отец колебался относительно того, какую историю поставить следом за *Турамбаром* (см. примечание 4), но в конце концов решил, что сейчас настала пора ввести *Падение Гондолина*, написанное за некоторое время до того.

В этом *Связующем звене*, в конце рассказа Эльтаса о Турамбаре, присутствует Айлиос (позднее Гильфанон): «Я был бы рад, если бы мне помогли... Айлиос, что сидит здесь...»; однако в начале рассказа Эльтаса (с. 70) прямо говорится, что в тот вечер Айлиоса не было. О том, что Эриолу предложили «пожить некоторое время» в Тавробэле (в гостях у Гильфанона), см. I. 175.

Тот факт, что Эльтас говорит об истории Бэрэна Эрмаввэда так, будто не знает, что ее только недавно рассказывали в Мар Ванва Тьялиэва, объясняется, несомненно, тем, что поведали ее не у Огня Сказаний (см. с. 4—7).

Рассказчик повести *Падение Гондолина*, Сердечко, Хранитель Гонга Мар Ванва Тьялиэва, несколько раз появляется в *Утраченных Сказаниях*, и его эльфийское имя (имена) имеет несколько разных форм (см. *Изменения в именах и названиях* в конце сказания). В *Домике Утраченной Игры* (I. 15) сказано, что «года его невозможно счесть» и что он «плыл на «Вингилоте» вместе с Эарэндэлем в том последнем странствии, когда надеялись они отыскать Кор». Согласно *Связующему звену* к *Музыке Айнуф* (I. 46), у него обветренное лицо и смеющиеся голубые глаза, он «худ и низкоросл, так что никто бы не смог сказать, пятьдесят ему лет или десять тысяч». Он гном, сын Бронвэга/Воронвэ (Воронвэ *Сильмариллиона*) (I. 48, 94).

Тексты «Падения Гондолина»

Текстуальная история *Падения Гондолина* при подробном рассмотрении оказывается весьма запутанной; я изложу ее здесь, насколько я ее понимаю, но, на самом деле, вовсе нет необходимости затруднять этим восприятие самой повести.

Во-первых, имеется очень сложная рукопись, содержащаяся в двух школьных тетрадках. Заглавие рукописи: *Туор и Изгнанники Гондолина (введение к великому сказанию об Эарэндэле)*. (Это — единственное заглавие, которое встречается в ранних текстах, но позднее отец всегда говорил об этой повести как о *Падении Гондолина*). Эта рукопись является (точнее, являлась) первоначальным текстом повести, восходящим к 1916—1917 гг. (см. I. 203 и *Неоконченные Сказания*, с. 4), и здесь я для удобства буду называть ее *Туор А*. Позднее отец поступил с нею иначе, чем с *Тинувиэль* и *Турамбаром* (где первоначальный текст был стерт и поверх него записан новый), он не стал создавать совершенно нового текста, но сохранил значительную часть старого — по крайней мере, в начале: по мере того, как пересмотр текста продвигался, переписывание чернилами поверх текста, написанного карандашом, шло почти без перерывов и, хотя карандашный текст и не стерт, он почти не виден из-под чернил. Но даже там, где вторая версия не прерывается, имеются несколько мест, где старый текст не переписан, а просто перечеркнут, и по-прежнему поддается прочтению. Таким образом, несмотря на то, что *Туор А* имеет тот же статус, что и *Тинувиэль* и *Турамбар* (и прочие *Утраченные Сказания*) — в том смысле, что это пересмотренный текст, вторая версия, — то, как отец обошелся с *Гондолином*, позволяет видеть, что, по крайней мере, здесь пересмотр не предполагает полной переделки (а тем более сочинения заново); потому что если те отрывки в более поздних частях повести, которые все еще позволяют сравнивать две версии, показывают, что отец достаточно близко следовал старой версии, вероятно, то же самое относится и к тем местам, где провести сравнение не представляется возможным.

С *Туора А* в том виде, в каком он был, когда в него были внесены все изменения (т. е. когда он был приведен к тому виду, в каком пребывает теперь), моя мать сделала чистовую копию (*Туор В*), которая весьма точна, если принять во внимание сложность оригинала — там встречаются лишь отдельные случайные ошибки. В *Неоконченных Сказаниях* (с. 5) я говорил, что эта копия сделана, «видимо, в 1917 году», но теперь это представляется мне маловероятным*. Конечно, возможно, что такие концепции, как *Музыка Айнура*, о которой упоминается в более позднем добавлении к *Туору* А (с. 163), были придуманы отцом задолго до того, как он записал это сказание в Оксфорде, во время работы над *Словарем* (I. 45), но мне представляется куда более вероятным, что пересмотр *Туора А* и создание *Туора В* относятся к тому же периоду.

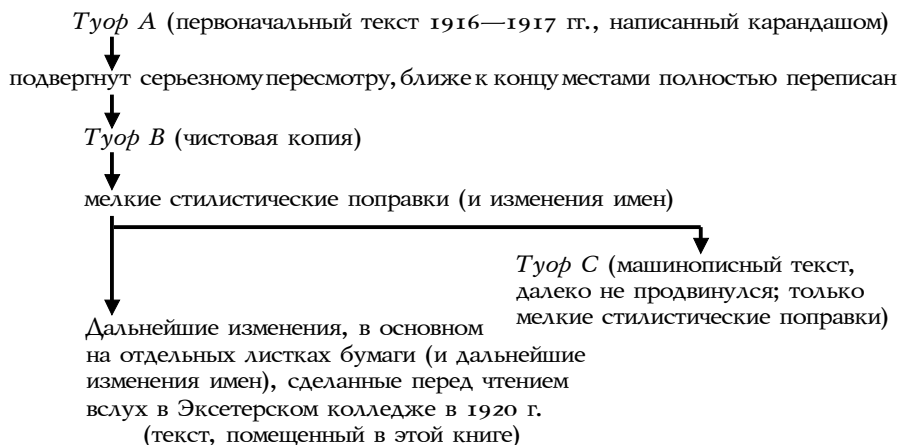
После этого отец прошелся с карандашом по *Туору В*, внося значительные изменения, правда, в основном в начало повести, и по большей части изменения

* Хэмфри Карпентер в своей *Биографии* (с. 92) пишет, что эта повесть «была написана Толкином во время выздоровления, в Грейт-Хэйвуде, в начале 1917 года», но он, несомненно, имеет в виду первоначальный, карандашный текст *Туора А*.

касались не столько повествования, сколько стиля. Но эти изменения, как мы вскоре увидим, не были внесены в одно и то же время. Часть из них записана на отдельных листках: на обратной стороне некоторых из них присутствуют обрывки этимологических рассуждений по поводу нескольких германских слов для «butcher-bird» или «shrike» — материал, который появляется в Оксфордском Словаре в статье *Wariangle*. Если учесть, что на одном из таких листков содержится указание на необходимость сокращения повести при чтении вслух (см. примечание 21), становится практически очевидно, что *Туор В* был пересмотрен по большей части до того, как отец читал это сказание в клубе эссеистов Эксетерского колледжа весной 1920 года (см. *Неоконченные Сказания*, с. 5).

То, что не все изменения в *Туоре В* внесены в одно и то же время, доказывает существованием машинописного текста (*Туор С*) без заглавия, который доходит только до слов «вашем холме, что стоит на страже пред злобой Мэлько» (с. 161). Этот текст был перепечатан с *Туора В*, когда в последний уже были внесены некоторые изменения — но не те, которые, как я предполагаю, были сделаны перед прочтением вслух. Странной особенностью этого текста является то, что на месте многих имен оставлены пробелы, и только часть из них была позднее заполнена. Ближе к концу в *Туоре С* имеется довольно много отличий от *Туора В*, но все они довольно мелкие, и не влияют на повествование. Я делаю вывод, что этот текст был боковой ветвью, не получившей дальнейшего развития.

Следовательно, историю текста можно представить таким образом:

Поскольку само повествование на протяжении этой истории претерпело довольно мало серьезных изменений (с учетом того, что значительная часть первоначального текста *Туора А* не поддается прочтению), напечатанный здесь текст — это *Туор В* в его окончательной форме. Некоторые самые интересные расхождения с более ранними текстами даны в Примечаниях. Похоже, отец не сверял чистовую копию *Туора В* с оригиналом и не везде исправил ошибки,

возникшие при переписывании; а там, где это сделано, он правил их заново, в соответствии со смыслом, не сверяясь с *Туором А*. В некоторых случаях я обращаюсь к *Туору А*, там, где он явно правильнее (к примеру, «стена воды поднялась почти вровень с обрывом» [nigh to the cliff-top], с. 151, где *Туор В* и машинопись *Туор С* дают «high to the cliff-top»).

В машинописном тексте Туор везде зовется *Тур*. В *Туоре В* это имя в начале местами изменено с *Туор* на *Тур* — но отнюдь не везде (в поздних дополнениях — *Тур*). Отец явно решил изменить имя, но в конце концов отказался от этого; так что я везде даю *Туор*.

К повести прилагается интересный документ: это обширный, хотя и не полный, список встречающихся в ней имен (с пояснениями). Теперь его местами трудно, а иногда и невозможно прочесть. Имена даны в алфавитном порядке, но список доходит только до «L». Лингвистическая информация из этого списка дана в Приложении, но вводную заметку к нему стоит привести здесь:

Здесь изложены Эриолом со слов Бронвэгова сына Эльфрита [*перделано из Эльфриниэля*], или Сердечка (его прозвали так за то, что сердце его не знало старости и пресыщения), использованные в этих сказаниях имена и слова из языка эльфов Кора в том виде, в каком он был в ходу на Одинокоем Острове, либо из родственного ему языка нолдоли, их сородичей, кого они спасли от владычества Мэлько.

Вначале изложены имена, которые встречаются в *Сказаниях о Туоре и Изгнанниках Гондолина*, прежде всего те, что из языка гномов.

В *Туоре А* имеются два варианта (один из которых вычеркнут) короткого «предисловия» к повести, изложенного Сердечком. В *Туоре В* этого «предисловия» нет. Второй вариант выглядит так:

И сказал тогда Сердечко, сын Бронвэга:

— История, которую я собираюсь поведать, рассказывает о нолдоли, народе моего отца, так что, может статься, имена эти покажутся странными вашему уху, и многие, вам уже известные, будут названы именами, коих вы прежде не слыхивали, ибо нолдоли говорят на причудливом наречии, кое и до сих пор сладостно для моего слуха — хотя, быть может, не все эльдар со мной согласятся. Мудрые полагают, что наречие это в близком родстве с эльдариссой, но звучит оно совсем иначе, а в науках этих я не сведущ. А потому я буду использовать привычные для вас эльдарские имена там, где они есть — но во многих случаях таких имен просто нет.

— Так знайте же, — сказал он, — что...»

Более ранняя версия (озаглавленная «Связующее звено между *Туором* и предыдущим сказанием») начинается так же, но дальше расходится:

...и до сих пор сладостно для моего слуха — но, чтобы не раздражать прочих эльдар и людей, здесь собравшихся, я не стану использовать его чаще, чем то необходимо — а необходимо это для имен и названий тех существ и вещей, о

которых говорится в сказании, но для которых у эльфов нет своих имен, ибо исчезли они прежде, нежели прочие эльдар явились из Кора. Знайте же, — сказал он, — что Туор...

Таким образом это «предисловие» переходит в начало повести. Во второй версии появляется название *эльдарисса*, означающее язык *эльдар* или *эльфов*, в противоположность *нолдориссе* (термин, встречающийся в «Списке имен»). О различии между ними см. I. 50—51. Сравните со словами Сердечка то, что Румиль говорит Эриолу о нем самом (I. 48):

«„Языки и наречия, — хмыкают они, — нам и одного хватает“. Это слова Сердечка, Хранителя Гонга. „Языка гномов, — сказал он однажды, — мне достаточно, ибо не он ли, и никакой иной, звучал в устах Эарэндэля, и Туора, и отца моего Бронвэга, которого вы, ошибочно смягчая звуки, называете Воронвэ“. Однако в конце концов ему пришлось научиться эльфийскому, ибо иначе он был обречен молчанию или расставанию с Мар Ванва Тьялиэва...»

После этого длинного вступления я даю текст повести.

Туор и Изгнанники Гондолина (введение к великому сказанию об Эарэндэле)

И сказал тогда Сердечко, сын Бронвэга:

— Знайте же, что Туор был человек, который жил в давние-давние времена, в той северной земле, что звалась Дор Ломин или Земля Теней, и лучше всех эльдар знают ее нолдоли.

Народ же, из которого происходил Туор, бродил по лесам и горам, и не знал о море, и не слагал песен о нем; но Туор не жил среди них — он поселился в одиночестве у озера, именуемого Митрим. Он то охотился в приозерных лесах, то, сидя на берегу, играл на своей неуклюжей арфе, сделанной из дерева и медвежьих жил. И многие, прослышав о силе его песен, простых и суровых, приходили даже издалека послушать, как он играет — но Туор умолкал и уходил подальше в пустынные места. И там узнал он много чудесного, и свел знакомство с нолдоли-скитальцами, которые научили его своему языку и поведали немало своих преданий; но не суждено ему было провести всю жизнь в тех лесах.

И потому говорят, что в один прекрасный день волшебство и судьба привели его к пещере, в которой скрывалась река, вытекающая из Митрима. И Туор пробрался в пещеру, желая разгадать ее тайну, но воды Митрима увлекли его за собою в самое сердце гор, и он не мог

выбраться назад к свету. Говорят, такова была воля Улмо, Владыки Вод, ибо по его внушению нолдоли создали этот тайный путь.

И тогда пришли нолдоли к Туору и провели его темными проходами через горы, и наконец он снова вышел к свету и узрел, что река бежит в глубокой теснине с неприступными стенами. И Туору расхотелось возвращаться — теперь он стремился вперед, и река вела его все дальше на запад⁶.

Солнце вставало у него за спиной и снова садилось впереди, и над пенными перекатами и водопадами тут и там загорались радуги, а по вечерам заходящее солнце золотило гладкие стены, и оттого Туор прозвал это место Золотым Ущельем или Расселиной Радужной Кровли — на языке гномов это будет Глорфалк или Крис Ильбрантэлот.

И так Туор шел три дня⁷, пил воду из тайной реки и кормился рыбой — а рыба в реке была и золотая, и синяя, и серебряная, самого причудливого вида. Ущелье постепенно расширялось, и чем шире оно становилось, тем более низкими и неровными делались стены, а в русле попадалось все больше валунов, и вода бурлила и пенилась меж ними. Туор часто останавливался и подолгу сидел, любуясь плещущей водой и прислушиваясь к ее голосу, а потом вставал и отправлялся дальше, прыгая с камня на камень, и пел на ходу; а когда на узкой полоске черного неба наверху зажигались звезды, он будил эхо дерзким звоном своей арфы.

И вот однажды поздним вечером, после долгого и утомительного путешествия, Туор услышал крик, и никак не мог понять, кто это так кричит. Сперва он сказал себе: «Должно быть, это фэй, духи», потом: «Нет, это, должно быть, какой-то зверек скулит здесь среди скал», потом показалось ему, что это кричит какая-то незнакомая птица, чей голос был ему неведом — и почему-то печален; а все то время, пока он шел по Золотому Ущелью, он не слышал ни одной птицы, и потому обрадовался этому крику, хотя тот и был грустным. На следующий день в утренний час этот крик снова раздался над ущельем; Туор поднял голову и узрел трех больших белых птиц, летящих вдоль ущелья на сильных крылах, — они издавали такие же крики, как те, что Туор слышал ночью. И то были чайки, птицы **Оссэ**⁸.

В этой части русла в реке появились скалистые островки, по берегам лежали обломки скал, занесенные белым песком, так что идти стало очень тяжело. Туор, поискав немного, нашел место, где, хотя и с трудом, можно было выбраться наверх. Тогда ударил ему в лицо свежий

ветер, и Туор сказал:

— Хорошо! Словно вина хлебнул.

Он не знал, что оказался неподалеку от пределов Великого Моря.

Он пошел дальше вдоль реки, и стены ущелья снова сдвинулись и взметнулись ввысь, так что Туор шел по краю огромного обрыва, а внизу была узкая протока, откуда доносился шум. И вот, взглянув вниз, Туор увидел величайшее чудо, ибо казалось, что поток разъяренной воды хлынул вверх по теснине и движется навстречу реке, к ее истокам, но воды, что примчались сюда из далекого Митрима, стремились течь дальше, и стена воды поднялась почти вровень с обрывом, и стена та была увенчана пеной и взвихрена ветром. И вот воды Митрима сдались, и поток хлынул вверх по ущелью, и затопил скалистые островки, и разметал белый песок, — и Туор бежал и устрасился, ибо не был знаком с морем; но айнур вложили ему в сердце желание выбраться из ущелья, а не то бы его застигло приливом — а прилив тогда был особенно высоким, оттого что ветер дул с запада. Туор очутился в голом неприютном краю, что был выметен дувшим с заката ветром, и все травы и кустарники клонились к восходу, оттого что ветер всегда дул с моря. Там он блуждал некоторое время, пока не вышел к черным утесам над морем, и оттуда впервые узрел океан и его волны — а в тот час солнце спускалось за край земли, в море, и Туор стоял над обрывом, раскинув руки, и сердце его переполнилось стремлением воистину необоримым. А иные говорят, что он первым из людей достиг Моря, первым узрел его, и познал тоску, что вселяет оно в душу; но верно ли это — я не знаю.

В тех краях он и поселился. Жилищем его была бухточка меж огромных угольно-черных скал — только в часы прилива белые пески берега заливала синяя вода; пена и брызги залетали туда лишь во время самых жестоких бурь. Долго Туор прожил там в одиночестве. Он то бродил по берегу, то выбирался на скалы в часы отлива и дивился водорослям в заводях, влажным гротам и незнакомым морским птицам, которых он вскоре научился различать; но приливы, и отливы, и голос волн казались ему величайшим из чудес, всегда новым и всегда невероятным.

А надо сказать, что Туор часто плавал по спокойным водам Митрима, над которыми далеко разносилось даже криканье уток или крики куропаток, в маленьком челноке, нос которого был сделан в виде лебединой шеи, и челнок этот Туор потерял в тот день, когда нашел сокрытую реку. По морю он

пока что плавать не решался, хотя его все время влекла некая странная тоска, а тихими вечерами, когда солнце опускалось за грань моря, она перерастала в страстное стремление.

У него были бревна, принесенные рекой; то было доброе дерево, ведь нолдоли нарочно нарубили его в лесах Дор Ломин и спустили по реке. Но пока что Туор лишь выстроил себе дом в укрытом от ветров уголке своей бухточки, которая с тех пор зовется в сказаниях эльдар Фаласквиль. Туор долго трудился, украшая свое жилище искусной резьбой: были там и звери, и деревья, и цветы, и птицы из тех, что встречались на берегах Митрима, и чаще всего повторялось изображение лебедя, ибо Туор любил эту птицу, и она потом стала гербом самого Туора, его родичей и потомков. Так он провел очень много времени, и наконец начал тяготиться одиночеством необитаемых берегов — даже отшельник Туор стосковался по человеческому голосу. Не обошлось здесь и без айну⁹ — ибо Ульмо любил Туора.

Однажды утром, оглядывая берег, — а было то в конце лета — Туор узрел трех быстрых и могучих лебедей, летящих с севера. Прежде не доводилось ему встречать лебедей в этих краях, и оттого рассудил он, что это знак, и сказал:

— Давно сердце мое побуждало меня отправиться в дальний путь; се! ныне я, наконец, решился — я пойду за лебедями.

Смотри-ка! Лебеди опустились на воду в его бухточке, три раза проплыли вокруг, и снова взмыли вверх и медленно полетели на юг вдоль берега, а Туор взял свою арфу и копье и отправился за ними.

В тот день Туор прошел немало; и под вечер достиг он мест, где снова появились деревья, и земли здесь были совсем не такие, как берега у Фаласквилья. Там Туор видел могучие утесы, изрезанные гротами, бухтами и глубокими заливами, от берега же плоская, голая пустошь уходила на восток, туда, где вдали виднелась голубая полоска гор. А теперь перед ним простирались пологие склоны и песчаные пляжи, а далекие горы придвигались все ближе и ближе к морю, и их темные кручи были одеты сосной и елью, а у подножий росли березы и древние дубы. С гор по узким расселинам к морским берегам и соленым водам сбегали прозрачные потоки. Некоторые ущелья были так широки, что Туор не мог их перепрыгнуть, и в таких местах часто было трудно пройти, но Туор пробирался дальше, ибо лебеди летели впереди, то кружа над головой, то устремляясь вперед — но на землю они ни разу не опустились, и хлопанье могучих крыльев подбадривало Туора.

Говорят, что Туор шел и шел так много дней подряд, но, хоть и шагал

он неустанно, зима с севера все же догнала его. Однако ни звери, ни непогода не причинили ему вреда, и ранней весной вышел он к устью некой реки. Теперь он был намного южнее устья Золотого Ущелья, и этот край был приветливей, и к тому же земля повернула, и море теперь было не на западе, а на юге — Туор заметил это по солнцу и по звездам; а сам он шел так, что море всегда было по правую руку от него.

Река та катила свои воды в красивом русле, и по берегам тянулись богатые земли: с одной стороны расстилались заливные луга, а с другой вздымались лесистые склоны; воды реки не сражались с морем, как воды Митрима на севере, но лениво вливались в него. В устье лежали длинные острова, поросшие тростником и кустарником, и далеко в море выдавались песчаные отмели; и в тех местах гнезилось такое множество птиц, какого Туору прежде нигде встречать не доводилось. Воздух звенел от свиста, щебета и кликов; и лебеди затерялись в туче белых крыльев, и Туор их больше не видел.

И тогда Туор на время почувствовал, что устал от моря — тяжким было его путешествие. Не обошлось здесь и без вмешательства Улмо. В ту ночь пришли к нему нолдоли и пробудили его от сна. При свете их голубых фонариков он нашел путь вдоль реки, и шли они так быстро, что когда небо по правую руку от него порозовело, се! голос моря остался далеко позади, а ветер был встречный, так что морем даже не пахло. И так вскоре пришел Туор в тот край, что звался Арлисион, «тростниковая страна», — это в тех землях, что лежат к югу от Дор Ломина и отделены от него Железными Горами, чьи отроги спускаются к самому морю. С тех гор бежала река, и воды ее были очень чистыми и удивительно холодными, даже в этих местах. А надо сказать, что эта река весьма прославлена в преданиях эльдар и нолдоли, и на всех языках называется она Сирион. Там Туор ненадолго остался отдохнуть, но, влекомый неким желанием, в конце концов отправился дальше, и много дней подряд все шел и шел вдоль реки. И не успела весна перейти в лето, как достиг он земель еще более дивных. Там повсюду звучало пенье пташек, подобное чарующей музыке, ибо нет в мире птиц сладкогласнее, чем в Краю Ив; в эту-то чудесную землю и пришел теперь Туор. Там река неспешно и раздольно вилась меж пологих берегов по широким лугам, покрытым мягчайшей травой, высокой и зеленой; над рекой склонялись старые-старые ивы, а гладь ее была устлана листьями

водяных лилий — они еще не цвели, но под сенью ив уже вытянулись зеленые мечи водяных ирисов, и камыш с тростником вздымались, подобно грозным копьям. И жил там в темных уголках шепчущий дух, и вечером он нашептал Туору свои невнятные речи, так что ему не захотелось идти дальше; а поутру залюбовался он бесчисленными лютиками, и ему совсем расхотелось куда-то уходить, и он остался.

Там впервые увидел он бабочек, и восхитился ими; а говорят, что весь род бабочек пошел из долины Края Ив. А потом пришло лето, полетели поденки, вечера стали теплыми; и дивился Туор множеству мошек и мотыльков, и гудению жуков, и жужжанию пчел; и давал он имена всем этим созданиям, и вплетал их в новые песни, что пел он под звон своей старой арфы; и песни эти были нежнее прежних его напевов.

И устрасился Улмо, как бы Туор не поселился там навсегда — ведь тогда его великие замыслы не исполнились бы. Поэтому Улмо не решался более доверить одним лишь нолдоли направлять Туора, ибо служили они ему втайне, и часто колебались, страхась Мэлько. Да и не смогли бы они преодолеть волшебство той ивовой страны, ибо слишком сильны были ее чары. Разве во дни после Туора не забрели туда Нолдорин и его эльдар в поисках Дор Ломина, сокрытой реки и пещер, где томились гномы, — и разве не были они готовы оставить свой поход, будучи так близко к цели? Плясали они там, и дремали, и слагали дивные песни из звона речных струй и шелеста трав, и ткали богатую парчу из паутины и крылышек насекомых — и так застигли их врасплох гоблины, которых Мэлько послал из Железных Холмов, и Нолдорину едва удалось уйти. Но все это случилось много позже.

И вот взошел Улмо на свою колесницу у врат дворца в глубине недвижных вод Внешнего Моря; и влекли его колесницу морж и морской лев, а формой была она подобна киту; и, трубя в гигантские раковины, покинул он пределы Улмонана. Быстро мчался Улмо, и не за бесчисленные годы, как вы могли бы подумать, но всего за несколько дней достиг он устья реки. По реке его колесница не смогла бы подняться, не разрушив ее берегов и не взмутив вод; оттого Улмо, любящий все реки, а эту больше всех, отправился пешком; до пояса скрывала его кольчуга, подобная чешуе голубых и серебряных рыб, а кудри его были голубовато-серебристыми, и борода, достигающая ног, была того же цвета, и не венчали его ни шлем, ни корона. Из-под кольчуги спустились полы

переливчато-зеленых риз — никто не знает, из чего они были сотканы, но всякому, кто взглянул на них, казалось, будто он зрит слабое струение глубин, в которых мелькают светящиеся рыбы, живущие в бездне. Поясом ему служила нить огромных жемчужин, а обут он был в огромные каменные башмаки.

Принес он с собой и свою огромную флейту; чудно была она устроена: она состояла из множества длинных изогнутых раковин с отверстиями. Когда Ульмо дул в эту флейту и перебирал отверстия своими длинными пальцами, она издавала низкие звуки, и мелодия та обладала волшебством, равного которому не творил доселе ни один музыкант при помощи арфы либо лютни, лиры либо свирели или же смычка. И вот, поднявшись вверх по реке, в вечерний час уселся Ульмо в тростниках и заиграл на той флейте — а было оттуда недалеко до тех мест, где жил Туор. И Туор внял той флейте, и замер на месте. Стоял он по колено в траве и не слышал более ни гудения пчел, ни шелеста прибрежных трав, ни аромата цветов; но чудились ему шум волн и крики чаек, и душа его рвалась к скалам и отмелям, пахнущим рыбой, к всплескам ныряющих бакланов, к тем краям, где море с грохотом бьется о черные утесы.

Тогда восстал Ульмо, и заговорил с ним, и смертельный ужас объял Туора, ибо глас Ульмо глубок, как глубочайшая из глубин; очи же Ульмо глубже всего на свете. И рек Ульмо:

— О Туор, одинокий сердцем, не желаю я, дабы навечно поселился ты в этой дивной стране птиц и цветов; и не стал бы я показывать тебе сей чудесный край¹⁰, но так тому и быть. Ступай же ныне предначертанным тебе путем, и не медли, ибо далеко отсюда ведет твоя дорога. Ныне должен ты искать по свету град народа, именуемого гондотлим, «живущие в камне», и нолдоли проводят тебя туда — втайне, ибо страшатся соглядатаев Мэлько. Там вложу я речи в уста твои, и там поселишься ты на время. Но, быть может, твоя жизнь вновь обратится к могучим водам; и непременно родится у тебя сын, который больше всех людей будет знать о всех глубинах, будь то глубины морей или тверди небесной.

И поведал также Ульмо Туору часть своих замыслов и желаний, но о ту пору мало что понял Туор из сказанного и устрасился безмерно.

Потом Ульмо исчез в облаке морского тумана, что принес он с собой в эти земли, далекие от моря; в ушах у Туора все еще звучала его музыка, и он с радостью вернулся бы на берега Великого Моря, но, не смея послушаться повелений Ульмо, обратился спиной к морю и отправился

вверх по реке, и шел так до рассвета. Но внимавший раковинам Ульмо слышит их зов всю жизнь, до самой смерти, и Туору пришлось изведать это.

К утру Туор устал и лег, и проспал весь день до вечера, и тогда пришли к нему нолдоли и повели его. Так много дней шел он по ночам, в темноте, а днем спал; так и вышло, что он почти не запомнил, какими путями его вели. И вот Туор со своими провожатыми шел и шел неустанно, и наконец они оказались среди пологих холмов, меж которых вилась река, и там было множество удивительно красивых долин; но нолдоли стало не по себе.

— Здесь, — говорили они, — начинаются те места, где Мэлько расплодил своих гоблинов, ненавистный народ. Далеко на севере — но будь они и за десять тысяч лиг, все было бы недостаточно далеко, — высятся Горы Железа, где обитает мощь и ужас Мэлько, а мы — его рабы. Ведь мы указываем тебе дорогу втайне от него, а проведай он об этом — не миновать нам пытки балрогов.

И вскоре нолдоли обуял такой страх, что они бросили Туора, и он один пробирался среди холмов — и вышло это не к добру: ведь говорят, что «у Мэлько много глаз»; пока Туор шел с гномами, они вели его потаенными тропками и подземными проходами. А теперь Туор заблудился, и часто взбирался на вершины холмов, чтобы оглядеться. Но поблизости не было видно никакого жилья; нелегко было найти жилище гондотлим — ведь все соглядатаи Мэлько так и не сумели отыскать его. Но говорят, будто в то время соглядатаи донесли Мэлько, что в тех краях обнаружили следы неведомого человека, и потому Мэлько удвоил бдительность.

Надо сказать, что когда гномы из страха бросили Туора, некий Воронвэ или Бронвэг, попытавшись пристыдить прочих, но потерпев неудачу, преодолел свой страх и следовал за Туором издали. И вот Туор очень устал, и присел подле шумного потока, и тоска по морю томила его, и снова решил он отправиться вдоль реки обратно к широкому морю и ревущим волнам. Но Воронвэ Верный приблизился к нему, стал рядом и сказал:

— О Туор, поверь, придет день, и ты вновь узришь то, к чему стремишься; восстань же ныне, и вот, я не оставляю тебя. Я не из следопытов нолдоли — я мастер, привычный творить из дерева и металла, и я лишь недавно присоединился к твоим провожатым. Но средь тягот рабства

давно слышал я тайные слухи и вести о граде, где нолдоли могут обрести свободу, если только найдут сокрытый путь, что ведет туда; и нам двоим, несомненно¹¹, удастся найти дорогу в Град Камня, где живут свободные гондотлим.

А надо вам знать, что гондотлим были из тех нолдоли, что единственные избежали власти Мэлько, когда в Битве Бессчетных Слез он частью истребил нолдоли, а частью поработил¹², соткав над ними заклятия, и заставил их жить в Железных Преисподнях, откуда они могли уходить лишь по его воле и приказу.

Долго Туор с Бронвэгом¹³ искали град этого народа, и вот наконец, много дней спустя, набрали они на глубокую долину в горах. Через долину по каменистому руслу с шумом текла быстрая река, и берега реки густо поросли ольхой; а склоны долины были очень крутыми, ибо путники приблизились к каким-то горам, неведомым Воронвэ. И гном обнаружил в зеленом склоне отверстие, похожее на большую, немного скошенную дверь; густой кустарник и молодые деревца скрывали отверстие, но нелегко было обмануть зоркого Воронвэ. Однако говорят, что создатели этого прохода (не без помощи Ульмо, что хранил власть над той рекой, хотя берега ее были окутаны страхом перед Мэлько) наложили на него такие чары, что лишь тот, в чьих жилах текла кровь нолдоли, мог вот так случайно отыскать его; и Туор никогда не нашел бы этот вход, если бы не преданность гнома Воронвэ¹⁴. А гондотлим так таили свое жилище оттого, что боялись Мэлько; но, несмотря на это, многие отважные нолдоли ускользали из тех гор и спускались по Сириону; и хотя немало их погубила злоба Мэлько, многие все же находили эту волшебную дверь и в конце концов попадали в Град Камня и пополняли собой число его жителей.

Туор с Воронвэ очень обрадовались, найдя эту дверь, но, войдя, обнаружили, что путь этот темный, трудный и извилистый. Долго они пробирались по подземным проходам. Под сводами отдавалось гулкое эхо, и словно бесчисленные шаги преследовали их, так что Воронвэ устрашился, говоря:

— Это гоблины Мэлько, горные орки.

И они то и дело бросались бежать, спотыкаясь о камни, пока не поняли, что это всего лишь обман слуха. Казалось, бесконечно пробирались они на ощупь в этих страшных переходах, но вот наконец впереди показался слабый свет, и они устремились на свет и выбрались к двери, подобной той, через которую они вошли, но отнюдь не заросшей. И выбрались они на свет, и солнце ненадолго ослепило их, но тут же загудел большой гонг и раздался звон доспехов, и вот, окружили их воины, закованные в сталь.

Они привыкли к свету и подняли глаза, и се! — они стояли у подножия крутых высоких гор, и горы те кольцом окружали большую равнину, и на равнине той, не точно посередине, а ближе к тому месту, где они находились, возвышался огромный холм с плоской вершиной, и на вершине стоял город, озаренный утренним светом.

Тогда Воронвэ обратился к Страже Гондотлим, и речь его была внятна им, ибо то было сладостное наречие гномов¹⁵. Тогда заговорил также и Туор, и спросил, где это они находятся и что это за воины стоят вокруг, ибо он был в некотором замешательстве, и очень дивился добротности их успехов. И сказал ему один из того отряда:

— Мы стоим на страже у устья Пути Избавления. Радуйтесь же, что нашли его, ибо вот перед вами Град Семи Имен, где обретают надежду все, кто борется с Мэлько.

И сказал тогда Туор:

— Каковы же те имена?

И ответил старший из Стражи:

— Так говорится, так поется: «Гондобар зовусь я и Гондотлимбар, Град Камня и Град Живущих в Камне; Гондолин, Певучий Камень, и Гварэстрин именуюсь я, Башня Стражи, Гар Турион, Тайное Убежище, ибо сокрыт я от глаз Мэлько; но те, кто больше всего любит меня, зовут меня Лот, ибо цветку я подобен, и Лотэнгриол, Цветок-на-равнине». Однако, — добавил страж, — в речи обыденной именуем мы его и называем Гондолин.

И сказал Воронвэ:

— Отведи же нас туда, ибо мы жаждем войти, — а Туор добавил, что сердце его рвется вступить на стези того дивного града.

И ответил тогда старший из Стражи, что они сами должны остаться у входа, ибо пройдет еще много дней, прежде чем окончится месячный срок их стражи, но Воронвэ с Туором могут отправиться в Гондолин, да и не надобен им провожатый:

— Вон, смотрите, возвышается он, светлый и прекрасный обликом, и башни его вонзаются в небо над Холмом Бдения посреди равнины.

И Туор с товарищем отправились через равнину — она действительно была очень ровная, лишь там и сям в траве попадались круглые и гладкие валуны, да озерца блестели в каменных чашах. Много отрадных взгляду троп вело через равнину. Шли путники не торопясь и к вечеру достигли подножия Холма Бдения (Амон Гварэт на языке нолдоли). Стали они взбираться по извилистым лестницам, что вели наверх, к городским воротам; и нельзя было добраться до ворот, не будучи замеченным со стены, и иначе как пешком. Они достигли вершины длинной лестницы, когда последние лучи солнца золотили западные врата, и немало глаз следило за путниками со стен и башен¹⁶.

А Туор узрел каменные стены, и вздымающиеся твердыни, и блистающие башни города, узрел он огражденные изящными перилами каменные и мраморные лестницы, которым дарили прохладу подобные нитям водопады: то бежали на равнину воды фонтанов Амон Гварэт, и шел Туор, словно в гресе, наваянной богами, ибо мнилось ему, что никто из людей и во сне не видел подобных чудес — так восхищен был он величием Гондолина.

Так и подошли они к воротам, Туор в изумлении, а Воронвэ — в великой радости, что благодаря своей отваге он и Туора привел сюда, во исполнение воли Ульмо, и сам навеки сверг ярмо Мэлько. Ненавидел он его ничуть не меньше, но более не сковывал его страх перед Злодеем¹⁷ (а те чары, что налагал Мэлько на нолдоли, были ничем иным, как заклятием бездонного ужаса, так что им всё казалось, что он где-то рядом, даже когда они были вдалеке от Железных Преисподен, и слабели души их, и они не смели бежать, даже когда могли; и Мэлько часто полагался на это).

И вот выбегает толпа из врат Гондолина, и окружает тех двоих, радуясь, что еще одному из нолдоли удалось вырваться из-под власти Мэлько, и дивясь тому, какой Туор высокий и длинноногий, и его тяжелою копьё с наконечником из рыбьей кости, и его большой арфе. Был он худ и оборван, и кудри его неухожены, и одет он был в медвежьей шкуры. Написано в книгах, что в те дни отцы отцов людей были ниже ростом, чем теперешние люди, а дети Эльфинесса выше, но Туор все же был выше всех, кто стоял вокруг. Гондотлим, конечно, не были сутулы, как многие из их несчастных сородичей, что день и ночь трудились в копиях и кузнях Мэлько; были они невысокие, тоненькие и очень гибкие¹⁸. Они были быстроноги и удивительно красивы; уста их были нежны и печальны, а в глазах сияла радость, готовая разразиться слезами; ибо в те времена были гномы изгнанниками в душе, и томила их неизбывная тоска по прежнему дому. Но рок и непреодолимая тяга к познанию привели их в далекие края, и теперь жили они, окруженные слугами Мэлько, и трудились они с любовью, дабы сделать свое жилище как можно прекраснее.

Не могу понять, как это вышло, что люди путают нолдоли с орками, гоблинами Мэлько; разве что из-за того, что иные нолдоли обратились ко злу Мэлько и смешались с этими орками — а весь род орков Мэлько вывел из подземного раскаленного ила. Сердца у них были гранитные, а тела уродливые; на их отвратительных лицах никогда не бывало улыбки,

а хохот их подобен скрежету металла, и больше всего им по душе выполнять самые подлые замыслы Мэлько. Они с нолдоли смертельно ненавидели друг друга, и нолдоли называли орков гламхот, «народ страшной ненависти».

Вот вооруженные стражи ворот раздвинули толпу, окружившую странников, и один из стражников заговорил и сказал:

— Это град бдения и стражи, Гондолин на Амон Гварэт, и здесь обретает свободу всякий, чье сердце чисто, но никто не может войти, не назвавшись. Скажите мне ваши имена.

И Воронвэ назвал себя Бронвэгом из гномов, и молвил, что пришел сюда¹⁹ по велению Улмо как провожатый сего сына людей; Туор же сказал:

— Я Туор, сын Пэлэга, сына Индора, из дома Лебеда сынов Людей Севера, что живут далеко отселе, и явился я сюда по воле Улмо, Владыки Внешних Океанов.

И все, внимавшие ему, умолкли; поразил их его низкий и раскатыстый голос, ибо их голоса были звонкими и нежными, словно плеск фонтанов. И слышалось среди них:

— Отведите его к королю!

И вернулась толпа в город, и странники вошли с ними, и увидел Туор, что ворота те железные, весьма высокие и мощные. Улицы же Гондолина были широки, и вымощены камнем, и выложены мрамором, и вдоль дорог стояли прекрасные дома с дворами и садами, полными ярких цветов, и множество дивных и стройных башен, украшенных чудной мраморной резьбой, вздымалось к небесам. Были там и стогна, звенящие фонтанами, обиталище птиц, щебечущих в ветвях старых деревьев; и самой большой была та площадь, где стоял королевский дворец, и башня того дворца была высочайшей в городе, и фонтаны, игравшие пред дверьми, взмывали в воздух на двадцать и семь фатомов и обрушивались ниц поющим хрустальным ливнем; в их струях днем дивно дробились солнечные лучи, по ночам же волшебным трепетал лунный свет. Птицы, что гнездились там, были белее снега, голоса же их звучали слаще лубой колыбельной.

Обок дверей дворца росли два дерева, одно с золотыми цветами, другое же — с серебряными, и деревья те не вяли и не осыпались, ибо были то отпрыски древних и великих Древ Валинора, что озаряли тот край, доколе не иссушили их Мэлько с Мракоткущей; и гондотлим звали те деревья Глингол и Бансиль.

Тогда Тургон, король Гондолина, в белом одеянии с золотым поясом и с гранатовым венцом на челе, вышел и встал пред дверьми своими,

на вершине белой лестницы, что вела к ним, и рек:

— Привет тебе, о человек из Земли Теней. Се! Приход твой был предречен в наших книгах мудрости, и написано, что много великих дел свершится в жилищах гондотлим, когда явишься ты туда.

И заговорил тогда Туор, и Ульмо наделил мощью сердце его и величием голос его:

— Внемли, о отец Града Камня! Тот, что играет чудные мелодии в Бездне, кому ведомы помыслы эльфов и людей, повелел мне сказать тебе, что близятся дни Избавления. Слухи о жилище вашем и вашем холме, что стоит на страже пред злобой Мэлько, достигли ушей Ульмо, и он возрадовался; но сердце его исполнено гнева, и гневны сердца валар, восседающих на горах Валинора и взирающих на мир с вершины Таник-вэтиль, ибо зрят они нолдоли в рабстве и людей в скитаниях; ибо Мэлько запер их в Земле Теней за железными холмами. И потому привели меня сюда тайным путем, дабы повелеть тебе приумножить воинство твое и готовиться к битве, ибо время пришло.

И отвечивал тогда Тургон:

— Не сделаю я этого, хотя бы повелели мне Ульмо и все валар. Не стану я ни рисковать народом моим в битве с ужасными орками, ни подвергать град мой огню Мэлько.

И сказал тогда Туор:

— Но если не отважишься ты ныне, орки будут жить вечно, и в конце концов овладеют почти всеми горами земли, и вовек не перестанут грозить и эльфам, и людям, даже если валар смогут иным путем освободить нолдоли; если же ты доверишься ныне валар, то падут орки, хоть и будет та битва ужасна, и владычество Мэлько обратится в ничто.

Но Тургон ответил, что он король Гондолина и ничья воля не заставит его вопреки собственному решению подвергнуть опасности драгоценный труд стольких веков; но Туор, по велению Ульмо, который боялся, что Тургон не согласится, молвил так:

— Тогда поручено мне сказать, дабы люди гондотлим быстро и незаметно спустились по Сириону к морю и там построили себе ладьи и отправились на поиски пути в Валинор: се! дороги туда забыты, и пути исчезли с лица земли, и моря и горы окружают его, но эльфы все еще живут там, на холме Кор, и боги восседают в Валиноре, хотя веселие их уменьшилось из-за печали и страха перед Мэлько, и сокрыли они свою землю, и окутали ее непреодолимыми чарами, да не достигнет никакое зло ее берегов. Но твои посланцы еще могут добраться туда и возжечь их сердца,

да восстанут во гневе, и поразят Мэлько, и разрушат Железные Преписподни, что прорыл он под Горами Тьмы.

И отвечал ему Тургон:

— Каждый год с приходом весны быстро и скрытно спускались посланцы вниз по реке, что зовется Сирионом, к берегам Великого Моря, и строили там себе ладьи, и впрягали в них лебедей и чаек, или же ветер с могучими крыльями, и отправлялись они вслед за солнцем и луной, на поиски Валинора; но дороги туда забыты, и пути исчезли с лица земли, и моря и горы окружают его, и тем, кто восседает там в веселии, мало дела до деяний Мэлько и печалей мира, но сокрыли они свою землю, и окутали ее непреодолимыми чарами, да не достигнут их ушей никакие вести о зле. Нет. Слишком многие из моего народа за эти бесчисленные годы ушли в морские просторы и не вернулись более, но сгинули в глубинах или скитаются ныне, заблудившись в бездорожном мраке; и следующей весной ни один не отправится к морю; лучше нам положить на себя и свой город, и самим отражать нападения Мэлько; а в этом до сих пор мало помогали нам валар.

Тяжко тут стало на сердце у Туора, а Воронвэ разрыдался; Туор же присел у большого королевского фонтана, и плеск его напомнил ему напев волн, и раковины Ульмо зазвучали в душе его, и возжелал он отправиться к морю вслед водам Сириона. Но Тургон, зная, что на Туоре, хоть он и смертный, почиет благоволение валар, и приметив его твердый взгляд и мощь его голоса, послал к нему и пригласил остаться в Гондолине, под его королевским благоволением, и даже поселиться в королевских чертогах, буде он пожелает.

И Туор ответил «да», ибо устал он, а место то было прекрасно; и так вышло, что Туор поселился в Гондолине. Обо всех деяниях Туора меж гондотлим в преданиях не говорится, но сказано, что много раз хотелось ему выбраться оттуда, ибо устал он от множества народа и все вспоминал пустынные леса и горы, и слышалась ему вдали мелодия Ульмо, однако сердце его было исполнено любви к одной из женщин гондотлим, и была то дочь короля.

В том королевстве многому научился Туор, и обучал его Воронвэ, которого Туор очень любил, и который в ответ полюбил его еще сильнее; а то еще наставляли Туора городские искусники и королевские мудрецы. Оттого сделался он гораздо могущественнее, чем прежде, и мудры были советы его; и многое, прежде неясное, стало ему ясно, и многое стало известно, что и по сей день неведомо смертным людям. Услышал он о том граде Гондолине, и как многих веков не хватило,

чтобы достойно выстроить и украсить его, ибо и доселе трудились над тем мастера²⁰; услышал он и о том, как выкопали тот сокрытый проход, который народ называл Путем Избавления, и много было споров об этом, но в конце концов, сострадая нолдоли, томящимся в рабстве, решили прорыть его; и о неусыпной страже поведали ему, что воины во всеоружии несли у прохода, а также там, где окружные горы были не столь высоки, и о том, что на высочайших пиках этого горного кольца подле сложенных сигнальных костров вечно бдят стражи; ибо народ тот не переставал ожидать нападения орков, если проведут враги об их крепости.

Теперь, однако, посты на горах содержали скорее по обычаю, нежели по необходимости, ибо гондотлим давным-давно с превеликими трудами выровняли, и очистили, и разгладили всю равнину вокруг Амон Гварэт, так что ни гном, ни птица, ни зверь, ни гад ползучий не мог бы приблизиться к городу, не будучи замечен за много лиг, ибо среди гондотлим было немало таких, чьи глаза были острее очей ястребов Манвэ Сулимо, Владыки Богов и Эльфов, что пребывает на Таниквэтиль; и по этой причине прозвали они ту равнину Тумладин, «гладкая долина». Теперь же сочли они эту работу завершенной, и всеми силами принялись добывать металлы, ковать всяческие мечи и топоры, копья и секиры, кольчуги, брони и панцири, поножи и наручи, шлемы и щиты. И говорили Туору, что если бы даже все воины Гондолина день и ночь стреляли не переставая, и то на многие годы хватило бы им уже припасенных стрел, и оттого они с каждым годом все меньше боялись орков.

Научился там Туор строить из камня, класть кирпичи и тесать гранит и мрамор; изведal он искусство прядения и ткачества, вышивания и живописи, и обработки металлов. Изысканнейшим мелодиям внимал он; в этом искусстве больше всего смыслили обитатели южной части города, ибо там струилось и звенело больше всего родников и фонтанов. И Туор овладел многими из этих тонкостей и навыв вплетать их в свои песни на диво и на радость всем, кто слышал. Удивительные истории о Солнце, Луне и Звездах, об устройстве земли и о ее стихиях, и о глубинах небес поведали ему; изучил он и тайные письма эльфов, и все их древние языки и наречия, и услышал об Илуватаре, Предвечном Владетеле, что обитает за пределами мира, о великой песни айнуру у ног Илуватара в изначальных глубинах времени, откуда произошло

творение мира и все его устройство, и все, что есть в нем, и весь миропорядок²¹.

И вот благодаря своему искусству и тому, что овладел Туор всей мудростью и всяческим мастерством, а также из-за великого своего мужества душевного и телесного сделался Туор утешением и опорой королю, не имевшему сыновей; и народ Гондолина полюбил его. Со временем повелел король лучшим своим оружейникам сковать доспехи в дар Туору, и сделаны были те доспехи из гномской стали, покрытой серебром; шлем же его украсили по бокам лебедиными крыльями из металла и самоцветов, и на щите его также начертали лебединое крыло; но любому мечу Туор предпочитал свой топор, и на языке гондотлим называл он его Драмборлэг, ибо обух его оглушал, подобно палице, лезвие же рассекало любые доспехи.

Выстроили Туору дом на южной стене, ибо он любил простор и не нравилось ему жить бок о бок с соседями. Часто стоял он ранним утром на крепостной стене, и радовался народ, видя, как свет зари вспыхивает на крыльях его шлема, — и многие говорили, что с радостью пошли бы за ним на битву с орками, — ведь речи Туора и Тургона, которыми обменялись они пред дворцом, были ведомы многим; но дальше разговоров это не шло из-за почтения к Тургону, а также оттого, что в те дни память о словах Ульмо в сердце Туора потускнела и приугасла.

И вот уже много лет прожил Туор среди гондотлим. Долго питал он любовь к дочери короля, и ныне душа его переполнилась. И Идриль также полюбила Туора великой любовью — нити их судеб переплелись в тот самый день, когда она впервые узрела его из окна башни измученным просителем перед дворцом короля. Тургон не видел особых причин противиться их союзу, ибо Туор казался ему надежным и многообещающим родичем. Так впервые случилось, что сын человеческий женился на дочери Эльфинесса, но Туор был не последним. Меньше радости обрели многие другие, чем те двое, и велика была их скорбь под конец. Но те дни, когда Туор и Идриль принародно сочетались браком на Гар Айнион, Площади Богов близ королевских чертогов, были днями великого веселья. Радостным был день той свадьбы для града Гондолина²², Туор же с Идриль были счастливы безмерно. И с тех пор жили они в радости в доме Туора на стене, глядевшем на южную часть Тумладин, и все в городе были довольны этим, кроме одного Мэглина. Гном этот принадлежал к древнему дому, хотя теперь сделался этот дом малочисленнее прочих;

сам же Мэглин приходился королю племянником по матери, Исфин, которая была сестрой короля; но об Исфин и Эоле здесь речи не будет²³.

Гербом же Мэглина был черный Крот, и он был предводителем рудокопов и рудознатцев; многие из них были его родичами. Был он не так красив, как большинство того прекрасного народа, смуглолик он был и не слишком добросердечен, так что его мало любили, и поговаривали, что есть в нем орочья кровь, хотя не знаю, как такое может быть. Надо сказать, что Мэглин не раз просил у короля руки Идриль, но Тургон, видя, что дочь весьма противится этому, каждый раз отказывал; ибо казалось королю, что просьба Мэглина вызвана не только любовью к сей прекраснейшей деве, но и желанием обрести немалую власть при короле. Идриль же была воистину прекрасна, и к тому же отважна; и в народе прозвали ее Идриль Среброногая*, ибо она, хоть и королевская дочь, всегда ходила босая и простоволосая, кроме как на празднествах в честь айнуру; и Мэглин, видя, что Туор оттеснил его, затаил на него злобу.

В те дни исполнились желание валар и надежда эльдалиэ, ибо в великой любви родила Идриль Туору сына, и нарекли его Эарэндэлем. Имя это и эльфы, и люди переводят многообразно, но вернее всего, что оно из какого-то тайного наречия гондотлим²⁴, что исчезло с лица Земли вместе с этим народом.

Младенец тот был весьма красив: кожа у него была ослепительно белая, а глаза синее, чем небо в южных землях, — синее даже сапфиров на одеянии Манвэ²⁵; и, когда мальчик родился, Мэглин исполнился черной зависти, а Тургон и весь его народ — величайшей радости.

Но вот, прошло уже много лет с тех пор, как Туор заблудился в холмах и нолдоли бросили его; но немало лет прошло и с той поры, как ушей Мэлько достигли странные вести — вести же те были смутны и противоречивы — о том, что некий человек бродил по долине Сириона. Надо сказать, что в те дни власть Мэлько была велика, и он не слишком боялся рода людского, и оттого-то Ульмо избрал для исполнения своих замыслов одного из этого народа, чтобы обмануть Мэлько — ведь никто из валар и почти никто из эльдар и нолдоли не смог бы и шевельнуться без того, чтобы Мэлько этого не заметил. Но тем не менее при этих вестях в злобной душе Мэлько шелохнулось некое предчувствие, и собрал он тогда превеликую армию соглядатаев: были там отродья орков с

* В *Туоре* В чуть заметно вписано карандашом сверху: *Идриль Талкэлэб*

желто-зелеными, как у кошек, глазами, пронизавшими любой мрак, и туман, и мглу, и ночной сумрак; были там змеи, что ползают везде и могут обыскать все щелки, от глубочайших пропастей до высочайших пиков, и слышат любой шорох, что пробежал в траве или прошелестел в скалах; были там и волки, и алчные псы, и огромные кровожадные ласки, чей нос способен учуять даже в воде след многомесячной давности, чьи глаза способны отыскать на гальке следы даже век спустя; явились к нему совы и соколы, что своим зорким оком днем и ночью могут углядеть самую малую пичужку во всех лесах на свете, любую мышку-полевку или крысу, что прячется где-то на краю земли. Всех их созвал он в свой Железный Чертог, и явились они во множестве. Оттуда разослал он их по свету искать человека, бежавшего из Земли Теней, но также и на поиски жилища нолдоли, ускользнувших от его ярма, ибо всем сердцем жаждал он погубить их или обратить в рабство.

И вот, пока Туор счастливо жил в Гондолине, обретая все новые знания и умения, эти твари много лет подряд неустанно разнюхивали его след на камнях и скалах, выслеживали по лесам и пустошам, следили с неба и с горных вершин, разведывали все тропки в равнинах и долах, не отдыхая и не переставая. Немало вестей принесли они Мэлько с этой охоты — среди многих тайн, что сделались явными, нашли они даже Путь Избавления, которым некогда вошли в Гондолин Туор и Воронвэ. Однако удалось им это лишь потому, что некоторых нолдоли, из менее стойких, под угрозой страшных пыток принудили принять участие в тех поисках; ибо благодаря волшебным чарам никто из народа Мэлько не смог бы найти тот путь без помощи гномов. Но в последние годы они часто пробирались вглубь прохода и хватали многих нолдоли, что являлись туда, ища избавления от рабства. Кое-где взобрались они также и на Окружные Горы*, и узрели издалека красу града Гондолина и мощь Амон Гварэт; но спуститься на равнину они не могли, ибо стража не дремала, и горы те были почти неприступны. Гондотлим ведь были превосходными лучниками, и луки у них были удивительно мощные. Из такого лука они могли выпустить в небо стрелу в семь раз дальше, чем лучший лучник среди людей мог бы выстрелить в цель на земле; и не позволяли они ни соколу подолгу кружить над равниной, ни змее пробираться туда: не любили они хищных тварей, выкормышей Мэлько.

* В *Туоре В* вписано сверху карандашом *Хэбородин*.

Год исполнился Эарэндэлю, когда пришли в город дурные вести о соглядателях Мэлько, что со всех сторон обложили долину Тумладин. Тогда печально стало на сердце у Тургона, и припомнил он речи Туора, произнесенные много лет назад пред дверьми дворца; и повелел он устроить стражу на всех постах, а его мастера соорудили разные боевые машины и расставили их на холме. Ядовитые огни и горячая смола, стрелы и огромные камни обрушились бы на любого, кто посмел бы штурмовать те сияющие стены; и король остался этим доволен как нельзя более, но у Туора было тяжелее на сердце, чем у короля, ибо теперь не выходили у него из головы слова Улмо, и глубже проникал он их смысл и важность, чем когда-то; да и Идриль не спешила его успокоить, ибо в ее сердце таились еще более мрачные предчувствия.

Надо вам знать, что Идриль обладала даром проникать темноту душ эльфов и людей, а также и мрак будущего — даже лучше, чем прочие из народа эльдализ; и потому заговорила она однажды с Туором и сказала так:

— Знай, супруг мой, что сердце мое беспокойно, ибо не доверяю я Мэглину, и боюсь я, что принесет он зло сему прекрасному королевству, хотя и не ведаю, как и когда, — но опасаясь я, как бы все, что ведомо ему о наших замыслах и приготовлениях, не стало каким-то образом известно Врагу, так что он измыслит новые средства погубить нас, которых мы не предвидим, от которых не будет у нас защиты. Се! приснилось мне ночью, что Мэглин выстроил горнило, и, застав нас врасплох, швырнул туда наше чадо, Эарэндэля, и хотел втолкнуть туда же и нас с тобой; я же, скорбя о гибели нашего милого дитяти, даже не противилась.

И ответил Туор:

— Страхи твои небеспочвенны, ибо и у меня не лежит сердце к Мэглину; но ведь он племянник короля и твой двоюродный брат, и обвинить его не в чем, так что ничего не остается, как ждать и бдеть.

Но Идриль сказала:

— Вот мой совет: постарайся втайне разузнать, кто из рудокопов и землекопов питает меньше всего любви к Мэглину из-за его гордости и заносчивости. Отбери из них доверенных людей, чтобы они не спускали глаз с Мэглина каждый раз, как отправится он во внешние горы; но большей части тех, на чье молчание можно положиться, советую я поручить тайный труд и вырыть с их помощью — как бы долог и кропотлив ни был тот труд — потайной ход из твоего дома сквозь скалу этого холма вниз, в долину. И не к Пути Избавления должен вести тот путь, — ибо

сердце мое советует не полагаться на него, — но к дальнему перевалу, Расселине Орлов, что в южных горах; и чем дальше под равнину уйдет тот ход, тем лучше, — но пусть этот труд останется тайной для всех, кроме немногих.

А надо сказать, что нет таких искусных землекопов и скалопроходцев, как холдоли (и это хорошо известно Мэлько), но в тех местах земля необычайно твердая; и сказал Туор:

— Скала холма Амон Гварэт тверда, как железо, и может быть пробита лишь с великим трудом; если же этот труд надлежит держать в тайне, потребуется немало времени и терпения; но подножие Дола Тумладин подобно кованой стали, и без особых знаний гондотлим понадобится месяцы и годы, чтобы прорубить его.

И молвила Идриль:

— Быть может, воистину так, но таков мой совет, а время еще есть.

Тогда сказал Туор, что не видит большого смысла в этой затее, — но «какой ни есть план лучше никакого», и он сделает все так, как она говорит.

И вот случилось так, что вскоре после того Мэглин отправился в горы разыскивать руду, и, скитаясь по горам в одиночестве, попался бродившим там оркам, и они могли бы жестоко обойтись с ним, видя, что это человек из гондотлим; а Туоровы соглядатаи о том не проводали. Но зло закралось в сердце Мэглина, и молвил он пленившим его:

— Знайте же, что я Мэглин, сын Эола, что был женат на Исфин, сестре Тургона, короля гондотлим.

Но орки сказали:

— Какое нам дело?

И ответил Мэглин:

— Большое вам дело: ибо если вы погубите меня, будь то быстро или медленно, не получите вы важных вестей о граде Гондолине, которым ваш хозяин был бы весьма рад.

Тогда удержали орки свою руку и сказали, что оставят его в живых, если то, что он поведает им, покажется достойным того; и Мэглин рассказал им все об устройстве города и равнины, о высоких и толстых стенах, и о мощных воротах; поведал он о несметном воинстве, что повинуется Тургону, и о несчетных запасах оружия, заготовленного для того воинства, и о боевых машинах, и о ядовитых огнях.

Разъярились орки, услышав все это, и порешили убить его тут же на месте, как бесстыжего лжеца, что нагло преувеличивает мощь своего жалкого народца в насмешку над великим могуществом и властью Мэлько; но Мэглин, цепляясь за соломинку, сказал:

— А не думаете ли вы, что вашему хозяину будет приятно, если вы приведете к его стопам столь знатного пленника, чтобы мог он сам выслушать мои вести и судить о том, правда ли все это?

Пришлось это оркам по душе, и они вернулись из гор у Гондолина в Железные Холмы, в темные чертоги Мэлько, и приволокли с собой Мэглина, и был он в великом страхе. Преклонил он колени перед черным тронном Мэлько, устрася мрачных теней вокруг него, и волков, сидевших под престолом, и гадюк, обвивавших его ножки, и Мэлько повелел ему говорить. Тогда поведал Мэглин свои вести, и Мэлько, выслушав его, заговорил с ним весьма милостиво, так что к Мэглину отчасти вернулось его высокомерие.

И кончилось это тем, что Мэлько с помощью хитроумного Мэглина измыслил план, как повергнуть Гондолин. В награду за это Мэглин должен был стать большим начальником над орками — но в душе Мэлько вовсе не собирался выполнять этого обещания, — а Туора и Эарэндэля Мэлько посулил сжечь, Идриль же отдать Мэглину, — подобные обещания злодей выполнял с радостью. Но в случае, если Мэглин предаст его, пригрозил ему Мэлько пыткой балрогов. Балроги суть демоны с огненными бичами и стальными когтями, они мучили тех нолдоли, кто осмелился в чем-то воспротивиться воле Мэлько, — эльдар же звали их малкарауки. Совет же, что дал Мэглин Мэлько, был таков: всего воинства орков и балрогов со всем их неистовством не хватило бы, чтобы взять приступом или осадой стены и врата Гондолина, даже если бы и удалось им пробраться на равнину. А потому присоветовал он Мэлько создать колдовством и злыми чарами подмогу для своих воинов в их нелегком предприятии. Надоумил его Мэглин сделать из своих великих запасов металла тварей, подобных змеям и драконам мощи неодолимой, и оживить их своими огнями, и эти твари должны были переползти через Окружные Горы и затопить долину и дивный тот град пламенем и смертью.

Тогда велено было Мэглину отправляться домой, чтобы люди не заподозрили дурного из-за его отсутствия; но Мэлько наложил на него заклятье бездонного ужаса, и не было с той поры в сердце Мэглина ни радости, ни покоя. Тем не менее прикрывался он маской доброжелательности и веселости, так что люди говорили:

— Мэглин сделался добрее, — и к нему стали лучше относиться, но Идриль боялась его еще больше, чем прежде. И сказал Мэглин:

— Я много трудился, а теперь хочется мне отдохнуть, попеть, поплясать и повеселиться вместе с прочими, — и забросил работу в копях; но на самом деле он тщился утопить в веселье страх и беспокойство. Все время с ужасом ощущал он, что Мэлько где-то рядом, и все из-за заклятья; и не смел он отныне бродить близ копей, боясь снова повстречаться с орками и увидеть ужасы чертогов тьмы.

Вот идут годы, и Туор, подстрекаемый Идриль, все роет и роет тот потайной ход; но соглядатаев вокруг Гондолина стало куда меньше, и оттого Тургон делается спокойнее и страхи его покидают. Мэлько же в те годы пребывает в непрерывных трудах, и всем рабам-нолдоли приходится добывать все новую и новую руду, Мэлько же сидит и выдумывает огни, и призывает к себе пламя и дым подземного жара, и не позволяет нолдоли и на шаг удаляться от мест их рабства. И вот пришло время, когда собрал Мэлько всех своих искуснейших кузнецов и колдунов, и из железа и пламени соорудили они полчище чудищ, каких до тех пор не было видано, и не появится вновь до самого Великого Конца. Одни из них были сплошь железные, и столь искусно были сделаны их сочленения, что могли они медленно струиться, словно стальная река, извиваться и переползать любые препятствия, и нутро этих тварей было наполнено самыми жестокими орками со скимитарами и копьями; другие, медные и бронзовые, были наделены пламенным сердцем и духом, и своим дыханием они обращали в пепел все на своем пути, тех же, кому удавалось ускользнуть от огненного жара, они затапывали; были там и твари из чистого пламени, извивавшиеся, подобно нитям расплавленного металла, и они разрушали все, к чему ни прикасались, и сталь и камень плавилась и текли, как вода, и на тех тварях ехали верхом сотни балрогов — то были ужаснейшие из чудищ, что измыслил Мэлько на погибель Гондолину.

И вот, когда минуло седьмое лето со дня предательства Мэглина, — Эарэндэль, хотя и отважный мальчик, был тогда в совсем еще нежных летах, — Мэлько отозвал всех своих соглядатаев, ибо теперь ему были известны все горные тропы, каждый уголок в тех горах; а беспечные гондотлим подумали, что Мэлько решил оставить их в покое, видя их мощь и неприступность их жилища.

Но Идриль впала в тоску, и свет лица ее затмился, и многие дивились тому; Тургон же сократил стражу и наблюдателей до прежней численности, и даже чуть уменьшил ее, и когда наступила осень и окончился сбор плодов, народ радостно обратился к зимним пирам; но Туор стоял на стене и смотрел на Окружные Горы.

И се, Идриль встала рядом, и ветер развеивал ее волосы, и Туор подумал, что она прекрасна, как никогда, и наклонился поцеловать ее; но лицо Идриль было печально, и молвила она:

— Пришло тебе время сделать выбор, — и Туор не понял, о чем она говорит. Она же увела его в дом и сказала, что сердце ее томится страхом

за ее сына, Эарэндэля, оттого что чует некую грядущую беду, и причиной той беды будет Мэлько. Туор хотел ободрить ее, но не смог, и спросила она, как подвигается потайной ход, и ответил Туор, что ход вывели под равнину, на милю от холма, и тогда Идриль немного успокоилась. Но все же присоветовала она поспешить, говоря, что теперь быстрота важнее тайны, «ибо время близко». Дала она ему и другой совет, который он также принял, чтобы он отобрал несколько самых отважных и верных из владык и воинов Гондолина и рассказал им о том потайном ходе и где он выходит на поверхность. И присоветовала она Туору создать из них сплоченный отряд, и дать им свой герб в знак того, что они — его люди, под тем предлогом, что это есть право и честь знатного владыки, родича короля.

— Я же, — добавила она, — испрошу на то дозволения отца.

И втайне говорила она людям, что если град будет осажден и Тургон погибнет, пусть тогда собираются они к Туору и ее сыну, и все соглашались со смехом, говоря при этом, что Гондолин падет не раньше, чем Таниквэтиль или Горы Валинора.

Но с Тургоном она не заговаривала в открытую, и Туору не позволяла, как ему ни хотелось, хотя оба они очень любили и чтили короля, — был он королем великим, благородным и достославным, — видя, что король доверяет Мэглину и слепо верит в неприступность города и в то, что Мэлько оставил мысль покончить с Гондолином, ибо счел это безнадежным делом. В этом его поддерживали хитроумные речи Мэглина. Да, велико было притворство этого гнома, и многое творил он во тьме, так что в народе говорили:

— Недаром он носит знак черного крота.

И из-за беспечности некоторых землекопов, а еще больше — из небрежных речей кое-кого из народа Мэглина, кому Туор неосторожно сообщил о потайном ходе, Мэглин проведал об их тайных трудах и задумал против этого свою собственную ловушку.

Наступала зима, и была она весьма холодная для тех мест: долина Тумладин покрылась инеем, и пруды оделись льдом; но на Амон Гварэт все так же играли фонтаны и цвели два древа, и народ веселился, пока не наступил день беды, что замыслил для них Мэлько в сердце своем.

Так прошла суровая зима — в тот год снег на Окружных Горах был глубок, как никогда; но явилась в свой черед пышная весна, и растопила подзоры белоснежных покровов гор, и долина напилась вдоволь и оделась

цветами. Наступил и прошел любимый детворой праздник Ност-на-Лотион, Рождение Цветов, и сердца гондотлим воспрянули — год обещал быть хорошим; и вот наконец подошел и великий праздник Тарнин Ауста, Врата Лета. Надо вам знать, что, по их обычаю, в ту ночь в полночь начиналась торжественная церемония, которая длилась до света дня Тарнин Ауста, и до первых лучей солнца никто не произносил ни слова, рассвет же встречали древними песнями. С незапамятных времен хором приветствовали они приход лета, стоя на сияющей восточной стене; и вот наступает ночь бдения, и по всему городу зажигаются серебряные светильники, а в рощах, на деревьях, чья листва только-только распустилась, качаются разноцветные фонарики, и на улицах играет тихая музыка, но до рассвета никто не поет.

Солнце село за горы, и вот уже народ с радостным нетерпением наряжается к празднику и поглядывает на Восток. Но смотрите! едва солнце село и стало совсем темно, как внезапно снова посветлело, и показалось зарево, но явилось оно из-за северных вершин²⁶, и люди дивились этому, и толпа высыпала на стены и башни. Но вскоре изумление сменилось недоумением, ибо свет становился все ярче, но был все таким же красным; когда же люди увидели, что снег на вершинах словно залит кровью, недоумение сменилось ужасом. Вот так огненные гады Мэлько напали на Гондолин.

Примчались запыхавшиеся всадники, принесли вести от тех, кто нес стражу на вершинах; поведали они об огненных полчищах и о тварях, подобных драконам.

— Мэлько, Мэлько идет! — кричали они. Великий страх и ужас обуял жителей прекрасного града, и улицы и переулки наполнились рыданиями жен и детским плачем, площади же полнились отрядами воинов и звоном оружия. Были там сверкающие стяги всех знатных домов и родов гондотлим. В могучие доспехи одет был дом короля, и цвета их были — белый, золотой и красный, знаки же их — луна, солнце, и алое сердце²⁷. Посреди них возвышался Туор, был он выше всех, и сияла его серебряная кольчуга; и вокруг него теснились самые могучие воины. Се! все они носили на шлеме крылья, словно лебединые или чайчьи, и знак Белого Крыла был на щитах их. В том же месте собирался и народ Мэглина, и доспехи их были воронеными, без знаков или гербов, но их круглые стальные шишаки были обтянуты кротовым мехом, и сражались они двулезвийными топорами, похожими на кирки. Собрал там Мэглин, князь Гондобара, множество воителей с угрюмым

ликом и мрачным взором, и красноватый отблеск играл на их лицах и на лощеных доспехах. Вот уже все горы на севере зарделись, и словно огненные реки побежали по склонам на равнину Тумладин, и люди уже чувствовали жар пламени.

Было там немало и других родов, народ Ласточки, народ Небесной Дуги — среди них было больше всего искусных лучников, и собирались они на площадках стен. Народ Ласточки носил на шлемах гребень из перьев, и одевались они в белое, темно-синее, пурпурное и черное, и на щитах у них был наконечник стрелы. Предводителем их был Дуилин, что бегал и прыгал лучше всех, и лучше всех стрелял из лука. А одежды воинов Небесной Дуги, обладавших несметными богатствами, блистали всеми цветами радуги, и оружие их было усыпано самоцветами, что пылало в свете пламени, объявшего теперь все небо. Каждый щит этого отряда был небесно-голубым, а умбоны щитов были сложены из семи камней: рубина, аметиста и сапфира, изумруда, хризопраза, топаза и янтаря, а на каждом шлеме мерцал огромный опал. Эгалмот был вождем их, на нем был голубой плащ, расшитый хрустальными звездами, и меч у него был изогнутый — больше никто из нолдоли кривых мечей не носил — но он все же больше доверял луку, и мог пускать стрелы дальше, чем кто-либо еще в том войске.

Был там также и народ Столпа, и народ Снежной Башни, и обоими этими родами повелевал Пэнлод, самый высокий из гномов. Был там народ Древа — то был многочисленный род, и одеяния их были зелеными. Сражались они дубинами, окованными железом, или же пращами, и повелитель их Галдор считался самым доблестным из всех гондотлим, кроме одного Тургона. Стоял там и дом Золотого Цветка, что носил на щитах солнце со многими лучами, и на вожде их Глорфинделе был плащ, столь плотно расшитый золотыми нитями, что был он похож на весенний луг, усыпанный лютиками; а оружие его было преискусно украшено золотым орнаментом.

Пришел из южной части города народ Фонтана, и повелителем их был Эктэлион, и любили они серебро и алмазы; вооружены они были весьма длинными, блестящими, светлыми мечами, и в бой они шли под звуки флейт. За ними явилось воинство Арфы, и были то добрые воины; но предводитель их Салгант был трус, и заискивал перед Мэглином. Одеянья их были расшиты серебряными и золотыми кистями, и серебряная арфа сияла на черном поле их щитов; у Салганта же арфа была золотая, и он, единственный из всех сынов гондотлим, ехал на битву

верхом, ибо был тяжел и приземист.

Последний же из отрядов состоял из народа Молота Гнева — среди них было очень много искуснейших кузнецов и мастеров, и весь этот род чтил Аулэ-Кузнеца более всех прочих айнур. Сражались они огромными булавами, подобными молотам, и щиты их были тяжелы, ибо у них были очень сильные руки. В былые дни в тот род принимали в основном тех нолдоли, кто ускользнул из копей Мэлько, и дом этот особенно горячо ненавидел деяния злодея и его демонов-балрогов. Предводителем же их был Рог, самый могучий из гномов, доблестью мало уступавший Галдору Древа. Знаком того народа была Наковальня, и на щитах их был изображен молот, высекающий из нее искры, и любили они червонное золото и черное железо. Отряд их был весьма многочислен, и не было среди них ни единого слабого духом, и в той битве с роком добыли они себе наивысшую славу среди всех тех прекрасных народов; но злая доля была суждена им, и ни один не вернулся с того поля, все пали подле Рога и исчезли с лица Земли; и вместе с ними навеки погибли многие искусства и умения²⁸.

Таково было устройство и вооружение одиннадцати домов гондотлим с их гербами и знаками, телохранители же Туора, народ Крыла, считались двенадцатым. Мрачно лицо их вождя, и не думает он прожить долго — а в его доме на стене Идриль облачается в кольчугу и ищет Эарэндэля. И мальчик был в слезах — его разбудили странные отблески красного пламени, игравшие на стенах его опочивальни, и вспомнились ему страшные истории про огненного Мэлько, что пестунья Мэлэт рассказывала ему, когда он не слушался. Но пришла мать и надела на него кольчугу, которую она велела изготовить втайне ему по росту, и мальчик развеселился — он был весьма горд, и даже закричал от радости. Но Идриль заплакала, ибо весьма дорог был ее сердцу этот дивный город и ее уютный дом, и их с Туором любовь, приютом которой он был; но теперь видела она, что скоро его разрушат, и боялась, что замысел ее падет пред неодолимой мощью тех ужасных змей.

До полуночи было еще четыре часа, и небо рдело на севере, на востоке и на западе; и те железные змеи уже выползли на Тумладин, а огненные спустились на нижние склоны, стражников же взяли в плен и подвергли жестокой пытке балроги, что рыскали повсюду — не добрались они лишь на юг, где был Кристорн, Расселина Орлов.

Тогда созвал Король Тургон совет, и явились туда Туор и Мэглин, как князья королевского дома; пришли туда и Дуилин с Эгалмотом, и Пэнлод Высокий, и Рог явился с Галдором Древа, и золотой Глорфиндэль, и Эктэлион, чей голос как музыка. Пришел туда и Салгант, трепетавший при мысли об ужасных вестях, и другие знатные мужи, уступавшие ему благородством рождения, но превосходившие благородством духа.

Заговорил тогда Туор, и был совет его, чтобы сделать мощную вылазку, пока на равнине не стало слишком светло и слишком жарко; и многие поддержали его, хотя и расходились во мнениях, стоит ли выйти всем войском, укрыв дев, жен и детей посередине, или же рассыпаться многими отрядами по разным направлениям; и Туор склонялся к последнему.

Но Мэглин и Салгант одни придерживались иного мнения, и стояли за то, чтобы защищать город и те сокровища, что хранились в нем. Мэглин говорил так из хитрости, опасаясь, как бы кто из нолдоли не ушел от судьбы, что уготовал он им, дабы спасти свою шкуру — и страшился он, как бы его предательство не выплыло наружу, и не постигла его месть когда-нибудь в грядущие дни. Салгант же повторял за Мэглином, а к тому же ужасно боялся выйти из города — он предпочитал поражать врага с неприступных стен, чем попасть под тяжкие удары в чистом поле.

Тогда повелитель дома Крота сыграл на единственной слабости Тургона, сказав:

— Се, Государь! В граде Гондолине хранится великое богатство самоцветов, и металлов, и всякого добра, и разных вещей, что обрели несравненную красоту в руках гномов; и все это твои советники — чья отвага, кажется мне, превосходит мудрость, — готовы оставить Врагу. Даже если и одержишь ты победу на равнине, город все равно разорят, и балроги захватят здесь несметную добычу.

И застонал Тургон — знал Мэглин о любви его к богатствам и красе цитадели²⁹ на Амон Гварэт. И снова с жаром заговорил Мэглин:

— Се! Неужто вотще были труды твои в те несчетные годы? Строил ты стены неприступные, ковал врата нерушимые — неужто стал могучий холм Амон Гварэт подобен равнине, или запасы оружия и бесчисленных стрел, хранимые здесь, столь ничтожны, что в час опасности готов ты оставить все и выйти в поле безоружным навстречу врагам из огня и стали, от чьего топота содрогается земля, и звенят Окружные Горы от грохота шагов их?

Салгант же вострепетал при одной мысли об этом и возопил, молвив:

— Государь, Мэглин верно говорит, послушайся его!

И принял король совет тех двоих, хотя все прочие советники были против — нет, более того: повелел король, чтобы все воины оставались на стенах, ожидая приступа. Туор же заплакал и оставил королевский чертог и, собрав людей Крыла, отправился через город к своему дому; к тому часу все небо пылало ярким зловещим заревом, и стало душно и жарко, и по улицам тянуло чадом и гарью.

И вот чудища уже пересекли долину, и белые башни Гондолина зарделись от их огня; и отважнейшие устремились, узрев тех огненных драконов и бронзовых и железных змей, что окружили подножие холма; воины стреляли в них, но впустую. Тут раздались возгласы надежды, ибо, вот, огненные змеи не могут взобраться на холм, ибо он чересчур крут и гладок, как стекло, по склонам же текут потоки и тушат их пламя; но змеи разлеглись у подножия холма, и там, где воды Амон Гварэт изливаются на огненных драконов, поднимаются густые клубы пара. И стало так жарко, что женщины теряли сознание, а мужи обливались потом и изнемогали в своих кольчугах, и все источники в городе, кроме королевского фонтана, сделались горячими и от них шел пар.

Но вот Готмог, владыка балрогов, предводитель полчищ Мэлько, поразмыслил и собрал всех железных тварей, которые могли извиваться и переползать через любое препятствие. Он велел им сгрудиться у северных врат; и вот их огромные кольца дотянулись до самого порога и принялись расшатывать башни и стены; а драконы эти были очень тяжелые, и ворота рухнули, и был великий грохот; но большая часть стен у ворот все же устояла. Королевские катапульты и боевые машины осыпали этих безжалостных тварей дождем стрел, камней и расплавленного металла, и стальные бока гулко гремели под ударами, но все было напрасно: пробить их было нельзя, лишь пламя вырывалось из них. Тут верхние драконы отворились посредине, и в брешь в стене хлынуло бесчисленное воинство орков, ненавистных гоблинов; кто поведает о том, как сверкали при каждом ударе их скимитары и вспыхивали широкие наконечники копий?

Тут Рог вскричал зычным голосом, и весь народ Молота Гнева и род Древа во главе с Галдором Отважным ринулся на врага. Гром ударов их огромных молотов и грохот палиц разносились до Окружных Гор, и орки падали как листва; а стрелы родов Ласточки и Дуги сыпались на них подобно каплям черного осеннего дождя, и из-за дыма и сумятицы гибли

от них равно орки и гондотлим. Битва была отчаянная, но, несмотря на всю доблесть гондотлим, противник непрестанно прибывал, и их постепенно оттесняли, пока гоблины не завладели северной частью города.

В это время Туор во главе народа Крыла пробивается через толпу на улицах, и вот он достигает своего дома и видит, что Мэглин его опередил. Положившись на то, что у северных врат битва и в городе суматоха, Мэглин решил наконец исполнить свои замыслы. Он немало знал о потайном ходе Туора (но проведал он о нем лишь в последние дни и всего разузнать не успел), но не говорил о том ни королю, ни другим, ибо думал, что ход непременно должен выходить к Пути Избавления — он ведь был ближе всего к городу; и Мэглин собирался воспользоваться им на благо себе и во зло нолдоли. Он отправил к Мэлько осторожных посланцев и присоветовал во время нападения перекрыть выход Пути Избавления; сам же он решил схватить Эарэндэля и швырнуть его в пламя, бушующее под стенами, а Идриль заставить указать вход в туннель, чтобы избежать резни и пожаров и утащить Идриль с собой в земли Мэлько. Мэглин побаивался, что даже тайный знак, который дал ему Мэлько, не убережет его в этом ужасном побоище, вот и решил помочь этому айну выполнить свое обещание насчет того, что его, Мэглина, не тронут. Он, конечно, не сомневался, что Туор погибнет в пламени — он ведь поручил Салганту задержать Туора в королевских чертогах и подстрекать его отправиться в самое пекло — но вот ведь как вышло: Салгант, охваченный смертельным ужасом, ускакал домой, и теперь дрожал на своем ложе; а Туор вместе с народом Крыла отправился домой.

Конечно, доблесть влекла Туора к шуму битвы, но он все же решил зайти домой, проститься с Идриль и Эарэндэлем и отправить их вместе с охраной по потайному ходу, прежде чем он сам вернется в битву и, быть может, погибнет. Но перед входом в его дом толпились воины Крота — самые мрачные и нелюдимые воины, каких Мэглин мог разыскать в городе. Но все же они были свободные нолдоли, и не было на них заклятья Мэлько, как на их предводителя; и потому, хотя они не помогли Идриль — ведь Мэглин был их вождем, — не помогали они и Мэглину, как тот ни проклинал их.

И вот жестокосердный Мэглин схватил Идриль за волосы и попытался вытащить ее на стены — ему хотелось, чтобы она видела, как

Эарэндэль погибнет в пламени; но мальчик мешал ему, а Идриль, хоть и в одиночку, несмотря на всю ее прелесть и хрупкость, билась, как тигрица. И вот он борется с ней и медлит, изрыгая проклятия, а тут подходит народ Крыла, и се! Туор вскричал так громко, что орки издали услышали этот возглас и уstraшились. Отряд Крыла подобно порыву урагана налетает на людей Крота, и вот уже те рассеяны. Когда Мэглин увидел это, он хотел заколоть Эарэндэля своим коротким ножом; но мальчик укусил его за левую руку, укусил до крови, и Мэглин дернулся, и ударил слабо, и детская кольчуга отвела клинок; а тут подоспел Туор, и гнев его был ужасен. Он поймал Мэглина за руку, в которой был нож, и сломал ему запястье, а потом схватил Мэглина за пояс, вскочил на стену и швырнул его вниз. Долго падало тело Мэглина; три раза ударилось оно о склоны Амон Гварэт, прежде чем исчезло в бушующем пламени; и имя Мэглина покрыто позором среди эльдар и нолдоли.

Тут воины Крота, будучи многочисленное отряда Крыла и верны своему владыке, приступили к Туору, и жаркой была схватка, но никто не мог устоять пред гневом Туора, и их смяли — одни попрятались по темным щелям, других же сбросили со стен. Теперь время Туору и его людям отправляться на битву у Врат, ибо оттуда доносится шум великого сражения, а Туор все еще надеется, что город устоит; а при Идриль он оставил Воронвз, хоть и против его воли, и еще несколько мечников — охранять ее, пока он не вернется или не пришлет вести из боя.

А битва у врат и в самом деле была весьма жестокой. Дуилина из народа Ласточки, стрелявшего со стены, поразила огненная молния одного из балрогов, что ярились у подножия Амон Гварэт; и он рухнул со стены и погиб. Балроги все пускали в небо огненные дроты и стрелы, обьятые пламенем, что змейками взмывали ввысь и падали на крыши и в сады Гондолина, и вот уже все деревья опалило огнем, и цветы и травы обуглились, и белоснежные стены и колонны почернели и обгорели; но еще хуже было то, что отряд этих демонов взобрался на железных змей и непрерывно стрелял из луков и пращей, пока город за спиной у защитников не запылал.

Тогда возопил Рог:

— Кому страшны балроги со всеми их ужасами? Смотрите, вот они, эти проклятые твари, что многие века мучили детей нолдоли, а теперь

поджигают город у нас за спиной. Ко мне, воины Молота Гнева, расплатимся с ними за их злодеяния!

И воздел он свою булаву на длинной рукояти; и в пылу битвы проложил себе путь к самым воротам, ныне поверженным; и весь народ Наковальни мчался за ним клином, и искры летели у них из глаз от неудержимой ярости. Великим подвигом была та вылазка, и до сих пор поют о ней нолдоли, и немало орков рухнуло вниз и нашло свою смерть в пламени; а воины Рога взбирались даже на железных змей и нападали на балрогов, и тяжело ранили многих, несмотря на то, что те были огромного роста и вооружены огненными бичами и стальными когтями. Нолдоли втоптывали их в землю или, вырвав бичи, обращали их против самих балрогов, обжигая и раздирая их тела, как они сами некогда обжигали и раздирали гномов; так много балрогов перебили они, что просто диво, и утрастились полчища Мэлько, ибо до тех пор еще ни один балрог не погибал от рук эльфа или человека.

Тогда Готмог, Предводитель Балрогов, созвал всех своих демонов, что были поблизости от города, и распорядился так: часть балрогов вышла навстречу народу Молота и отступила перед ними, большинство же забежало сзади и взобралось на драконов, ближе к воротам, так что Рог не смог бы прорваться обратно без больших потерь. Но Рог, увидев это, не стал прорываться в город, как надеялись враги, но со всем своим отрядом ударил на тех, кому было поручено заманить их — теперь уж балроги бежали пред ним не из хитрости, а по необходимости. Рог выгнал их на равнину, и вопли тех балрогов оглашали долину Тумладин. А народ Молота носился меж остолбеневших отрядов Мэлько, круша и рубя, пока наконец не смяли их превосходящие силы балрогов и орков, да еще напустили на них огненного дракона. Так и пали они все вокруг Рога, не переставая сражаться, пока не поглотили их огонь и железо, и до сих пор поется в песнях, что каждый из воинов Молота Гнева заставил семь врагов поплатиться жизнью за одну свою. Но когда Рог пал со всем своим отрядом, еще больший страх овладел гондотлим, и они отступили еще дальше в город, и Пэнлод пал в переулке, прижавшись спиной к стене, и с ним погибли многие воины Столпа и Снежной Башни.

И вот уже гоблины Мэлько заняли ворота и большую часть стен по обе стороны ворот, и немало воинов Ласточки и Радуги были сброшены со стен; захватили враги и изрядную часть города и добрались почти до центра, до самой Площади Источника, что примыкала к Дворцовой Площади. Но по

всем улицам и у ворот лежали горы вражеских трупов, а потому враги остановились и стали держать совет, видя, что из-за доблести гондотлим потери их куда больше, чем они рассчитывали, а потери защитников куда меньше. К тому же устрашились они, видя, какое побоище учинил Рог среди балрогов — они ведь очень полагались на этих демонов.

И потому порешили они удерживать то, что захватили, пока бронзовые змеи, что топчут все на своем пути, не взберутся по железным змеям и не проделают в стенах брешь, через которую смогут въехать балроги верхом на огненных драконах; но им надо было спешить, потому что жар драконов мог иссякнуть, а пополнить его можно было лишь из огненных источников, которые устроил Мэлько в цитадели, что в его стране.

Но не успели они отправить гонцов, как из рядов гондотлим послышалась нежная музыка, и устрашились враги, не понимая, что это означает; и се! то явился Эктэлион с народом Фонтана, ибо Тургон до тех пор держал их в резерве: он наблюдал за ходом битвы со своей башни. И отряд тот приближался под звуки флейт, и ласкали глаз их серебряные одежды, расшитые хрусталем, в красном пламени пожарищ, среди черных руин.

Внезапно музыка оборвалась, и Эктэлион звонким голосом повелел обнажить мечи, и не успели орки оглянуться, как светлые клинки уже блистали в их рядах. Говорят, народ Эктэлиона перебил тогда больше гоблинов, чем пало во всех битвах эльдалиэ с этим народом, и имя его по сей день приводит гоблинов в ужас и служит эльдар боевым кличем.

И вот Туор и люди Крыла вступают в бой и встают бок о бок с Эктэлионом и воинами Фонтана, и оба вождя крепко рубятся и отводят друг от друга немало ударов, и так теснят орков, что пробиваются почти к самым воротам. Но вот раздается топот и треск, ибо драконы стараются проложить дорогу на Амон Гварэт и опрокинуть стены города; и стены уже подались и пошли трещинами, и рушатся сторожевые башни. Отряды Ласточки и Дуги Небес отчаянно сражаются среди развалин или отстаивают стены к западу и к востоку от главного натиска; но в тот самый миг, как Туор приблизился к стене, тесня орков, одна из бронзовых змей обрушивается на западную стену, и большой кусок стены падает, содрогнувшись, и в пролом вползает

огненная тварь, а верхом на ней — балроги. Пасть чудища изрыгает пламя, и воины изнемогают, и крылья на шлеме Туора почернели, но он держится стойко и призывает к себе свою стражу и всех воинов Дуги и Ласточки, что поблизости, а справа от него Эктэлион собирает людей Южного Фонтана.

Вот орки увидели драконов и снова воспрянули духом; они смешались с балрогами, что хлынули в пролом, и жестоко теснят гондотлим. Тогда убил Туор **Отрода**, предводителя орков, разрубив на нем шлем, и **Балкмэга** рассек он пополам, и **Луга** ударил топором и отрубил ему обе ноги по колено; Эктэлион же одним взмахом свалил двух гоблинских военачальников и разрубил до зубов голову их лучшему воину **Оркобалу**; и так отчаянно сражались эти двое, что прорвались даже к балрогам. Эктэлион убил троих из этих могучих демонов, ибо его сияющий меч рассекал их железную броню и гасил их пламя, и они падали за мертво; но еще более страшились они взмахов топора **Драмборлэга** в руках Туора, ибо он гудел, как крылья летящего орла, и каждый удар его был смертелен: пятеро балрогов пали от него.

Но известно, что малому отряду не выстоять против многих, и вот бич балрога обжег Эктэлиону левую руку, и тот выронил щит, а тут через обломки стены ползет на них огненный дракон. Тогда Эктэлион опирается на Туора, и Туор не мог его бросить, хотя чудовище двигалось прямо на них, и похоже было, что сейчас оно их растопчет. Но Туор рубанул по ноге чудища; из раны полыхнуло пламенем, и тварь взвыла и стала бить хвостом — немало тут погибло и орков, и нолдоли. Собрал Туор все силы, поднял Эктэлиона и вместе с остатками своего отряда бросился прочь и скрылся от дракона; но эта тварь погубила много народа, и ряды гондотлим сильно поредели.

Так и вышло, что Туор сын **Пэлэга** отступил перед врагом, сражаясь на ходу, и вынес из битвы Эктэлиона **Фонтанного**, но драконы и вражеские отряды заняли уже половину города, всю его северную часть. По улицам бегали шайки мародеров, грабили дома и убивали в темноте мужей, жен и детей, а многих, если могли, связывали, уводили с собой и швыряли в железное нутро драконов, чтобы забрать их с собой, в рабство к **Мэлько**.

И вот Туор вышел с севера на **Площадь Народного Источника** и нашел там **Галдора**; **Галдор** защищал западный вход на площадь, возле

Арки Инвэ, от отряда гоблинов, и с ним была лишь небольшая горстка людей Древа. Тут Галдор спас Туору жизнь, ибо Туор шел последним, споткнулся в темноте о труп и упал вместе с Эктэлионом, и орки схватили бы их обоих, если бы Галдор не бросился на них со своей палицей.

На площади собрались остатки стражи Крыла, домов Древа, Фонтана, Ласточки и Дуги — вместе немалая сила; и по совету Туора они отступили с Площади Источника, потому что рядом находилась Площадь Короля, которую было проще оборонять. На той площади раньше росло множество прекрасных деревьев, дубов и тополей, а посередине был большой пруд, очень глубокий и чистый; но сейчас здесь буйствовал безобразный народ Мэлько, а воды были осквернены их трупами.

Так последние защитники Гондолина собрались на Дворцовой Площади Тургона. Немало среди них раненых и ослабевших, и Туор устал от трудов этой ночи и шатается под весом Эктэлиона; Эктэлион же в глубоком обмороке. Едва привел Туор свой отряд на площадь по Улице Арок с северо-запада (нелегко им было не пустить за собой врагов), как на восточной стороне послышался шум, и се! на площадь ворвался Глорфиндэль с последними воинами Золотого Цветка.

Они выдержали жестокую схватку на Большом Рынке в восточной части города: они шли кружным путем на битву у ворот, когда на них неожиданно напал большой отряд орков под предводительством балрогов. Глорфиндэль думал ударить на врага с левого фланга и захватить врасплох, но сам попал в засаду; они отчаянно бились несколько часов, пока на них не обрушился огненный дракон, пробравшийся через пролом; Глорфиндэль прорубил себе путь с великим трудом и потерял много людей; а рыночная площадь со всеми запасами еды и вещей тонкой работы была уничтожена огнем.

В истории говорится, что Тургон, вняв настойчивым посланиям Глорфиндэля, отправил им на помощь воинов Арфы, но Салгант скрыл этот приказ и сказал, что им велено занять площадь Малого Рынка на юге, где жил сам Салгант, и его воины были недовольны этим. Однако теперь они ушли от Салганта и явились к королевскому чертогу; и очень вовремя, потому что по пятам за Глорфиндэлем пришло целое полчище торжествующих врагов. Люди Арфы с великим рвением бросились на них, не дожидаясь приказов, и сполна искупили трусость своего владыки: они отбросили врага обратно к рынку и,

так как ими никто не командовал, продолжали безоглядно наступать, так что многие погибли в огне пожара или в дыхании змея, что ждал на площади.

А Туор напился из большого фонтана и пришел в себя; он расстегнул шлем на Эктэлионе, плеснул в лицо водой, чтобы привести в чувство, и напоил его. И вот предводители, Туор и Глорфиндэль, расчищают площадь, отзывают всех, кого можно, с улиц, ведущих на площадь, и заваливают все входы, оставив открытым лишь южный. Оттуда и приходит Эгалмот. Ему были поручены катапульты на стенах; но он давно решил, что сейчас нужнее рукопашный бой, чем стрельба со стен, собрал к себе воинов Дуги и Ласточки и отбросил свой лук. И отправились они бродить по городу, нападая на все встречаемые отряды врагов. Так удалось ему выручить много пленников и собрать немало воинов, отбившихся от своих; и наконец прорвался он на Королевскую Площадь. Все радостно приветствовали его, ибо боялись, что он погиб. Теперь всех женщин и детей, что собрались на площади, и тех, кого привел Эгалмот, прячут в королевских чертогах, и готовятся защищать площадь. Среди выживших есть понемногу воинов из каждого рода, кроме рода Молота Гнева; а королевский дом еще не вступал в бой. Это им не позор — ведь их дело оставаться в резерве до последнего и защищать короля.

Но вот люди Мэлько собрали свои силы: по всем путям, с севера, востока и запада, к Площади Короля приползли семь огненных драконов, на них ехали балроги, а вокруг орки. На завалах началась резня; Эгалмот с Туором переходили с места на место, распоряжаясь обороной, Эктэлион же лежал у фонтана; ни одна песня и история не помнит более стойких защитников. Но в конце концов дракон прорывается через северный завал — некогда там была Розовая Аллея, прелестное место, гулять там было очень приятно, — но теперь это темный провал, наполненный грохотом.

Туор стоял на дороге у чудища, но от Эгалмота его оттеснили, и ему пришлось отступить к центру площади, почти до самого фонтана. Там Туора, истомленного удушающим жаром, сбил с ног огромный демон, сам Готмог, владыка балрогов, сын Мэлько. Но се! Эктэлион, чье лицо было бледно, как серая сталь, и левая рука бессильно повисла, встал и заслонил упавшего Туора; он ударил демона, но не убил его, а,

напротив, сам был ранен в правую руку и выронил оружие. Тогда Эктэлион, владыка Фонтана, прекраснейший из нолдоли, бросился на Готмога, воздевшего свой бич — а на шлеме у Эктэлиона было острие, и он вонзил его в грудь злодея, и обвил его ноги своими; балрог взвыл и рухнул ниц; и оба скатились в пруд королевского фонтана, а он был весьма глубок. Тут демон нашел свою погибель; но и Эктэлион, отягченный стальными доспехами, погрузился в глубину — и так владыка Фонтана после огненной битвы погиб в ледяной воде³⁰.

Пока Эктэлион сражался, Туор успел подняться на ноги и, узрев его подвиг, заплакал, ибо любил прекрасного гнома Фонтана; но вокруг бушевала битва, и он едва сумел проложить себе путь к тем, кто стоял у стен дворца. Видя, что враг колеблется, ибо устрасился гибели Готмога, своего предводителя, вступил в битву королевский дом, и сам король вышел во всем своем великолепии и рубился вместе с ними; и так они очистили изрядную часть площади, балрогов же перебили целых четыре десятка, и это было великое дело; но совершили они и большее, они окружили одного из огненных драконов и, как ни изрыгал он пламя, загнали его в самый пруд, и он погиб там. Но с ним пришел конец и прекрасному водоему: его воды вскипели, и источник пересох, и струя его не взлетала более к небесам — на ее месте в небо встал столб пара, и это облако накрыло всю долину.

Все были охвачены страхом, видя судьбу фонтана, а площадь заволочло тучей обжигающего и слепящего пара; и воины королевского дома гибли и от жары, и от рук врагов, и от змей, и от рук своих же собратьев; но небольшой отряд спас короля, и остатки защитников собрались под Глинголом и Бансилем.

И рек тут король:

— Велико падение Гондолина! — и народ содрогнулся, ибо таковы были слова Амнона, пророка древности³¹, но Туор, от жалости и любви к королю сам не помня, что говорит, вскричал:

— Не пал еще Гондолин, и Ульмо не даст ему погибнуть!

Они стояли так же, как в тот день, когда Туор явился с посланием Ульмо: Туор у Дерев, а король на Лестнице. Но отвечивал Тургон:

— Не внял я Ульмо, и навлек горе на Цветок Долины, и ныне он оставил его вянуть в пламени. Се! Нет более в сердце моем надежды для моего любезного града, но не вечно терпеть поражение детям нолдоли.

Тогда грянули гондотлим мечами о щиты, ибо много их стояло

поблизости, но Тургон сказал:

— Не боритесь с судьбой, о дети мои! Ищите спасения в бегстве, быть может, еще не поздно; и пусть Туор ведет вас.

Но Туор сказал:

— Ты король.

Тургон же ответил:

— Но более не обнажу я меча, — и бросил свой венец к подножию Глингола. Галдор, стоявший поблизости, поднял его, но Тургон не принял венца, и с обнаженной головой взмог на вершину белой башни, что возвышалась над его дворцом. И вскричал он голосом, подобным кличу трубы в горах, и все собравшиеся под Деревями, и враги на площади, одетой мглой, услышали его:

— Велика победа нолдоли!

И говорят, что это было в полночь, и что орки насмешливо взвыли в ответ.

Тогда пошли разговоры о том, как прорваться, и мнения разделились. Многие говорили, что пробиться невозможно и не смогут они перебраться через равнину и через холмы, и поэтому лучше пасть рядом с королем. Но Туор не мог спокойно думать о гибели стольких прекрасных женщин и детей, будь то от рук своих же отчаявшихся родичей или от клинков врага, и рассказал он о своем потайном ходе. Предложил он упросить Тургона переменить намерения, спуститься к ним и отвести оставшихся на юг, к потайному ходу; сам же он жаждал отправиться туда и узнать, что там с Идриль и Эарэндэлем, а также доставить им вести и поторопить, чтобы уходили поскорее, ибо Гондолин захвачен. Владыкам замысел Туора показался отчаянным: ведь проход был весьма узок, а народу очень много; но они ухватились за него, ибо иного выхода не было. Но Тургон не внял их мольбам и повелел уходить, пока не поздно.

— Пусть, — говорил он, — Туор будет вашим проводником и вождем. Я же, Тургон, не оставляю града моего и сторю вместе с ним.

Снова отправили они посланцев на башню, говоря:

— Государь, кем станут гондотлим, если тебя не будет? Веди нас!

Но он отвечивал:

— Се! Я остаюсь.

И в третий раз пришли к нему, и рек он:

— Если я король, повинуйтесь же моим велениям и не смейте более оспаривать моих приказов.

Тогда они прекратили уговоры и приготовились к отчаянной попытке. Но люди королевского дома, что остались в живых, не тронулись ни на шаг, но собрались все вместе у подножия королевской башни.

— Здесь останемся мы, если Тургон не пойдет, — говорили они и не поддавались на уговоры.

Туор разрывался меж верностью королю и любовью к Идриль и сыну, которой томилось его сердце; но змеи уже ползут через площадь, попирая

убитых и давя раненых, а во мгле собираются враги, чтобы нанести последний удар, и Туор должен выбирать. И вот, вняв рыданиям женщин в залах дворца и проникшись состраданием к сим жалким остаткам народа Гондолина, Туор собрал всю эту скорбную толпу, дев, детей и матерей, и окружил их своими воинами. Большую часть воинов расставил он с боков и позади, ибо намеревался отступить к югу, и идти в арьергарде, отражая натиск неприятеля, и по возможности пробиться по Дороге Процессий к Площади Богов, пока впереди врагов еще немного. Оттуда думал он пройти Улицей Бегущих Вод мимо Южных Фонтанов к стенам, к своему дому; но боялся он, что в потайной ход спуститься не удастся. Видя, что Туор строит своих воинов, враги ударили слева и с тыла — с востока и с севера, — как раз когда он начал отступление; правый фланг был прикрыт королевским дворцом, а голова колонны уже вступила на Дорогу Процессий.

Тут приблизились крупнейшие из драконов, и пламя их алело сквозь туман, и приходится Туору отдать приказ бежать, и отбивать нападение слева как придется; но тылы мужественно защищал Глорфиндэль, и там полегло немало воинов Золотого Цветка. Так прошли они Дорогу Процессий и достигли Гар Айнион, Площади Богов; она была очень открытая, и середина ее была самым высоким местом города. Туор думает, что здесь их ждет тяжелая схватка, и почти не надеется пробиться; но смотри-ка, враги, похоже, замедляют шаг, и мало кто преследует беглецов, и они не могут понять, в чем дело. Вот приводит их Туор на Свадебную Площадь, и се! пред ним Идриль, с распущенными волосами, как в день их свадьбы, и весьма дивится он тому. Подле нее стоял Воронвэ, и более никого, но Идриль не заметила даже Туора, ибо взор ее был устремлен на Площадь Короля, что простиралась внизу. Тут все остановились и взглянули назад, куда смотрела Идриль; и застыли сердца их. Поняли они теперь, почему враг не преследует их, в чем причина их спасения. Се! На самых ступенях дворца свернулся дракон, осквернив белоснежную лестницу; во дворце же кишмя кишели орки, грабили, выволакивали наружу забытых женщин и детей и убивали одиноких воинов. От Глингола остался один пень, и Бансиль весь обуглился, а королевскую башню взяли в кольцо. Наверху виднелась фигура короля, а вокруг подножия башни обвилась железная змея, изрыгая пламя и бия хвостом, а

рядом суетились балроги; королевский дом был в великом унынии, и ужасные крики доносились сюда. Так и вышло, что враг занялся грабежом чертогов Тургона и битвой с доблестной королевской стражей, а Туору со своим отрядом удалось добраться до Площади Богов, и теперь стоял он в слезах.

И воскликнула Идриль:

— Горе мне, что отец мой стоит на вершине своей собственной башни, ожидая смерти, но семижды горе той, чей господин пал от рук Мэлько и не вернется более домой! — ибо рассудок ее помутился среди ужасов той ночи.

Тогда воскликнул Туор:

— Се, Идриль! Это я, я жив; и я приведу сюда твоего отца, приведу хоть из самых Преисподен Мэлько! — и уже готов был в одиночку ринуться назад, обезумев при виде горя своей супруги; но та пришла в себя и, проливая потоки слез, обняла его колени, повторяя:

— Господин мой! Господин мой! — и удержала его. Но в этот самый миг с горестной площади донесся вопль и великий грохот. Се, башня вспыхнула факелом и рухнула в пламя, ибо драконы разбили ее основание и убили всех, кто был там. Ужасен был гром этого падения, и так погиб Тургон, Король Гондотлим — в тот час Мэлько одержал победу.

И угрюмо промолвила Идриль:

— Печальна слепота мудрецов, — Туор же ответил:

— Печально также и упрямство тех, кого мы любим — но то была доблестная ошибка, — и, наклонившись, поднял и поцеловал Идриль, ибо она значила для него больше, чем все гондотлим вместе взятые; она же горько рыдала, оплакивая отца. Тут обратился Туор к вождям и сказал:

— Уйдем же скорее отсюда, пока нас не окружили, — и они тронулись вперед так быстро, как только могли, и прежде, чем оркам наскучило грабить дворец и веселиться на развалинах башни Тургона, беглецы были далеко.

Вот они уже в южной части города; им попадаются лишь разрозненные шайки мародеров, что бегут пред ними; но жестокие враги повсюду зажигают пожары. Встречаются им и женщины, иные с детьми, иные с домашним скарбом; но Туор не позволял брать с собой ничего, кроме съестных припасов. И вот они пришли в места, где стало потише, и Туор принялся расспрашивать Воронвэ, что случилось — Идриль молчала и готова была потерять сознание; и Воронвэ поведал Туору, как они с Идриль ждали у дверей, а шум битвы все усиливался, и сердца у них колотились, а Идриль плакала, не зная, что с Туором. В конце концов она отправила большую часть охраны с Эарэндэлем в подземный ход — она сурово повелела им уйти, но жестоко страдала, расставаясь с сыном. Сама же она, говорила Идриль, останется ждать, ибо не хочет

жить дольше своего господина; и она ходила по городу, собирала женщин и одиночек, отбившихся от своих, и отправляла их в подземный ход, а также разгоняла со своим маленьким отрядом шайки грабителей; ее никак нельзя было убедить оставить меч.

Наконец они повстречались с чересчур многочисленной шайкой, и Воронвэ удалось вытащить ее оттуда лишь милостью богов — ведь все, кто был с ними, погибли, и враги сожгли дом Туора, но потайного хода не нашли.

— Тогда, — говорил Воронвэ, — госпожа моя от усталости и горя впала в безумие и пошла бродить по городу, и я очень боялся за нее, но никак не мог уговорить укрыться от пожаров.

С этими словами вышли они к южной стене близ дома Туора, и се! дом его повержен, и руины дымятся. Туор ужасно разгневался. Но позади послышался шум, предвещавший появление орков, и Туор торопливо принялся спускать своих людей в подземный ход.

Беликий стон стоит у входа — изгнанники навеки прощаются с Гондолином; но долго ли выживут за горами они сами? Кому удастся спастись от длани Мэлько?

Туор был рад, когда все оказались внутри, и страх немного отпустил его; воистину, лишь милостью валар удалось всему этому отряду войти внутрь незамеченным орками. Некоторые задержались позади; они, отложив оружие, берутся за кирки и закладывают вход изнутри, а потом со всех ног бросаются догонять остальных; но когда они спустились по лестницам до уровня долины, жара стала нестерпимой, ибо вокруг города бродили огненные драконы; и были они не так уж далеко, ибо ход был не слишком глубокий. Земля дрожала, и с потолка сыпались камни, и многих задавило, а воздух был наполнен дымом, и их фонари и факелы потухли. Они часто спотыкались о трупы тех, кто шел здесь раньше и погиб, и Туор был в страхе за Эарэндэля; они торопились вперед в кромешной тьме и в муках. Почти два часа провели они под землей, а конец хода был еще не закончен: там был низкий потолок и неровные стены³².

Число их уменьшилось по меньшей мере на десятую часть, но вот наконец они достигли выхода, который был умело скрыт в большой впадине — некогда там был водоем, а теперь она густо поросла кустарником. Там собралось немало народа — это были те, кого Идриль с Воронвэ отправили вперед по потайному ходу, и все они тихо плакали

от усталости и горя, но Эарэндэля с ними не было. От этого Туор с Идриль пребывали в великом смятении душевном³³. Прочие также стонали и вздыхали, ибо вдали средь равнины вздымался холм Амон Гварэт, и на том месте, где некогда сиял их родной город, полыхало пламя. Огненные драконы окружают его, и железные чудища ползают у врат его, орки и балроги хозяйничают в нем. Однако вождям это подает некую надежду, ибо, как видно, на равнине слуг Мэлько почти нет, все они собрались вокруг города, разорять и рушить его.

И потому сказал Галдор:

— Теперь нам необходимо к рассвету быть как можно ближе к Окружным Горам, и у нас не так уж много времени, ведь теперь лето³⁴.

Тут многие начали спорить, ибо им казалось безумием идти через Кристорн, как намеревался Туор.

— Солнце, — говорили они, — взойдет задолго до того, как мы достигнем подножия холмов, и нас застанут на равнине драконы и демоны. Идем к Бад Утвэн, Пути Избавления, — туда ведь путь в два раза короче, туда-то усталые и раненые доберутся.

Но Идриль возражала этому и убеждала вождей не доверяться волшебству, что прежде хранило тот путь от глаз врагов: «Какое волшебство устоит, если сам Гондолин пал?» И все же немалое число мужчин и женщин отделилось от Туора и отправилось к Бад Утвэн, прямо в пасть к чудищу, которое коварный Мэлько по наущению Мэглина поставил караулить выход, чтобы никто не ускользнул. Но остальные, ведомые неким Лэголосом Зеленым Листом из дома Древа, что мог обойти всю равнину с закрытыми глазами и видел в темноте, тронулись через равнину со всей возможной скоростью, несмотря на усталость, и остановились лишь после долгого перехода. Тусклый свет печального утра, которому не суждено было более узреть красу Гондолина, озарил землю; но равнину окутала мгла — то было великое чудо, ибо никогда прежде не бывало там туманов — возможно, это случилось от того, что произошло с королевским фонтаном. Снова поднялись они и под покровом тумана спокойно шли долго после рассвета, пока не удалились настолько, что никто уже не разглядел бы их в мгlistом воздухе ни с холма, ни с разрушенных стен.

Горы же те — или, вернее, их предгорья — с той стороны отстояли от Гондолина на семь лиг без мили, а до Кристорна, Расселины Орлов, надо было подняться еще две лиги в гору, ибо перевал тот располагался на большой высоте; поэтому им оставалось пройти еще две с лишним лиги

по отрогам гор, а все выбились из сил³⁵. К этому часу солнце уже довольно высоко поднялось над восточными горами, и висело в небе, огромное и красное; туман вокруг рассеялся, но Гондолин по-прежнему был окутан непроницаемым облаком. И вот, стало видно, что происходит поблизости, и меньше чем в миле от себя беглецы заметили кучку людей, спасавшихся бегством, а гнались за ними странные всадники: казалось, то были орки верхом на огромных волках, и они неслись во весь опор, потрясая копиями. И сказал Туор:

— Смотрите! Там мой сын Эарэндэль — вот, лик его сияет подобно звезде в пустынном просторе³⁶, а с ним — мои люди Крыла, и тяжело им приходится.

И тотчас отобрал он пятьдесят воинов из тех, кто меньше всего утомился, и, велев прочим догонять, собрав все силы, бросился наперерез тем беглецам. Приблизившись настолько, что можно было слышать друг друга, Туор крикнул людям, что были с Эарэндэлем, чтобы они остановились и не бежали: всадники рассеивали их и убивали поодиночке, а мальчика нес на плечах некий Хэндор, слуга Идриль, и он уже начал отставать со своей ношей. Беглецы встали спина к спине, а Хэндора с Эарэндэлем поставили в середину; а тут подоспел и Туор, хотя весь его отряд валился с ног.

Всадников было два десятка, а из людей, что были с Эарэндэлем, уцелело всего шестеро; Туор выстроил своих людей в один ряд полумесяцем, надеясь окружить всадников, чтобы никто из них не ушел и не сообщил о беглецах главным силам врага — иначе их могли настигнуть. Туор преуспел в этом — уйти удалось всего двум оркам, и оба были ранены и потеряли своих волков, так что опоздали с вестями.

Эарэндэль очень обрадовался Туору, и Туор был счастлив обрести свое дитя; но Эарэндэль сказал:

— Отец, я хочу пить, я долго бежал, и не стоило Хэндору нести меня.

Отец ничего не ответил на это — воды у них не было, и он задумался о положении своего отряда; но Эарэндэль снова заговорил:

— Отрадно было видеть, как умер Мэглин — он пожелал схватить мою матушку, и невзлюбил я его; но лучше уж драться со всадниками Мэлько, чем лазить по подземным ходам.

Тут Туор улыбнулся и посадил его к себе на плечи. Вскоре остальные догнали их, и Туор отдал Эарэндэля матери, которая была в великой радости; но Эарэндэль не дал ей нести себя на руках и сказал:

— Матушка Идриль, ты же устала, а потом, у гондотлим воины в доспехах верхом не ездят — разве что старый Салгант!

И мать рассмеялась, несмотря на все горе; но Эарэндэль спросил:

— Нет, правда, а где Салгант?

Салгант часто рассказывал ему всякие чудные истории и забавлял его, и Эарэндэль очень веселился со старым гномом в те дни, когда Салгант

захаживал к Туору, любя доброе вино и хорошую закуску. Но никто не знал, где теперь Салгант — и до сих пор это неизвестно. Может, огонь поглотил его в собственной постели; но иные думают, что его увели пленником в чертоги Мэлько и сделали шутом — злая судьба для благородного мужа из славного народа гномов. Эарэндэль был опечален и молча шел рядом с матерью.

Вот достигли они подножий гор, и стало совсем светло, но все еще было пасмурно; там, близ начала подъема, беглецы укрылись в ложине, заросшей деревьями и орешником, и отдохнули; многие даже уснули, забыв об опасности, ибо были совершенно измучены. Но Туор выставил часовых, и сам не спал. Тут подкрепились они скудными припасами и жалкой снедью; Эарэндэль утолил жажду и теперь играл у ручейка. И вдруг сказал он матери:

— Матушка Идриль, хорошо бы здесь был наш добрый Эктэлион Фонтанный — он поиграл бы мне на флейте, или сделал свистульку из ивового прутика! Он, верно, вперед ушел?

Но Идриль ответила «нет» и рассказала все, что знала о гибели Эктэлиона. Тогда сказал Эарэндэль, что ему больше не хочется видеть улицы Гондолина, и горько заплакал; но Туор ответил, что он и не увидит больше тех улиц, «ибо Гондолина больше нет».

Около того часа, когда солнце садилось за горы, Туор поднял свой отряд, и они поспешили дальше неровными тропами. Трава скоро исчезла, сменившись камнями, поросшими мхом; деревья остались позади — даже сосен и елей было мало. Когда солнце скрывалось, они вышли к месту, где тропа огибала скалу, и дальше уже нельзя было видеть Гондолин. Тогда все остановились и обернулись, и се! равнина, как встарь, лежит спокойная и ласковая под последними лучами; но вдали у них на глазах полыхнуло пламенем на фоне темного северного неба: то рухнула последняя из башен Гондолина, та самая, что стояла близ южных врат и часто отбрасывала тень на стены дома Туора. Потом солнце село, и Гондолин сокрылся во мраке.

А перевал Кристорн, что значит Орлиная Расселина, очень опасное место, и никогда бы они не отважились идти туда в темноте, без фонарей и факелов, усталые, обремененные женщинами, детьми, больными и ранеными, если бы не боялись соглядатаев Мэлько — их отряд был слишком велик, чтобы двигаться незамеченным. Тьма сгущалась быстро, и, поднимаясь к перевалу, они растянулись длинной цепочкой. Галдор с отрядом копейщиков шел впереди, и с ними был Лэголос, что видел

в темноте не хуже кошки, и даже дальше. За ними шли наименее уставшие женщины — они вели больных и раненых, что могли идти сами. С ними были Идриль и Эарэндэль — мальчик хорошо держался; Туор же шел дальше, в середине войска, и с ним — все люди Крыла; они несли тяжелораненых; был с ним и Эгалмот, но его ранили, когда беглецы уходили с площади. Дальше снова шли женщины с младенцами, девочками и охромевшими мужчинами; но отряд двигался достаточно медленно, чтобы они не отставали. В самом конце шел наибольший отряд воинов, и там был Глорфиндэль златовласый.

Так вышли они к Кристорну — неудобное то место, ибо оно расположено на очень большой высоте, и не бывает там ни весны, ни лета, но царит вечный холод. В самом деле, в то время как равнины нежатся на солнышке, на тех нагих вершинах круглый год не тают снега, и когда беглецы вышли туда, в спину им ударил ледяной, пронизывающий северный ветер. Мела поземка, снежные вихри слепили глаза, и это было очень плохо, оттого что тропа была узкая, и по правую руку, на западе, уходит ввысь больше, чем на четыреста футов, отвесная стена, что распадается вверх на островерхие скалы, где множество орлиных гнезд. Там живет Торндор, Король Орлов, Владыка Торнхот, коего эльдар зовут Соронтур. А по левую руку — обрыв, не совсем отвесный, но весьма крутой, усеянный выступающими острыми скалами, так что можно спуститься — или, быть может, упасть, — но никак не подняться. И из ущелья того нет иного выхода, как с концов, а на дне его бежит Торн Сир. Она течет с юга и падает с огромной высоты, но не слишком шумно, ибо в тех горах это всего лишь ручеек, и на севере, пробежав по камням не больше мили, она уходит в скалу, в узкую расселину, куда и рыбешке не протиснуться.

Вот Галдор со своими людьми вышел к концу перевала, близ того места, где Торн Сир падает в бездну, а остальные, несмотря на все усилия Туора, растянулись больше чем на милю на опасной тропе меж скалой и пропастью, так что отряд Глорфиндэля едва достиг перевала, когда в ночи раздался вопль, раскатившийся эхом в мрачных горах. Се, на народ Галдора вдруг набросились из темноты какие-то тени — они прятались в скалах, невидимые даже Лэголасу. Туор подумал было, что им повстречалась какая-то случайная шайка Мэлько, и решил, что им грозит всего лишь стычка в темноте, но все же отослал женщин и больных, что были с ним, в тыл, и присоединился со своими людьми к Галдору, и на опасной тропе разыгрался бой.

Но тут сверху посыпались камни, и дела беглецов выглядели худо, потому что многих ранило; но стало еще хуже, когда сзади донесся звон оружия, и воин Ласточки принес Туору весть, что на Глорфиндэля насаждают сзади, и там балрог.

Туор испугался, что они попали в ловушку — на самом деле, так оно и было: Мэлько расставил стражу на всех окружающих горах. Но доблесть гондотлим была столь велика, что почти все воины Мэлько должны были уйти на осаду Гондолина, так что здесь осталось их немного, а на юге — менее всего. Тем не менее, один из сторожей заметил отряд, когда они вышли из орешниковой лощины, и против них собрали столько войска, сколько нашли, и решено было напасть на беглецов одновременно спереди и с тыла в самом опасном месте Кристорна. И вот Галдор и Глорфиндэль держатся, несмотря на внезапность атаки, и многих орков сбросили в пропасть; но камни все сыпались сверху, и похоже было, что это положит конец их усилиям, и бегство из Гондолина окончится крахом. К этому часу над перевалом взошла луна, стало немного светлее, ибо ее бледные лучи рассеяли мрак; но стены перевала были слишком высоки, и лунный свет не достигал тропы. Тогда поднялся в воздух Торндор, Король Орлов — он не любил Мэлько, ибо тот изловил многих его сородичей и приковал к острым скалам, надеясь вытянуть у них волшебное слово, чтобы научиться летать (ибо он мечтал соперничать в небе с самим Манвэ); орлы ничего не сказали ему, и тогда он отрезал им крылья и хотел сделать из них огромные крылья для себя, но у него ничего не вышло.

И вот когда шум битвы донесся до громадного гнезда Торндора, тот сказал:

— Зачем эти горные орки, эти мерзкие твари, взобрались к самому моему трону? Отчего это сыны нолдоли стонут там, внизу, в страхе пред отродьями Мэлько проклятого? Сюда, о торнхот со стальными клювами и когтями-мечами!

И тотчас раздался шум, подобный реву бури в горах, и торнхот, народ орлов, налетели на орков, что засели в скалах над тропой, и принялись раздирать им лица и руки и сбрасывать их на дно Торн Сир далеко внизу. Возрадовались тут гондотлим, и в грядущие дни Орел стал гербом их народа в память о той радости, и Идриль носила его, но Эарэндэль больше любил отцовское Лебединое Крыло. Теперь людям Галдора удалось отбросить нападающих, ибо тех было немного, и, заведев торнхот,

они немало устрешили; и отряд отправился дальше, хотя Глорфиндэлю приходилось отражать нападение с тыла. Вот уже половина отряда прошла опасное место и водопады Торн Сир, но тут балрог, что был с теми, кто напал на отряд с тыла, вскочил на высокие скалы, что стояли слева на дороге, над самой пропастью, а оттуда отчаянным прыжком оказался за спиной у воинов Глорфиндэля, среди женщин и раненых, что шли перед ними, и принялся размахивать своим огненным бичом. Тогда бросился на него Глорфиндэль — его золотые доспехи в лучах луны горели странным светом — и ударил демона мечом; тот же снова вспрыгнул на огромную скалу, а Глорфиндэль — за ним. И вот на скале над головой у людей закипела смертельная схватка — а тем временем беглецы, которых теснили сзади и не пускали вперед, сгрудились, так что почти все могли видеть этот бой; но он окончился прежде, чем воины Глорфиндэля успели прийти к нему на помощь. Глорфиндэль в боевом пылу гонял балрога туда и сюда, а доспехи защищали его от бича и когтей. Вот он обрушил тяжкий удар на железный шлем врага, вот отрубил ему по локоть лапу с бичом. Тут балрог, томимый мукой и страхом, бросился прямо на Глорфиндэля. Тот ударил молниеносно, как змея; но попал только в плечо, и балрог схватил его, и оба еле держатся на краю пропасти. Тут Глорфиндэль нащупал левой рукой кинжал и ударил снизу, пронзив балрогу брюхо вровень со своим лицом (демон ведь был раза в два выше Глорфиндэля); балрог взвыл и опрокинулся навзничь, в пропасть; падая, он вцепился в золотистые кудри Глорфиндэля, свисавшие из-под шлема, и оба рухнули в бездну.

Великая то была печаль — ведь Глорфиндэль был всеобщим любимцем — и се! грохот их падения отозвался эхом в горах, и все ущелье Торн Сир загудело. Услышав предсмертный вопль балрога, орки дрогнули, и всех их перебили или разогнали, и сам Торндор, могучая птица, спустился в пропасть и поднял тело Глорфиндэля; балрог же остался внизу, и на много дней почернели воды Торн Сир, бежавшие в Тумладин.

И по сей день эльдар, видя славный поединок, где против злобной ярости силы неравны, говорят:

— Увы! Как Глорфиндэль с балрогом!

И все еще скорбят они по славному витязю нолдоли. Глорфиндэля так любили, что, несмотря на то, что надо было спешить и могли подоспеть новые враги, Туор позволил возвести над ним большой каменный курган прямо на той страшной тропе, над пропастью Орлиного потока, и Торндор стережет тот курган, и золотистые цветы появились в тех суровых местах и поныне цветут на могиле Глорфиндэля; а

народ Золотого Цветка рыдал, строя тот курган, рыдал и не мог утешиться.

Кто бы мог поведать о скитаниях Туора и изгнанников Гондолина в пустынных местах, что лежат за горами к югу от долины Тумладин? Лишения и смерть были их уделом, страдали они от холода и голода, и проводили ночи в бдении. Через те места, отравленные злом Мэлько, беженцам удалось пробраться лишь благодаря тому, что его прислужники понесли большой урон во время взятия Гондолина, да еще потому, что Туор вел их со всей возможной быстротой и осторожностью — ибо Мэлько, разумеется, знал об их бегстве и был разъярен этим. И до Ульмо в его дальних морях дошли вести об их деяниях, но не мог он прийти им на помощь, ибо они были вдали от всех вод и рек — и жестоко страдали от жажды, и не ведали пути.

Но после года с лишним скитаний — много раз они блуждали, обманутые чарами тех мест, и кончали тем, что натыкались на свои же собственные следы, — вновь наступило лето, и в разгар его³⁷ вышли они наконец к потоку, который привел их в более благодатные земли, и беженцы испытали некоторое облегчение. Здесь повел их Воронвэ, ибо однажды летней ночью уловил он в потоке шепот Ульмо — а голос вод всегда одалял его мудростью. И вот вел он их до тех пор, пока они не вышли к Сириону, куда впадал тот поток, и Туор с Воронвэ увидели, что находятся неподалеку от наружного выхода прежнего Пути Избавления, и снова оказались в той долине, поросшей ольхой. Все кустарники там были истоптаны, а деревья сгорели, и склоны долины опалены пламенем, и разрыдались беглецы, ибо догадались, какая судьба постигла тех, кто тогда расстался с ними у выхода из подземного хода.

И вот отправились они вниз по реке, но снова приходилось им страшиться Мэлько, и сражаться с его орочьими шайками, и нападения орков верхом на волках угрожали им, но драконы беженцев не тревожили, ибо они растратили свое пламя во время взятия Гондолина, а кроме того, мощь Ульмо, что росла вместе с рекой, защищала гондотлим. Так после многих дней пути — шли они медленно и с трудом добывали себе пропитание — вышли они к великим пустошам и топям, что лежали выше Края Ив, а Воронвэ не знал тех мест. А в тех краях Сирион надолго уходит под землю, ныряя в большую пещеру Буйных Ветров и вновь появляясь на свет выше Заводей Сумерек, в том самом месте, где потом Тулкас³⁸ сражался с самим Мэлько. Туор путешествовал там по ночам, в темноте, после того как Ульмо явился ему в тростниках, и не помнил дороги. Кое-где попадались очень ненадежные,

болотистые места; и там беженцы надолго задержались, и их сильно донимали злые мухи, ибо тогда стояла осень, и многие заболели лихорадкой, и все проклинали Мэлько.

Но вот наконец вышли они к большим заводам, в благословенный Край Ив; само дыхание ветров несло покой и отдых, и так хорошо было в тех местах, что утихла печаль скорбящих о тех, кто погиб во время великого падения. Женщины и девы вновь обрели свою красоту, и болящие исцелились, и старые раны зажили; и лишь те, кто имел основания бояться, что их родичи по сей день томятся в рабстве в Железных Преисподнях, не пели и не улыбались.

Там они жили очень долго, и Эарэндэль уже был отроком, когда в сердце Туора вновь пробудился глас раковин Ульмо, и вернулось к нему стремление к морю, тем более глубокое, что много лет он не давал ему выхода; и весь народ Туора восстал по его призыву и отправился вниз по Сириону к Морю.

Тех, кто перешел Орлиную Расселину и видел гибель Глорфиндэля, было около восьмисот — отряд немалый, но то были жалкие остатки жителей столь прекрасного и многолюдного города. Тех же, кто много лет спустя ушел к морю от трав Края Ив, когда весна усыпала луга лютиками и они устроили тризну в память Глорфиндэля, было всего три сотни и двадцать мужей и детей мужеска пола, и две сотни и три десятка женщин, дев и девочек. Женщин было меньше, оттого что они сами прятались, или родичи укрывали их в городе в тайниках, и там они сгорели, или были убиты, или взяты в плен, ибо спасатели очень часто не могли их найти; и весьма при-
с-корбно сие, ибо деvy и жены гондотлим были прекрасны, как солнце, милы, как луна, и светлее ярких звезд. Великолепен был град Гондолин, Град Семи Имен, и разорение его ужаснее всех осад и разорений, что случались на свете. Ни Баблон, ни Нинви, ни башни Труи, ни все разорения Рума, что почитаются величайшими средь людей, не видели ужасов, подобных тем, что обрушились в тот день на народ гномов на Амон Гварэт; и поныне не задумывал Мэлько деяния гнуснее.

И вот изгнанники Гондолина поселились в устье Сириона, у волн Великого моря. И назвались они лотлим, народ цветка, ибо имя гондолтим слишком больно отдавалось у них в сердцах; и прекрасный Эарэндэль растет

среди лотлим в доме отца своего³⁹, и здесь кончается великое сказание о Туоре.

И рек тогда Сердечко, сын Бронвэга:

— Увы Гондолину!

И долго-долго все, кто был в Каминной Комнате, сидели неподвижно и хранили молчание.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Конечно, речь идет не о великом путешествии к Морю от Вод Пробуждения, а о походе эльфов Кора на помощь гномам (см. I. 26).
- 2 В *Домике Утраченной Игры* (I. 16) объясняется, что *корин* — это «огромная изгородь в форме круга из камня, колючего кустарника или даже деревьев, внутри которой земля покрыта зеленым дерном»; Мэриль-и-Туринкви жила в «огромном *корине* вязов».
- 3 *Тон а Гвэдрин* значит «Огонь Сказаний».
- 4 Здесь имеется указание «Далее см. Науглафринг», но позднее оно вычеркнуто.
- 5 О Хеорренде см. с. 290 и далее, а также с. 323. После слов: «и звучит она так» оставлен промежуток, отмечающий место, куда должно было быть вставлено стихотворение на древнеанглийском, но нигде не указано, что это за стихотворение.

(В следующих примечаниях слова «первоначальное чтение» относятся к текстам Туор А и Туор В до указанного исправления. Это не значит, что варианты чтения Туора А присутствовали или отсутствовали в первоначальном тексте, написанном карандашом (в большинстве случаев это неизвестно).)

- 6 Этот отрывок, со слов «И Туор пробрался в пещеру...» (с. 149), вставлен позднее, на отдельном листке (см. с. 147). Первоначальный текст был похож по значению, но звучал так:

Нолдоли же прорыли этот подземный ход в тайне от Мэлько, что в давние дни еще держал их в плену и в рабстве, в своей воле. Побуждал же их скорее Ульмо, который всегда боролся с Мэлько, и через Туора надеялся он принести гномам освобождение от ужасов Мэлько.

- 7 «Три дня» — во всех текстах «три года», но в *Туоре В* вписано карандашом «дня?».
- 8 То, как Оссэ «создал» морских птиц, описано в сказании *Пришествие Эльфов*, I. 123; но это предложение было уже в первоначальном тексте *Туора А*, написанном карандашом.
- 9 В машинописном тексте *Туор С* здесь оставлен пробел (см. с. 147), и впоследствии вписано не «айнур», а «Ульмо».

- 10 Первоначальное чтение: «Нет воли валар на то, чтобы ты, Туор, одинокий сердцем, навечно поселился в этой дивной стране птиц и цветов; и не стали бы они показывать тебе этот чудесный край...».
- 11 В *Туоре С* добавлено: «с помощью Ульмо».
- 12 Упоминание о Битве Бессчетных Слез добавлено позднее в *Туор В*. Первоначальное чтение: «единственные нолдоли, которым удалось спастись от владычества Мэлько, когда он захватил их народ...».
- 13 В *Туоре А* и *В* всюду употребляется имя *Воронвэ*, но эта фраза, с формой *Бронвэг*, добавлена в *Туор В* (взамен первоначального «И вот наконец, много дней спустя, эти двое нашли глубокую долину»).
- 14 В машинописном тексте *Туор С* сказано:

...что никто, кроме тех, в чьих жилах текла кровь нолдоли, не мог отыскать его, ни случайно, ни намеренно, ищи хоть сотню лет. Потому был он защищен от любого зла, кроме лишь предательства, и никогда бы Тур не добрался туда, если бы не преданность гнома Воронвэ.

В следующем предложении *Туора С* сказано: «однако, несмотря на это, многие отчаянные нолдоли, прозябавшие в рабстве, ускользали из тех ужасных гор и спускались вниз по Сириону...».

- 15 Первоначальное чтение: «и речь его была внятна им, хотя язык вольных нолдоли в те дни несколько отличался от языка несчастных рабов Мэлько». В *Туоре С* сказано: «Они поняли его, ибо то были нолдоли. Тогда заговорил и Тур на том же языке...».
- 16 Первоначальное чтение: «Они приблизились к воротам ранним утром, и немало глаз следило...». Но Туор с Воронвэ впервые увидели Гондолин, «озаренный утренним светом» (с. 158), и до Холма Бдения был день ходу; поэтому в *Туоре В* позднее было сделано соответствующее исправление.
- 17 «Злодей» — первоначальное чтение «айну».
- 18 Этот отрывок, со слов «Был он худ и оборван...» вставлен позднее, на отдельном листке; первоначально было:

Туор был хорош собой, но оборван, и кудри его были неухожены, и одет он был в медвежьи шкуры; ростом же он был не слишком высок для своего народа, но гондотлим, хотя и не сутулые, как многие из их сородичей, что без отдыха трудились в копиях и кузнях Мэлько, были невысокие, тоненькие и гибкие.

В первоначальном отрывке сказано, что люди от природы выше гондолинских эльфов. См. с. 142, 220.

- 19 «пришел сюда» — в *Туоре С*: «ускользнул от Мэлько».
- 20 «мастера» — первоначальное чтение «люди». Это единственное место, где переправлено слово «люди» там, где имеются в виду эльфы. Такое употребление постоянно встречается в *Падении Гондолина*, и один раз встречается даже в

странном упоминании о полчищах Мэлько: «но вот люди Мэлько собрали свои силы...» (с. 183).

- 21 Отрывок, что кончается здесь, а начинается словами «Тяжко тут стало на сердце у Туора...» (с. 162), отец в *Туоре В* заключил в квадратные скобки, и на отдельном листке, относящемся к этому отрывку, написал следующее:

(Если необх[одимо]) Потом говорится, как Идриль, дочь короля, присоединила свои речи к мудрости короля, так что Тургон пригласил Туора отдохнуть в Гондолине, и, предвидя будущее, наконец убедил его поселиться там. Как Туор влюбился в дочь короля, Идриль Среброногую, и как изучил он премудрость того великого народа, и его историю, и историю всех эльфов. Как Туор сделался мудрым и могущественным в советах гондотлим.

Единственное отличие от существующего текста состоит в том, что дочь короля, Идриль, повлияла на решение Туора остаться в Гондолине. В остальном этот отрывок — краткий пересказ повествования о том, как обучали Туора в Гондолине; здесь опущено лишь описание подготовки гондотлим к обороне; но я не думаю, что отец предполагал сократить существующий текст. Слова «если необходимо» означают, скорее всего, что отец намеревался сократить текст, читая его вслух в клубе эссеистов Эксетерского колледжа весной 1920 г.; см. с. 147. Еще одно указание на предполагаемое сокращение — в примечании 32.

- 22 Этот отрывок, начиная со слов «И Идриль также полюбила Туора...», написан на отдельном листке и заменяет следующий первоначальный текст:

Король, узнав об этом, и видя, что дочь его Идриль, которую эльдар именуют Ирильдэ, тоже любит Туора, дал согласие на их брак, ибо сына у него не было, а Туор обещал быть сильным и надежным родичем. И вот Туор и Идриль сочетались браком перед всем народом на Площади Богов, Гар Айнион, что близ королевского дворца, и был тот день днем веселья для града Гондолина, Туор же... (и т. д.)

В новом тексте говорится, что брак Туора и Идриль был первым, но не последним союзом людей и эльфов, тогда как в «Списке имен» к *Падению Гондолина* сказано, что Эарэндэль был «единственным, кто принадлежал наполовину к эльдалиэ, наполовину же к людям» (см. с. 216).

- 23 Фраза «но об Исфин и Эоле здесь речи не будет» вставлена в текст *Туор В* (см. с. 220).
- 24 Первоначальное чтение: «из языка гондотлим».
- 25 О сапфирах, которые нолдоли дали Манвэ, упоминается в сказании

Пришествие Эльфов, I. 128. В первоначальном тексте *Туор А*, написанном карандашом, сказано: «синее даже сапфиров Сулимо».

- 26 Отрывок, который кончается здесь, а начинается со слов: «Так прошла суровая зима...», вложен на отдельном листке в текст *Туор В* (но не относится к позднейшим исправлениям); он замещает значительно более краткий отрывок, восходящий к первоначальному тексту *Туор А*:

И вот в день середины зимы солнце опустилось за горы, и се! только оно исчезло, как над северными горами вновь зардело зарево, и люди дивились этому... и т. д.

См. примечания 34 и 37.

- 27 «Алое Сердце» — в Битве Бессчетных Слез орки вырезали сердце Финвэ Нолэмэ, отца Тургона, но Тургон отбил сердце отца, и оно стало его гербом; см. I. 241 и примечание 11.
- 28 Этот отрывок, включающий описание снаряжения и гербов домов гондотлим, претерпел сравнительно небольшие изменения во время правки *Туора А*; большая часть его имеется в первоначальном тексте, написанном карандашом, который оставлен, как был, и похоже, что все имена тоже изначальные.
- 29 В оригинале здесь стоит слово «burg» в древнеанглийском значении: «укрепленный город, обнесенный стенами».
- 30 Можно разобрать описание гибели Эктэлиона в первоначальном тексте *Туор А*; изменений нет, только кое-где переделаны фразы.
- 31 Это предложение, от слов «и народ содрогнулся», добавлено в текст *Туор В*. Об этом пророчестве говорится в I томе, с. 172.
- 32 Этот отрывок, от слов «Вот приводит их Туор на Свадебную Площадь...» (с. 186) до этого места, взят в квадратные скобки в тексте *Туор В*, и на отдельном листке, относящемся к выделенному куску, написано следующее:

Как Туор со своими людьми встретил Идриль, что в забытии блуждала по Площади Богов. Как Туор с Идриль видят с площади разорение Королевского Чертога, падение Королевской Башни и гибель короля, почему враг и не преследовал их. Как Воронвэ рассказал Туору о том, что Идриль отослала Эарэндэля и свою стражу в подземный ход, а сама отправилась в город, искать мужа; как, невзирая на опасность, они спасли многих беглецов и отправили их всех в потайной ход. Как Туор милостью богов привел свой отряд ко входу, и все спустились на равнину, замурав за собой вход. Как печальное шествие вышло из-под земли в лощину в долине Тумладин.

Это не более чем пересказ существующего текста; по-моему, это сокращение, предназначенное для устного чтения повести, на случай, если она покажется слишком длинной (см. примечание 21).

- 33 Этот отрывок, начиная со слов «Там собралось...» заменил в *Туоре В* первоначальное чтение: «Здесь они садятся и радуются отдыху; но, не видя

Эарэндэля и тех, кто был с ним, Туор пал духом, Идриль же рыдает». Изменение внесено отчасти из соображений содержательных, но также и затем, чтобы перевести отрывок в прошедшее время. Ниже изменены фразы «Прочие также стонут и вздыхают...» и «среди равнины вздымается...» Но следующее предложение («Огненные драконы окружают его...») осталось, как было; я думаю, что отец намеревался, хотя не довел этого до конца, сократить употребление «исторического настоящего» в повествовании.

- 34 «ведь теперь лето» — первоначальное чтение: «хоть сейчас и зима». См. примечания 26 и 37.
35 Первоначальное чтение:

Горы же те с той стороны отстояли от Гондолина на семь лиг без мили, а до Кристорна, Расселины Орлов, надо было пройти еще одну лигу в гору; поэтому до перевала оставалось еще три с лишним лиги, а они к тому же выбились из сил.

- 36 «Вот, лик его сияет подобно звезде в пустынном просторе» — добавлено в текст *Туор В*.
37 Этот отрывок, от слов «Но после года с лишним скитаний...», замещает первоначальное чтение «Но через полгода скитаний, к середине лета...». Это исправление связано с изменением хронологии: нападение на Гондолин имело место не в середине зимы, а в ночь «Врат Лета» (ср. примечания 26 и 34). Поэтому в исправленной версии беженцы по-прежнему приходят в земли у Сириона летом, но на то, чтобы добраться до них, у гондолтим ушел год с лишним вместо полугода.
38 «В том самом месте, где потом Тулкас...» — первоначальное чтение: «где потом Нолдорин и Тулкас...». См. с. 278—279.
39 В первоначальном тексте *Туор А*, написанном карандашом, сказано: «И прекрасный Эарэндэль растет среди лотлим в Сорнонтуре, доме Туора». Четвертую букву слова «Сорнонтур» можно прочесть и как «у».

Изменения в именах и названиях в *Падении Гондолина*

Ильфиниол (*Ilfiniol*) < *Эльфриниол* (*Elfriniol*) в первых трех случаях, когда это имя встречается в начальной связке. В четвертом случае с самого начала *Ильфиниол*.

(В *Домике Утраченной Игры* (I. 15) Хранитель Гонга Мар Ванва Тьялиэва назван просто *Сердечко*, в *Связующем звене к Музыке Айнуф* его эльфийское имя — *Ильвэрин* (*Ilverin*) < *Эльвэнильдо* (*Elwenildo*) (I. 46, 52), а в *Связующем звене к Сказанию о Тинувиэль* он *Ильфиниол* < *Эльфриниол*, как и здесь, а в машинописном тексте — *Ильфрин* (*Ilfrin*) (с. 7).

Во вступлении к «Списку имен» к *Падению Гондолина* он *Эльфрит* (*Elfrith*) < *Эльфриниэль* (*Elfriniel*), и это единственное место, где объяснено значение имени «Сердечко» (с. 148). В «Списке имен» есть следующая

статья: «Эльф (*elf*) знаменует «сердце» (как эльфийское *эльбэн* (*elben*)), и Эльфрит (*Elfrith*) значит „Сердечко“» (см. I. 255, статья *Ильвэрин*). В еще одном начатом списке имен, заброшенном после первых же двух статей, снова встречается форма *Эльфрит*, а также *Эльбэниль* (*Elbenil*) > *Эльвэниль* (*Elwenil*).

Чтобы объяснить это непрерывное изменение имен, следует учесть, что филологические идеи и построения подвергались постоянным преобразованиям — но даже и в этом случае оно выглядит довольно странно.).

В следующих замечаниях для краткости предполагается, что имена в Туоре В (до исправления) встречаются в той же форме, что и в Туоре А: так, например, «Митрим < Асгон в Туоре В» означает, что в Туоре А всюду Асгон (без изменений).

Туор (Tuor). В Туоре В местами переделано на Тур (Túr), а в машинописном тексте всюду Тур, однако я везде даю Туор (см. с. 148).

Дор Ломин (Dor Lómin). Это название в Туоре В пишется так с самого начала.

В Туоре А в первых трех случаях: Арьядор (Aryador) > Матусдор (Mathusdor); в четвертом: Арьядор > Матусдор > Дор Ломин.

Митрим (Mithrim) < Асгон (Asgon) в Туоре В всюду. В Туоре С всюду Асгон.

Глорфалк или Крис Ильбрантэлот (Glorfalc, Cris Ilbranteloth, с. 150). В Туоре А — Глорфалк или Тэльд Квинг Илон (Teld Quing Ilon); в Туоре В первоначально эльфийского названия не было, а Глорфалк или Крис Ильбрантэлот вписано позднее.

Айнур (Ainur). Как и в первом наброске Музыки Айнур (I. 61), в первоначальном тексте Туор А множественное число — айну (Ainu).

Фаласквил (Falasquil). В обоих случаях (с. 152) в Туоре А это название замещает более раннее, разобрать которое невозможно, за исключением того, что оно начиналось на Q; в Туоре В моя мать оставила пробелы и позднее вписала название карандашом; в Туоре С в машинописном тексте также оставлены пробелы, которые не заполнены.

Арлисион (Arlisgion). Это имя добавлено позднее в Туор В.

Орки (Orcs). В Туоре А и В всюду оркви (Orqui); в Туоре В отец исправил это на Orcs, но не везде, а в конце повествования исправлений нет вовсе. Только в одном месте (с. 193, речь Торндора) в обоих текстах стоит Orcs (а также Orc-bands, «орочи шайки», на с. 195). Как и в случае с именем Туор/Тур, я даю везде ту форму, которая была принята позднее.

В единственном случае, когда встречается единственное число, оно и в Туоре А, и в Туоре В пишется через k: Ork's blood, «орочья кровь», с. 165.

Гар Турион (Gar Thurion) < Гар Фурион (Gar Furion) в Туоре В (Гар Фурион в Туоре С).

Лот (Loth) < Лос (Lôs) в Туоре В (в Туоре С — Лос).

Лотэнгриол (Lothengriol) < Лосэнгриол (Lôsengriol) в Туоре В (Лосэнгриол в Туоре С).

Таниквэтиль (Taniquetil). На с. 161 в первоначальном тексте Туора А добавлено в скобках: Данигвизль (Danigwiel), но позднее вычеркнуто.

Кор (Kôr). Напротив этого названия (с. 161) в Туоре В вписано карандашом: Тун (Tûn). См. I. 222, II. 292.

Гар Айнион (Gar Ainon) < Гар Айнон (Gar Aion) в Туоре В (с. 164; на с. 186 не исправлено, но я в обоих случаях читаю Гар Айнион).

Ност-на-Лотион (Nost-na-Lothion) < Ност-на-Лоссион (Nost-na-Lossion) в Туоре В.

Дуилин (Duilin). В первом случае (с. 173) < *Дулиглин (Duliglin)* в первоначальном тексте *Туор А*.
Рог (Rog). В *Туоре А* ближе к началу писалось *Rôg*, ближе к концу — *Rog*. В *Туоре В* везде *Rôg*, но по большей части исправлено на *Rog*.
Драмборлэг (Dramborleg). На с. 181 < *Драмбор (Drambor)* в первоначальном тексте *Туор А*.
Бансиль (Bansil). В тексте *Туор В*, только на с. 184, изменено на *Бантиль (Bantbil)*.
Кристорн (Cristhorn). В *Туор А* с первого появления на с. 189 пишется *Кристорн* (а не *Крис Торн, Cris Thorn*), в *Туоре В* — всюду *Крис Торн*.
Бад Утвэн (Bad Utbwen) < *Бад Усвэн (Bad Uswen)* в *Туоре В*. Первоначальное чтение в *Туоре А* было, вероятно, *Бад Усбран (Bad Usbran)*.
Соронтур (Sorontur) < *Рамандур (Ramandur)* в *Туор В*.
Баблон (Bablon), *Нинви (Ninwi)*, *Труи (Trui)*, *Рум (Rûm)*. В первоначальном тексте *Туор А* стоит *Вавилон*, *Ниневия*, *Троя* и, видимо, *Рим*. Все они были заменены на формы, данные в тексте, за исключением *Ниневия (Nineveb)* > *Нинвэ (Ninwë)* > *Нинви* (в *Туоре В*).

Комментарии к Падению Гондолина

§1. Первоначальное повествование

Свои комментарии к этой повести, как и к *Сказанию о Турамбаре*, я разбираю на части. Я часто ссылаюсь на значительно более позднюю версию (которая доходит только до того, как *Туор* и *Воронвэ* увидели город посреди равнины), опубликованную в *Неоконченных Сказаниях* (*О Туоре и его приходе в Гондолин*, с. 17—51). Здесь я называю ее «позднейший *Туор*».

(i) Путешествие *Туора* к *Морю* и явление Ульмо (с. 149—156)

В отдельных местах позднейший *Туор* (то, что это повествование осталось неоконченным — один из печальнейших фактов во всей истории неоконченных книг) едва ли не дословно совпадает с *Падением Гондолина*, написанным более чем за тридцать лет до того, так что почти бесспорно, что отец, когда писал его, имел *Падение Гондолина* перед глазами, или, по крайней мере, перечитывал его незадолго до того. Вот впечатляющие примеры из позднейшей версии (с. 23—24): «Солнце вставало за спиной и снова садилось впереди, и по утрам и вечерам над шумными перекатами и водопадами загорались радуги», «Сперва он сказал себе: «Должно быть, это духи», потом: «Нет, это, наверно, какой-нибудь зверек скулит здесь в глуши», «Несколько дней он [*Туор*] блуждал по голому неприятному краю. Та земля была выметена морским ветром, и все, что там росло, травы и кусты, клонилось в сторону восхода, оттого что ветер все время дул с Запада». Все это очень близко или почти совпадает с соответствующими отрывками в сказании (с. 150—151). Но различия между двумя текстами весьма велики.

В изначальном варианте происхождение Туора остается неясным. В *Сказании о Турамбаре* (с. 88) упоминаются «племена, обитавшие у вод Асгона, откуда после явился Туор, сын Пэлэга», но здесь сказано, что Туор не жил среди своего народа (который «бродил по лесам и горам»), а «поселился в одиночестве у озера, именуемого Митрим [< Асгон]», и плавал по нему в маленьком челноке, нос которого был сделан в виде лебединой шеи. Это почти никак не связано с прочими событиями и, разумеется, даже речи нет о Серых Эльфах Хитлума, которые воспитали его в позднейшей истории, или о том, что истерлинги объявили его вне закона и охотились за ним; зато здесь есть «нолдоли-скитальцы» Дор Ломина (Хисиломэ, Хитлума), у которых Туор многому научился, в том числе и их языку, и именно они проводили его по подземному речному руслу (см. с. 65). Это как бы прототипы Гэльмира и Арминаса, эльфов-нолдор, которые указали Туору путь через Врата Нолдор, а история о том, что нолдоли «создали этот тайный путь» по велению Ульмо, сохранилась в гораздо более насыщенном историческом контексте позднейшей легенды, где «Врата Нолдор... созданы их трудами, давным-давно, во дни Тургона» (позднейший *Туор*, с. 18).

Позднейший *Туор* очень близок к первоначальному повествованию, начиная с того момента, как Туор выходит из подземного хода в расщелину (в позднем тексте она называется Кирит Нинних, но и это название придумано самим Туором). Повторяются многие детали: звезды, которые зажигались «в узкой полоске неба над ущельем», эхо арфы (хотя, разумеется, в повести не упоминается о том, что в тех местах действительно жило эхо криков Моргота или голосов Фэанорова воинства, высадившегося на берег), размышления Туора о жалобных криках чаек, теснина, где хлынувший навстречу прилив (особенно высокий из-за сильного западного ветра) перекрыл путь водам реки, и то, что Туор спасся, выбравшись наверх (однако в повести интерес Туора к чайкам и его спасение никак не связаны между собой — желание выбраться наверх вложили ему в душу айнуры). Кстати, сохраняется и идея о том, что Туор первым из людей вышел к Морю и что он стоял на утесе, раскинув руки, и «сердце его переполнилось стремлением к Морю» (позднейший *Туор*, с. 25). Но история о том, как он жил в бухте Фаласквиле и украшал свое жилище резьбой (и, разумеется, о том, что нолдоли Дор Ломина спускали для него по реке бревно), была отвергнута; в позднейшем повествовании Туор находит на берегу древние причалы нолдор, оставшиеся от времен, когда в Нэврасте правил Тургон. В первоначальной повести нет никаких ссылок на то, что Тургон жил в этих краях прежде, чем переселиться в Гондолин. Таким образом, выпадает весь эпизод с Виньямаром и, несмотря на частые упоминания о том, что Ульмо направлял Туора, бывшего орудием его замыслов, важный элемент позднейшей легенды: оружие и доспехи, оставленные ему Тургоном по велению Ульмо (*Сильмафиллион*, с. 126, 238—239), отсутствует.

Лебеди, летящие на юг (три, а не семь, как в позднейшем *Туоре*), играют

практически одинаковую роль в обоих повествованиях: побуждают Туора продолжить свое путешествие; но позднее знак Лебеда приобретает другое значение: это был герб «Аннаэля и народа, воспитавшего Туора», Серых Эльфов Митрима (позднейший *Туор*, с. 25).

Что касается маршрута Туора (о географии см. с. 217) и времен года, отец впоследствии сильно отошел от первоначального варианта похода Туора в Гондолин. В позднейшем *Туоре* Туор с Воронвэ пробираются на восток вдоль подножий Гор Тени по снегу, в жестокий мороз, Лютый Зимой, наступившей после падения Нарготронда, когда Турин вернулся в Хитлум. А здесь путешествие занимает куда больше времени: Туор оставил Фаласквиль «в конце лета» (как и в позднейшем *Туоре*), но прошел вдоль всего побережья Бэлэрианда до устьев Сириона и летом следующего года очутился в Краю Ив. (Несомненно, тогдашняя география была куда более расплывчатой, чем впоследствии, но ее общее соответствие более поздней карте подтверждается хотя бы указанием, что береговая линия повернула и шла не с севера на юг, а с запада на восток (с. 153).).

Посещение Ульмо Туора в летних сумерках в Краю Ив и потрясающее богоявление из волн надвигающейся бури в Виньямаре схожи разве что по роли, какую они играют в структуре повествования. Однако нельзя не отметить, что старое видение Края Ив и его сонного очарования приречных цветов и бабочек не было забыто, хотя в позднем тексте уже не Туор, а Воронвэ бродил там, давая имена, и стоял зачарованный «по колено в траве» (с. 155; позднейший *Туор* — с. 35), пока судьба, или сам Ульмо, Владыка Вод, не увлекли его к Морю. Быть может, смутное напоминание о прежней истории содержится в словах Ульмо (позднейший *Туор*, с. 28): «Ты должен научиться спешить; и *путь твой не будет легким и приятным, как было задумано мною*».

В повести речь Ульмо, обращенная к Туору (по крайней мере, так, как она изложена), куда короче и проще, и здесь не упоминается о том, что Ульмо «противится воле своих собратий, Владык Запада»; но два основных элемента более позднего послания уже присутствуют: это то, что когда Туор окажется перед Тургоном, нужные слова сами придут к нему, а также упоминание о будущем сыне Туора (в позднейшем *Туоре* — куда менее определенное: «Но я посылаю тебя не одной твоей доблести ради, но дабы породить на свет надежду, тебе незримую, и светоч, что пронзит тьму»).

(ii) Путешествие Туора и Воронвэ к Гондолину (с. 156—158)

О пути Туора в Гондолин в повести говорится очень мало, если не считать пребывания в Краю Ив. Воронвэ появляется ближе к концу путешествия как единственный нолдо, который оказался достаточно смел, чтобы сопровождать Туора дальше; история Воронвэ здесь отсутствует, и сам Воронвэ — не из Гондолина.

Стоит отметить, что нолдоли, провожавшие Туора на север из Края Ив, называли себя рабами Мэлько. В этом вопросе *Сказания* достаточно последовательны.

В *Сказании о Тинувиэль* (с. 9) говорится:

«...все эльдар — те, что остались во тьме или сбились с пути во время похода от Палисора, а также и те нолдоли, что последовали в мир за ним [Мэлько], стремясь отвоевать утраченное сокровище, стали рабами под его властью».

В *Падении Гондолина* говорится, что нолдоли оказывали услугу Ульмо втайне «и часто колебались, страшась Мэлько» (с. 154), Воронвэ говорит Туору о «тяготах рабства» (с. 156—157); Мэлько же выслал армию своих соглядатаев «на поиски жилища нолдоли, ускользнувших от его ярма» (с. 166). Эти «рабы-нолдоли» передвигались по землям до самых устьев Сириона как будто бы свободно, но при этом они «бродили словно в страшном сне, творя дурное по его [Мэлько] велению, ибо лежало на них заклятие бездонного ужаса, и чувствовали они, как жжет их издалека взор Мэлько» (*Сказание о Турамбае*, с. 77). Это выражение употребляется не раз: Воронвэ, попав в Гондолин, радуется, что его больше «не сковывает страх» перед Мэлько — «а те чары, что налагал Мэлько на нолдоли, были ничем иным, как заклятием бездонного ужаса, так что им всё казалось, что он где-то рядом, даже когда они были вдалеке от Железных Преисподен, и слабели души их, и они не смели бежать, даже когда могли» (с. 159). Заклятие бездонного ужаса было наложено и на Мэглина (с. 169).

Все это вполне возможно привести в соответствие с более поздними повествованиями. Эхо этих слов можно различить и в *Сильмариллионе* (с. 156):

«Однако более всего боялись нолдор предательства собственных сородичей, побывавших в рабстве в Ангбанде; ибо некоторых из них Моргот использовал для своих злых замыслов, и отпускал их, делая вид, что дал им свободу; но воля их была подчинена его воле, и они уходили лишь затем, чтобы снова вернуться к нему».

Однако создается впечатление, что тогда мощь Мэлько в период его господства представлялась отцу менее конкретной, неощутимо царящей, возможно, даже над всеми Великими Землями. В то время, как в *Сильмариллионе* те нолдор, что не свободны, томятся в плену в Ангбанде (откуда некоторым удастся убежать, а еще кое-кого выпускают, поработив волю), здесь «рабы» — все, кроме гондотлим, всеми управляет на расстоянии Мэлько, и сам Мэлько утверждает, что все нолдоли, живущие в Великих Землях, — его рабы по праву. Разницу определить трудно, но она есть — например, маловероятно, чтобы в позднейшей истории Туора на его пути к Гондолину могли направлять нолдор, которые в каком-либо смысле являлись рабами Моргота.

Вход в Гондолин, в общем и целом, напоминает значительно более подробное и выпуклое описание в позднейшем *Туоре*: глубокое речное русло, густой

кустарник, устье пещеры; однако река здесь — явно Сирион (см. пассаж в конце повести, с. 195, где беглецы возвращаются ко входу), и начало тайного прохода находится в одном из крутых берегов, в отличие от Пересохшей Реки, чье древнее русло само служило тайным проходом (позднейший *Туор*, с. 43—44). В повести длинный тоннель, который миновали Туор с Воронвэ, выводит их не только к Страже, а к дневному свету, и они оказываются «у подножия крутых высоких гор» и видят город; другими словами, имеется равнина в кольце гор, и подземный ход, ведущий через горы во внешний мир. В позднейшем *Туоре* путь к городу далеко не так прост: тоннель выводит в расселину Орфалх Эхор, огромного разлома, идущего от вершин до корней Окружных Гор («стены расселины были так круты, словно прорублены секирой», с. 46), и дорога поднимается по этой расселине через ряд ворот, пока не доходит до последних, Седьмых Врат, преграждающих выход из расселины наверху. И только когда эти последние врата открываются, и Туор проходит через них, он видит вдали Гондолин; и остается предположить (хотя позднейший *Туор* не доходит до этого места), что после Седьмых врат путникам пришлось снова спускаться на равнину.

Следует отметить, что здесь Стража принимает Туора и Воронвэ без подозрительности и угроз, в отличие от позднейшей истории (с. 45).

(iii) *Туор в Гондолине* (с. 159—164)

Ср. *Сильмафиллион*, с. 126:

«Там, в кольце гор, рос и процветал народ Тургона, и благодаря их искусству и неустанным трудам Гондолин на горе Амон Гварэт сделался воистину прекрасен, так что не стыдно было его сравнить даже с эльфийским Тирионом, что за морем. Стены его были высокими и белыми, лестницы — гладкими, а Башня Короля — высокой и мощной. Сверкающие фонтаны играли там, а перед дворцом Тургона высились изображения древних Древ, которые создал сам Тургон с помощью своего эльфийского мастерства; и Древо, сделанное из золота, звалось Глингал, Древо же, цветы которого были из серебра, звалось Бэльтиль».

Этот образ Гондолина почти не менялся — он встречается и в заметках к продолжению позднейшего *Туора* (*Неоконченные Сказания*, с. 56): «лестницы, ведущие на вершину холма, огромные врата... Площадь Фонтана, Королевская башня, опирающаяся на могучую колоннаду, Королевский дом...». На самом деле единственное серьезное отличие от раннего повествования касается Дерев Гондолина, которые первоначально были живыми и неувядающими, «отпрыски древних и великих Древ Валинора», а в *Сильмафиллионе* это изображения, сделанные из драгоценных металлов. По поводу Дерев Гондолина см. статьи *Бансиль* и *Глингол* в «Списке имен», который приводится ниже, на с. 214—216. О том, что боги даровали эти «отпрыски» (чье цветение «никогда

не прекращалось») Инвэ и Нолэмэ во времена строительства Кора, так что каждый из владык получил по саженцу того и другого Древа, упоминается в *Пришествии Эльфов* (I. 123), а в *Сокрытии Валинора* говорится, что саженцы, подаренные Нолэмэ, были выкопаны, и их «унесли неведомо куда, других же подобных им там никогда не было» (I. 213).

Но тем не менее, раннее и позднее повествования отделены друг от друга серьезным сдвигом истории Гондолина: ведь если в *Утраченных Сказаниях* (и позднее) Гондолин был основан только *после* Битвы Бессчетных Слез, когда войско Тургона отступило на юг вдоль Сириона, в *Сильмариллионе* Тургон, живший в Нэвресте, нашел место для него более чем на четыреста лет раньше (за 442 года до Лютой Зимы, что была в год падения Нарготронда, когда в Гондолин пришел Туор, в 495 год Солнца). В повести отец предполагал, что очень много времени прошло *между* Битвой Бессчетных Слез и разрушением города («многих веков не хватило, чтобы достойно выстроить и украсить его, ибо и доселе трудились над тем мастера», с. 162—163); позднее, когда хронология Первой Эпохи после восхода Солнца и Луны подверглась радикальным изменениям, этот период сократился всего до 38 лет (согласно последней существующей версии «Повести Лет» Первой Эпохи). Но старая концепция все еще просматривается в том абзаце на с. 240 *Сильмариллиона*, где говорится, что народ Гондолина после Нирнаэт Арноэдиад отмежевался от всех тревог внешнего мира, причем создается такое ощущение, будто прошло много лет*.

В *Сильмариллионе* прямо сказано, что Тургон строил свой город «в память о Тирионе на Туне» (с. 125), и его город сделался «прекрасен, как воспоминание о Тирионе Эльфийском» (с. 240). В первоначальной истории этого нет, и к тому же в *Утраченных Сказаниях* Тургон и сам никогда не видел Кора (он родился уже в Великих Землях, после возвращения нолдоли из Валинора, I. 167, 238, 240); тем не менее чувствуется, что башня Короля, фонтаны и лестницы, и белораморные стены Гондолина воплощают память о Коре, каким он описан в *Пришествии Эльфов* и *Возведении Кора* (I. 122—123).

Выше я уже говорил, что, «несмотря на частые упоминания о том, что Ульмо направлял Туора, бывшего орудием его замыслов, важный элемент позднейшей легенды: оружие и доспехи, оставленные ему Тургоном по велению Ульмо, отсутствует». Однако теперь в словах Тургона, обращенных к Туору, похоже, появляется зерно этой концепции (с. 161): «Приход твой был предречен в наших книгах мудрости, и написано, что много великих дел свершится в жилищах гондотлим, когда явишься ты туда». Но, как явствует из ответа Туора, создание Гондолина еще не было частью замыслов Ульмо, ибо «слухи о жилище вашем и вашем холме, что стоит на страже пред злобой Мэлько, достигли ушей Ульмо, и он возрадовался».

* Об истории Гондолина от прихода Туора до разрушения города отец ничего не писал после версии «Сильмариллиона», созданной, вероятнее всего, в 1930 году, а в то время он все еще придерживался старой концепции. Эта работа послужила основой большей части Главы 23 опубликованного *Сильмариллиона*.

В повести Ульмо предвидел, что Тургон откажется отправиться на войну с Мэлько, и во втором совете, данном устами Туора, Ульмо идет на уступку: пусть Тургон хотя бы отправит эльфов из Гондолина вниз по Сириону, к устьям, чтобы они построили корабли и доставили послание в Валинор. На это Тургон отвечает, решительно и бесповоротно, что он «бессчетные годы» отправлял посланцев вниз по великой реке именно с этой целью, но все это было впустую, и больше он этого делать не станет. Это явно соотносится с отрывком из *Сильмариллиона* (с. 159), где сказано, что Тургон после Дагор Браголлах и прекращения Осады Ангбанда

«втайне посылал отряды гондолиндрим к устьям Сириона и на остров Балар. Там они по поручению Тургона строили корабли и отплывали на заокраинный Запад, пытаясь достичь Валинора и вымолить прощение и помощь валар; и просили они морских птиц указать им путь. Но моря были широки и дики, и тень заклęcia окутывала их, и Валинор был сокрыт. А потому никто из посланцев Тургона не достиг Запада. Многие погибли, и мало кто вернулся назад».

После Битвы Бессчетных Слез Тургон отправил посланцев еще один, последний раз (*Сильмариллион*, с. 196), и единственным, кто выжил из всех участников этой последней экспедиции, был Воронвэ из Гондолина. Таким образом, несмотря на глубокие изменения в хронологии и развитие, которое претерпело повествование о последних веках Первой Эпохи, идея об отчаянных попытках Тургона отправить послание в Валинор восходит к самому началу.

Еще одна изначальная деталь — это то, что у Тургона нет сыновей; но при этом, как ни странно, в повести даже не упоминается о его жене, матери Идриль. В *Сильмариллионе* (с. 90) его жена Элэнвэ погибла во время перехода через Хэлькараксэ; но, очевидно, эта история относится к более позднему периоду, когда Тургон уже считался рожденным в Валиноре.

История пребывания Туора в Гондолине сохранилась в *Сильмариллионе* в виде короткого отрывка (с. 241):

«Туор же остался в Гондолине, ибо красота и блаженство этого города, и мудрость народа, что жил там, покорили его; и сделался он могуч телом и духом, и постиг многие знания эльфов-изгнанников».

В данной повести он «услышал об Илуватаре, Предвечном Владетеле, что обитает за пределами мира», и о Музыке Айнур. Похоже, знание о самом существовании Илуватара является прерогативой эльфов; много позже в саду Мар Ванва Тьялиэва (I. 49) Эриол спрашивает Румиль: «А кто есть Илуватар? Кто-то из богов?», и Румиль отвечает: «Нет, он не из богов, ибо создал их. Илуватар — Предвечный Владетель из-за пределов мира».

(iv) *Окружение Гондолина; предательство Мэглина* (с. 164—171)

Дочь короля с самого начала названа «Идриль Среброногая» (которую «эльдар» именуют Ирильдэ, примечание 22); Мэглин (позднее Маэглин) — с самого начала племянник короля, хотя имя его матери, сестры Тургона, Исфин, позднее изменилось.

В этой части повествования история, изложенная в *Сильмариллионе* (с. 241—242), сохранила все основные аспекты первоначальной версии, за одним важным исключением. Туор и Идриль вступили в брак с согласия и всемерного одобрения короля, и все в Гондолине были очень рады этому, кроме Маэглина (о любви которого к Идриль говорится ранее, *Сильмариллион*, с. 139, где основной упор делается на тот факт, что Маэглин и Идриль были близкими родственниками — в сказании об этом вообще не упоминается). Провидческие способности Идриль и ее предчувствие грядущих бедствий; замысленный ею потайной ход (однако в повести он вел на юг от города, и Орлиная Расселина находилась в южных горах); то, что Мэглин заблудился в горах, отправившись на поиски рудных жил; то, что он попал в плен к оркам, купил себе жизнь ценой предательства и вернулся в Гондолин, чтобы не вызвать подозрений (включая его изменившееся поведение и «улыбающееся лицо») — все это осталось и в *Сильмариллионе*. Конечно, в сжатом пересказе, предназначенном для *Сильмариллиона*, многие подробности отсутствуют (либо отброшены, либо просто опущены). В частности, там не упоминается сон Идриль о Мэглине, то, что за ним следили каждый раз, как он отправлялся в горы, то, что по совету Идриль был создан отряд, носивший герб Туора, нежелание Тургона усомниться в неуязвимости города и его доверие Мэглину, то, что Мэглин прознал о тайном проходе*, или примечательная история о том, что идея огненных и железных чудищ пришла в голову самому Мэглину, который и навел Мэлько на эту мысль — вот уж, воистину, ценный перебежчик!

Важное различие между двумя версиями состоит, разумеется, в том, что именно Мэлько/Моргот знал о Гондолине. В сказании он с помощью своей огромной армии соглядатаев† уже обнаружил город к тому времени, как в плен попал Мэглин. Твари Мэлько успели найти «Путь Избавления» и увидеть Гондолин с окружающих его вершин. Таким образом, в старой истории предательство Мэглина состояло только в том, что он рассказал, как именно устроен город и какие меры предприняты для его защиты, — да еще присоветовал Мэлько создать огненных чудищ. В *Сильмариллионе*, с другой стороны, имеется придуманная значительно позже история о невольном предательстве Хурина, который указал шпионам Моргота, где примерно следует искать Гондолин: «в гористом

* В *Сильмариллионе* это прямо отрицается: «Она устроила так, что лишь немногие знали об этих трудах, и до ушей Маэглина не дошло никаких слухов».

† Похоже, что все «хищные твари» (которых народ Гондолина, как сказано, не любил, с. 166) — змеи, волки, ласки, совы, соколы, — считаются здесь природными слугами и союзниками Мэлько.

краю между Анахом и верховьями Сириона, куда слуги [Моргота] прежде не заглядывали» (с. 241); и тем не менее «никто из соглядатаев и тварей Ангбанда не мог проникнуть туда из-за бдительности орлов». А об этой роли орлов Окружных Гор (которые, однако, были враждебны Мэлько — см. с. 193) в первоначальной истории не упоминается.

Так что в *Сильмариллионе* Моргот пребывал в неведении относительно точного местоположения Гондолина, пока ему в руки не попал Маэглин, и потому сведения, полученные от Маэглина, оказались куда более ценны для него и нанесли куда больший ущерб городу. А потому история последних лет Гондолина в повести окутана несколько иной атмосферой, поскольку гондотлим известно, что соглядатаи Мэлько «со всех сторон обложили долину Тумладин» (с. 167), и Тургон готовится к войне и усиливает стражу на окрестных горах. Удаление всех соглядатаев незадолго до нападения на Гондолин вызвало прилив оптимизма у гондотлим, и не в последнюю очередь — у самого Тургона, так что народ оказался не готов к нападению; но в позднейшей истории нападение было куда более внезапным и вызвало куда большее потрясение, поскольку ни у кого не было причин предполагать, что городу грозит непосредственная опасность, а потому предчувствия Идриль выглядят куда более странными и загадочными.

(v) *Гондотлим готовятся к битве* (с. 171—174)

Хотя центральный образ этой части повествования остался прежним — народ Гондолина смотрит со стен в ожидании восхода в ночь праздника Врата Лета, а вместо восхода видит красное зарево, встающее на севере, а не на востоке, — от всей геральдики этого отрывка в поздних текстах почти ничего нет. Несомненно, если бы отец продолжил позднейшего *Туора*, многое появилось бы вновь, если судить по пышным «геральдическим» описаниям ворот в Орфалх Эхор и стражи при них (с. 46—50), но в сжатом повествовании *Сильмариллиона* от всего этого остались лишь титулы «Эктэлион Фонтанный»^{*} и Глорфиндэль, «вождь дома Золотого Цветка Гондолина». Эктэлион и Глорфиндэль упомянуты в *Сильмариллионе* (с. 194) также как военачальники Тургона, охранявшие фланги войска Гондолина во время отступления вниз по Сириону после Нирнаэт Арноэдиад; прочие же военачальники, перечисленные в повести, в более поздних текстах не упоминаются[†] — хотя явно не случайно восемнадцатый Правящий Наместник Гондора носил имя Эгалмот, так же как

^{*} В позднейшем *Туоре* (с. 50) он — «Владыка Фонтанов», во множественном числе (рукопись читается очень отчетливо).

[†] В версии *Сильмариллиона*, созданной в 1930 году (см. примечание на с. 208), в последнем записанном повествовании о Падении Гондолина, послужившем основой 23-й главы опубликованного *Сильмариллиона*, в тексте на самом деле сказано: «многое рассказано в *Падении Гондолина*: и о гибели Рога за стенами, и о битве Эктэлиона Фонтанного» и т. д. Я убрал упоминание о Роге (*Сильмариллион*, с. 242) на том основании, что отец почти наверняка вычеркнул бы это имя из списка лордов Гондолина.

семнадцатый и двадцать пятый — имя Эктэлион (*Властелин Колец*, Приложение А (I, ii))^{*}.

Глорфиндэль «златовласый» (с. 192) остается «белокурым Глорфиндэлем» в *Сильмафиллионе*, и это имя с самого начала и значило «золотоволосый».

(vi) *Битва за Гондолин* (с. 174—188)

Практически вся история о сражении в Гондолине изложена только в повести о *Падении Гондолина*; в *Сильмафиллионе* (с. 242) этому посвящено всего несколько строчек:

«О деяниях отчаянной доблести, что творили вожди благородных домов и их воины, не последним среди коих был Туор, много говорится в *Падении Гондолина*: о битве Эктэлиона Фонтанного с Готмогом, Владыкой Балрогов, на самой площади Короля, в которой погибли оба поединщика, о том, как слуги короля обороняли башню Тургона, пока эта башня не была повреждена; величественна была ее гибель, и гибель Тургона, павшего вместе с нею.

Туор стремился спасти Идриль из разоренного города, но Маэглин успел положить руки на нее и на Эарэндиля; и Туор сражался с Маэглином на стенах, и сбросил его вниз, и тело Маэглина трижды ударилось о скалистые склоны Амон Гварэт, прежде чем рухнуть в пламя, бушующее внизу. Затем Туор и Идриль увели всех оставшихся от народа Гондолина, кого они могли собрать в смятении пожара, вниз по тайному пути, приготовленному Идриль».

Стоит обратить внимание, что даже в этом, сильно сокращенном пересказе, упомянуто о том, что тело Маэглина трижды ударилось о скалы, прежде чем рухнуть в пламя. Судя по изложению *Сильмафиллиона*, можно предположить, что попытка Маэглина захватить Идриль и Эарэндиля имела место значительно позднее начала сражения, незадолго до того, как беглецы спустились в тоннель; но мне представляется куда более вероятным, что это объясняется скорее краткостью пересказа, чем изменением подробностей сражения.

В повести Гондолин отчетливо изображен как город, с рынками и большими площадями, от чего в более поздних текстах остались только обрывки (см. выше, с. 207), и в описании битвы нет никаких темных мест. Ранняя концепция балрогов представляет их менее жуткими и, во всяком случае, более уязвимыми, чем позднее:

^{*} В очень поздней заметке, написанной на одном из текстов, из которых была составлена 16 глава *Сильмафиллиона* («О Маэглине»), отец предполагал сделать «тремя знатными вассалами» Тургона, которых последний отправил с Арэдэль из Гондолина (с. 131), Глорфиндэля, Эктэлиона и Эгалмота. Он замечает, что Эктэлион и Эгалмот «взяты из первоначального П[адения] П[ондолина]», но эти имена «хорошо звучат и к тому же уже появились в печати» (имеются в виду имена Наместников Гондора). Но в конце концов отец решил оставить эскорт Арэдэль безымянным.

их были «сотни» (с. 170)*, и Туор и гондотлим перебили их в большом количестве: так, пять из них пали под ударами Драмборлэга, большого топора Туора, три — от меча Эктэлиона, и четыре десятка перебили воины королевского дома. Балроги — «могучие демоны» (с. 181), они способны испытывать боль и страх (с. 194); они носят железные доспехи (с. 181, 194) и огненные бичи (особенность, которая никогда не исчезала), и у них стальные когти (с. 169, 179).

В *Сильмариллионе* драконы, напавшие на Гондолин, названы «отродьями Глаурунга», которые «сделались теперь многочисленны и ужасны», в то время как в повести употребляемые термины (с. 170) заставляют предположить, что по крайней мере часть «чудовищ» представляла собой неодушевленные механизмы, изготовленные кузнецами в кузнях Ангбанда. Но даже «железные твари», которые «отворялись посередине» и извергали отряды орков, названы «безжалостными тварями», и Готмог «велит» им «сгрудиться у северных врат» (с. 176). Змеи, сделанные из бронзы и меди, «были наделены пламенным сердцем и духом», в то время как «огненный дракон», которого рубанул Туор, взвыл и стал бить хвостом (с. 181).

Небольшая, но любопытная деталь: что за «посланцев» отправил Мэглин к Мэлько с советом стеречь выход из Пути Избавления (куда, как он подозревал, должен был вести тайный ход)? Кому он мог доверить подобное послание? И кто осмелился бы его отнести?

(vii) *Бегство и битва в Кристорне* (с. 188—195)

История, изложенная в *Сильмариллионе* (с. 243), рассказывает о бегстве из города и битве в Орлиной Расселине (которая там называется Кирит Торонат) несколько подробнее, чем о нападении на Гондолин и его разорении, но раннее и позднее повествование расходятся лишь в одном пункте: как уже было сказано, позднее Орлиная Расселина перекочевала с южной оконечности Окружных Гор на север, и потому ход Идриль вел не на юг, а на север (в тексте замечено, что никто не предполагал, «будто кто-то из беглецов решится отправиться на север, где горы были выше всего и откуда к тому же было ближе всего до Ангбанда»). Однако сказание отличается обилием подробностей и живостью, исчезнувшими в более краткой версии, где отсутствуют такие детали, как трупы, попадающие под ноги в дымном и жарком подземном проходе; не упоминается там и о гондотлим, которые, вопреки советам Идриль и Туора, отправились к Пути Избавления и были перебиты драконом, поджидавшим в засаде†, или о бое за Эарэндэля.

* Мысль о том, что Моргот располагал «воинством» балрогов, просуществовала довольно долго, но в одном позднем примечании отец говорит, что их всегда было довольно мало — «максимум семь».

† Этот элемент истории, на самом деле, присутствовал в «Сильмариллионе» 1930 г. (см. примечание на с. 208), но я убрал его из опубликованного варианта, поскольку из значительно более позднего текста явствует, что старый вход в Гондолин был к тому времени замурован — этот факт был затем вписан в текст 23 главы *Сильмариллиона*.

В сказании появляется зоркий эльф Лэголас Зеленый Лист. Это первое из имен членов Братства Кольца, появившееся в текстах отца (см. далее, с. 216). Следом появился Гимли (эльф) в *Сказании о Тинувииэль*.

В одном пункте история о засаде в Кристорне вызывает вопросы. Это утверждение на с. 193, что «лунный свет не достигал тропы», из-за того что стены были слишком высоки. Беглецы пробирались через Окружные Горы на юг, и отвесная скала, нависавшая над тропой в Орлиной Расселине, была «по правую руку, на западе», а слева был «весьма крутой» обрыв. Так почему же луна, вставшая на востоке, не освещала тропу?

Название *Кристорн* появляется на отцовском рисунке «Гондолин и долина Тумладин с Кристорна», сделанном в сентябре 1928 года (*Рисунки Дж. Р. Р. Толкина*, 1979, номер 35).

(viii) *Скитания Изгнанников Гондолина* (с. 195—197)

В *Сильмариллионе* (с. 243) сказано, что «выжившие жители Гондолина под предводительством Туора, сына Хуора, миновали горы и спустились в Долину Сириона». Следует предположить, что спустились они в Димбар, и так, «пробравшись на юг через труднопроходимые и опасные болота, вышли наконец в Нан-татрэн, Край Ив». Представляется странным, что в повести беглецы больше года бродили в глуши и за это время добрались только до внешнего выхода Пути Избавления; однако возможно, что в период написания *Падения Гондолина* география этого региона была еще весьма смутной.

В *Сильмариллионе*, спустившись от Нан-татрэна к устьям Сириона, Туор и Идриль «объединили свой народ с отрядом Эльвинг, дочери Диора, что бежала туда незадолго до того». Но здесь об этом ничего не упоминается; впрочем, этот вопрос мы рассмотрим ниже.

§2. *Статьи в «Списке имен», имеющие отношение к «Падению Гондолина»*

По поводу этого списка см. с. 148, где приводится вступление к нему. Специальная лингвистическая информация из этого списка, в том числе значения имен, приводится в Приложении, но здесь мною собраны некоторые сведения иного рода, содержащиеся в этом списке, расставленные в алфавитном порядке.

Баблон (Bablon) «был город людей. Правильнее — *Вавилон (Babylon)*, но гномы произносят это название так. Они узнали его от людей в былые времена».

Бансиль (Bansil) «Именем этим называли гондотлим неувядающее дерево, что росло у королевских дверей и цвело серебряными цветами. Имя же это узнал Эльфриниэль от отца своего Воронвэ, а означает оно «Ясный блеск». А то дерево, отпрыском которого оно было (а принесли его нолдоли

из Валинора в незапамятные времена), обладало подобными же свойствами, только еще более дивными: ведь оно половину двадцати четырех часов озаряло весь Валинор серебряным светом. Это дерево эльдар и поныне зовут *Сильпионом*, или «Вишневой луной», ибо цветы его подобны были весенним цветам вишен — но дерево Гондолина эльдар не известно, и рассказывают о нем только нолдори.

Галдор (Galdor) «был тот отважный гном, что предводительствовал народом Древа во многих схватках, и все же выбрался из Гондолина, и даже сумел пережить нападение Мэлько на живших у устья Сириона, и вернулся на развалины вместе с Эарэндэлем. Он и ныне живет на Тол Эрэссэа (как говорит Эльфриниэль), и часть его народа по-прежнему называет себя *Нос Галдон (Nos Galdon)*, ибо *Галдон* значит „дерево“, и имя Галдора родственно этому слову». Последняя фраза заменена на: «*Нос нан Алвэн (Nos nan Alwen)*, ибо *Алвэн* значит „Дерево“».

(Относительно возвращения Галдора на развалины Гондолина вместе с Эарэндэлем см. с. 258).

Глингол (Glingol) «знаменует „поющее золото“ (так говорят), и именем этим гондотлим называли второе из двух неувядающих деревьев, стоявших на королевской площади, то, что цвело золотым цветом. Оно также было отпрыском древ Валинора (смотри то, что Эльфрит говорил о Банселе), но не Сильпиона, а Линдэллоктэ (*Lindeloktë*), что значит „поющая гроздь“, или Лаурэлин (*Laurelin*) [*исправлено с* Линдэлаурэ (*Lindelaure*)] (что значит „поющее золото“)], которое половину двадцати четырех часов озаряло весь Валинор золотым светом».

(Относительно имени *Линдэллоктэ* см. I. 22 и статью *Линдэлос* в Приложении к I тому.).

Глорфиндэль (Glorfindel) «предводительствовал Золотым Цветком и был любим более всех гондотлим, не считая разве что Эктэлиона — но кто стал бы выбирать? Однако ему не посчастливилось: он погиб, убив балрога в великой битве в Кристорне. Имя его означает „Златой локон“, ибо волосы его были золотыми, дом же его на нолдорисе назывался *Лос'лориол (Los'loriol)*» [*исправлено с* Лос Глориол (*Los Glóriol*)].

Гондолин (Gondolin) «знаменует „певучий камень“ (образное выражение, обозначающее у гномов камень, которому была придана великая красота), и это имя было самым распространенным из Семи Имен, которыми они называли свой город, тайное убежище от Мэлько в те дни до освобождения».

Готмог (Gothmog) «был сыном Мэлько и великанши Флуитуин (*Fluituin*), и имя его значит «раздор и ненависть». Он был Предводителем Балрогов и предводителем воинств Мэлько, пока прекрасный Эктэлион не убил его при штурме Гондолина. Эльдар называли его *Космоко* или *Косомок* или *Косомоко (Kosmoko, Kosomok(o))*, но это имя совсем не подходит к их языку, и звучит противно даже на нашем, более грубом наречии, говорит Эльфрит [*исправлено с* Эльфриниэль]».

(В списке имен валар, соотносящимся со сказанием *Пришествие Валар* (I. 93) сказано, что у Мэлько был сын «от Улбанди» по имени *Косомот*;

ранний словарь квэнья дает *Косомоко* = гномское *Готмог* (I. 258). В сказании Готмог назван предводителем воинств Мэлько (с. 184).

Позднее, с развитием легенд, Готмог стал убийцей Фэанора, а в Битве Бессчетных Слез именно он убил Фингона и взял в плен Хурина (*Сильмариллион*, с. 107, 193, 195). Конечно, в более поздних текстах он уже не называется «сыном Мэлькора»: «Дети Валар» — это особенность ранней мифологии, от которой отец потом отказался.

В Третью Эпоху Готмогом звали местоблюстителя Минас Моргула (*Возвращение Короля*, V. 6.).).

Дор Ломин (*Dor Lómin*), «или „Земля Теней“ — это область, именуемая эльдар Хисиломэ (*Hisilómë*) (что означает „Тенистые Сумерки“), где Мэлько запер людей. И так названа она по причине того, что там мало солнечного света из-за Железных Гор, ограничивающих ее с юго-востока. Там ныне живет Народ Тени. Оттуда явился в Гондолин Туор».

Идриль (*Idril*) «была прекраснейшая дочь короля Гондолина, которую еще юной девой полюбил Туор. Она родила ему Эарэндэля. Эльфы ее зовут *Ирильдэ* (*Irildë*); мы говорим о ней как об *Идриль Тал-Кэлэб* (*Idril Tal-Celeb*), Идриль Среброногой, они же говорят *Ирильдэ Талтэлэпта* (*Irildë Taltelepta*).

См. Приложение, статья *Идриль*.

Индор (*Indor*) «было имя отца Туорова отца, отчего гномы зовут Эарэндэля *Гон Индор* (*Gon Indor*), а эльфы — *Индорильдо* или *Индорион* (*Indorildo, Indorion*)».

Лэголас (*Legolas*) «или Зеленый Лист, был воин Древа, который провел изгнанников через Тумладин в темноте, ибо хорошо видел ночью. Он живет с тех пор на Тол Эрэссэа, прозванный тамошними эльдар *Лайквалассэ* (*Laiqalassë*), но об этом больше рассказано в книге Румиля».

(См. I. 268, статья *Тафи-Лайси*).

Хэндор (*Hendor*) «был домашний слуга Идриль. Он был уже стар, но тем не менее нес Эарэндэля по потайному ходу».

Эарэндэль (*Eärendel*) «был сыном Туора и Идриль и, говорят, единственным, кто принадлежал наполовину к эльдалиэ, наполовину же к людям. Он был первым и величайшим мореходом среди людей, и повидал области, которых люди до сих пор не нашли и не узрели, несмотря на множество своих кораблей. Ныне же путешествует он вместе с Воронвэ на крыльях ветров тверди небесной и не возвращается назад ближе Кора, а иначе бы он умер, как и прочие люди, столь много в нем от смертного».

(Что касается этих последних утверждений относительно Эарэндэля, см. ниже, с. 264—265. Утверждение, что Эарэндэль был «единственным, кто принадлежал наполовину к эльдалиэ, наполовину же к людям», весьма примечательно. Видимо, это было написано, когда Бэрэн считался эльфом, а не человеком (см. с. 139). Диор, сын Бэрэна и Тинувиэль, появляется в *Сказании о Науглафринге*, однако там Бэрэн эльф, так что Диор — не полуэльф. В самом сказании *Падение Гондолина* говорится в более позднем отрывке,

вставленном вместо другого (см. с. 164 и примечание 22), что Туор был первым, но не последним, кто женился на «дочери Эльфинесса». Относительно экстраординарного утверждения в *Сказании о Турамбаре*, что Тамар Хромоног был полуэльфом, см. с. 130.).

Эгальмот (*Egalmoth*) был «владыка дома Небесной Дуги, и спасся во время пожара Гондолина, и жил после в устье Сириона, но был убит в жестокой битве, когда Мэлько захватил Эльвинг».

(См. с. 258).

Эктэлион (*Ecthelion*) «был владыкой дома Фонтана, и обладал прекраснейшим голосом среди всех гондотлим и был самым искусным музыкантом. Он прославился в веках тем, что убил Готмога, сына Мэлько, и тем спас от смерти Туора, сам же Эктэлион утонул вместе со своим врагом в королевском фонтане».

§3. Разное

(i) География «Падения Гондолина»

Ранее я уже отмечал (с. 205), что путешествие Туора вдоль всего побережья того, что позднее стало Бэлэриандом, к устьям Сириона сильно напоминает позднейшую карту, в особенности тем, что побережье поворачивает с юга на восток. Сказано также, что после того, как он оставил Фаласквиль, «далекие горы придвигались все ближе и ближе к морю», и что отроги Железных Гор «спускаются к самому морю» (с. 152—153). Эти утверждения легко соотнести с картой, где Горы Тени (Эрэд Вэтрин) выдаются далеко на запад, образуя южную границу Нэврста, и подходят к самому морю в Виньямаре (относительно соответствия Гор Железа и Гор Тени см. I. 111—112).

Арлисион, «тростниковая страна» (с. 153), расположенная выше устьев Сириона, превратилась впоследствии в Лисгард, «край тростников в Устьях Сириона» в позднейшем *Туоре*, с. 34. И то, что великая река на некотором расстоянии уходит под землю, также восходит к самому раннему периоду, как и Озёра Сумерек, Аэлин-уиал («Заводы Сумерек», с. 195). Однако здесь повесть сильно отличается от *Сильмариллиона* (с. 122). В последнем Аэлин-уиал — это область больших озер и болот, где «течение Сириона замедляется»; а к югу от *Озер* река, «текущая с севера, обрушивалась огромным водопадом... и затем внезапно ныряла под землю в огромные пещеры, вырытые тяжестью падающих вод». Здесь же Заводы Сумерек явно расположены *ниже* «пещеры Буйных Ветров» (которая позже нигде не упоминается), где Сирион ныряет под землю. Однако Край Ив, расположенный южнее подземного отрезка течения Сириона, находится там, где он остался и позднее.

Так что мои рассуждения о географических указаниях в *Сказании о Турамбаре* (с. 141) можно отнести также и к *Падению Гондолина*.

(ii) Ульмо и прочие валар в «Падении Гондолина»

Во внушенной Ульмо речи, которую Туор произносит при первой встрече с Тургоном (с. 161), он говорит: «Гневны сердца валар, ...ибо зрят они нолдоли в

рабстве и людей в скитаниях». Это сильно отличается от того, что сказано в *Сокрытии Валинора*, в особенности же следующего (I. 208—209)*:

«Более того, многие из валар жаждали бывшего покоя и хотели лишь мира, не желая ни слухов о Мэлько и его бесчинствах, ни разговоров о беспокойных гномах, которые могут когда-либо вернуться и разрушить их счастье. Потому боги также ратовали за сокрытие этой земли. Не последними среди них были Вана и Нэсса, хотя многие даже из великих богов держались того же мнения. Тщетно Ульмо в прозрении своем молил о жалости и прощении для нолдоли...»

Впоследствии Туор говорит (с. 161): «И боги восседают в Валиноре, хотя веселие их умалилось из-за печали и страха перед Мэлько, и сокрыли они свою землю, и окутали ее непреодолимыми чарами, да не достигнет никакое зло ее берегов». Тургон в своем ответе насмешливо подхватывает и изменяет его слова: «Тем, кто восседают там [*т. е. в Валиноре*] в веселии, мало дела до деяний Мэлько и печалей мира, но сокрыли они свою землю, и окутали ее непреодолимыми чарами, да не достигнут их ушей никакие вести о зле».

Как это понимать? Что это — «дипломатия» Ульмо? Ведь слова Тургона о мотивах валар куда больше соответствуют тому, что сказано о них в *Сокрытии Валинора*.

И тем не менее гномы Гондолина чтили валар. Существовали «празднества в честь айнур» (с. 165); главная площадь города и самая высокая его точка называлась Гар Айнион, Площадь Богов — там заключались браки (с. 164, 186); и народ Молота Гнева «читил Аулэ-Кузнеца более всех прочих айнур» (с. 174).

Особый интерес представляет отрывок (с. 165), в котором объясняется причина, почему Ульмо избрал в качестве своего посланца именно человека: «В те дни власть Мэлько была велика, и он не слишком боялся рода людского, и оттого-то Ульмо избрал для исполнения своих замыслов одного из этого народа, чтобы обмануть Мэлько — ведь никто из валар и почти никто из эльдар и нолдоли не смог бы и шевельнуться без того, чтобы Мэлько этого не заметил». Это единственное место, где прямо объясняется причина избрания Туора, если не считать ранней отдельной заметки, где даются две причины:

(1) — «гнев богов» (т. е. на гномов);

(2) — «Мэлько не боялся людей — если бы он подумал, что какие-то посланцы пробираются в Валинор, он удвоил бы бдительность и коварство и полностью сокрыл гномов».

* Это, похоже, расходится также и с историей о том, что после Битвы Бессчетных Слез все люди велением Мэлько были заперты в Хитлуме; однако слово «скитания» в данном контексте явно лишнее: ведь тут же сказано: «ибо Мэлько запер их в Земле Теней».

Но эта заметка слишком расплывчата, чтобы извлечь из нее пользу.

В этом сказании снова появляется концепция «удачи (или милости) богов» (с. 188, примечание 32), как и в *Сказании о Турамбаре*: см. с. 141. Кроме того, айнур «вложили в сердце» Туора желание выбраться наверх из Золотого Ущелья, что спасло ему жизнь (с. 151).

Очень странен отрывок о рождении Эарэндэля (с. 165): «В те дни исполнились желание валар и надежда эльдалиэ, ибо в великой любви родила Идриль Туору сына, и нарекли его Эарэндэлем». Надо ли понимать это так, что союз эльфа и смертного человека, и рождение их отпрыска совершились по «желанию валар» — то есть что валар предвидели это, или надеялись на это, в качестве исполнения предрешенного Илуватаром, из чего должно было произойти великое благо? Никаких намеков и предположений на этот счет нет.

(iii) Орки

В сказании имеется примечательное упоминание о происхождении орков, или *оркви*, как они названы в *Туоре А* и в *Туоре В* до внесения исправлений (с. 159): «Весь род орков Мэлько вывел из подземного раскаленного ила». Видимо, более поздней точки зрения, что «со времен своего бунта в Айнулиндалэ, до Начала времен Мэлькор не мог создать ничего, что обладало бы собственной жизнью или хотя бы ее подобием», и что орки были выведены из поработенных квэнди после Пробуждения (*Сильмариллион*, с. 50), еще не существовало. Предположительно, первый намек на эту идею их происхождения имеется в том же отрывке: «разве что из-за того, что иные нолдоли обратились ко злу Мэлько и смешались с этими орками», хотя, разумеется, это совсем не то же самое, что идея о происхождении всех орков от эльфов.

Здесь также появляется название орков *гламхот*, имя, которое встречается и в позднейшем *Туоре* (с. 39, 54 и примечание 18).

О балрогах и драконах в *Падении Гондолина* см. с. 212—213.

(iv) Нолдорин в Краю Ив

«Разве во дни после Туора не забрели туда Нолдорин и его эльдар в поисках Дор Ломина, сокрытой реки и пещер, где томились гномы, — и разве не были они готовы оставить свой поход, будучи так близко к его цели? Плясали они там, и дремали... и так застigli их врасплох гоблины, которых Мэлько послал из Железных Холмов, и Нолдоруину едва удалось уйти» (с. 154). Это была Битва в Тасаринане, упомянутая в *Сказании о Турамбаре* (с. 70, 140), во времена великого похода эльфов из Кора. Ср. замечание Линдо из *Домика Утраченной Игры* (I. 16), что его отец Валвэ «отправился вместе с Нолдорином на поиски гномов».

О Нолдорине (Салмаре, спутнике Ульмо) в сказании говорится также, что он

сражался плечом к плечу с Тулкасом у Заводей Сумерек против самого Мэлько, хотя его имя было вычеркнуто (с. 195 и примечание 38); это было уже после Битвы в Тасаринане. Об этих битвах см. с. 278 и далее.

(v) *О росте эльфов и людей*

Отрывок, где говорится о росте Туора (с. 159), до того, как он был переписан (см. примечание 18), может означать только, что, в то время, как сам Туор был не слишком высок для своего народа, он был тем не менее выше, чем эльфы Гондолина. Это согласуется с утверждениями в *Сказании о Турамбаре* (см. с. 142). Однако исправленный отрывок означает скорее, что люди и эльфы не слишком отличались ростом.

(vi) *Исфин и Эол*

Наиболее ранняя версия этой истории имеется в маленькой записной книжке, относящейся к *Утраченным Сказаниям* (см. I. 171). Сказано там следующее:

Исфин и Эол

Эол (Арвал) из гномов, народа Крота, любит издалека Исфин, дочь Финголмы. Эол силен и пользуется расположением Финголмы и сынов Фэанора (с которыми он в родстве), ибо он предводитель Рудокопов и ищет сокрытые камни, но его не любят, и Исфин питает к нему отвращение.

(Финголма — это имя Финвэ Нолэмэ, которое появляется в набросках к *Рассказу Гильфанона*, I. 238—239.). Здесь мы видим нелюбимого рудокопа по имени Эол «из народа Крота», который любит Исфин, но отвергнут ею; это явная параллель к нелюбимому рудокопу Мэглину из *Падения Гондолина*, который носит знак черного крота и ищет руки Идриль, но она его отвергает. Интерпретировать это трудно. Простейшее объяснение — это что история, изложенная в записной книжке, написана раньше *Падения Гондолина*; что Мэглина еще не существовало; и что, следовательно, образ «уродливого рудокопа и отвергнутого влюбленного» перешел от отца к сыну, недостижимой возлюбленной вместо Исфин стала Идриль, ее племянница, а об отце, Эоле, темном лесном эльфе, заманившем Исфин в ловушку, была создана другая история. Но где жил Эол-рудокоп, когда он «любил издалека» Исфин, дочь Финголмы, совершенно неясно. Нет никаких причин полагать, что он был связан с Гондолином; куда вероятнее, что идея рудокопа, носящего знак Крота, пришла в Гондолин вместе с Мэглином.

IV

НАУГЛАФРИНГ

Итак, мы переходим к последнему из первоначальных *Утраченных Сказаний*, которые существуют в виде последовательных повествований. Это сказание содер­жится в отдельной тетради и озаглавлено оно *Науглафринг: Ожерелье Карлов*.

Начало этого сказания немного озадачивает. В краткой интерлюдии, связывающей *Сказание о Турамбаре* и сказание *Падение Гондолина*, Линдо говорит Сер­дечку: «все просят, чтобы ты рассказал нам историю Туора и Эарэндэля, и чем скорее, тем лучше» (с. 144), на что Сердечко ответил: «Это очень длинная исто­рия, и нам придется семь раз собраться у Огня Сказаний, чтобы ее можно было поведать как следует; а потом, она так тесно связана с повестями о Науглафринге и о походе эльфов, что я был бы рад, если бы мне помогли своими рассказами Айлиос, что сидит здесь, и Мэриль». Таким образом, передача Сердечком места повествователя Айлиосу в начале данного текста, дающая тому возможность рас­сказать о Науглафринге, хорошо укладывается в общую канву; однако тогда на­чало этой повести — «но вскоре воцарилась тишина» — звучит совершенно не­ожиданно, поскольку *Падение Гондолина* заканчивается словами: «И долго-долго все, кто был в Каминной Комнате, сидели неподвижно и хранили молчание». В любом случае, после чрезвычайно длинного сказания *Падение Гондолина* очеред­ное повествование должно было подождать до следующего вечера.

И снова перед нами рукопись, написанная чернилами поверх полностью стертого карандашного оригинала, однако лишь до слов «утолить свою жад­ность» на с. 230. С этого момента и до конца имеется только первоначальный набросок, написанный карандашом в большой спешке и относящийся к пер­вой стадии работы над письменным текстом — местами отец писал настолько торопливо и неразборчиво, что многие слова не поддаются достоверной рас­шифровке. Часть этого первоначального наброска подверглась значительной переработке уже тогда, когда работа над сказанием еще продолжалась (см. примечание 13).

Науглафринг *Ожерелье Карлов*

Но вскоре воцарилась тишина, и иные зашептали — «Эарэндэль», иные же сказали:

— Постойте, а как же Науглафринг, Ожерелье Карлов?

И молвил Ильфиниол, поднимаясь с места рассказчика:

— Истинно, лучше будет, если Айлиос поведает нам о том ожерелье, — и тогда Айлиос, вовсе не возражавший, обвел собравшихся взглядом и начал свой рассказ:

— Все ли вы помните, как Урин Стойкий швырнул золото Глорунда к ногам Тинвэлланта и не коснулся его более, и вернулся, ведомый тоскою,

в Хисиломэ, чтобы там и умереть?

И ответили ему все, что сказание то еще свежо в их сердцах.

— И вот, — продолжил Айлиос, — в глубоком горе взирал король вслед уходящему Урину и скорбел о том, что зло Мэлько обморочило все сердца; и тем не менее говорится в сказании: столь сильны были чары, коими Мим Безотчий опутал тот клад, что пока золото лежало на полу в королевских палатах, неверно мерцая в свете факелов, всех присутствующих коснулось его тайное зло.

Пробежал тогда ропот по отряду Урина, и один из них сказал королю:

— О владыка! Наш предводитель Урин, старик и безумец, ушел, но мы не собираемся отказываться от нашей добычи.

Однако Тинвэлинт, которого тоже коснулись чары золота, ответил:

— Но неужто вам не ведомо, что это золото принадлежит всему роду эльфов, ибо давно нет родотлим, которые отвоевали его у земли, и поэтому ни у кого не может быть права¹ даже на горсть этого злата, разве что у Урина, чей сын Турин убил Змея, разорителя эльфов; однако мертв Турин, а Урин отрекся от сокровища. Турин же был моим подданным.

Сильно разгневали разбойников эти слова, но молвил король:

— Прочь идите, глупцы, и не ищите ссоры с эльфами лесов, дабы в чаще не настигла вас смерть и грозные чары Валинора. Однако не смейте возводить хулу на имя Тинвэлинта, короля лесов, ибо щедро вознагражу я вас за труды и за то, что вы принесли сюда золото. Пусть каждый приблизится и зачерпнет, сколько сможет, обеими руками, а после уйдет с миром.

На сей раз речь короля разгневала эльфов леса, которые давно уже стояли вокруг клада, не сводя с него изумленных взглядов; но разбойники сделали то, что им предложили, и даже больше: нашлись такие, что подходили к золоту и дважды, и трижды, и тогда раздались в чертоге возмущенные крики. Лесные эльфы попытались остановить грабеж, и началась распря, которую король хотел прекратить, но никто не внял его словам. Яростными и бесстрашными были разбойники, и сразу же обнажили они свои мечи и начали наносить удары, и жестокая сеча возгорелась даже у подножья королевского трона. Отважные бойцы, разбойники искусно владели мечами и секирами, ибо часто сражались с орками², так что многие пали, пока король, потеряв надежду на примирение и прощение, не призвал своих воинов. Настигнутые могучей магией Тинвэлинта, заплутав в темных переходах королевских палат, свирепо сражавшиеся разбойники³ все были перебиты;

но чертоги Тинвэлинта покрыла спекшаяся кровь, и кровь текла по золоту, что лежало перед королевским тронем, разбросанное и попранное ногами дерущихся. Так начало исполняться проклятие карлы Мима, и принесло плоды зло, что нолдоли когда-то посеяли в Валиноре⁴.

Потом тела разбойников были выброшены, а погибших лесных эльфов Тинвэлинт велел похоронить недалеко от холма Тинувиэль. Говорят, что и до сих пор стоит в Артаноре тот великий курган, который фэери издавна называют Кум ан-Идрисайт, Курган Алчности.

Тогда пришла Гвэнниэль к Тинвэлинту и молвила:

— Не касайся этого золота, ибо говорит мне сердце, что трижды проклято оно. Проклято дыханием драконовым, проклято кровью подданных твоих, что увлажнила злато, и проклято смертью тех⁵, кого они сразили. И мнится мне, над этим золотом нависло некое необоримое зло, еще более грозное, узреть которое я не в силах.

Памятуя о мудрости жены своей Гвэнниэль, король вознамерился послушать ее и приказал собрать все золото и бросить в воды потока у врат. Но и тогда не сумел Тинвэлинт стряхнуть с себя чары, и сказал он себе: «Прежде чем расстаться с кладом навсегда, взгляну в последний раз на красу его». И повелел он омыть золото в чистых водах от пятен крови и разложить пред ним. Вряд ли когда-либо еще собиралось в одном месте столько золота. Частью было перелито оно в кубки, чаши и блюда, а также эфесы для мечей и ножны для кинжалов, но большей частью это было красное золото, что лежало, необработанное, грудями и слитками. Не имел цены сей клад, ибо среди золота сверкали премногие каменья красы ненаглядной, привезенные отцами родотлим из Валинора, — часть несметных сокровищ, коими владели нолдоли.

Изумленно взирал на все это Тинвэлинт и молвил:

— Как прекрасны сии сокровища! А у меня не будет и десятой их доли, и ни единого из самоцветов Валинора, не считая Сильмариля, добытого Бэрэном в Ангаманди.

Но сказала на это Гвэнниэль, что стояла подле:

— Но сей камень дороже всего, что лежит здесь, будь даже сокровищ в три раза больше!

Тогда поднялся один из тех, кто был там, — Уфэдин, гном, который скитался по свету больше, чем кто-либо из подданных короля, и долго жил среди науглат и их родичей, индрафангов. Науглат — странный народ, и никто точно не знает, откуда они пришли; ни Манвэ они не служат, ни Мэлько, и ни до эльфов, ни до людей им нет дела. Говорят даже, что они никогда не слышали про Илуватара, а если и слышали, то не верили.

Однако никто не может превзойти их в искусности и ремеслах, а также в знании о свойствах всего, что сокрыто в земле⁶ или под водой. Обитают они под землей в пещерах и городах с туннелями вместо улиц; из них самым могущественным в те дни был Ногрод. Стары науглат, и нет среди них детей, и никогда не услышишь от них смеха. Сложения они приземистого, но притом сильны, а бороды их порой доходят до земли, у индрафангов же бороды еще длинней и раздваиваются на конце, так что, отправляясь в путь, индрафанги обвязывают их вокруг пояса. Люди называют всех этих существ «карлами» и говорят, что своей изумительной изобретательностью в мастерстве превосходят они даже гномов, но на поверку вещи, сделанные самими карлами, не так уж и красивы, ибо в минувшие века в создании истинно прекрасных творений всегда принимали участие такие гномы-перебежчики, как Уфэдин. Этот гном давно уже оставил свой народ и подружился с карлами Ногрода, а нынче он пришел во владения Тинвэлинта вместе с другими нолдоли, своими единомышленниками, и были у них мечи, кольчуги и иные вещи искуснойковки, которыми науглат в те дни повсюду торговали со свободными нолдоли и, как говорят, с орками и вояками Мэлько.

И вот пока Уфэдин стоял перед кладом, чары проникли в его сердце глубже и одурманили гнома сильнее, нежели всех остальных, посему не мог Уфэдин вынести, чтобы золото было выброшено. Промолвил он тогда:

— Недоброе дело замыслил король Тинвэлинт! Разве после этого кто скажет, что роду эльдалиэ милы прекрасные творения, если один из королей эльдар вверх сокровища столь дивные в темные лесные воды, где лишь рыбы смогут ими любоваться? Не должно того быть, и я молю тебя, о Король: позволь мастерам карлов испробовать на этом необработанном золоте свое искусство, дабы во всех краях и землях заговорили о золотом сокровище Тинвэлинта. И сделают они это, клянусь тебе, за малое вознаграждение, лишь бы спасти такой клад от гибели.

Взглянул тогда король на золото и взглянул на Уфэдина, а тот был одет богато — в тунику из золотой ткани, подпоясанную золотым поясом, усыпанным крошечными самоцветами; его меч был украшен причудливой насечкой⁷, а ожерелье обвивало шею замысловато переплетенными серебром и златом. Облачение самого Тинвэлинта не шло в сравнение с одеянием этого пришельца. И снова посмотрел Тинвэлинт на золото, и оно засияло еще притягательнее и дивнее, и казалось королю, будто никогда он еще не видел, чтобы самоцветы искрились столь ярко, и тогда вновь заговорил Уфэдин:

— А где держишь ты, о Король, тот Сильмариль, о коем ведает весь мир?

А хранила его тогда Гвэнниэль в деревянном ларце, окованном железом, и сказал Уфэдин, что не пристало так обращаться с самоцветом, которого достойно касаться лишь чистейшее золото. Опешил Тинвэлинт от подобных слов и уступил Уфэдину, заключив с ним такой уговор: половину золота отмеряет король и передает в руки Уфэдина и его спутников, а те доставят его в Ногрод, в жилища карлов. А путь туда, на юг, был долог: вел он за широкий лес на границах тех огромных пустошей, что лежат возле Умбот-муилин, Заводей Сумерек, на подходах к Тасаринану. И, тем не менее, лишь только минет семь полнолуний, должны вернуться науглат и явить королю его золото, дабы ни в весе, ни в чистоте не потеряло оно, а работа поражала мастерством. И скажет тогда Тинвэлинт, нравится ли ему их труд, и если нет, то уйдут они, не вымолвив ни слова. Если же одобрит король их творенье, то из оставшегося золота они сотворят такие украшения для него и Королевы Гвэнниэль, коих никогда еще не создавала рука гнома или карлы.

— Ибо ведомы мне, — молвил Уфэдин, — и секреты науглат, и искусство творить красоту, подвластное лишь нолдоли, и все же награда за труды наши будет невелика, и мы назовем ее, когда закончим работать.

Ярко блестело золото, и пожалел король о своем договоре с Уфэдином. Не по душе ему пришлось речи гнома и тяжело было согласиться, чтобы столько золота отправлялось на целых семь лун в далекие жилища карлов; и, тем не менее, сильно хотелось королю воспользоваться их мастерством. Поэтому он приказал схватить Уфэдина и его спутников и сказал им:

— Здесь вы останетесь и будете заложниками в моих чертогах до тех пор, пока я вновь не увижу свои сокровища.

Ибо помыслил Тинвэлинт, что Уфэдин и его гномы были весьма нужны карлам и что никакая жажда наживы не заставит их предать гнома. Но Уфэдин сильно разгневался и молвил так:

— Науглат — не воры, о Король, и с ворами не дружат.

Однако ответил на это Тинвэлинт:

— Но нередко случалось, что блеск золота превращал в воров тех, кто не был прежде вором.

И пришлось тогда Уфэдину дать согласие, но в сердце затаил он на Тинвэлинта злобу.

Посему золото доставили в Ногрод посланцы короля, ведомые лишь одним из спутников Уфэдина, и об уговоре меж Уфэдином и Тинвэлинтом извещен был Наугладур, король тех мест.

На протяжении всего срока ожидания с Уфэдином хорошо обращались

при дворе Тинвэлинта, но гному претило вынужденное безделье, и внутри него закипала злоба. Всечасно размышлял Уфэдин над тем, что сотворит он из золота и самоцветов для Тинвэлинта, но лишь для того, дабы вернее завлечь короля в сети темных своих замыслов, взыскав втайне мести и злата.

В самый день седьмого полнолуния дозорные на королевском мосту закричали:

— Смотрите! Сквозь лес сюда идет большой отряд, и кажется, что только старики идут в том отряде, и все они несут на плечах тяжелые ноши.

Молвил король, услышав это:

— Это науглат, и пришли они в положенный срок. Так будь же свободен, Уфэдин, передай им мое приветствие и приведи их прямо в мой зал, — и с радостью отправился к карлам Уфэдин, чье сердце, однако, помнило обиду. И держал он тайно речь перед карлами и убедил их потребовать в конце огромную награду, предупредив к тому же, что король может и не согласиться на это по доброй воле. И еще открыл Уфэдин карлам, как добиться того, дабы золото навеки попало в Ногрод.

Но как бы там ни было, карлы перешли мост и предстали пред тронном Тинвэлинта, и вот, творенья свои принесли карлы завернутыми в шелка, в ларцах из редкого дерева затейливой резьбы. Не так доставил сюда золото Урин, и половина клада до сих пор лежала в грубых мешках и топорной работы сундуках; но когда золото вновь предстало перед взорами, раздались возгласы изумления, ибо сотворенное науглат во много раз превосходило по красоте те немногие украшения и сосуды, что встарь сработали родотлим. Чаши и кубки узрел король, иные из которых были двойными или же имели изящные витые ручки. Были там рога причудливой формы, блюда и подносы, кувшины и рукомойники, и все, что нужно для королевского пира. Были там подсвечники и гнезда для факелов, и без счета колец и запястий, браслетов и ожерелий, и золотых диадем, и все они были столь тонко сработаны и столь искусно украшены, что радость Тинвэлинта превзошла все ожидания Уфэдина.

Но не пришло еще время осуществиться замыслам Уфэдина, поскольку Тинвэлинт ни за что не соглашался отпустить в Ногрод ни его, ни науглат, с оставшимся золотом или без него, и молвил он так:

— Мыслимо ли, чтобы после столь тяжкого пути сюда я бы отпустил вас так скоро и тем самым заставил бы всех в Ногроде говорить о неучтивости Тинвэлинта? Не спешите в путь, отдыхайте, пируйте, а после вы получите все оставшееся золото и будете работать в свое удовольствие, а я и мои подданные станем помогать вам всем, что в наших силах,

в конце же ожидает вас щедрое и более чем достойное вознаграждение.

Но ведомо было карлам, что они пленники, а когда попытались они добраться до выходов, увидели, что двери стерегут с тщанием. И тогда им больше ничего не оставалось, кроме как преклониться перед королем, а на лицах карлов редко отражаются их мысли. И когда минуло время отдыха, они приступили к работе в одном из глубоких подземелий Тинвэлинта, которое он полностью отдал в их распоряжение, и недостаток желания в сердцах их восполнялся страхом, и Уфэдин трудился вместе с ними, не покладая рук.

Золотую корону выковали они для Тинвэлинта, который доселе носил лишь венки из алых листьев, и славный шлем, и меч из стали карлов, привезенной издалека, с эфесом из яркого золота и клинком, украшенным насечкой из золота и серебра: изображена там была охота на Каркараса Ножеклыка, отца волков. Прекраснее меча не видал доселе Тинвэлинт, и превзошел он тот, что висел на поясе Уфэдина и давно не давал королю покоя. Эти вещи были сотворены искусством Уфэдина, а карлы сделали для Тинвэлинта кольчугу из стали и золота, а также золотой пояс. Возрадовался король, но сказали они: «Это еще не все», и Уфэдин выковал для Гвэнниэль серебряную корону и при помощи карлов сотворил башмачки из серебра, украшенные алмазами, и серебро было выделано тонкими лепестками, так что льнуло к ноге мягче кожи; и сделал он также пояс из сплава серебра с бледным золотом. Но и это все не составляло и десятой части их творений, и ни в одном сказании не перечислены они полностью.

Когда же, завершив работу, явили они королю свои труды, молвил Уфэдин:

— О Тинвэлинт, богатейший из королей, скажи, прекрасны ли эти вещи?

И был ответ ему «да», но вновь заговорил Уфэдин:

— Так знай же, что самое чистое и лучшее твое золото мы сберегли, дабы просить тебя о милости. И вот наша просьба: разреши нам сотворить для тебя оплечье, и в труд этот вложим мы все свое мастерство и все свое искусство, ибо желаем мы, дабы стало оно чудеснейшим из украшений, что видела земля, и величайшим из творений эльфов и карлов. Посему мы просим тебя дать нам хранимый тобой Сильмариль, дабы лил он волшебное сияние с Науглафринга, Ожерелья Карлов.

Вновь усомнился Тинвэлинт в Уфэдине, но все же ответил согласием, поставив, однако, условием, что он сам будет присутствовать при ковке.

— Никто из ныне живущих, — молвил Айлиос⁸, — не видел того чудесного ожерелья, кроме лишь⁹ Сердечка, сына Бронвэга, но много сохранилось о нем сказаний. Не только тонкостью мастерства и невиданной красотой славилось оно, но и своим волшебством, ибо любую шею, мощную, изящную ли, облегало оно дивно и благолепно. Хоть золота на него ушло свыше всякой меры, не отягощало оно носящего его и лежало на груди, словно легкий лен. Статным и мужественным казался носящий его и дивно прекрасной — носящая. Бессчетные самоцветы искрились на этом золотом оплечье, но и они были лишь оправой, что влекла взор к средоточию сияния: ибо посреди ожерелья подобно светильнику, горящему ясным пламенем, лучился Сильмариль Фэанора, драгоценность богов. Но увы, даже если бы не висело проклятье над золотом родотлим, не принесло бы удачи это оплечье, ибо с тяжелым сердцем работали над ним карлы и с недобрыми мыслями свивали его звенья. Однако они явили королю ожерелье во всем его сияющем великолепии, и не знало пределов ликование Тинвэлинта, короля лесных эльфов: тут же надел он ожерелье, чем навлек на себя проклятье Мима. Молвил тогда Уфэдин:

— Теперь, о Повелитель, когда радость твоя превысила даже твои ожидания, не пожалеешь ли ты мастерам королевскую награду, дабы и они в веселии отправились в родные края?

Но Тинвэлинт, опутанный чарами золота и проклятием Мима, не желал вспоминать свои обещания, но, притворясь, что готов их выполнить, он подозвал к себе мастеров и по-королевски восхвалял их труды. Наконец, молвил он:

— Истинно, было сказано Уфэдином, что по завершении работы вы назовете свою награду, но будет она невелика, ибо старались вы не ради наживы, а ради желания Уфэдина спасти золотой клад от гибели в водах. Говорите же, что вам любо из имеющегося у меня?

С насмешкой ему отвечал Уфэдин:

— Мне — ничего, о Повелитель, ибо чего еще желать вкушавшему гостеприимство твоих чертогов в течение семи и трех лун?

Но держали речь карлы:

— Вот что мы просим: за наши труды в течение семи лун — каждому по семь самоцветов Валинора, по семь волшебных одеяний, что лишь Гвэндэлин¹⁰ умеет ткать, и по мешку золота; а за наши великие труды в течение трех лун невольниками в твоих чертогах — каждому по три мешка серебра, по золотому кубку пить за твое здоровье, о Король, и по одной прекрасной деве из рода лесных эльфов, коих мы заберем с собой в наши жилища.

Сильно разгневался тогда король Тинвэлинт, поскольку то, что просили карлы, было уже само по себе большим богатством, ведь карлов

было немало, и не собирався король таким образом расточать драконов клад. А отдай он эльфийских дев неказистым гномам, ждал бы его несмываемый позор.

По наущению Уфэдина требовали этого карлы и, видя гнев на лице короля, продолжали они:

— Но нет, это еще не все, ибо в возмещение за пленение Уфэдина на семь лун должны отправиться с нами семь статных эльфов и семь раз по семь лет прожить с нами, будучи рабами нашими и выполняя черную работу.

Вскочил тут Тинвэлинт с трона и призвал своих вооруженных танов и воителей, повелевая им окружить науглат и гномов. Так молвил он:

— За дерзость вашу получит каждый три удара жалящей лозой, а Уфэдин — семь, а после поговорим о вознаграждении.

И было сие исполнено, от чего разгорелось в сердцах наказанных пламя жестокой мести, и продолжал король свою речь:

— Слушайте же: за ваши труды в течение семи месяцев каждый получит шесть золотых монет и одну серебряную, а за работу в моих чертогах в течение трех месяцев — три золотые монеты и один малый самоцвет, какой не жаль мне. За ваш путь сюда будете вы вознаграждены славным пиром и большим запасом на обратную дорогу, и прежде, чем уйти, выпьете вы за здоровье Тинвэлинта эльфийского вина. Однако, знайте, за то, что содержали мы Уфэдина здесь семь месяцев в безделье его, каждый заплатит мне по одной золотой монете и двум серебряным, поскольку ни гроша нет у него самого, и не получит он ничего, ибо сам так пожелал, а высокомерие ваше, мнится мне, — его рук дело.

Получили тогда карлы свое вознаграждение, словно простые кузнецы, что работают с железом и бронзой, и часть его вынуждены были вернуть в уплату за Уфэдина:

— А иначе, — сказал король, — никогда не получите вы его обратно.

Потом сели карлы пировать, скрыв свою злобу, а когда пришел им час уходить, испили они за здоровье Тинвэлинта эльфийского вина, прокляв короля в бороды, а Уфэдин не испил и выплюнул вино на порог.

Далее говорит предание, что отправились науглат домой, и если их жадность разгорелась уже давно, как только золото впервые было привезено в Ногрод, то ныне пылали они пламенем алчности, стократ усиленным оскорблениями короля. Воистину этот народ почитал золото и серебро более всего на свете, а уж тем более от злых чар сокровища не сыскать им спасения. Был среди них некий *Фанглуин** Престарелый, который с самого начала советовал не возвращать королю его золото,

* На полях рукописи было написано *Фанглуин: Синебород*.

говоря при том: «Уфэдина мы после, если захотим, попытаемся освободить хитростью», однако тогда показалось это неразумным Наугладуру, их владыке, не желавшему войны с эльфами. Но теперь, когда карлы вернулись, стал Фангуин насмехаться над ними, говоря, что трудились они за глоток вина и гроши, какие платят нерадивому подмастерью, и вдобавок навлекли на себя бесчестье, и играл он на их страсти к золоту, а Уфэдин вторил ему горькими словами. Тогда созвал Наугладур тайный совет карлов Ногрода, чтобы решить, как ему одновременно и отомстить Тинвэлинту, и утолить свою жадность¹¹.

Долго ломал он голову, но так и не измыслил, как можно осуществить задуманное, кроме как силой, а на успех в таком случае не стоило надеяться, ибо велико было воинство эльфов, что жили в те дни в Артаноре, и волшебство завесы Гвэнниэль охраняло все те края, так что идущие с недобрыми намерениями не находили дорогу в те леса, если только им не помогало чье-либо предательство.

И сидели старейшины в своих темных чертогах, и грызли бороды, как вдруг раздались звуки рогов: то прибыли вестники Бодруита, короля индрафангов, рода карлов, живших в других краях. Посланцы принесли известие, каковое лишь недавно достигло слуха Бодруита, — известие о гибели Мима Безотчего от руки Урина и о похищении золота Глорунда. Карлы же Ногрода знали не всю эту историю, а лишь то, что пересказал Уфэдин из слышанного им в чертогах Тинвэлинта, но не обо всем поведал Урин, прежде чем покинуть короля. Посему это известие разожгло в сердцах карлов, снедаемых алчностью, новую ярость, и зашумели они в возмущении, и поклялся Наугладур не ведать покоя, пока не будет Мим трижды отмщен:

— И более того, — молвил он, — видится мне, что принадлежит это золото по праву народу карлов.

Таков был его замысел; и деяния эти навсегда ввергли карлов в усобицы с эльфами и заставили их теснее подружиться со слугами Мэлько. Тайно отправил Наугладур послание индрафангам, дабы готовили те войско ко дню, что будет назван, когда придет время; и начали тогда в Бэлэгосте, где обитали индрафанги, тайно ковать острые клинки. Наугладур же собрал огромный отряд из орков и бродячих гоблинов, обещая им щедрую награду и богатую добычу, а также, что их Хозяин останется ими доволен; и сам вооружил их. И тогда пришел к Наугладуру эльф из подданных Тинвэлинта и предложил провести отряд

сквозь волшебную завесу Гвэндэлин, ибо и его поразила жажда золота при виде клада Глорунда, и пало на Тинвэлинта проклятие Мима, и впервые среди эльфов Артанора свершилось предательство. [Усмехнулся] тогда злобно Наугладур, ибо понял он, что время пришло и что Тинвэлинт в его руках. Было так, что каждый год в память охоты Бэрэна на волка около того же времени Тинвэлинт устраивал великую ловитву, и собиралось на нее множество гостей, что ночи напролет веселились и пировали в лесу. Узнав от эльфа Нартсэга, чье имя до сих пор с горечью поминают эльдар, что король выедет на охоту через одно полнолуние, Наугладур тотчас выслал Бодруиту в Бэлэгост условный знак — окровавленный нож. И тогда все их войско собралось у окраин леса, но неведомо о том было эльфийскому королю.

Далее повествует сказание, что явился к Тинвэлинту некто, но не узнал его Тинвэлинт из-за косматых его волос, а был то Маблунг, и молвил он королю:

— Даже у нас, в глуши лесов, мы прослышали о том, что намереваясь нынче ты праздновать смерть Каркараса пышнее, чем когда бы то ни было, и видишь, о Король, я снова здесь, дабы сопроводить тебя.

Безмерно счастлив был король приветствовать у себя Маблунга Храброго, и его словам, что Хуан, предводитель псов, также пожаловал в Артанор, возрадовался он.

И вот выехал Тинвэлинт на охоту, и облачение его было прекраснее, чем когда-либо: золотой шлем венчал развевающиеся кудри, золото украшало сбрую его коня; и когда солнечный свет, пробиваясь сквозь листву, падал на лицо короля, то всем, кто его видел, казалось оно подобным сияющему лику утреннего солнца, ибо шею короля обвивал Науглафринг, Ожерелье Карлов. Подле короля ехал Маблунг Тяжелая Длань, что заслужил сие почетное место своими деяниями во время той великой охоты, Хуан же из рода Псов бежал впереди охотников, и тем чудилось, будто великий пес ведет себя немного странно, но, может, это просто ветер в тот день принес запах, который не пришелся ему по сердцу.

И вот уже далеко в лес углубился король вместе со всей свитой, и звон рогов отдалился, Гвэндэлин же пребывает в своих покоях, и злое предчувствие туманит ее очи и полнит ее сердце. И спросила тогда королеву эльфийская дева Ниэльти:

— Что печалит тебя, о Госпожа, во время праздника короля?

И молвила Гвэндэлин:

— Зло пробирается в наш край, и говорит мне сердце, что мои дни в Артаноре подходят к концу, и если суждено мне потерять

Тинвэлинта, то горько я пожалею о том, что покинула когда-то Валинор.

Но спросила Ниэльти:

— Но не ты ли, о Владычица Гвэндэлин, сплела завесу волшебства вокруг всех нас, дабы не испытывали мы страха?

Однако ответствовала королева:

— И все же кажется мне, что крыса гложет нити и распадается сотканное.

И как только вымолвила она последнее слово, в дверях послышался крик, который в мгновение ока перерос в ужасный шум . . . лязгом стали. Без страха покинула Гвэндэлин свои покои и увидела, что мост захвачен бесчисленными орками и индрафангами, а у входа в пещеры идет бой, и кровь течет рекой, и все покрыто телами убитых, ибо внезапным и неожиданным было нападение.

И поняла тогда Гвэндэлин, что не обмануло ее предчувствие и что проникла и в их край измена, но все же стала ободрять она тех немногих стражей, которые остались при ней и не отправились на охоту, и мужественно защищали они королевский дворец, пока не смела их лавина нападающих [и] не наполнились огнем и кровью все чертоги и переходы великой твердыни эльфов.

Все покои обшарили орки и карлы, взыскав сокровищ, а некто даже осмелился взойти и с громким смехом усесться на высокий трон короля, и узрела Гвэндэлин, что это Уфэдин, который, издеваясь, просил ее занять привычное место подле короля. И взглянула Гвэндэлин на него так, что он опустил глаза, и молвила:

— Зачем ты, отступник, оскверняешь трон повелителя моего? Не ожидала я увидеть на этом троне эльфа, запятнанного кровопролитием, грабителя, союзника беспощадного врага собственного племени. Или ты думаешь, будто совершил славное деяние, напав на беззащитный дом, пока хозяин в отлучке?

Но молчал Уфэдин, избегая горящего взора Гвэндэлин, и она заговорила снова:

— Убирайся же отсюда со своими мерзостными орками, или познаешь ты гнев Тинвэлинта, когда он вернется.

И лишь тогда ответил ей Уфэдин. Он принужденно рассмеялся и, все еще не глядя на королеву и прислушиваясь к доносящемуся снаружи шуму, сказал:

— Что ж, он уже вернулся.

И вошел тогда в зал Наугладур с отрядом карлов, в руке же нес он голову Тинвэлинта в короне и золотом шлеме, а диво-ожерелье сияло на шее Наугладура. И открылось тогда Гвэндэлин все случившееся и то, как проклятье золота поразило королевство Артанор, и никогда она больше не пела и не танцевала с того черного часа. Наугладур же повелел собрать все, что сделано из золота, серебра и драгоценных камней, и отнести в Ногрод:

— А все, что останется, будь то добро или люд, пусть орки забирают

или убивают — как им угодно. И только Владычица Гвэндэлин, Королева Артанора, отправится со мной.

Молвила тогда Гвэндэлин:

— Грабитель и убийца, отродье Мэлько, глупец ты, ибо не видишь, что нависло над твоей головой!

Душевные муки обострили прозорливость королевы, а мудрость фэй позволила ей ясно узреть проклятие Мима и многое из того, чему предстояло совершиться.

А Наугладур, упоенный своей победой, лишь рассмеялся так, что затряслась его борода, и приказал схватить королеву: но никому это было не под силу, те же, кто приблизился к ней, внезапно сделались как слепые во тьме и попадали, сбивая друг друга с ног, а Гвэндэлин покинула свое жилище, и наполнился лес ее горьким плачем. Тьма окутала ее разум, рассудок и мудрость оставили ее, и долго бродила она, не ведая куда идет; и было так из-за любви ее к Тинвэлинту, ради которого она решила никогда не возвращаться в Валинор к красоте богов, поселившись в диких северных лесах; теперь же не осталось для нее ни прелести, ни радости ни в Валиноре, ни в Землях Вовне. Много бродячих эльфов встретила она в своих бесцельных скитаниях, и жалели они ее, но Гвэндэлин их не замечала. О многом поведали ей эльфы, но мало она внимала, ибо Тинвэлинт был мертв; но услыште же о том, что происходило в то время, когда воинство Уфэдина ворвалось во дворец и стало его разорять. Остальные отряды орков и индрафангов, столь же огромные и свирепые, огнем и мечом прошлись по всему королевству Тинвэлинта, а король в это время отдыхал со своими отважными охотниками, и царили среди них смех и веселье, лишь Хуан отделился ото всех. Потом внезапно весь лес наполнился шумом, и громко залаял Хуан, но король и вся его свита уже были окружены вооруженными врагами. Долго и отчаянно сражались они меж деревьев, и науглат — ибо это они напали на короля — сильно пострадали от мечей эльфов, и многие из них были убиты. Но все же, в конце концов, все эльфы погибли в том бою, и Маблунг пал бок о бок с королем, и лишь после смерти Тинвэлинта осмелился Наугладур снести его голову, ибо не смел он приблизиться к его сияющему мечу и секире Маблунга¹².

Больше ничего не говорится в этом сказании о Хуане, кроме того, что, пока еще звенели клинки, мчался великий пес, словно [?ветер], по дороге, ведущей в землю и-Гуильвартон, живущих-мертвых, где правили Бэрэн и Тинувиэль, дочь Тинвэлинта. Но не имелось у них постоянного обиталища, и границы их царства не были отмечены — так что воистину, никакой иной посланник, кроме лишь Хуана, которому ведомы все пути,

не смог бы найти Бэрэна и так быстро вызвать его на подмогу.¹³ И говорит сказание, что пока отряды орков предавали огню земли Тинвэлинта, а науглат и индрафангин, отягощенные добытым золотом и драгоценностями, возвращались домой, достиг Хуан жилища Бэрэна, и уже стемнело. Бэрэн в тот час сидел у подножья дерева и смотрел, как Тинувиэль танцует на зеленой лужайке, растворяясь в сумерках, и когда пред ними внезапно предстал Хуан, он воскликнул от радости и удивления, ибо давно уж не охотились они вместе. Но взглянула Тинувиэль на Хуана и увидела, что он ранен, и печальные новости читались в его огромных глазах. И воскликнула она тогда:

— Что за несчастье постигло Артанор? — на что отвечал Хуан:

— Огонь и смерть, и ужас орков, Тинвэлинт же погиб.

Горько заплакали тогда Бэрэн и Тинувиэль, и слез этих не высушил и весь рассказ Хуана. Когда же повесть подошла к концу, вскочил Бэрэн, охваченный неистовой яростью, и, сорвав с пояса рог, затрубил в него так звонко, что звук рога разнесся по всем окрестным холмам, и, словно по волшебству, со всех полян и холмов, из-за всех рощ и ручьев появились эльфы, одетые в зеленое и бурое.

Даже Бэрэн не знал точного числа тех несметных полчищ, что откликнулись тогда на звук его рога в лесах Хисиломэ, и прежде, чем поднялась над горами луна, целая армия собралась на поляне перед его жилищем, однако были они плохо вооружены — у большинства имелись лишь ножи и луки.

— Однако, — молвил Бэрэн, — важнее всего сейчас быстрота, — и по его слову несколько эльфов прыгнули вперед подобно оленям, чтобы добыть новости о походе карлов и индрафангов, а с рассветом отправился в путь и сам Бэрэн, ведя за собой зеленых эльфов, Тинувиэль же осталась на поляне оплакивать смерть Тинвэлинта и горевать по Гвэндэлину, как по мертвой.

А нагруженное войско карлов уходило все дальше от разграбленного ими места, и возглавлял карлов Наугладур, а Уфэдин с Бодруитом ехали подле него. Все это время Уфэдин тщился забыть внушающий ужас взор Гвэндэлина, но напрасно, и радость оставила его сердце, что сжималось, едва лишь вспоминался гному тот взгляд. Но не только это мучило Уфэдина, ибо стоило ему поднять глаза, как видел он сияние Ожерелья Карлов на старческой шее Наугладура, и зрелище это изгоняло из головы гнома все мысли, кроме нестерпимого желания владеть этой красотой.

Так продвигались они вперед, а с ними — все их войско, но вскоре так возросло мучение Уфэдина, что не мог он его более выносить,

и ночью, во время привала, тайно пробрался туда, где спал Наугладур, и, подойдя к окутанному дремотой старцу, занес руку, дабы убить карлу и забрать чудесный Науглафринг. Но внезапно набросился на него кто-то сзади и схватил за горло, и был то Бодруит, который, исполнен того же желания, также искал присвоить эту чудную вещь, однако ныне, наткнувшись на эльфа, жаждал смерти Уфэдину, поскольку приходился Бодруит родичем Наугладуру. Тогда Уфэдин внезапно нанес наугад в темноту за своей спиной удар ножом, длинным и узким, что приготовил он в ту ночь для Наугладура, и нож этот пронзил грудь Бодруита, Владыки Бэлэгоста, который повалился безжизненно на Наугладура, и шею Наугладура и волшебное оплечье оросила кровь.

От того пробудился Наугладур с громким криком, а Уфэдин пустился бежать, еле дыша, ибо чуть не задушили его длинные пальцы индрафанга. Когда же поспешно принесли факелы, подумал Наугладур, что лишь Бодруит пытался украсть у него драгоценность, и подивился тому, что покушавшегося на убийство так вовремя сразили. Богатое вознаграждение обещал Наугладур убийце Бодруита, если тот покажется и поведает обо всем, что видел. Таким образом, никто пока не заметил исчезновения Уфэдина, и начался раздор между карлами Ногрода и индрафангами. Многие пали, но вскоре индрафанги, что уступали численностью, были рассеяны и стали поодиночке добираться в Бэлэгост, неся с собой малую часть сокровищ. Так было положено начало вековой вражде между этими двумя родами карлов, что распространилась на многие земли и о которой осталось множество преданий, о коих мало ведомо эльфам и еще меньше — людям. Однако, как видно, проклятие Мима почти сразу обратилось против его собственного народа, с которым и пребыло, не тревожа более род эльдар.

А когда обнаружился побег Уфэдина, пришел Наугладур в ярость и приказал предать смерти всех оставшихся в войске гномов. После молвил он:

— Теперь мы избавились от всех изменников, от индрафангов и гномов, и нечего нам более опасаться.

А Уфэдин скитался в это время по диким землям, гонимый страхом и мукой, ибо мнилось ему, что, предав собственных сородичей, он, запятнанный кровью эльфов и преследуемый [?обжигающим] взглядом королевы Гвэндэлин, ничего этим не добился, кроме изгнания и нищеты, ибо ни крупинки золота не досталось ему из клада Глорунда. Пламенем алчности горело сердце Уфэдина, но мало кто ему сочувствовал.

Далее говорит предание, что он повстречался со следопытами народа Бэрэна, и они узнали от него все о войске Наугладура и его снаряжении,

а также о том, куда карлы направляются, и тогда быстрее ветра помчались следопыты по лесу обратно к своему господину; но не открыл им Уфэдин, кто он, притворясь эльфом из Артанора, бежавшим из плена карлов. Потому они хорошо отнеслись к нему и отправили его к Бэрэну, чтобы их предводитель слова Уфэдина, и хотя Бэрэн подивился [? трусливой]¹⁴ и опущенному взгляду гнома, ему показалось, что словам гнома можно верить, и он устроил Наугладуру засаду.

Узнав, что рано или поздно карлы будут переправляться через реку Арос, Бэрэн прекратил погоню по горячим следам и направился со своими легконогими эльфами по кратчайшим тропам, чтобы первыми добраться до Сарнатрода, Каменистого Брода. Арос же — бурная река, и это не тот самый поток, что ближе к верховьям стремительно катит свои воды у древних врат пещер родотлим и мимо темного логова Глорунда¹⁵. Здесь, ниже по течению, его ни за что не перейдет тяжело нагруженный отряд, разве что через брод, но и по нему перебраться нелегко. Знал бы Наугладур о Бэрэне, никогда не выбрал бы он этот путь, но, ослепленный чарами и блеском золота, он не боялся никого, ни своих, ни чужих, и жаждал лишь как можно скорее добраться до Ногрода с его темными пещерами, ибо не могут карлы долго выносить яркий дневной свет.

И вот его войско достигло берегов Ароса, и было оно выстроено так: сначала шли карлы в полном вооружении без груза, затем большой отряд тех, кто нес золото Глорунда и множество прекрасных вещей, награбленных в чертогах Тинвэлинта, а за ними — Наугладур, который ехал на коне Тинвэлинта, хотя и выглядел на нем нелепо, ибо ноги у карлов короткие и кривые. Двое карлов вели того коня, ибо он упирался и был сильно нагружен добычей. За ними шел еще один отряд вооруженных карлов с легкими ношами, и именно так собирались они пересечь Сарнатрод в тот роковой день.

Утром вышли они на берег, и когда солнце перевалило за полдень, они все еще вышагивали растянувшимися цепочками, медленно переходя по отмелям стремительный поток. Здесь река делалась шире и расходилась на загроможденные валунами узкие протоки, отделенные друг от друга перекатами, покрытыми галькой и мелкими камнями. Наконец, и Наугладур слез с перегруженного коня и собрался переправиться на тот берег, куда уже поднялся вооруженный передовой отряд. Дальний берег был высокий, крутой и покрыт густым лесом, и некоторые из несущих клад уже ступили на него, но другие все еще перебирались через поток, а воины, прикрывавшие тыл, стояли пока на этом берегу.

Внезапно округу огласили звуки эльфийских рогов, и один¹⁶ звонче прочих, и был то рог Бэрэна, лесного охотника. И тут же в воздух устремились множество тонких стрел эльдар, которые никогда не проходят мимо цели и которых никогда не сносит ветром, и вот из-за каждого дерева и валуна выскакивают эльфы в буром и зеленом и, не останавливаясь, посылают из полных колчанов все новые и новые стрелы. Тревога и шум поднялись тогда в войске Наугладура, и те, что шли по броду, бросили в страхе свой золотой груз в поток и ринулись кто куда, но многих из них поразили те безжалостные стрелы, и канули карлы вместе с золотом в Арос, окрасив его чистые воды своей темной кровью.

Воины на дальнем берегу были [?втянуты] в сражение, но когда они хотели ударить по врагам своим, те скрылись с легкостью, тогда как [?остальные] продолжали осыпать карлов градом стрел, и, таким образом, мало ран получили эльдар, а карлы падали один за другим. Так разразилось великое сражение у Каменистого Брода близко к Наугладуру, ибо, хоть и вели Наугладур и его командиры, не ведая страха, в бой свои отряды, не могли карлы добраться до врага, и смертоносный дождь продолжал сыпаться на их ряды, пока большинство из них не дрогнули и не пустились наутек. Послышался тогда звонкий эльфийский смех, и опустили эльфы свои луки, исполнившись веселья при виде бегства неуклюжих карлов, чьи белые бороды трепал ветер. Но не обратился в бегство Наугладур и несколько его воинов, и сразу вспомнил карла слова Гвэндэлин, когда перед ним появился Бэрэн и, отбросив лук, обнажил свой сверкающий меч; а Бэрэн, надо сказать, был высок и статен среди эльдар, хотя и не так широк в плечах и могуч, как Наугладур, король карлов.

Молвил тогда Бэрэн:

— Защищай свою жизнь, как можешь, о кривоногий убийца, ибо я пришел отнять ее у тебя, — и даже Науглафринг, дивное ожерелье, предлагал Наугладуру ему за свою жизнь, но отвечал Бэрэн:

— Не будет этого, ибо я и так получу его, убив тебя, — и в одиночку напал на Наугладура и его людей. Когда он сразил первых из них, остальные бросились бежать под смех эльфов, и так добрался Бэрэн до Наугладура, убийцы Тинвэлинта. Мужественно защищался старый карла, и отчаянным был поединок, и не раз эльфы, что следили за боем, в страхе за любимого вождя брались за тетиву, но каждый раз кричал им Бэрэн, чтобы они опустили луки.

Немного может поведать предание о тех ударах и ранах, которые были нанесены и получены во время этого поединка, но известно, что много раз был ранен тогда Бэрэн и что многие из его яростных ударов

не причиняли вреда Наугладуру, защищенному кольчугой, созданной [?мастерством] и волшебством карлов; говорят, что три часа длился их бой, и начал уставать Бэрэн, но никак не Наугладур, чьи руки были привычны к тяжелому кузнечному молоту, и мог бы тогда иначе завершиться поединок, если бы не проклятье Мима, ибо, заметив усталость Бэрэна, стал Наугладур биться еще яростнее и, ослепленный чарами проклятья, уже мыслил самонадеянно: «Я убью этого эльфа, и весь его народ разбежится в страхе». Сильнее сжал он в руке свой меч и нанес сокрушительный удар, воскликнув при этом:

— Получай же, ты, лесной недоросток! — но в этот миг нога его ступила на острый камень, и он полетел вперед, а Бэрэн, увернувшись от удара, схватил его за бороду и за золотое оплечье, а после рывком уложил Наугладура лицом вниз, отчего тот выронил свой меч. И схватил Бэрэн сей меч, и сразил им Наугладура, молвив:

— Незачем без нужды пятнать мой светлый клинок твоей темной кровью.

Тело же Наугладура было брошено в воды Ароса.

Затем расстегнул Бэрэн Ожерелье и, изумленно взглянув на него, узрел Сильмариль, сокровище, добытое им в Ангбанде, за что снискал Бэрэн вечную славу; а после молвил он:

— Никогда еще ни видели очи мои, о Светоч Фаэри, чтобы ты сиял столь дивно, как ныне, оправленный в золото и самоцветы волшебством карлов, — и приказал Бэрэн смыть с ожерелья пятна крови и не выбросил его, не ведая о его силе, а забрал с собой в чащи Хитлума.

Но воды Ароса навсегда сокрыли утонувший клад Глорунда, и доселе он там, ибо когда много дней спустя карлы из Ногрода пришли сюда искать его и тело Наугладура, сорвался с гор мощный поток и погубил их всех, и так велик теперь ужас мрачного Каменистого Брода, что никто больше не ищет хранимого им сокровища и не осмеливается переправляться через волшебную реку в этом зачарованном месте.

Но в долинах Хитлума все радовались возвращению эльфов, и счастлива была Тинувиэль видеть своего господина, вернувшегося со своим войском, однако известие о смерти Наугладура и множества карлов не могло облегчить ее печаль по Тинвэлинту. Тогда Бэрэн, дабы утешить Тинувиэль, заключил ее в объятья и надел ей на шею прекрасный Науглафринг, и были все ослеплены тогда ее красотой; и вымолвил Бэрэн:

— Узри же, се Светоч Фэанора, который ты и я отвоевали у Преис-

подней, — и улыбнулась Тинувиэль, вспомнив первые дни их любви и дни скитаний по диким краям.

Теперь следует поведать о том, что послал Бэрэн за Уфэдином и щедро вознаградил его за правдивые сведения, благодаря которым побеждены были карлы, и предложил ему жить в среди его народа, от чего Уфэдин не стал отказываться; но вскоре произошло то, чего он менее всего желал. Ибо долетело из леса скорбное пение, и явилась Гвэндэлин, что скиталась, безумная, и ноги несли ее прямо на середину поляны, где сидели Бэрэн и Тинувиэль. Стояло утро, но при звуках того пения все затихли, и воцарилось молчание. С благоговейным трепетом воззрился Бэрэн на Гвэндэлин, а Тинувиэль воскликнула в скорби, смешанной с радостью:

— О Гвэндэлин, матушка моя, куда идешь ты, а ведь я мнила тебя мертвой! — и отрадным было их свидание на той зеленой лужайке. А Уфэдин бежал прочь от эльфов, ибо не в силах он был выдержать взор Гвэндэлин, и обуяло его безумие. Никому не ведома его горькая судьба, и ничего не принесло ему Злато Глорунда, кроме измученного сердца.

Услыхав крики Уфэдина, удивленно посмотрела Гвэндэлин ему вслед, и нежные слова замерли на ее устах; и вернулась к ней память, а в глазах отразилось понимание, посему вскрикнула она в изумлении, узрев Ожерелье Карлов на белой шее Тинувиэль. Затем гневно спросила Гвэндэлин у Бэрэна, что это означает и почему допускает он, чтобы эта проклятая вещь касалась Тинувиэль. И поведал ей Бэрэн¹⁷ все, что узнал от Хуана, что видел и о чем догадался, а также о погоне и сражении у брода рассказал он, молвив под конец:

— Воистину не вижу я, кто нынче, когда владыка Тинвэлинт отправился в Валинор, достоин носить сию драгоценность богов, если не Тинувиэль.

Но поведала тогда Гвэндэлин о заклании, что дракон наложил на золото, и о крови, [?пролитой] в королевских чертогах:

— И еще одно, куда более сильное проклятье, источник которого мне неведом, вплетено в него, — молвила она, — и кажется мне, что и карлы в трудах своих не обошлись без недобрых чар, которые не скоро исчезнут.

Но Бэрэн лишь рассмеялся и сказал, что сияние Сильмарилля и его святость легко побеждает любое зло, ведь опалил камень и [?мерзостную] плоть Каркараса.

— К тому же, — молвил Бэрэн, — никогда я еще не видел мою Тинувиэль столь прекрасной, как ныне, когда шею ее облекает это чудное золотое ожерелье.

Но отвечала ему Гвэндэлин:

— И все же Сильмариль долго пребывал в Короне Мэлько, а ковали ее воистину зловещие кузнецы.

Молвила тогда Тинувиэль, что не нужны ей ни драгоценности, ни самоцветы, а лишь радость эльфийских лесов, и чтобы угодить

Гвэндэлин, сняла она ожерелье; но не был рад этому Бэрэн и не дал он его выбросить, а хранил у себя в¹⁸

После этого Гвэндэлин пожила еще немного с ними в лесах и исцелилась, а потом вернулась, исполненная печали, в землю Лоризна, и более не упоминают о ней предания живущих на земле; Бэрэна же и Тинувиэль постигла вскоре судьба смертных, которую провозгласил Мандос, отпуская их из своих чертогов, — и, быть может, в том, что это случилось так быстро, сказала [? сила] проклятья Мима; и на сей раз не вместе прошли они эту дорогу, ибо, когда был их ребенок, Диор¹⁹ Дивный, еще мал, начала Тинувиэль медленно истаивать, как все эльфы мира в последующие дни, и исчезла в лесах, и никто больше не видал ее танцующей среди деревьев. Бэрэн обошел все земли Хитлума и Артанора, ища ее, и никто из эльфов не был столь одинок, как он, пока он тоже не начал истаивать и не ушел из жизни, а сын его Диор остался правителем бурых и зеленых эльфов и Владельцем Науглафринга.

Может, и правду говорят эльфы, что охотятся сейчас они в лесу Оромэ в Валиноре и Тинувиэль танцует на зеленых лужайках Нэссы и Ваны, дочерей богов; однако велико было горе эльфов, когда Гуильвартон покинули их, и когда эльфы остались без предводителя и без волшебства, число их уменьшилось, и многие ушли в Гондолин, о растущей славе и мощи которого среди эльфов давно уже ходили слухи.

Но, тем не менее, когда Диор достиг зрелости, правил он многочисленным народом, и любил он леса, как и Бэрэн. В песнях называли его Аусир Богатый, ибо владел он чудесным самоцветом, вправленным в Ожерелье Карлов. Но плохо помнил он историю Бэрэна и Тинувиэль, и привык носить на шее это ожерелье, полюбив всем сердцем его красоту; и молва о сокровище, как огонь, распространилась по всем землям Севера, и говорили друг другу эльфы: «Сильмариль Фэанора пылает в лесах Хисиломэ».

Ныне долгая история Эльфинесса доходит до дней, когда Туор пребывает в Гондолине; и появились тогда дети у Диора-эльфа,²⁰ Аурэдир и Эльвинг. Аурэдир был удивительно похож на своего прародителя Бэрэна, и все любили его, но Диор — более всех; а Эльвинг-фэери все песни называли прекрасной, как Тинувиэль, если такое вообще возможно, однако, сложно об этом судить, столь велика была

в те далекие времена прелесть эльфийского народа. То были счастливые дни для жителей долин Хитлума, поскольку был тогда мир с Мэлько и карлами, ибо те, одержимые одной-единственной мыслью, злоумышляли против Гондолина, а в Ангбанде кипела работа; однако, следует поведать и о том, как копилась горечь в сердцах семи сыновей Фэанора, что помнили свою клятву. Был тогда Майдрос, искалеченный Мэлько, их вождем, и призвал он братьев своих Маглора и Динитэля, Дамрода и Кэлэгорма, Крантора и Куруфина Искусного и поведал им, как стало известно ему о том, что Сильмариль, сотворенный отцом их Фэанором, содеялся нынче гордостью и славой Диора из южных долин:

— И дочь его Эльвинг надевает его, куда бы ни шла. Но вспомните, — говорил он, — что клялись мы воевать с Мэлько и с его слугами и со всеми, кто живет на земле, если не отдадут они нам Сильмарили Фэанора. Чего ради, — продолжал Майдрос, — мы терпим изгнание, скитаясь, и правим лишь горсткой забытого народа в то время, как другие складывают в свои сокровищницы наше наследство?

И тогда послали они к Диору Куруфина Искусного поведать об их клятве и просить его отдать дивный камень тем, кому он принадлежит по праву; но Диор, глядя на красоту Эльвинг, не пожелал того, сказав, что не может он позволить, дабы Науглафринг, прекраснейшее из земных творений, был испорчен.

— Тогда, — молвил Куруфин, — должно передать Науглафринг сыновьям Фэанора в целости, — и разъярился на то Диор и приказал ему убираться и не сметь больше требовать того, что родитель его Бэрэн Однорукий ценой своей длани вырвал из [? челюстей] Мэлько.

— И осталось там еще два, — молвил он, — да хватит ли у вас на это храбрости?

Тогда вернулся Куруфин к братьям, и из-за своей нерушимой клятвы и [? жажды] получить Сильмариль (не понадобилось даже проклятье Мима и дракона) они замыслили войну с Диором — и за это деяние, за первую умышленную войну эльфов с эльфами, снискали они позор среди эльдалиэ, которые иначе бы высоко чтили их за их страдания. Но и война ничего не дала им, ибо когда они напали на Диора без предупреждения и убили его и Аурэдира, Эвранин, няня Эльвинг, и Гэрэтгном заставили Эльвинг немедленно бежать из тех краев и унесли они с собой Науглафринг, который сыновья Фэанора даже не увидели; и явилось вскоре, хоть и опоздав, к месту сражения войско Диора и напало на них сзади, и яростным был тот бой, в котором пал Маглор, и Май....²¹ от ран в глуши, и Кэлэгорма с Крантором пронзила сотня стрел.

Однако в конце концов сыновья Фэанора вышли победителями в этой битве, и бурые и зеленые эльфы рассеялись по всем землям, не зная счастья, ибо не желали они подчиняться ни калек Майдросу, ни Куруфину или Дамроду, убийцам их владыки; и говорят, что в тот самый день, когда произошла та битва, Мэлько выступил против Гондолина и сим пали на эльфов величайшие горести.

И вот никого не осталось из рода Бэрэна Эрмавэда, сына Эгнора, кроме Эльвинг Пригожей, которая бродила в лесах, и собралось вокруг нее немного зеленых и бурых эльфов, и они навеки покинули поляны Хитлума и отправились на юг, в те отдаленные края, где Сирион несет свои глубокие воды.

И сим судьбы всех фэери сплелись в единую нить, и нить эта и есть великое сказание об Эарэндэле; теперь мы добрались до настоящего начала этой истории.

Затем молвил Айлиос:

— И, мнится мне, достаточно на сегодня сказаний.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Это предложение является переделкой текста, который первоначально выглядел так:

Неужели вам не ведомо, что это золото принадлежит лишь роду эльфов, которые давным-давно отвоевали его у земли, и поэтому ни у кого из людей не может быть права...

Оставшаяся часть этой сцены, заканчивающейся истреблением отряда Урина, была переписана во многих местах с той же самой целью, что и в вышеприведенном отрывке, — превратить отряд Урина из людей в эльфов, что было сделано также и в конце рассказа Эльтаса (см. с. 118, примечание 33). Таким образом, первоначальное «эльфы» было изменено на «эльфы леса, лесные эльфы», а первоначальное «люди» — на «разбойники»; см. примечания 2, 3, 5.

- 2 Первоначально предложение имело следующий вид:

Отважными бойцами были разбойники и искусно владели мечами и секирами, и могло еще в те давние дни оружие смертных ранить эльфийскую плоть.

См. примечание 1.

- 3 В оригинале здесь было «люди». См. примечание 1.
- 4 Это предложение, начиная с «и принесло плоды зло...», было добавлено в текст позже.
- 5 «тех»: в тексте стоит «людей», явно вследствие недосмотра. См. примечание 1.

- 6 «в земле» — исправление первоначального «на земле».
- 7 «украшен причудливой насечкой». Использованное здесь слово *damasked* означает то же самое, что и *damascened* — «украшенный насечкой из золота или серебра» — как сказано об изготовленном карлами мече Тинвэлинта, украшенном эпизодами охоты на волка (с. 227) и об оружии Глорфиндэля (с. 173).
- 8 В тексте стоит «Эльтас», но сверху карандашом написано «Айлиос». Поскольку Айлиос является рассказчиком с самого начала повести и не в результате исправлений, то, скорее всего, «Эльтас» — просто описка.
- 9 «кроме лишь Сердечка» — это исправление первоначального «даже Сердечко». См. с. 256.
- 10 Странно, что здесь появляется *Гвэндэлин*, а не *Гвэнниэль*, как ранее в этой же истории. Поскольку первая часть текста написана чернилами поверх стертого карандаша, то наиболее вероятное объяснение заключается в том, что в стертом тексте стояло имя *Гвэндэлин*, и по мере того, как мой отец переписывал текст, он заменял его на *Гвэнниэль*, проглядев его в одном лишь данном случае. Но возможно, что все еще сложнее, и это одна из маленьких загадок, которыми изобилуют тексты *Утраченных Сказаний*, поскольку и по окончании части, написанной чернилами, мы находим форму *Гвэнниэль*, правда, только один раз, а потом до конца рассказа используется *Гвэндэлин*. См. *Изменения в именах и названиях*, с. 244.
- 11 Здесь заканчивается текст, написанный чернилами; см. с. 221.
- 12 Напротив этого предложения мой отец записал предполагаемое развитие сюжета: Науглафринг зацепился за кусты и задержал короля.
- 13 Отвергнутый абзац рукописи дает здесь раннюю версию событий, согласно которой не Хуан, а Гвэндэлин принесла новость Бэрэну:

...и ее горький плач заполнил лес. Тогда собрала вокруг себя Гвэндэлинг [*sic*] многих из рассеявшихся лесных эльфов, от которых она услышала, что все произошло точно так, как она предполагала: как охотники были окружены и побеждены науглат в то время, как индрафанги и орки внезапно обрушились огнем и смертью на владения Тинвэлинта, и не последним из них был отряд Уфэдина, который убил стражей моста; и говорили также, что Наугладур сразил Тинвэлинта благодаря большому преимуществу в числе, и подозревали эльфы, что это Нартсэг, дикий эльф, привел врагов, и что он погиб в бою.

Тогда, потеряв надежду, Гвэндэлин и ее спутники поспешили поскорее покинуть этот скорбный край и направились в королевство и-Гуильвартон в Хисиломэ, где правили Бэрэн и ее дочь Тинувиэль. Но у Бэрэна и Тинувиэль не было постоянного жилища, и границы их царства не были отмечены — так что ни один другой вестник, кроме Гвэндэлин, дщери вали, не смог бы так быстро найти эту пару живущих-мертвых.

Из рукописи явствует, что возвращение Маблунга и Хуана в Артанор и их присутствие на охоте (о чем упомянуто в конце *Сказания о Тинувиэль*, с. 41) были добавлены в повествование, и вследствие введения этого

нового элемента изменился маршрут странствий Гвэндэлин после нападения на королевство эльфов. И хотя здесь чрезвычайно сложно проследить историю изменений текста со всеми исправлениями и добавлениями на отдельных листах, я думаю, что этот момент был переработан еще в то время, когда сказание записывалось впервые.

- 14 Первый из пробелов, оставленных мной в тексте, содержит два слова, первое из которых, возможно, «believe» [верить], а второе похоже на «best» [лучше]. Слово из второго пробела, по всей вероятности, «pallor» [бледность].
- 15 Это предложение, начиная со слов «и это не тот самый поток», перечеркнуто и взято в скобки, а на полях рукой моего отца написано: «Нет [? to] Нарог».
- 16 Неразборчивое слово, возможно, «brays» [гудит]: слово «звонче» — это исправленное «более хриплым».
- 17 «and told Beren», т. е. «and Beren told» [«и поведал (ей) Бэрэн»]. В первоначальном тексте было «Then told Beren» [что можно было бы понять как «и поведала Бэрэну»].
- 18 Неразборчивое слово могло бы быть «treasury» [сокровищница], но я в этом сомневаюсь.
- 19 Имя *Диор* заменило первоначальное *Аусир*, которое, тем не менее, появляется ниже в качестве другого имени Диора.
- 20 «Диор-эльф» заменило первоначальное «Диор, уже взрослый эльф».
- 21 Последняя часть имени написана совершенно неразборчиво: может, следует читать *Майтог* (*Maihog*), а может, *Майльвэг* (*Mailweg*). См. *Динитэль* в *Изменениях в именах и названиях*.

Изменения в именах и названиях в Сказании о Науглафринге

Ильфиниол (*Ilfiniol*) (с. 221) пишется так с начала: см. с. 201.

Гвэнниэль (*Gweniel*) используется во всей исправленной части сказания, кроме последнего появления (с. 228), где стоит *Гвэндэлин* (*Gwendelin*); в написанной карандашом части королева сначала снова названа *Гвэнниэль* (с. 230), а потом только *Гвэндэлин* (см. примечание 10).

Имя королевы в *Утраченных Сказаниях* также подвержено изменениям, как и имя *Сердечка*. В *Оковах Мэлько* и в *Пришествии Эльфов* она *Тиндриэль* (*Tindriel*) > *Вэндэлин* (*Wendelin*). В *Сказании о Тинувиэль* она *Вэндэлин* > *Гвэндэлинг* (*Gwendeling*) (см. с. 50); в машинописной версии *Сказания о Тинувиэль* — *Гвенэтлин* (*Gwenethlin*) > *Мэлиан* (*Melian*); в *Сказании о Турамбаре* — *Гвэндэлинг* (*Gwendeling*) > *Гвэдэлинг* (*Gwedbeling*); в настоящей повести — *Гвэндэлин/Гвэнниэль* (форма *Гвэндэлинг* появляется лишь в отвергнутом отрывке, данном в примечании 13); и в словаре языка гномов — *Гвэндэлинг* (*Gwendeling*) > *Гвэдилинг* (*Gwedbiling*).

Бэлэгост (*Belegost*). При первом появлении (с. 230) в рукописи стояло *Ост Бэлэгост* (*Ost Belegost*), где *Ост* обведено в кружок, видимо, чтобы исключить этот элемент и оставить в результате только *Бэлэгост*.

(*u*)*Гуильвартон* [(*i*)*Guilwarthor*] В *Сказании о Тинувизель*, с. 41, использована форма *u**Куильвартон* (*i*-*Cuilwarthor*). Когда это название появляется на с. 240, окончание слова не похоже на *-он*, но поскольку я не могу его разобрать, я даю в тексте *Гуильвартон*.

Динитэль (*Dinitbel*) можно также прочесть *Дуритэль* (*Durithel*) (с. 241). Это имя было вписано чернилами поверх первоначального, написанного карандашом, которое теперь практически не разобрать, хотя совершенно ясно, что это то же самое имя на *Май*..., что появляется позже для этого сына Фэнора (см. примечание 21).

Комментарии к *Сказанию о Науглафринге*

В этом комментарии я не стану детально сравнивать *Сказание о Науглафринге* с историей, рассказанной в *Сильмариллионе* (Глава 22, *О Разорении Дориата*). В своих основных чертах повествования сильно отличаются друг от друга — прежде всего, в том, что количество драгоценностей, принесенных Хурином из Нарготронда, сокращается до одного предмета, Ожерелья Карлов, которое существовало уже давно (только, конечно, без Сильмарилля); вся история отношений Тингола и карлов также изменена. Мой отец никогда больше не переписывал хоть какую-то часть этого сказания столь же развернуто, и подготовка публикации текста была необычайно сложна, о чем пойдет речь впоследствии.

В то время как обычно бывает трудно определить, что отец просто опустил в своих сжатых версиях (чтобы они получились сжатыми), а что — выкинул, представляется очевидным, что большая часть тщательно разработанного повествования *Сказания о Науглафринге* была отвергнута довольно рано. В последующих версиях исчезло сражение между отрядом Урина и эльфами Тинвэлинта и не осталось ни следа от Уфэдина или каких-либо других гномов, живших среди карлов, или от истории, как карлы увезли в Ногрод половину необработанного золота, чтобы сделать из него драгоценные вещи, от содержания Уфэдина в заложниках, от отказа Тинвэлинта отпустить карлов, от их возмутительных требований, от их порки и унижительной платы.

Здесь мы снова встречаемся с тем, что подчеркивается любовь Тинвэлинта к сокровищам и их нехватка, в противоположность более поздней идее об его огромном богатстве (см. мои замечания, с. 128—129). Сильмариль хранится в деревянном ларце (с. 225), у Тинвэлинта нет короны, а лишь венки из алых листьев (с. 227), и он одет и снаряжен гораздо менее богато, чем «пришелец» (Уфэдин). Это очень хороший образ сам по себе — лесной эльф, соблазненный блеском золота, но стоит ли говорить, насколько расходится этот образ с образом Тингола, Владыки Бэлэрианда, хранившего несметные богатства в своем чудесном подземном королевстве Мэнэгроте, Тысяче Пещер, созданном по большей части в отдаленном прошлом карлами Бэлэгоста (*Сильмариллион*, с. 92—93), и, несомненно, в то время уже не нуждавшегося в помощи карлов для сотворения

короны и хорошего меча или же посуды для своих пиров. Тингол в более поздней версии горд и суров; он также мудр и силен, его достоинство и знания весьма возросли благодаря его союзу с майа. Мог ли такой король опуститься до уровня банального надувательства, изображенного в *Сказании о Науглафринге*?

Подчеркиваются и огромные размеры клада: «Вряд ли когда-либо еще собиралось в одном месте столько золота», с. 223, — клад настолько огромен, что даже не верится, будто отряд бродячих разбойников мог донести его до чертогов лесных эльфов, даже если «что-то потерялось по дороге» (с. 114). Сказанное здесь о кладе, по всей видимости, несколько отличается от сказанного в *Турамбаре* (с. 81) о родотлим и их творениях, где нет никакого упоминания о том, что родотлим обладали сокровищами, сотворенными в Валиноре, — однако эта идея сохранилась в соответствующей части истории, несмотря на все ее метаморфозы: о властелине Нарготронда в *Сильмариллионе* сказано, что «Финрод принес из Тириона больше сокровищ, нежели любой другой князь нолдор» (с. 114).

Еще более важно то, что «чары» и «проклятия» оказывают огромное влияние на ход событий, можно даже сказать, что они играют здесь главную роль. Проклятье, которое Мим наложил на золото, дает о себе знать при каждом повороте сюжета. Месть за Мима является одной из причин нападения Наугладура на эльфов Артанора (с. 230). Проклятие Мима осуществляется в «вековой вражде» между племенами карлов (с. 235) — от которой после не осталось и следа, поскольку исчезла история о попытке Уфэдина похитить Ожерелье у спящего Наугладура, об убийстве Бодрuíта, Владыки Бэлэгоста, и о сражении между двумя кланами карлов. Наугладур был ослеплен «чарами», когда опрометчиво выбрал такой опасный путь из Артанора (с. 236); и проклятье Мима стало «причиной» того, что он споткнулся о камень во время поединка с Бэрэном (с. 238). Оно даже названо, что удивительнее всего, причиной того, что вторая жизнь Бэрэна и Тинувиэль оказалась такой короткой (с. 240); и, наконец, «проклятие Мима» могло бы сказаться и в нападении Фэанорингов на Диора (с. 241). Важным элементом повествования является также злотворная природа Науглафринга, поскольку карлы вложили в него свою злобу; и ко всем этим закланиям и проклятиям прибавляется также «заклание, что дракон наложил на золото» (с. 239) или «проклятье дракона» (с. 241). В *Сказании о Турамбаре* не говорится, что Глорунд проклял или заколдовал золото; но Мим говорит Урину (с. 114): «разве не возлежал на нем Глорунд долгие годы? На нем теперь зло драконов Мэлько, и не принесет это золото добра ни человеку, ни эльфу». Также в ответ на слова Бэрэна о Сильмариле («его святость легко побеждает любое зло») Гвэндэлин предполагает, что даже он осквернен, поскольку «долго пребывал в Короне Мэлько» (с. 239). В более позднем из двух «планов-конспектов» *Утраченных Сказаний* (см. I. 107, примечание 3) сказано, что Ожерелье «навлекло на Тинувиэль хворь»^{*}.

^{*} В словаре языка гномов говорится, что проклятие Мима «перестало действовать», когда Науглафринг утонул в море; см. Приложение, статью *Науглафринг*.

Но насколько бы главные герои этого сказания ни были «околдованы» или ослеплены, осуществляя таинственные веления проклятия, совершенно очевидно, что в первоначальной концепции карлы были существами куда более подлыми, чем в позднейших версиях, куда более склонными ко злу ради собственной наживы и куда более подверженными алчности. Разорение Дориата наемными орками под руководством заплативших им карлов (с. 230) стало позднее немыслимым и невозможным. Говорится даже, что деяния Наугладура «навсегда ввергли карлов в уособицы с эльфами и заставили их теснее подружиться со слугами Мэлько»; а в набросках *Рассказа Гильфанона* науглат — злобный народ, связанный с гоблинами (I. 236—237). В отвергнутом наброске к *Сказанию о Науглафринге* (с. 136) Ожерелье сделали «некие уванимор (наутар или науглат)», причем в другом месте уванимор были определены как «чудовища, великаны и исполины». Ср. с *Властелином Колец*, Приложение Е (I): «Они [карлы] не злобны от природы, и немногие из них служили Врагу по доброй воле, что бы ни говорили сказания людей».

Описание карлов в этом сказании очень интересно и в других отношениях. О «бородах индрафангов» упоминалось и в «удлиняющем заклинании» Тинувизль (с. 19, 46); но здесь наличествует первое описание карлов в работах моего отца — уже с тем же написанием (имеется в виду Dwarves вместо Dwarfs), которое он сохранил, несмотря на непрекращающееся сопротивление корректоров, — и уже довольно узнаваемы их суровость и скрытность, их «неказистость» (*Сильмафиллион*, с. 113) и их «чудесное мастерство в работе с металлами» (там же, с. 92). Странная фраза, что «и нет среди них детей», по всей видимости, и есть то самое «глупое людское мнение», которое упоминается во *Властелине Колец*, Приложение А (III), «что у карлов нет женщин и что карлы „появляются на свет из камня“». В том же самом месте сказано: «род карлов возрастает медленно из-за того, что среди них мало женщин».

В сказании также говорится, что некоторые считают, будто карлы «никогда не слыхали про Илуватара»; относительно знания людей об Илуватаре см. с. 209.

Согласно словарю языка гномов, *индрафанг* — «название долгобородов, или карлов», но в сказании совершенно ясно говорится, что, напротив, долгобороды являлись карлами Бэлэгоста; карлы Ногрода были науглат, а их король — Наугладур. Однако следует признать, что использование этих терминов подчас очень запутывает, или само является таковым: описание науглат на с. 223—224 кажется описанием всех карлов, включая и индрафангов, хотя это вряд ли было так задумано. Упоминание о «походе карлов и индрафангов» (с. 234) следует воспринимать как эллипс, т. е. читать «поход карлов Ногрода и индрафангов». Про Наугладура из Ногрода и Бодруита из Бэлэгоста сказано, что они были родичами (с. 235), хотя, по всей вероятности, имелось в виду только то, что оба были карлами, в то время как Уфэдин был эльфом.

В сказании говорится, что путь до Ногрода на юг «был долог: вел он за широкий лес на границах тех огромных пустошей, что лежат возле Умбот-муилин, Заводей Сумерек, на подходах к Тасаринану» (с. 225). Из этого можно сделать вывод, что Ногрод и сам находился «на границах тех огромных пустошей, что лежат возле Умбот-муилин»; но я считаю, что это совершенно невозможно. Это было бы наименее подходящим местом для карлов, что «обитают... под землей в пещерах и городах с туннелями вместо улиц; из них самым могущественным в те дни был Ногрод» (с. 224). Хотя горы в связи с карлами здесь и не упоминаются, мне кажется наиболее вероятным, что отец в то время представлял себе города карлов находящимися в горах, как это было после. Далее, похоже, ничто не противоречит предположению, что очертания земель в *Утраченных Сказаниях* обладали существенным сходством с ранними и поздними картами «Сильмариллиона», а в них «долгий путь на юг» совершенно не совпадает с дорогой от Тысячи Пещер до Заводей Сумерек.

Подразумевается, скорее всего, просто «долгий путь на юг за широкий лес», а далее описывается местонахождение леса, а не Ногрода, причем лес этот — Лес Артанор.

Заводей Сумерек описываются в *Падении Гондолина*, но эльфийское название там отсутствует (см. с. 195—196, 217).

Не совсем ясно, далеко ли Бэлэгост находится от Ногрода; в данном абзаце сказано, что золото должно быть доставлено в «Ногрод, в жилища карлов», но позже (с. 230) говорится, что индрафанги — это карлы, живущие в других краях.

Своим сотрудничеством с карлами Уфэдин напоминает Эола, отца Маэглина, про которого в *Сильмариллионе* сказано (с. 133), что «к карлам питал он привязанность более, чем кто-либо еще из эльфов в те давние времена»; ср. там же, с. 92: «Мало кто из эльдар бывал в Ногроде и Бэлэгосте, кроме Эола из Нан Эльмота и его сына Маэглина». В ранних вариантах истории Эола и Исфин (упомянутой в *Падении Гондолина*, с. 165) Эол никак не связан с карлами. В настоящем сказании имеется упоминание (с. 224) о том, что в те дни карлы «вовсю торговали со свободными нолдоли» (а также со слугами Мэлько): нам остается только гадать, кем были эти свободные нолдоли, поскольку родотлими были уничтожены, а Гондолин — сокрыт. Может быть, имелись в виду сыновья Фэанора или Эгнор, отец Бэрэна (см. с. 65).

Идея о том, что в событиях были замешаны в основном карлы Ногрода, сохранилась, причем впоследствии только они участвуют в нападении на Дориат, поскольку карлы Бэлэгоста отказали им в помощи (*Сильмариллион*, с. 233).

Возвращаясь снова к эльфам, заметим, что Бэрэн здесь, конечно, еще эльф (см. с. 139), и во время своей второй жизни он является правителем, в Хитлауме-Хисиломэ, столь многочисленного народа эльфов, что сам он «даже... не знал точного числа тех несметных полчищ» (с. 234); называются они «зеленые эльфы» и «бурые эльфы и зеленые», так как они «одеты в зеленое и бурое»,

и после окончательного ухода Бэрэна и Тинувиэль ими правил Диор. Кто же они? Далеко не ясно, как они укладываются в общую концепцию эльфов Великих Земель, обрисованную в других легендах. Мы можем взять для сравнения отрывок из *Пришествия Эльфов* (I. 118—119):

«И в самом деле, много после того, как в блаженстве Валинора поблекла память о той земле [т. е. память о путешествии через Хисиломэ], эльфы все еще пели о ней печальные песни и рассказывали истории о многих из их народа, что, как говорили и говорят эльфы, потерялись в тех древних лесах и все еще блуждают в них, полные скорби. Оставались они в тех краях и много после того, как Мэлько запер людей в Хисиломэ, и до сей поры танцуют они там, а люди разошлись искать места посветлее. Люди именовали Хисиломэ Арьядором, а Утраченных Эльфов прозвали они Народом Тени и боялись их».

Но согласно концепции, лежащей в основе этого сказания, «разрозненными эльфами Хисиломэ» правил Тинвэлинт, а в набросках к *Рассказу Гильфанона* «Народ Тени», живущий в Хисиломэ, уже не называется эльфами (с. 64). В любом случае, выражение «зеленые эльфы» в сочетании с тем фактом, что в более поздних пересказах именно Зеленые Эльфы Оссирианда под руководством Бэрэна напали на карлов у Сарн Атрад (*Сильмариллион*, с. 235), указывает на то, в кого эти эльфы превратились позже, хотя в этом сказании нет еще ни малейшего упоминания об Оссирианде за рекой Гэлион и о происхождении лайквэнди (там же, с. 94, 95).

Перенос «страны воскресших из мертвых» из Хисиломэ был неизбежен (посколько там возникла опасность перенаселения), и в рукописи *Сказания о Науглафринге* имеется примечание: «Бэрэн должен быть в “Дориате за Сирионом” на, а не в Хитлуме». Дориат за Сирионом — это регион, названный в *Сильмариллионе* (с. 122) Ниврим, Западная Граница, леса на западном берегу реки между слиянием Тэйглина и Сириона и Аэлин-уиал, Озерами Сумерек. В *Сказании о Тинувиэль* Бэрэн и Тинувиэль, названные и-Куильвартон, «стали... могучими фэери в краях к северу от Сириона» (с. 41).

Гвэндэлин/Гвэнниэль кажется фигурой довольно слабой и маловлиятельной по сравнению с Мэлиан в *Сильмариллионе*. По всей видимости, это связано с гораздо более слабой защитой, которую ее магия давала королевству Артанор, по сравнению с непроницаемой стеной и обманными лабиринтами Пояса Мэлиан (см. с. 63). Но природа этой защиты в ранних вариантах далеко не ясна. В *Сказании о Науглафринге* о приходе карлов становится известно лишь только тогда, когда они приближаются к мосту у пещер Тинвэлинта (с. 226); с другой стороны, там говорится (с. 230), что «волшебство завесы» королевы защищало от «идущих с недобрыми намерениями», которые не могли пройти сквозь те леса, если только им не помогало чье-либо предательство. Возможно, этим объясняется то, что карлы, несущие сокровища из Ногрода, смогли

беспрепятственно и явно незамеченными проникнуть в чертоги Тинвэлинта (ср. также приход отряда Урина в *Сказании о Турамбаре*, с. 114). В данном случае защитная магия была легко — даже слишком легко — побеждена простым способом, посредством одного единственного эльфа-предателя из Артанора, который «предложил провести отряд сквозь волшебную завесу Гвэндэлин». Этого явно недостаточно; но я не стану далее углубляться в этот вопрос. Необычайные сложности со структурой повествования были обусловлены именно этим элементом несокрушимости Дориата, что я надеюсь подробнее описать позже.

Можно предположить, что эпизод с сокровищами, затонувшими у Каменистого Брода (вместе с карлами, которые несли их), развился из отвергнутого окончания *Сказания о Турамбаре* (с. 136): Тинвэлинт, «услышав то проклятие [наложенное на сокровище Урином], устроил так, чтобы золото бросили в глубокий речной омут перед его дверьми». В *Сказании о Науглафринге* Тинвэлинт собирался сделать это под влиянием предсказаний королевы, но передумал (с. 223).

Описание второго ухода Бэрэна и Тинувиэль (с. 240) снова поднимает чрезвычайно сложный вопрос об особой судьбе, назначенной им велением Мандоса, который я уже обсуждал на с. 59—60. Там я предположил, что

«необычная снисходительность Мандоса в случае Бэрэна и Лутиэн, как представлено здесь, состоит в том, что полностью меняется „естественный“ удел их как эльфов: они умерли, как могут умереть эльфы (от ран или от горя), но не возродились в новых обличиях, а возвратились из Мандоса в прежних ипостасях, — однако стали „смертными подобно людям“».

Здесь, однако, Тинувиэль «истаивает» и исчезает в лесах; и Бэрэн ищет ее во всех землях Хитлума и Артанора, пока тоже не «начал истаивать и не ушел из жизни». Поскольку это истаивание совершенно очевидно является выражением «судьбы смертных, которую провозгласил Мандос» (с. 240), весьма примечательно то, что оно сравнивается, или даже отождествляется, с истаиванием всех эльфов мира «в последующие дни» — будто бы изначально истаивание эльфов было формой смертности. На самом деле, в более поздних версиях эта идея выражена прямо.

Семь сыновей Фэанора, их клятва (произнесенная не в Валиноре, а уже после прихода нолдולי в Великие Земли) и увечье Майдроса появляются в набросках к *Рассказу Гильфанона*; и в наиболее позднем из этих набросков Фэаноринги помещены в Дор Ломин (= Хисиломэ, Хитлум), см. I. 238, 240, 243. Здесь, в *Сказании о Науглафринге*, впервые появляются имена сыновей Фэанора, из которых пять (Майдрос, Маглор, Кэлэгорм, Крантор, Куруфин) в тех или почти тех формах, которым будет дано предпочтение позже, а Куруфин уже зовется

«Искусный» [Crafty]. Имена *Сильмариллиона* «Амрод» и «Амрас» являются результатом поздних изменений; долгое время эти сыновья Фэанора именовались Дамрод (как здесь) и Дириэль (здесь Динитэль или Дуритэль, см. *Изменения в именах и названиях*, с. 245).

Здесь же появляется и Диор Дивный, также называемый Аусир Богатый, и его дочь Эльвинг; его сын Аурэдир с развитием легенд быстро исчезает. Но Диор правит в «южных долинах» (с. 241) Хисиломэ, а не в Артаноре, и нет никакого намека на возрождение королевства Тинвэлинта после смерти короля, в отличие от позднейшей версии (*Сильмариллион*, с. 236); более того, как замечено выше, фэаноринги также жили в Хисиломэ — и как связать это все с тем, что говорится об обитателях этого региона в других местах, я не знаю: ср. *Сказание о Тинувизэль*, с. 10: «Хисиломэ, где жили люди, и трудились рабы-нолдоли, и скитались немногие свободные эльдар».

В завершающей части сказания сделано очень любопытное заявление, что «то были счастливые дни для жителей долин Хитлума, поскольку был тогда мир с Мэлько и карлами, ибо те, одержимые одной-единственной мыслью, злоумышляли против Гондолина» (с. 241). По всей видимости, «мир с Мэлько» означает лишь то, что Мэлько отвлек свое внимание от тех земель; но нигде больше нет упоминания о том, будто карлы замыслили что-то против Гондолина.

В машинописной версии *Сказания о Тинувизэль* (с. 43) говорится, что если Тургон, Король Гондолина, был самым славным из эльфийских королей, что противостояли Мэлько, то «самый могущественный до поры и *далее прочих* остававшийся непокоренным был Тингол Лесной». Самое естественное объяснение этой фразы, несомненно, заключается в том, что Гондолин пал раньше Артанора; тогда как в *Сильмариллионе* (с. 240) «Торондор Владыка Орлов принес вести о падении Нарготронда, а после и о гибели Тингола и его наследника Диора и о разграблении Дориата; но Тургон не желал слушать о бедах, творящихся за пределами Гондолина». В настоящем сказании мы наблюдаем подтверждение этому, поскольку многие из эльфов, что следовали за Бэрэном, отправились после его ухода в Гондолин, «о растущей славе и мощи которого среди эльфов давно уже ходили слухи» (с. 240), хотя здесь же сказано, что разрушение Гондолина произошло в один день с нападением сыновей Фэанора на Диора (с. 242). Следовательно, чтобы избежать расхождений, надлежит интерпретировать упомянутый отрывок из *Сказания о Тинувизэль* таким образом: Тингол оставался свободным в течение более длительного периода, чем Тургон, независимо от дат их падений.

И, наконец, утверждения, что Кум ан-Идрисайт, Курган Алчности, «до сих пор стоит в Артаноре» (с. 223) и что воды Ароса все еще текут над затонувшими сокровищами (с. 238), примечательны как доказательства того, что в изначальном замысле не было ничего аналогичного Затоплению Бэлэрианда.

V

СКАЗАНИЕ ОБ ЭАРЭНДЭЛЕ

«Настоящее начало» *Сказания об Эарэндэле* — в устье Сириона, где обитали лотлим (здесь кончается *Падение Гондолина*: «и прекрасный Эарэндэль растет среди лотлим в доме отца своего», с. 196—197) и куда приходит Эльвинг (место, где кончается *Сказание о Науглаффринге*: «они навеки покинули поляны Хитлума и отправились на юг, в те отрадные края, где Сирион несет свои глубокие воды. И сим судьбы всех фэери сплелись в единую нить, и нить эта и есть великое сказание об Эарэндэле; теперь мы добрались до настоящего начала этой истории», с. 242). Ситуация, как будет видно, осложняется тем, что отец сделал *Науглаффринг* первой частью *Сказания об Эарэндэле*.

Но это великое сказание так и не было написано; и сейчас очень сложно понять, каково оно должно было быть, ибо мы вынуждены полностью полагаться на чрезвычайно сжатые и часто противоречивые наброски. Существует множество отдельных заметок и очень ранние стихотворения об Эарэндэле. Если стихи могут быть датированы точно, то когда были записаны заметки и наброски, мы не можем определить, и кажется невозможным разместить их по порядку, чтобы выделить нить повествования.

Один из набросков к *Сказанию об Эарэндэле* — наиболее ранний из двух «планов-конспектов» для *Утраченных Сказаний*, послуживших основным материалом для *Рассказа Гильфанона*; и я повторю здесь, то, что говорил в первой части (I. 233):

«Несомненно, первый из них [т. е., первый из двух планов-конспектов, который я буду здесь называть «В»] был составлен, когда *Утраченные Сказания* достигли уровня развития, представленного в этой книге позднейшими текстами и порядком их расположения. Когда этот набросок переходит к содержанию *Рассказа Гильфанона*, он сразу становится значительно подробнее, опять сводясь к беглым ссылкам, когда дело касается сказаний о Тинувиэль, Турине, Туоре и Ожерелье Карлов. Переходя к сказанию об Эарэндэле, набросок снова делается более подробным».

Этот конспект («В», как я продолжаю его называть) предлагает связный, хотя и отрывочный, план повествования и делит историю на семь частей, первая из которых (помеченная как «рассказанная») называется «Сказание о Науглаффринге до побега Эльвинг». Это деление на семь частей упомянуто Сердечком в начале *Падения Гондолина* (с. 144):

«Это очень длинная история, и нам придется семь раз собираться у Огня Сказаний, чтобы ее можно было поведать как следует; а потом, она так тесно связана с повестями о Науглаффринге и о походе эльфов, что я был бы рад, если бы мне помогли рассказами...»

Если бы каждая из шести частей, следующих за *Сказанием о Науглафринге*, была сопоставима с ним по длине, то полное *Сказание об Эарэндэле* размером было бы приблизительно с половину всех записанных историй; но никогда впоследствии мой отец не считал, что она должна быть такой объемной.

Ниже я даю заключительную часть конспекта «В».

Начинается Сказание об Эарэндэле, с коим переплетаются Науглафринг и Поход Эльфов. Более подробно см. записную книжку С*.

Первая часть. Сказание о Науглафринге до бегства Эльвинг.

Вторая часть. Поселение на Сирионе. Приход туда Эльвинг и их с Эарэндэлем любовь, возникшая еще в детстве. Старость Туора — он втайне отплывает на «Лебяжьем Крыле», услышав раковины Ульмо.

Эарэндэль плывет на север, чтобы найти Туора и — если понадобится — Мандос.

Плывет на «Эарамэ». Кораблекрушение. Появляется Ульмо. Спасает его и велит плыть в Кор — «ибо для сего был ты избавлен во время Погибели Гондолина».

Третья часть. Вторая попытка Эарэндэля добраться до Мандоса. Крушение у Фаласквиля и спасение благодаря оарни¹. Он видит Остров Морских Птиц, «куда порой собираются все птицы со всех вод». Возвращение сушей к устью Сириона.

Исчезновение Идриль (она уплыла ночью). Раковины Ульмо зовут Эарэндэля. Последнее прощание с Эльвинг. Постройка «Вингилота».

Четвертая часть. Эарэндэль плывет в Валинор. Его скитания продолжают несколько лет.

Пятая часть. Птицы Гондолина прилетают в Кор с вестями. Волнение эльфов. Советы богов. Поход Инвир (смерть Инвэ), тэлэри и солосимпи.

Набег на Сирион и захват в плен Эльвинг.

Скорбь и гнев богов, пала завеса между Валмаром и Кором, ибо хотя боги не разрушают город, они не в силах взирать на него.

Приход эльдар. Пленение Мэлько. Странствие на Одинокий Остров. Проклятие Науглафринга и смерть Эльвинг.

Шестая часть. Эарэндэль достигает Кора и видит, что там никого нет. Он плывет домой в печали (и видит Тол Эрэссэа и флот эльфов, но сильный ветер и темнота уносят его прочь, и он сбивается с пути и плывет на восток).

Наконец приплывает к Сириону и никого там не находит. Отправляется к развалинам Гондолина. Слышит новости. Плывет на Тол Эрэссэа. Плывет на Остров Морских Птиц.

Седьмая часть. Его путешествие на небесную твердь.

* По поводу «записной книжки С» см. с. 254.

В конце текста написано: «Ост[альная] часть Плана — в записной книжке С». Эти упоминания в плане «В» о «записной книжке С» относятся к маленькой записной книжке, которая восходит к 1916—1917 гг., но в которую заносились заметки и предположения в течение всего периода написания *Утраченных Сказаний* (см. I. 171). В начале этой записной книжки имеется набросок (называемый здесь «С»), озаглавленный «Сказание Эарэндэля, сына Туора», который хорошо согласуется с планом-конспектом «В»:

Эарэндэль живет вместе с Туором и Ирильдэ² в устье Сириона у моря (на Островах Сириона). Эльвинг из гномов Артанора³ бежит к ним с Науглафрингом. Эарэндэль и Эльвинг полюбили друг друга, еще будучи детьми.

Великая любовь меж Эарэндэлем и Туором. Туор стареет, и раковины Ульмо зовут его далеко на запад, за море все сильнее, и однажды вечером он отправляется в плавание на своей сумеречной ладье с пурпурными парусами — «Лебяжье Крыло», «Алкварамэ»⁴. Идриль видит его слишком поздно. Ее песнь на взморье Сириона.

Он не вернулся, и печаль постигла Эарэндэля и Идриль. Эарэндэль (также понуждаемый Идриль, что была бессмертна) жаждет отправиться в плавание и достигнуть, быть может, даже Мандоса. [*Написано на полях:*] Проклятие Науглафринга лежит на его путешествии. Оссэ — его враг.

Русалочий Фьорд. Кораблекрушение. Ульмо появляется при крушении и спасает их, после чего говорит им, что Эарэндэлю должно отправиться в Кор и он спасен ради этого.

Печаль Эльвинг, когда она узнает веление Ульмо. «Ибо не может человек ступить на улицы Кора или увидеть земли богов и после этого снова мирно жить во Внешних Землях».

Несмотря на это, Эарэндэль отправляется в путь, но терпит крушение из-за вероломства Оссэ. Они с Воронвэ спасаются только благодаря оарни (любящим его), которые принесли их в Фаласквиль.

Эарэндэль возвращается домой по суше вместе с Воронвэ. Узнает, что Идриль исчезла⁵. Его печаль. Молится Ульмо и слышит раковины. Ульмо велит ему построить новый чудесный корабль из той древесины Туора, что из Фаласквилья. Строительство «Вингилота».

На этой странице записной книжки есть еще четыре пункта, озаглавленные «Дополнения»:

Постройка «Эарамэ» («Орлиное Крыло»).

Нолдои присоединяют свои молебны к велению Ульмо.

Эарэндэль осматривает первое жилище Туора в Фаласквиле.

Путешествие к Мандосу и Ледяным Морям.

Продолжение наброска:

Воронвэ и Эарэндэль плывут на «Вингилоте». Их относит к югу. Темные земли. Огненные горы. Древолюди. Пигмеи. Сарквинди или великаны-людоеды.

Их относит к западу. Унгвэлиантэ. Волшебные Острова. Сумеречный Остров [*sic*]. Гонг Сердечка пробуждает Спящую в Жемчужной Башне⁶.

Кор найден. Он пуст. Эарэндэль читает сказания и пророчества в водах. Запустение Кора. На обувь Эарэндэля и на его самого оседает алмазная пыль, и поэтому они начинают ярко сверкать.

Приключения на пути домой. Плавание на восток — пустыни и красные дворцы, где живет Солнце⁷.

Приплыв к Сириону, обнаруживает, что все разграблено и опустошено. Эарэндэль, обезумев от горя, странствует с Воронвэ и приходит к руинам Гондолина. Люди разбили там жалкую стоянку. Также гномы, все еще ищущие потерянные самоцветы (или несколько гномов вернулись в Гондолин).

О пленении Мэлько⁸. Войны с людьми и уход на Тол Эрэссэа (эльдар не могут вынести царящих в мире распрей). Эарэндэль плывет на Тол Эрэссэа и узнает о том, что Эльвинг утонула вместе с Науглафрингом. Эльвинг стала морской птицей. Его скорбь весьма велика. Его одежды и тело сияют как алмазы, и его лицо в серебряном сиянии из-за печали и.....

Он отплывает с Воронвэ и живет на Острове Морских Птиц в северных водах (недалеко от Фаласквилья) — и надеется, что Эльвинг вернется с морскими птицами, но она ищет его и плачет над берегами и над обломками кораблей.

Минует трижды семь лет, и он отплывает вместе с Воронвэ к чертогам Мандоса — он достигает их, ибо [?только] те, кто еще и страдали, могут совершить сие. Туор отправился в Валинор, и ничего неизвестно об Идриль и Эльвинг.

Достигает преграды на краю мира и плывет по океанам небесной тверди, дабы обозреть землю. Лунный мореход преследует Эарэндэля из-за его сияния, и он бросается в Дверь Ночи. Теперь он не может вернуться в мир, потому что иначе он умрет.

Он найдет Эльвинг во время Исхода.

Иные говорят, что Туор и Идриль плавают на «Лебяжьем Крыле», и на заре или в сумерках можно увидеть, как они плывут по ветру.

События, рассказ о которых дополняет Сказание Эарэндэля

Набег орков Мэлько на Сирион и пленение Эльвинг.

Птицы рассказывают эльфам о Падении Гондолина и об ужасной судьбе гномов. Советы богов и волнение эльфов. Поход Инвир и тэлэри. Солосимпи тоже отправляются, но путешествуют по побережьям мира, так как не желают жить вдали от звуков моря — и только с этим условием согласились идти вместе с тэлэри — ибо нолдоли убивали их родичей в Копас.

Далее этот набросок повествует о событиях, произошедших после прихода эльфов Валинора в Великие Земли, что будет рассмотрено в следующей главе.

Хотя набросок «С» гораздо подробнее, в нем, как представляется, немного явственно противоречит сказанному в «В», и в позднем наброске присутствуют

детали, отсутствующие в раннем. Обсуждая эти отрывки, я буду следовать делению рассказа на части, сделанному в «В».

Вторая часть. В «С» сказано чуть больше о том, как Туор покинул Сирион (в «В» нет упоминаний об Идриль); и там появляются мотивы враждебности Оссэ к Эарэндэлю и проклятия Науглаффринга, являющегося причиной кораблекрушений Эарэндэля. Место первого крушения называлось Русалочий Фьорд. В рукописи, несомненно, стоит слово «их», а не «его» во фразе «Ульмо спасает их, после чего говорит им, что Эарэндэлю должно отправиться в Кор», что, скорее всего, указывает на то, что Идриль или Эльвинг (а возможно, и обе) были с Эарэндэлем.

Третья часть. В «В» целью второго путешествия Эарэндэля, как и первого, несомненно был Мандос (розыски отца), в то время как в «С», как представляется, второе плавание скорее всего было совершено во исполнение веления Ульмо отправиться к берегам Кора (что опечалило Эльвинг). По «С», Воронвэ сопровождает Эарэндэлю во втором путешествии, которое закончилось у Фаласквилья, но в этом месте не упоминается Остров Морских Птиц. В «С» «Вингилот» был построен «из той древесины Туора, что из Фаласквилья»; в *Падении Гондолина* нолдо рубили для Туора лес в Дор Ломене и сплавливали его по скрытой реке (с. 152).

Четвертая часть. Если «В» просто упоминает о «скитаниях» Эарэндэля в поисках Валинора, которые продолжаются несколько лет, то в «С» эти скитания вкратце описаны — когда «Вингилот» унесло на юг, а потом — на запад. Встреча с Унгвэлиантэ во время путешествия на запад загадочна, так как в *Сказании о Солнце и Луне* сказано, что «Мэлько владел севером, а Унгвэлиант — югом» (см. I. 182, 200).

В «С» мы снова встречаем Спящую в Жемчужной Башне (говорится, что это Идриль, но потом это было вычеркнуто, см. примечание 6), пробужденную гонгом Сердечка; ср. рассказ о Сердечке в *Домике Утраченной Игры* (I. 15):

«Он плыл на «Вингилоте» вместе с Эарэндэлем в том последнем странствии, когда надеялись они отыскать Кор. Звук этого Гонга в Тенистых Морях пробудил Спящую в Жемчужной Башне, что стоит далеко на западе, на Сумеречных Островах».

В *Пришествии Валаф* сказано, что Сумеречные Острова «плывут» по Тенистым Морям «и бледная Жемчужная Башня высится над их самым дальним западным мысом» (I. 125; I. 68). Но в «С» Сердечко, сын Воронвэ, не упоминается как спутник Эарэндэля, хотя выше, в вычеркнутом предложении, сказано, что он был в Устах Сириона (см. примечание 5), также в *Сказании о Науглаффринге* (с. 228) Айлиос говорит, что никто из ныне живущих не видел Науглаффринг, «кроме лишь Сердечка, сына Бронвэга» (где «кроме» исправлено из «даже»).

Пятая и шестая части. В «С» возникает новый образ: обувь Эарэндэля

сияет алмазной пылью Кора. Этот образ сохранился (*Сильмариллион*, с. 248):

«Он шествовал пустынными путями Тириона, и пыль, что оседала на одежды его и обувь, была алмазной, и он блистал и сверкал, поднимаясь по длинным белоснежным лестницам».

Но в *Сильмариллионе* Тирион был пуст потому, что стояло «время праздника и почти все эльфы ушли в Валимар или собрались в залах Манвэ на Таниквэ-тиль»; здесь же, как кажется, определенно имеется в виду и в «В», и в «С», что Кор опустел, поскольку эльфы Валинора отправились в Великие Земли, услышав вести, принесенные птицами Гондолина. В этих чрезвычайно ранних планах повествования не упоминается об обращении Эарэндэля к валар от имени эльфов и людей (*Сильмариллион*, с. 249), и нам остается сделать вывод, правда, очень необычный, что великое путешествие Эарэндэля на запад, хоть он и достиг своей цели, было бесполезным, что не его появление послужило причиной прихода помощи из Валинора эльфам Великих Земель и (самое странное) что замысел Ульмо относительно Туора остался неосуществленным. И в самом деле, мой отец писал в версии «Сильмариллиона» 1930 года, что:

Посему от гномов было много посланников, но до Валинора не добрался никто, кроме одного: он пришел слишком поздно.

Слова «он пришел слишком поздно» были заменены на «могущественнейший мореплаватель из песни», и это предложение мы находим и в *Сильмариллионе*, с. 102. К сожалению, из ранних записей невозможно понять, каков был замысел Ульмо, когда он велел Эарэндэлю плыть в Кор — для чего тот был спасен во время падения Гондолина. Чего бы он добился, доплыви он до Кора «вовремя», что еще случилось бы после прихода вестей из Гондолина — кроме описанного Похода Эльфов в Великие Земли? В любопытном примечании к «С», не соотносящимся с настоящим наброском, мой отец вопрошал: «Как вестники Короля Тургона достигли Валинора или получили позволение богов?» и отвечал: «Его посыльные так и не добрались туда. Не Ульмо [*sic*], но птицы принесли эльфам вести о судьбе Гондолина (горлицы и голуби Тургона) и они [вооружились и выступили в поход]».

За получением послания последовали «советы богов и волнение эльфов», но в «С» ничего не сказано о «скорби и гневе богов» или о завесе, которая «пала... между Валмаром и Кором», упомянутыми в «В», где определенно имеется в виду, что Поход Эльфов из Валинора был предпринят вопреки воле валар и что валар были категорически против вмешательства эльфов Валинора в дела Великих Земель. Это можно связать со следующими словами Вайрэ (I. 19): «Когда же фэери

покинули Кор, путь [т. е. Олорэ Маллэ, что вел мимо Домика Утраченной Игры]... *перегородили высокие непроходимые скалы*». Есть еще только одно упоминание о том, что произошло по получении послания из-за моря, и это слова Линдо, обращенные к Эриолу в *Домике Утраченной Игры* (I. 16):

«...Инвэ, прозванный гномами Инвитиэль, ... был Королем над всеми эльдар в ту пору, когда жили они в Коре. Так было встарь, еще до того, как, услышав плач мира [т. е. Великих Земель], Инвэ увел народ свой в земли людей».

Позже Мэриль-и-Туринкви рассказала Эриолу (I. 129), что Инвэ — предок ее предков — погиб «во время похода в мир», но его сын Ингиль «давно возвратился в Валинор и пребывает с Манвэ»; в «В» также упоминается о смерти Инвэ.

В «С» солосимпи согласились отправиться в поход только при том условии, что они останутся возле моря, и это нежелание Третьего Рода отправиться в поход по причине Братоубийства в Лебединой Гавани сохранилось (*Сильмафиллион*, с. 251). Но нет намека на то, что эльфы Валинора были перевезены на кораблях, и даже наоборот, солосимпи «путешествуют по бережьям мира», а сама экспедиция — «Поход»; но нет указаний на то, как они попали в Великие Земли.

По обоим наброскам, Эарэндэль был унесен на восток во время его возвращения домой из Кора, и он застает поселение в устье Сириона полностью разоренным, когда наконец добирается туда; но в «В» не говорится о том, кто повинен в разорении Сириона и похищении Эльвинг. В «С» это был налет орков Мэлько, ср. статью в «Списке имен» в *Падении Гондолина* (с. 217): «*Эгалмот* ... спасся во время пожара Гондолина, и жил после в устье Сириона, но был убит в жестокой битве, когда Мэлько захватил Эльвинг».

Ни в одном из двух набросков не сказано о побеге Эльвинг из плена. В обоих говорится о возвращении Эарэндэля к развалинам Гондолина — в «С» он возвращается туда с Воронвэ и находит людей и гномов; другая статья «Списка имен» (*Падение Гондолина*, с. 215) гласит: «*Галдор* ... выбрался из Гондолина, и даже сумел пережить нападение Мэлько на живших у устья Сириона, и вернулся на развалины вместе с Эарэндэлем».

В обоих набросках упоминается уход эльфов из Великих Земель на Тол Эрэссэа после пленения Мэлько, в «С» говорится о «войнах с людьми» и о том, что эльдар «не могут вынести царящих в мире распрей», в обоих упоминается о последующем путешествии туда Эарэндэля, но порядок событий выглядит различным: в «В» Эарэндэль на пути из Кора «видит Тол Эрэссэа и флот эльфов» (вероятно, флот, возвращавшийся из Великих Земель), в то время как в «С» уход эльфов не упоминается до тех пор, пока Эарэндэль не вернулся к Сириону. Но суть этих набросков нельзя передать в печатном виде: они написаны наспех, словно отец пытался поймать ускользающие мысли, и придирчиво анализировать их бессмысленно. Как бы то ни было, касательно судьбы Эльвинг

«В» и «С» согласны: «В» просто упоминает об ее смерти, несомненном следствии проклятия Науглафринга, и из порядка, в котором расположены события, можно предположить, что она умерла во время плавания к Тол Эрэссэа; «С» особо указывает, что Эльвинг «утонула» с Науглафрингом, но добавляет, что она стала морской птицей, и эта идея сохранилась (*Сильмафиллион*, с. 247). Это, пожалуй, придает больший смысл путешествию Эарэндэля на Остров Морских Птиц, упоминающемуся и в «В», и в «С»: в последнем он «надеется, что Эльвинг вернется с морскими птицами».

Седьмая часть. В «В» заключительная часть сказания очень кратка: «Его путешествие на небесную твердь», со ссылкой на другой набросок, «С», где появляется нечто, напоминающее повествование. Кажется, можно предположить, что яркость Эарэндэля (совершенно независимо от Сильмариля) — связана с «алмазной пылью» Кора, а также, в некотором смысле, с величием его печали. Отдельная приписка в другом месте в «С» вопрошает: «Что стало с Сильмарилями после пленения Мэлько?» Отец в то время не дал ответа на этот вопрос; но сам вопрос — доказательство сравнительно малого значения самодетов Фэанора, и также, вероятно, свидетельство его понимания, что положение изменится, что именно в них будет центральный стержень мифологии.

Также представляется, что Эарэндэль отправился на небо в поисках Эльвинг («он плывет по океанам небесной тверди, дабы обозреть землю»); и его проход через Дверь Ночи (вход, сделанный богами в Стене Бытия на западе, см. I. 215—216) не был частью его плана, а произошел потому, что за ним охотилась Луна. По этому поводу см. I. 193, где Илинсор, кормчий Луны, назван «охотником за звездами».

Более поздний из двух планов-конспектов для *Утраченных Сказаний*, который дает довольно полный набросок *Рассказа Гильфанона*, где я назвал его «D» (см. I. 234), здесь ничем не может нам помочь, ибо заключительный абзац очень сжат, многое зачеркнуто, и план-конспект «D» резко обрывается в начале *Сказания об Эарэндэле*. Я привожу его здесь, начиная с несколько более ранней точки повествования:

Смерть Тинвэлинта и побег Гвэнэтлин [см. с. 51]. Как Бэрэн отомстил за Тинвэлинта и как ему досталось Ожерелье. Как оно навлекло на Тинувиэль хворь [см. с. 246] и как Бэрэн и Тинувиэль исчезли с лица земли. Как их сыновья [*sic*] жили после их смерти и как сыновья Фэанора выступили против них войском из-за Сильмариля. Как все были убиты, но Эльвинг, дочь Дайморда [см. с. 139], сына Бэрэна, бежала с Ожерельем.

О корабле Туора с белыми парусами.

Как народ лотлим поселился в устье Сириона. Эарэндэль вырос прекраснейшим из людей, что были и есть. Как русалки (оарни) полюбили его.

Как Эльвинг пришла к лотлим и о любви Эарэндэля и Эльвинг. Как состарился Туор, и как Ульмо вечером позвал его, и Туор пустился в плавание и пропал. Как Идриль поплыла за ним.

(В следующем абзаце мой отец, как кажется, написал сначала: «Эарэндэль оарни построил «Вингилот» и отправился искать оставив Воронвэ с Эльвинг», где в первой лакуне стояло, видимо: «с помощью», хотя сейчас разобрать написанное совершенно невозможно; но потом он вписал: «Эарэндэль построил „Лебяжье Крыло“, а впоследствии частично стер абзац и невозможно сейчас определить, каков был замысел.).

Плач Эльвинг. Как Ульмо запретил ему вести поиски, но Эарэндэль все же отправился, чтобы найти путь к Мандосу. Как «Вингилот» потерпел крушение у Фаласквилья, и как Эарэндэль нашел там украшенную резьбой жижину Туора.

В этом месте план «D» заканчивается. Чуть раньше в нем есть ссылка на «вестников, посланных из Гондолина. Голуби Гондолина летят в Валинор после падения города».

Этот набросок, как кажется, свидетельствует о желании упростить сюжет: «Вингилот» — это и тот корабль, на котором Эарэндэль пытался достигнуть Мандоса, и тот, что потерпел кораблекрушение у Фаласквилья; но этот набросок слишком краток и обрывается слишком рано, чтобы можно было сделать какие-либо определенные выводы.

Четвертый набросок, который я называю «Е», существует на отдельном листке; в нем Туор зовется Туром (см. с. 148).

Падение Гондолина. Тризна по Глорфиндэлю. Жилище у вод устья Сириона. Русалки являются к Эарэндэлю.

Растет любовь Тура к морю — его песнь Эарэндэлю. Однажды вечером он зовет Эарэндэля, и они идут на берег. Там стоит челн. Тур прощается с Эарэндэлем, просит его оттолкнуть челн от берега и уплывает на Запад. Эарэндэль слышит великую песнь, доносящуюся с моря, пока челн Тура скрывается за краем мира. Его горькие рыдания на берегу. Плач Идриль.

Строительство «Эарума»⁹. Приход Эльвинг. Нежелание Эарэндэля. Воодушевление Идриль. Плавание «Эарума» на Север и его гибель, исчезновение Идриль. Как морские девы спасли Эарэндэля и принесли его к бухте Тура. Его путешествие вдоль берега.

Похищение Эльвинг. Эарэндэль видит разорение в устье Сириона.

Строительство «Вингэлота». Он ищет Эльвинг, и ветром его уносит на Юг. Вириломэ. Он спасается на востоке. Он возвращается назад на запад, обнаруживает Залив Фаэри. Жемчужная Башня, волшебные острова, великие тени. Он находит Кор пустым; он плывет обратно, осыпанный пылью, и его лицо сияет как огонь. Он узнает, что Эльвинг утонула. Он высаживается на остров Морских Птиц. Эльвинг является ему в образе чайки. Он уплывает за земной предел.

За исключением более подробного описания того, как Туор отправился из устья Сириона, отсюда мало что можно узнать: набросок слишком сжат. Но даже с учетом спешки и сжатости изложения здесь, как представляется, можно уловить существенные отличия от «В» и «С». Так, в этом наброске («Е») Эльвинг, судя по всему, добралась до устья Сириона позднее, уже после ухода Туора; но набег и захват Эльвинг, кажется, произошли раньше, пока Эарэндэль возвращался к Сириону от места своего кораблекрушения на Севере (не так, как в «В» и «С», где это произошло во время его великого плавания на «Вингилоте», которое привело его в Кор). Здесь же получается, что было только одно путешествие на север, закончившееся кораблекрушением «Эарамэ»/«Эарума» близ Фаласквилья. Хотя это нельзя доказать, я склоняюсь к мысли, что «Е» был написан позднее, нежели «В» и «С»: частично потому что превращение двух путешествий на север, закончившихся кораблекрушением, в одно более возможно, чем наоборот, а также из-за формы *Туор*, которая, не прижившись, временно заменяла *Туор* (с. 148).

В этом наброске есть несколько примечательных моментов. Великая паучи-ха, называемая *Унгвэлмантэ* в «С», здесь зовется *Вириломэ* («Мракоткущая», см. I. 152), и Эарэндэль сталкивается с ней далеко на юге, а не во время его плавания на запад, как в «С»: см. с. 256. Эльвинг в этой версии появляется перед Эарэндэлем в виде морской птицы (так же как и в *Сильмафиллионе*, с. 247), о чем не говорится в «С» — видимо, в том варианте это было отвергнуто.

Другая отдельная страница (связанная со стихотворением «Веление менестрелю», см. с. 269—270) предлагает очень любопытное описание великого путешествия Эарэндэля:

Корабль Эарэндэля плывет прямо на Север. Исландия [*Добавлено на полях*: за Северным Ветром]. Гренландия и дикие острова: сильный ветер и гребень большой волны относит его в более теплые края, за Западным Ветром. Земля странных людей, страна магии. Дом Ночи. Паук. Он спасается из сетей Ночи с несколькими товарищами, видит огромный остров-гору и золотой город [*Добавлено на полях*: Кор] — ветер несет его на юг. Древолюди, солнечные жители, пряности, огненные горы, красное море: Средиземноморье (потеря корабля (путешествие пешком через дебри Европы?) или Атлантика^{*}). Домой. Старееет. Постройка нового корабля. Прощание с родным севером. Снова плавание на запад, на край мира, туда, где Солнце уходит в море. Он уплывает по небу и более не возвращается на землю.

Золотым городом был Кор, и он уловил музыку солосимпэ и, вернувшись, дабы разыскать ее, лишь узнает, что фэери покинули Эльдамар. Смотри тетрадку. Осыпан алмазной пылью, подымается по пустынным улицам Кора.

^{*} Слова в этом абзаце («Древолюди, солнечные жители») написаны четко, но без знаков препинания и поэтому могут быть неверно истолкованы.

Следовало бы, конечно, предположить, что это изложение должно было быть написано раньше, чем все, рассмотренное выше (исходя из двух фактов: что история Эарэндэля после его возвращения из великого путешествия рассказана не так, как в «В» и «С», и что он путешествует по землям и океанам известного нам мира), если бы не упоминания о «тетрадке», что должно означать «записную книжку С», из которой взят набросок «С» (см. с. 254). Но я считаю вполне вероятным (и внешний вид рукописи тому подтверждением), что последний абзац («Золотым городом был Кор...») добавлен позднее, и начало этого отрывка относится ко времени написания ранних набросков стихотворения — к зиме 1914 года.

Достоин внимания то, что из всех ранних набросков только здесь пояснено, что «алмазная пыль», покрывавшая Эарэндэля, — это пыль улиц Кора (ср. с отрывком из *Сильмафиллона*, процитированным на с. 257).

Еще одно из ранних стихотворений об Эарэндэле, «Побережья Фаэри», снабжено небольшим прозаическим предисловием, которое написано если не одновременно со стихотворением (июль 1915, см. с. 271), то ненамного позже:

Эарэндэль-Скиталец, который обошел Океаны Мира на своем белом корабле «Вингэлот», будучи уже стар, много времени провел на Острове Морских Птиц, что в Северных Водах, покуда не отправился в свое последнее странствие.

Он миновал Таниквэтиль и сам Валинор, протащил свою ладью через преграду на краю мира и спустил ее в Океаны Тверди Небесной. Ни один человек не рассказывал об его приключениях там, за исключением истории о том, как, будучи преследуемый полной Луной, он бежал обратно в Валинор, и, поднявшись на башни Кора, что на скалах Эгламара, он оглянулся на Океаны Мира. Каждое полнолуние пребывает он в Эгламаре, пока Луна плывет, охотясь, над Таниквэтиль и Валинором*.

И здесь, и в отрывке, связанном с «Велением менестрелю», Эарэндэль задумал посетить твердь небесную, будучи уже стариком.

Другие ранние «связные» изложения *Сказания об Эарэндэле* отсутствуют. Есть, однако, некоторое количество отдельных заметок, по большей части — в виде одного предложения. Некоторые из них находятся в записной книжке С, другие на обрывках бумаги. Я расположил эти ссылки более или менее в соответствии с последовательностью событий.

(i) «Жизнь на Острове Сириона в доме из белоснежного камня». — В «С» (с. 254) сказано, что Эарэндэль поселился вместе с Туором и Идриль в устье Сириона у моря «на Островах Сириона».

* Это предисловие есть во всех текстах стихотворения, кроме самого раннего, и его версии отличаются только формами имен и названий: *Wingelot/Vingelot*, и *Эгламар/Эльдамар* (меняются так же, как и в соответствующих вариантах стихотворения, см. примечание к тексту на с. 272), и *Кор > Тун* в третьем тексте, *Тун* — в четвертом. По поводу *Эгла = Эльда* — см. I. 276 и II. 350, по поводу *Тун* см. с. 292).

(ii) «Оарни дают Эарэндэлю чудесный, сверкающий серебром плащ, который никогда не промокает. Они любят Эарэндэля, вопреки Оссэ, и учат его строить корабли и плавать, когда он играет с ними на берегах Сириона». — В набросках упоминалось о любви оарни к Эарэндэлю («D», с. 259), о том, как к нему пришли русалки («E», с. 260), и о вражде Оссэ («C», с. 254).

(iii) Эарэндэль был меньше большинства людей, но очень проворно бегал и быстро плавал (Воронвэ же не умел плавать).

(iv) «Идриль и Эарэндэль увидели корабль Туора, исчезающий в сумерках, и слышали звуки песни». — В «B» Туор уплывает «втайне» (с. 253), в «C» «Идриль видит его слишком поздно» (с. 254), а в «E» Эарэндэль присутствует при отплытии Туора, даже отталкивает корабль от берега: он «слышит великую песнь, доносящуюся с моря» (с. 260).

(v) «Смерть Идриль? — следует тайно за Туором». — Смерть Идриль отрицается в «C»: «Иные говорят, что Туор и Идриль плавают на „Лебяжьем Крыле“...» (с. 255); в «D» Идриль поплыла за ним (с. 260).

(vi) «Туор приплыл назад в Фаласквиле и поднялся по Ильбрантэлоту обратно к Асгону, где он восседает, играя на своей одинокой арфе, на островескале». — Это помечено знаком вопроса и «X», что подразумевает отказ от этой мысли. В *Рассказе Гильфанона* (см. I. 238) есть интересные ссылки на остров-скалу Асгона.

(vii) «Русалочий Фьорд: они очаровывают моряков Эарэндэля. Русалки — это не оарни (но земные жители или фэй? — или и то и другое)». — В «D» (с. 259) русалки и оарни считаются одними и теми же существами.

(viii) Корабль «Вингилот» был построен из дерева Фаласквиле «с помощью оарни». — Об этом, вероятно, говорится в «D»: см. с. 260.

(ix) «Вингилот» имел «форму жемчужного лебедя».

(x) «Горлицы и голуби двора Тургона приносят вести в Валинор — только эльфам». — Другие упоминания о птицах, прилетевших из Гондолина, также говорят о том, что они прилетали к эльфам или в Кор (с. 253, 255, 257).

(xi) «Во время своих путешествий Эарэндэль видит белые стены Кора, сияющие вдалеке, но его уносят прочь противные ветры и волны Оссэ». — То же самое говорится в «B» (с. 253) о том, как Эарэндэль видел Тол Эрессэ во время его пути домой от Кора.

(xii) «Спящий в Жемчужной Башне пробуждается от гонга Сердечка: вестник, отправленный годы назад Тургоном и опутанный магией. Даже теперь он не может покинуть Башню и предупредить их о колдовстве». — В «C» утверждается, хотя это было впоследствии отвергнуто, что Спящей в Жемчужной Башне была сама Идриль (см. примечание 6).

(xiii) «Ульмо, гневаясь на стремление Эарэндэля достичь Мандоса, снимает свою защиту с Сириона, что позволило Мэлько разгромить его». — Это замечание вычеркнуто, будучи помечено «X»; но в «D» (с. 260) сказано, что «Ульмо запретил ему вести поиски, но Эарэндэль все же отправился, чтобы найти путь к Мандосу». Смысл должен быть тот, что поиск Эарэндэлем Мандоса — из-за его отца — был противоположен целям Ульмо, согласно которым Эарэндэлю надо достичь Кора.

(xiv) «Эарэндэль женится на Эльвинг перед тем, как отправиться в плавание. Когда он узнаёт об утрате, он говорит, что его детьми будут „отныне все те люди, которые осмелятся плавать на кораблях по великим морям“». — Ср. *Домик Утраченной Игфы* (I. 13): «...даже сын Эарэндэля, каковым и был этот странник» и (I. 18): «Ибо нынче вечером мы принимаем гостя, путешественника великого и славного, сына Эарэндэля, как сдается мне». В наброске о жизни Эриола (I. 24) сказано, что он был сыном Эарэндэля, рожденным под его лучом, и что если луч Эарэндэля падал на новорожденного, он становился «чадом Эарэндэля» и странником. В раннем словаре квэнья есть статья *Эарэндильон*: «сын Эарэндэля (применительно к любому моряку)» (I. 276).

(xv) «Эарэндэль приходит к самым пустым Железным Чертогам в поисках Эльвинг». — Эарэндэль должен был добраться до крепости Ангаманди (опустевшей после поражения Мэлько) тогда же, когда добрался до развалин Гондолина (с. 253, 255).

(xvi) Корабль, на котором плыла Эльвинг с Науглафрингом, погиб во время путешествия на Тол Эрэссэ, когда эльфы возвращались из Великих Земель. — См. мои примечания с. 258—259. Относительно «исполнения» проклятия Мима — когда утонул Науглафринг — см. Приложение, статья *Науглафринг*. Уход эльфов на Тол Эрэссэ обсуждается в следующей главе (с. 280).

(xvii) «Эарэндэль и северная башня на Острове Морских Птиц». — В «С» (с. 255) Эарэндэль «отплывает с Воронвэ и живет на Острове Морских Птиц в северных водах (недалеко от Фаласквиля) — и надеется, что Эльвинг вернется с морскими птицами»; в «В» (с. 253) «он видит Остров Морских Птиц „куда порой собираются все птицы со всех вод“». Это сохранилось в *Сильмариллионе*, с. 250: «Для нее [Эльвинг] выстроили к северу от Морей Разлук белую башню, порой туда прилетают морские птицы со всей земли».

(xviii) Добравшись до Мандоса, Эарэндэль узнает, что Туора «нет ни в Валиноре, ни в Эрумани, и ни эльфы, ни айну не знают, где он. (На самом деле он с Ульмо)». — В «С» (с. 255) Эарэндэль, достигнув Чертогов Мандоса, узнает, что Туор «отправился в Валинор». О возможности того, что Туор может быть в Эрумани или Валиноре, см. I. 91 и далее.

(xix) Эарэндэль «время от времени возвращается с небесной тверди вместе с Воронвэ в Кор, чтобы узнать, зажжено ли Волшебное Солнце и вернулись ли обратно фэери — но Луна гонит его прочь». — О возвращении Эарэндэля с небесной тверди см. (xxi) ниже; о том, что вновь загорится Волшебное Солнце, см. с. 286.

Два замечания об Эарэндэле, процитированные ранее, могут быть добавлены сюда:

(xx) В сказании *Оковы Мэлько* (I. 141) говорится, что «множество диковинных повестей было изображено знаками-рисунками на стенах Кора, а на камне были начертаны или вырезаны руны великой красоты. Давным-давно Эарэндэль прочел там многие удивительные предания».

(xxi) В «Списке имен» к *Падению Гондолина* (процитировано на с. 216) есть следующая статья: «*Эарэндэль* был сыном Туора и Идриль и, говорят,

единственным, кто принадлежал наполовину к эльдалиэ, наполовину же к людям. Он был первым и величайшим мореходом среди людей, и повидал области, которых люди до сих пор не нашли и не узрели, несмотря на множество своих кораблей. Ныне же путешествует он вместе с Воронвэ на крыльях ветров тверди небесной и не возвращается назад ближе Кора, а иначе бы он умер, как и прочие люди, столь много в нем от смертного». — В наброске, связанном со стихотворением «Веление менестрелю», Эарэндэль «уплывает по небу и более не возвращается на землю» (с. 261); в прозаическом предисловии к «Побережьям Фаэри» «Каждое полнолуние пребывает он в Эгламаре, пока Луна плывет, охотясь, над Таниквэтиль и Валинором» (с. 262); по наброску «С» «он не может вернуться в мир, потому что иначе он умрет» (с. 255); и выше, в (xix) говорится, что он «время от времени возвращается с небесной тверди вместе с Воронвэ в Кор».

В *Сильмариллионе* (с. 249) решение Манвэ относительно Эарэндэля и Эльвинг звучало следующим образом: «не жить им больше ни с людьми, ни с эльфами во Внешних Землях»; но также говорится, что Эарэндэль возвращается в Валинор «из своих странствий за пределами мира» (там же, с. 250), точно так же, как в «Списке имен» к *Падению Гондолина* сказано, что он возвращается не дальше Кора. На следующее высказывание в «Списке имен» — что если Эарэндэль сделает это, то умрет, как и другие люди, «столь много в нем от смертного», — есть поздний отклик в письме отца от 1967 года: «*Эарэндилю*, который происходил и от людей, не было дозволено снова ступить на Землю, и он стал звездой, сияющей светом Сильмарилля». (*Письма Дж. Р. Р. Толкина*, номер 297).

Здесь заканчиваются все прозаические материалы, касающиеся ранней версии *Сказания об Эарэндэле* (не считая нескольких упоминаний о нем в следующей главе). Эти наброски и примечания отражают самый ранний этап сочинительства, когда замыслы постоянно изменялись и не получили выражения даже в наброске к повествованию: миф явлен в образах, которым суждено было сохраниться, но сами эти образы еще не «проговорены».

Я уже указывал (с. 257) на интересное отсутствие намека на то, что именно Эарэндэль и его прошение привели помощь с запада; в равной степени нет указаний ни на то, что валар осылали его корабль и отправили его на небо, ни на то, что его свет исходил от Сильмарилля. Тем не менее, уже присутствуют приход Эарэндэля в Кор (Тирион) и то, что Кор пуст, алмазная пыль на его обуви, превращение Эльвинг в морскую птицу, прохождение его корабля через Дверь Ночи, и решение о невозможности его возвращения на земли к востоку от Моря. Набег на Гавани Сириона появляется в ранних набросках, и предполагается, что это было дело рук Мэлько, а не Фэанорингов; также отплытие Туора, хотя и без Идриль, которую он оставил. Его корабль назывался «Алкварамэ», «Лебяжье Крыло». Впоследствии он получил имя «Эаррамэ», означавшее «Морское Крыло» (*Сильмариллион*, с. 245). Это имя сохранило форму, но не значение имени первого корабля Эарэндэля, «Эарамэ», «Орлиное Крыло» (с. 253—254 и примечание 9).

Интересно прочесть высказывание моего отца относительно происхождения образа Эарэндэля, сделанное приблизительно полвека спустя (в письме от 1967 года, упомянутом выше):

Это имя и в самом деле (что очевидно) произведено от англосаксонского *éarendel*. Когда я начал профессионально заниматься англосаксонским (с 1913 года) — еще в отрочестве я тратил на него время, которое предназначалось для греческого и латыни, — я был поражен великой красотой этого слова (или имени), всецело связанного с обычным слогом англосаксонского языка, но обладающего особым благозвучием, обычно не свойственным этому приятному, но не «прелестному» языку. Форма этого слова явственно говорит о том, что по происхождению это имя собственное, а не нарицательное существительное. Это подтверждается очевидно родственными формами в других германских языках; отсюда, несмотря на путаницу и порчу, привнесенные поздней традицией, становится очевидным, что это имя связано с астрономическим мифом и было названием или звезды, или созвездия, или группы звезд. По моему мнению, употребления этого имени в англосаксонском явственно указывают, что это было имя звезды-предвестницы рассвета (по крайней мере, в английской традиции), которую мы теперь называем *Венерой*: утренняя звезда, ярко сияющая на заре перед восходом Солнца. Так, во всяком случае, я его понимаю. Еще до 1914 года я написал «стих» о том, как Эарэндэль спустил на воду свою похожую на яркую искру ладью в гаванях Солнца. Я поместил его в свою мифологию, где он стал фигурой первой величины: мореплаватель, и в конечном итоге — звезда-вестник, знак надежды людям. *Айя Эарэндиль Элэнион Анкалима* ([Властелин Колец], II. 329), «Славься, Эарэндиль, ярчайшая из звезд» произведено в конечном итоге от *Éalá Éarendel engla beorhtast**. Но это имя не могло быть принято в первоначальной форме: оно должно было быть приспособлено к лингвистической ситуации эльфийского языка, а его носитель — обрести место в легенде. На заре эльфийского языка, который начал после моих многочисленных попыток, предпринятых в детстве, обрести некую форму в то же самое время, когда в него вошло это слово, появились (а) О[бще] Э[льфийская] основа *ауаг «море», первоначально употреблявшаяся по отношению к Великому Западному Морю, лежащему между Средиземьем и Аманом, Благословенным Королевством валар; и (б) элемент или глагольная основа n(dil), «любить что-то, быть преданным чему-либо», со значением «быть преданным или любить личность, предмет, дело или занятие ради них самих». Эарэндиль стал персонажем легенды, записанной раньше всех (1916—1917) основных легенд, *Падения Гондолина*, величайшим из *нэфэльдар* — «полуэльфов», сыном *Туора* из наиболее прославленного дома эдайн и *Идриль*, дочери Короля Гондолина.

На самом деле мой отец здесь не утверждает, что в его интерпретации имя *Эарэндэль* изначально содержало элементы, в совокупности означающие «Любящий море»; но во всяком случае очевидно, что во время написания самых

* Из древнеанглийской поэмы *Христор*: *éalá! éarendel engla beorhtast ofer middangeard toppit sendeð* [Славься, Эарендель, светлейший из ангелов, Над средиземьем людям посланный].

ранних из существующих набросков на данную тему это имя связывалось с эльфийским словом *эа*, «орел», — см. с. 265 об имени первого корабля Эарэндэля «*Эарамэ*» — «Орлиное Крыло». В «Списке имен» к *Падению Гондолина* это выражено ясно: «Имя *Эарэндл* [*sic*], хотя и может находиться в родстве с эльфийскими *эа* и *эарэн* «орел» и «орлиное гнездо» (здесь вспоминается перевал Кристорн и то, что Идриль использовала знак Орла [см. с. 193]), создано, как думается, на тайном языке гондотлим [см. с. 165]».

Напоследок я перехожу к четырем ранним стихотворениям отца, в которых возникает Эарэндэль.

I

Éalá Éarendel Engla Beorhtast

Не вызывает сомнений, что, как предполагает Хэмфри Карпентер (*Биография*, с. 71), это первое написанное отцом стихотворение об Эарэндэле и что оно было создано в Феникс-фарм (Гедлинг, Ноттингемшир) в сентябре 1914 года¹⁰. Именно на это стихотворение отец ссылаясь в только что процитированном письме от 1967 года: «я написал «стих» о том, как Эарэндэль спустил на воду свою похожую на яркую искру ладью»: ср. со строкой 5 нижеследующего стиха: «белой искрой ладью устремил он свою...».

Существует пять вариантов данного стихотворения, каждый из которых включает в себя изменения, внесенные в предшествующих вариантах, хотя существенной переработке подвергалась лишь первая строфа. Первоначальное название было «Странствие Эаренделя Вечерней Звезды» с древнеанглийским (как обычно) подзаголовком *Scipfareld Éarendeles Æfensteorran*; это было изменено на *Éalá Éarendel Engla Beorhtast* «Последнее Странствие Эарэндэля», а в последующих вариантах новоанглийское название уже отсутствовало. Я даю здесь последний вариант стихотворения; дату его написания определить затруднительно, хотя, судя по почерку, этот вариант был создан много позже, чем первоначальная версия. Наиболее интересные разночтения см. в сносках.

Эарендель взошел, где теней ореол	
Океана венчает края,	
И над сумраком круч, как серебряный луч,	
Через ночи уста просяив,	4
Белой искрой ладью устремил он свою	
От последних песков тишины,	
И в дыханье огня умиравшего дня	
Он отплыл от Закатной страны.	8

И в дороге своей над пыланьем углей Догорающей славы дневной, Звезд минуя огни, вел он стройно меж них Галеон мерцающий свой.	12
Подступившая мгла на волне принесла Небесные корабли, Светом их парусов ночи черный покров Заблестал надо мглою земли.	16
Он ныряет им вслед, к их мерцанию слеп, Своенравным духом своим Увлекаемый плыть вдаль из западной мглы В вечный путь за пределом земным.	20
Мчится в спешке своей он над бездной огней И над сумраком, что позади — С серебристым огнем на лице своем, С пламенеющей жаждой в груди.	24
И с востока плывет Лунный Челн в свой черед, Из Гавани Солнца стремясь, Чьих ворот белизна засияла, бледна, Пред лучом серебра отворясь.	28
Зри! Меж стай облаков, челн облекших в покров, Поднимает он якорь свой, Оставляя тот берег, что пылает вовек, И мерцают весла его.	32

Чтения ранних версий:

- 1—8 Из купели морей взмыл над миром теней
Эарендель в сиянье своем,
И над сумраком круч, как серебряный луч,
В двери Ночи стремится проем,
Белой искрой ладью устремил он свою
От песка, что как золото горел,
Сквозь дыхание огня Умиравшего Дня
Покидая Закатный предел.

(Далее в английском оригинале примечания приводятся варианты фразировок отдельных строк, которые практически невозможно передать по-русски ввиду особенностей поэтического перевода — *Прим. ред.*)

Эарендель спешит, и Луны он бежит
 Прочь за темной земли окоём,
 В Океан смутных вод, за пределы его,
 Чтоб за миром проплыть потом; 36
 И он слышит вдали шум веселья земли
 И рыдания скорби земной,
 Будто мир в свою смерть через лет круговерть
 Пал в руинах, окутанный мглой. 40

И тогда путь ему — плыть в беззвездную тьму,
 Как светильнику в лоне морском;
 Вне познаний людских, запределен для них,
 Одиноким стремиться путем. 44
 Так за Солнцем вслед, сея белый свет,
 В бездорожье небес он мчит,
 Пока в безднах льда за века навсегда
 Его ярый огонь не сгорит. 48

(Перевод А. Дубининой)

Есть все основания полагать, что это стихотворение предшествует всем наброскам и примечаниям, данным в этой главе, и что их отдельные выражения эхом повторяют строки стихотворения (к примеру, «его лицо в серебряном сиянии», набросок «С», с. 255; «земной предел», набросок «Е», с. 260).

В четвертой строфе Корабль Луны поднимается из Гавани Солнца; в сказании *Сокрытие Валинора* (I. 215) Аулэ и Улмо построили на востоке две гавани — гавань Солнца (которая «была просторна и сияла золотом») и гавань Луны (которая «сверкала белизной, и врата ее были из серебра и жемчуга») — но обе они построены «в том же заливе». Как и в стихотворении, в *Сказании о Солнце и Луне* Луна подвижна «мерцающими веслами» (I. 195).

II

Веление менестрелю (The Bidding of the Minstrel)

Это стихотворение, согласно небрежному примечанию отца на одной из копий, было написано на Сент-Джон-стрит в Оксфорде (см. I. 27) зимой 1914 года; другие датировки отсутствуют. В данном случае наличествуют наиболее ранние черновики, и на оборотной стороне одного из листов находится набросок,

46—48 Правит он свой челн в небесах
 До поры, пока он, светом Утра сожжен,
 Не умрет с Рассветом в глазах.

повествующий о путешествии Эарэндэля и приведенный на стр. 261. Первоначально стихотворение было значительно длиннее, но черновики в высшей степени небрежны, в них даже нет названия стиха. Наиболее раннему законченному варианту впоследствии было наспех приписано название: «Менестрель отзывается петь». Позже заголовок был изменен на «Лэ об Эарэндэле», а в последней версии — на «Веление менестрелю, из Лэ об Эарэндэле».

За первоначальным неотделанным наброском последовали четыре версии, но значительных изменений сделано не было, и я даю стихотворение в его последней версии, заметив только, что в ранних вариантах менестрель, как представляется, откликался на «веление» раньше — в пятой строке, где стояло «Внемлите повести бессмертных морских томлений»; и что «эльдар» в строке 6 и «(лодья) эльфов» в строке 23 сменили «фэери» в последней версии.

«О, воспой нам еще Эарэндэля — странника,
Спой нам лэ про его беловесельный челн,
Что страннее всего, что представим мы странного,
Запределен для смертного, в музыке волн.
Спой нам повесть бессмертных морских томлений, 5
Что до смены света знал эльдар народ —
Чар хмельного плетенья и удивленья
Брызгам пены и запаху ночи с высот;
И о шепотах сумерек над океаном,
И как якорь бросал он у немых островков, 10
Где недремлющим волнам плескать неустанно;
И как ветер, вздымаясь, полнил плоть парусов,
И как южные воды вокруг клочотали,
Как их громкая песнь грозным звоном лилась,
И за тысячи миль от тех рук, что создали 15
Челн — он мчал птицей моря, как крылатый алмаз;
Как, отважен в пути своем неизмеримом,
Из морского полета плывущий домой,
Медлил он, неустанен, и в гавань незримо
Возвращался по кругу в час темный ночной». 20

«Но мелодии нет, и слова позабыты,
И Солнце увяло, и сед лик Луны,
Лодья эльфов гниют, тинной моря увиты,
Жажда чуда и пламя в сердцах холодны.
Кто расскажет теперь, и чья арфа подхватит 25
Мелодией верной, богатством тонов,
Где и чар, и глубокой гармонии хватит,
Гула дюн и простора морских берегов, —
То, как челн его тонок, из древа какого,
Как блещут паруса и сколь мачта стройна, 30
Нос горит серебром от прибоя морского,
И бортов лебединых чиста белизна!

То, что мог бы я спеть, — лишь обрывок виденья,
 Той мечты золотой, что приходит во снах;
 То, что шепчут углей догорающих тени
 Об ушедшем, храним в немногих сердцах». 35

(Перевод А. Дубининой)

III

Побережья Фазри (The Shores of Faëry)

Самый ранний вариант этого стихотворения приведен Хэмфри Карпентером в *Биографии* (с. 76—77)¹¹. Существует оно в четырех версиях, не сильно отличающихся друг от друга; на трех из них отец указал дату написания: «8—9 июля, 1915»; «Мосли и Эджбастон, Бирмингем, июль 1915 (пешком и на автобусе). С тех пор неоднократно вносились изменения, в особенности — в 1924»; и «Первое стихотворение моей мифологии, Валинор 1910». Вряд ли подразумевалось, что последняя дата — дата написания стихотворения, и неразборчивые слова, предшествующие дате, можно прочесть как «обдумывался около». Но, как бы то ни было, *Побережья Фазри* не может быть «первым стихотворением мифологии»: я полагаю, что таковым является *Éalá Éarendel Engla Beorhtast* — что, как представляется, подтверждается упоминанием об этом стихотворении в письме отца от 1967 года (см. с. 266).

Древнеанглийское название этого стихотворения было *Ielfalandes Strand* (Побережья Эльфланда). Ему было предпослано краткое прозаическое вступление, данное выше, на с. 262. Я даю здесь позднейшую версию стихотворения (недатированную) и некоторые чтения ранних версий*.

На запад Солнца, на восток
 Луны — в волнах морских
 Вознесся одинокий холм,
 Чьих башен мрамор тих —
 Там, за Таниквэтиль, 5
 Где Валинор.
 Туда приходит лишь одна
 Звезда, бежав Луны;
 Там плоть Двух Древ обнажена —
 Того, с Цветком ночным, 10
 Другого, что с Плодом дневным,
 О, Валинор.
 Там галька Фазри берегов
 Прозрачный свет лучит,
 И пена гладит музыкой 15
 Опаловое дно

* Опущены в переводе почти полностью. — *Ред.*

За тенью сумрачной морской,
 Где грань песка блестит,
 К стопам драконоглавых врат
 Приникшего давно — 20
 То есть врата Луны
 Там, за Таниквэтиль,
 Где Валинор.
 На запад Солнца, на восток
 Луны — звезды причал, 25
 И бел тот город Странника
 У Эгламара скал.
 И «Вингэлот» там в гавани,
 Где Эарэндэль смотрит вдаль,
 Где между краем Эгламар 30
 И нами — темных вод печаль
 Там, за Таниквэтиль вдали,
 Где Валинор всегда сиял.

(Перевод А. Дубининой)

Укажем на интересные совпадения между текстом этого стихотворения и сказанием *Пришествие Эльфов и Возведение Кора*. «Одинокий холм» — это холм Кора (ср. сказание, I. 122: «над концом этого протяженного залива высится одинокий холм, что смотрит на более высокие горы»), в то время как строки «золотое подножье Кора» (строка, измененная в позднейших версиях) и, с большой вероятностью, «где грань песка блестит» поясняет следующий отрывок из сказания:

«Туда [т. е. в Кор] принес Аулэ всю пыль волшебных металлов, созданных и накопленных его трудами, и рассыпал ее у основания холма — а пыль та большей частью была золотая — так что от подножия Кора протянулась вдаль, туда, где цвели Древа, полоса златого песка».

Чтения ранних версий:

28 *Самый ранний текст:* Wingelot > Vingelot; *вторая версия:* Vingelot; *третья версия:* Vingelot > Wíngelot; *последний вариант:* Wíngelot.

В позднейшем тексте в строке 13 над *Фазри* написано *Эльвенлэнд*, и *Эльдамар* — напротив *Эгламар* в строке 27 (и всё); *Эгламар* > *Эльдамар* во втором варианте.

С «драконоглавыми вратами» ср. описание Двери Ночи в *Сокрытии Валинора* (I. 215—216):

«Столпы их из крепчайшего базальта, так же, как и дверная перемычка, а высечены на них огромные драконы черного камня, и темный дым медленно клубится из их пастей».

В этом описании Дверь Ночи не есть, однако, «врата Луны», поскольку ею проходит во внешнюю тьму Солнце, в то время как Луна «не осмеливается выйти в беспредельную пустоту внешней тьмы, ибо свет и величие сего судна менее, нежели у Солнца, и путь его пролегает под миром [т. е. в водах Вай]».

IV

Счастливые морестранники (The Happy Mariners)

Последним я даю стихотворение, посвященное Жемчужной Башне на Сумеречных Островах. Оно было написано в июле 1915 года¹², и шесть версий предшествуют варианту, опубликованному (вместе со стихотворением «Почему Человек-с-Луны спустился вниз так быстро») в Лидсе в 1923 году*. Этот вариант я даю первым.

(1)

Я знаю в башне западной окно,
Открытое в моря небес;
И ветер, что раньше звезды оведал,
Приют находит средь его завес.
То башня Сумеречных Островов, 5
Где Вечер вечно средь теней сокрыт,
Она мерцает, как жемчужный пик,
Давно угасший свет она двоит;
И моет море черную ее скалу,
Лабьи проходят в сумрачную мглу 10
К земле теней, горя во тьме
Огня востока всполохами, что

* *Нортеfn Венчер*: см. сноску I. 204. Дуглас А. Андерсон великодушно снабдил меня копией данной версии стихотворения, которое не сильно изменилось с момента публикации в *Стэлдон Мэгэзин* (Эксетерский колледж, Оксфорд) в июне 1920 года (Карпентер, с. 268). — *Twilight* в строке 5 версии лидского журнала почти наверняка ошибка, поскольку все оригиналы дают *Twilit*.

Пловцы добыли в солнечных водах;
 И, может, трепетанье лиры то,
 Иль серых мореходов голоса 15
 Двоятся эхом среди теней земных;
 Без парусов и весл челны у них,
 И часто пение иль звук шагов
 Здесь мнится — иль звенит далекий гонг.

К вратам великим Западных берегов, 20
 О морестранники счастливые, ваш путь,
 Где у драконоглавых Ночи врат
 Фонтаны звезд, сверкая пеной, бьют,
 Обрушивая ярких искр каскад.
 Когда Луну слежу я в небесах 25
 Из башни ветреной своей,
 Без мига промедленья среди теней
 Вы мимо с пеньем странным на устах
 Плывете по погибельным волнам,
 Сквозь мглу — к волшебным тем лугам, 30
 Где россыпь звезд на своде голубом
 Все в танце кружится своим.
 Вы к Островам Благим плывете вслед
 За Эарэндэлем, одетым в свет;
 Из-за пределов сумрачных назад 35
 Лишь ветер возвращается, шепча
 О золотых дождях, что, свет луча,
 В тех смутных землях вечно шелестят.

(Перевод А. Дубининой)

В *Сокрытии Валинора* (I. 215) сказано, что после создания Солнца валар намеревались проводить его под миром, но что

«слишком хрупка и порывиста она [Сари, т. е. Солнце]; и много драгоценного сияния расплескалось во время тех попыток в глубочайшие воды и осталось мерцать тайными искрами в неведомых океанских пещерах. И многие из эльфов и народа фэй ныряли и искали те искры на заокраинном востоке, как поется о том в песне Спящей в Жемчужной Башне».

То, что «Счастливые морестранники» и есть «песня Спящей в Жемчужной Башне» подтверждается, как кажется, в первой строфе стихотворения.

По поводу «драконоглавых Ночи врат» см. с. 273.

Много лет спустя отец переписал стихотворение, и я даю ниже эту версию. Еще позже отец вернулся к этому варианту и внес несколько поправок; в этот раз он приписал, что пересмотренная версия датируется временем после «1940?».

(2)

Я знаю в башне Западной окно,
Открытое в небес моря;
Туда из неземной далекой тьмы
Надзвездный дышит ветер, льдом даря.
То башня Сумеречных Островов, 5
И, возносясь из вечных их теней,
Сверкает, как жемчужная, она,
Забытый свет приют находит в ней.

Подножье вечно моет шелест волн,
И каждый к Западу плывущий чёлн 10
Её минует, в темноте маня
Мерцанием восточного огня,
Что в давний год
Добыт пловцом из Солнца вод.
Порой там арфы зазвенит струна, 15
Коснется сердца музыка, странна —
Иль серых мореходов голосов
От гор далеких донесется зов, —
Тех, что плывут среди теней земных,
И чьи без весл и парусов челны; 20
Торжественна прощальная их песнь —
Огромно море, путь не кончен здесь.

О морестранники счастливые, судьба
От серых островов, за Гондобар, 25
Влечет вас в путь к последним берегам,
Где у драконоглавых Ночи врат
Фонтаны звезд взлетают к небесам,
И звездной пены рушится каскад!
Пока Луну слежу я в небесах
Из башни ветреной своей, 30
Без мига промедленья средь теней
Вы с песней арфы в сумрачных морях
Плывёте под торжественный напев
К земле последней Двух Дерев,
Луна и Солнце коим — цвет и плод, 35
Туда уходит свет, оттуда он идёт.

Последние исправления:

3 «туда» опущено
33—36 перечеркнуты

За Западный предел вы мчите вслед
 За Эарэндэлем, одетым в свет,
 Что устремляет сквозь ночи уста
 Свою ладью туда, где темнота, 40
 Во внешние моря. Сюда порой
 Вернётся ветра вздох дорогой той,
 Неся дерев нездешних аромат.
 И здесь в окно я отблеск вижу
 Тех золотых дождей, кои всегда 45
 Над внешними морями шелестят.

(Перевод А. Дубининой)

Я не могу объяснить отсылки (наличествующие только в пересмотренной версии, строка 24) на плаванье морестранников «от серых островов, за Гондобар». Гондобар («Град Камня») было одно из семи имен Гондолина (с. 158).

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Фаласквиль — так назвалось прибрежное жилище Туора (с. 152); оарни, фалмарини и вингильди названы духами «пены и океанского прибоя» (I. 66).
- 2 *Ирильдэ* — это «эльфийское» имя, соответствующее *Идриль* языка гномов. См. Приложение, статью *Идриль*.
- 3 «Эльвинг из гномов Артанора», вероятно, просто ошибка.
- 4 По поводу Лебединого Крыла — эмблемы Туора — см. с. 152, 164, 172, 193.
- 5 Слова «Идриль исчезла» стоят вместо слов «Сирион был разграблен, и, чтобы об этом поведать, остался лишь Сердечко (Ильфрит)». *Ильфрит* — еще одна версия эльфийского имени Сердечка (см. с. 201—202).
- 6 Здесь вычеркнуто: «Спящая — это Идриль, но он не знает».
- 7 Ср. со строками из поэмы *Кортирион среди Дерев* (I. 36, стр. 129—130): «Мне нет нужды в дворцах алей огня, Где солнца дом...»; эти строки незначительно изменились во второй (1937) версии (I. 39).
- 8 Эти несколько предложений, начиная с «Эарэндэль, обезумев от горя...» заменили следующее: «[неразборчиво написано имя, похоже на «Орлон»] [?ожидает] там и рассказывает ему о разграблении Сириона и о пленении Эльвинг. Поход корэльдар и пленение Мэлько». Вероятно, слова «поход корэльдар» были вычеркнуты по ошибке (ср. набросок «В»).
- 9 «Эарум» исправлено (только при первом появлении) из «Эарам», за которым следовало название «Эарнхама», впоследствии вычеркнутое. *Earnhama* переводится с древнеанглийского как «орлиная одежда», «орлиное платье».

- 10 Так датируют время создания стиха два наиболее ранних варианта, один добавляет «Клуб эссеистов Экс[етерского] колл[еджа], дек. 1914», а на третьей версии мы находим примечание «Гедлинг, Нотт., сент. 1913 [ошибка: надо «1914»] и позднее». Отец упоминал о том, что читал «Эарэндэля» в клубе эссеистов, в письме к моей матери от 27 ноября 1914 года.
- 11 Но вместо «у Эгламара *скал*» в строке 27 (26) надо читать «у Эгламара *скалы*».
- 12 Согласно примечанию, оно было написано в «Барнт-грин [см. *Биографию*, с. 36] в июле 1915 и в Бедфорде и позже», другое примечание датирует его «24 июля [1915 года], переписано 9 сент.». Первоначальные наброски сделаны на обороте неотосланного письма, написанного в Мосли (Бирмингем) 11 июля 1915 года; военные сборы в Бедфорде начались 19 июля.

VI

ИСТОРИЯ ЭРИОЛА, ИЛИ ЭЛЬФВИНЕ, И ОКОНЧАНИЕ СКАЗАНИЙ

В этой заключительной главе мы подходим к сложнейшей (хотя, как я надеюсь показать, доступной пониманию) части самого раннего варианта мифологии — ее окончанию, с которым переплетается история Эриола/Эльфвине, а с ней — история и первоначальное значение Тол Эрэссэа. Для прояснения этой части имеется несколько коротких фрагментов связного повествования, однако гораздо больше материалов того же рода, что лежат в основе *Рассказа Гильфаниона* и истории Эарэндэля: неразборчивые наброски сюжета, бесконечно варьирующиеся, записанные на разрозненных листках или на страницах маленькой записной книжки «С» (см. с. 254). В этой главе много требующего рассмотрения материала, и для упрощения ссылок я последовательно пронумеровал все цитаты. Однако следует сказать, что никакие методы представления не способны существенно уменьшить присущие этой части сложность и запутанность.

Самое полное (хотя все равно скудное) описание Похода эльфов Кора и следовавших за ним событий содержится в записной книжке «С». Оно продолжается с того момента, на котором я его оставил (с. 255), после появления птиц из Гондолина, «советов богов и волнения эльфов» и «Похода Инвир и тэлэри», когда одни лишь солосимпи согласились участвовать в экспедиции, при условии, что они не будут удаляться от моря. Далее сюжет развивается так:

- (1) Пришествие эльдар. Расположение первого отряда лагерем в Краю Ив. Поражение Нолдорина и Валвэ. Скитания Нолдорина с арфой. Тулкас повергает Мэлько в битве у Покойных Заводей. Тот скован Лумби и охраняется Горгумот, гончей Мандоса. Освобождение нолдоли. Война с людьми сразу после ухода Тулкаса и Нолдорина в Валинор. Эгалмот и Галдор ведут нолдоли в Валинор.

В *Утраченных Сказаниях* ранее уже встречались упоминания о битве в Тасаринане, Крае Ив: в *Сказаниях о Турамбафе* (с. 70, 140) и, самые существенные, в *Падении Гондолина* (с. 154). В описании странствия Туора в те края упоминаются события, которые произойдут там в будущем:

«Разве во дни после Туора не забрели туда Нолдорин и его эльдар в поисках Дор Ломина, соккрытой реки и пещер, где томились гномы, — и разве не были они готовы оставить свой поход, будучи так близко к цели? Плясали они там, и дремали... — и так застигли их врасплох гоблины, которых Мэлько послал из Железных Холмов, и Нолдорину едва удалось уйти».

Валвэ уже упоминался однажды, Линдо, в первый вечер пребывания Эриола в Мар Ванва Тьялиэва (I.16): «Мой отец Валвэ, что отправился вместе с Нолдорином на поиски гномов». О Нолдорине нам также известно, что он — вала Салмар, брат-близнец Омара-Амилло, пришедший в мир вместе с Улмо, и что в Валиноре он играл на арфе и лире, и нолдоли были ему любы (I. 66, 75, 93, 126).

Отдельная запись гласит:

- (2) Нолдорин бежит после разгрома в Краю Ив, берет свою арфу и бродит в Железных Горах в поисках Валвэ и гномов, пока не находит место их заточения. Тулкас идет следом. Мэлько выходит навстречу.

Единственный из великих валар, о чьем участии в экспедиции в Великие Земли упоминается в этих заметках, — Тулкас. Однако практически невозможно восстановить историю, которая объясняет его присутствие: ведь валар скорбели и гневались из-за Похода эльфов (см. с. 257). Слабая подсказка на этот счет обнаруживается в двух отдельных заметках: «Тулкас дает — или эльфы берут *лимнэ* с собой», и «*Лимнэ*, полученное от богов (Оромэ? Тулкас?), когда эльфы покидали Валинор»; ср. *Бегство Нолдоли* (I. 166): «не имели они [т. е. нолдоли] *лимнэ*, дабы унести с собою, ибо лишь много после того было сие питье дано фэери, во времена Похода Освобождения». Согласно (1), Тулкас сражался с Мэлько и поверг его «в битве у Покойных Заводей»; а Покойные Заводы — это Заводы Сумерек, «где потом Тулкас сражался с самим Мэлько» (*Падение Гондолина*, с. 195; первоначально речь шла здесь о «Нолдорине и Тулкасе»).

Название *Лумби* встречается и в других местах (в списке имен и названий, связанных со сказанием *Пришествие Валар*, I. 93), где о нем говорится как о третьем обиталище Мэлько; а одна пометка в записной книжке «С», весьма загадочная, гласит: «*Лумфад*. Обиталище Мэлько после освобождения. Замок *Лумби*». Однако эта история также утрачена.

Примечательно, что в (1) утверждается, будто нолдоли обратно в Валинор привели Эгалмот и Галдор. Это не согласуется, в частности, с утверждением в «Списке имен» к *Падению Гондолина*, где говорится (с. 217), что Эгалмот был сражен во время набега на поселение в устье Сириона, когда захватили Эльвинг. Не согласуется это и с нижеследующей цитатой, которая вообще отрицает, что эльфам было дозволено поселиться в Валиноре.

Единственное иное изложение этих событий обнаруживается в первом из

четырёх набросков, составляющих основу *Рассказа Гильфанона*, который я обозначил «А» (I. 234). Он гласит:

(3) Поход эльфов в мир.

Пленение Нолдорина.

Лагерь в Краю Ив.

Воинство Тулкаса у Заводей Сумерек... и [множество?] гномов, но люди нападают на них из Хисиломэ.

Поражение Мэлько.

Разрушение Ангаманди и освобождение узников.

Враждебность людей. Гномы забирают некоторое количество самоцветов.

Эльвинг и большинство эльфов возвращаются на Тол Эрэссэа. Боги не позволяют им жить в Валиноре.

Это очевидно отличается от (1) в части пленения Нолдорина и нападения людей из Хисиломэ перед поражением Мэлько, но более всего примечательно положение, касающееся отказа богов позволить эльфам жить в Валиноре. Нет причин думать, что сей запрет распространялся исключительно (или преимущественно) на нолдоли. Текст (3) в этом отношении не выделяет гномов; и запрет, конечно, связан со «скорбью и гневом богов» времен Похода эльфов (с. 253). Далее, в *Домике Утраченной Игры* (I. 16) говорится, что Ингиль, сын Инвэ, вернулся на Тол Эрэссэа, «а с ним — самые прекрасные и мудрые, самые веселые и великодушные из эльдар», город же, основанный им здесь, был назван «Коромас или „Приют Изгнанников Кора“». Вполне очевидна связь с положением (3): «большинство эльфов возвращаются на Тол Эрэссэа», и с тем, что говорится на с. 255: «Войны с людьми и уход на Тол Эрэссэа (эльдар не могут вынести царящих в мире распрей)». Эти свидетельства в совокупности не оставляют, я полагаю, никаких сомнений в том, что первоначально в замысле отца фигурировал поход эльдар Валинора в Великие Земли, предпринятый вопреки воле валар; вместе со спасенными нолдоли они вернулись за океан, но, будучи не допущены назад в Валинор, поселились на Тол Эрэссэа, как «Изгнанники Кора». Из слов Мэриль-и-Туринкви (I. 129), будто Ингиль, основавший Кортирион, «давно возвернулся в Валинор и пребывает с Манвэ», можно заключить, что некоторые в конце концов возвратились в Валинор. А Тол Эрэссэа, согласно ранней концепции, остался землей фэери, Изгнанников Кора, эльдар и гномов, говоривших как на *эльдариссе*, так и на *нолдориссе*.

Похоже, что по поводу исходного варианта истории о помощи, пришедшей с Запада, и возобновления войны с Мэлько, больше ничего нового сказать нельзя.

Первоначальный замысел финала всей истории был впоследствии полностью

отвергнут. В отношении этого первоначального финала мы полагаемся в основном на набросок из записной книжки «С», продолжающий цитату (1); предельно сырой и несвязный, он приводится ниже в лишь слегка отредактированном виде.

- (4) Многие века протекают после ухода Эарэндэля и пришествия эльфов на Тол Эрэссэа (и многое здесь принадлежит истории людей); люди распространяются и процветают, а эльфы Великих Земель истаивают. Рост их уменьшается по мере увеличения роста людей. В прошлом люди и эльфы были соразмерны, хотя люди всегда крупнее¹.

Мэлько вновь вырывается на свободу, с помощью Тэвильдо (который долгие века грыз его оковы); среди богов раздор из-за людей и эльфов: кто покровительствует одним, кто — другим. Мэлько является на Тол Эрэссэа и старается посеять раздор среди эльфов (между гномами и соло-симпи), которые в ужасе взывают к Валинору. Помощь не приходит, лишь Тулкас от себя присылает Тэлимэктера (Таймонто), своего сына².

Тэлимэктар, вооруженный серебряным мечом, и Ингиль застают Мэлько врасплох и ранят его, и он бежит и взбирается на великую Сосну Тавробэля. Перед тем как Инвир покинули Валинор, Бэлаурин (Палуриэн)³ вручила им семя, наказав беречь его, ибо однажды оно даст великие всходы. Но семя было забыто и брошено в саду Гильфанона, и поднялась могучая сосна, что достала до Ильвэ и до звезд⁴.

Тэлимэктар и Ингиль преследуют его, и посейчас остаются они на небесах, дабы оберегать их, а Мэлько рыщет в надвоздушных высотах, вечно ища погубить Солнце, Луну и звезды (затмения, метеоры). Неудачи постоянно преследуют его, но во время первой попытки, заявив, будто боги, чтобы сотворить Солнце, украли у него огонь, он низверг светило, так что Урвэнди упала в Море, а ее Ладя — неподалеку от берега и выжгла дотла целые области земли. Никогда с тех пор не сияло солнце столь же ярко, сколь прежде, и лишилось оно части своего волшебства. Именно поэтому с давних пор фэери поют и танцуют прекраснее (и увидеть их легче) при свете Луны — из-за смерти Урвэнди.

«Возжигание Волшебного Солнца» относится отчасти к Древам, а отчасти к Урвэнди.

Ярость и горе Фионвэ. В конце он поразит Мэлько.

«Орион» — всего лишь образ Тэлимэктера в небесах? [*sic*] Варда даровала ему звезды, и он несет их в вышине, чтобы боги знали — он бдит; алмазы на ножнах его меча, и они побагровеют, когда он обнажит меч перед Великим Концом.

Ныне же Тэлимэктар и Гиль⁵, что следует за ним подобно Голубой Пчеле, отгоняют зло, а Варда сразу же заменяет все звезды, что расшатывает и сбрасывает вниз Мэлько.

Как ни печально, Сосна по велению богов срублена; и потому

Мэлько ныне вне мира — но однажды он отыщет обратный путь, и начнется последняя великая смута перед Великим Концом.

То зло, что всё еще случается, происходит таким образом. Боги могут вложить стремления в сердца людей, но не эльфов (отсюда несговорчивость тех в далекие дни Изгнания гномов) — и хотя Мэлько восседает вовне, грызя ногти и вглядываясь в мир с гневом, он может внушать зло людям, склонным к этому, — да и посеянная им в древности ложь все еще растет и распространяется.

Поэтому-то Мэлько ныне может вредить и разрушать и сеять зло в мире только через людей, и более искусен он в обращении с людьми и обладает над ними большей властью, нежели Манвэ или любой из богов, благодаря долгому его пребыванию в мире и среди людей.

В этих ранних эскизах мы попадаем в примитивную мифологию, где образ Мэлько сводится к гротескной фигуре, спасающейся от преследования по гигантской сосне, которую вслед за тем срубают, дабы оставить его вне мира. Там он «рыщет в надвоздушных высотах» или «восседает вовне, грызя ногти» и опрокидывает Ладью Солнца, так что Урвэнди падает в море и, что самое странное, находит свою смерть.

Несомненно, Ингиля (Гиля), который вместе с Тэлимэктаром преследует Мэлько, следует отождествить с Ингилем, сыном Инвэ, основавшим Кортирион. Это вытекает из нескольких замечаний: см. Приложение к тому I, статьи *Ингиль*, *Тэлимэктар*. Приведенная выше история — самое полное изложение мифа об Орионе, на который имеется ссылка в *Сказании о Солнце и Луне* (см. I. 182, 200):

«и Ниэллуин [Сириус], сиречь Лазурная Пчела, что по сию пору виден людям осенью и зимой, пылая подле ног Тэлимэктара, сына Тулкаса, предание о коем еще не поведано».

В словаре языка гномов говорится (I. 256), что Гиль поднялся на небеса и «в образе гигантской пчелы, несущей огненный мед» последовал за Тэлимэктаром. Это, по-видимому, отзвуки концепции, отличающейся от вышеупомянутой, где Ингиль «давно возвратился в Валинор и пребывает с Манвэ» (I. 129).

С упоминанием о расправе Фионвэ с Мэлько «в конце» ср. финал *Сокртия Валинора* (I. 219):

«Фионвэ Урион, сын Манвэ, из любви к Урвэнди станет проклятием Мэлько и повергнет весь мир, дабы повергнуть своего врага; и так все сущее в мире рассеется».

Ср. также *Сказание о Турамбаре*, с. 116, где сказано, что Турамбар «встанет подле Фионвэ при Великом Разрушении».

Пророчества и упования эльфов, связанные с Возжиганием Волшебного Солнца, см. на с. 285—286.

Набросок из «С» продолжается и завершается таким образом (опять-таки, с очень малыми и несущественными редакторскими изменениями):

- (5) Опять пролетают века. Гильфанон теперь старейший и мудрейший эльф на Тол Эрэссэа, однако он не из Инвир, и потому Владычица Острова — Мэриль-и-Туринкви.

Эриол приплывает на Тол Эрэссэа. Гостит в Кортирione. Отправляется в Тавробэль увидеть Гильфанона и остается в доме сотни дымоходов, ибо таково последнее условие ему, чтобы испить *лимтэ*. Гильфанон велит ему записать все услышанное, прежде чем Эриол отведаёт напиток.

Эриол пьет *лимтэ*. Гильфанон рассказывает ему о том, что должно случиться; и о том, что по его разумению, Тол Эрэссэа станет жилищем людей (хотя фэери уповают этого избежать). Гильфанон пророчествует также о Великом Конце, и о Разрушении Сущего, и о Фионвэ, Тулкасе, и Мэлько и последнем сражении на Равнинах Валинора.

Эриол заканчивает свою жизнь в Тавробэле, снедаемый в последние дни тоской по черным скалам родных берегов, как предупреждала Мэриль.

Книга лежит нетронутой в доме Гильфанона на протяжении многих поколений людей.

Составитель Золотой Книги продолжает Сказание: один из детей отцов отцов людей. [*Напротив этого написано:*] Может быть, гораздо лучше, если Эриол сам увидит последние события и закончит книгу.

Восстание Утраченных Эльфов против орков и наутар⁶. Время для Исхода еще не пришло, но фэери решают, что он необходим. Через Ульмо они заручаются помощью Уина⁷, и Тол Эрэссэа выкорчевывается и перетаскивается поближе к Великим Землям, недалеко от мыса Рос. Через разделяющий их пролив переброшен волшебный мост. Оссэ разгневан, что разрушены корни острова, который в древности он устанавливал сам — многие редкостные морские сокровища растут вокруг него, — он пытается вырвать его обратно; однако западная половина отламывается, и теперь это остров Ивэрин.

Битва при Росе: Островные Эльфы и Утраченные Эльфы против наутар, гонгов⁸, орков и немногочисленных недобрых людей. Поражение эльфов. Истаивающие эльфы удаляются на Тол Эрэссэа и прячутся там в лесах.

Люди приходят на Тол Эрэссэа, а также орки, карлы, гонги, тролли и т. д. После Битвы при Росе эльфы истаивают от скорби. Они не могут дышать воздухом, которым дышит равное их собственному или большее количество людей, и неуклонно, по мере того как люди становятся могущественнее и многочисленнее, эльфы истаивают, становятся маленькими и бесплотными, смутными и прозрачными, а люди — больше, крепче и прибавляют в теле. В конце концов люди (почти все) не способны более видеть фэери.

Боги ныне обитают в Валиноре и почти никогда не появляются в мире, довольствуясь тем, что препятствуют стихиям окончательно уничтожить людей. Они глубоко опечалены тем, что видят; но *Илуватар — над всем*.

На страничке напротив эпизода Битвы при Росе написано:

Великая битва между людьми на Пустоши Небесного Свода (ныне Иссохшая Пустошь) в лиге от Тавробэля. Эльфы и Дети бегут через Груир и Афрос.

«Чу, близятся они, и наше великое сказание подходит к концу».

Книга найдена в руинах дома сотни дымоходов.

В *Сказании о Солнце и Луне* (I. 175) тоже говорится, что Гильфанон был старейшим из эльфов Тол Эрэссэа, хотя титул Владычицы Острова носила Мэриль; однако наиболее примечательно то, что именно Гильфанон (а не Айлиос, рассказчик *Сказания о Науглаффринге*, замененный Гильфаномом, см. I. 197, примечание 19, I. 229 и далее) появляется в этом наброске, который, таким образом, должно отнести к позднему этапу работы над *Утраченными Сказаниями*.

Заслуживает внимания, что Эриол отвеживает *лимтэ* в «доме сотни дымоходов» Гильфанона. В *Домике Утраченной Игры* (I. 17) Линдо говорил Эриолу, что не может дать ему испить *лимтэ*:

«только Туринкви позволено давать его тем, что не принадлежат к народу эльдар. Вкусивший же его должен навсегда остаться с эльдар Острова — до тех пор, пока те не выступят в путь на поиски утраченных семейств этого народа».

Сама же Мэриль-и-Туринкви, когда Эриол умолял ее о глотке *лимтэ*, была непреклонна (I. 98):

«если ты вкусишь сего напитка... даже если во время Исхода разгорится война между людьми и эльфами, должен ты будешь сражаться на нашей стороне против своего рода и племени, но до тех времен не сможешь ты вернуться домой, хотя тоска будет снедать тебя...»

В тексте, описанном в I томе на с. 229 и далее, Эриол сокрушается из-за отказа Линдо удовлетворить его желание, и Линдо, предостерегая его против мыслей «о том, чтоб преодолеть пределы, положенные Илуватаром», сообщает, что отказ Мэриль не окончателен. В примечании к этому тексту отец написал: «...Эриол отправляется в Тавробэль — после Тавробэля он отвеживает *лимтэ*».

Утверждение из этого эпизода наброска «С», об Эриоле, «снимаемом в последние дни тоской по черным скалам родных берегов, как предупреждала Мэриль», несомненно имеет отношение к отрывку из *Оков Мэлько*, откуда выше я уже приводил цитату:

«Задуют осенние ветра, и принесенная ими чайка заплачет, быть может, в небе — и вот, ты снова полон непокая и вспоминаешь черные берега своей страны» (I. 96).

Выступление эльдар Тол Эрэссэа «на поиски утраченных семейств этого

народа», о чем обмолвился Линдо в цитированном выше фрагменте из *Домика Утраченной Игфы*, скорее всего, должно быть связано с упомянутым в (5) Исходом (хотя время еще и не пришло), с «восстанием Утраченных Эльфов против орков и наутар» и с «Островными Эльфами и Утраченными Эльфами» в Битве при Росе. В точности не ясно, кто понимается под «Утраченными Эльфами»; однако в *Рассказе Гильфанона* (I. 231) все эльфы Великих Земель, «никогда не зревшие свет Кора» (илькорины), независимо от того, покидали они Воды Пробуждения или нет, зовутся «фэери, затерянные в мире», и похоже, что в данном случае смысл именно этот. Надо полагать, на Тол Эрэссэа жили только эльдар Кора («Изгнанники») и нолдоли, освобожденные из рабства у Мэлько; а Исход следует понимать как грандиозный поход с Тол Эрэссэа для спасения тех, кто никогда не покидал Великие Земли.

В (5) мы сталкиваемся с идеей буксировки Тол Эрэссэа через Океан обратно на восток, на географическое место Англии — Англией он и становится (см. I. 26). В словаре квэнья прямо указывается, что часть, оторванная Оссэ, — остров Ивэрин, — это Ирландия. Мыс Рос — это, по-видимому, Бретань.

Здесь также четко описано «истаивание» эльфов, их физическое уменьшение, все большая хрупкость и прозрачность, так что они становятся невидимы прибавившим в теле людям, а в итоге последние перестают верить в эльфов. Это центральная концепция ранней мифологии: «фэери», какими их сейчас представляют себе люди (насколько это представление правильно), *стали* такими. Но не всегда они такими были. И, видимо, самое примечательное в этом примечательном фрагменте — финальное и почти полное удаление богов (на которых эльдар «весьма похожи... по натуре», I. 57) от дел «мира», Великих Земель за Морем. Видимо, они наблюдают за происходящим, поскольку печалются о нем, и, следовательно, им не совсем безразлично то, что творится в землях людей. Однако ныне, присно и во веки веков они предельно далеки и сокрыты на Западе.

Другие детали (5), Золотая Книга Тавробэля и Битва на Пустоши Небесного Свода будут пояснены кратко. Далее я привожу отдельный фрагмент из записной книжки «С», озаглавленный «Возжигание Волшебного Солнца. Исход».

- (6) Пророчество эльфов гласит, что однажды они выступят с Тол Эрэссэа и, придя в мир, соберут всех своих истаивающих родичей, которые еще живут в этом мире, и отправятся в Валинор через южные земли. Свершится это лишь с помощью людей. Коль скоро они окажут помощь, фэери возьмут в Валинор тех людей, что захотят пойти, — сразиться с Мэлько в Эрумани и открыть путь в Валинор⁹. Воссияют Лаурэлин и Сильпион, и когда падет стена гор, нежный свет разольется по всему миру, а Солнце и Луна будут отправлены на покой. Если же люди выступят против них и помогут Мэлько, то все закончится Гибелью Богов и исчезновением фэери, а может — и Великим Концом.

На страничке напротив написано:

Воссий Древа, все пути в Валинор открылись бы для прохода, и Тенистые Моря освободились бы от чар — люди, как и эльфы, вкусили благодать богов, и опустел бы Мандос.

Это пророчество, очевидно, стоит за словами, сказанными Эриолу Вайрэ (I. 19—20): «...после Исхода, если все сложится хорошо, дороги через Арвалин к Валинору заполонят толпы сынов и дочерей человеческих».

Так как «Солнце и Луна будут отправлены на покой», когда Два Древа снова начнут источать свет, похоже, что здесь «Возжигание Волшебного Солнца» (за которое был провозглашен тост в Мар Ванва Тьялизва, I. 17, 65) относится к воссиянию Древ. Однако во фрагменте (4) выше говорится, что «„Возжигание Волшебного Солнца“ относится отчасти к Древам, а отчасти к Урвэнди», тогда как в *Сказании о Солнце и Луне* (I. 179) Йаванна, по-видимому, разграничивает два эти представления:

«„Многое содеется и преидет, боги состарятся, а эльфы истают, прежде чем узрите вы, как воссияют вновь Древа или запылает Волшебное Солнце“, — и боги не ведали ни тогда, ни после, о чем она вещает, говоря о Волшебном Солнце».

Цитата (xix) на с. 264 не проясняет дела: Эарэндэль «время от времени возвращается с небесной тверди вместе с Воронвэ в Кор, чтобы узнать, зажжено ли Волшебное Солнце и вернулись ли обратно фэери»; однако в следующей обособленной заметке Возжигание Волшебного Солнца явно означает новый восход Урвэнди:

- (7) Мору полонила Урвэнди (Мэлько низверг ее с ладьи, и с тех пор только Луна волшебна). Исход и Битва при Эрумани вызволят ее и воспламят Волшебное Солнце.

О «низвержении» Ладьи Солнца Мэлько и утрате солнцем «части волшебства» упомянуто также в (4), где добавляется, что Урвэнди упала в море и нашла там свою «смерть». В сказании *Воровство Мэлько* говорится (I. 151), что пещера, в которой Мэлько повстречал Унгвэлиант, — то самое место, где впоследствии были пленены Солнце и Луна, а «изначальный дух Мору» — это и есть Унгвэлиант (см. I. 151, 261). О Битве при Эрумани речь идет также в (6), и ее можно отождествить с «последним сражением на Равнинах Валинора», приписываемой Гильфаномом в (5). Однако заключительная часть (5) показывает, что Исход не достиг цели, и прорицания не сбылись.

О буксировке Тол Эрэссэа через Океан гигантским китом Уином, об острове Ивэрин или о Битве при Росе каких-либо иных упоминаний нет. Уцелела, однако, примечательная запись относительно последствий «великой битвы между

людьми на Пустоши Небесного Свода (ныне Иссохшая Пустошь) в лиге от Тавробэля» (конец цитаты (5)). Это чрезвычайно трудный для прочтения текст, написанный карандашом и озаглавленный *Эпилог*. Он начинается короткой вводной заметкой:

(8) Эриол бежит после Битвы на Высокой Пустоши (Ладвэн-на-Дайдэлот) вместе с истаивающими эльфами и переправляется через Груир и Афрос.

Заключительные слова книги Сказаний. Начертаны Эриолом в Тавробэле перед тем, как он запечатал книгу.

Эта заметка представляет развитие упомянутого в (5) пожелания Эриолу «самому увидеть последние события и закончить книгу». Однако отдельная заметка из записной книжки «С» показывает, что отец не принял окончательного решения по этому поводу даже когда *Эпилог* уже существовал: «Пролог, принадлежащий перу летописца из Тавробэля [т. е. подобный *Пролог* необходим], повествующий, как он нашел рукописи Эриола и собрал их воедино. После битвы на Ладвэн Дайдэлот написан им эпилог».

Реки Груир и Афрос также фигурируют в эпизоде битвы в конце (5). Так как там сказано, что Пустошь примерно в лиге от Тавробэля, ясно, что это те самые реки, которые упоминаются в *Сказаниях о Солнце и Луне*: «близ рек высятся Башня Тавробэля» (I. 174, и см. I. 196, примечание 2). В разрозненных заметках битва также именуется: «Битва при Небосводе» и «Битва при Дор-на-Дайдэлот»¹⁰.

Теперь я привожу текст *Эпилога*:

Уж близок конец дивных времен, и вот, все очарование, что было еще на земле — осколки недоступной воображению красоты Валинора, откуда народ эльфов пришел так давно, — все развеялось в дым. Должно быть здесь малой толике неверной памяти, преданиям обо всем том волшебстве и обо всех тех чудесах меж сими местами и Эльдамаром, которые я познал боле, нежели любой смертный человек, с тех пор как мои не знавшие покоя ноги ступили на сей печальный остров.

О той последней битве на горной пустоши под бескрайним небом, — и нет другого такого места под голубыми покровами Манвэ, столь же ближнего к небесам, или укрытого столь же широким и столь же добротным пологом, — о тех горестных делах, что довелось мне увидеть, рассказал я.

Уже истаяли эльфы в печали, и Исход закончился поражением, и Илуватар один ведает, воссияют ли когда-нибудь Древа, пока длится сей мир. Вот, вечером ускользнул я с разоренной пустоши, и извилистыми тропами беглеца спустился в долину Стеклянного Ручья, но заходящее солнце было черно от копоти пожарищ, и струи воды смердели войной людей и скверной междоусобицы. И горько было моему сердцу видеть прекрасную некогда землю, лежащую во прахе и терзаемую ветром. Всеразрушающие руки людей вырвали вереск и папоротник и сожгли их, чтобы принести в жертву Мэлько и своей страсти к уничтожению; и лужайки, когда-то полные пчел, что дни напролет гудели в зарослях утесника и черники и возвращались, отягощенные медом,

вниз в Тавробэль, — лужайки эти превратились в рвы и [?курганы] голой красной земли, и ни песен, ни танцев там, лишь отравленный воздух, да моровое поветрие.

Вот, в лучах умиравшего солнца вступил я в тот волшебнейший из лесов, где некогда вековые дубы высились меж молодой поросли буков и стройных берез, — но все они полегли под безжалостными топорами равнодушных людей. О, здесь проходила, петляя сквозь весь лес, тропа, проложенная заклипаниями, проторенная музыкой и волшебством, и этим путем эльфы обыкновенно отправлялись охотиться. Множество раз зрел я их там, и Гильфанон был там, и они ехали на ловитву, словно короли, и краса их лиц в лучах солнца была подобна юному утру, и ветер в их золотых волосах подобен великолепию ярких цветов, потревоженных на рассвете, и громкая музыка их голосов будто и море, и трубы, и звук множества виол и бесчисленных золотых арф. И вновь зрел я народ Тавробэля, но уже в свете Луны, и они танцевали или катались верхом по долине двух рек, где серый мост выгибается над сливающимися потоками, и двигались стремительно, как наваждение, поблескивая самоцветами, подобными неприметным росинкам в траве, и их белые одежды вбирали неспешное сияние Луны и на их копытах трепетали язычки серебристого пламени.

А ныне горе и обрушились на эльфов, пуст Тавробэль, и разбежались все, [?страшась] врагов, стоящих на разоренной пустоши менее чем в лиге отсюда; чьи руки обгарены кровью эльфов и запятнаны убийством своих собственных родичей, кто стал на сторону Мэлько, Владыки Ненависти, кто сражался на стороне орков и гонгов и вредоносных тварей мира — слепые и глупые, и знают лишь разрушение. И теперь волей врагов удел фэери — пыльные дороги, где [?мучит] жажда, и где никто не приветит встречного, а лишь угрюмо пройдет мимо.

Истаивают эльфы, и будет так, что лишь немногие покинут остров — из-за вод, его окружающих, а еще больше из-за своей негасимой любви к нему. Однако по мере того, как люди там прибывают в теле, а слепота их растет скорее, чем их тучность, эльфы все истаивают и мельчают; и однажды кто-то с насмешкой скажет: «Кто такие фэери — выдумка, что женщины или глупцы плетут детям — кто эти фэери?». И немногие ответят: «Потускневшие воспоминания, дух исчезающего очарования в деревьях, шорох травы, блеск росы, едва уловимый отголосок ветра», а другие, коих еще меньше, скажут: «Малы и неприметны фэери ныне, и все же у нас есть глаза, чтобы видеть, и уши, чтобы слышать, а Тавробэль и Кортирион еще полны [?этим] милым народом. Весне знакомы они, и лету, и зимой они среди нас, однако осенью уходят они, ибо осень — их время, отходящее, как отходят они осенью дней своих. На что будут похожи земные мечтатели, когда придет их зима.

Внемлите, о братья мои, — скажут они, — гласу малых труб; мы слышим

звук инструментов невообразимо крохотных. Подобно струям ветра, подобно полупрозрачному наваждению, Гильфанон, Владыка Тавробэля, выезжает ночью, окруженный своим народом, и охотится на эльфийских ланей под тусклеющим небом. Музыка забытых шагов, внезапный трепет листьев, неожиданно пригнувшаяся трава¹¹, и полные тоски голоса, перешептывающиеся на мосту, — и вот их нет.

Но вот, Тавробэль забудет свое имя, и всей стране суждено измениться, и даже записанным, этим словам моим не избежать забвения; засим я откладываю перо и прекращаю рассказ о фэери.

Другой текст, имеющий отношение к этой теме, — прозаическое предисловие к *Кортириону среди деревьев* (1915), помещенное в части I, с. 25—26, которое я, тем не менее, воспроизведу здесь еще раз:

- (9) «И вот некогда, после великих войн с Мэлько и гибели Гондолина, фэери поселились на Одиноким Острове, и в самой середине того острова возвели великолепный город в окружении дерев. И город тот называли они Кортирионом, в память об исконной своей обители Кор в Валиноре, и еще потому, что сей город также стоял на холме, и была в нем огромная башня — высокая, сложенная из серого камня, отстроенная по повелению их владыки Ингиля, сына Инвэ.

Прекрасен был Кортирион, и полюбили его фэери, и не иссякали в городе песни, и стихи, и сверкающие россыпи смеха, но вот однажды произошел Великий Исход, и вновь зажгли бы фэери Волшебное Солнце Валинора, кабы не предательство и малодушие людей. Но так случилось, что Волшебное Солнце мертво, и Одинокий Остров перемещен ныне в пределы Великих Земель, а фэери разбрелись по широким и неприветным дорогам мира; и теперь люди обосновались на померкшем этом острове, и не ведают и не задумываются о древнем его прошлом. Однако же остались еще на острове иные из эльдар и нолдоли былых дней, и песни их слышны на побережье той земли, что некогда была прекраснейшей обителью бессмертного народа.

И кажется фэери, как мнится и мне, — тому, кто знает город сей и часто бродил по искаженным его дорогам, — будто осень и листопад — то самое время года, когда тут и там, возможно, открывается сердце человеческое, и прозревает взор, сколь мало осталось в мире бывшего смеха и красоты. Задумайся о Кортирионе и опечалься — и все же, неужто вовсе не осталось надежды?»

Теперь мы можем обратиться к истории самого Эриола. Опять-таки, ранние отцовские замыслы о моряке, попавшем на Тол Эрэссэа, снова не что иное, как ассоциативные наброски на страницах записной книжки «С», причем часть этого материала невоспроизводима. По-видимому, самые ранние из них — это подборка заметок, озаглавленная «История жизни Эриола», которую я поместил

в т. I, с. 23—24, опустив некоторые не существенные там детали. Я воспроизвожу ее здесь, добавив ранее пропущенные фрагменты.

(10) Первоначально Эриол носил имя *Оттор*, но сам себя называл *Вэфре* (древнеанглийское «беспокойный, скиталец») и всю жизнь странствовал по морям. Отец его звался *Эох* (древнеанглийское «конь»); Эох был убит своим братом *Беорном* то ли «при осаде», то ли «в великой битве». Оттор Вэфре поселился на острове Гельголанд в Северном море и женился на женщине по имени *Квен*; у них родились двое сыновей, которых назвали *Хенгест* и *Хорса*, «дабы отомстить за Эоха».

Затем Оттора Вэфре охватила тоска по морю (он был одним из «сыновей Эарэндэля», рожденным под его лучом), и после смерти Квен Оттор покидает своих малых детей. Хенгест и Хорса отомстили за Эоха и стали великими вождами; но Оттор Вэфре отправился искать и найти Тол Эрэссэ (*se uncūpa holm*, «неведомый остров»).

На Тол Эрэссэ он омолодился благодаря *лимнэ* (называемому здесь также древнеанглийским словом «лит» [*lip*]) и взял в жены Найми (Эадгиву), племянницу Вайрэ, и у них родился сын Хеорренда.

Затем сообщается, несколько нелогично (хотя тема сама по себе очень интересна и больше нигде не затрагивается), что Эриол поведал фэери о Водене (*Wóden*), Туноре (*Punor*), Тиве (*Tiw*) и т. д. (это древнеанглийские имена германских богов, соответствующих древнескандинавским Одину, Тору, Тюрю (*Óðinn, Þórr, Týr*)), и те идентифицировали их с Манвэгом, Тулкасом и третьим, чье имя неразборчиво, но не похоже на имя кого-либо из великих валар.

Эриол принял имя *Ангол*.

Таким образом, именно благодаря Эриолу и его сыновьям у *англов* (т. е. англичан) сохранились правдивые предания о фэери, о которых *ифрас* и *веалас* (древнеангл. «ирландцы» и «валлийцы») рассказывают небылицы.

Вот откуда берет свое начало английское представление о фэери, больше соответствующее истине, чем то, что можно услышать о фэери в кельтских землях.

О том, что Эриол на Тол Эрэссэ женился, нигде больше не упоминается, а вот о его сыне Хеорренде (правда, не называемом сыном Эриола) речь идет в связующем звене к *Падению Гондолина* (с. 145), как о том, кто «впоследствии» переложил песнь дев Мэриль на язык своего народа. Относительно Хеорренды см. далее.

К этим заметкам относятся титульный лист и пролог, обрывающийся после нескольких строк:

(11)

Золотая Книга Хеорренды,
она же книга
Сказаний Тавробэля

Хеорренда из Хэйвуду

Написал я сию книгу, пользуясь рукописями, кои мой отец Вэфре (прозванный гномами Анголом в честь его родного края) создал во время своего пребывания на священном острове во дни эльфов; и добавил я еще многое о том, что не увидели уже его глаза; о том, что пришло, но о чем еще не сказано. Ибо знай

Таким образом, здесь Золотая Книга оказывается составленной из записей Эриола его сыном Хеоррендой — в отличие от (5), где она составлена кем-то безымянным, и от *Этилога* (8), где Эриол сам заканчивает и «запечатывает книгу».

Как я уже говорил ранее (I. 24), *Ангол* названа древняя родина англов, до их переселения через Северное море (этимологию *Ангол/Эриол* «железные утесы» см. I. 24, 277).

(12) Существует также генеалогическое древо, сопровождающее фрагмент (10) и, в целом, соответствующее ему. Древо записано в двух вариантах, которые тождественны друг другу во всем, кроме того, что вместо Беорна, брата Эоха, во втором стоит *Хазен из Изеноры* (древнеанглийское *Iseñóra* переводится «железный берег»). Однако в конце таблицы помещен важнейший среди всех этих ранних материалов факт, касающийся Эриола и Тол Эрэссэа: имена Хенгеста и Хорсы, сыновей Эриола от Квен на Гельголанде, и Хеорренды, его сына от Найми на Тол Эрэссэа, заключены в общие скобки, и под ними написано:

Завоевали Иэг
(«seo unwemmede Íeg»)
ныне именуемый Англаланд
и населенный анголкюнн, или англами

Иэг — это древнеанглийское «остров»; *seo unwemmede Íeg* — «незапятнанный остров». Ранее я упоминал (I. 25) стихотворение отца, написанное в Этапле* в июне 1916 года, называвшееся «Одинокый Остров» и посвященное Англии: у него есть подзаголовок на древнеанглийском *seo Unwemmede Íeg*.

(13) Далее в записной книжке «С» следует несколько пометок, которые позволяют точно отождествить местности Тол Эрэссэа и Англии.

Во-первых, истолковывается название *Кортирион*. Элемент *Кор* (*Kôr*) выводится от раннего *Кво́ра* (*Qorā*) и еще более раннего *Гуо́ра* (*Guorā*); однако, от *Гуо́ра* происходит также (т. е. в языке гномов) форма *Гва́р* (*Gwār*). (Эта этимология согласуется с той, что дана в словаре языка гномов, см. I. 257.). Таким образом, *Кор* = *Гва́р*, а *Кортирион* = **Гва́рминдон* (звездочка означает гипотетическую, недокументированную форму). В том варианте, который действительно использовался в языке гномов, элементы поменялись местами — *Миндон-Гва́р*. (*Миндон*, как и *Тирион*, означал и везде продолжал означать «башню». Значение *Кор/Гва́р* здесь не приводится, однако и в сказании *Пришествие Эльфов* (I. 122), и в словаре языка гномов (I. 257) утверждается, что это название связано с *округлостью* холма Кор.).

* Местечко во Франции (Пикардия) — *Прим. перев.*

Заметка продолжается (с использованием древнеанглийских форм): «На валлийском — *Caerŷwâr* (*Caerŷwâr*), на англском — *Уорик* (*Warwic*)». Таким образом, элемент *Уор-* (*War-*) в *Уорик* (*Warwick*) произошел из того же эльфийского источника, что и *Кор-* в *Кортирион*, и *Гвар* в *Миндон-Гвар*¹². Наконец, сказано, что «столицей Хенгеста был Уорик».

Далее, Хорса (брат Хенгеста) связан с *Оксенафордом* (Оксфорд по-древнеанглийски), в качестве эквивалентов которого даются кв(энийское) *Тафуктарна* и **Тафуиторн* из языка гномов (см. Приложение, ст. *Тафуиторн*, *Тафуктарна*).

Указывается, что «столицей» третьего сына Эриола, Хеорренды, был Грейт-Хэйвуд (деревня в Стаффордшире, где мои родители жили в 1916—1917 гг., см. I. 25); здесь даются квэнийские эквиваленты *Таварос*, *Тавароссэ* и *Тауроссэ*; и *Тавробэль* и *Таврост* — из языка гномов, а также «англские [древнеанглийские] *Hægwudu se gréata, Gréata Hægwudu*».¹³

Эти записи заканчиваются утверждением, что «Хеорренда назвал Кор или Гвар „Туном“». В свете изложенных концепций понятно, что это древнеанглийское слово *тун* (*tún*) — огороженное обиталище, — от которого произошло современное слово *town* (*город*) и окончание топонимов *—ton*. *Тун* встречался несколько раз в *Утраченных Сказаниях* как более позднее исправление или альтернатива *Кору* — изменение, несомненно, берущее начало от или предвосхищающее более позднюю ситуацию, когда город стал именоваться *Тун*, а значение *Кор* сузилось до холма, на котором тот стоял. Впоследствии *Тун* стал *Туной* (*Тина*), а когда город эльфов получил название *Тирион*, *Туна* стала именем холма, как и в *Сильмафиллионе*; однако при этом были совершенно утрачены коннотации топонима с «местом обитания», и, как мы видим, оборваны все связи с его действительным происхождением от древнеанглийского *тун* — «города» Хеорренды.

Можно ли все эти материалы объединить так, чтобы получилось непротиворечивое повествование? Полагаю, что да (даже с учетом некоторых неустраняемых различий касательно жизни Эриола), и выглядеть оно могло бы следующим образом:

- Эльдар и освобожденные нолдоли покидают Великие Земли и приходят на Тол Эрэссэа.
- На Тол Эрэссэа строят они множество городов и деревень, а в Аламинорэ, центральной области острова, Ингиль, сын Инвэ, закладывает город Коромас, «Приют Изгнанников Кора» («Изгнанников», ибо не могут они вернуться в Валинор); и великая башня Ингиля дает городу его имя *Кортирион*. (См. I. 16.).
- Оттор ВэFRE является с Гельгоlanda на Тол Эрэссэа и поселяется в Домике Утраченной Игры в Кортирионе; эльфы прозывают его *Эриолом*, или *Анголом*, в честь «железных утесов» его дома.
- Некоторое время спустя Эриол, познакомившись с древней историей богов, эльфов и людей, отправляется к Гильфанону в поселение Тавробэль и там записывает все, что он узнал; там он, наконец, пьет *лимнэ*.

- На Тол Эрэссэа он женится, и у него рождается сын, названный Хеорренда (полуэльф!). (В соответствии с (5) Эриол умирает в Тавробэле, снедаемый тоской «по черным скалам родных берегов»; однако согласно (8), определенно более позднему варианту, он дожил до Битвы на Пустоши Небесного Свода.).
- Утраченные Эльфы Великих Земель восстают против владычества слуг Мэлько; и прежде времени случается Исход, когда Тол Эрэссэа перемещается через Океан назад, на восток, и устанавливается у берегов Великих Земель. Западная его часть откалывается, когда Оссэ пытается перетящить остров обратно, и этот осколок становится островом Ивэрин (= Ирландия).
- Теперь Тол Эрэссэа занимает географическое положение Англии.
- Великая битва при Росе завершается поражением эльфов, которые отступают в убежище на Тол Эрэссэа.
- Недобрые люди вторгаются на Тол Эрэссэа, в сопровождении орков и других враждебных тварей.
- Битва на Пустоши Небесного Свода происходит неподалеку от Тавробэля, и (согласно (8)) Эриол, закончивший Золотую Книгу, становится очевидцем сражения.
- Эльфы истаивают и делаются невидимы почти для всех людей.
- Сыновья Эриола — Хенгест, Хорса и Хеорренда — завоевывают остров, и он становится «Англией». Они не враждебны эльфам, и, благодаря им, у англичан есть «правдивые предания о фэери».
- Кортирион, древнее обиталище эльфов, на языке англичан зовется как Уорик; здесь поселяется Хенгест, в то время как Хорса живет в Таруиторне (Оксфорд), а Хеорренда — в Тавробэле (Грейт-Хэйвуде). (Согласно (11), Золотую Книгу завершил Хеорренда.).

Эта реконструкция может не быть «точной» во всех деталях. На самом деле может статься, что неестественна любая подобная попытка, рассматривающая все замечания и наброски как равноценные, а все замыслы как возникшие одновременно и потому могущие быть взаимно увязанными. И тем не менее я полагаю, реконструкция эта в целом верно демонстрирует, как отец мыслит упорядочить обрамление, в которое должны были быть помещены *Утраченные Сказания*; я считаю также, что именно эта концепция легла в основу того варианта *Сказаний*, который дошел до наших дней и представлен в этих книгах.

Далее для удобства я буду ссылаться на эту хронику, как на «историю *Эриола*». Самая ее примечательная деталь, противоречащая более позднему варианту, — превращение Тол Эрэссэа в Англию, а также более раннее (относительно всей остальной истории) появление мореплавателя и его значимость.

Факты свидетельствуют, что отец, до того как он решился на радикальное изменение всего замысла, рассматривал идеи, благодаря которым роль Эриола могла бы сильно возрасти.

(14) Как можно понять из очень беглых пометок, Эриол должен был настолько страдать от тоски по дому, что покинул Тол Эрэссэа с сыном Хеоррендой вопреки приказу Мэриль-и-Туринкви (см. отрывок из *Оков Мэлько*, цитированный на с. 284); однако помимо этого, он был движим целью «приблизить Исход», который он «проповедовал» в восточных землях. Тол Эрэссэа был отбуксирован назад к границам Великих Земель, но тогда враждебные племена, именуемые *гуидлин* и *бритонин* (а в одной из этих заметок к тому же и *румхот*, римляне), вторглись на остров. Эриол умер, но его сыновья Хенгест и Хорса покорили гуидлин. Однако из-за неповиновения Эриола приказу Мэриль, приведшего к возвращению до того, как Исход назрел, «все было проклято», и эльфы истаяли пред грохотом и горем войны. В отдельном предложении говорится о «странном пророчестве, будто человек доброй воли лишь из-за своей тоски по человеческому может привести Исход к краху».

Таким образом, роль Эриола в истории эльфов должна была стать решающей; однако нет никаких признаков, что эти замыслы вышли из стадии прикидок.

Я уже говорил, что, на мой взгляд, приведенная выше реконструкция («история Эриола») отражает суть замысла, который лег в основу обрамления *Утраченных Сказаний*. Тому есть доказательства как прямые, так и от противного. Прямые заключаются в том, что в них странник все еще именуется *Эриолом* (см. с. 300); и в том, что Гильфанон, который появляется (вытесняя Айлиоса) довольно поздно по ходу *Сказаний*, возникает и в цитате (5) — одном из главных источников нашей реконструкции; от противного — в том, что этому простейшему предположению практически нигде ничто не противоречит. В *Утраченных Сказаниях* не утверждается прямо, что Эриол пришел из Англии. В начале (I. 13) он просто «странник из дальних краев»; и тот факт, что история его жизни, рассказанная им Вэаннэ (с. 4—7), неплохо согласуется с другими сюжетами, в которых его дом находится в Англии, всего лишь показывает, что история не меняется, хотя география изменилась. Точно так же «черные берега» его дома сохранились в поздних записях и стали западным побережьем Британии, в то время как самое раннее упоминание о них встречается в этимологии слова *Ангол* «железные утесы» (его собственное имя, = Эриол, произошло от земли «между морями» — Ангельна на полуострове Ютландия, откуда он пришел; см. I. 277). Существует также очень ранний, отвергнутый вариант жизнеописания Эриола, в котором намечены основные сюжетные линии — нападение на жилище его отца (в данном случае замок Эоха разрушает его брат Беорн, см. цитату (10)), пленение и побег Эриола — в этих записях сказано, что Эриол впоследствии, «скитаясь по дебрям Центральных Земель, вышел к Внутреннему Морю, *Вендельсэ* [по-древнеанглийски — Средиземное море], а оттуда — к берегам Западного Моря», откуда был родом

его отец. Упоминание в машинописном тексте *Связующего звена* к *Сказанию о Тинувизль* (с. 6) о диких людях с Восточных Гор, *которые князь мог увидеть со своей башни*, позволяет предположить, что родина Эриола в то время располагалась в какой-то «континентальной» области.

Единственное известное мне указание на то, что такая точка зрения может быть неверна, обнаруживается в раннем стихотворении, текстуальная история которого запутанна и тексты которого я привожу здесь.

До нас дошли самые ранние черновые наброски стихотворения; первоначально оно называлось «Верность Странника» [The Wanderer's Allegiance], и нет уверенности, что оно с самого начала задумывалось как стихотворение в трех частях. Отец впоследствии дописал подзаголовки на этом черновике, разделив стихотворение на три части: *Прелюдия* [Prelude], *Внутренний Город* [The Inland City] и *Скорбный Город* [The Sorrowful City] с общим (по-видимому) названием *Скорбный Город* и добавив дату: 16—18 марта 1916. Однако в единственном дошедшем до нас более позднем варианте всего стихотворения общее заглавие — *Город Грез и Город Нынешней Печали* [The Town of Dreams and the City of Present Sorrow], с тремя частями, озаглавленными *Прелюдия* [Prelude] (древнеанглийское *Foresang*), *Город Грез* [The Town of Dreams] (древнеанглийское *Bæt Sláþende Tún*) и *Город Нынешней Печали* [The City of Present Sorrow] (древнеанглийское *Seo Wéþende Burg*). Этот текст датирован: «Март 1916, Оксфорд и Уорик; переписано в Бирмингеме, ноябрь 1916». «Город Грез» — это Уорик на реке Эйвон, а «Город Нынешней Печали» — Оксфорд на Темзе времен первой мировой; это стихотворение никак не связано с Эриолом или с *Утраченными Сказаниями*.

Прелюдия

В забытый день отцы людей
Пришли, и сын продолжил предка род
Среди садов, в долине у реки,
Где пышных трав душистые поля:
За летом лето видит желтизну огней
Ириса, никнут тростники.
И море цвета спелые плоды несет
В садах, которыми полна земля.

Цветы нарцисса в травах меж деревьев
Склонялись по весне, под смех пиров
Гремели лэ веселые, напев
Был прост и светел у хмельных столов.
Среди садов так легок сон людей,
Пчелиный рой кипел вокруг цветов;
В любви благословенных этих дней
Спокойна жизнь была, надежен кров —
Давно те дни ушли,

Теперь нет песен, жатвы, нет земли,
И я, скиталец, позабыв про моря зов,
Подолгу жил среди здешних берегов.

Город Грез

Однажды много дней провел я здесь
В чудесном старом городе мечты;
Я спал, опутан тонкой сетью грез,
Не слышал эха мировой беды.
Звук этот шелест вязов заглушал
Журчал Эйвон над отмелью, напев
Извечный, никогда он не смолкал
Скользя, покуда Осень не придет
(Так в темных водах луч горит для нас,
И золото листвы, кружа, плывет
Покуда берег скроется из глаз).

Здесь замок с башней вознесен,
Он выше, чем могучий вяз,
Сер как Ноябрь ее гранит.
Спят, и ни теплый луч, ни триумфальный звон,
Ни Солнца медленный круговорот,
Властителей от грез не пробудит.

Величие мечты не нарушал
Ни звук шагов, ни плеск воды у скал;
Снега ложились, дождевой поток
С весной пришел, забвения песок
Сметая, ветер тихо шелестел,
Но сердце старое не тронул боли стон,
Вяз сбросил лист и вновь зазеленел,
Бессилен злого времени упрек,
Под сводами как эхо тает он:
Печаль потерь и Будущего страх —
Пылинка, призрак в солнечных лучах.

Город Нынешней Печали

Есть город — в самой дальней из сторон,
И дол, изваянный во тьме времен, —
Там редки рощи вязов, широки луга
И свежести туман несет река.
Где кроны многих ив укрыли твердь долин,
Там медленно текут ручьи низин
Речной водой у Темзы берегов
Омыты корни старые стволов.
Клонясь, бросает кружево теней
Лист серый на серебряных прудах,
Цветные блики в солнечных лучах
Как искры драгоценные камней.

О старый город, короток след дней,
Я вижу в окнах прежний свет огней
Людей ушедших лампы там горят.
В короне тусклых звезд, в плаще ночном,
Ты сердце тронул чудным волшебством,
Былые годы мне вернул назад;
Рассвет или закат равно несут
Неясный улич шум из прежних лет,
Ты сердце страстной, пламенной мечты,
Моя душа сюда во сне летит,
Здесь улиц серых легкий свет,
Фонарик, спутник темноты —
Другой такой неведом город грез,
На долгий срок судьбою позабыт,
В котором люди больше не поют.
Ты сердцем знаешь слезы многих бед,
Печаль и горе этих страшных лет.
Ажурных башен тысячи стоят,
На солнце шпили яркие горят,
И колокольный звон легко зовет
Виденья прошлые чудесных дней,
Они ушли, оставив пыль путей;
Душа под сводом тихо песнь поет
О памяти былого, здесь в слезах,
И бедах победит надежда страх,
Ты слышишь! Умолкает смех людей,
Война похитила твоих детей,
Зло славу и величье не затмит,
В печали твой венец звездой горит.

(Перевод И. Лисицкой)

Помимо того, существуют два текста, в которых один фрагмент из *Города Нынешней Печали* выступает как отдельное произведение. Он начинается со слов: «О старый город, короток след дней», и несколько сокращен — после строки «Другой такой неведом город грез», следует финал:

Забыв про слезы и несчастья гнет
Скиталец песню светлую поет:
«Зло славу и величье не затмит,
Пусть в горе твой венец звездой горит!»

Сначала этот фрагмент назывался *Скорбный Город* [The Sorrowful City], но позднее название было изменено на *Winsele wëste, windge reste rête berofene* (слегка адаптированные строки 2456—2457 из *Беовульфа*: «Там запустенье, гуляет ветер в безрадостном зале»^{*}).

Есть также две рукописи, в которых *Город Грез* с подзаголовком *Снова в старом городе* [An old town revisited] — самостоятельное стихотворение; в одной из них основное заглавие было впоследствии заменено на *Город Умерших Дней* [The Town of Dead Days].

И наконец, есть стихотворение в двух частях, названное *Песня Эриола* [The Song of Eriol]. Имеется три ее рукописи. Вторая и третья из них отличаются от своих предшественников незначительными поправками (однако в третьей рукописи содержится лишь вторая часть поэмы).

Песня Эриола

Эриол сложил в Комнате Огня Сказаний песню, повествующую о том, как он стал странником и, блуждая, нашел в конце концов Одинокий Остров и прекраснейший из городов, Кортирион.

I

В забытый день отцы людей
Пришли, и сын продолжил предка род
Среди садов, в долине у реки,
Где пышных трав душистые поля:

За летом лето видит желтизну огней
Ириса, никнут тростники.
И море цвета спелые плоды несет
В садах, которыми полна земля.

Цветы нарцисса в травах меж деревьев
Склонялись по весне, под смех пиров
Гремели лэ веселые, напев
Был прост и светел у хмельных столов.

^{*} Перевод В. Тихомирова, строки 2455—2456 — *Прим. ред.*

Среди садов так легок сон людей,
Пчелиный рой кипел вокруг цветов;
В любви благословенных этих дней
Спокойна жизнь была, надежен кров —
 Давно те дни ушли,
Теперь нет песен, жатвы, нет земли,
И я, скиталец, позабыв про моря зов,
Подолгу жил средь здешних городов.

2

Пришла война владык под лязг щитов,
Сказать об ужасе мечей не в силах я,
Строй копий как пшеничные поля,
В Великих Землях — полчища врагов;

В Морях их флот; война идет с огнем,
Он все спалил, сожровища, людей,
И стали погребальным нам костром
Пылающие замки королей.

Властителей, девиц и нежных жен
Пожрал огонь, не слышно их шагов,
В руинах башен, пеплом занесен
Последний след в развалинах домов.

На поле крови был отец повержен мой,
В осаде голодом зачала мать,
В плену я слушал вод морских прибой,
Мой плакал дух, и я решил бежать,

Далекий запад предков матери родной
Меня манил, я узы разорвал,
И мертвые пустыни миновал,
Покуда ноги воды западных морей
Не омочили, а ушей прибой
Не оглушил, и плеск волны морей —
 Давно те дни ушли,
Я в странствиях познал безвестный мрак вдали,
Мыс сумерек, темнеющий залив,
Архипелаг туманный, звуки тайны, и нашел
Волшебный остров за преградой волн.

(перевод И. Лисицкой)

На одной из рукописей *Песни Эриола* есть более поздняя пометка: «Изингтон 1917—1918» (Изингтон в дельте Хамбера, см. Хэмфри Карпентер, *Биография*, с. 97). Это может означать, что вторая часть *Песни Эриола* была написана в Изингтоне и добавлена к уже существовавшей первой части (до того момента — *Прелюдии*).

Из этого стихотворения мало что можно извлечь помимо основных сюжетных линий все той же истории: отец Эриола пал на «поле крови», когда «пришла война владык... В Великих Землях — полчища врагов», а его мать «в осаде голодом зачахла» (подобное выражение использовано и в *Связующем звене к Сказанию о Тинувизль*, с. 5—6); сам он попал в плен, но бежал и в итоге добрался до берегов Западного Моря (откуда пришел народ его матери).

Тот факт, что первая часть *Песни Эриола* вместе с тем является Прелюдией к стихотворению об Уорике и Оксфорде, может наводить на мысли, что замок с высокой башней, нависшей над рекой (из истории, рассказанной Эриолом Взаннэ), — это, опять-таки, Уорик. Однако я не думаю, что это так. Как бы там ни было, с этим сложно согласовать нападение на него людей с Восточных Гор, которые князь видит со своей башни. По-моему, первоначально трехчастное стихотворение просто было расчленено, и *Прелюдия* получила новый смысл: «отцы» моего отца стали «отцами» Эриола. В то же время определенные яркие образы сохранялись, одновременно меняясь; и великой башне родины Эриола в самом деле суждено было стать башней Кортириона или Уорика, когда радикально изменилось построение истории мореплавателя (как будет кратко рассмотрено ниже). И ничто не могло бы лучше продемонстрировать сложный генезис всей истории, чем эволюция этого стихотворения.

Хэмфри Карпентер в своей *Биографии*, описывая жизнь отца после его возвращения в Оксфорд в 1925 году, говорит (с. 169):

«Он внес многочисленные изменения и переделки в главные истории цикла, решив избавиться от задуманного изначально «Эриола» — мореплавателя, которому рассказывались эти истории, и вместо того дать ему имя „Эльфвине“, или „друга эльфов“».

Несомненно, *Эриол* (на какое-то время) был вытеснен *Эльфвине*. Однако, хотя во время работы над рассматриваемыми ниже текстами имя *Эриол*, вполне возможно, и было отвергнуто, в первой версии собственно «Сильмариллиона», написанной в 1926 году, *Эриол* появляется вновь, а в ранних *Анналах Валинора*, написанных в 1930-х годах, говорится, что они были переведены на Тол Эрэссэа «Эриолом из Лэйтиэн, то есть Эльфвине из Ангелкюнн». С другой стороны, в свете этого в данный ранний период кажется полностью оправданным рассматривать два этих имени как обозначения разных сюжетных линий — «истории *Эриола*» и «истории *Эльфвине*».

В таком случае, «Эльфвине» ассоциируется с новой концепцией, которая возникла *после* того, как были записаны *Утраченные Сказания*. Во втором «конспекте» *Сказаний*, который я назвал (см. I. 234) «неосуществленным планом пересмотра всей работы», моряка зовут Эльфвине, а не Эриол. Самое существенное отличие можно обозначить сразу, до того как цитировать сложные обоснования: *Тол Эрэссэ отныне никоим образом не идентифицируется с Англией*; история перетаскивания Одинокого Острова назад через море была отвергнута. Однако Англия остается в центре этого, более позднего, замысла, и называется она *Лутания*¹⁴. Моряк Эльфвине — англичанин, отплывший от берегов Британии на запад; и роль его стала менее значительной. В записях, рассматривавшихся до сих пор, он появляется на Тол Эрэссэ *до* того, как происходит и заканчивается крах Исход; и либо он сам, либо его потомки становятся очевидцами того, как Тол Эрэссэ разоряют вторгшиеся люди и их недобрые союзники (в одном из вариантов развития истории он даже оказывается ответственным за это, с. 294). А в более поздних сюжетных линиях он появляется вообще после завершения горестных событий. Его удел — лишь узнавать и записывать¹⁵.

Теперь я обращаюсь к ряду коротких и весьма невнятных отрывков, записанных на отдельных, но сложенных вместе и явно относящихся практически к одному и тому же времени листочках.

- (15) Эльфвине из Англии жил на юго-западе и принадлежал к роду Инга, Короля Лутании. Мать и отец его были убиты морскими пиратами, а сам он попал в плен.

Фэери всегда были милы ему, ибо отец поведал ему многое (из преданий Инга). Он бежит. Его носит по северным и западным морям. Он встречает Старого Морехода и ищет Тол Эрэссэ (*seo uniwetmede ieg*), где укрылась от шума, войн и дрязг людей большая часть не успевших истаять эльфов.

Эльфы приветают его и радуются еще более, когда узнают от него, кто он такой. Они называют его *Лутиэн*, человек из Лутании. Он обнаруживает, что островитяне говорят на его родном языке, древнеанглийском.

«Старый Мореход» возникает в истории, поведенной Эриолом Вэаннэ (с. 5, 7), и далее о нем будет сказано намного больше.

- (16) Эльфвине из Англаланда [*позднее добавлено*: преследуемый норманнами] достигает Тол Эрэссэ, куда удалилось от мира большинство истаивающих эльфов и где не чуждют они боле.

Описание гавани на южном побережье. Фэери принимают его радушно, услышав, что он из Англаланда. Он удивлен, слыша, что они говорят на языке Альфреда Уэссекского, хотя друг с другом общаются на неизвестном сладкозвучном наречии.

Эльфы дают ему имя Лутиэн, ибо он из Лутании, как они называют ее («друг» и «дружба»). Эльдарос, или Эльфхам. Он вскоре отправляется

в Рос, их столицу. Там он находит Домик Утраченной Игры и Линдо с Вайрэ.

Он рассказывает, кто он и откуда, и почему он так настойчиво искал остров (причина — предания рода Инга), и он призывает эльфов вернуться в Англаланд.

Здесь начинается (как объяснение, почему они не могут этого сделать) цикл историй, названный Книга Утраченных Сказаний.

В этом отрывке (16) Эльфвине прочнее укореняется в английской истории: вне всякого сомнения, он уроженец Уэссекса одиннадцатого века, однако, как и в (15), он принадлежит к «роду Инга». Столица эльфов Тол Эрэссэа не Кортирион, а Рос — название, применяемое здесь к совершенно другому объекту по сравнению с цитатой (5), где это был мыс Великих Земель.

Я не смог проследить процесса, в результате которого имя *Лутиэн* впоследствии нашло столь отличающееся применение (*Лутиэн Тинувиэль*). Еще одна заметка этого периода объясняет происхождение имени совершенно по-иному: «Лутиэн, или Лусион, был сыном Тэлумайта (Тэлумэктара). Эльфвине любил знак Ориона, и создал его символ, поэтому фэери называли его Лутиэн (Странник)». Иных упоминаний об особом отношении Эльфвине к Ориону, равно как и об этой интерпретации имени Лутиэн, нет. Похоже, это был один из сюжетов, которые отец не стал развивать.

Сейчас как раз подходящий момент, чтобы привести отрывок из упоминавшегося выше второго плана-конспекта *Утраченных Сказаний*; он, несомненно, относится к тому же времени, что и остальные заметки об «Эльфвине», — когда написание *Сказаний* достигло той стадии, которая оказалась финальной в рамках их первоначального обрамления.

(17) Эльфвине приходит в себя на песчаном берегу. Он прислушивается к шуму моря вдали. Вода отступила с отливом, оставив его.

Эльфвине встречает эльфов Роса; обнаруживает, что они говорят по-английски, помимо своего сладкозвучного языка. Почему они так делают — обиталище эльфов в Лутании, их путешествия туда и оттуда. Они одевают его и дают ему пропитание, и он отправляется дальше бродить по тропинкам острова среди цветов.

Далее, согласно этому плану, Эльфвине летним вечером пришел в Кортирион, и в этом он расходится с (16), где Эльфвине идет в «Рос, их столицу», в которой находит Домик Утраченной Игры. Похоже, что слово «Рос» используется здесь в еще одном смысле — возможно, как название Тол Эрэссэа.

(18) Он попадает в Эльфхам (Дом эльфов) Эльдос, где Линдо и Вайрэ рассказывают ему о многом: о сотворении мира и его древнем облике; о богах; об эльфах Валинора; об Утраченных Эльфах и людях; о страданиях гномов; об Эарэндэле; об Исходе и Утрате Валинора; о злосчастной судьбе Исхода и войне с недобрыми людьми. Бегство в Лутанию, где королем был Ингвэ.

О тоске эльфов по дому, и как большая их часть устремилась назад в Валинор. Утрата Эльвинг. Как новое обиталище было создано солосимпи и иными на Тол Эрэссэа. Как эльфы в печали постоянно покидают этот мир и отправляются туда.

Для интерпретации данного отрывка необходимо осознать (и это, поистине, ключ к пониманию замысла всей истории), что «Исход» здесь не имеет отношения к Исходу в том смысле, который подразумевался до сих пор — завершившемуся крахом Исходу с Тол Эрэссэа для Возжигания Волшебного Солнца. Здесь под «Исходом» понимается Поход эльфов из Кора и «Утрата Валинора», которую повлек за собой Поход (см. с. 253, 257, 280). Правда, непонятно, почему здесь он называется «злосчастным» — видимо, имеется в виду связь с «войной с недобрыми людьми» и войной между эльфами и людьми во время Похода из Кора, упомянутой в цитатах (1) и (3).

В «истории *Эриола*» прямо говорится, что после Похода из Кора эльфы отравились с Великих Земель на Тол Эрэссэа; с другой стороны, здесь за «войной с недобрыми людьми» следует «бегство в Лутанию, где королем был Ингвэ». Переселение (частичное) на Тол Эрэссэа шло из Лутании, и Эльвинг пропала, судя по всему, во время одного из этих плаваний. Из дальнейшего будет видно, что «Исход» «истории *Эриола*» как факт эльфийской истории исчез, и упоминается лишь как пророчество и упование.

Схематически принципиальные расхождения между обоими сюжетами можно продемонстрировать следующим образом:

(История <i>Эриола</i>)	(История <i>Эльфвине</i>)
Поход эльфов Кора в Великие Земли	Поход эльфов Кора в Великие Земли (названный «Исходом»)
Война с людьми в Великих Землях	Война с людьми в Великих Землях
Отступление эльфов на Тол Эрэссэа (гибель Эльвинг)	Отступление эльфов в Лутанию (> Англию), где правит Ингвэ
	Переселение многих эльфов на Тол Эрэссэа (гибель Эльвинг)
Эриол приплывает на Тол Эрэссэа с востока (со стороны Северного моря)	Эльфвине приплывает на Тол Эрэссэа из Англии
Исход, перетаскивание Тол Эрэссэа к Великим Землям; в итоге Тол Эрэссэа > Англия	

Это, конечно же, ни в коем разе не полное изложение истории *Эльфвине*, а попросту попытка обозначить главные различия сюжетов. Здесь опущена история Лутании, которая описана в нижеследующих отрывках.

- (19) *Лутания* означает «дружба», а *Лутиэн* — «друг». Лутания — единственная страна, где люди и эльфы прожили целый век в мире и любви.

Как некоторое время после прихода сынов Инга эльфы благоденствовали и перестали отправляться на Тол Эрэссэа.

Как древнеанглийский стал единственным языком смертных, на котором эльф мог говорить с тем, кто не знал эльфийского.

- (20) Велика была любовь к эльфам Эльфвине из Англии (его отца и мать убили свирепые Люди Моря, не знавшие эльфов), особенно к прибрежным эльфам, которые еще задержались в стране. Он ищет Тол Эрэссэа, куда, по слухам, эльфы ушли.

Он добирается туда. Фэери зовут его Лутиэн. Он узнает о сотворении мира, богов и эльфов, эльфов и людей, вплоть до переселения на Тол Эрэссэа.

Как Исход не достиг цели, и фэери нашли убежище в Альбионе, или Лутании (Остров Дружбы).

Семь нашествий.

О пришествии людей на Лутанию, как враждовали эти народы, а фэери истаивали, пока [?большей частью] не уплыли на Запад после нашествия румхот. Почему люди седьмого нашествия, ингвайвар, более дружелюбны.

Ингвэ и Эарэндэль, которые жили в Лутании до того, как она стала островом, и [sic] был унесен на восток Оссэ, чтобы дать начало ингвайвар.

- (21) Все потомки Инга были благорасположены к эльфам; поэтому оставшиеся в Лутании эльфы говорили [?с ними] на древнем языке англичан, и так как некоторые удалились на Тол Эрэссэа, язык сей внятен там, и любой, кто хочет говорить с эльфами, не зная при этом эльфийские наречия и не умея их выучить, должен вести беседу на древнем языке англичан.

В (20) термин «Исход» снова надо понимать в том же смысле, что в (18) — Поход из Кора. Там говорится о его «злосчастной судьбе» (см. с. 302), здесь сказано, что он «не достиг цели»; надо признать, не очень понятно, как можно утверждать это, если итогом было заточение Мэлько и освобождение нолдои из рабства (см. (1) и (3)).

Кроме прочего, в (20) впервые появляется концепция Семи Нашествий на Лутанию. Одно из них — нашествие румхот (упоминаемых также в (14)), или римлян, а седьмое — ингвайвар, которые не были враждебны к эльфам.

Теперь следует сказать об имени *Инг* (*Ингвэ*, *ингвайвар*) в этих отрывках. Как и в случае с появлением Хенгеста и Хорсы, связь создаваемой мифологии с древнеанглийскими легендами здесь очевидна. Но я полагаю, что было бы бессмысленно вдаваться в маловразумительные теоретические рассуждения об английских и скандинавских источниках: о термине

ингвеоны, которым римские писатели называли народы, населявшие побережье Балтики (откуда пришли англичане), об имени *Ингвине* (которое интерпретируется либо как *Инг-вине* «друзья Инга», либо как включающее в свой состав элемент *Ингв-*, как в слове *ингвеоны*). К тому же есть еще загадочный *Инг* — персонаж древнеанглийского *Рунического стиха*:

Ing wæs ærest mid East-Denum
 gesewen secgum of he sippan east
 ofer wæg gewat; wæn æfter ran

— что можно перевести так: «Увидели впервые Инга люди среди восточных данов, когда еще он не удалился на восток по волнам; и колесница его за ним спешила». Ввязываться в дискуссию было бы бессмысленно, ибо хотя связи между отцовскими *Ингом*, *Ингвэ* и загадочным *Ингом* (*Ингв-*) северной исторической легенды очевидны и, конечно же, бесспорны, похоже, что в его намерения входило создать *ассоциации*, не более, между его мифологией и известными преданиями (хотя не обошлось без влияния *Рунического стиха*). Вопрос становится еще более запутанным оттого, что в приведенных выше отрывках имена Инг и Ингвэ употребляются в схожих контекстах, но прямого отождествления или различения этих имен не дается ни разу.

Итак, Эльфвине принадлежал «к роду Инга, Короля Лутании» (15, 16), но эльфы бежали «в Лутанию, где королем был Ингвэ» (18). У эльфов Лутании вновь наступила пора благоденствия «после прихода сынов Инга» (19), а ингвайвар, седьмые завоеватели Лутании, были настроены более дружелюбно к эльфам (20), тогда как Ингвэ «дал начало» ингвайвар (20). Ингвайвар явственно отождествляются с ингвеонами (см. выше), точно так же, как вторжение ингвайвар («сынов Инга») — это определенно завоевание Британии англосаксами. Можно ли приравнять *Инга* к *Ингвэ*? Исходя из представленных материалов, мне трудно остановиться на иной мысли. Другой вопрос, идентичен ли сей предок-основатель с *Инвэ* (чьим сыном был *Ингиль*) из *Утраченных Сказаний*. Трудно поверить, что никакой связи между ними нет (тем более, что *Инвэ* в *Домике Утраченной Изфы* возник из *Инга* в результате правки, I. 22), но столь же трудно представить, какой могла быть эта связь: *Инвэ Утраченных Сказаний* — эльда из Кора (*Ингвэ Владыка Ваньяр в Сильмариллионе*), тогда как *Инг(вэ)* «истории *Эльфвине*» — человек, Король Лутании и предок Эльфвине. (В набросках к *Рассказу Гильфанона* сказано, что Инг, Король Лутании, был потомком Эрмона или Эрмона и Эльмир (первых людей, I. 236—237).).

В следующих набросках об Инге (*Ингвэ*) и ингвайвар говорится еще:

- (22) Как старче Инг [т. е. состарившись] уплыл в сумерки, и люди рассказывают, будто он предстал перед богами, однако он живет на Тол Эрэссэа, и однажды поведет фэери обратно в Лутанию, когда грядет Исход*.

* «Исход» здесь — нечто предреченное, а не уже свершившееся, как в (18) и (20).

Как он пророчествует, что его род еще вернется и будет владеть Лутанией до возвращения эльфов.

Как Лутания семижды подвергалась нашествиям людей, пока на седьмой раз дети детей Инга не вернули ее себе.

Как с каждым новым нашествием и войной эльфы увядали, и уменьшалась любовь к ним, до тех пор, пока не пришли румхот — те вообще не верили в их существование, и эльфы все бежали, так что триста лет на острове не было почти ни одного эльфа.

- (23) Как Ингвэ испил *лимнэ* из рук эльфов и царствовал в Лутании веками.

Как Эарэндэль появился в Лутании и обнаружил, что эльфов здесь нет.

Как Ингвэ помог ему, но не был призван идти с ним. Эарэндэль благословил всех его потомков быть непревзойденными в мире мореплавателей¹⁶.

Как Оссэ ополчился на Ингвэ из-за Эарэндэля, и Инг, соскучившись по эльфам, отправился в плавание, их отнесло далеко на восток, и все потерпели крушение.

Как Инг бессмертный явился среди Дани Ородани Урдайнот восточных данов.

Как он стал королем-полубогом ингвайвар и многое поведал им о богах и эльфах, так что сколько-нибудь достоверные знания об эльфах и богах сохранились до наших дней только у этого народа.

Теперь можно привести фрагмент другого наброска, не связанного с вышеприведенными отрывками, но рассказывающего ту же часть истории, что и (23):

- (24) Эарэндэль находит у [Ингвэ] убежище от гнева Оссэ и угощает его глотком *лимнэ* (достаточно, чтобы обрести бессмертие). Он приносит ему новости об эльфах и жизни на Тол Эрэссэа.

Ингвэ с отрядом своих людей отплывает на поиски Тол Эрэссэа, но ветры, поднятые Оссэ, относят их обратно на восток. В конце концов они потерпели крушение. Лишь Ингвэ спасся на плоту. Он становится королем ангали, эути, саксани и фирисанди*, принявших имя ингвайвар. Он учит их волшебству и впервые зажигает в сердцах людей страсть плавать на запад.....

После долгих [?лет правления] Ингвэ уплывает в челноке, и более о нем ничего не слышно.

Ясно, что введение в замысел Лутании и Инга-Ингвэ вызвало изменения в истории Эарэндэля: если в прежней версии после переселения эльдар и нолдоли из Великих Земель он плыл на Тол Эрэссэа (с. 253, 255), то теперь он отправляется

* Англы, саксы, юты и фризы.

в Лутанию; враждебное отношение Оссэ к Эарэндэлю (с. 254, 263) сохранилось, но теперь оно увязывается с происхождением ингвайвар.

Канва сюжета ясна:

- Инг(вэ) — король Лутании.
- Эарэндэль находит у него убежище (после того как [многие] эльфы укрылись на Тол Эрэссэа).
- Инг(вэ) ищет Тол Эрэссэа, но его относит на восток.
- Семь нашествий на Лутанию.
- Народ Инга-Ингвэ — ингвайвар, и когда они через Северное море вторгаются в Лутанию, то «возвращают ее себе».

- (25) Именно в Лутании племена впервые взошли на Одинокый Остров, чтобы достичь Валинора, и там они высадились, чтобы отправиться в Исход*, откуда [к тому же] многие отплыли с Эльвинг на поиски Тол Эрэссэа.

То обстоятельство, что эльфы в конце великого странствия из Палисора переправились на Одинокый Остров для Переправы в Валинор именно из Лутании, вероятно связано с высказыванием из (20) о том, что «Ингвэ и Эарэндэль... жили в Лутании до того, как она стала островом».

(26) Есть и другие упоминания о проливе, отделяющем Лутанию от Великих Земель: в черновых набросках из записной книжки «С» говорится о перешейке, разрушенном эльфами, «опасающимися людей теперь, когда Ингвэ ушел», и о «белых утесах, где трудились серебряные лопаты тэлэри»; а также в следующей цитате:

- (27) Эльфы рассказывают Эльфвине о древнем устройстве Лутании, о Кортирione и Гвартирине (Казр Гвар)¹⁷, о Тавробэле.

Как фэери жили там сотню веков, прежде чем люди научились строить лодки и переправляться через пролив — так что волшебством еще наполнены ее холмы и леса.

Как многим местам на Тол Эрэссэа дали они имена в память об их родной Лутании. О Втором Исходе и надежде фэери воцариться в Лутании и опять взрастить там волшебные деревья — и в основном от нрава людей Лутании (ибо они первые должны появиться там) зависит, все ли идет как следует.

Примечательно здесь упоминание о «Втором Исходе», которое убедительно подтверждает мою интерпретацию термина «Исход» в (18), (20) и (25); но по сравнению с цитатой (6) пророчество или же упование эльфов относительно

* В значении «Поход эльфов из Кора», как в (18) и (20).

Исхода претерпели коренные изменения — Древам здесь суждено взрасти в Лутании.

- (28) Как Эльфвине высаживается на Тол Эрэссэа, и тот кажется ему похожим на его родную землю..... окутанную прелестью счастливых грез. Как жители поняли [его речь] и узнали, откуда он, благоволением Ульмо, прибыл. Как он поспешил в Кортирион.

С этими двумя эпизодами интересно сопоставить (9) — прозаическое предисловие к *Кортириону среди Дерев*, в соответствии с которым град Кортирион построили эльфы на Тол Эрэссэа; а когда Тол Эрэссэа был перетащен через море, Кортирион стал *Уориком* на языке англичан (13). В новой истории Кортирион по-прежнему древняя обитель эльфов, однако, в отличие от базисной концепции, расположен он в Лутании; Кортирион же, в который Эльфвине попал на Тол Эрэссэа, — второй город с этим названием (названный «в память об их родной Лутании»). Таким образом, здесь произошла весьма забавная перестановка, которую можно схематически изобразить так:

(I) Кортирион, обитель эльфов на Тол Эрэссэа

Тол Эрэссэа —————> Англия

Кортирион = Уорик

(II) Кортирион, обитель эльфов в Лутании (> Англии)

Эльфы —————> Тол Эрэссэа

Кортирион (2) на Тол Эрэссэа, названный в память Кортириона (1) в Лутании

Опираясь на вышеприведенные фрагменты (15)—(28), мы можем попытаться сконструировать сюжет, отражающий все существенные события:

- Поход эльфов из Кора (названный «Исходом» или (как предполагает фрагмент 27) «Первым Исходом») в Великие Земли, высадка в Лутании (25) и Утрата Валинора (18).
- Война с недобрыми людьми в Великих Землях (18).
- Эльфы отступают в Лутанию (еще не остров), где королем был Инг(вэ) (18, 20).
- Многие [но отнюдь не все] эльфы Лутании устремились через море обратно на запад и обосновались на Тол Эрэссэа; но Эльвинг пропала (18, 25).
- Местности Тол Эрэссэа названы в честь местностей Лутании.
- Эарэндэль появился на Лутании, найдя у Инга (Ингвэ) убежище от враждебности Оссэ (20, 23, 24).
- Эарэндэль дал Ингу (Ингвэ) испить *лимнэ* (24), или Инг(вэ) получил *лимнэ* от эльфов до прихода Эарэндэля (23).

- Эарэндэль перед уходом благословил потомство Инга (Ингвэ) (23).
- Вражда Оссэ к Эарэндэлю преследовала также Инга (Ингвэ) (23, 24).
- Инг(вэ) (и многие из его народа, 24) отправился в плавание на поиски Тол Эрэссэа (23, 24).
- Путешествие Инга (Ингвэ) из-за враждебности Оссэ закончилось кораблекрушением, однако Инг(вэ) спасся и далеко на востоке [т. е. будучи перенесен через Северное море] стал Королем ингвайвар (предков англосаксонских завоевателей Британии) (23, 24).
- Инг(вэ) передал ингвайвар истинные знания о богах и эльфах (23) и зажег в их сердцах стремление плыть на запад (24). Он предсказал, что род его еще вернется в Лутанию (22).
- Через много лет Инг(вэ) уплыл на лодке (22, 24), и более о нем никто ничего не слышал (24), *или же* он достиг Тол Эрэссэа (22).
- После отплытия Инга (Ингвэ) из Лутании был прорыт канал, сделавший Лутанию островом (26), но люди переплывали канал на лодках (27).
- Одно за другим произошло семь нашествий, включая нашествие румхот, или римлян, и с каждой новой войной все больше остававшихся в Лутании эльфов бежало за море (20, 22).
- Тем не менее, народ седьмого нашествия — ингвайвар — не был враждебен эльфам (20, 21), и эти завоеватели Лутании «вернули ее себе» (22), ибо они были народом Инга (Ингвэ).
- Эльфы Лутании (ныне Англии) вновь благоденствовали и перестали отправляться на Тол Эрэссэа (19), и разговаривали они с ингвайвар на родном языке тех, древнеанглийском (21).
- Эльфвине был англичанином англосаксонского периода, потомком Инга (Ингвэ), унаследовавшим из семейной традиции знание об эльфах и любовь к ним (15, 16).
- Эльфвине прибыл на Тол Эрэссэа и обнаружил, что там говорят на древнеанглийском. Эльфы дали ему имя Лутиэн-«друг», человек с Лутании (Острова Дружбы) (15, 16, 19).

Остается только добавить, что, как мне кажется, это единственный способ, которым эти *dissecta membra** можно собрать в общую сюжетную последовательность. Однако даже если это так, надо признать, что самоочевидной последовательности событий невозможно дать обоснование без натяжек. Так, например, можно по-разному смотреть на взаимоотношения ингвайвар и Инга (Ингвэ): они «сыны Инга» (19), «его род» (22), «дети детей Инга» (22); с другой стороны, он стал правителем и учителем народов Северного моря, ранее никак не связанных с Лутанией или эльфами (23, 24). (Кем он правил, когда эльфы первый раз отступили в Лутанию (18, 23)?) Опять-таки, весьма сложно согласовать «сотни веков», в течение которых

* Кусочки и клочки, остатки и обрезки (лат). — *Прим. перев.*

эльфы жили в Лутании до начала вторжений людей (27), с остальной частью плана. Несомненно, в этих отрывках отец давал волю перу, исследуя совершенно независимые возможности развития сюжета: создается впечатление, что из этого брожения идей и возможностей, быстро сменяющих друг друга, невозможно выделить устойчивый сюжет-основу. Поэтому дать исчерпывающее «объяснение», по всей вероятности, невозможно в принципе, и реконструкция эта, несомненно, столь же искусственна, сколь и предпринятая ранее попытка восстановить «историю *Эриола*» (см. с. 293). Но я полагаю, что здесь, как и там, этот план показывает направление хода мыслей отца в то время настолько верно, насколько это вообще возможно.

О дальнейшем развитии «истории *Эльфвине*», после его пребывания на Тол Эрэссэа (где, как я отмечал на с. 301, участь моряка — лишь узнавать и записывать предания минувших дней), указаний очень мало; практически все, что можно выяснить, сводится к листочку со следующими заметками:

- (29) Как Эльфвине отведал *лимиэ*, но затосковал по дому и возвратился в Лутанию; но затем неудержимо потянуло его к эльфам, и он вернулся в Тавробэль Древний и поселился в Доме Сотни Дымоходов (где до сих пор растут дети детей Сосны Бэлаурин) и написал Золотую Книгу.

Сюда же относится титульный лист:

- (30) Книга Утраченных Сказаний
и История эльфов Лутании
[?она же]
Золотая Книга Тавробэля
та самая, что Эльфвине написал и схоронил в Доме Сотни
Дымоходов в Тавробэле, где она все еще покоится,
чтобы читали ее те, кто сможет.

Все это довольно любопытно. Тавробэль Древний должен быть изначальным Тавробэлем, в Лутании (в честь которого был назван Тавробэль на Тол Эрэссэа, так же как Кортирион на Тол Эрэссэа назван в честь Кортириона = Уорика в Лутании); тогда Дом Сотни Дымоходов (как и Сосну Бэлаурин, о которой см. с. 281 и примечание 4) следовало бы перенести с Тол Эрэссэа в Лутанию. Можно предположить, что отец намеревался переделать те эпизоды «обрамления» *Утраченных Сказаний*, где упоминается Дом Сотни Дымоходов в Тавробэле (если, конечно, не было другого Дома Сотни Дымоходов в Тавробэле Новом на Тол Эрэссэа).

В заключение здесь можно упомянуть любопытную статью из словаря квэнья: *Парма Кулуинэн* «Золотая Книга — сборник легенд, в основном об Инге и Эарэндэле».

В итоге, из всех этих замыслов отец привел в законченный вид только историю юности Эльфвине и его путешествия на Тол Эрэссэа, и теперь я перехожу к этой работе; но удобнее будет вначале собрать вместе приводившиеся ранее отрывки, которые имеют к ней отношение.

В *Связующем звене*, открывающем *Сказание о Тинувиэль*, Эриол говорит, что «много лет» тому назад, когда он был ребенком, дом его находился «в древнем городе людей, обнесенном стеною, что ныне осыпалась и обратилась в развалины; там протекала река, над которой нависал замок с высокой башней».

«Отец мой был родом с побережья, и любовь к морю, которого я никогда не видел, вошла в мою плоть и кровь, и отец мой распалял мою тоску, рассказывая мне многое из того, что его отец поведал ему встарь. И вот мать моя зачахла от голода во время жестокой осады этого древнего города, а отца моего убили у стен в яростном сражении, и в конце концов я, Эриол, бежал к побережью Западного Моря...»

Затем Эриол рассказал о

«своих скитаниях у западных гаваней, ... о том, как потерпел он крушение на далеких западных островах; о том, как на одном пустынном острове набрел он на старого мореплавателя, который предоставил ему приют и у огня в заброшенной своей хижине поведал ему немало дивного о том, что есть за пределами Западных Морей, о Волшебных Островах и о самом одиноком из островов, что лежит еще дальше. ...

— С тех пор, — молвил Эриол, — одержим еще большим любопытством, я плавал к западным островам, стремясь услышать еще немало подобных рассказов; вот так случилось, что после многих и долгих скитаний я и сам, по милости богов, добрался в конце концов до Тол Эрэссэа...»

В машинописном варианте *Связующего звена* далее говорится, что в городе, где жили и умерли родители Эриола,

«...жил могучий князь, и, даже гляди он с самого высокого парапета, не удалось бы ему рассмотреть границ своих обширных владений; только далеко на востоке вырисовывались очертания огромных синих гор, — однако башня эта почиталась великолепнейшей в земле людей».

Осада и разграбление города — деяние «диких людей с Восточных Гор».

В конце машинописной версии мальчик Аусир убеждал Эриола в том, что «тот старый мореход на пустынном побережье был не кто иной, как сам Ульмо; нередко является он в подобном облики тем мореплавателям, коих возлюбил он», но Эриол не поверил ему.

Выше (с. 294—295) я приводил доводы в пользу того, что в «истории *Эриола*» этот рассказ о его юности не имел отношения к Англии.

Обращаясь к эпизодам, относящимся к «истории *Эльфвине*», мы узнаем из (15), что Эльфвине жил на юго-западе Англии и что его мать и отец были

убиты «морскими пиратами», а из (20) — что их убили «свиные Люди Моря»; из (16) — что он был «преследуем норманнами». В (15) упоминается встреча со «Старым Мореходом» во время его путешествий. В (16) он высаживается в «гавани на южном побережье» Тол Эрэссза; а в (17) он «приходит в себя на песчаном берегу» во время отлива.

Теперь я приступаю к тому повествованию, которое сформировалось в конце концов. Заметим — не без облегчения, — что Инг, Ингвэ и ингвайвар исчезли из него бесследно.

ЭЛЬФВИНЕ ИЗ АНГЛИИ

Существует три версии этой короткой работы. Первая — набросок-изложение сюжета длиной менее чем в 500 слов, который для удобства отсылки я буду называть *Эльфвине А*. Второе, гораздо более основательное повествование, имеет заголовок *Эльфвине из Англии*. Оно было написано в 1920 году или позже: явственно не раньше, потому что отец записывал его на скототых вместе клочках бумаги, часть из которых представляют собой адресованные ему письма, все датированные февралем 1920 года¹⁸. Третий текст был, без сомнения, начат как чистовая чернильная копия второго, к которому он поначалу весьма близок, но чем дальше, тем больше отдаляется от него: в некоторых местах текст полностью переписан, вводится много нового материала; кроме того, текст подвергался правке после того, как он был окончен. В рукописи у него нет заголовка, но он, скорее всего, тоже должен был называться *Эльфвине из Англии*.

Для удобства я стану ссылаться на первую полную версию как на *Эльфвине I*, а на переписанную — как на *Эльфвине II*. Какое отношение к ним обеим имеет *Эльфвине А*, установить трудно, поскольку в чем-то эта версия согласуется с *Эльфвине I*, а в чем-то — с *Эльфвине II*. Очевидно, что когда отец писал *Эльфвине II*, у него перед глазами была версия *Эльфвине I*, но кажется вероятным, что в то же самое время он принимал во внимание и *Эльфвине А*.

Я даю здесь полный текст *Эльфвине II* в его заключительном виде со всеми интересными исправлениями и важными отличиями от других текстов в примечаниях (разночтения в именах и их изменения помещены отдельно).

Была некогда страна, называемая Англия, и то был остров на Западе, и прежде, чем расколоться в битве богов, она, самая западная из всех Северных земель, была обращена к Великому Морю, которое древние называли Гарседж¹⁹; а та часть, что откололась, звалась Ирландией и многими другими именами, и жители ее не упоминаются в этих сказаниях.

Всю эту страну эльфы нарекли Лутиэн²⁰ и поныне зовут ее так. Только в Лутиэн все еще обитает большая часть Истаивающих Отрядов, Священные Фэери, что доселе не уплыли из мира, за

горизонты вedomого человеку, на Одинокiй Остров или даже на Холм Тун²¹ над Заливом Фаэри, воды которого омывают западные берега королевства богов. Именно поэтому до сей поры Лутиэн остается священной землей, и волшебство, которого нет больше нигде, сохранилось во многих местах этого острова.

И есть в самом сердце острова город, древний по счету людей, но много раньше поселились здесь эльфы; и, поскольку это книга Утраченных Сказаний Эльфинесса, следует называть город на их языке Кортирион, а гномы зовут его Миндон Гвар²². Во времена англичан на холме Гвар жил человек, и имя его было Деор, и пришел он в те края издалека, с южных пределов острова, и из лесов, и с очарованного Запада, где он странствовал много лет, хотя и был из английского народа. Князь Гвара в те времена любил песни и не был врагом эльфов, и больше всего на острове их оставалось в окрестностях Кортириона (эти места они называли Алалминорэ, Земля Вязов), и туда пришел Деор-певец к князю Гвара и к Истаивающим Эльфам, ибо был он другом эльфов. Хотя текла в жилах Деора английская кровь, говорят, что он взял в жены деву с Запада, из Лионесса, как некоторые называли те края, или Эвадриэна, Железного Берега, как поныне говорят эльфы. Деор нашел ее в утраченной земле за Бэлэрионом, откуда иногда эльфы отправлялись в плавание.

Долго жил в радости Деор в Миндон Гваре, но Люди Севера, которых фэери острова называли фородвайт, а люди — иными именами, выступили против Гвара во дни, когда они опустошили почти всю страну Лутиэн. Стены города не спасли жителей, и башни не могли противостоять врагу бесконечно, хотя осада была долгой и мучительной.

В эти лютые дни голода умерла Эадгиву (ибо так нарек Деор деву с Запада, хотя в былые времена не так звали ее)²³; а Деор погиб под стенами, когда он пел старинную песнь о доблести, чтобы наполнить храбростью сердца людей. Это была безнадежная вылазка, и сын Деора по имени Эльфвине, который был всего лишь отроком, остался без отца. После этого город жестоко разграбили, и уцелели только предания о его прежних днях, а эльфы, которые полюбили англичан, живущих на острове, бежали или сокрылись на долгие времена, и никого из эльфов или людей, кто бы мог оплакать гибель Освине, Князя Гвара, не осталось в его древних чертогах.

Тогда Эльфвине, тот самый, которого неистаявшие эльфы за водами Гарседжа впоследствии нарекли Эльдайроном из Лутиэн (что

означает Эльфвине из Англии), был обращен в рабство жестокими повелителями фородвайт и с детства терпел лишения. Но чудо! Эльфвине никогда не знал моря и не видел его, но великий зов моря жил глубоко в его сердце, а приглушенная песнь волн звучала в душе мальчика между сном и явью, наполняя его душу тоской. То было волшебство Эадгиву, девы Запада, его матери, и эта неугасимая тоска жгла ее все дни, которые Эадгиву провела в тихих внутренних землях среди вязов Миндон Гвара — и, тоскуя, родила она свое дитя, Эльфвине, а Пеновсадники, Береговые Эльфы, которых она знавала в прежние времена в Лионессе, прислали гонцов по случаю его рождения. Но теперь Эадгиву ушла за Край Земли, и прекрасное ее тело осталось лежать непогребенным в Миндон Гваре, и молчала арфа Деора, а Эльфвине, пока не вырос, жил в тяжком рабстве, видя сны и тоскуя, и иногда общался с сокрытыми эльфами.

Наконец его тоска по морю сделалась столь невыносимой, что Эльфвине удалось разбить оковы, и, презрев многие опасности и пережив тяжкие испытания, он бежал в края, куда не дошли Повелители Фородвайт, далеко от жилища Деора в Миндон Гваре. И так отправился он на юг и на запад, ибо ноги его сами шли туда. И был Эльфвине в некоторой мере одарен эльфийским зрением (которое в те дни истаивания эльфов давалось не всем людям, а ныне даруется еще реже), народ же Лутиэн в те времена еще не истаил до конца, и много их встретил Эльфвине в своих странствиях. Некоторые все еще жили и танцевали на этой земле, как в старину, но гораздо больше эльфов медленно в печали направлялось на запад; ибо позади них оставалась охваченная пожарами и войнами земля, и плакала она слезами и кровью, что не осталось любви в сердцах людей; и был это не последний раз, когда люди отнимали Лутиэн у людей, что к тому времени случалось уже семижды и может произойти опять. Люди и с Востока, и с Запада, и с Юга, и с Севера помогались этой страны и отбирали ее у тех, кто владел ею прежде, из-за красоты ее и приятства и чар эльфов, что прожили там века увядания и все еще медлили среди деревьев сей земли, на ее высоких белых берегах²⁴.

Но при каждом захвате острова все больше и больше древних его обитателей, народа Лутиэн, обращалось к Западу; они восходили на корабли в Бэлэрионе на Западе и уплывали за пределы мира,

известного людям, а остров без них становился беднее и листва бледнее; и все же и поныне эта земля остается самой изобильной из населенных людьми и эльфами. И говорят, что никогда столь великое множество эльфийских кораблей и белокрылых галеонов не направлялось на закат солнца, как во дни, когда свирепые праотцы людей, недруги эльфов, оказавшись во власти Зла²⁵, впервые явились сюда и когда ступили грозной поступью на земли Лутиэн Люди Юга, повелители которых правили в могучем граде, называемом людьми и эльфами Рум (но лишь эльфы именуют его Магбар)²⁶.

Но не кровавые деяния завоевателей, а унылое существование, пришедшее следом, заставило маленький народ покинуть эти края; и вот время от времени маленький корабль²⁷ на закате снимается с якоря в Бэлэрионе, и нежная и печальная песнь плывет над волнами и навеки затихает вдали. Однако много кораблей под эльфийскими парусами покидало эти берега навсегда и во дни Эльфвине, и много спутников, и видимых и зримых лишь отчасти, было у него по дороге на запад. И вот наконец пришел Эльфвине к Бэлэриону и омыл усталые ноги в серых водах Западного Моря, великий рокот которого звучал в нем. Неясные очертания эльфийских²⁸ челнов проплывали в сумерках мимо него, и мореплаватели посылали ему слова прощания. Но не позволено ему было ступить на палубу этих хрупких судов, и мольбы его были тщетны — ибо не хотели они, чтобы даже добрый друг из племени людей отправился с ними за край Запада или познал, что там, далеко, в великом и бескрайнем море Гарседж. Люди же, коих мало обитало в тех краях у Бэлэриона, были рыбаками, и долго Эльфвине жил среди них и изучил все, что известно человеку о кораблях и об искусстве мореплавания, ибо сердце его склонялось к тому. Он мало ценил свою жизнь, и дороги его в океане лежали дальше, чем у большинства этих людей, хотя они и были добрыми мореходами; и мало было тех, кто под конец отваживался выходить с Эльфвине в море, не считая лишь Эльфхеаха Безотчего, бывшего с ним во всех походах до последнего²⁹.

И вот как-то, плывя далеко в открытом море и будучи вначале застигнут штилем в густом тумане, а затем беспомощно гоним могучим ветром с Востока, узрел Эльфвине вдали, в стороне рассвета острова, но не добрался до них, ибо ветер изменился и вновь погнал его далеко прочь, и лишь удача помогла Эльфвине снова увидеть черные берега, где он жил. Немного радости было ему от этой удачи, и порешил он в сердце своем снова когда-нибудь уплыть еще дальше на Запад, ибо, сам того не осознавая, думал Эльфвине, что

явились ему тогда Волшебные Острова из людских песен. Мало спутников смог он найти для этого путешествия. Не каждый готов отправиться в поисках приключений на закат солнца или бросить вызов опасным морям, жаждая неизведанного. Наконец, нашел Эльфвине семерых, лучших мореходов из тех, что жили тогда в Англии, и всех их потом забрал к себе Улмо, Владыка Моря, и имена всех их, кроме Эльфхеаха, позабыты³⁰. И едва увидели они острова, к которым так стремился Эльфвине, как налетел на их корабль страшный шторм и великое море обрушилось на судно; Эльфвине смыло за борт, а придя в себя, он не увидел ни спутников, ни корабля своего, и лежал он на песке в бухте среди высоких скал. Мрачным и пустынным был остров, и понял тогда Эльфвине, что это не Волшебные Острова, рассказы о которых он часто слышал³¹.

Говорят, что, долго скитаясь там, пришел он к месту, где на длинных мрачных взморьях гнили останки кораблекрушений, остовы могучих старинных судов, иные из которые из них были полны сокровищ. И повстречалась ему на дальнем берегу одинокая хижина, глядящая на запад, сделанная из перевернутого корпуса маленького челна. Древний старец обитал в ней, и устрасился его Эльфвине, ибо очи старца были бездонны, как море, а длинная седая борода отливала голубизной; рост его был велик, а обувь — из камня³²; но сидел он у маленького костра из плавника одетый в изодранные лохмотья.

Долго жил Эльфвине в этой странной хижине у пустынного моря, ибо не было у него другого укрытия и другого собеседника; и думал он, что корабль его погиб и спутники его утонули. Старец же полюбил Эльфвине и расспрашивал его, откуда он пришел и куда держал путь до того, как шторм обрушился на него. И много до той поры неслыханного узнал от него Эльфвине у дымного костра в ночи, и услышал странные истории о гонимых ветром кораблях и бесприютных ураганах в запретных водах. Так узнал Эльфвине, что Волшебные Острова еще далеко впереди и несут свою одинокую, тайную стражу на краю земли, за которым воды Гарседжа умеряют свое буйство и где простерлись сумерки последних дней Волшебной страны. Дальше, у пределов Теней, расположен Одинокий Остров. Одинокий Остров обращен и на Восток — к Волшебному Архипелагу и к лежащим за ним землям людей, и на запад — к Теням, далеко за которыми виднеется Внешняя Земля, королевство богов, и сам древний Залив Фаэри, чья слава померкла. Там круто склоняется мир за Грань Сущего к Валинору, дому богов,

и к Стене и к краю Ничто, усеянному звездами. Но Одиноким Остров не принадлежит ни Великим Землям, ни Внешней Земле, и нет около него других островов.

В сказаниях своих старец называл себя Морским Человеком и рассказывал о своем последнем путешествии, когда он потерпел крушение и оказался на этом внешнем острове, а прежде чем унес его корабль Западный ветер, промелькнули перед ним сокрытые в глубокой дали мерцающие светильники Одинокого острова. Тут забило сердце Эльфвине, но сказал он старцу, что нет у него больше надежды обрести добрый корабль и спутников. Морской Человек же отвечал: «Знай же, этот остров — один из кольца Неприютных Островов, к чьим скрытым скалам и зыбучим пескам влекутся корабли, дабы люди не могли проникнуть дальше в глубь Гарседжа и не увидели то, что не должно им видеть. Острова эти были созданы здесь во времена Сокрытия Валинора, и в самом деле, мало растет тут дерев, пригодных для постройки корабля или плота³³; но все же я могу помочь тебе в твоём желании покинуть эти алчные берега».

И вот, однажды отправился Эльфвине вдоль восточного берега, глядя на разбросанные там жалкие остовы судов. Он, как это часто бывало раньше, искал хоть какие-то следы или останки своего доброго корабля из Бэлэриона. Той ночью был шторм страшной силы, и вот! появилось еще одно судно, и Эльфвине увидел, что это большой и добротный сделанный корабль, точеный и ладный, как любили в то время строить фородвайт. Он был выброшен на зыбучие пески, и резная драконья голова, что украшала огромный нос его, невредимая, все еще свирепо глядела вглубь суши. И вот, когда медленно начал подыматься прилив, покрывая долгие отмели, явился Морской Человек. Посохом ему служил брус величиной с молодое дерево, и шествовал он, будто не боясь ни зыбучих песков, ни прилива, покуда желтые воды не поднялись до самых его плеч и покуда не достиг он резного носа, что один лишь виднелся над водой. И дивился издали Эльфвине тому, как Морской Человек единственно своей силой вырвал огромное судно из объятий зыбучего песка, в котором увязла корма, и, рассекая прибывающие воды могучими ударами, поплыл, толкая корабль перед собой. При виде такого зрелища вновь охватил Эльфвине страх перед старцем, и задумался он, что же это за создание; меж тем корабль был вытолкнут на надежный песок, а пловец ступил на берег, и нити морских водорослей запутались в его густой бороде и волосах.

Когда отхлынул прилив от Голодных Песков, Морской Человек послал Эльфвине посмотреть на это выброшенное судно; и увидел Эльфвине, что корабль невредим; но внутри корабля покоились девять мертвецов, которые не так давно еще были живы. Они лежали на дне, глядя в небо; и вот, имелся среди них один, чьи платье и наружность свидетельствовали о том, что был он вождем людей. Хотя годы выбелили его волосы, а лицо было бледным, ибо жизнь покинула его, но вид он имел гордый и свирепый.

— Это фородвайт, Люди Севера, — сказал Морской Человек, — голод и жажда погубили их, а корабль их забросило вчерашним штормом в Голодные Пески, которые медленно поглотили бы его, если бы судьба не распорядилась иначе.

— Истинно говоришь ты о них, о Морской Человек; этого седовласого я знаю хорошо, ибо он убил моего отца; долго был я его рабом, и мало у меня любви к нему; люди же звали его Орм.

— И именно его корабль унесет тебя прочь с этого Неприютного Острова, — молвил Морской Человек, — это был добрый корабль отважного человека, ибо мало у кого из людей так лежит сердце к морским приключениям, как у этих фородвайт, которые проникают даже в туманы Запада, хотя мало кто остается в живых, дабы поведать об увиденном.

Вот так и произошло, что Эльфвине удалось паче чаяния покинуть тот остров, а Морской Человек был его рулевым и кормчим, и через несколько дней достигли они земли, мало кому ведомой³⁴. И странен народ, обитающий там, и никто не знает, как он пришел на Запад, но причисляют его к людским племенам, хотя страна их лежит на внешних границах людских земель, ближе к Заходящему Солнцу, чем Неприютные Острова, и севернее того острова, на который штормом выбросило Эльфвине. Весьма искусно сей народ строит всякого вида корабли и челны, а также плавает на них; но очень редко отправляются они в земли иных народов, и не посвящают жизнь торговле или войнам. Они создают корабли из любви к этому делу и ради наслаждения бороздить на них волны. И большинство их никогда не сходит на берег, а воды вокруг их родного острова постоянно белы от парусов, и в штиль, и в шторм. С радостью тягаются они друг с другом в быстроте своих челнов, гонимых ветром или движимых рядами длинных весел. И еще есть у них состязания для судов: какое из них сможет выстоять против самого неистового шторма (а штормы у этого острова и впрямь неистовы, и берега его, кроме

одной спокойной бухты на Севере, покрыты железными скалами). Тем самым подтверждается искусство их корабелов; и люди нарекли этот народ итлинг³⁵, Чада Волн, а эльфы называют остров Энэадур, а народ его — Корабельщиками Запада³⁶.

Радушно приняли они Эльфвине и его кормчего у своих переполненных причалов в северной бухте, и казалось Эльфвине, что Морской Человек известен им, и относятся они к нему с величайшим почтением и благоговением; а просьбы его исполняются так, как будто это приказы короля. Но еще больше поразился Эльфвине, когда увидел в толпе на причале двоих из своих спутников, которые, как он думал, сгинули в море, и узнал, что все семеро моряков из Англии живут в этой стране, но корабль разбился о черные берега на юге острова вскоре после той ночи, когда великое море смыло Эльфвине за борт.

И вот, по слову Морского Человека островитяне очень быстро строят новый корабль для Эльфвине и его спутников, ибо он не поплывет дальше на судне Орма; а лес для этого корабля, как просил старый мореход, рубили в волшебной дубраве, что росла далеко на суше, на холме богов, посвященном Улмо, Владыке Моря, и редко валили эти дубы.

— Корабль, сделанный из этого леса, — сказал Морской Человек, — может пропасть, но даже тогда плывущие на нем не погибнут; но может их выбросить на берег, на который они попадать и не думали.

И когда корабль был готов, древний мореплаватель приказал им взойти на борт, и они повиновались, и отправился им в помощь также Биор из итлингов, человек весьма искусный в морском деле и кто боле всех прочих в том странном народе расположен был плавать далеко на Запад, Север или Юг от острова Энэадур. Много итлингов собралось на суше перед этим кораблем, ибо они строили его в маленькой бухте крутого западного берега, где между встающими из моря скалами узкий проход вел в тихую заводь, пригодную для швартовки, а таких мест немного было среди отвесных утесов сего острова. Затем возложил старец руку на нос корабля и произнес волшебные слова, дающие кораблю власть бороздить доселе никем не посещаемые моря, и входить в неизведанные бухты, и скользить вдоль нехоженных взморий. Два рулевых весла, по обычаю итлингов, было по бокам у корабля, и оба он благословил, даровав им искусство вести судно, когда ослабеют руки, повелевающие ими, и вернуться на потерянный курс, и идти по невидимым звездам. Затем он двинулся прочь,

и толпа людей расступилась перед ним, и вот он взошел на вершину скалы. Тогда бросился он далеко в море и исчез в пенных брызгах там, где великие валы осаждали вздымающиеся скалы.

И больше не видел его Эльфвине, и в горе и удивлении произнес:

— Почему бы так устал он от жизни? Сердце мое скорбит, что он мертв.

Но итлинги улыбались, поэтому он спросил тех, кто стоял подле, говоря:

— Кто был этот могучий человек, ибо сдается мне, что вы его хорошо знаете? — но не отвечали они ничего. Затем спустили они на воду сие упругоревное³⁷ судно, потому что не мог больше терпеть Эльфвине, хотя и клонилось уже солнце к Горам Валинора за Западные Стены. И вскоре белый парус корабля, наполненный ветром с суши, виднелся вдали, пурпурный в лучах заката, а команда пела древние песни английского народа, затихавшие над пустынными водами Западных Морей; и вот больше ни звука не долетало до оставшихся на берегу. Потом опустилась ночь, и больше никогда на Энэдуре не видели этот могучий корабль³⁸.

Так начали те мореходы свое долгое, странное и полное опасностей путешествие, история которого до сих пор не поведана полностью. Не будет здесь рассказа об их приключениях на архипелагах Запада, о чудесах и опасностях, с которыми встретились они на Волшебных Островах, в неизведанных морях и заливах, но лишь о том, как через много лет одним пасмурным и безрадостным днем окончились странствия их, измученных скитаниями по морям и павших духом. Дул слабый ветер, и тучи висели низко над головой; шел серый дождь, и ничего нельзя было различить перед носом корабля, который медленно и неуверенно двигался по нескончаемым мертвым волнам. Решили они, что это будет последний день, прежде чем они повернут назад (коли смогут), если только не случится чуда или не проблеснет луч надежды. Ибо сердца их изнемогли. Позади них лежали Волшебные Острова, где на туманном берегу, спеленатые вековыми чарами Эглавайна, покоились в вечном сне трое их товарищей; изголовьем им служили белые пески, а покрывалом — пена морская. Бесплодными оказались их странствия, ибо всегда ветры отбрасывали их корабль назад и ни разу не удалось им увидеть берега Острова Эльфов³⁹. Тогда молвил Эльфхеах⁴⁰, стоявший у кормила: «Вот, о Эльфвине, пришел назначенный час! Да сделаем мы, как давно того желают боги и их ветры — откажемся от нашего утомляющего дух поиска несуществующего, пустой выдумки, и возвратимся, если будет на то воля богов, к своим очагам». И Эльфвине

покорился. А ветер утих, ни дуновения не было ни с востока, ни с запада, и ночь медленно опустилась на море.

И вот, с Запада подул легкий бриз, и как раз, когда они собирались поднять паруса ему навстречу, чтобы плыть к дому, один из мореходов внезапно промолвил:

— Станный здесь воздух и напоен он ароматами воспоминаний, — и замерев, они глубоко дышали. Туман отступил перед этим нежным ветерком, в лохматых обрывках туч плыл тонкий месяц, и вскоре тысячи холодных звезд зажглись в темноте.

— На Фаэри раскрываются ночные цветы, — произнес Эльфвине.

— И вон, — добавил Биор⁴¹, — в серебряных сумерках эльфы зажигают свечи, — и все устремили взоры за темную корму, куда он указывал своей длинной рукой. Никто не проронил ни слова в изумлении и благоговении; и вглядываясь в западный сумрак, видели они синюю тень, искрящуюся огнями, которых становилось все больше и больше, и вот десять тысяч огоньков замерцали вдали россыпью сотворенных Фэанором самоцветных камней, сверкая на краю Океана.

— Так вот она — Бухта Многоцветных Огней, — молвил Эльфхеах, — о коей в наших краях ходит так много легенд, в которые никто не верит.

И, не говоря больше ни слова, мореходы взяли за весла и поспешно развернули корабль, и погребли к неувядающему берегу. Уже было оставили свои попытки мореходы, как цель их поисков оказалась совсем рядом. Но, как ни врезались их весла в воду, не удалось им продвинуться далеко, а долгая ночь Фаэри все не кончалась, и рогатый месяц Эльфинесса плыл в высоте над ними.

Потом над водами зазвучала нежная музыка, и таким невообразимым томлением была она полна, что Эльфвине и его спутники, склонившись на свои весла, тихо заплакали каждый о полузабытых ранах своего сердца, вспоминая о том дивном, что давно утрачено, и все они плакали в извечной тоске детей человеческих по совершенной прелести, которую они все ищут и не могут обрести. И один из них молвил:

— То перезвон арф, и поют они о прекрасном и дивном, а окна, глядящие на море, полны света.

И второй произнес:

— Струны их скрипок поют о древней скорби бессмертного народа земли, но радости полна эта мелодия.

— Ах, — сказал Эльфвине, — я слышу рога фэери, что мерцают в волшебных лесах — давным-давно, под вязами Миндон Гвара однажды смутно примерещилась мне эта музыка.

Но что это? Пока они говорили, месяц сокрылся, тучи затянули звезды, а мгла веков опустила свою завесу на берег, и ничего больше

не видели и не слышали они, лишь только шорох прибоя по далекой гальке Одинокого Острова, но вскоре ветер унес вдаль и этот тихий звук. Безмолвный, с широко раскрытыми глазами Эльфвине шагнул вперед и внезапно с громким криком бросился в темное море, и волны, что приняли его, были теплыми, и, казалось, милосердная смерть упокоила его. Остальным же почудилось, что звук его голоса пробудил их ото сна; и вдруг поднялся сильный ветер и наполнил все паруса, и больше никогда сии мореходы не видели Эльфвине, а ветер гнал их назад, и сердца их исполнились сожаления и тоски. Некоторое время они еще видели бледные эльфийские челны, спешащие домой, быть может, в Многоцветную Гавань, и приветствовали их, но лишь слабое эхо доносилось издалека в ответ, и никто не привел их к земле, к которой они стремились. Спустя долгое время намоталась обратно извилистая путеводная нить их запутанных дорог, и они наконец бросили якорь в гавани Бэлэриона, состарившиеся и измученные скитаниями. И впоследствии миражами и видениями от голода и морских чар казалось все, что они увидели и услышали, всем, кроме Биора Энзадурского из Корабельного Народа Запада.

И много было беспокойных, мятущихся душ среди потомков этих людей, когда умерли они и ушли за Край Земли без челна и парусов. Но всю оставшуюся жизнь бороздили они моря, и тела их покоятся на дне морском⁴².

Здесь повествование заканчивается. Нет никакого намека на его возможное продолжение, хотя кажется весьма вероятным, что *Эльфвине из Англии* должно было стать началом полной переделки *Утраченных Сказаний*. Было бы интересно знать точно, когда написан *Эльфвине II*. Почерк, которым написан этот текст, безусловно, отличается от почерка, которым написаны остальные *Утраченные Сказания*, но я все же склоняюсь к мысли, что он последовал вскоре за *Эльфвине I*, и маловероятно, чтобы первый вариант был создан много позже 1920 г. (см. с. 312).

В конце *Эльфвине II* отец сделал две приписки: (1) Эльфвине следует сделать «древнеанглийским язычником, который бежал на Запад», и (2) «Остров Старца» нужно исключить, и все путники потерпят кораблекрушение на Энзадуре, Острове Итлингов». Следствием последнего (что странно) должно было бы стать исчезновение истории с затонувшим судном, которое Морской Человек вытащил на берег с приливом, и с мертвыми викингами, которые «лежали на дне, глядя в небо».

В этом повествовании, в котором наиболее сильно выражено «волшебство» ранних эльфов, — в видении мореходов Одинокого Острова под «рога-

тым месяцем Эльфинесса», — Эльфвине еще помещен в контекст персонажей древнеанглийских легенд: его отец — Деор Менестрель. В знаменитой англосаксонской рукописи, известной как Эксетерская книга, есть небольшая поэма из 42 строк, называемая сейчас *Деор*. Это рассказ от лица менестреля Деора о том, как он потерял свое место и благосклонность своего лорда, которые достались другому певцу по имени Хеорренда; в тексте поэмы Деор приводит примеры великих несчастий, упоминающихся в героических легендах, и утешается ими, заканчивая каждую аллюзию постоянным рефреном: *þæs ofereode; þisses swa mæg*. Есть несколько вариантов перевода этого рефрена; отец придерживался мнения, что он означает: «С тех пор минуло время, так же и это минет»⁴³.

И Деор, и Хеорренда взяты из этой поэмы. В «истории *Эриола*» Хеорренда был сыном Эриола, родившимся у его жены Найми на Тол Эрэссэа (с. 290), и вместе с Хенгестом и Хорсой участвовал в завоевании Одинокого Острова (с. 291); его жилище в Англии было в Тавробэле (с. 292). Я не думаю, что Деора Менестреля из Кортириона и Хеорренду из Тавробэля у отца можно чем-то еще, кроме имен, связывать с англосаксонской поэмой, — хотя отец никогда не выбирал имена случайно. Он был тронут историей, что стоит за *Деором* (пусть даже, по словам одного из издателей поэмы, «автобиографический элемент чисто вымышленный и служит лишь предлогом для перечисления героических сюжетов»), и при чтении лекций о *Беовульфе* в Оксфорде он иногда называл неизвестного автора этой поэмы Хеоррендой.

Не особенно много, как я полагаю, можно почерпнуть и из других древнеанглийских имен, содержащихся в этом повествовании: Освине, князя Гвара, Эадгиву, Эльфхеах (хотя имена, несомненно, сами по себе являются «говорящими»). Так, *Освине* состоит из *ós* — «бог» и *wine* «друг», а *Эадгиву* — *éad* «блаженство» и *gifu* «дар»). Фородвайт — это, конечно же, викинги-завоеватели из Норвегии или Дании; Орм, имя покойного капитана корабля, хорошо известно в Скандинавии. Но все это мизансцена, историческая только по антуражу, а не по сути.

Сохранилась идея о семи волнах вторжения на Лутиэн (Лутанию) (с. 314), так же, как и мысль об истаивании эльфов и их исходе на запад (что, собственно, никогда окончательно не отвергалась)⁴⁴. Но в то время, как в набросках седьмым считалось вторжение ингвайвар (т. е. англосаксов) (см. цитаты (20) и (22)), здесь англичан завоевывают викинги: «и был это не последний раз, когда люди отнимали Лутиэн у людей» (с. 314) — очевидно, имеется в виду норманнское завоевание Англии.

Весьма интересна и «география» этого повествования. В самом начале появляется любопытное утверждение о том, что Ирландия откололась «в битве богов». Поскольку, как мы видим, в «истории *Эльфвине*» нет идеи о возвращении Тол Эрэссэа на восток, речь идет о чем-то совершенно ином, чем история в (5), с. 283, где остров Ивэрин откололся, когда Оссэ попытался выдернуть Тол Эрэссэа обратно. Я не знаю, что это было; весьма вероятно, что

это первый намек на великий катаклизм, произошедший в конце Древних Дней, когда затонул Бэлэрианд. (Я не нашел ни малейшего намека на связь между бухтой *Бэлэрион* и областью *Бэлэрианд*.).

Кортирион (Миндон Гвар) в этой истории — это, разумеется, «Старый Кортирион», исконное место обитания эльфов в Лутиэн, в честь которого был назван Кортирион на Тол Эрэссэа (см. с. 308, 310); аналогичным образом мы должны предположить, что название окружающей его области (Уорикшир), Аламинорэ (с. 313), было вновь дано срединной части Тол Эрэссэа.

Обратимся к вопросу об островах и архипелагах Великого моря. То, что рассказывается в *Эльфвине из Англии*, можно в первую очередь сопоставить с географическими описаниями в сказаниях *Пришествие Валаф* (I. 68) и *Пришествие Эльфов* (I. 125), которые весьма похожи друг на друга. Из этих описаний мы узнаем, что много земель и островов встречается в Великом Море на пути к Волшебным Островам; Тол Эрэссэа находится за Волшебными Островами, а за Тол Эрэссэа лежат Тенистые Моря, «где плывут Сумеречные Острова» — ближайшие из Внешних Земель. Сам Тол Эрэссэа «не принадлежит ... ни к Внешним Землям, ни к Великим» (I. 125), он стоит далеко посреди океана и «никакой суши не видно, даже если отплыть на много лиг от его утесов» (I. 121). С этим описанием вполне согласуется и сказанное в *Эльфвине из Англии*, только здесь еще добавлен архипелаг Неприютных Островов.

Как я уже отмечал ранее (I. 137), расположение с востока на запад Неприютных Островов, Волшебных Островов, Одинокого Острова и затем Тенистых Морей, где находятся Сумеречные Острова, впоследствии изменилось, и в *Сильмариллионе* (с. 102) говорится, что во времена Сокрытия Валинора

«сотворены были Зачарованные Острова, а моря вокруг них наполнились тенями и смятением. И были те острова как сеть, брошенная на Тенистые Моря с севера до юга, покуда не достиг Тол Эрэссэа, Одинокого Острова, плывущий на запад. Но едва ли могла какая-либо ладья проплыть меж ними, ибо вечно с угрозой вздыхали там волны, разбиваясь об окутанные туманами скалы. И великая усталость охватывала мореходов в сумраке, и не хотелось им плыть дальше; те же, кто ступал на острова, попадали в тенета, и спать им до Изменения Мира».

Зачарованные Острова как концепция восходят в первую очередь к старым Волшебным Островам, сотворенным во время Сокрытия Валинора и описанным в *Сокрытии Валинора* (I. 211): «их Оссэ расположил огромной дугой по западным границам великого моря, так что охраняли они Залив Фаэри», а

«тем же, кто ступил на нее [т. е. «гальку побережий» Волшебных Островов], никогда не уйти оттуда, но, оплетенные сетями волос Ойнэн, Владычицы Моря, и погруженные в вечный сон, которым оваял те места Лориэн, лежат они у воды, подобно утопленникам, которых вздымают волны.

И спят те несчастные беспробудным сном, и темные воды омывают их тела».

В нашей истории

«на туманном берегу, спеленатые вековыми чарами Эглавайна, покоились в вечном сне трое их товарищей; изголовьем им служили белые пески, а покрывалом — пена морская» (с. 320).

(Мне не известно значение имени *Эглавайн*, но поскольку оно явно содержит *Эгла* (это слово языка гномов соответствует *Эльда*, см. I. 276), оно, вероятно, означает «Эльфинесс»). Но Зачарованные Острова, возможно, восходят и к Сумеречным Островам, поскольку и Зачарованные Острова также были окутаны сумраком и были созданы в Туманных Морях (ср. I. 224); а также и к Неприютным Островам, которые, как поведал Эльфвине Морской Человек (с. 317), были созданы во время Сокрытия Валинора — и действительно служили той же самой цели, что и Волшебные Острова, хотя располагались значительно восточнее.

Энэадур, остров итлингов (древнеанглийское *ȝūd* означает «волна»), жизнь которого столь полно описана в сказании *Эльфвине из Англии*, похоже, нигде больше не упоминается. Нет ли в Энэадуре и Корабельщиках Запада чего-то, что предвещало бы ранних нумэнорцев и их опоясанный утесами остров?

Довольно сложно интерпретировать следующий отрывок (с. 316—317):

«Там [т. е. от Залива Фаэри] круто склоняется мир за Грань Сущего к Валинору, дому богов, и к Стене и к краю Ничто, усеянному звездами».

В работе *Амбарканта*, или «Очертания Мира», созданной в 1930-е годы, карта мира изображает поверхность Внешней Земли, круто склоняющуюся на запад от Гор Валинора. Возможно, здесь мой отец имел в виду именно этот склон, а Грань Сущего — это великая горная стена; но это кажется весьма маловероятным. В сказании *Эльфвине из Англии* также упоминается «Край Земли», за который уходят умершие (с. 314, 322), а в наброске к *Сказанию об Эарэндэле* (с. 260) челн Туора «скрывается за краем мира». Я полагаю, что с большей вероятностью это выражение означает линию горизонта («горизонты ведомого человеку», с. 313).

Я в затруднении: как в соответствии с тем, о чем было рассказано в *Утраченных Сказаниях*, объяснить выражение «клонилось уже солнце к Горам Валинора за Западные Стены» (с. 320). Возможной, хотя малоубедительной, представляется интерпретация, что солнце склонялось к Валинору, откуда уходило «за Западные Стены» (т. е. проходило через Двери Ночи, см. I. 215—216).

Наконец, примечательно предположение (с. 313), что эльфы, плывущие на запад

от Лутиэн, оставляют за собой Одинокий Остров и даже достигают Валинора; об этом см. с. 280.

Прежде чем поставить точку в этих рассуждениях, я кратко рассмотрю вопрос общего порядка, неоднократно упоминавшийся в текстах, особенно в этих последних главах: «миниатюрность» эльфов.

В *Утраченных Сказаниях* несколько раз упоминается о том, что в прежние времена эльфы отличались более крепким сложением и высоким ростом, чем впоследствии. Так, в сказании *Падение Гондолина* (с. 159) говорится: «в те дни отцы отцов людей были ниже ростом, чем теперешние люди, а дети Эльфинесса выше»; в наброске к незаконченному рассказу Гильфанона (I. 235) сказано очень похоже: «Вначале люди и эльфы были почти равны в росте, фэери были намного больше, а люди — меньше, чем теперь»; см. также цитату (4) настоящей главы: «В прошлом люди и эльфы были соразмерны, хотя люди всегда крупнее». Из других отрывков следует, что эльфы древности по своей природе всегда были несколько более хрупкими (см. с. 142, 220).

Уменьшение роста эльфов в более поздние времена явно связано с приходом людей. Так, уже упоминавшаяся цитата (4) в настоящей главе гласит: «люди распространяются и процветают, а эльфы Великих Земель истаивают: рост их уменьшается по мере увеличения роста людей»; а ссылка (5) — «по мере того как люди становятся могущественнее и многочисленнее, эльфы истаивают, становятся маленькими и бесплотными, смутными и прозрачными, а люди — больше, крепче и прибавляют в теле. В конце концов люди (почти все) не способны более видеть фэери». В *Эпилоге* (с. 289) дано очень яркое описание эльфов после того, как они совершенно «истаяли»:

«Подобно струям ветра, подобно полупрозрачному наваждению, Гильфанон, Владыка Тавробэля, выезжает ночью, окруженный своим народом, и охотится на эльфийских ланей под тусклеющим небом. Музыка забытых шагов, внезапный трепет листьев, неожиданно пригнувшаяся трава, и полные тоски голоса, перешептывающиеся на мосту, — и вот их нет».

Но согласно отрывкам, связанным с позднейшей версией, с «историей *Эльфвине*», эльфы Тол Эрэссэа, покинувшие Лутанию, не истаили или перестали истаивать. Так, в (15) читаем: «Тол Эрэссэа..., где укрылась от шума, войн и дразг людей большая часть не успевших истаять эльфов», и в (16): «Тол Эрэссэа, куда удалилось от мира большинство истаивающих эльфов и где не чахнут они боле», а также в сказании *Эльфвине из Англии* (с. 313): «неистаявшие эльфы за водами Гарседжа».

С другой стороны, когда Эриол пришел к Домику Утраченной Игры, тот, кто открыл ему, сказал (I. 14):

«— Невелико это жилище, но еще меньше те, что живут в нем, — ибо всякий входящий должен быть совсем мал, либо по желанию своему и доброй воле уменьшиться в росте, стоя на пороге».

Я уже комментировал ранее (I. 32) странность идеи об особой миниатюрности Домика и его обитателей на острове, населенном исключительно эльфами. Но если бы отец когда-либо решил переписать сказание *Домик Утраченной Игры*, то, несомненно, отказался бы от этой идеи; и вполне возможно, уже при создании *Эльфвине II* он начал отказываться от мысли, что «истаявшие» эльфы были миниатюрными: это следует из его отказа от слова «маленький» в словосочетаниях «маленький народ», «маленькие корабли» (см. примечание 27).

В конце концов эльфы утратили все признаки и свойства, которыми, по общепринятому мнению, отличаются «сказочные» создания, и те из них, кто оставался в Великих Землях все те Эпохи, которые еще не были измышлены, значительно выросли и обрели мощь; героические и величественные эльдар Третьей Эпохи Средиземья ничуть не походили на туманных призраков. Много позже отец напишет гневную отповедь по поводу иллюстраций, на которых Лэголас изображен «хорошеньким» и «похожим на барышню»:

Он был ростом с молодое дерево, гибкий, невероятно сильный, способный быстро натянуть огромный боевой лук и подстрелить назгула. Тело его, наделенное неимоверной жизнестойкостью эльфов, было настолько крепким и настолько хорошо сопротивлялось повреждениям, что он мог идти по камням или по сугробам в легких башмаках; он был самым неутомимым из всего Братства.

Здесь подходит к концу мой пересказ и анализ ранних работ, содержащих историю мореплавателя, который попал на Одинокий Остров и узнал там подлинную историю эльфов. Я показал, и, надеюсь, убедительно, сложное и любопытное развитие отцовского видения значимости Тол Эрэссэа. Когда он набрасывал конспект (10), идея путешествия мореплавателя к Острову Эльфов уже, разумеется, существовала, но моряк отправлялся в странствия с востока, а Одиноким Островом, который он искал, была Англия (хотя еще не страна англичан и лежащая не в тех морях, где находится сегодняшняя). Когда позже изменилась вся концепция, Англия, как «Лутания» или «Лутиэн», осталась прежде всего землей эльфов, а Тол Эрэссэа с его лугами и рощами, гнездами грачей на вязах Аламинорэ показался мореходу сотворенным по образу его родной земли, которую эльфы утратили с приходом людей: этот остров действительно воссоздавал эльфийскую Лутанию далеко за морем.

Впоследствии, с развитием мифологии, все это изменится, но Эльфвине оставит много следов на ее страницах прежде, чем исчезнуть окончательно.

Многое в этой главе с неизбежностью неубедительно и сомнительно; тем не менее, я полагаю, что эти очень ранние заметки и планы извлечены на свет божий вполне справедливо. Хотя, как «сюжеты», эти истории были оставлены и, без сомнения, позабыты, они свидетельствуют о том, чем жил мой отец и от чего

он никогда не отказался. Но эти заметки были сделаны им в юности, когда для него волшебством эльфов «еще наполнены холмы и леса» Лутании, а в преклонном возрасте все ушло на запад, за море, и действительно наступил конец эльдар сказаний и песен.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Об этом утверждении относительно соразмерности эльфов и людей см. с. 326—327.
- 2 О форме *Таймонто* (*Таймондо*) см. I. 271, статью *Тэлимэктаф*.
- 3 *Бэлаурин* — эквивалент *Палуриэн* в языке гномов (см. I. 265).
- 4 Пометка на полях здесь предполагает, что, наверное, Сосна росла не на Тол Эрэссэа. — Относительно *Ильвэ*, среднего воздушного слоя, который «голубой и чистый, и струится он среди звезд», см. I. 65, 73.
- 5 *Гиль* = *Ингиль*. При первом упоминании Ингиля в этом эпизоде его имя было написано как *Ингиль* (*Гиль*), однако (*Гиль*) затем вычеркнуто.
- 6 Слово *наутаф* появляется в отвергнутом наброске *Сказания о Науглаффринге* (с. 136), где оно служит эквивалентом *науглат* (карлы).
- 7 *Уин*: «старейший и самый могучий из китов», предводитель тех китов и рыб, что тянули «остров-повозку» (впоследствии Тол Эрэссэа), на котором Ульмо переправил эльфов в Валинор (I. 118—120).
- 8 *Гонги*: злобные создания, не вполне ясным образом связанные с орками: см. I. 245, примечание 10, и отвергнутый набросок к *Сказанию о Науглаффринге* на с. 136—137.
- 9 Напротив этого абзаца поставлен большой знак вопроса.
- 10 Сходство этого названия с *Дор Даэдэлот* бросается в глаза, но последнее, в *Сильмариллионе*, — название царства Моргота, означающее «Страна под Сенью Ужаса». Первое же состоит из элементов *дай* — «небо», и *тэлот* — «крыша, свод», и не имеет с последним ничего общего, кроме формы.
- 11 Ср. *Кортифион среди дерев* (I. 34, 37, 41): «Волна в траве».
- 12 Этимология названия *Уорик* (*Warwick*) точно не определена. Элемент *-wic*, чрезвычайно распространенный в английских топонимах, означает, по существу, поселение или группу жилищ. Самая ранняя записанная форма — *Wæring wic*, а *Wæring* считался древнеанглийским словом, означающим запруду, производным от *wer*, в современном английском — *weir* [плотина, запруда]. Таким образом, *Уорик* должно означать «поселение у плотины».
- 13 Ср. титульный лист, приведенный в цитате (11): «Хеорренда из Хэйвуду». До норманнского завоевания название этой стаффордширской деревни не встречается ни в каких формах. Однако его древнеанглийская форма, без сомнения, *hæg-wudu* — «огороженный лес» (ср. Городьба (High Hay), высокая изгородь, охранявшая Баклэнд от Старого Леса во *Властелине Колец*).
- 14 Лутания как название страны встречается пять раз в стихотворении Фрэнсиса

Томпсона *Повелительница Видения*. Как ранее отмечалось (I. 29), в 1913 или 1914 году отец приобрел «Избранные стихотворения» Фрэнсиса Томпсона. В этой книге он сделал пометку на полях напротив одной из строф, в которой есть слово *Лутания*, хотя пометка касалась не самого названия. Но откуда *Лутания* взялась у Томпсона, я представления не имею. Сам он описывал это стихотворение как «некую фантазию» (Эверард Минелл, *Жизнь Фрэнсиса Томпсона*, 1913, с. 237).

Таким образом, видно, что слово *Лутания* заимствовано из Томпсона исключительно как последовательность звуков, подобно *Кору*, взятому из романа Она Райдера Хаггарда*, или *Рохану* и *Морш*, упомянутым в этой связи в письме отца от 1967 года (*Письма Дж. Р. Р. Толкина*, с. 383—384), в котором он пишет:

«Это касается „внешней истории“: как я на самом деле находил или выбирал определенные звуковые последовательности для названий, *прежде* чем они получали место в повествовании. Как я уже говорил, по-моему, это неважно: буду ли я сам разбираться в том, что знаю или помню о данном процессе, или гадать станут посторонние, — в любом случае результат окажется ничтожен в сравнении с затраченными усилиями. Произнесенные вслух слова оказывались бы просто последовательностью звуков, которые при переносе в уже существующую лингвистическую ситуацию внутри моей истории получали смысл и значение, соответствующие этой ситуации и духу повествования. Полностью иллюзорна надежда, обратившись к источникам звуко сочетаний, открыть какой-то сверхсмысл или скрытый смысл слов».

- 15 Положение усложняется тем обстоятельством, что наличествует несколько предельно сырых и почти не поддающихся прочтению набросков повествования, в которых имя морехода — Эльфвине, но вместе с тем присутствуют существенные элементы «истории *Эриола*». Я полагаю, что эти наброски являют собой промежуточную стадию. Они чрезвычайно запутаны, и потребовалось бы очень много места, чтобы представить и обсудить их; поэтому я их опускаю.
- 16 Ср. с. 264 (xiv).
- 17 *Казр Гвар*: см. с. 292.
- 18 Здесь можно указать, что когда весной 1921 г. отец читал *Падение Гондolini* в клубе эссеистов Эксетерского колледжа, имя морехода еще было *Эриол*, как следует из пометок к предваряющим примечаниям по этому поводу (см. *Неоконченные Сказания*, с. 5). Там он упомянул (весьма странно), что «Эриол случайно высаживается на Одинокый Остров».
- 19 *Garsecg* (произносится *Garsedge* [Гарседж] и именно так написано в *Эльфвине А*) было одним из многочисленных древнеанглийских названий моря.
- 20 В *Эльфвине I* страна также называется *Лутиэн*, а не *Лутания*. С другой стороны, *Эльфвине А* содержит то же самое разделение, что и план: «Эльфвине из Англии (которого впоследствии фэери нарекли

* В этом вряд ли можно усомниться, хотя и не существует независимых доказательств тому. В данном случае позволительно думать, что, поскольку африканский город Кор был выстроен на вершине отдельно стоящей большой горы, его связь с эльфийским Кором не только чисто фонетическая.

Лутиэн (друг) из Лутании (дружба))». — При этом первом упоминании (и только здесь) *Лутиэн* в *Эльфвине II* сверху надписана карандашом форма *Лэйтиан* (*Leithian*), но *Лутиэн* не вычеркнута. Потом название *Лэ о Лэйтиан* было дано длинной поэме о Бэрэне и Лутиэн Тинувиэль.

- 21 *Холм Тун*, т. е. холм, на котором был построен город Тун; см. с. 292.
- 22 *Миндон Гвар*: см. с. 291.
- 23 *Эадгиву*: в «истории *Эриола*» это древнеанглийское имя (см. с. 323) было дано как эквивалент имени Найми, которую Эриол взял в жены на Тол Эрессэа (с. 290).
- 24 Здесь в *Эльфвине I* текст гласит: «из-за ее красоты и приятства, так что даже король франков, который в то время был самым могущественным из людей, молвил...» [*sic*]. Написанная чернилами рукопись *Эльфвине II* останавливается на «высоких белых берегах», но после этих слов карандашом отец вписал: «даже король франков, бывший в те дни самым могущественным из земных королей, молвил...» [*sic*]. В сказании *Эльфвине из Англии* единственным ключом ко времени действия является нашествие фородвайт (викингов); соответственно, могущественным королем франков может быть Карл Великий, но мне не удалось найти никаких следов этих его слов.
- 25 *Зло* — замена первоначального *Мэлько*. В *Эльфвине I* этой фразы нет.
- 26 В *Эльфвине I* написано: «когда ступили грозной поступью древние Люди Юга из Микельеарда, Бессердечного Града, на землю Лутиэн». В этом тексте нет ссылок на Рум и Магбар. Название *Микельеард* (*Micelgeard*) вычеркнуто, но сверху страницы написано *Микльярд* (*Mickleyard*). *Micelgeard* — древнеанглийская форма (а *Mickleyard* — ее модернизированное написание), хотя она не встречается в сохранившихся древнеанглийских текстах, а смоделирована по образцу древнескандинавского *Миклигард* (*Mikligarðr*, Константинополь). Из цитаты (20) следует особая враждебность римлян по отношению к эльфам Лутании, а в цитате (22) подразумевается их неверие в существование эльфов.
- 27 Эпитет «маленький», часто встречающийся в *Эльфвине I* по отношению к фэери (эльфам) Лутиэн и их кораблям, остался и в первоначальной версии *Эльфвине II*, но позже был вычеркнут. Здесь слово сохранилось дважды, возможно, непреднамеренно.
- 28 *Эльфийский* — замена первоначального *фэери*.
- 29 Это предложение, начиная со слов «лишь Эльфхеаха Безотчего...» было добавлено позже в *Эльфвине II*; в *Эльфвине I* его нет. Весь текст до этого места в *Эльфвине I* и *Эльфвине II* сжат в следующий абзац *Эльфвине A*:

У Деора и Эадгиву рождается Эльфвине из Англии (которого впоследствии фэери нарекли Лутиэн (друг) с Лутании (дружба)). Их город сожжен, Деор убит, а Эадгиву умирает. Эльфвине обращен в рабство Крылатыми Шлемами. Он бежит к Западному морю, получает корабль в Бэлэрионе и совершает великие походы. Он ищет острова

Запада, о которых Эадгиву рассказывала ему в детстве.

- 30 Здесь в *Эльфвине I* написано «Но троих товарищей смог он найти, и Оссэ забрал их к себе». *Оссэ* было изменено на *Неорт*, а затем предложение было зачеркнуто и переписано: «Таких лишь троих он нашел, а потом Неорт забрал этих троих к себе, и имена их неведомы». Неорт = Ульмо; см. примечание 39.
- 31 В *Эльфвине A* говорится: «Он замечает на востоке какие-то острова, но сильные ветры уносят его от них. Он с трудом возвращается в Бэлэрион. Он собирает семерых величайших мореплавателей Англии; весной они отправляются в плавание. В результате кораблекрушения они оказываются на островах, к которым стремится Эльфвине, и обнаруживают, что они пустынные и безлюдны и поросли мрачно шепчущимися деревьями». В этом текст отличается от *Эльфвине I* и *Эльфвине II*, где Эльфвине оказывается на острове один, но в том, что у Эльфвине семь спутников, а не трое, он согласуется с *Эльфвине II*.
- 32 Ключ к тому, что это был Ульмо: ср. сказание *Падение Гондолина* (с. 155): «обут он был в огромные каменные башмаки».
- 33 В *Эльфвине A* они «поросли мрачно шепчущимися деревьями» (примечание 31).
- 34 Начиная с момента, где Морской Человек говорит «Знай же, этот остров — один из кольца Неприютных Островов...» (с. 317) и до этого места (т. е. весь эпизод с находкой затонувшего корабля викингов и их капитана Орма, убийцы отца Эльфвине), в *Эльфвине I* нет ничего подобного, а имеется только следующий текст: «но сей Морской Человек помог ему построить маленькое суденышко, и они отправились вместе в путь, ведомые единственным мореплавателем, и приплыли в страну почти неведомую». Сюжет *Эльфвине A* см. в примечании 39.
- 35 Один раз слово *итлинги* (от древнеанглийского *ýð* — «волна») в *Эльфвине I* написано *Ytblingas*, с древнеанглийским окончанием множественного числа.
- 36 *Корабелъщики Запада*: первоначально *энэатрим*.
- 37 *Valiant-timbered*. Ср. перевод отрывка из *Беовульфа* в работе отца «О переводе *Беовульфа*» (*The Monsters and the Critics and Other Essays*, 1983, с. 63): *then away thrust her to voyage gladly valiant-timbered* (стр. 215—216)*.
- 38 Вся часть повествования, описывающая остров итлингов, в *Эльфвине I* дана более коротко (хотя практически теми же словами), при этом в ней отсутствуют некоторые детали, включенные в более поздний текст (особенно рубка деревьев в священной роще Ульмо, а также благословление корабля Морским Человеком). Однако единственное существенное различие в структурах сказаний *Эльфвине II* и *Эльфвине I* состоит в том, что в то время, как в *II* Эльфвине в земле итлингов обнаруживает своих семерых товарищей и отправляется с ними на запад вместе с Биором из итлингов, в *I* его спутники действительно тонут, и он находит себе товарищей из итлингов (Биор среди них не упоминается).

* Ср. перевод стр. 214—216 В. Тихомировым: «упругоребрый... потом отчалил и в путь желанный понес дружину» — *Прим. ред.*

- 39 Вот как в развернутом плане *Эльфвине А* рассказывается история с того момента, как Эльфвине с семерыми спутниками выброшен на остров Морского Человека (в отличие от *Эльфвине I* и *Эльфвине II*, где он оказывается там один):

Они бредут по острову, на который их выбросило, и видят множество гниющих обломков — зачастую останки могучих кораблей, иные из которых нагружены сокровищами. Они находят одинокую хижину у пустынного моря, построенную из старого корабельного леса, где обитает одинокий и странный древний мореход, ужасный на вид. Он сообщает им, что это Неприютные Острова, к чьим зачарованным скалам влекутся все корабли, дабы люди не плавали вглубь Гарседжа [см. примечание 19], и были они созданы во времена Сокрытия Валинора. Здесь, говорит он, деревья волшебные. Они узнают от него много странных вещей о западных землях, и их тяга к приключениям усиливается. Он помогает им срубить священные деревья в рощах острова и построить чудесное судно и показывает, как снабдить его припасами для дальнего путешествия (вода, которая высыхает только тогда, когда дух изменяет, и т. п.). Он благословляет корабль, накладывая чары приключений и открытий, а затем бросается в море с вершины утеса. Они подозревают, что это был Неорт, Владыка Вод.

Они много лет путешествуют среди неизвестных западных островов и часто слышат странные рассказы — о поясе Волшебных Островов, за который почти никому не удалось заплывать; о море, которое не бороздят корабли, где ветер дует почти всегда с Запада; о границе сумерек и иногда видимом вдали острове и о его мерцающей гавани. Они достигают волшебного острова [читай: островов?], и трое из них попадают под воздействие чар и засыпают на берегу.

Остальные тщетно пытаются плыть дальше, но каждый раз, как им удастся продвинуться вперед в сторону запада, ветер меняется и отбрасывает их назад. В конце концов они решают наутро повернуть обратно, если ничего больше не произойдет. Наступает холодное и хмурое утро, и в штиль они напрасно всматриваются вдаль сквозь струи дождя.

Эта история отличается и от *Эльфвине I*, и от *Эльфвине II* тем, что здесь нет никаких упоминаний об итлингах, а Эльфвине и семь его спутников отправляются в свое долгое путешествие на запад с Неприютного Острова, на котором живет старый мореход. Как и в *Эльфвине I*, здесь появляется имя Неорт, а эпизод с рубкой священных деревьев для постройки корабля предвосхищает *Эльфвине II*.

- 40 В *Эльфвине I* Эльфхеах не появляется, а его два высказывания из этого отрывка отданы некоему Гелимеру. Гелимер (Гейламир) — имя короля вандалов, жившего в шестом веке.
- 41 В *Эльфвине I* речь Биора отдана Гелимеру (см. прим. 40).
- 42 *Эльфвине I* заканчивается почти теми же словами, что и *Эльфвине II*, но с одним весьма примечательным отличием: Эльфвине не бросается за борт, а возвращается со своими спутниками в Бэлэрион и, таким образом, никогда не

достигает Тол Эрэссэ! «С тех пор пуст показался мир, населенный людьми, Эльфвине и его мореходам, и после их смерти многие их потомки преисполнились смятения и томления...» Более того, отец явно собирался написать то же самое и в *Эльфвине II*, но остановился, вычеркнул написанное и включил предложение, в котором Эльфвине бросился в море. Я не нахожу этому никакого объяснения.

Эльфвине А заканчивается очень похоже на *Эльфвине II*:

Когда опускается ночь, дует слабый ветерок и облака расходятся. Они поднимают паруса, чтобы плыть в обратный путь, но внезапно далеко на закате они видят сияние Многоцветной Гавани. Они гребут в ту сторону и слышат чудесную музыку. Затем все заволакивается туманом; остальные, ободряя себя, говорят, что это лишь мираж, порожденный голодом, и с тяжелым сердцем собираются плыть обратно, но Эльфвине бросается за борт и плывет в темноту, пока силы не оставляют его в волнах, и ему кажется, что смерть объяла его. Остальные плывут домой и больше не появляются в повествовании.

- 43 Буквально, по его утверждению, следующее: «То (горе) было пережито; это можно также пережить».
- 44 Глубоко лежат корни строк из *Братства Кольца* (I. 2): «Теперь можно было увидеть эльфов..., которые вечерами шли через леса на запад, шли и не возвращались, покидали Средиземье, тревоги которого их уже не заботили». «„Что ж, вольно тебе верить в эти старые сказки,“ — сказал Тед Сэндимэн, когда Сэм Гэмджи заговорил об этом».

Привожу здесь также краткую сводку структурных различий между тремя версиями *Эльфвине из Англии*:

А	I	II
Э. отправляется в плавание из Бэлэриона и видит острова «в стороне рассвета».	Как в «А»	Как в «А», но назван его спутник Эльфхеах.
Э. снова отправляется в плавание с 7 мореходами из Англии. В результате кораблекрушения их выбрасывает на остров Морского Человека, но все выживают.	У Э. только 3 спутника, и он один остается в живых после кораблекрушения.	У Э. 7 спутников, и он оказывается на острове Морского Человека один, полагая, что все они утонули.
Морской Человек помогает им построить корабль, но не плывет с ними.	Морской Человек помогает Э. построить челн и отправляется с ним.	Э. и Морской Человек находят выброшенный на мель корабль викингов и уплывают на нем вместе.

А	I	II
Морской Человек бросается в море с вершины скалы на своем острове.	Они приплывают на остров итлингов. Морской Человек бросается в воду с вершины скалы. Э. находит 7 спутников из числа итлингов.	Как в I, но Э. находит своих 7 спутников из Англии, которые не утонули; к ним присоединяется Бигор из итлингов.
Во время плавания 3 из спутников Э. попадают под воздействие чар на Волшебных Островах.	Как в «А», но в данном случае это итлинги.	Как в «А».
Их уносит от Тол Эрэс-сэа после того, как они увидели остров; Э. бросается за борт, а остальные возвращаются домой.	Их уносит от Тол Эрэс-сэа, и все, включая Э., возвращаются домой.	Как в «А».

Изменения и разночтения имен собственных
в текстах *Эльфвинге* из *Англии*

- Лутизн (Lútbiēn)*. Название страны в I и II; в «А» — *Лутания (Lutbany)* (см. прим. 20).
- Деор (Déor)*. При первом упоминании только в I *Деор* < *Хеорренда (Heorrenda)*, впоследствии везде *Деор*; в «А» — *Деор*.
- Эвадриэн (Evadrien)*. В I < *Эрэнол (Erenol)*. *Эрэнол* = «Железный Утес»; см. I. 277, статья *Эриол*.
- Фородвайт (Forodwaith)*. В II *фородвайт* < *форвайт (Forwaith)* < *гвасгонин (Gwasgonin)*; в I есть *гвасгонин* или *Крылатые Шлемы*; в «А» — *Крылатые Шлемы*.
- Внешняя Земля* < *Внешние Земли* оба раза в II (с. 316—317).
- Эльфхеах (Ælfbeaþ)*. В I есть *Гелимер (Gelimer)* (только при первом упоминании < *Хельгор (Helgor)*).
- Корабельщики Запада (Shipmen of the West)*. В II < *Энеатрим (Eneatbrim)*.

П Р И Л О Ж Е Н И Е

ИМЕНА И НАЗВАНИЯ В УТРАЧЕННЫХ СКАЗАНИЯХ

ЧАСТЬ II

Это приложение является не более чем дополнением к приложению первого тома. Здесь нет статей касательно имен и названий из первого тома, уже рассмотренных там, таких, как *Мэлько*, *Валиноф* и т. п. Но если, как это часто случается, этимологическая информация какой-либо статьи в первом томе относится и к некоему другому слову, это указывается особо, например, «*Гилим* (Gilim). См. I. 262 (*Мэлько*)».

Лингвистическая информация из «Списка имен», прилагающегося к *Падению Гондолина* (см. с. 148), включенная в эти заметки, обозначается аббревиатурой «СПГ». «ГС» и «КС» обозначают «Гномский словарь» и «Квэнийский словарь» (см. I. 246 и далее). Термин *квэнья* (*Qenya*), принятый в обоих томах, относится исключительно к языку Тол Эрэссэа. Больше он нигде не появляется в ранних произведениях, где «гномскому» языку противопоставляется «эльфийский», он же «язык эльдарисса» или «язык эльдар».

Алкварамэ (Alqarámë). Относительно первого элемента — квэнийского *алква* (*alqa*) «лебедеь» — см. I. 249 (*Алквалунтэ*). Производные от корня РАХА (RAHA) в КС — *ра* (*rā*) «рука», *ракта* (*rakta*) «вытягивать, тянуться», *рама* (*rāta*) «крыло», *рамавойтэ* (*rātaivoitë*) «крылатый, имеющий крылья». В ГС есть слово *рам* (*ram*) «крыло», и указано, что квэнийское *рама* есть смешение этого слова и слова *рома* (*rōta*) «плечо».

Амон Гварэт (Amon Gwareth). В статье АМ(У) (АМ(U)) «(в)верх» в КС встречаются слова *аму* (*amu*) «(в)верх», *аму-* (*amu-*) «поднимать», *амунтэ* (*amuntë*) «восход солнца», *амун(д)* (*amun(d)*) «холм». ГС дает *ам* (*am*) «(в)верх», *амон* (*amon*) «холм, гора», а также наречие «в гору».

В ГС это название выглядит как *Амон 'Варэт* (Amon 'Wareth) «Холм Стражи», также там есть слово *гварэт* (*gwareth*) «стража, дозор» от корня гвар- (*gwar-*) «смотреть, стеречь», который есть в имени *Тинфанга Треля* (*Гварбилин* (*Gwarbilin*), «Птичий Страж», I. 270.) См. *Гламхот*, *Гварэстфин*.

Ангородин (Angorodin). См. I. 249 (*Ангаманди*) и I. 256 (*Калорфэ*).

Арлисгион (Arlisgion). ГС дает форму *Гарлисгион* (*Garlisgion*) (см. I. 267 (*Сирион*)), так же, как и СПГ, где есть статья: «*Гарлисгион* звали мы, говорит Эльфрит, Тростниковую Страну, так это переводится»; и *лисг* (*lisg*) значит камыш (*лискэ* (*liskë*)). В ГС есть слова *лисг*, *лиск* (*lisg*, *lisc*) «тростник, осока», а в КС — *лискэ* с таким же значением. Касательно *гар* (*gar*) см. I. 254 (*Дор Файдвэн*).

Артанор (Artanor). В ГС есть слова *атфра* (*athra*) «через, поперек», *атфрон* (*athron*) — наречие «за, далее», *атфрод* (*athrod*) «переправа, брод» (позже изменено на *адр(а)*, *адрон*, *адрос* (*adr(a)*, *adron*, *adros*)). С *атфра*, *адр(а)* со-

поставлено квэнийское *арта* (*arta*). Ср. также с названием *Дор Амро* (*Dor Athro*) (с. 41). Очевидно, что *Артанор* и *Дор Амро* означают «Запредельная Земля». Ср. *Сарнатфод*.

Асгон (*Asgon*). Статья из СПГ гласит: «*Асгон* — озеро в «Земле Теней», Дор Ломин, эльфы называют его *Аксан* (*Aksan*)».

Аусир (*Ausir*). ГС дает слова *авос* (*avos*) «удача, богатство, процветание», *авосир*, *Аусир* (*avosir*, *Ausir*) «то же самое (но персонифицированное)»; также *аусин* (*ausin*) «богатый», *аус(с)айт* (*aus(s)ait*) или *авосайт* (*avosait*) «алчность». В статье АВА (*AWA*) в КС есть *аутэ* (*autē*) «процветание, богатство; богатый», *аусиэ* (*ausiē*) «богатство».

Баблон (*Bablon*). См. с. 214.

Бад Утвэн (*Bad Uthwen*). Гномское *утвэн* (*uthwen*) «путь вовне, выход, побег», см. I. 254 (*Дор Файдвэн*). Статья из СПГ гласит: «*Бад Утвэн* [первоначальный вариант *Усвэн* (*Uswen*)] означает всего лишь „путь избавления“, а на языке эльдарисса — *Усвэвандэ* (*Uswewandē*)». Касательно *вандэ* (*vandē*) см. I. 257 (*Квалланда*).

Балкмэг (*Balcmeq*). В СПГ сказано, что Балкмэг «был великим воином среди *орклим* (*Orclim*) (или *оркви* (*Orqui*), как эльфы их называют), павшим от топора Туора — это имя значит „Сердце Зла“». (Касательно *-лим* (*-lim*) в *орклим* см. *Гондомлим*.) В статье *Балрог* в СПГ сказано: «*Бал* (*bal*) означает „злоба“, а *балк* (*balc*) — „злой“, а *балрог* (*balrog*) значит „злой демон“». В ГС есть слово *балк* (*balc*) «безжалостный»: см. I. 250 (*Балрог*).

Бансиль (*Bansil*). Статью из СПГ, где это имя переводится как «Ясный блеск» (*Fair-gleam*), см. на с. 214; а касательно составляющих этого имени см. I. 252 (*Вана*) и I. 266 (*Силь*).

бо- (*bo-*). Позднейшая статья в ГС: «*бо* (*bon*) (*bo* (*bon*)) (ср. с квэнийским *во*, *вондо* (*vō*, *vondo*) «сын») употребляется как патронимическая приставка, *бо-*, *бон-* „сын такого-то“. В пример приводится имя *Туор бо-Бэлэг* (*Tuor bo-Beleg*). Также есть слово *бор* (*bōr*) «потомок». См. *го-*, *Индорион*.

Бодруит (*Bodruith*). В связи с *бод-* (*bod-*) «назад, вновь» в ГС упоминаются слова *бодруит* (*bodruith*) «месть», *бодруитол* (*bodruithol*) «мстительный (по натуре)», *бодруитог* (*bodruithog*) «жаждущий мести», но эти слова впоследствии вычеркнуты. Также есть *груит* (*gruith*) «ужасное деяние, насилие, месть». Может быть, предполагалось, что Бодруит, владыка Бэлэгоста, получил это имя после событий, описанных в *Сказании о Науглаффринге*.

Бэлаурин (*Belaurin*). См. I. 265 (*Палуриэн*).

Бэльха (*Belcha*). См. I. 262 (*Мэлько*). В СПГ есть следующая статья: «*Бэльха* (*Belca*): хотя здесь [т. е. в Сказании] в подавляющем большинстве случаев Бронвэг использует эльфийские имена, так в старину звали того злого айну».

Бэлэг (*Beleg*). См. I. 275 (*Халойси Вэликэ*).

Бэлэгост (*Belegost*). Касательно первого элемента см. *Бэлэг*. ГС дает *ост* (*ost*) «огороженное пространство, подворье, город», *осс* (*oss*) «внешняя стена,

городская стена», *оста-* (*osta-*) «окружать стенами, укреплять», *остор* (*ostor*) «огороженное место, круговая стена». В КС в статье ОСО (*oso*) есть *ос(т)* (*os(t)*) «дом, домик», *оста* (*osta*) «усадебная», *остар* (*ostar*) «поселение, городок», *осса* (*ossa*) «укрепления (стена и ров)».

Валар (Valar). Статья из СПГ гласит: «*Банин* (*Banin*) [начальный вариант — *банион* (*Banion*)] или *бандрим* (*Bandrim*) [начальный вариант — *банлим* (*Banlim*)]». Ныне они живут, как говорят нолдоли, в *Гвалиэн* (*Gwalien*) [начальный вариант — *Баниэн* (*Banien*)], но Эльфрит и другие называют их эльфийскими именами, и зовут их *валар* (*Valar*) или *вали* (*Vali*), а тот чудный край, где они живут, — *Валинор* (*Valinor*)». См. I. 251 (*Валар*).

Галдор (Galdor). Статью из СПГ касательно Галдора см. на с. 215; первоначально написанное слово *галдон* (*galdon*) означало «дерево», а народ Галдора назывался *Нос Галдон* (*Nos Galdon*). В ГС слова *галдон* нет. Впоследствии *галдон* > *алвэн* (*alwen*), и *алвэн* упоминается в ГС как слово поэтической речи: *алвэн* «= *орн* (*orn*)». Ср. с квэнийским *алда* (*alda*) «дерево» (см. I. 249 (*Алдарон*)) и с позднейшей параллелью квэнийского *алда* с синдаринским *галад* (*galadh*).

Гар Турион (Gar Thurion). В СПГ приводится более ранняя форма *Гар Фурион* (*Gar Furion*) (с. 202), а в ГС есть слова *фури*, *фурион* (*furn, furion*) «секретный, скрытый», также *фур* (*fûr*) «ложь» (квэнийское *фуру* (*furu*)) и *фур-* (*fur-*) «скрывать; лгать». В КС приводятся слова *фури* (*furin*) и *хури* (*hurin*) «скрытый, спрятанный» (корень ФУРУ (*FURU*) или ХУРУ (*HURU*)). С *Турион* (*Thurion*) ср. *Турингвэтиль* (*Thuringwethil*) — «Женщина Тайной Тени» и *Турин* (*Thurin*) — «Тайна», имя, которое Финдуилас дала Турину (*Túrin*) (*Неоконченные Сказания*, с. 157, 159).

Гвар (Gwar). См. I. 257 (*Кор, корин*).

Гварэстрин (Gwarestrin). В Сказании (с. 158) переводится как «Башня Стражи», то же самое в СПГ; ГС интерпретирует это слово как «сторожевая башня (особенно в качестве имени Гондолина)». Поздняя статья в ГС содержит слова *эстири*, *эстирион*, *эстри* (*estirin, estirion, estrin*) «остроконечная башенка» вместе с *эск* (*esc*) «острый кончик, острый край». Второй элемент этого слова — *тири(о)н* (*tiri(o)n*); см. I. 258 (*Кортирион*). Касательно *гвар* (*gwar*) см. *Амон Гварэт*.

Гвэдэлинг (Gwedheling). См. I. 253 (*Вэндэлин*).

Гилим (Gilim). См. I. 262 (*Мэлько*).

Гиль (Gil). См. I. 256 (*Ингиль*).

Гимли (Gimli). В ГС есть слово *гимли* (*gimli*) «слух (одно из чувств)», наряду с *гим-* (*git-*) «слышать», *гимриол* (*gimriol*) «внимательный» (изменено на «слышимый»), *гимфи* (*gimri*) «напряжение слуха, внимание». Относительно Гимли, пленного гнома в темницах Тэвильдо, сказано, что «мир не знал слуха острее, чем у него» (с. 29).

Гламхот (Glamhoth). В ГС определяется как «имя, которое голдотрим (*Goldothrim*) дали оркин (*Orcin*): „Племя Страшной Ненависти“». (Ср. «народ страшной ненависти», с. 160). Касательно *голдотрим* (*Goldothrim*) см. I. 263 (*Нолдоли*). Первый элемент слова — *глам* (*glām*) «ненависть, отвращение»; слова того же корня — *гламри* (*glamri*) «жестокая вражда», *гламог* (*glamog*) «отвратительный, противный». Статья в СПГ гласит: «*Глам* (*Glam*) означает „свирепая ненависть“, и как и слово *Гвар* (*Gwar*) не имеет родственных слов в языке эльдар».

Хом (*both*) «народ» см. I. 265 (*оркхот* (*orchboth*) в статье *Орк*), и ср. с *голдотрим*, *гондотлим*, *румхот*, *торнхот* (*Goldothrim*, *Gondothlim*, *Rûmboth*, *Thornboth*). В гнезде ХОСО (НОСО) КС приводит слова *хос* (*bos*) «народ», *хоссэ* (*bossë*) «армия, войско, отряд», *хостар* (*hostar*) «племя», *хорма* (*borma*) «орда, воинство»; также *санкосси* (*Sankossi*) «гоблины», эквивалент гномского *гламхот*, явственно произведенное от *санкэ* (*sankë*) «злобный» (корень *СНҚН* (*SNKN*)* «рвать, терзать») и *хоссэ* (*bossë*).

Глингол (Glingol). Статью из СПГ, где это имя переводится как «поющее золото», см. на с. 215; также см. I. 259 (*Линдэлос*). Второй элемент в этом слове — *кулу* (*culu*) «золото», о котором см. I. 255 (*Ильсалунтэ*). Другая статья из СПГ гласит: «*Кулу* (*Culu*) или *Кулон* (*Culon*) — поэтическое название для *Глор* (*Glor*) (и Румиль говорит, что по-эльфийски оно будет *Кулу* (*Kulu*), и -гол (-*gol*) в нашем слове *Глингол*)».

Глорунд (Glorund). *Глор* (*glor*) см. I. 259 (*Лаурэлин*) и *Глорфалк*. В ГС представлено слово *Глорунн* (*Glorunn*) «великий дракон, убитый Турумартom». В КС не появляется ни одна из квэнийских форм этого имени — *Лаурундо*, *Ундолаурэ* (*Laurundo*, *Undolaurë*) (с. 84), но дается раннее имя «великого змея», *Фэнтор* (*Fentor*), наряду со словами *фэнт* (*fent*) «змея», *фэнутэ* (*fenutë*) «дракон». Первоначально эта статья гласила: «великий змей, убитый Ингильмо (*Ingilmo*)», и приписано — «или Турамбаром».

Глорфалк (Glorfalc). Касательно *глор* (*glor*) см. I. 259 (*Лаурэлин*). В СПГ есть статья: «*Глор* значит золото, и это то же поэтическое слово, которое на Кор-эльдарском будет *лаурэ* (*laurë*) (так говорит Румиль)».

Фалк (*falc*) в ГС переводится как «(1) разрез, порез; (2) ущелье, расселина, крутой обрыв» (там же приводится слово *фалкон* (*falcon*) «большой двуручный меч, двулезвийная секира», позже измененное на *фалхон* (*falcon*), что похоже на английское *falchion* «слегка изогнутый широкий меч, расширяющийся на конце»). В СПГ сказано: «*Фалк* (*Falc*) значит ущелье, так же как *крис* (*Cris*); на эльфийском — *фалква* (*Falqa*)». В статье *ФЛҚЛ* (*FLKL*) в КС содержатся слова *фалква* (*falqa*) «ущелье, горный проход, лощина» и *фалкван* (*falqan*) «большой меч». В ГС есть статья *Глорфалк*: «огромное ущелье, ведущее из Гариота». Топоним *Гариот* (*Garioth*) здесь употреблен

* Точка под буквой здесь и далее в Приложении означает слоговой согласный звук, который, находясь в окружении нескольких согласных, может принимать на себя роль вершины слога, например в чешск. *vlk*, англ. *little*, русск. просторечн. «рубель», где перд [l] даже развивается безударный гласный. — *Прим. ред.*

по отношению к *Хисиломэ* (*Hisilomē*); см. I. 277 (*Эруман*). Ср. позднейшее *Орфалх Эхор* (*Orfalch Echor*).

Глорфиндэль (*Glorfindel*). В статье из СПГ это имя переводится как «Златой локон», см. с. 215. Касательно *глор* (*glor*) см. I. 259 (*Лауфэлин*) и *Глорфалк*. В ГС есть слова *финдэль* (*findel*) «локон», *фит* (*фидин*) (*fith* (*fidbin*)) «волос», *фидра* (*fidbra*) «волосатый», но слово *финдэль* было вычеркнуто. Позднейшие варианты — *финн* (*finn*) «локон» (см. *фин-* (*fin-*) в Приложении к *Сильмариллиону*) и *фингл* (*fingl*) или *финниль* (*finnil*) «коса». СПГ: «*Финдэль* (*findel*) значит „коса, прядь“, а на эльфийском — *финдил* (*Findil*)». В гнезде ФИРИ (FIRI) в КС представлены слова *финдл* (*findl*) «локон» и *фирин* (*firin*) «луч солнца».

В другом месте в ГС имя *Глорфиндэль* переводится как «Златые кудри», но позднее оно заменено на *Глорфинн* (*Glorfinn*), вариант — *Глорфингл* (*Glorfingl*).

Глэнд (*Glend*). Возможно, связано с гномским *глэнн* (*glenn*) «тонкий, изящный», *глэндрин* (*glendrin*) «стройный», *глэндриниос* (*glendrinios*) «стройность, изящество», *глэнт*, *глэнтвэт* (*glent*, *glentweth*) «тонкость»; квэнийский корень ЛЭНЭ (LENE) «длинный», значение которого развивалось сразу в нескольких направлениях — «медленный, долгий, тянущийся» и «тонкий, узкий»: *лэнка* (*lenka*) «медленный», *лэнва* (*lenwa*) «длинный и тонкий, прямой, узкий», *лэну-* (*lenu-*) «растягивать(ся)», и т. д.

го- (*go-*). Первоначальная статья в ГС, которая позже была вычеркнута, гласит: *гон-*, *го-* (*gon-*, *go-*) «сын такого-то, патронимическая приставка (ср. суффикс *иос/ион/ио* (*ios/ion/io*) и квэнийское *йо, йондо* (*yó, yondo*))». Результат изменений см. в статье *бо-*. См. *Индорион*.

Голосбринди (*Golosbrindi*). (Это имя предшествовало имени *Хирилорн* и переводилось в тексте (см. с. 51) как «Королева Леса».) Слово *голот* (*goloth*) «лес» встречается в ГС как производное от **зволот* (**gwōloth*), которое само по себе является составным: из *алот* (*алос*) (*aloth* (*alos*)), использовавшегося в поэзии слова со значением «лес» (= *таур* (*taur*)), и префикса **нгуа* (**ngua*) > *гва* (*gwa*), неакцентированный вариант *го* (*go*), «вместе, воедино», «часто используемого в качестве усилительного».

Указан и квэнийский эквивалент — *малос* (*málos*), который в КС отсутствует.

Гон Индор (*Gon Indor*). См. *го-*, *Индорион*.

Гондобар (*Gondobar*). См. *Гондолин*, касательно *-бар* (*-bar*) см. I. 276 (*Эльдамар*). В ГС форма *Гондобар* позже была заменена на *Гонтобар* (*Gonthobar*).

Гондолин (*Gondolin*). К статье, которая приводится в I. 254, можно добавить статью из СПГ: «*Гонд* (*gond*) значит камень (валун), или камень как материал, на эльфийском это будет *он* (*on*) и *ондо* (*ondo*)». Перевод слова *Гондолин* как «камень-песня» см. в СПГ на с. 215; самый поздний вариант этимологии слова *Гондолин* приводится в Приложении к *Сильмариллиону*, статья *гонд* (*gond*).

Гондотлим (Gondothlim). В ГС приводится следующая статья касательно слова *лим (lim)* «много», квэнийское *лимбэ (limbe)* (отсутствует в КС): «часто прибавляется в конце слова, играет роль второго аффикса множественного числа. Когда этот аффикс добавляется к единственному числу, то придает ему значение множественности, например, *голда-лим (golda-lim)*. Однако чаще всего прибавляется к формам множественного числа существительных, которые образуют множественное число с помощью *-m (-th)*. После *-л (-l)* меняется на «*рим (rim)*». Отсюда происходит путаница между словами *grim (grim)* «войско» и *тлим (thlim)* «народ», как в *голдотрим* — «народ гномов». В СПГ говорится: «*Гондотлим* означает „народ камня“ и (как говорит Румиль) происходит от *Гонд (Gond)* „камень“, к которому добавляется *Хот (Hotb)* „народ“, а *-лим (-lim)* мы, гномы, добавляем в конец, чтобы обозначить „множество“». Ср. *лотлим*, *родотлим* и *орклим* в статье *Балкмэг*; касательно *хот (botb)* см. *Гламхот*.

Гондотлимбар (Gondothlimbar). См. *Гондолин*, *Гондотлим*, касательно *-бар (-bar)* см. I. 276 (*Эльдамар*). В ГС форма *Гондотлимбар* позднее заменена на «*Гонтофлимар (Gonthoflimar)* или *Гоннотлимар (Gonnothlimar)*».

Готмог (Gothmog). См. с. 67, 215 и I. 258 (*Косомот*). В ГС есть корень *мог- (mog-)* «питать отвращение, ненавидеть», *могри (togri)* «отвращение», *могрин (mogrin)* «ненавистный, отвратительный»; квэнийский корень МОКО (МОКО) «ненависть». В добавление к *гот (gotb)* «война, распря» (квэнийский корень КОСО (KOSO) «бороться, воевать») можно указать слова *готвэн (gothwen)* «битва», *готвэг (gothweg)* «воин», *готвин (gothwin)* «воительница, амазонка», *готбриол (gothbriol)* «воинственный, военный», *готфэнг (gothfeng)* «боевая стрела», *готвильм (gothwilm)* «перемирие».

Гуртолфин (Gurtholfin). ГС: *Гуртолфин* «Урдолвэн (Urdolwen), меч Турамбара, Жезл Смерти». Также приводится слово *гурту (gurtbu)* «смерть» (квэнийское *урду (urdu)*; в КС отсутствует). Второй элемент этого имени — *олфин(г) (olfin(g))* (также *олф (olf)*) «ветвь, жезл, палка» (квэнийское *олвэн(н) (olwenn)*).

Можно заметить, что в КС меч Турамбара называется *Сангахьяндо (Sangabyando)* «рассекатель толп», от корней САНГА (SANGA) «толпиться, набиваться» (*санга (sanga)* «толпа») и ХЬЯРА (HYARA) «пробиваться сквозь» (*хьяр (byar)* «плуг», *хьянда (byanda)* «лезвие, лемех»). *Сангахьяндо* «Рассекающий толпы» сохранилось в качестве имени человека из Гондора (см. Приложение к *Сильмариллиону*, статья *танг (thang)*).

Дайрон (Dairon). В ГС встречается это имя, но без объяснения этимологии: «*Дайрон* флейтист (на квэнья *Сайрон (Sairon)*)». См. *Мар Ванва Тьялиэва* ниже.

Данигвизль (Danigwiel). В ГС гномская форма этого слова дана как *Данигвэ-тиль (Danigwethil)*; см. I. 268 (*Таниквэтиль*). В СПГ есть следующая статья: «*Данигвэтиль* — это гномское название для *Таниквэтиль (Taniquetil)*; но в сказаниях чаще встречается эльфийское имя этой горы».

Дор Атро (Dor Athro). См. *Артанор*, *Сарнатрод*.

Дор-на-Дайдэлот (Dor-na-Dhaideloth). Гномское *дай* (*dai*) «небо» см. I. 271 (*Тэ-лимэктаф*), а касательно *тэлот* «покрытие, навес» см. I. 272 (*Тэлэфи*). Ср. *Крис Ильбрантэлот*.

Драмборлэг (Dramborleg). В СПГ есть следующая статья: «*Драмборлэг* (еще его называют *Драмбор* (*Drambor*)) в полной форме переводится как „Бьющий-острый“, и это имя топора Туора, который мог и бить тяжело, как дубина, и рассекать, как меч; эльдар звали его *Тафамбор* (*Tarabbor*) или *Тафамболайка* (*Tarambolaika*)». КС дает слова *Тафамбор*, *Тафамболайкэ* (*Tarabbor*, *Tarambolaike*) «топор Туора» в гнезде ТАРА, ТАРАМА (TARA, TARAMA) «бить, ударять, колотить» наряду со словами *тафан*, *тафамбо* (*taran*, *tarambo*) «удар» и *тафу* (*taru*) «рог» (последнее включено в эту группу под знаком вопроса: см. *Тафуиторн*). В ГС нет гномских эквивалентов.

Второй элемент слова — гномское *лэг* (*leg*, *lêg*) «острый, пронзающий», квэнийское *лайка* (*laika*); ср. *Лэголаст* (*Legolast*) — «островзор», I. 268 (*Тафи-Лайси*).

(бо-)Дравтодаврос ((bo-)Dhrauthodavros). «(Сын) усталого леса». Гномские слова — *драут* (*drauth*) «усталый, утомленный», *драутос* (*drauthos*) «тяжелый труд, усталость», *драута-* (*drautha-*) «быть усталым»; касательно элемента *таврос* (*tavros*) см. I. 268 (*Тавару*).

Дуилин (Duilin). В СПГ есть следующая статья: «*Дуилин*, чье имя означает «Ласточка», был вождем того дома гондолтим, чьим знаком была ласточка, и был он самым метким из стрелков эльдалиэ, но погиб при падении Гондолина. Теперь имена тех героев произносятся на языке нолдорисса, ибо они были из гномов, но это имя на языке эльдарисса звучало бы как *Туилиндо* (*Tuilindo*), а народ его дома (который гномы называли *Нос Дуилин* (*Nos Duilin*)) звался бы *Носсэ Туилинда* (*Nossë Tuilinda*)». *Туилиндо* «(певец весны), ласточка» присутствует в КС, см. I. 270 (*Туилэрэ*). В ГС есть слово *дуилин(г)* (*duilin(g)*) «ласточка» наряду с *дуиль*, *дуилир* (*duil*, *duilir*) «весна», но два последних слова позже были вычеркнуты, и в другой части книги появились *туиль*, *туилир* (*tuil*, *tuilir*) «весна» (см. I. 270).

Касательно *носсэ* «род, народ» см. I. 251 (*Ваинор*). В ГС нет слова *нос* с таким значением, но есть *носта-* (*nosta-*) «рождаться», *ност* (*nost*) «рождение; кровь, высокое происхождение; день рождения» и *носс* (*noss*) (позднее заменено на *нос* (*nôs*)) «день рождения». Ср. *Ност-на-Лотион* «Рождение Цветов», *Нос Галдон*, *Нос нан Алвэн*.

Иварэ (Ívargë). ГС содержит имя *Иор* (*Ior*) — «прославленный „флейтист моря“, на квэнья *Иварэ*».

Ивэрин (Íverin). В поздней статье в ГС фигурирует *Айврин* (*Aivrin*) или *Айвриэн* (*Aivrien*) — «остров за западным побережьем Тол Эрэссэа, на квэнья — *Ивэрин* (*Iwerin*) или *Ивэриндор* (*Iverindor*)». В КС есть слово *Ивэринд* (*Íverind*) — «Ирландия».

Идриль (Idril). Касательно гномского *идриль* (*idril*) «возлюбленная» см. *Куман-Идрисайт*. В ГС есть и другая статья: *Идриль* (*Idbril*) «женское имя, ко-

торое часто путают с *Идриль* (*Idril*). *Idril* = „возлюбленная“, а *Idbril* = „смертная дева“. Оба этих имени носила дочь Тургона: по-видимому, *Идриль* (*Idril*) было ее первое имя, и Кор-эльдар назвали ее *Ирильдэ* (*Irildë*) (= *Идриль* (*Idbril*)), так как она вышла замуж за Туора». В другом месте в ГС фигурирует слово *идрин* (*idbrin*) — «люди, жители земли; чаще всего употребляется как название народа в противопоставление *эглат* (*Eglath*) и т. д.; ср. квэнийское *инди* (*indi*)», и *Идру*, *Идрубар* (*Idbru*, *Idbrubar*) — «мир, все края, населенные людьми; ср. квэнийское *ирмин* (*irmin*)». В КС слова *инди* и *ирмин* принадлежат к гнезду ИРИ (*IRI*) «жить, обитать?» наряду с *ирин* (*irin*) «город», *индо* (*indo*) «дом», *индор* (*indor*) «хозяин дома» (см. *Индор*) и т. д.; но слова *Ирильдэ* там нет. Похожие слова есть в гномском: *инд*, *индос* (*ind*, *indos*) «дом, чертог», *индор* (*indor*) «хозяин (дома), господин».

В конце статьи *Идриль* (*Idril*) в СПГ, которая цитировалась на с. 216, добавлено следующее замечание: «и имя ее означает „Возлюбленная“, но чаще эльфы называют ее *Идриль* (*Idbril*), что ближе к *Ирильдэ* (*Irildë*), и значит это „смертная дева“, так, верно, указывает это имя на ее брак с Туором, сыном людей». Отдельная приписка (сделанная на странице *Сказания о Науглаффринге*) гласит: «Заменить имя *Идриль* (*Idril*) на *Идриль* (*Idbril*). Два имени перепутали: *Идриль* (*Idril*) — „возлюбленная“, *Идриль* (*Idbril*) — „смертная дева“. Эльфы думали, что это ее имя, и звали ее *Ирильдэ* (*Irildë*) (так как она была замужем за Туором Пэлэктоном (*Tuor Pelecthon*))».

Илуватар (*Ilúvatar*). Здесь можно процитировать статью из СПГ: «*Эн* (*En*) в сокровенных поучениях нолдоли также зовется *Илатон* (*Ilathon*) [первый вариант — *Ад Илон* (*Ád Ilon*)], и это есть *Илуватар* — на языке эльдар же он зовется *Эну* (*Enu*)». В КС есть имя *Эну* (*Enu*) — Всемогущий Творец, живущий за пределами мира. Касательно имени *Илатон* см. I. 255 (*Ильвэ*).

Ильбрантэлот (*Ilbranteloth*). См. *Крис Ильбрантэлот*.

Ильфиниол, Ильфрит (*Ilfiniol*, *Ilfrith*). См. I. 255 (*Ильвэрин*).

Индор (*Indor*). (Отец Пэлэга, отца Туора). Скорее всего, здесь слово *индор* (*indor*) «хозяин (дома), господин» (см. *Идриль*) используется в качестве имени собственного.

Индорион (*Indorion*). См. 20-. КС определяет *йо*, *йонд*- (*yó*, *yond*-) как слово «сын» поэтического лексикона, добавляя: «но очень часто встречается в отчествах (и фактически означает „потомок“) в форме *-ион* (*-ion*)»; также *йондо* (*yondo*) — «потомок мужского рода, обычно внук или правнук» (ср. имя Эарэндэля Гон *Индор* (*Gon Indor*)). Ср. *Эарэндильон*.

Индрафанг (*Indrafang*). В ГС *индра* (*indra*) «длинный (также и протяженный во времени)», *индралуин* (*indraluin*) «давным-давно», также *индраванг* (*indravang*) «особое название *науглат* или карлов», о котором см. с. 247. Позже эти формы изменились в *ин(д)ра*, *ин(д)рафанг*, *ин(д)ралуин*/*идралуин* (*in(d)ra*, *in(d)rafang*, *in(d)raluin*/*idbraluin*).

Первоначально в ГС была статья относительно *банг* (*bang*) «борода» = квэнийское *ванга* (*vanga*), но она была вычеркнута. Раннее слово с тем же значением, что и *индраванг* (*Indravang*), было *бангасур* (*Bangasur*), но изме-

нилось в *фангасур* (*Fangasur*). Второй элемент этого слова — *сур* (*súr*) «длинный, свисающий», квэнийское *со́ра* (*sóra*), а позднейшее добавление к этой статье — *сурфанг* (*Surfang*) «один из долгобородых, *наугла* или *инфрафанг* (*infrafang*)». Ср. *Фанглуин* и позднейшее *Фангорн* «Древобород».

Ирильдэ (*Irildë*). См. *Идриль*.

Исфин (*Isfin*). Статья из СПГ гласит: «*Исфин* была сестрой Тургона, владыки Гондолина, на ней в конце концов женился Эол; это имя означает или „снежные локоны“, или „безмерно хитрая“». Через большой промежуток времени мой отец, указав, что имя *Исфин* происходит из «самого раннего (1916) варианта *Падения Гондолина*», заявил, что это имя «бессмысленно»; но со вторым его элементом можно сопоставить *финн* (*finn*) «локон» (см. *Глорфундэль*) или *фим* (*fit*) «искусный», *финти* (*finthi*) «идея, замысел» и т. д. (см. I. 274 (*Финвэ*)).

Каркарас (*Karkaras*). В ГС эта форма приведена как квэнийская; гномское имя «великого волка, стража врат Бэ́лька» было *Кар́калот* (*Carcaloth*) или *Кар́камот* (*Carcamoth*), после изменений — *Кар́халот*, *Кар́хамот* (*Carchaloth*, *Carchamoth*). Первый элемент слова — *карк* (*carc*) «острый выступ, острие, клык»; в КС в гнезде КРКР (KṚKṚ) представлены слова *кар́ка* (*karka*) «клык, зуб, бивень», *кар́кассэ*, *кар́карас* (*karkassë*, *karkaras*) «ряд острых выступов или зубов».

Копас Алквалунтэн (*Cópas Alqaluntën*). См. I. 257 (*Копас*) и I. 249 (*Алквалунтэ*).

Космоко (*Kosmoko*). См. *Готмог*.

Крис Ильбрантэлот (*Cris Ilbranteloth*). В ГС есть следующая группа слов: *кри́ск* (*crisc*) «острый», *кри́сс* (*criss*) «расселина, разрез, овраг», *кри́ст* (*crist*) «нож», *кри́ста-* (*crista-*) «разрезать, резать, рассекать»; СПГ: «*Крис* (*cris*) означает то же, что *фалк* (*falc*), ущелье, расселину, или узкое русло, где вода бежит меж высоких стен». В КС в гнезде КИРИ (KIRI) «резать, раскалывать» есть слова *ки́рис* (*kiris*) «расселина, трещина» и другие.

Касательно *ильбрант* (*ilbrant*) «радуга» см. I. 255 (*Ильвэран*). Последний элемент, *тэлот* (*teloth*) «покрытие, навес» см. I. 272 (*Тэлэри*).

Кристорн (*Cristhorn*). Касательно *крис* см. *Крис Ильбрантэлот*, а относительно *торн* см. I. 267 (*Соронтур*). В СПГ есть статья: «*Крис Торн* (*Cris Thorn*) значит Орлиная Расселина или *Сорнэкирис* (*Sornekiris*)».

Куильвартон (*Cuilwarthon*). Касательно *куиль* (*cuil*) см. I. 257 (*Койвиэ-нэни*). Второй элемент нигде не объясняется.

Кум ан-Идрисайт (*Cûm an-Idrisaith*). Касательно *кум* (*cûm*) «курган» см. I. 258 (*Кум а Гумлайт*). Слово *идрисайт* так определяется в ГС: «ср. с *авосайт* (*avosaith*), которое, однако, означает „алчность, жадность к деньгам“, а *идрисайт* значит „чрезмерная любовь к золоту, самоцветам и дорогим и красивым вещам в целом“» (касательно *авосайт* (*avosaith*) см. *Аусур*). Родственные слова — *идра* (*idra*) «дорогой, драгоценный», *идра* (*idra*) «дорожить, ценить», *идри* (*idri*, *id*) «сокровище, нечто драгоценное», *идрилль* (*idril*) «возлюбленный (ая)» (см. *Идриль*).

Куруки (Kurúki). См. I. 270 (*Толли Курувар*).

Куруфин (Curufin). Предположительно включает элемент *куру (curi)* «волшебный»; см. I. 270 (*Толли Курувар*).

Ладвэн-на-Дайдэлот (Ladwen-na-Dhaideloth). «Пустошь Небесного Свода». См. *Дор-на-Дайдэлот*. В ГС есть следующие значения слова *ладвэн (ladwen)*: «(1) горизонтальная поверхность, плоская поверхность; (2) равнина; (3) плоскость; (4) поверхность». Родственные слова: *ладин (ladin)* «ровный, гладкий; уравновешенный, спокойный» (ср. *Тумладин*), *лад (lad)* «горизонтальная поверхность» (ср. *маблад (tablad)* «ладонь», упомянутое в статье *Эрмабвэд*), *лада- (lada-)* «гладить, разглаживать, успокаивать, отвлекать», *ладвиниос (ladwinios)* «справедливость». Также приводятся слова *бладвэн (bladwen)* «равнина» (см. I. 265 (*Палуриэн*)) и *фладвэн (fladwen)* «луг» (наряду с *флад (flad)* «лужайка» и *Фладвэт Амрод (Амроз) (Fladweth Amrod (Amrog))* «Луг Скитальца», «место на Тол *Эрэтрин (Tol Erethrin)*, где Эриол жил некоторое время; неподалеку от Тавробэля». *Амроз*, *амрод* = «странник», «странствие», от *амра- (amra-)* «подниматься и спускаться, жить в горах, странствовать»; см. *Амон Гварэт*).

Лайквалассэ (Laiqalassë). См. I. 268 (*Гаф-лайси*), I. 253 (*Гаф Лоссион*).

Лаурундо (Laurundo). См. *Глорунд*.

Линвэ Тинто (Linwë Tinto). См. I. 269 (*Тинвэ Линто*).

Линдэллектэ (Lindeloktë). См. I. 259 (*Линдэлос*).

Локэ (Lókë). См. *Фоалокэ*.

Лос (Lôs). См. I. 253 (*Гаф Лоссион*). Более поздняя форма *лот (loth)* не встречается в ГС (в котором, однако, есть слово *лотвинг (lothwîng)* «пенный цветок»). В СПГ мы находим: «*Лос (lôs)* значит цветок, и на эльдариссе *лоссэ (lossë)* означает „роза“ (после слова «цветок» всё вычеркнуто).

Лос 'лориол (Los 'lóriol). (Первоначальный вариант — *Лос Глориол (Los Glóriol)*; Золотой Цветок Гондолина.). См. I. 253 (*Гаф Лоссион*), касательно *глоориол (glóriol)* «золотой» см. I. 259 (*Лаурэлин*).

Лосэнгриол (Lósengriol). Как и в случае со словом *лос (lôs)*, позднейшая форма *лотэнгриол (lothengriol)* в ГС отсутствует. *Лосэнгриол* переводится в ГС как «ландыш (лилия долины)», и здесь даны гномские слова *энг (eng)* «гладкий, ровный», *энга (enga)* «дол, равнина», *энгри (engri)* «плоская поверхность», *энгриол (engriol)* «долинный». В СПГ говорится: «*Энг (Eng)* значит долина или равнина, а *энгриол (Engriol)* — тот, что там живет или находится», а слово *Лосэнгриол* здесь переводится «цветок дола или лилия долины».

Лот, Лотэнгриол (Loth, Lothengriol). См. *Лос*, *Лосэнгриол*.

Лотлим (Lothlim). См. *Лос* и *Гондотлим*. Статья из СПГ гласит: «*Лотлим* (то же, что и *Лослим (Loslim)*) означает «народ цветка», это название избрали себе Изгнанники Гондолина (которые прежде называли свой город *Лос (Lôs)*)».

Лэголос (Legolas). См. *Лайквалассэ*.

Маблунг (Mablung). Касательно *маб (tab)* «рука» см. *Эрмабвэд*. Второй элемент *лунг (lung)* означает «тяжелый; веский, серьезный»; родственные слова — *лунгра- (lungra-)* «весить, тяжело свисать», *лунта (luntha)* «баланс, вес», *лунтанг (lunthang)* «весы».

Мавуин (Mavwin). Существительное *мавуин (mavwin)* «желание» было вычеркнуто из ГС, но родственные слова остались: *мав- (tav-)* «любить, испытывать приязнь», *мавра (mavra)* «стремящийся к чему-либо», *маври (mavri)* «аппетит», *маврин (mavrin)* «восхитительный, желанный», *маврос (mavros)* «желание», *маус (maus)* «удовольствие; приятный». Имя *Мавуин* в квэнийском варианте, *Мавойнэ (Mavoïně)*, отсутствует в КС, если только оно не тождественно *майвойнэ (maivoïně)* — «великая жажда, томление».

Малкарауки (Malkarauki). См. I. 250 (*Балрог*).

Мар Ванва Тьялиэва (Mar Vanwa Tyalíeva). См. I. 261, кроме того, в поздней статье в ГС есть гномское название *Бара Дайф Хайтин (Bara Dbair Haitbin)*, «Домик Утраченной Игры»; также *дайфа- (daira-)* «играть» (*дайфвэн (dairwen)* «радость, веселье», и т. д.), *хайм* или *хайтин (haim, haitbin)* «ушедший, утраченный» (*хайта- (haitba-)* «идти» и т. д.). Ср. *Дайфон*.

Матусдор (Mathusdor). (Арьядор, Хисиломэ). В ГС даны слова *мат (matb)* «сумрак», *матрин (matbrin)* «сумрачный», *матусги (mathbusgi)* «сумерки», *матвэн (matbwen)* «вечер». См. *Умбот-муилин*.

Миндон-Гвар (Mindon-Gwar). Касательно *миндон (mindon)* «башня» см. I. 261 (*Минэтлос*); касательно *Гвар (Gwar)* см. с. 291 и I. 257 (*Кор, корин*).

Моргот (Morgoth). См. с. 67 и *Готмог*. Касательно элемента *мор- (mor-)* см. I. 261 (*Морниэ*).

Мормagli, Мормакиль (Mormagli, Mormakil). См. I. 261 (*Морниэ*) и I. 260 (*Макаф*).

Мэлиан, Мэлинон, Мэлинир (Melian, Melinon, Melinir). Ни одно из этих имен не встречается в словарях, но, возможно, все они являются производными от корня *мэль- (mel-)* «любить»; см. I. 264 (*Нэсса*). Позднейшая этимология имени *Мэлиан* — от корня *мэль- (mel-)* «любить» (*Мэльянна (Melyanna)* «милый дар»).

Мэлэт (Meleth). Слово *мэлэт* «любовь» встречается в ГС; см. I. 264 (*Нэсса*).

Мэойта, Миаугион, Миаулэ (Meoita, Miaugion, Miaulë). См. *Тэвильдо*.

Нан Думгортин (Nan Dumgorthin). См. с. 62. Касательно *нан (nan)* см. I. 262 (*Нандини*).

Нантатрин (Nantathrin). Это название не встречается в *Утраченных Сказаниях*, где Край Ив называется *Тасаринан (Tasarinan)*, но в ГС есть это слово (см. I. 267, *Сирион*), а статья из СПГ гласит: «*Дор-матрин (Dor-tatbrin)* звался Край Ив, о котором говорится в этом и многих других сказаниях». В ГС есть слово *матрин (tatbrin)* «ива», а в КС — слово *масафин (tasarin)* с тем же значением.

Науглафринг (Nauglafring). В ГС есть следующая статья: «*Науглафринг* = *Фринг* на *Науглитон* (*Fring na Nauglithon*), Ожерелье Карлов. Созданное для Эллу карлами из золота Глорунда, которое проклял Мим Безотчий, оно принесло гибель Бэрэну Эрмабвэду и Дамроду, его сыну, и не насытилось, пока не упокоилось вместе с Эльвинг, возлюбленной Эарэндэля, на дне морском». О *Дамроде* (*Дайморде*), сыне Бэрэна, см. с. 139, 259, а о гибели Эльвинг и утрате Науглафринга — с. 255, 264. Это единственный намек на прекращение действия проклятия Мима. Гномское слово *фринг* (*fring*) означает «оплечье, ожерелье» (квэнийское *фуфинга* (*firinga*)).

Нинин-Удатриол (Nínin-Udathriol). («Бессчетные Слезы»). См. *Ниниэль*. В ГС есть слова *татн* (*tatbn*) «число», *тамбра-* (*tatbra-*) «считать, исчислять», *удатнарол*, *удатбриол* (*udathnarol*, *udathbriol*) «бессчетный». У- (*Ū-*) является «префиксом отрицания для любой части речи». (КС никак не освещает слово *Низрильтасинва* (*Nieriltasinwa*), с. 84, кроме разве что начального элемента *ниэ* (*nie*) «слеза», см. I. 263 (*Низнна*).)

Ниниэль (Níniel). Ср. гномское *нин* (*nín*) «слеза», *ниниос* (*nínios*) «плач, жалоба», *нинна-* (*ninna-*) «плакать»; см. I. 263 (*Низнна*).

Нолдорисса (Noldorissa). См. *Эльдарисса*.

Нос Галдон, Нос нан Алвен (Nos Galdon, Nos nan Alwen). См. *Дуилин, Галдор*.

Ност-на-Лотион (Nost-na-Lotion). См. *Дуилин*.

Парма Кулуинэн (Parma Kuluinen). Золотая Книга, см. с. 310. Эта статья дана в КС под рубрикой ПАРА (PAPA): *парма* (*parma*) «шкура, кора; пергамент; книга, написанное произведение». Это слово сохранилось и в позднейшем квэнья (*Властелин Колец*, III. 401). Касательно *Кулуинэн* (*Kuluinen*) см. *Глингол*.

Пэлэг (Peleg). (Отец Туора). В ГС есть существительное *пэлэг* (*peleg*) «секира», глагол *пэлэкта-* (*pelectha-*) «рубить, разрубать» (в КС — *пэлэкко* (*pelekko*) «секира», *пэлэкта-* (*pelekta-*) «рубить»). Ср. имя Туора *Пэлэктон* (*Pelecthon*) в примечании, процитированном в статье *Идриль*.

Рамандур (Ramandur). См. I. 260 (*Макар*).

Рог (Rog). В ГС есть прилагательное *рог* (*rôg*, *rog*) «смелый, сильный». Но с именем *Рог Быстрый* (*Rog the Fleet*), данным орками Эгнору, отцу Бэрэна, ср. слова *арог*, *рауг* (*arog*, *raug*) «быстрый, стремительный», квэнийский вариант *араука* (*arauka*).

Родотлим (Rodothlim). См. *Ротварин* (ранняя форма слова *родотлим*).

Рос (Rôs). В ГС встречается другой перевод этого слова: «Море» (квэнийское *Раса* (*Rása*)).

Ротварин (Rothwarin). В ГС это название встречается в форме *ротбарин*, *росбарин* (*Rothbarin*, *Rosbarin*): «буквально — „пещерные жители“, название тайного народа гномов, а также областей вокруг их пещерных жилищ по берегам реки». Гномские слова, происходящие от корня РОТО (ROTO) «впадина»:

pod (*rod*) «труба, ствол», *ross* (*ross*) «трубка, дудка», *rom* (*roth*) «пещера, грот», *rompin* (*rothrin*) «впадина, полость», *rodos* (*rodos*) «пещера»; квэнийские слова того же происхождения: *romsə* (*rotsə*) «трубка, дудка», *roma* (*róta*) «труба», *ronta*, *romwa* (*ronta*, *rotwa*) «впадина, полость», *rotelə* (*rotelə*) «пещера».

Румхот (*Rúmhoth*). См. *Гламхот*.

Руситаурион (*Rúsitaursion*). В ГС есть существительное *рус* (*pos*) (*rús* (*rós*)) «выносливость, долготерпение, терпение», прилагательное *ро* (*rô*) «терпящий, терпеливый, тихий, спокойный» и глагол *ро-* (*rô-*) «оставаться; выносить, терпеть». Касательно *таурион* (*taurion*) см. I. 268 (*Тавари*).

Сарквинди (*Sarqindi*). («Великаны-людоеды»). Должно быть, это слово происходит от корня *сркп* (*srkṛ*), приведенного в КС, от которого даны следующие производные: *сарко* (*sarko*) «плоть, мясо», *сарква* (*sarqa*) «мясистый», *саркува* (*sarkuva*) «вещественный, телесный».

Сарнатрод (*Sarnathrod*): гномское *сарн* (*sarn*) означает «камень». Касательно *атфод* (*athrod*) «брод» см. *Артанор*.

Сильпион (*Silpion*). В статье СПГ (с. 215) это имя переводится как «Вишненная луна». В КС есть слово *пио* (*pío*) «слива, вишня» (а также *пиукка* (*piukka*) «ежевика, черная смородина», *пиосэнна* (*píosenna*) «падуб» и т. д.), а также *Валпио* (*Valpio*) «священная вишня Валинора». ГС дает слова *Пиосиль* (*Piosil*) и *Сильпиос* (*Silpios*) без перевода, в качестве имен Серебряного Древа, а также слово *пиог* (*piog*) «ягода».

Таймонто (*Taimonto*). См. I. 271 (*Тэлимэктар*).

Талкэлэб, Талтэлэпта (*Talceleb*, *Taltelepta*). (Имя *Идриль/Ирильдэ*, «Среброногая»). Первый элемент слова — гномское *тал* (*tâl*) «стопа (также и животного)»; родственные слова: *талта* (*taltha*) «ножка (предмета), пьедестал, основание, опора», *талринд*, *талдрин* (*talrind*, *taldrin*) «лодыжка», *талэг*, *талот* (*taleg*, *taloth*) «тропа» — Путь Избавления из Гондолина также назывался *Талэг Утвэн* (*Taleg Uthwen*) (см. *Бад Утвэн*). В КС даны следующие производные от корня ТАЛА (*TALA*) «поддерживать, служить основанием»: *тала* (*tala*) «нога, стопа», *талви* (*talwí*) «ноги (двойств.)», *талас* (*talas*) «подошва» и т. д. Касательно второго элемента см. I. 271 (*Тэлимнэ*). В КС есть форма *тэлэнта* (*telepta*), но без перевода.

Тарнин Ауста (*Tarnin Austa*). Касательно *тарн* «ворота» см. I. 261 (*Морутарнон*). В ГС дано слово *ауст* (*aust*) «лето»; ср. *Аур* «Солнце», I. 273 (*Ур*).

Таруиторн, Таруктарна (*Taruithorn*, *Taruktarna*). (Оксфорд.). В ГС встречаются слова *тар* (*târ*) «рог» и *тарог* (*tarog*) «бык» (квэнийское *таруку-* (*taruku-*)), *Таруитрон* (*Taruithron*), ранее *Таруитарн* (*Taruitharn*) «Оксфорда». Сразу за этими словами следуют *тарн* (*tarn*) «ворота» и *тару* (*taru*) «(1) крест (2) перекресток, переправа». В КС есть *тару* (*taru*) «рог» (см. *Драмборлэг*), *тарукка* (*tarukka*) «рогатый», *тарукко*, *тарунко* (*tarukko*, *tarunko*) «бык»,

Таруктарна «Оксфорд». Производные от корня ТАРА (TARA): *тафа-* (*tara-*) «пересекать», *тарна* (*tarna*) «переход, проход».

Тасаринан (Tasarinan). См. *Нантатрин*.

Таурфуин (Taurfuin). См. I. 268 (*Тавари*) и I. 275 (*Фуи*).

Ти́рин (Tirín). См. I. 258 (*Кортифион*).

Тифанто (Tifanto). Это имя явственно сопоставляется с гномскими словами (*тиф-*, *тифин* (*tif-*, *tifin*)), данными в I. 270 (*Тинфанг*).

Тифиль (Tifil). См. *Тэвильдо*.

Тон а Гвэдрин (Tôn a Gwedrin). *Тон* (*tôn*) — гномское слово со значением «огонь (в очаге)», родственное слову *тан* (*tan*) и другим, данным в статье *Таньясалэ* (I. 268); *Тон а Гвэдрин* «Огонь Сказаний» в Мар Ванва Тьялиэ-ва. Ср. *Тон Совриэль* (*Tôn Sovriel*) «огненное озеро Валинора» (*совриэль* (*sovriel*) «очищение», *соври* (*souri*) «чистка», *сон* (*sôn*) «чистый», *сот* (*soth*) «купальня, ванна», *со-* (*sô-*) «стирать, чистить, мыться»).

Гвэдрин родственно *квэд-* (*cwed-*) (претерит* *квэнти* (*cwenthi*)) «говорить, рассказывать», *квэт* (*cweth*) «слово», *квэнт* (*cwent*) «история, рассказ», *квэсс* (*cwess*) «высказывание, пословица», *квэдри* (*cwedri*) «рассказывание (историй)», *угвэдриол* (*ugwedriol*) «неописуемый, невыразимый». В КС даны следующие производные от корня КВЭТЭ (QETE): *квэт-* (*qet-*) (*квэнтэ* (*qentë*)) «говорить, беседовать», *квэнт* (*quent*) «слово», *квэнтэлэ* (*qentelë*) «предложение, фраза», *эльдаквэт* (*Eldaqet*) = *эльдарисса*, и т. д. Ср. Приложение к *Сильмариллиону*, статья *квэн-* (*квэт-*) (*quen-* (*quet-*)).

Торн Сир (Thorn Sir). См. I. 267 (*Сирион*).

Торндор (Thorndor). См. I. 267 (*Соронтур*).

Торнхот (Thornhoth). См. *Гламхот*.

Тумладин (Tumladin). Касательно первого элемента, гномского *тум* (*tûm*) «долина», см. I. 270 (*Томбо*), касательно второго, *ладин* (*ladin*) «гладкий, ровный», см. *Ладвэн-на-Дайдэлот*.

Турамбар (Turambar). Касательно первого элемента см. I. 262 (*Мэриль-и-Туринкви*). В КС есть слова *амарто*, *амбар* (*amarto*, *ambar*) «Судьба, Рок», а также (корень МРТР (MRTŖ)) *март* (*mart*) «удача, везение», *марто* (*marto*) «судьба, рок, жребий», *март-* (*mart-*) «бывает, случается» (безличная форма). В ГС даны слова *март* (*mart*) «судьба», *мартуион* (*martion*) «обреченный», также *умрод* и *умбарт* (*umrod*, *umbart*) «рок».

Турумарт (Turumarth). См. *Турамбар*.

Тэвильдо, Тифиль (Tevildo, Tifil). Касательно этимологии см. I. 271, а также можно добавить, что ранняя гномская форма *Тифиль* (*Tifil*) (позднее — *Тибэрт* (*Tiberth*)) в ГС ассоциируется с существительным *тиф* (*tif*) «негодование, обида, горечь».

Вардо Мэойта (Vardo Meoita). «Князь Котов»: *Вардо* см. I. 252 (*Варда*). В КС есть слово *мэой* (*meoi*) — «кот».

* Форма прошедшего времени. — Прим. ред.

Бридон Миаугион (*Bridbon Miaugion*). «Князь Котов»: *бридон* (*bridbon*) «король, принц, князь», ср. *Бридиль* (*Bridbil*), гномское имя Варды (I. 252). Существительные *миауг*, *миог* (*miaug*, *miog*) «кот» и *миаули* (*miauli*) «кошка» (заменено на *миаулин* (*miaulin*)) даны в ГС, где Князь Котов именуется *Тифиль Муотон* или *Миаугион* (*Tifil Miotbon or Miaugion*). *Миаулэ* (*Miaulē*) — имя повара в замке Тэвильдо (с. 28).

Тэльд Квинг Илон (*Teld Quing Ilon*). В СПГ есть следующая статья: «*Крис а Тэльд Квинг Илон* (*Cris a Teld Quing Ilon*) означает Расселина Радужной Кровли, а на языке эльдар это будет *Кирус Илуквингатэльда* (*Kiris Iluqingatelda*)»; а *Тэльд Квинг Илон* было вычеркнуто и заменено на *Ильбрантэлот* (*Ilbranteloth*). Другая статья гласит: «*Илон* (*Ilon*) значит „небо“»; в ГС *Илон* (*Ilon*) (= квэнийское *Илу* (*Ilu*)) — имя *Илуватафа* (см. I. 255 (*Ильвэ*)). Слово *тэльд* (*teld*) не появляется в ГС, но там даны родственные ему слова, такие, как *тэльм* (*telm*) «крыша, свод» (см. I. 272 (*Тэлэри*)); *квинг* (*swing*) «лук». В КС есть слово *илуквинга* (*iluqinga*) — «радуга» (см. I. 255, (*Ильвэран*)) и *тэльда* (*telda*) «имеющий крышу» (см. I. 271 (*Тэлимэктаф*)). Касательно *Крис* (*Cris*), *Кирус* (*Kiris*) см. *Крис Ильбрантэлот*.

Улбанди (*Ulbandi*). См. I. 262 (*Мэлько*).

Улмонан (*Ulmonan*). Гномское название звучит как *Ингулма(н)* (*Ingulma(n)*) (*Гулма* = *Ульмо*), с префиксом *ин-* (*in-*) (*инд-*, *им-* (*ind*, *im-*)) «дом такого-то» (касательно *инд* «дом», см. *Идриль*). Другие примеры такого словообразования — *Имбэлька*, *Имбэлькон* (*Imbelca*, *Imbelcon*) «Преисподняя (дом Мэлько)», *инторн* (*inthorn*) «гнездо хищной птицы (орла)», *Интаврос* (*Intavros*) «лес» (собственно говоря, «лесной чертог Тавроса»).

Умбот-муилин (*Umboth-muulin*). Гномское *умбот*, *умбат* (*umboth*, *umbath*) значит «сумерки»; *Умбатор* (*Umbathor*) — одно из названий Гариота (см. I. 277 (*Эруман*)). Это слово происходит от **мбат-* (*mbar-*), родственного **мат-* (*mar-*), которое ясно различается в *мат* (*math*) «сумрак»: см. *Матусдор*. Второй элемент — *муиль* (*muil*) «горное озеро», квэнийское *мойлэ* (*moilē*).

Ундолаурэ (*Undolaurē*). См. *Глорунд*.

Уфэдин (*Ufedin*). Возможна связь этого имени с гномским словом *уф* (*uf*) «прочь, вовне из» или *фэдин* (*fedbin*) «связанный обязательством, друг, союзник».

Файглиндра (*Faiglindra*). «Длиннокосая» (*Айрин*). Гномские слова: *файгли* (*faigli*) «волосы, длинные косы (в особенности женские)»; *файглион* (*faiglion*) «имеющий длинные волосы», *файглим* (*faiglim*) с тем же значением, «в особенности употребляется как имя собственное», *Файглим*, *Аурфайглим* (*Faiglim*, *Aurfaiglim*) «полуденное Солнце». В скобках рядом стоит слово *файглин(д)ра* (*faiglin(d)ra*).

Файливрин (*Faivilrin*). Вместе с *файл* (*fail*) «(мертвенно-) бледный», *файлти* (*failthi*) «бледность» и *Файлин* (*Failin*), одним из имен Луны, ГС дает *Фай-*

ливрин: «(1) дева, возлюбленная Сильмо; (2) так гномы называли многих дев великой красоты, в особенности Файливрин из ротварин в Сказании о Турмарте». (В Сказании слово *ротварин* (*Rotbwarin*) заменено на *родотлим* (*Rodothlim*)).

Второй элемент слова — *брин* (*brin*), квэнийское *виурин* (*virin*), «волшебное стекловидное вещество, весьма прозрачное, что использовалось при сотворении Луны. Из него создавались творения чистой прозрачности». По поводу *виурина* см. в I. 192—193.

Фаласквиль (*Falasquill*). Три статьи в СПГ имеют отношение к этому названию (касательно *фалас* (*falas*) см. также I. 274 (*Фалман*)):

«*Фалас* (*falas*) означает побережье (также и в варианте *фалас* (*falas*) или *фалассэ* (*falassë*) на языке эльдар)».

«*Фалас-а-Гвильб* (*Falas-a-Gwiltb*), „побережье покоя“, по-эльфийски *Фаласквиль* (*Falasquill*), место, где жил Туор в укромной бухте у Великого Моря». -а-Гвильб вычеркнуто, и над ним написано: «*Вильб* (*Wilb*) или *Вильма* (*Wilma*)».

«*Гвильб* (*gwiltb*) значит «исполненный покоя», а «покой» будет *гвильм* (*gwilm*)».

В ГС даны слова *гвиль*, *гвильм*, *гвильти* (*gwil*, *gwilm*, *gwilti*) «мир, покой» и *гвильб* (*gwiltb*) «тихий, спокойный».

Фанглуин (*Fangluin*). «Синебород». См. *Индрафанг*. *Луин* (*luin*) «синий, голубой» см. I. 263 (*Нуэллуин*).

Фоалокэ (*Foalókë*). Производными от корня ФОХО (ФОНО) «прятать, хранить, копить» в КС являются *фоа* (*foa*) «клад, сокровище», *фойна* (*foina*) «скрытый, спрятанный», *фолэ* (*fölë*) «скрытность, тайна», *фолима* (*fölima*) «скрытый» и *фоалокэ* (*foalókë*) «название змия, который стережет сокровища». Слово *локэ* (*lókë*) «змея» происходит от корня ЛОКО (ЛОКО) — «свиваться, изгибаться, скручиваться кольцами».

В ГС изначально были статьи *фу* (*fû*), *фул* (*fûl*), *фун* (*fûn*) — «что-то припрятанное, запас», *фулуз* (*fûlug*) «дракон (стерегущий сокровище)» и *улуз* (*ulug*) «волк». Претерпев последующие изменения, это все превратилось в *фуис* (*fuis*) «нечто припрятанное, запас», *фуитлуз*, -ог (*fuitblug*, -og), (эта форма появляется в тексте, с. 70), *улуз* (*ulug*) «дракон» (ср. квэнийское *локэ* (*lókë*)). Статья в СПГ гласит: «*Луг* (*lûg*) на языке эльдар будет *локэ* (*lókë*), это означает „дракон“».

Фос'Алмир (*Fos'Almir*). (Раннее название для *Фаскала-нумэн* (*Faskala-númen*); в тексте (с. 116) переводится как «огненная купель».) *Фос* (*fôs*) «купель, купальня» см. II. 274 (*Фаскала-нумэн*). В ГС есть три названия: «*Фос Аура*, *Фос'Алмир* и *Фос на Нгалмир* (*Fôs Aura*, *Fôs'Almir*, *Fôs na Ngalmir*), т. е. купель Солнца = Западное Море». Имена Солнца *Галмир* (*Galmir*), *Аур* (*Aur*) см. I. 253 и I. 273 (*Ур*).

Фуитлуз (*Fuithlug*). См. *Фоалокэ*.

Хирилорн (Hirilorn). В ГС дано слово *хириль* (*biril*) «королева (в поэтической речи), принцесса; существительное женского рода, парное *бридон* (*bridbon*)». Касательно *бридон* см. *Тэвильдо*. Второй элемент слова — *орн* (*orn*) «дерево». (Здесь же можно упомянуть, что в КС есть слово *нэльдор* (*neldor*) «бук»; см. Приложение к *Сильмариллиону*, статья *нэльдор* (*neldor*)).

Хэбородин (Heborodin). «Окружные Холмы». Гномский предлог *хэб* (*heb*) означает «вокруг, кругом»; *хэбрим* (*hebrim*) «граница», *хэбвиол* (*hebwirol*) «осмотрительный». Касательно *ород* (*orod*) см. I. 256 (*Калормэ*).

Эарамэ (Eäramë). *Эа* (*ea*) «орел» см. I. 275 (*Эарэндэль*), *рамэ* (*rämë*) см. *Алкварамэ*. В ГС есть статья *Иоротрам*, -ум (*Iorothram*, -um): «эта форма эквивалентна квэнийской *Эарамэ*, „Орлиное Крыло“, названию одной из ладей *Эарэндэля*». Гномские слова *иор*, *иорот* (*ior*, *ioroth*) «орел» см. I. 275 (*Эарэндэль*), ср. с формами названия корабля *Эарам*, *Эарум* (*Earam*, *Earum*) (с. 260, 276).

Эарэндильон (Eärendilyon). См. I. 275 (*Эарэндэль*) и *Индорион*.

Эарэндэль (Eärendel). См. с. 266—267 и I. 275.

Эгалмот (Egalmoth). В СПГ есть следующая статья: «*Эгалмот* — это великое имя, хотя никто не знает точно его значения: некоторые говорят, что его носитель был назван так, ибо один стоил тысячи эльфов (но Румиль говорит, что это не так), а другие — что это имя указывает на могучие плечи того гнома, и с этим согласен Румиль, но, быть может, оно пришло из тайного языка гондотлим» (оставшуюся часть статьи см. на с. 217). Касательно гномского слова *мот* (*moth*) «тысяча» см. I. 272 (*Уин*).

Толкование этого имени в ГС совпадает с толкованием Румиля, производя его от *алм* (*alm*) (<*алдам*- (*aldam*-)) «ширина плеч, спина, плечи», отсюда *Эгалмот* = «Широкоплечий»; указанная квэнийская форма этого имени — *Айкалдамор* (*Aikaldamor*), и в статье КС того же времени есть слова *айка* (*aika*) «широкий, протяженный», ср. с гномским *эг*, *эгрин* (*eg*, *egrin*), в ГС интерпретируемые как «дальний, широкий, отдаленный» и «широкий, обширный, просторный; далекий» (как в слове *Эгла* (*Egla*); см. I. 276 (*Эльдар*)).

Эгламар (Eglamar). См. I. 276 (*Эльдамар*). В СПГ есть следующая статья: «*Эгла* (*Egla*), сказал сын Бронвэга, ныне употребляющееся редко гномское название эльдар, жителей Кора, и называют их *эглотрим* (*Eglotthrim*) [измененное *эглотлим* (*Eglotthlim*)], сиречь «*эльдалиэ*» (*Eldalië*), а язык их — *лам эглатон* (*Lam Eglathon*) или *эгладрин* (*Egladrin*). Румиль сказал, что эти названия, *эгла* (*egla*) и *эльда* (*elda*) родственны друг другу, но Эльфрита не слишком-то занимала подобная наука, да эти слова и не казались очень схожими». С этим отрывком ср. I. 276 (*Эльдар*). В ГС есть слово *лам* (*lam*) «язык», а в КС — *ламбэ* (*lambë*) с тем же значением; это слово сохранилось в позднейшем квэнья. В КС оно приводится как производное от корня ЛАВА (LAVA) «лизать» и означает «язык (часть тела, но также и со значением «мыс» и «речь»)).».

Эктэлион (Ecthelion). И в ГС, и в КС это имя считается производным от *эктэль* (*ecthel*) «фонтан», которому соответствует в квэнья *эктэлэ* (*ektelë*). (Последнее прижилось, ср. со статьей *кэль-* (*kel-*) в Приложении к *Сильмафилиону*: «от *эт-кэлэ* (*et-kelë*) „источник воды, родник“ происходят, посредством перестановки согласных, квэнийское *эхтэлэ* (*ebtelë*), синдаринское *эй-тэль* (*eithel*)». Более поздняя статья в ГС содержит слово *айтиль* (*aithil*) (< *эктл* (*ektl*)) «источник». Квэнийская форма *кэктэлэ* (*kektele*) присутствует в гнезде КЭЛЭ, КЭЛУ (KELE, KELU): см. I. 258 (*Кэлусинди*).

Эльвинг (Elwing). В ГС есть следующая статья: «*Айльвинг* (*Ailwing*) — более древнее написание имени *Эльвинг* = «озерная пена». В качестве имени нарицательного = «белая водяная лилия». Имя девы, возлюбленной *Иорингли* (*Ioringli*)» (*Иорингли* = *Эарэндэль*, см. I. 275). Первый элемент встречается в таких словах, как *айль* (*ail*) «озеро, пруд», *айлион* (*ailion*) «озеро», квэнийских *айло*, *айлин* (*ailo*, *ailin*) — ср. с позднейшим *Аэлин-унал*. Второй элемент, *гвинг* (*gwing*) «пена», см. I. 252 (*Вунгилот*).

Эльдарисса (Eldarissa). Появляется в КС («язык эльдар»), но без объяснения этимологии второго элемента. Возможно, он происходит от корня ИСИ (ISI): *иста* (*ista*) «знать», *иссэ* (*issë*) «знание, мудрость», *исва*, *искава* (*iswa*, *isqa*) «мудрый» и т. д.

Эльмавойтэ (Elmavoitë). «Однорукий» (Бэрэн). См. *Эрмабвэд*.

Эльфрит (Elfrith). См. с. 201—202 и I. 255 (*Ильвэрин*).

Эрмабвэд (Ermabwed). «Однорукий» (Бэрэн). В ГС есть слова *маб* (*tab*) «кисть (руки)», *амабвэд*, *мабвэд* (*atabwed*, *tabwed*) «имеющий руки», *мабвэдри* (*tabwedri*) «ловкость, сноровка», *мабол* (*tabol*) «умелый», *маблиос* (*tablios*) «ловкий», *маблад*, *маблод* (*tablad*, *tablod*) «ладонь», *мабрин*(*d*) (*mabrin(d)*) «запястье». Родственное квэнийское слово, данное в ГС, — *мапа* (*mapa*) (гнездо МАПА (МАРА)) «хватать», но оно позже было вычеркнуто. В КС также встречается корень МАХА (МАНА) со многими производными, особенно примечательны *ма* (= *маха*) (*ta*, *taha*) «кисть руки», *мавойтэ* (*mavoitë*) «имеющий руки» (ср. *Эльмавойтэ*).

Эрэнол (Erenol). См. I. 277 (*Эриол*).

УКАЗАТЕЛЬ

Этот указатель построен на основе тех же принципов, что и указатель к Части I, но избранные ссылки приводятся в большем числе случаев; ссылки на собственно *Утраченные Сказания* не включены. Ввиду большого количества имен в Части II, для соотнесения их приводятся достаточно полные перекрестные ссылки (ранние и поздние формы, соответствия в других языках, и проч.). Как и в указателе к Части I, наиболее известные имена, встречающиеся в *Сильмафиллионе*, оставлены без разъяснений; иногда ссылки относятся к тем местам в тексте, где персонаж или место названо неявно.

Авари (*Avari*) 64

Агарваэн (*Agarwaen*) «Запятнанный Кровью», имя, которым Турин назвался в Нарготронде. 128

Айлиос (*Ailios*) Раннее имя Гильфанона. 69—70, 144—145, 221—222, 228, 242—243, 256, 284, 294

Айнулиндэлэ (*Ainulindalë*) 219. См. *Музыка Айнуф*.

Айнуф (*Ainur*) Ед. ч. *Айну* (*Ainu*) 15, 32, 36, 113, 177, 198; *Айну Мэлько* (*Ainu Melko*) 15, 18, 33; *Айну Зла* (*Ainu of Evil*) 22. Мн. ч. *Айну* (*Ainu*) 202, 264; *Айнуф* (*Ainur*) 151—152, 165, 174, 197, 202, 204, 218—219. См. *Валар*, *Гар Айнион*, *Музыка Айнуф*.

Айрин (*Airin*) Жена Бродды; прозванная *Файглиндра* (*Faiglindra*), *Фириланда* (*Firilanda*), «долговолосая» (90, 93). 89—91, 93, 126—128. Более поздняя форма — *Аэрин* (*Aerin*) 126—127

Алалминорэ (*Alalminóre*) «Земля Вязов», местность в Англии (Уорикшир) и на Тол Эрэссэа. 292, 313, 324, 327

Алкварамэ (*Alqarátë*) «Лебяжье Крыло», корабль Туора. 254, 265. См. *Лебяжье Крыло*, *Эафрамэ*.

Алое Сердце (*The Scarlet Heart*) Эмблема Королевского Дома в Гондолине. 172, 200

Альбион (*Albion*) Однажды употребляется в отношении Лутании (Англии). 304

Альфред Уэссекский (*Ælfred of Wessex*) (имеется в виду его язык, уэссекский диалект древнеанглийского языка). 301

Аман (*Aman*) 64, 266

Амбарканта (*Ambarkanta*) «Очертания Мира» (космологический труд). 325

Амилло (*Amilló*) Младший из великих валар, также именуемый *Омар* (*Ómar*). 279

Амнон (*Ammon*) «Пророк». 184. См. I. 172.

Амон Гварэт (*Amon Gwareth*) «Холм Бдения», на котором был построен Гондолин. 158—160, 163, 166, 168, 171, 175—176, 178, 180, 189, 196, 207, 212. См. *Холм Бдения*.

Амон Дартир (*Amon Dorthir*) Пик в хребте Эрэд Вэтрин. 126

Амон Обэль (*Amon Obel*) Холм в лесу Брэтиль. 135

- Амон Этир* (*Amon Ethir*) «Дозорный Холм», к востоку от Нарготронда. 128, 135. См. *Дозорный Холм*.
- Амрас* (*Amras*) Сын Фэанора. 251. (Эта форма заменила более раннюю *Дириэль* (*Diriel*).).
- Амрод* (*Amrod*) Сын Фэанора. 251. (Эта форма заменила более раннюю *Дамрод* (*Damrod*).).
- Анах* (*Anach*) Ущелье, ведущее вниз с Таур-ну-Фуин. 211
- Ангайну* (*Angainu*) Великая цепь, которой был скован Мэлько. 19, 46; *Ангаино* (*Angaino*) 68
- Ангали* (*Angali*) Англы. 306
- Ангаманди* (*Angamandi*) «Железные Преисподни». 13—14, 18, 21, 23, 29, 31—32, 34, 36, 43, 51, 56—58, 62, 68, 87, 94, 138, 223, 264, 280. См. *Ангбанд*, *Железные Преисподни*.
- Ангбанд* (*Angband*) 35, 43—45, 51, 57, 61—62, 65—66, 72, 77, 79, 124, 140, 142, 206, 211, 213, 238, 241; Осада *Ангбанда* 209. См. *Ангаманди*, *Железные Преисподни*.
- Ангельн* (*Angeln*) 294
- Английский* (*English*) (народ и язык) 291—293, 301—302, 304—305, 308—309, 313, 320, 322—323, 327—328; *Англский* (*Englisc*) 292. См. *Англосаксонский* (*Англосаксы*), *Древнеанглийский*
- Англия* (*England*) 285, 291, 293—294, 301, 303—304, 308—309, 311—312, 314, 316, 319, 323, 327, 330—331, 333—334; *Англаланд* (*Englaland*) (древнеанглийский) 291, 301—302. См. *Лутания*, *Лутизн* (3), *Лэйтиан*.
- Англосаксонский* (язык), *Англосаксы* (*Anglo-Saxon(s)*) 266, 305, 309, 323
- Англы* (*Angles*) 306. См. *Ангали*. *Англы* (*Engle*) (древнеанглийский) Английский народ. 290—291. См. *Английский*, *Анголкюнн*.
- Ангол* (*Angol*) «Железные утесы», гномское имя Эриола и его родины. 290—292, 294
- Анголкюнн* (*Angolcynn*) (древнеанглийский) Английский народ. 291; *Ангелкюнн* (*Angelcynn*) 300. См. *Английский*, *Англы*.
- Ангородин* (*Angorodin*) Железные Горы. 77, 140. См. *Железные Горы*.
- Ангрост* (*Angrist*) Кинжал Куруфина, сделанный Тэльхаром из Ногрода. 58
- Анналы Валинора* (*Annals of Valinor*) 300
- Аннаэль* (*Annael*) Серый Эльф из Митрима, приемный отец Туора. 205
- Анфауглит* (*Anfauglith*) 57, 62. См. *Дор-ну-Фауглит*.
- Арвал* (*Arval*) Раннее имя Эола. 220
- Арвалин* (*Arvalin*) 286
- Ард-галэн* (*Ard-galen*) 62
- Арка Инвэ* (*Arch of Inwë*) Западный вход на Площадь Источника в Гондолине. 182
- Арлисгион* (*Arlisgion*) «Тростниковая Страна» выше устьев Сириона. 153, 202, 217. См. *Лисгард*.

- Арминас (Arminas)* Эльф-нолдо, который вместе с Гэльмиром провел Туора через Врата Нолдор и впоследствии принес предупреждение Ульмо в Нарготронд. 123, 125, 204
- Арос (Aros)* Река с бродом у Сарнатрода. 236—238, 251; идентифицирована как река, текущая мимо пещер родотлим, 236 (см. 244, примечание 15).
- Артанор (Artanor)* «Запредельная Земля», местность, названная впоследствии Дориатом. 9, 13, 21, 30, 35, 37, 41, 43, 47, 49, 52, 54, 56, 58—59, 61—66, 120—122, 127—129, 141—142, 223, 230—234, 236, 240, 243, 246, 248—251, 254, 276. См. главным образом 61, также см. *Дориат*, *Запредельная(ые) Земля(и)*. Упоминания о защите Артанора магией королевы: 9, 35—36, 43, 47—48, 63, 76, 122, 132, 137, 230—232, 249—250
- Арфа (The Harp)* Название одного из родов гондотлим. 173, 182. См. *Салгант*.
- Арьядор (Aryador)* «Земля Тени», название Хисиломэ, употребляемое среди людей. 15, 42, 44, 50—51, 61, 70, 202, 249. См. *Дор Ломин*, *Земля Тени (Теней)*, *Матусдор*, *Хисиломэ*, *Хитлум*.
- Арэдэль (Aredhel)* Сестра Тургона, мать Маэглина. 212. (Эта форма заменила более раннюю *Исфин (Isfin)*).
- Асгон (Asgon)* Раннее название (озера) Митрим. 70, 88, 202, 204, 263. См. *Митрим*.
- Атлантический океан* 261
- Аулэ (Aulë)* 19, 46, 174, 218, 269, 272
- Аурэдбир (Auredbir)* Сын Диора. 240—241, 251
- Аусир (Ausir)* (1) «Богатый», прозвище Диора. 240, 244, 251. (2) Мальчик из Мар Ванва Тьялиэва. 5, 7—8, 40—42, 50, 59, 311
- Афрос (Afros)* Река на Тол Эрэссэа, сливающаяся с рекой Груир у Тавробэльского моста (см. 288). 284, 287
- Аэлин-уиал (Aelin-uial)* «Озера Сумерек». 217, 249. (Эта форма заменила более ранние *Умбот-муилин*, *Заводи Сумерек*).
- Баблон (Bablon)* Гномская форма названия *Вавилон*. 196, 203, 214; *Вавилон (Babylon)* 203, 214
- Бад Утвэн (Bad Uthwen)* Путь Избавления на равнину Гондолина. 189, 203; ранее — *Бад Усвэн (Bad Uswen)*, *Бад Усбран (Bad Usbran)* 203. См. *Путь Избавления*.
- Баклэнд (Buckland)* 328
- Балар, остров (Balar, Isle of)* 209
- Балкмэг (Balcmeq)* Орк, сраженный Туором в Гондолине. 181
- Балрог(и) (Balrog(s))* 15, 34, 44, 67, 85, 156, 169—170, 174—176, 178—184, 187, 189, 193—194, 212—213, 215. Относительно их количества см. 170, 179, 184, 213; описание см. 169, 181, 194, 212—213. См. *Малкарауки*.
- Бансиль (Bansil)* «Ясный блеск», Древо Гондолина с серебряными цветами. 160, 184, 186, 203, 207, 214—215; поздняя форма — *Бантиль (Bantbil)* 203. См. *Бэльтиль*.
- Багагунд (Baragund)* Отец Морвэн. 139
- Барад-дур (Barad-dûr)* 67

Бабахир (Barabir) Отец Бэрэна. 43, 51. (Эта форма заменила более раннюю *Эгнор (Egnor)*.).

Беовульф (Beowulf) 298, 323, 331; Дж. Р. Р. Толкин *О переводе Беовульфа*, 331

Беорн (Beorn) Дядя Оттора ВэFRE (Эриола). 290—291, 294. См. *Хазен из Изеноры*.

Биор (Bior) Человек из итлингов, сопровождавший Эльфвине. 319, 321—322, 331—332, 334

Битва Бессчетных Слез (Battle of Unnumbered Tears), называемая также *Битвой Слез (Battle of Tears)* 17, 66, *Битвой Бесчисленных Слез (Battle of Uncounted Tears)* 83, *Битвой Плача (Battle of Lamentation)* 70, *великой битвой (the great battle)*. 9—10, 43—45, 65—66, 73, 77, 83—84, 88, 91, 101, 120—121, 140, 142, 157, 198, 200, 208—209, 216, 218. См. *Нинин-Удатриол*, *Ниэрильтасинва*.

Битва на Высокой Пустоши (Battle of the High Heath) См. *Битва на Пустоши Небесного Свода*.

Битва на Пустоши Небесного Свода (Battle of the Heath of the Sky-roof) 284—287, 293; *Битва на Высокой Пустоши (Battle of the High Heath)*, *Битва при Небосводе (Battle of the Heaven Roof)* 287. См. *Дор-на-Дайдэлот*, *Иссохшая Пустошь*, *Ладвен-на-Дайдэлот*.

Битва при Небосводе (Battle of the Heaven Roof) См. *Битва на Пустоши Небесного Свода*.

Благословенное(ые) Королевство(а) (Blessed Realm(s)) 34, 82, 266

Боги (Gods) См. *Валар*.

Бодруит (Bodruith) Владыка Бэлэгоста. 230—231, 234—235, 246—247

бо-Дуилин (bo-Dhuilin), *бо-Драутодаврос (bo-Dbrauthodavros)*, *бо-Римион (bo-Rimion)* «Сын Дуилина» и т. д.; см. соответствующие имена (*бо-* заменило *го-*).

Большой Рынок (The Great Market) В Гондолине. 182

Брандир (Brandir) 130—134. (Эта форма заменила более раннюю *Тамаф (Tamar)*.).

Братоубийство в Лебединой Гавани (Kinslaying at Swanhaven) 258

Братство Колец (The Fellowship of the Ring) 214, 327. См. также *Властелин Колец*.

Бретань (Brittany) 285

Британия (Britain) 294, 301, 305, 309

Бритонин (Britthonin) Захватчики Тол Эрэссэа. 294

Бродда (Brodde) Владыка людей в Хисиломэ. 89—90, 93, 126—128

Бронвэг (Bronweg) Гномская форма имени *Воронвэ (Voronwë)*. 144—145, 148—149, 156—157, 160, 197—198, 228, 256. См. *Воронвэ*.

Брэтиль, лес (Forest of Brethil) 125, 130, 132, 135, 141

Буйных Ветров пещера (Tumultuous Winds, Cavern of the) Там, где Сирион протекает под землей. 195, 217

Бурые Эльфы (Brown Elves) См. *Зеленые Эльфы*.

Бухта Многоцветных Озней (Harbour of the Lights of Many Hues) На Тол Эрэссэа. 321; *Многоцветная Гавань (Haven of Many Hues)* 322, 333

Бэлаурин (Belaurin) Форма имени *Палуриэн (Palúrien)* в языке гномов. 281, 328; *Бэлаурин (Belawryn)** 310

Бэльтиль (Belthil) Древо Гондолина с серебряными цветами, созданное Тургоном. 207. См. *Бансиль*.

Бэльтрондинг (Belthronding) Лук Бэлэга. 123

Бэльха (Belcha) Имя Мэлько на языке гномов. *Бэльха Моргот (Belcha Morgoth)* 44, 67

Бэлэг (Beleg) 21, 47, 59, 62, 73, 76—83, 102, 118, 121—124, 141—142. Назван также «лесной следопыт», «охотник» 73, 76—77, 81, 123; Нолдо 78, 122—123; более позднее прозвище — *Куталион (Cúthalion)* «Тугой Лук» 59, 62, 123

Бэлэгост (Belegost) Город карлов из рода индрафангов. 230—231, 235, 244—248; *Ост Бэлэгост (Ost Belegost)* 244

Бэлэрианд (Beleriand) 64, 128, 205, 217, 245, 324; затопление Бэлэрианда 251, 324

Бэлэрион (Belerion) Гавань на западе Британии. 313—315, 317, 322, 324, 330—333

Бэрэн (Beren) 11—19, 21—23, 25—41, 43—45, 48—49, 52—63, 65—68, 71—73, 116, 123—124, 137, 139—140, 144—145, 216, 223, 231, 233—243, 246, 248—251, 259, 330. Также зовется *Однорукий (the One-handed)*, *Бэрэн Одной Руки (of the One Hand)* (см. *Эрмабвэд, Эльмавойтэ*); *Бэрэн с Холмов (Beren of the Hills)* 49; охотник *нолдоли (hunter of the Noldoli)*, *лесной охотник (hunter of the woods)* 13, 237. Бэрэн как человек или эльф см. 52, 116, 139, 216, 248

Бэтос (Bethos) Глава Лесного Народа. 101—102, 106, 111, 130, 142; жена Бэтоса (нолдо) 101, 130

Вай (Vai) Внешний Океан. 273

Вайнони (Vainóni) Самая ранняя форма имени Ниэнор (Ниэнори). 138—139

Вайрэ (Vairë) Жена Линдо. 8, 144, 257, 286, 290, 302

Валар (Valar) (также *Вали (Vali)*, 243). Избранные ссылки (включая *Боги (Gods)*). Фрагменты, касающиеся отношения валар (богов, айнур) к эльфам и людям: 5, 7, 15, 19, 35, 37, 44—45, 47, 68, 72—73, 76, 79, 101, 111, 115—116, 141, 151—152, 161, 188, 198, 200, 204, 219, 280, 282. Битва богов 312, 323; *Гибель Богов (Wrack of the Gods)* 285; отход валар от дел людей 283, 285; почитание валар (в Гондолине) 165, 174, 218. *Вала Западных Островов (Vala of the Western Isles)* 95, 141. Турин и Ниэнори как «сияющие валар» 116. См. *Великий Народ Запада, Владыки Запада, Дети Богов*.

Валвэ (Valwë) Отец Линдо. 219, 278—279. [Примечание. В I. 22 вместо «к отцу Вайрэ» следует читать «к отцу Линдо».]

Валинор (Valinor) 3, 9—10, 15, 34, 40, 42, 54, 58, 60—61, 65, 77—78, 82, 87, 114, 125, 129, 140, 160—162, 207—209, 215, 218, 222—223, 228, 232—233, 239—240, 246, 249—250, 253, 255—258, 260, 262—265, 271—272, 278—283, 285—287, 289, 292, 302—303, 307—308, 316, 325—326, 328; *Дом Богов (God-home)* 316, 325. См. *Горы Валинора, Сокрытие Валинора*.

* Толкин записывал несколько имен по правилам валлийской орфографии: *Belawryn, Tynwfiel, Mavwin*.

- Валлийский* (язык) (*Wielisc*) См. *Веалас*.
- Валмар* (*Valmar*) 60, 253, 257; *Валимар* (*Valimar*) 257
- Вана* (*Vána*) 218, 240
- Ваньяр* (*Vanyar*) 305
- Варда* (*Varda*) 281
- Веалас* (*Wéalas*) (древнеанглийский) Валлийцы. 290; язык — *валлийский* (*Wielisc*) 292
- Веление Менестрелю* (*The Bidding of the Minstrel*) (стихотворение) 269—271; связанные с ним тексты см. на 261—262, 265
- Великие Земли* (*Great Lands*) Земли к востоку от Великого моря. 4—6, 60, 64—65, 68, 140—141, 206, 208, 249—250, 255, 257—258, 264, 279—281, 283, 285, 289, 292—294, 299—300, 302—303, 306—308, 317, 324, 326—327. См. *Внешние Земли*, *Земли Вовне*.
- Великие Равнины* (*Great Plains*) 61
- Великий Конец* (*Great End*) 60, 170, 281—283, 285. См. *Великое Разрушение*.
- Великий Народ Запада* (*Great Folk of the West*) Наименование богов среди иль-коринов. 142
- Великое Разрушение* (*Great Wrack*) 116, 282; *Разрушение Сущего* (*Wrack of Things*) 283; *Гибель Богов* (*Wrack of the Gods*) 285. См. *Великий Конец*.
- Великое Море* (*Great Sea*) (не включая множество ссылок на *Море (the Sea)*, *Океан (the Ocean)*) 151, 155, 162, 196, 312, 315, 324. См. *Гарседж*, *Западное Море (Западные Моря)*.
- Великое Странствие* (*Great Journey*) (эльфов от Вод Пробуждения) 64, 307
- Вендельсэ* (*Wendelsæ*) (древнеанглийский) Средиземное море. 294
- Венера* 266
- Вечерняя Звезда* (*Evening Star*) 267
- Викинги* (*Vikings*) 322—323, 330—331, 333. См. *Гвасгонин*, *Крылатые Шлемы*, *Фородвайт*.
- Вингилот* (*Wingilot*) «Пенный Цветок», корабль Эарэндэля. 145, 253—254, 256, 260—261, 263; *Вингэлот* (*Wingelot, Vingelot*) 260, 262, 272
- Вингильди* (*Wingildi*) Духи морской пены. 276
- Вингэлот* (*Vingelot, Wingelot*) См. *Вингилот*.
- Виньямар* (*Vinyamar*) Жилище Тургона в Нэврасте. 204—205, 217
- Вириломэ* (*Wirilómë*) «Мракоткушая». 260—261. См. *Унгвэлиант (Унгвэлиантэ)*.
- Владыки Запада* (*Lords of the West*) Валар. 205
- Властелин Колец* (*The Lord of the Rings*) 211, 247, 266, 328; *Братство Кольца* (*The Fellowship of the Ring*) 333; *Две Башни* (*The Two Towers*) 140; *Возвращение Короля* (*The Return of the King*) 67, 216
- Внешние(яя) Земли(я)* (*Outer Land(s)*) (1) Великие Земли (Средиземье). 254, 265. См. *Земли Вовне*. (2) Земли к западу от Великого моря. 316—317, 324—325, 334
- Внешние Океаны* (*Outer Oceans*), *Внешнее(ие) Море(я)* (*Outer Sea(s)*) 154, 160, 276. См. *Вай*.

- Внешняя Тьма (Outer Dark)* 273
- Внутреннее Море (Inland Sea)* Средиземное море. 294
- Воден (Wóden)* Древнеанглийское имя германского бога, называемого древними скандинавами *Одином (Óðinn)*; отождествление его с *Манвэ*. 290
- Воды Пробуждения (Waters of Awakening)* 64, 197, 285
- Вошебная Страна (Fairyland)* 316
- Вошебное Солнце (Magic Sun)* 264, 281—282, 285—286, 289, 303; см. особенно 285—286
- Вошебные Острова (Magic Isles)* 5, 7, 254, 260, 311, 316, 320, 324—325, 332, 334; *Вошебный Архипелаг (Magic Archipelago)* 316
- Воронвэ (Voronwë)* Форма имени *Бронвэг* на эльдариссе. Прозван «верным» (156). 145, 149, 156—160, 162, 166, 178, 186—188, 195, 198, 200, 203, 205—207, 209, 214, 216, 254—256, 258, 260, 263—265, 286. См. *Бронвэг*.
- Восточные Горы (Mountains of the East)* 6, 295, 300, 311
- Восточные даны (East Danes, East-Denum* [древнеанглийский, дательный падеж]) 305
- Врата Лета (Gates of Summer)* Великое празднество в Гондолине. 172, 201, 211. См. *Тарнин Ауста*.
- Врата Нолдор (Gate of the Noldor)* 123, 204
- Высокий Фарот (High Faroth)* Плоскогорье над Нарготрондом. 124
- Вэаннэ (Vëanpë)* Девочка из Мар Ванва Тьялиэва, рассказчица *Сказания о Тинувизель*. 4—8, 40—42, 50—51, 53, 66, 68, 294, 300—301. См. *Мэлиниф*.
- Вэндэлин (Wendelin)* Раннее имя Мэлиан. 8, 48—51, 63, 244
- Вэттар (Vettar)* Лесные следопыты (?). 101
- Вэфантур (Vefántur)* «Фантур Смерти», вала Мандос. 115
- Вэффе (Wéfre)* См. *Оттор Вэффе*.
- Гавани Сириона (Havens of Sirion)* См. *Сирион*.
- Гавань Лебедей (Haven of the Swans)* См. *Лебединая Гавань*.
- Гавань Луны (Haven of the Moon)* 269
- Гавань Солнца (Haven of the Sun)* 266, 268—269
- Галвэг (Galweg)* Гном из родотлим, отец Файливрин. 82, 84—85, 114, 124
- Галдор (Galdor)* Владыка народа Древа в Гондолине; прозванный *Галдором Древа (Galdor of the Tree)*. 173—176, 181—182, 185, 189, 191—193, 215, 258, 278—279. См. *Нос Галдон*.
- Гамиль Зирак (Gamil Zirak)* Кузнец из карлов, учитель Тэльхара из Ногрода. 129
- Гар Айнион (Gar Ainíon)* «Площадь Богов» в Гондолине. 164, 186, 199, 202, 218; отвергнутая форма — *Гар Айнон (Gar Ainon)* 202. См. *Площадь Богов*.
- Гар Турион (Gar Thurion)* «Тайное Убежище», одно из Семи Имен Гондолина. 158, 202. (Эта форма заменила более раннюю *Гар Фурион (Gar Furion)*.).

- Гар Фурион* (*Gar Furion*) Ранняя форма имени *Гар Турион* (*Gar Thurion*). 202
- Гарседж* (*Garsecg*) (древнеанглийский) Великое Море. 312—313, 315—317, 326, 329; *Гарседж* (*Garsedge*) 329, 332
- Гвар* (*Gwar, Gwâr*) = *Мундон Гвар* (*Mindon Gwar*) (Кортирион). 291, 313, 324; *холм Гвар* (*hill of Gwar*) 313; князь *Гвара* (*Prince of Gwar*) 313, 323. *Гвартирин* (*Gwarthyryn*) 307. См. *Каэрзвар*.
- Гварэстрин* (*Gwarestrin*) «Башня Стражи», одно из Семи Имен Гондолина. 158
- Гвасгонин* (*Gwasgonin*) «Крылатые Шлемы», раннее название фородвайт. 334
- Гвиндор* (*Gwindor*) Эльф из Нарготронда, спутник Турина (ранее — *Флиндинг* (*Flinding*)). 62, 123—124. См. *Флиндинг*.
- Гвэдэлинг* (*Gwedbeling*) Королева Артанора; имя, заменяющее *Гвэндэлинг* (*Gwendeling*) в *Сказании о Турамбаре*, 73, 76, 94—96, 119, 244; *Гвэдилинг* (*Gwedbiling*) (заменяет *Гвэндэлинг* (*Gwendeling*) в словаре языка гномов) 50, 119, 244. См. *Артанор*.
- Гвэндэлин* (*Gwendelin*) Королева Артанора; имя, заменяющее *Гвэнниэль* (*Gweniuel*) в *Сказании о Науглаффринге*. 228, 231—235, 237, 239—240, 243—244, 246, 249—250. См. *Артанор*.
- Гвэндэлинг* (*Gwendeling*) Королева Артанора; имя, заменяющее *Вэндэлин* (*Wendelin*) в *Сказании о Тинувизль*. 8—10, 12, 14—15, 17—19, 22—23, 30, 33, 35—37, 49—51, 63—64, 66, 119, 243—244. См. *Артанор*.
- Гвэнниэль* (*Gweniuel*) Королева Артанора; имя, заменяющее *Гвэндэлин* (*Gwendelin*) в *Сказании о Науглаффринге*. 223, 225, 227, 230, 243—244, 249. См. *Артанор*.
- Гвэнэтлин* (*Gwenethblin*) Королева Артанора; имя, замененное на *Мэлиан* (*Melian*) в машинописном тексте *Сказания о Тинувизль*. 51, 244, 259. См. *Артанор*.
- Гелимер* (*Gelimer*) Раннее имя Эльфхеаха. 332, 334. (Это имя заменило более раннее *Хельгор* (*Helgor*).).
- Гельголанд* 290—292
- Гилим* (*Gilim*) Великан («Зима»?) 19, 46, 67—68
- Гиль* (*Gil*) = *Ингиль* (*Ingil*). 281—282, 328
- Гильфанон из Тавробэля* (*Gilfanon of Tavrobel*) (не включая ссылки на его Рассказ) 69, 145, 281, 283—284, 286, 288—289, 292, 294, 326. (Это имя заменило более раннее *Айлиос* (*Ailios*).).
- Гимли* (*Gimli*) Гном, пленник в замке Тэвильдо. 29, 55, 214
- Гламхот* (*Glamboth*) «Народ страшной ненависти», название орков на языке гномов. 160, 219
- Глаурунг* (*Glauring*) 68, 125—126, 129, 131—132, 134—135, 143, 213. См. *Глорунд*.
- Глингол* (*Glingol*) «Поющее золото», Древо Гондолина с золотыми цветками. 160, 184—186, 207, 215. Более поздняя форма *Глингал* (*Glingal*) (Древо Гондолина, сделанное Тургоном из золота). 207
- Глорунд* (*Glorund*) Дракон, впоследствии названный Глаурунг. Ссылки включают фрагменты, где он назван *змеем*, и т. д.; см. также *Фоалокэ*. 19, 41, 46, 68,

- 84—88, 94—98, 103—116, 118, 123, 125—126, 128—137, 140—144, 221—223, 229—231, 235—236, 238—239, 241, 246; *Глорунт* (*Glorunt*), 84. См. *Лаурундо*, *Ундолаурэ*.
- Глорфалк* (*Glorfalc*) «Золотое Ущелье», которым Туор прошел к Морю. 150, 202. См. *Золотое Ущелье*, *Крис Ильбрантэлот*, *Тэльд Квинг Илон*.
- Глорфиндэль* (*Glorfindel*) Владыка народа Золотого Цветка в Гондолине; прозванный *Глорфиндэлем златовласым* (*Glorfindel of the golden hair*), *златым Глорфиндэлем* (*golden Glorfindel*), *Златым локоном* (*Goldtress*) (215). 173, 175, 182—183, 186, 192—194, 196, 211—212, 215, 243, 260
- Глэнд* (*Glend*) Меч великана Нана. 67
- Гномы* (*Gnomes*) Избранные ссылки (включая *нолдоли* (*Noldoli*)). Рабы Мэлько 9—11, 31, 42—43, 65, 77—78, 154, 156—157, 159, 161, 163, 166, 170, 205—206, 219, 279; свободные нолдоли 44, 65, 77, 82, 248; гномы в Артаноре 9, 43, 64—65, 122, 254, 276; гномы в Дор Ломине 15, 43, 52, 65, 149, 204; гномы среди карлов 224, 245; о том, что их путают с орками 159; наречие гномов 148—149, 158, 198, 214—217, искусство гномов 224; светильники гномов 78—81, 123, 153; сталь, кольчуги гномов 83, 85, 164; рудокопы 168; освобождение и возвращение на Запад 161—162, 278, 280, 285
- Гоблины* (*Goblins*) Часто используется как альтернативное название орков (для сравнения: *гоблины Мэлько*, *горные орки* (*Melko's goblins, the Orcs of the hills*) 157, но иногда очевидным образом одних отличают от других, 31, 230). 14, 31, 35, 67, 76—80, 154, 156—157, 159, 176—177, 179—182, 219, 230, 247, 279. См. *Орки*.
- Год Плача* (*Year of Lamentation*) 120
- го-Дуилин* (*go-Dbuilin*), *го-Драутодаурос* (*go-Drauthodauros*), *го-Римион* (*go-Rimion*) «Сын Дуилина» и т. д.; см. по имени (*го-* заменено на *бо-*).
- Голодные Пески* (*Hungry Sands*) На побережье Острова Старого Морехода. 318
- Голос Гота* (*Voice of Goth*) Готмог. 67
- Голосбринди* (*Golosbrindi*) Раннее имя Хирилорн. 51
- Голубая Пчела* (*Blue Bee*) См. *Лазурная Пчела*.
- Гон Индор* (*Gon Indor*) Имя Эарэндэля как правнука Индора. 216. См. *Индор*, *Индорильдо*.
- Гонг Сердечка* (*Gong of Littleheart*) 6—7, 41, 254, 256, 263; *Хранитель Гонга* (*the Gong-warden*) 144—145, 149, 201
- Гонги* (*Gongs*) Злые твари, имеющие какое-то отношение к оркам. 136—137, 283, 288, 328
- Гондобар* (*Gondobar*) «Град Камня», одно из Семи Имен Гондолина. 158, 172; употреблено в ином смысле 275—276. См. *Град Камня*.
- Гондолин* (*Gondolin*) «Камень-Песня». 43—44, 65, 70, 77, 119—120, 130, 158—164, 166, 168—172, 175, 178, 184—186, 188—191, 193, 195—199, 201, 203—216, 218, 220, 240—242, 248, 251, 253, 255, 257—258, 260, 266, 276, 289; Деревя Гондолина 160, 171, 184—186, 207—208, 214—215 (см. *Бансиль*, *Глингол*); птицы, которые прилетели из Гондолина в Кор 253, 255, 257, 260, 263, 278; развалины Гондолина 215, 253, 255, 258, 264; время основания Гондолина 120, 208
- Гондолиндрим* (*Gondolindrim*) Народ Гондолина. 209

- Гондотлим* (*Gondotblim*) «Живущие в камне», народ Гондолина. 155—166, 168, 170—174, 177, 179—181, 184—185, 187, 190, 193, 196, 198—200, 206, 208, 211, 213—215, 267; речь, тайное наречие гондотлим 158, 164—165, 198—199, 267, рост гондотлим 159, 198
- Гондотлимбар* (*Gondotblimbar*) «Град Живущих в Камне», одно из Семи Имен Гондолина. 158
- Гора Мира* (*Mountain of the World*) См. *Таниквэтиль*.
- Горгумот* (*Gorgumoth*) Гончая Мандоса. 278
- Горлим Злосчастный* (*Gorlim the Unhappy*) 52
- Город Грез* (*The Town of Dreams*) (стихотворение) 295—296, 298 (*Город Умерших Дней* (*The Town of Dead Days*) 298).
- Город Нынешней Печали* (*The City of Present Sorrow*) (стихотворение) 295, 297—298
- Город Семи Имен* (*City of Seven Names*) Гондолин. 158
- Городьба* (*Higb Hay*) 328
- Горы Валинора* (*Mountains of Valinor*) 161, 171, 285, 320, 325
- Горы Железа* (*Mountains of Iron*) См. *Железные Горы*.
- Горы Ночи* (*Mountains of Night*) Горы, на которых растет Таурфуин, Чаша Ночи. 20, 46, 62
- Горы Тени* (*Mountains of Shadow*) 61—62, 122, 205, 217. См. *Эрэд Вэтфин*.
- Горы Тьмы* (*Mountains of Darkness*) = *Горы Железа* (*Mountains of Iron*). 162
- Горы Ужаса* (*Mountains of Terror*) См. *Эрэд Горгорот*.
- Готмог* (*Gothmog*) (1) «Раздор и ненависть», владыка балрогов, сын Мэлько и предводитель его воинства. 67, 176, 179, 183—184, 212—213, 215—216. См. *Космоко*. (2) Местоблюститель Минас Моргула. 216
- Град Камня* (*Гондобар*) (*City of Stone (Gondobar)*) Гондолин. 77, 157—158, 161.
- Град Живущих в Камне* (*Гондотлимбар*) (*City of the Dwellers in Stone (Gonfothlimbar)*), Гондолин. 158
- Грейт-Хэйвуд* (*Great Haywood*) Деревня в Стаффордшире (Тавробэль). 146, 292—293, 328; (древнеанглийский) *Хэйвуду* (*Hægwiudu*) 290, 292, 328
- Гренландия* 261
- Гритнир* (*Griðnir*) Старший из сопровождающих Турина в путешествии в Дориат. 127. См. *Гумлин*.
- Груир* (*Gruir*) Река на Тол Эрэссэа, сливающаяся с Афросом у Тавробэльского моста (см. 288). 284, 287
- Гуильвартон* (*Guilwarthor*) См. *И-Гуильвартон*.
- Гвидлин* (*Guidlin*) Завоеватели Тол Эрэссэа. 294
- Гумлин* (*Gumlin*) Старший из сопровождающих Турина в путешествии в Артанор. 74, 76, 92—93, 127. См. *Гритнир*.
- Гумниов* (*Gumniow*) Вероятно, альтернативная форма имени привратника Тэвильдо (см. *Умуийан*). 24

Гуртолфин (Gurtholfin) «Жезл Смерти», меч Турина (более поздняя форма — *Гуртанг (Gurthang)*). 83, 85, 90, 99, 107—108, 112, 119; ранняя форма — *Гортолфин (Gortholfin)* 119

Гэлион (Gelion) 249

Гэльмир (Gelmir) См. *Арминас*. 123, 125, 204

Гэмджи, Сэм (Gamgee, Sam) 333

Гэрэт (Gereth) Гном, который помог Эльвинг бежать из Артанора. 241

Дагор Браголлах (Dagor Bragollach) «Битва Внезапного Пламени». 209

Дайморд (Daimord) Сын Бэрэна и Тинувиэль (= Диор). 139, 259. См. *Дамрод* (1).

Дайрон (Dairon) Менестрель Артанора, брат Тинувиэль. 10—13, 17—21, 30, 36—37, 43, 46—47, 49—50, 52, 59, 62, 65. Более поздняя форма — *Даэрон (Daeron)* 52. См. *Капалэн, Тифанто*.

Дамрод (Damrod) (1) Сын Бэрэна и Тинувиэль (= Диор). 72, 139. (2) гном *Дамрод (Damrod the Gnome)*, вероятно, имя отца Бэрэна (= Эгнор). 116, 139—140. (3) Сын Фэанора (более поздняя форма — *Амрод (Amrod)*). 241—242, 251

Данигвизль (Danigwiel) Название Таниквэтиль на языке гномов. 202

Дания 323

Даны (Danes) См. *Восточные даны. Дани (Dani)* 306.

Два Древа (Two Trees) (включая ссылки на *Древа (the Trees)*) 3, 9, 64, 160, 207, 215, 271—272, 275—276, 281, 286—287, 307—308; *Златое Древо (Tree of Gold)* 33. *Дерева Гондолина (Trees of Gondolin)*, см. *Гондолин*.

Дверь Ночи (Door of Night) 255, 259, 265, 268, 273, 325; *драконоглавые врата (dragon-headed door(s))* 272—275; *уста ночи (mouth of night)* 276

Дворцовая Площадь (Square of the Palace) В Гондолине; также называемая *Королевской Площадью и Площадью Короля (Place of the King, Square of the King, King's Square)*. 160, 179, 182—186, 212, 215

Деор (Déor) (1) Отец Эльфвине. 313—314, 323, 330, 334. (2) Древнеанглийская поэма *Деор*, и ее автор Деор Менестрель 323

Дерева Гондолина (Trees of Gondolin) См. *Гондолин*.

Дети (в Домике Утраченной Изгры) (Children (of the House of Lost Play)) 284

Дети Богов (Children of the Gods) 8 (*дочь Богов (daughter of the Gods)* 10, 43); *Дети Валаф (Children of the Valar)* 216

Дикие Эльфы (Wild Elves) 77, 95, 113, 128, 243. См. *Бурые (Brown)*, *Темные (Dark)*, *Зеленые (Green)*, *Серые (Grey-)*, *Островные (Island-)*, *Утраченные Эльфы (Lost Elves)*; для *Сокрытых (Hidden)*, *Тайных (Secret)*, *Лесных Эльфов (Wood(land) Elves)* см. *Лесные Эльфы*.

Димбар (Dimbar) 214

Димрост (Dimrost) Водопад на Кэлэбресе в Брэтиле. 130

- Динитэль* (?*Дуритэль*) (*Dinitbel* (?*Durithel*)) Сын Фэанора. 241, 245, 251. (Эта форма заменила более раннюю ?*Майльвэг* (?*Mailweg*) 241, 244—245.). См. *Дириэль*.
- Диор* (*Dior*) Сын Бэрэна и Тинувиэль, отец Эльвинг, прозванный «Дивным». 139, 214, 216, 240—241, 244, 246, 249, 251. См. *Аусир* (1), *Дайморд*, *Дамфод* (1).
- Дириэль* (*Diriel*) Сын Фэанора. 251. (Эта форма заменила более раннюю *Динитэль*/*Дуритэль* (*Dinitbel*/*Durithel*); более поздняя форма — *Амрас* (*Amras*).).
- Дозорный Холм* (*Hill of Spies*) 128—129. См. *Амон Этир*.
- Долгобороды* (*Longbeards*) См. *Индрафанги*.
- Дом Сотни Дымоходов* (*House of a (the) Hundred Chimneys*) Дом Гильфанона в Тавробэле. 283—284, 310
- Домик Утраченной Игры* (*Cottage of Lost Play*) (не включая ссылки на Сказание) 7, 258, 292, 302, 326—327. См. *Маф Ванва Тьялиэва*.
- Дор Амро* (*Dor Atbro*) «Запредельная Земля». 41, 61. См. *Артанор*, *Дориат*, *Запредельная(ые) Земля(и)*.
- Дор Дадэлот* (*Dor Daedeloth*) Земля Моргота. 328
- Дор Ломин* (*Dor Lómin*), *Дор-ломин* (*Dor-lómin*) 11, 43, 50—52, 61, 65—66, 71—72, 87, 120, 122, 126, 128, 149, 152—154, 202, 204, 215, 219, 250, 256, 279. См. *Арфядор*, *Земля Тени* (Теней), *Матусдор*, *Хисиломэ*, *Хитлум*.
- Дориат* (*Doriath*) 41, 52—53, 57—58, 61, 122, 126—128, 130, 137, 247, 250—251; *Дориат за Сирионом* (*Ниврим*) (*Doriath beyond Sirion (Nivrim)*) 249. См. *Артанор*, *Дор Амро*, *Запредельная Земля*.
- Дорлас* (*Dorlas*) Спутник Турамбара во время нападения на Глаурунга. 132—134
- Дор-на-Дайдэлот* (*Dor-na-Dhaideloth*) (битва) 287; относительно названия см. 328. См. *Ладвэн-на-Дайдэлот*, *Пустошь Небесного Свода*.
- Дор-ну-Фауглит* (*Dor-nu-Faughlith*) 62. См. *Анфауглит*.
- Дорога Процессий* (*Road of Pomps*) В Гондолине. 186
- Дортонион* (*Dorthonion*) «Край Сосен». 62. См. *Таур-ну-Фуин*, *Таурфуин*, *Чаща Ночи*.
- Драконы* (*Dragons*) Избранные ссылки (включая *дракон* (*drake*), *червь* (*worm*)): драконы 85, 96—97, 125, 142—143; драконы, выступившие против Гондолина (называемые также *чуд(ов)ища*, *змеи*, *гады* (*monsters, serpents, snakes*)) 169—170, 172, 174, 176, 178—189, 195, 210, 213. См. *Глорунд*, *Фоалокэ*.
- Драмборлэг* (*Dramborleg*) Топор Туора. 164, 181, 203, 213; отвергнутая форма — *Драмбор* (*Drambor*) 203
- Драуглуин* (*Draugluin*) 55—58, 68
- Драутодаврос* (*Dbrauthodavros*). В *бо-Драутодаврос* (*bo-Dbrauthodavros*) (измененное *го-Драутодаурос* (*go-Dbrauthodauros*)) «сын усталого леса», имя, которым назвался Турин. 89. См. *Руситаурион*.
- Древнеанглийский* (включая цитаты, слова, названия стихотворений) 197, 200, 266—267, 271, 276, 290—292, 294—295, 298, 301, 304—305, 309, 323, 325, 328—331. Древнеанглийская речь эльфов Тол Эрэссэа 301—302, 304, 309

Древние Дни (Elder Days) 324

Древо (The Tree) Название одного из родов гондотлим. 173, 176, 182, 189, 215, 216. См. *Галдор*, *Нос Галдон*.

Древобород (Treebeard) 140

Древолюди (Tree-men) 254, 261

Друг Эльфов (Elf-friend) 141 (об *Урине*), 313 (о *Деоре*, отце *Эльфвине*).

Дуга Небес (Arch of Heaven), *Дуга (the Arch)* См. *Небесная Дуга*.

Дуилин (Duilin) (1) Отец *Флиндинга*. 79, 119; с патронимической приставкой *го-* > *бо-* *Дуилин (go- > bo-Dbuilin)* — «сын *Дуилина*» 78, 82, 119. (2) Владыка народа *Ласточки* в *Гондолине*. 173, 175, 178, 203; отвергнутая форма — *Дулиглин (Duliglin)* 203

Европа 261

Железная Корона (Iron Crown) См. *Мэлько*.

Железные Горы (Iron Mountains) 10—11, 14, 43, 61, 70, 77, 140, 153, 216, 217, 279; *Горы Железа (Mountains of Iron)* 13, 156, 217; *Железные Холмы (Hills of Iron)* 87, 154, 161, 169, 219, 279; *Холмы Горечи (Bitter Hills)* 12, 22, 29, 61. См. *Ангородин*.

Железные Преисподни (Hells of Iron) *Ангаманди*. 45, 61, 77, 157, 159, 161, 196, 206; *Преисподни Мэлько (Hells of Melko)* 187. См. *Ангаманди*, *Ангбанд*.

Железные Холмы (Hills of Iron) См. *Железные Горы*.

Железный(ые) Чертог(и) (Hall(s) of Iron) *Ангаманди*. 166, 264; *чертоги тьмы (balls of darkness)* 169

Жемчужная Башня (Tower of Pearl) 256, 260, 263, 273—275. См. *Спящая в Жемчужной Башне*.

Заводи Сумерек (Pools of Twilight) Местность в нижнем течении *Сириона*, позднее — *Аэлин-уиал (Aelin-uial)*, *Озера Сумерек*. 195, 217, 220, 225, 248, 279—280. См. *Покойные Заводи*, *Умбот-муилин*.

Закрытие Бездонного Ужаса (Spell of Bottomless Dread) См. *Мэлько*.

Зал Вновь Обретенной Игры (Hall of Play Regained) В *Мар Ванва Тьялиэва*. 4

Залив Фаэри (Bay of Faëry) См. *Фаэри*.

Западное(ые) Море(я) (Western Sea(s)) 5—7, 294, 299—300, 311, 315, 320, 330. См. *Великое Море*.

Западные Острова (Western Isles, Western Islands) 5, 332; *Острова Запада (Islands of the West)* 330; *Вала Западных Островов (Vala of the Western Isles)* 95, 141

Западный Ветер (West Wind) 261

Запредельная(ые) Земля(и) (Land(s) Beyond) *Артанор*. 9, 11, 21, 62, 72, 77, 91—92, 117, 126, 140. См. *Артанор*, *Доуиат*.

Зачарованные Острова (Enchanted Isles) 324—325

Звезды (Stars) Избранные ссылки: 274—275, 281, 317

Зеленые Эльфы (Green Elves) 234, 248—249; *Бурые эльфы и зеленые (the brown Elves and the green)* 237, 240, 242, 248; (эльфы,) одетые «в бурое и зеленое» 234, 248. См. *Лайквэнди*.

Земли Вовне (Lands Without) Земли «вне Валинора», то есть Великие Земли. 233. См. *Внешние Земли*.

Земля Тени(ей) (Land of Shadow(s)) 61, 88, 149, 161, 166, 216, 218. См. *Арьядор, Дор Ломин, Матусдор, Хисиломэ, Хитлум*.

Золотая Книга (Golden Book) 283, 285, 287, 291, 293, 310. См. *Парма Кулуинэн*.

Золотое Ущелье (Golden Cleft) 150, 153, 219. См. *Глорфалк*.

Золотой Цветок (Golden Flower) Название одного из родов гондотлим, управляемого Глорфиндэлем. 173, 182, 186, 195, 211, 215. См. *Лос'лориол*.

Ивафэ (Ivárë) Эльфийский менестрель, «слагающий напевы у моря». 10, 59

Иврин (Ivrin) См. *Эйтэль Иврин*.

Ивэрин, остров (Isle of Iverin) Ирландия. 283, 285—286, 293, 323. См. *Ирландия*.

И-Гуильвартон (I-Guilwarthon) Воскресшие из мертвых. 51, 233, 243, 245; *Гуильвартон (Guilwarthon)* 240. (Заменено на *и-Куильвартон (I-Cuilwarthon)*.).

Идриль (Idril) Жена Туора, мать Эарэндэля. 130, 162, 164—165, 167, 170, 174, 177, 185—193, 199—201, 209—216, 219—220, 253—256, 260, 262—267, 276; *Идриль Серебряногая (Idril of the Silver Feet)*, *Идриль Талкэлэб (Idril Talceleb)* 165, 199, 210, 216. См. *Ирильдэ*.

И-Куильвартон (I-Cuilwarthon) Воскресшие из мертвых. 41, 51, 245, 249. (Эта форма заменила более раннюю *и-Гуильвартон (i-Guilwarthon)*.).

Илинсор (Ilinsor) Дух из числа сурули, кормчий Луны. 259

Илуватар (Ilúvatar) 8, 42, 163, 209, 219, 223, 247, 283—284, 287; *Предвечный Владелец (the Lord for Always)* 163, 209

Ильбрантэлот (Ilbranteloth) См. *Крис Ильбрантэлот*.

Ильвэ (Ilwë) Средний слой воздуха, что струится среди звезд. 281, 328

Ильвэрин (Iverin) Сердечко. 201—202. (Эта форма заменила более раннюю *Эльвэнильдо (Elwenildo)*.)

Илькоринди (Ilkorindi) Эльфы «не из Кора» (см. особенно 64). 9, 64—65, 70; *илькорин(ы) (Ilkorin(s))* 74, 122, 285

Ильфиниол (Ilfiniol) Сердечко. 5, 50, 144—145, 201, 221, 244. (Эта форма заменила более раннюю *Эльфриниол (Elfriniol)*, заменено на *Ильфрин (Ilfrin)*.).

Ильфрин (Ilfrin) Сердечко. 7, 50, 201. (Эта форма заменила более раннюю *Ильфиниол (Ilfiniol)*.).

Ильфрит (Ilfrith) Сердечко. 276

Инвир (Inwir) Королевский клан тэлэри (= более поздним *ваньяр*), родственники *Инвэ*. 4, 253, 255, 278, 281, 283

Инвитизэль (Inwithiel) Гномское имя *Инвэ*. 258

- Инвэ** (*Intwë*) Король эльдар Кора (более поздняя форма — **Ингвэ** Владыка Ваньяр). 208, 253, 258, 280, 282, 289, 292, 305; *Арка Инвэ* (*the Arch of Intwë*) в Гондолине 182
- Инг** (*Ing*) (1) **Инг** (*Ing*), **Ингвэ** (*Ingwë*) Король Лутании; много ссылок на его род, сыновей и потомков. 301—310, 312; к отношениям между **Инг** и **Ингвэ** см. 305. (2) Раннее имя **Инвэ**. 305. (3) **Инг** (*Ing*) в древнеанглийской легенде. 305
- Ингвайвар** (*Ingwaiwar*) Народ, ведущий свое происхождение от **Инга** (**Ингвэ**), их родоначальника и предводителя, англосаксы. 304—307, 309, 312, 323
- Ингвеоны** (*Ingwaëones*) См. 304—305
- Ингвине** (*Ingwine*) См. 305
- Ингвэ** (*Ingwë*) (1) См. **Инг** (1). (2) Владыка ваньяр. 305. См. **Инвэ**.
- Ингиль** (*Ingil*) Сын **Инвэ**. 5—6, 258, 280—282, 289, 292, 305, 328. См. **Гиль**.
- Индор** (*Indor*) Отец Пэлэга, отца Туора. 160, 216. См. **Гон Индор**, **Индорильдо**.
- Индорильдо** (*Indorildo*), **Индорион** (*Indorion*) Имена Эарэндэля, правнука **Индора**. 216. См. **Гон Индор**.
- Индрафанги** (*Indrafangs*) Карлы-долгобороды из Бэлэгоста. 46, 68, 223, 230, 232—235, 243, 247—248; **Индрафангин** (*Indrafangin*) 234, **Индраванги** (*Indravangs*) 19, 68. См. особенно 247
- Ирас** (*Íras*) (древнеанглийский) Ирландцы. 290
- Ирильдэ** (*Irildë*) Имя **Идриль** на эльдариссе. 199, 210, 216, 254, 276; **Ирильдэ Талтэлэпта** (*Irildë Taltelepta*), **Ирильдэ Среброногая** (*Irildë of the Silver Feet*) 216. См. **Идриль**.
- Ирландия** 285, 293, 312, 323. См. **Ивэрин**.
- Исландия** 261
- Иссохшая Пустошь** (*Withered Heath*) Пустошь близ Тавробэля после Битвы на Пустоши Небесного Свода. 284, 287
- Иссушенная Лощина** (*Withered Dale*) Место, где произошла стычка между Тэвильдо и Хуаном. 48, 56
- Истефлинги** (*Easterling Men, Easterlings*) 120, 126, 204. См. **Пришлецы**.
- Исфин** (*Isfin*) Сестра Тургона, мать Мэглина. 165, 168, 199, 210, 220, 248. См. **Арэдэль**.
- Исход** (*Faring Forth*) (1) Поход эльфов Кора. 302—304, 307—308. (2) Экспедиция с Тол Эрэссэа. 255, 276, 283—287, 289, 293—294, 301, 303, 305, 307—308
- Итлинги** (*Ytblings*) «Чада Волн». 319—320, 322, 325, 331—332, 334; **Итлингас** (*Ytblings*) 331; описание итлингов 318. См. **Энэатрим**, **Корабелычики Запада**.
- Йаванна** (*Yavanna*) 286. См. **Бэлаурин**, **Палуриэн**.
- Кабэд-эн-Арас** (*Cabed-en-Aras*) «Олений Прыжок», место в ущелье над Тэйглином. 134—135
- Каменистый Брод** (*Stony Ford*) 236—238, 250. См. **Сарнатрод**.
- Каминная Комната** (*Room of Logs*) В Мар Ванва Тьялиэва. 197, 221; **Комната Огня Сказаний** (*Room of the Tale-fire*) 298. См. **Огонь Сказаний**.

- Капалэн (Kapalen)* Имя, предшествующее Тифанто (Дайрон). 49—50
- Каркарас (Karkaras)* «Ножеклык», «прародитель волков». 19, 21, 31, 33—34, 36, 38—39, 56, 58—59, 68, 227, 231, 239; *Каркарас (Carcaras)* 46, 68; *порождение Преисподней (Hell-wolf)* 38. См. *Кархарот*, *Ножеклык*.
- Карл Великий* 330
- Карлы (Dwarves, Dwarf-folk)* 68, 136, 223—230, 232, 234—239, 241, 243, 245—251, 283, 328; См. особенно 223—224, 247—248, и см. *Индрафанги*, *Науглат*, *Науглафринг*.
- Карпентер, Хэмфри* 69; *Биография Дж. Р. Р. Толкина*, 146, 267, 271, 273, 277, 300
- Кархарот (Carcharoth)* 58—59, 68; «Алая Утроба» 68
- Каэргвар (Caergwâr)*, *Каэр Гвар (Caer Gwâr)* Название Кортириона на валлийском языке. 292, 307
- Квен (Cwén)* Жена Оттора ВэFRE (Эриола). 290—291
- Квэнди (Quendi)* 219
- Квэнья (Qenya)* Со ссылкой на ранний «словарь» квэнья. 216, 264, 285, 292, 310. *Квэнья (Qenya)* 50, 140
- КириТ Нинниах (Cirith Ninniach)* «Радужное Ущелье». 204. См. *Глоффалк*, *Крис Ильбрантэлот*, *Тэльд Квинг Илон*.
- КириТ Торонат (Cirith Toronath)* «Орлиная Расселина». 213. См. *Кристорн*.
- Кольцо Рока (Ring of Doom)* Предшественник *Ожерелья Карлов (Necklace of the Dwarves)*. 136
- Константинополь* 330. См. *Миклигард*.
- Конас (Kóras)* Гавань (Лебединых Кораблей). 255. См. *Конас Алквалунтэн*.
- Конас Алквалунтэн (Kóras Alqaluntén)* «Гавань Лебединых Кораблей». 82. См. *Конас*, *Лебединая Гавань*.
- Кор (Kôr)* Город эльфов в Эльдамаре и холм, на котором он был построен. 8—9, 42, 64, 71, 77, 115, 119, 123, 141, 145, 148—149, 161, 197, 202, 208, 216, 219, 253—265, 271—272, 278, 280, 285—286, 289, 291—292, 303—305, 307—308, 329; см. особенно 291—292 и см. *Тирион*, *Тун*, *Туна*.
- Корабелъцики, Корабелъный Народ Запада (Shipmen, Ship-folk, of the West)* Итлинги. 319, 322, 325, 331, 334. См. *Итлинги*, *Энэатрим*.
- Корин (Korin)* Огороженное вязами место, где обитала Мэриль-и-Туринкви. 144, 197
- Королевская Площадь (King's Square)* В Гондолине. См. *Дворцовая Площадь*.
- Королевские чертог(и), дом, или дворец*. В Гондолине. 160, 183—187, 199—200, 207; королевская башня 160, 180, 185—187, 200, 207—208, 212; королевский фонтан 162, 176, 182—184, 189, 217
- Королевский Дом (King's House, Royal House)* У гондотлим. 172, 183—185, 187, 213
- Коромас (Koromas)* Город Кортирион. 280, 292
- Кортирион (Kortirion)* Столица Аламинорэ на Тол Эрэссэа. 4, 7, 280, 282—283, 288—289, 291—293, 298, 300, 302, 307—308, 310, 313, 323—324. Поэма

- Кортирион среди Дерев* (*Kortirion among the Trees*) 276, 328, прозаическое предисловие 289, 308
- Корэльдар* (*Koreldar*) Эльфы Кора. 276
- Космоко* (*Kosmoko*), *Косомок*, *Косомоко* (*Kosomok(o)*) Имя Готмога на эльдариссе. 215; *Косомот* (*Kosomot*) 215
- Край Земли* (*Rim of Earth*) (Также *Край Мира* (*World's Rim, Lip of the World*), *Грань Сущего* (*Rim of Things*), (*преграда*) на *Краю Мира* ((*bar at the*) *Margin of the World*)) 151, 255, 260—262, 268—269, 274, 314, 316, 322, 325
- Край Ив* (*Land of Willows*) 140, 153—154, 195—196, 205, 214, 217, 278—280. См. *Нан-татфэн*, *Тасаринан*.
- Крантор* (*Cranthor*) Сын Фэанора (более поздняя форма — *Крантир* (*Cranthir*)). 241—242, 250
- Крис Ильбрантелот* (*Cris Ilbranteloth*) «Расселина Радужной Кровли», которой Туор прошел к Морю (более поздняя форма — *Кири́т Нинниах* (*Cirith Ninniach*)). 150, 202; *Ильбрантелот* (*Ilbranteloth*) 263. См. *Глоффалк*, *Золотое Ущелье*, *Тэльд Квинг* *Илон*.
- Кристорн* (*Cristhorn*), *Крис Торн* (*Cris Thorn*) «Орлиная Расселина» в Окружных Горах, что вокруг Гондолина. 174, 189, 191—193, 201, 203, 214, 215, 267. См. *Кири́т Торонат*, *Расселина Орлов*.
- Крот* (*The Mole*) Название одного из родов гондотлим (*Дом Крота* (*House of the Mole*), *род Крота* (*Mole-kin*), *люди Крота* (*Mole-folk*), *воины Крота* (*warriors of the Mole*)). 175, 177—178, 220; знак Крота 165, 171, 220; народ Мэглина, не носящий никакой эмблемы 172. См. *Мэглин*.
- Крылатые Шлемы* (*Winged Helms*) Фородвайт. 330, 334. См. *Гвасгонин*.
- Крыло* (*The Wing*) Эмблема Туора, См. *Лебедь*; *Белое Крыло* (*White Wing*) 172; *люди, народ, отряд, стража Крыла* (*men, folk, guard, of the Wing*) в Гондолине 174, 176—178, 180, 182, 190, 192
- Куильвартон* (*Cuilwarthon*) См. *И-Куильвартон*.
- Кум ан-Идрисайт* (*Cûm an-Idrisaith*) «Курган Алчности» в Артаноре. 223, 251
- Курган Алчности* (*Mound of Avarice*) См. *Кум ан-Идрисайт*.
- Куруки* (*Kurûki*) Злой волшебник в предварительном наброске *Сказания о Турамбаре*. 138—139
- Куруфин* (*Cirufin*) Сын Фэанора, прозванный «Искусным» (*the Crafty*). 54, 56—58, 124, 241—242, 250
- Куталион* (*Cûthalion*) См. *Бэлэг*.
- Кэлэброс* (*Celebros*) Река в Брэтиле, приток Тэйглина. 130, 132—133, 135, 140
- Кэлэгорм* (*Celegorm*) Сын Фэанора. 54, 56—57, 241—250
- Ладвэн-на-Дайдэлот* (*Ladwen-na-Dhaideloth*) 287; *Ладвэн Дайдэлот* (*Ladwen Daideloth*) 287. См. *Дор-на-Дайдэлот*, *Пустошь Небесного Свода*.
- Лазурная Пчела* (*Bee of Azure*) Сириус. 282; *Голубая Пчела* (*Blue Bee*) 281. См. *Ниллуин*.

- Лайквалассэ (Laiqalassë)* Имя Лэголаса Зеленого Листа из Гондолина на эльдариссе. 216
- Лайквэнди (Laiquendi)* Зеленые эльфы Оссирианда. 249
- Ласточка (The Swallow)* Название одного из родов Гондотлим. 173, 176, 178—183, 193. См. *Дуилин* (2).
- Лаурундо (Laurundo), Лаурунто (Laurunto)* Формы имени Глорунда на эльдариссе. 84. См. *Ундолаурэ*.
- Лаурэлин (Laurelin)* 215, 285
- Лебединая Гавань (Swanhaven)* 258; *Гавань Лебедей (Haven of the Swans)* 11, 65. См. *Конас Алквалунтэн, Конас*.
- Лебяжье Крыло (Swanwing)* Корабль Туора. 253—255, 260, 263, 265. См. *Алкварамэ*.
- Лебедь (Swan)* Эмблема Туора и его людей в Гондолине (лебединые крылья на шлеме и на щите). 152, 164, 172, 193, 205, 210, 276; *Дом Лебеда (house of the Swan)* 160. См. *Алкварамэ, Крыло, Лебединое Крыло*.
- Ледяные Моря (Ice Seas)* 254
- Лесной народ, лесные люди, жители (Woodmen, woodfolk)* (позднее — *Лесной Народ, Лесные Люди Брэтиля (Woodmen of Brethil)*) Также *лесные следопыты (wood(land)-rangers)*, *лесные охотники (huntsmen of the woods)*. 91, 100—108, 112—113, 125, 127, 130—135, 138, 141—142. См. *Вэттар*.
- Лесные Эльфы (Woodland Elves)* Эльфы Артанора. Также *Эльфы Лесов (Wood-elves, Elves of the wood(land), of the forest, etc.)* 11, 13, 18, 34—35, 37, 43, 45, 52, 63, 65—66, 69, 73—74, 78, 92, 142, 222—223, 228, 242—243, 245—246; *лесные фэери (wood(land) fairies)* 23, 35, 63; *сокрытые эльфы (hidden Elves)* 10; *потаенные эльфы (secret Elves)* 11, 73, 123
- Лимтэ (Limpë)* Напиток эльдар. 279, 283—284, 290, 292, 306, 308, 310; древнеанглийский эквивалент — *лит (lîp)* 302
- Линвэ (Тинто) (Linwë (Tinto))* Раннее имя Тинвэ (Линто), Тинвэлинт. 49—50, 76, 92, 116—117, 135—138
- Линдо (Lindo)* Эльф с Тол Эрэссэа, хозяин Мар Ванва Тьялиэва. 3, 70, 144—145, 219, 221, 258, 279, 284, 302
- Линдэлаурэ, Линдэлоктэ (Lindelaurë, Lindeloktë)* Имена Лаурэлин. 215
- Лионесс (Lionesse)* Легендарная земля между Корнуоллом и островами Силли, ныне затопленная. 313—314. См. *Эвадриэн, Эрэнол*.
- Лисгард (Lisgardh)* Заросли тростника в устье Сириона. 217. См. *Арлисгион*.
- Локэ (Lókë)* Название драконов Мэлько на эльдариссе. 85. См. *Фоалокэ, Фуутлуг*.
- Лориэн (Lórien)* 8—9, 33, 42—43, 240, 324
- Лос (Lôs)* Ранняя форма имени Гондолина — *Лот (Loth)*. 202
- Лос'лориол (Los'lóriol)* На нолдориссе — Золотой Цветок (род гондотлим); ранее — *Лос Глориол (Los Glóriol)*. 215
- Лосэнгриол (Lôsengriol)* Ранняя форма имени *Лотэнгриол (Lothengriol)*. 202
- Лот (Loth)* «Цветок», одно из Семи Имен Гондолина. 158, 202. (Эта форма заменила более раннюю *Лос (Lôs)*.).

- Лотлим (Lotblim)* «Народ Цветка», имя, взятое изгнанниками Гондолина, поселившимися в устье Сириона. 196, 201, 252, 259—260
- Лотэнгриол (Lothengriol)* «Цветок-на-Равнине», одно из Семи Имен Гондолина. 158, 202. См. I. 172 и *Цветок-на-Равнине*.
- Луг (Lug)* Орк, сраженный Туором в Гондолине. 181
- Лумби (Lumbi)* Место, где жил Мэлько после своего поражения. 278—279
- Луна (The Moon)* Избранные ссылки: Лунный мореход преследует Эарэндэля 255, 259, 262, 264, 269, 271; корабль Луны 268—269; гавань Луны 269; ворота Луны 272—273; призвание Луны обратно 285—286; пленение Луны 286; Мэлько стремится повредить Луну 281; вслед за Луной 162, к востоку от Луны 271—272; эмблема Королевского Дома в Гондолине 172
- Лусион (Lúsiôn) = Лутизн (Lúthien)* (2). 302
- Лутания (Lutbanu)* Англия. 301—310, 323, 326—330, 334. См. *Лутизн* (1) и (3), *Лэйтиан*.
- Лутизн (Lúthien)* (1) «Человек из Лутании», имя, данное Эльфине эльфами Тол Эрэссэа. 301, 304, 309; в значении «Странник», 302. (2) Сын Тэлумэктара 302. (3) = *Лутания (Lutbanu)* (Англия). 312—315, 323—324, 326—327, 329—330, 334. (4) Тинувиэль. 52—58, 66, 302, 330
- Лэ о Детях Хурина (Lay of the Children of Húrin)* 62
- Лэ о Лэйтиан (Lay of Leithian)* 52, 54, 57, 67, 330
- Лэголас Зеленый Лист (Legolas Greenleaf)* (1) Эльф из Гондолина. 189, 191—192, 214, 216. См. I. 268 и *Лайквалассэ*. (2) Эльф из Мирквуда, член Братства Кольца. 327
- Лэйтиан (Leithian) = Лутизн (Lúthien)* (3) (Англия). 330; *Лэйтиэн (Leithien)* 300
- Люди (Men)* Избранные ссылки: заключение людей в Хисиломэ 10, 70—71, 74, 120, 161, 216, 218; Туор, первый человек, достигший Моря 151, 204; падение выбора Ульмо на человека 165, 218; наречия людей 70; сказания людей 70; судьба людей 59—60; рост людей, см. *Эльфы*; знание об Илуватаре 163, 209; союз людей и эльфов 101, 130, 164, 199, 216—217, 219, 265; отношения с Мэлько 165, 218; люди на Тол Эрэссэа 283—284
- Люди Моря (Men of the Sea) Фородвайт (Forodwaith)*, викинги. 304, 312
- Люди Севера (Men of the North)* (1) Народ Туора. 160. (2) *Фородвайт (Forodwaith)*, викинги. 313, 318. См. *Гвасгонин, Фородвайт*.
- Люди Юга (Men of the South)* Римляне. 315, 330. См. *Римляне, Румхот*.
- Лютая Зима (Fell Winter)* 126, 205, 208
- Маблунг (Mablung)* «Тяжелорукий» или «Тяжелая рука», глава танов Тинвэ-линта. 38—41, 49—50, 56, 59, 121, 128—130, 134, 231, 233, 243
- Мавойнэ (Mavoinë)* Имя Мавуин на эльдариссе. 70
- Мавуин (Mavwin)* Жена Урина, мать Турина и Ниэнори; позднее — Морвэн. 70—76, 78, 87—89, 91—99, 109, 112—117, 120—121, 126—129, 136—137, 139, 141—142, 144. (Эта форма заменила более раннюю *Тираннэ (Tirannë)*).

- Магбар* (*Magbar*) Эльфийское название Рима. 315, 330. См. *Рум*.
- Маглор* (*Maglor*) Сын Фэанора. 241, 250
- Майа* (*Maia*) 246
- Майдрос* (*Maidros*) Сын Фэанора. 241—242, 250
- Малкарауки* (*Malkarauki*) Название балрогов на эльдариссе. 169
- Манвэ* (*Manwë*), *Манвэ Сулимо* (*Manwë Súlimo*) 77, 115, 141, 163, 165, 193, 199, 223, 257—258, 265, 280, 282, 287; *Сулимо* (*Súlimo*) 200; *Владыка Богов и Эльфов* (*Lord of Gods and Elves*) 163; *Манвэг* (*Manweg*) = *Воден* (*Wóden*), *Один* (*Óðinn*) 290
- Мандос* (*Mandos*) (имя валы и название его жилища) 39—40, 53, 56, 60, 87, 92, 111, 113, 115, 125, 240, 250, 253—256, 260, 263—264, 278, 286. См. *Вэфантур*.
- Мар Ванва Тьялиэва* (*Mar Vanwa Tyaliëva*) Домик Утраченной Игры. 4, 41, 144—145, 149, 201, 209, 279, 286; *Ванва Тьялиэва* (*Vanwa Tyaliëva*) 145
- Матусдор* (*Mathusdor*) Имя, заменяющее *Арьядор* (*Aryador*) в рукописи *А Падения Гондолина*. 202
- Маэглин* (*Maeglin*) Более поздняя форма имени Мэглин. 210—212, 248
- Миаугион* (*Miaugion*) См. *Тибэрт*, *Тифиль*.
- Миаулэ* (*Miaulë*) Повар Тэвильдо. 28, 54
- Микельгеард* (*Micelgeard*), *Микльярд* (*Mickleyard*) (древнеанглийское «великий город») Рим, «Бессердечный Град». 330. См. *Рум*.
- Миклигард* (*Mikligarðr*) (древнескандинавский) Константинополь. 330
- Мим, карла* (*Mim the Dwarf*) Прозванный «Безотчим». 103, 113—114, 118, 122, 134, 137, 222—223, 230, 246; проклятие, чары Мима 223, 228, 231, 233, 235, 238—241, 246, 264
- Минас Моргул* (*Minas Morgul*) 216
- Минас Тирит* (*Minas Tirith*) Крепость на Тол Сирион 55, 123
- Миндон Гвар* (*Mindon Gwar*) Гномское название Кортириона. 291—292, 313—314, 321, 324. См. *Гвар*.
- Митрим* (*Mithrim*) Озеро (149, 153) и река, берущая из него начало. 149, 151—153, 202, 204; *Серые Эльфы Митрима* (*Grey-elves of Mithrim*) 205. (Эта форма заменила более раннюю *Асгон* (*Asgon*).).
- Молот Гнева* (*Hammer of Wrath*) Название одного из родов гондотлим. 174, 176, 179, 183, 218. См. *Рог* (2), *Наковальня*.
- Морвэн* (*Morwen*) 120—121, 126—128, 135, 139. (Эта форма заменила более раннюю *Мавуин* (*Mauwin*).).
- Моргот* (*Morgoth*) 44, 58, 62, 67—68, 120, 124, 134, 138, 143, 204, 206, 210—211, 213, 328; см. особенно 67 и см. *Бэльха*, *Мэлько*(р).
- Мориквэнди* (*Moriquendi*) «Эльфы Тьмы». 64
- Мория* (*Moria*) 329
- Мормагли* (*Mormagli*) «Черный Меч», Турин (гномское). 84, 125. См. *Мормакиль*, *Мормэгийль*.

- Мормакиль* (*Mormakil*) «Черный Меч», Турин, указано (84) как одна из форм имени среди гномов, несмотря на то, что *макиль* (*takil*) — форма языка эльдар (I. 260). 84, 86, 94, 112, 116, 118, 125, 128. См. *Мормагли*, *Мормэгиль*.
- Мормэгиль* (*Mormegil*) «Черный Меч», Турин (поздняя форма имени). 125, 128
- Морское Крыло* (*Sea-wing*) См. *Эарфамэ*.
- Морской Человек* (*Man of the Sea*) «Старый мореход» (Ульмо), живущий на Неприютных Островах. 316—320, 322, 325, 331—334; другие ссылки на него 5, 7, 301, 311—312, 332
- Мору* (*Móru*) «Изначальная Тьма», персонифицированная в Великой Паучихе. 286
- Моря Разлук* (*Sundering Seas*) 264
- Мракоткующая* (*Gloomweaver*) Великая Паучиха. 160. См. *Вириломэ*, *Унгвэлиант*, *Унгвэлиантэ*.
- Музыка Айнуф* (не включая ссылок на Сказание) 146, 163, 209. См. *Айнулиндалэ*.
- Мэглин* (*Meglin*) Сын Эола и Исфин, предавший Гондолин; позднее — Маэглин. 164—165, 167—173, 175, 177—178, 189—190, 206, 210, 213, 220; *повелитель дома Крота* (*lord of the house of the Mole*) 175
- Мэлиан* (*Melian*) Королева Дориата. 42—44, 46, 48, 51, 66, 244, 249; *Пояс Мэлиан* (*the Girdle of Melian*) 63, 249. Ранние имена Мэлиан см. на 244 и *Гвэдэлинг*; см. также *Артанор*.
- Мэлинир* (*Melinir*) Имя, данное Вэаннэ Эриолом. 5—6
- Мэлинон* (*Melinon*) Имя, которое дала Эриолу Вэаннэ. 5—6, 41
- Мэлько* (*Melko*) Избранные ссылки: проклятие Мэлько над Урином и его родом 71—72, 83, 86, 102; относительно происхождения орков 14, 159, 219; ястребы и змеи как создания Мэлько 166, 210; неумение летать 193; отношение к людям 165, 218, 282; *рудники Мэлько* (*Mines of Melko*) 65, 78, 174; *Залятье Бездонного Ужаса* (*Spell of Bottomless Dread*) 65, 77, 159, 169, 206; Железная Корона 13, 33, 53, 56, 58, 239, 246; трон Мэлько 32, 169; миф о поражении Мэлько 281—282; нападение Мэлько на Солнце 281, 286. Прозван *Айну Мэлько* (*Ainu Melko*), *Злой Князь* (*the Evil Prince*), *Князь Злобного Сердца* (*the Prince of Evil Heart*), *Железный Вала* (*Vala of Iron*), *Железный Владыка* (*Lord of Iron*), *Злодей* (*the Evil One*), *Враг* (*the Foe*).
- Мэлькор* (*Melkor*) 216, 219
- Мэлэт* (*Meleth*) Няня Эарэндэля. 174
- Мэнэгрот* (*Menegroth*) Тысяча Пещер в Дориате. 63, 129, 245. См. *Тысяча Пещер*.
- Мэойта* (*Meoita*) См. *Тэвильдо*.
- Мэриль-и-Туринкви* (*Meril-i-Turingi*) Владычица Тол Эрэссэа; также *Мэриль* (*Meril*), *Туринкви* (*Turingi*). 144—145, 197, 258, 280, 283—284, 290, 294; *Владычица Острова* (*Lady of the Isle*) 144, 283—284
- Назгул* (*Nazgûl*) 327
- Найми* (*Naimi*) Жена Эльфвине, эльф с Тол Эрэссэа. 290—291, 323, 330. См. *Эадгиву* (1).

- Наковальня (Stricken Anvil)* Эмблема народа Молота Гнева в Гондолине. 174, 179
- Наместники Гондора (Stewards of Gondor)* 211—212
- Нан (Nan)* Великан. 19, 46, 67—68
- Нан Думгортин (Nan Dumgorthin)* «Земля Темных Идолов». 35, 62, 68; *Нан Дунгортин (Nan Dungorthin)* 62
- Нан Дунгортэб (Nan Dungortheb)* «Долина Жуткой Смерти». 62—63
- Нан Эльмот (Nan Elmoth)* 248
- Нандор* 122
- Нан-татбрэн (Nan-tathbren)* 140, 214. См. *Край Ив, Тасафинан*.
- Нарготронд (Nargothrond)* 53—54, 56, 61, 123—126, 128—129, 131, 135, 137, 140—141, 205, 208, 245—246, 251; см. особенно 123—124
- Нарн и Хин Хурин (Narn i Hîn Húrin)* 119—122, 124, 126—135, 142
- Нарог (Narog)* 123, 132, 135, 141, 244. См. *Арос*.
- Народ Тени в Хисиломэ (Shadow-folk of Hisilómë)* 64, 216, 249
- Нартсэг (Narthseg)* Эльф, предавший Артанор карлам. 231, 243
- Наугладур (Naugladur)* Владыка карлов Ногрода. 225, 230—238, 243, 246—247 (назван королем 225)
- Науглат (Nauglath)* Карлы Ногрода. 68, 136—137, 223—226, 229, 233—234, 243, 247, 328; см. особенно 247
- Науглафринг (Nauglafring)* Ожерелье Карлов (ссылки включают оба имени). 41, 59, 72, 136—137, 144, 221, 227—228, 231—232, 234—235, 237—241, 243, 245—247, 252—256, 259, 264; см. особенно 228
- Наутар (Nautar)* Вероятно, = *науглат (Nauglath)*. 136, 247, 283, 285, 328
- Небесная Дуга (Heavenly Arch)* Название одного из родов гондотлим; также *Дуга Небес (Arch of Heaven)*, *Дуга (the Arch)*, *Радуга (the Rainbow)*. 173, 176, 179—183, 217. См. *Эгалмот*.
- Некромант (Necromancer, The)* 53—55
- Неоконченные Сказания (Unfinished Tales)* 119, 123, 146, 203, 207, 329. См. *Нарн и Хин Хурин, Туор*.
- Неорт (Neorth)* «Владыка Вод», Ульмо. 331—332. (Ср. скандинавский бог *Ньёрд (Njörð)*, обычно ассоциируемый с кораблями и морем).
- Неприютный(ые) Остров(а) (Harbourless Isle(s))* 317—318, 324—325, 331—332; *Остров Старца (Isle of the Old Man)* 322; другие ссылки на Острова 5, 7, 311, 315—316, 333
- Ниврим (Nivrim)* Дориат за Сирионом. 249
- Нинвэ (Ninwë), Нинви (Ninwi)* Ниневия. 196, 203; *Ниневия (Nineveh)* 203
- Ниневия (Nineveh)* См. *Нинвэ*.
- Нинин-Удатриол (Ninin-Udathriol)* Битва Бессчетных Слез. 84. См. *Низрильтасинва*.
- Ниниэль (Niniel)* «Заплаканное дитя», имя Ниэнори, данное ей Турамбаром. 100—108, 110—112, 117, 129—135, 141—142

- Нирнаэт Арноэдиад* (*Nirnaeth Arnoediad*) Битва Бессчетных Слез. 208, 211
- Ниэллуин* (*Nielluin*) Сириус. 282. См. *Лазурная Пчела*.
- Ниэльти* (*Nieltbi*) Служанка Гвэндэлин, королевы Артанора. 231—232
- Ниэнор* (*Nienor*) Более поздняя форма имени *Ниэнори* (*Nienóri*) (см. 118—119). 118—120, 128—130, 134—135
- Ниэнори* (*Nienóri*) Дочь Урина и Мавуин. 71, 73—74, 87, 89, 91—99, 103, 109—111, 113, 115—121, 127—131, 134, 137—139, 142, 144. (Эта форма заменила более раннюю *Вайнони* (*Vainóni*)). См. *Ниниэль*.
- Ниэрильтасинва* (*Nieriltasinwa*) Битва Бессчетных Слез. 84. См. *Нинин-Удатфиол*.
- Ногрод* (*Nogrod*) Город науглат. 224—226, 229—230, 232, 235—236, 238, 245, 247—249
- Ножеклык* (*Knife-fang*) 21, 31, 33, 68, 227. См. *Каркарас*.
- Нолдоли* (*Noldoli*) См. *Гномы*; *Нолдор*.
- Нолдор* (*Noldor*) 120, 123, 204, 206, 246; (Эта форма заменила более раннюю *Нолдоли* (*Noldoli*)). См. *Врата Нолдор*.
- Нолдорин* (*Noldorin*) Имя Салмара. 154, 201, 219, 278—280
- Нолдорисса* (*Noldorissa*) Язык нолдоли. 149, 216, 280
- Нолэмэ* (*Nólemë*) См. *Финвэ Нолэмэ*.
- Норвегия* 323
- Норманны* (*Normans*) 301, 312, 323, 328
- Норнорэ* (*Nornorë*) Глашатай Богов. 60
- Нортёрн Венчер* (*A Northern Venture*) (Антология, включающая стихи Дж. Р. Р. Толкина) 273
- Нос Галдон* (*Nos Galdon*) Народ Галдора из Гондолина, живущий на Тол Эрэсэа. 215. (Заменено на *Нос нан Алвэн* (*Nos nan Alwen*)).
- Нос нан Алвэн* (*Nos nan Alwen*) 215. (Эта форма заменила более раннюю *Нос Галдон* (*Nos Galdon*)).
- Ност-на-Лотион* (*Nost-na-Lothion*) Весеннее празднество «Рождения Цветов» в Гондолине. 172, 202; отвергнутая форма — *Ност-на-Лоссион* (*Nost-na-Lossion*) 202
- Нумэнорцы* (*Númenóreans*) 325; *Черный Нумэнорец* (*Black Númenórean*) 67
- Нэвраст* (*Nevrast*) 204, 208, 217
- Нэллас* (*Nellas*) Эльф из Дориата, бывшая свидетельницей на суде над Турином. 121
- Нэн Гирит* (*Nen Girith*) «Вода Дрожи», имя, данное водопадам Кэлэбреса в лесу Брэтиль. 130, 133—134, 140
- Нэн Лалайт* (*Nen Lalaith*) Ручей, берущий начало под Амон Дартиром в Эрэд Вэтрин. 126
- Нэсса* (*Nessa*) 10, 218, 240
- Оарни* (*Oarni*) Духи Моря (отождествляемые с «русалками» 259, отрывок, где отождествление отрицается 263). 253—254, 259—260, 263, 276. См. *Русалки*.

Огонь Сказаний (Tale-fire) В Мар Ванва Тьялиэва. 144—145, 197, 221, 252. См. *Каминная Комната, Тон а Гвэдрин*.

Один (Ödinn) 290. См. *Воден*.

Одинокий Остров (Lonely Isle, Lonely Island) 4—5, 7, 34, 148, 253, 289, 298, 301, 307, 311, 313, 316—317, 326—327, 329; *Остров (the Isle)* 42, 144, 283—284; *священный остров (the holy isle)* 291; *Остров Эльфов (Island of the Elves)* 320, 327; древнеанглийское *se uncūpa holm* 290, *seo unwetmede lēg* 291. 301; наречие Одинокого Острова 34, 148; стихотворение *Одинокий Остров (The Lonely Isle)* 291. См. *Тол Эрэссэа*.

Ожерелье Карлов (Necklace of the Dwarves) См. *Науглафринг*.

Озера Сумерек (Meres of Twilight) См. *Аэлин-уиал*.

Ойкэрой (Oikeroi) Кот, тан Тэвильдо, поверженный Хуаном. 27—28, 30—32, 55—58

Ойнэн (Oinen) См. *Уинэн*.

Окружные Горы (Encircling Mountains), Окружные Холмы (Encircling Hills) Горы, окружающие равнину Гондолина. 163, 166, 169—171, 175—176, 189, 193, 201, 207, 211, 213—214. См. особенно 207 и см. *Хэбородин*.

Оксфорд 146, 269, 292—293, 295, 300, 323; (древнеанглийский) *Оксенафорд (Oxeneford)* 292; стихотворение *Город Нынешней Печали (The City of Present Sorrow)* 295—298. См. *Тафуиторн, Тафуктарна*.

Оксфордский словарь английского языка 69, 147

Олвэ (Olwë) Владыка солосимпи, избранный вместо Тингола. 50. См. *Эллу* (2).

Олорэ Маллэ (Olórë Mallë) «Тропа Снов». 48, 70, 119, 258. См. *Путь Снов*.

Омар (Ómar) Младший из великих валар, также называемый *Амилло (Atillo)*. 279

Онэн (Ónen) Раннее имя *Уинэн*. 51

Оргов (Orgof) Эльф Артанора, сраженный Турином. 74—76, 122, 142

Орион 281—282, 302. См. *Тэлимэктар*.

Оркви (Orqui) Ранняя форма множественного числа слова *орк*. См. *Орки*.

Орки (Orcs) Избранные ссылки: происхождение орков 14, 159, 219; *отродья Мэлько (children of Melko)* 193; описание орков 99, 159—160; зрение и слух орков 78—79, 165—166; наездники на волках 44, 67, 84, 190, 195; кровь орков в Мэглине 165; *отродья орков (sons of the Orcs)* 165; наемники карлов 230, 247. Ед. ч. *орк (Ork)* 202, мн. ч. *оркви (Orqui)* 136, 202, 219. См. *Гоблины*.

Оркобал (Orcobal) Воитель из орков, сраженный Эктэлионом в Гондолине. 181

Орлин (Orlin) Человек из Хисиломэ, которого Турамбар убил в доме у Бродды. 90

Орлы (Eagles) 58, 193, 211; Король Орлов, см. *Рамандур, Соронтур, Торндорф, Народ Орлов (People of Eagles)*, см. *Торнхот; Орлиная Расселина (Eagles' Cleft)*, см. *Расселина Орлов; Орлиный поток (Eagle-stream)*, см. *Торн Сиф; орел как эмблема*, 193, 267

Орм (Orm) Капитан из фородвайт, убийца Деора, отца Эльфвине. 318—319, 323, 331

Ородрэт (Orodreth) Владыка родотлим. 82—84, 98, 117, 123—124

Оромэ (Oromë) 8, 42, 240, 279

- Орфалх Эхор* (*Orfalch Echor*) Большое ущелье в Окружных Горах, ведущее к Гондолину. 207, 211
- Освине* (*Óswine*) Князь Гвара (Кортириона). 313, 323
- Оссирианд* (*Ossiriland*) 249
- Оссэ* (*Ossë*) 150, 197, 254, 256, 263, 283, 285, 293, 304, 306—309, 323—324, 331
- Ост Бэлэгост* (*Ost Belegost*) См. *Бэлэгост*.
- Остров Волколаков* (*Isle of Werewolves*) 53. См. *Тол-ин-Гаурхот*.
- Остров Морских Птиц* (*Isle of Seabirds*) 253, 255—256, 259—260, 262, 264; башня на нем 264
- Островные Эльфы* (*Island-elves*) Эльфы Тол Эрэссэа. 283, 285
- Отрод* (*Otbrod*) Предводитель орков, сраженный Туором в Гондолине. 181
- Оттор Вэффе* (*Ottor Wáfre*) Эриол. 290, 292; *Вэффе* (*Wáfre*) 291
- Палисор* (*Palisor*) Местность в Великих Землях, где пробудились эльфы. 8—9, 21, 42, 47, 49, 64—65, 115, 136, 141, 206, 307
- Палуриэн* (*Palúrien*) Йаванна. 281, 328. См. *Бэлаурин*.
- Парма Кулуинэн* (*Parma Kuluinen*) 310. См. *Золотая Книга*.
- Пеновсадники* (*Foamriders*) «Береговые Эльфы». 314
- Первая Эпоха* (*First Age*) 66, 208—209
- Пересохшая Река* (*Dry River*) Проход в Гондолин. 207
- Песня Эриола* (*The Song of Eriol*) (стихотворение) 298—300
- Пигмеи* (*Pygmyes*) 254
- Письма Дж. Р. Р. Толкина* 265—267, 271, 329
- Плод Дневной* (*Fruit of Noon*) 271
- Площадь Богов* (*Place of the Gods*) В Гондолине. 164, 186—187, 199—200, 218. См. *Гар Айнион*, *Свадебная Площадь*.
- Площадь Источника* (*Place of the Well*) В Гондолине. См. *Площадь Народного Источника*.
- Площадь Короля* (*Place of the King, Square of the King*) В Гондолине. См. *Дворцовая Площадь*.
- Площадь Малого Рынка* (*Square of the Lesser Market*) В Гондолине. 182
- Площадь Народного Источника* (*Square of the Folkwell*) В Гондолине. 181; *Площадь Источника* (*Place of the Well*) 179, 182
- Площадь Фонтана* (*Place of the Fountain*) В Гондолине. 207
- Побережья Фаэри* (*Shores of Faëry*) См. *Фаэри*.
- Повелитель Волков* (*Lord of Wolves*) Ту (Некромант). 54
- Повесть Лет* (*Tale of Years*) 208
- Покойные Заводы*, *Битва у Покойных Заводей* (*Battle of the Silent Pools*) 278—279. См. *Заводы Сумерек*, *Умбот-муилин*.
- Полуэльф(ы)* (*Half-elven*) 130, 216, 265—266, 293

Последняя Битва (Last Battle) 138

Поход Эльфов (Elf-march) Экспедиция эльфов Кора для спасения гномов в Великих Землях. 144, 221, 252; *Поход Эльфов (March of the Elves)* 253, 257—258, 278—280, 303—304, 307—308, *Поход Инвири и тэлэри (March of the Inwir and Teleri)* 255, 278, *Поход Освобождения (March of Liberation)* 279. См. *Исход*.

Преисподняя (Hell) Ангаманди. 239

Прибрежные Флейтисты (Shoreland Pipers) 42; *флейтисты побережья (pipers of the shore)* 8; *прибрежные эльфы (shoreland Elves)* 304. См. *Солосимни*.

Пришелецы (Incoters) Истерлинги. 126

Путь Снов (Way of Dreams) 8, 42, 48. См. *Олорэ Маллэ, Трона Снов*.

Путь Избавления (Way of Escape) 158, 163, 166—167, 177, 189, 195, 210, 213—214. См. особенно 206—207 и см. *Бад Утвэн*.

Пэлэг (Peleg) Отец Туора. 88, 160, 181, 204

Пэнлод (Penlod) Прозванный «Высоким»; владыка народов Столпа и Снежной Башни в Гондолине. 173, 175, 179

Перэльдар (Pereldar) «Полуэльфы». 266. См. *Полуэльфы*.

Радуга (The Rainbow) 179. См. *Небесная Дуга*.

Райдер Хаггард, Генри 329

Рамандур (Ramandur) Раннее имя Соронтура. 203

Расселина Орлов (Cleft of Eagles) В Окружных Горах, что вокруг Гондолина. 168, 174, 189, 201; *Орлиная Расселина (Eagles' Cleft)* 191, 196, 210, 213—214. См. *Кристори*.

Расселина Радужной Кровли (Gully of Rainbow Roof) См. *Крис Илббрантэлот, Тэльд Квинг Илон*.

Рим (Rome) См. *Рум*.

Римион (Rimion) Отец Эгнора; *Эгнор бо-Римион (Egnor bo-Rimion)* 22, 51

Римляне (Romans) 294, 304, 309, 330. См. *Люди Юга, Румхот*.

Рисунки Дж. Р. Р. Толкина 123, 214

Рог (Rog) (1) Имя Эгнора, отца Бэрэна, на языке орков (*Rog Быстрый (Rog the Fleet)*) 45. (2) Владыка народа Молота Гнева в Гондолине. 174—176, 178—180, 203, 211

Родотлим (Rodotblim) Нолдоли Пещер, у которых Турин жил некоторое время (предшественники нолдор Нарготронда). 81—84, 91—92, 94—98, 107, 112—113, 117—119, 123—124, 128, 135—136, 140—142, 222—223, 226, 228, 236, 246, 248. (Эта форма заменила более раннюю *ротварин (Rothwarin)*.).

Розовая Аллея (Alley of Roses) Улица в Гондолине. 183

Рос (Rôs) (1) Мыс в Великих Землях; Битва при Росе. 283—286, 293, 302. (2) Столица Тол Эрэссэа. 302. (3) Название Тол Эрэссэа? 302. (4) См. Приложение, статью *Рос*.

Ротварин (Rothwarin) Раннее имя родотлим. 117, 119, 135—136

Рохан (Rohan) 329

- Рум* (*Rím*) Рим. 196, 203, 315, 330; *Рим* (*Rome*) 203. (Форма с «у» — древнеанглийская; см. с. 315.). См. *Магбар*, *Микельйеард*.
- Румиль* (*Rúmil*) 149, 209; *Алфавит Румиля* (*Alphabet of Rúmil*) 69; *книга Румиля* (*book of Rúmil*) 216
- Румхот* (*Rúmboth*) Римляне. 294, 304, 306, 309. См. *Римляне*, *Люди Юга*.
- Русалки* (*Mermaids*) 259—260, 263; *морские де́вы* (*seamaids*) 260. См. *Русалочий Фьорд*, *Оарни*.
- Русалочий Фьорд* (*Fiord of the Mermaid*) 254, 256, 263
- Руситаурион* (*Rúsitaurion*) «Сын усталого леса» (эльдарисса), имя, которым назвался Турин. 89. См. *Драутодаврос*.
- Саксани* (*Saksani*) Саксы. 306
- Саксы* (*Saxons*) 306. См. *Саксани*.
- Салгант* (*Salgant*) Владыка народа Арфы в Гондолине. 173, 175, 177, 182, 190—191
- Салмар* (*Salmar*) Спутник Ульмо, называемый также *Нолдорин*. 219, 279
- Сарквинди* (*Sarqindi*) «Великаны-людоеды». 254
- Сарнатрод* (*Sarnatbrod*) «Каменистый Брод». 236. Более поздняя форма — *Сарн Атрад* (*Sarn Athrad*) 249. См. *Каменистый Брод*.
- Саурон* (*Sauron*) 53—55, 57; *Уста Саурона* (*Mouth of Sauron*) 67. *Саурон-волк* (*Wolf-Sauron*) 55
- Сазрос* (*Saeros*) 121—122, 142
- Свадебная Площадь* (*Place of the Wedding*) То же, что Площадь Богов (см. 164). 186, 200
- Северное Море* (*North Sea*) 290—291, 303, 307, 309
- Северный Ветер* (*North Wind*) 261
- Сердечко* (*Littleheart*) Сын Бронвэга (Воронвэ), прозванный «Хранителем Гонга» (в Мар Ванва Тьялизва). 197, 201, 221, 228, 244, 252, 254, 256, 263, 276. Его эльфийские имена см. 201—202, 276
- Серебряная Чаша, водопад* (*Fall of the Silver Bowl*) 101, 105—106, 110—111, 115, 130, 132—135, 140
- Серые Эльфы* (*Grey-elves*) Из Дориата 64; из Бэлэрианда 64, 128; из Хитлума 204; Митрима 205
- Сигурд Фафниробойца* (*Sigurd Fafnisbane*) 125
- Сильмариллион* (*The Silmarillion*) 50, 52—59, 60—66, 68, 119—121, 123—131, 134—135, 137, 139—142, 145, 204, 206—214, 216—217, 245, 247—249, 251, 257—259, 261—262, 264—265, 292, 300, 305, 324, 328
- Сильмариль* (*Сильмарили*) (*Silmaril(s)*) 13, 30, 33—34, 36—40, 53, 56—58, 95, 136—137, 223—224, 227—228, 238—241, 245—246, 259, 265; *Светоч Фазри* (*Lamp of Faëry*), *Светоч Фэанора* (*Lamp of Fëanor*) 238
- Сильпион* (*Silpion*) Серебряное Древо Валинора. 33, 215, 285

Сингольдо (*Singoldo*) Эта форма заменила более раннюю *Тинвэ Линто* (*Tinwë Linto*). 41, 51. Более поздняя форма *Синголло* (*Singollo*) 50

Синдарин (*Sindarin*) 50

Сирион (*Sirion*) 41, 47, 53, 62, 77, 81, 91, 123, 137, 141, 153—157, 161—162, 165, 195—196, 198, 201, 207—209, 211, 214—215, 217, 242, 249, 252; *Дориат за Сирионом* (*Doriath beyond Sirion*) 249. Ссылки на устье Сириона и поселения в нем (*Сирион* часто = «поселения в устье Сириона») 196, 205—206, 209, 214—215, 217, 252—256, 258—263, 265, 276, 279; *Остров(а) Сириона* (*Isle(s) of Sirion*) 254, 262

Сириус 282. См. *Лазурная Пчела*, *Ниэллуин*.

Сияющие Острова (*Shining Isles*) Обитель богов и эльдар в Валиноре в представлении илькоринов. 142

Скорбный Город (*The Sorrowful City*) (стихотворение) 295, 298

Снежная Башня (*Tower of Snow*) Название одного из родов гондотлим. 173, 179. См. *Пэнлод*.

Сокрытие Валинора (*Hiding of Valinor*) 317, 324—325, 332

Солнце (*The Sun*) Избранные ссылки. Первый восход Солнца 9—10, 20, 65—66, 116, 208; упоминания о закате Солнца 261, 320, 325; ладя Солнца 281—282, 286; гавань Солнца 266, 268—269; призывание Солнца обратно 285—286; пленение Солнца 286; нападение Мэлько на Солнце 281, 286; жилище 255, 276; солнечные жители 261; за солнцем 162, к западу от солнца 271—272; эмблема Королевского Дома в Гондолине 172. См. *Волшебное Солнце*, *Урвэнди*.

Солосимпи (*Solosimpi*) 8, 42, 50, 253, 255, 258, 281, 303; *Солосимпэ* (*Solosimpë*) 261. См. *Прибрежные Флейтисты*.

Сорнонтур (*Sornontur*) Дом Туора в устье Сириона. 201

Соронтур (*Sorontur*) Король Орлов. 192, 203. (Эта форма заменила более раннюю *Рамандур* (*Ramandur*).). См. *Торндор*.

Сосна Бэлаурин (*Pine of Belaurin*), *Сосна Тавробэля* (*Pine of Tavrobel*) 281—282, 310, 328

Спящая в Жемчужной Башне (*Sleeper in the Tower of Pearl*) 254, 256, 263, 274, 276. См. *Жемчужная Башня*.

Средиземное Море 261, 294. См. *Вендельсэ*.

Средиземье (*Middle-earth*) 64, 266, 327, 333

Старый Лес (*Old Forest*) 328

Старый Мореход (*Ancient Mariner*) См. *Морской Человек*.

Стаффордшир 292, 328

Стеклянный Ручей (*Brook of Glass*) Близ Тавробэля. 287

Стена Бытия (*Wall of Things*) 259; *Стена* (*the Wall*) 317, 325; *Западные Стены* (*Western Walls*) 320, 325

Столп (*The Pillar*) Название одного из родов гондотлим. 173, 179. См. *Пэнлод*.

Страна Воскресших из Мертвых (*Land of the Dead that Live*) 249. См. *И-Куильвартон*, *И-Гуильвартон*.

- Стэплдон Мэгэзин* (*The Stapledon Magazine*) 273
- Сулимо* (*Sulimo*) См. *Манвэ*.
- Сумеречные Острова* (*Twilit Isles*) 256, 273, 275, 324—325; *Сумеречный Остров* (*Twilit Isle*) 254
- Счастливые Морестранники* (*The Happy Mariners*) (стихотворение) 273—276
- Сыновья Фэанора* (*Sons of Fëanor*) 44, 65, 220, 241—242, 245, 248, 250—251, 259
- Сэндимэн, Тед* (*Sandyman Ted*) 333
- Тавробэль* (*Tavrobel*) 145, 283—284, 287—289, 292—293, 307, 310, 323, 326; *Старый Тавробэль* (*Tavrobel the Old*) 310, *Новый Тавробэль* (*Tavrobel the New*) 310; Тавробэльская башня 287; Тавробэльский мост и сливающиеся реки 288—289; *Золотая Книга Тавробэля* (*Golden Book of Tavrobel*) 285, 310; *Сказания Тавробэля* (*Tales of Tavrobel*) 290. См. *Гильфанон*, *Грейт-Хэйвуд*, *Сосна Бэлауфин*.
- Таврост* (*Tavrost*) = *Тавробэль* (*Tavrobel*). 292
- Таймонто* (*Taimonto*) = *Тэлимэктар* (*Telimektar*). 281, 328; *Таймондо* (*Taimondo*) 328
- Талат Дирнэн* (*Talath Dirnen*) Хранимая Равнина Нарготронда. 61
- Талкэлэб* (*Talceleb*) См. *Идфил*.
- Талтэлэпта* (*Taltelepta*) См. *Ирльдэ*.
- Тамар Хромоног* (*Tamar Lamfoot*) Сын Бэтоса из Лесного народа. 101, 103, 106, 108—111, 130, 132—134, 215. (Заменено на *Брандир* (*Brandir*)).
- Таниквэтиль* (*Taniquetil*) 77, 141, 161, 163, 171, 202, 257, 262, 265, 271—272; *Гора Мифа* (*Mountain of the World*) 77
- Таньясалпэ* (*Tanyasalpë*) «Огненная Чаша». 138. См. *Фаури*, *Фаскалан*, *Фос'Алмир*.
- Тарнин Ауста* (*Tarnin Austa*) 172. См. *Врата Лета*.
- Таруиторн* (*Taruithorn*), *Таруктарна* (*Taruktarna*) Название Оксфорда на гномском языке и эльдариссе. 292—293
- Тасаринан* (*Tasarinan*) Край Ив. 140, 225, 248, 278; *Битва в Тасаринане* (*the Battle of Tasarinan*) 70, 140, 154, 219—220, 278—279. См. *Край Ив*, *Нан-тамфэн*.
- Тауроссэ* (*Taurossë*), *Таварос*, *Тавароссэ* (*Tavaros(së)*) Формы названия *Тавробэль* (*Tavrobel*) на эльдариссе. 292
- Таурфуин* (*Taurfuin*) Чаша Ночи. 34—35, 47, 62, 78. Более поздняя форма — *Таур-ну-Фуин* (*Taur-nu-Fuin*) 62, 123. См. *Чаша Ночи*.
- Темза* 295, 297
- Темные Эльфы* (*Dark Elves*) 64, 141
- Тенистые Моря* (*Shadowy Seas*) Область в Великом Море к западу от Тол Эрэссэа. 256, 275, 286, 324—325; *тени* (*тени морские*) (*the (sea-)shadows*) 260, 272; *Тени* (*the Shadows*) 316
- Тибэрт* (*Tiberth*) Гномское имя Тэвильдо, Князя Котов. (Эта форма заменила более раннюю *Тифиль* (*Tifil*)). 45, 47—49, 51; *Тибэрт Бридон Миаугион* (*Tiberth Bridhon Mياugion*) 45, *Миаугион* (*Miaugion*) 54

- Тив* (*Tiw*) Древнеанглийское имя германского бога, называемого по-древнескандинавски *Тюр* (*Týr*). 290
- Тимпинэн* (*Timþinen*) Имя *Тинфанга* на эльдариссе. 4, 59
- Тинвэ* (*Линто*) (*Tinwë (Linto)*) Имя *Тинвэлинта* на эльдариссе. 8, 50—51, 63, 116. (Заменено на *Синголдо* (*Singoldo*).).
- Тинвэлинт* (*Tinwelint*) Король *Артанора* (позднее — *Тингол*); прозванный «сокрытым королем». 8—10, 12—14, 17—20, 26, 32, 35—41, 50—53, 56, 59, 61, 63—65, 69, 72—74, 76—77, 79, 91—95, 102—103, 113—117, 119, 121, 127—129, 132, 135—137, 140—141, 144, 221—234, 236—239, 243, 245, 249—251, 259. Другие его имена на языке гномов: *Эллон* (*Ellon*), *Тинтэллон* (*Tintbellon*), *Тинто'эллон* (*Tinto'ellon*), *Тинтоглин* (*Tintoglin*).
- Тингол* (*Tbingol*) 42—43, 45—46, 50—52, 63, 65, 69, 127—129, 245—246, 251; *Элу Тингол* (*Elu Tbingol*) 50; *Тингол Лесной* (*Tbingol of the Woods*) 43, 251. (Эта форма заменила более раннюю *Тинвэлинт* (*Tinwelint*).).
- Тиндриэль* (*Tindriel*) Самая ранняя форма имени *Мэлиан*. 50, 244
- Тинто Элли* (*Tinto Ellu*) Раннее имя (на эльдариссе) *Тинвэ Линто*. 50—51, 69
- Тинтоглин* (*Tintoglin*) Раннее (гномское) имя *Тинвэлинта*. 69, 71, 116—119, 136—137
- Тинто'эллон* (*Tinto'ellon*) См. *Тинтэллон*. 50—51
- Тинтэллон* (*Tintbellon*) Раннее (гномское) имя *Тинвэлинта*. 51, 69, 116, 118—119
- Тинувизэль* (*Tinúviel*) 8, 10—14, 17—38, 40—43, 45—49, 51—63, 66, 68, 72, 116, 123, 139—140, 216, 223, 233—234, 238—240, 243, 246—247, 249—250, 252, 259, 302, 330; Первоначальное написание в машинописном тексте *Сказания о Тинувизэль* — *Tynwfiel*. 41, 51. См. *Лутиэн* (4).
- Тинфанг* (*Tinfang*) Гномское имя *Тимпинэна*, прозванного *Тинфанг Трель* (*Tinfang Warble*) (гномское *Гварбилин* (*Gwarbilin*) — «Птичий Страж», I. 270). 10, 59
- Тираннэ* (*Tirannë*) Самая ранняя форма имени *Мавуин* (*Морвэн*). 138—139
- Тирин* (*Tirin*) «Башня»; *Тирин Ингиля* (*Ingil's Tirin*) 5—6
- Тирион* (*Tirion*) 207—208, 246, 257, 265, 292
- Тифанто* (*Tifanto*) Раннее имя *Дайрона*. 49—50, 59. (Эта форма заменила более раннюю *Капалэн* (*Kapalen*).).
- Тифиль* (*Tifil*) Гномское имя *Тэвильдо*, *Князя Котов*. (Заменено на *Тибэрт* (*Tiberth*).). 15, 45, 51; *Тифиль Бридон Миаугион* (*Tiberth Bridhon Miaugion*) 15
- Тол Сирион* (*Tol Sirion*) 55, 123
- Тол Эрэссэа* (*Tol Eressëa*) 4—5, 7—8, 42, 215—216, 253, 255, 258—259, 263—264, 278, 280—281, 283—286, 289—294, 300—312, 323—324, 326—328, 330, 333—334. См. *Одинокый Остров*.
- Тол-ин-Гаурхот* (*Tol-in-Gaurboth*) «Остров Волколаков». 53—54, 56—57
- Томпсон*, *Фрэнсис* 329
- Тон а Гвэдрин* (*Tôn a Gwedrin*) Огонь Сказаний в *Мар Ванва Тьялиэва*. 145, 197. См. *Огонь Сказаний*.
- Тор* (*Bórr*) 290. См. *Туноф*.

- Торн Сир* (*Thorn Sir*) Река в Кристоуне. 192—194; *Орлиный поток* (*Eaglestream*) 194
- Торндор* (*Thorndor*) Гномское имя Соронтура, Короля Орлов. 192—194, 202. Более поздняя форма — *Торондор* (*Thorondor*) 251
- Торнхот* (*Thornboth*) «Народ Орлов». 192—193
- Третья Эпоха* (*Third Age*) 216, 327
- Тролли* (*Trolls*) 283
- Тропа Снов* (*Path of Dreams*) 119. См. *Олорэ Маллэ, Путь Снов*.
- Труи* (*Trui*) Троя. 196, 203; *Троя* (*Troy*) 203
- Ту* (*Tû*) Некромант. 54
- Тулкас* (*Tulkas*) 19, 46, 68, 138, 195, 201, 220, 278—283, 290
- Тумладин* (*Tumladin*) «Гладкая долина» (163), равнина или долина Гондолина. 163—164, 167—168, 171—172, 174, 179, 194—195, 200, 211, 214, 216
- Тумхалад* (*Tumbalad*) Битва, в которой войско Нарготронда потерпело поражение. 135
- Тун* (*Tûn*) Более поздняя форма названия Кор (см. 292). 202, 262, 292; *Холм Тун* (*Hill of Tûn*) 313, 330
- Туна* (*Tûna*) 208, 292
- Туноф* (*Pinor*) Древнеанглийское имя германского бога, по-древнескандинавски называемого *Тор* (*Þórr*); Эриол отождествил его с Тулкасом. 290
- Туор* (*Tuor*) 88, 123, 130, 144, 148—172, 174—178, 180—210, 212—221, 240, 252—257, 259—266, 276, 278—279, 325. См. *Тур*.
- «Позднейший *Туор*», в *Неоконченных Сказаниях*, 203—207, 211, 217, 219
- Тур* (*Tûr*) Форма имени Туора. 148, 198, 202, 260—261
- Турамбар* (*Turambar*) «Победитель Рока» (41, 70, 86—91, 99—112, 116—119, 125, 129—135, 137—138, 140, 142, 282. См. *Турин, Турумарт*.
- Тургон* (*Turgon*) 43—44, 65, 70, 73, 77, 83, 120, 160—162, 164—165, 167—168, 170—171, 173—175, 177, 180, 182—187, 199—200, 204—205, 207—212, 216—218, 251, 257, 263, 266. См. *Дворцовая Площадь, Королевский Дом, Турондо*.
- Турин* (*Túrin*) 21, 41, 47, 62, 70—77, 79—86, 91—95, 98, 110, 112, 115—131, 134—135, 137—138, 140—142, 144, 205, 222, 252. См. *Турамбар*.
- Турингвэтиль* (*Thuringwethil*) Летучая мышь — посланец Сауруна с Тол-ин-Га-урхот. 57
- Туринкви* (*Turingi*) См. *Мэфиль-и-Туринкви*.
- Турондо* (*Turondo*) Имя Тургона на эльдариссе. 70—71
- Турумарт* (*Turumart*) Гномская форма имени *Турамбар* (*Turambar*). 70, 86, 89, 119. См. *Турамбар*.
- Турухалмэ* (*Turubaltë*) «Сбор дров», принесение дров из леса в Мар Ванва Тьялиэва. 69
- Тысяча Пещер* (*Thousand Caves*) 245, 248. См. *Мэнэгрот*.

- Тэвильдо, Князь Котов* (*Tevildo Prince of Cats*) 15—17, 21—33, 35, 45, 49, 51, 53—56, 58, 281; *Тэвильдо Вардо Мэойта* (*Tevildo Vardo Meoita*) 15, *Мэойта* (*Meoita*) 54. См. *Тибэрт, Тифиль*.
- Тэйглин* (*Teiglin*) 130, 132, 135, 140, 249; *Тэйглинская переправа* (*Crossings of Teiglin*) 127, 130, 132; ущелья 132—134
- Тэйглинская переправа* (*Crossings of Teiglin*) 127, 130, 132
- Тэлимэктар* (*Telimektar*) Сын Тулкаса; Орион. 281—282; *Тэлумэктар* (*Telimektar*) 302, *Тэлумайт* (*Telumaitb*) 302. См. *Таймонто*.
- Тэльд Квинг Илон* (*Teld Quing Ilon*) «Радужная Кровля», раннее название (*Крис*) *Ильбрантэлот* ((*Cris*) *Ilbranteloth*). 202
- Тэльхар* (*Telchar*) Карла, кузнец из Ногрода. 58, 129
- Тэлэри* (*Teleri*) Первый род эльфов (впоследствии названный *ваньяр*). 4, 253, 255, 278, 307
- Тюр* (*Týr*) 290. См. *Тув*.
- Уванимор* (*Úvanimor*) См. 136, 247
- Уин* (*Uin*) Великий кит. 283, 286, 328
- Уинэн* (*Uinen*) 20, 51; *Ойнэн* (*Oinen*) 324; *Онэн* (*Ónen*) 51
- Улбанди* (*Ulbandi*) Мать Косомота (*Готмога*). 215. См. *Флуитуин*.
- Улица Арок* (*Road of Arches*) В Гондолине. 182
- Улица Бегущих Вод* (*Way of Running Waters*) В Гондолине. 186
- Улмо* (*Ulmo*) Прозванный «Владыкой Вод» (150, 205), «Владыка Моря» (316, 319). 7, 77, 125, 150, 152—157, 159—162, 164—165, 167, 184, 195—198, 204—205, 208—209, 217—219, 253—254, 256—257, 260, 263—264, 269, 279, 283, 308, 311, 316, 319, 328, 331; описание *Улмо* 154—155. См. *Морской Человек, Неорт*.
- Улмонан* (*Ulmonan*) Чертоги *Улмо* во Внешнем Океане. 154
- Уманьяр* (*Úmanyar*) Эльдар «не из Амана». 64
- Умбот-муилин* (*Umboth-muilin*) Заводы Сумерек. 225, 248. См. *Заводы Сумерек, Покойные Заводы; Аэлин-уиал*.
- Умуийан* (*Umuīyan*) Привратник *Тэвильдо*. 24—25. См. *Гумниов*.
- Унгвэлиант, Унгвэлиантэ* (*Ungweliant(ë)*) 11, 254, 256, 261, 286; *Паучиха* (*the Spider*) 261. См. *Вириломэ, Мракоткущая*.
- Ундолаурэ* (*Undolaurë*) Имя Глорунда на эльдариссе. 84. См. *Лаурундо*.
- Уорик* (*Warwick*) 292—293, 295, 300, 308, 310, 328; *Уорикшир* 324; стихотворение *Город Грез* (*The Town of Dreams*) 295—296, 298
- Урвэнди* (*Urwendi*) Повелительница Солнца. 116, 281—282, 286
- Урин* (*Úrin*) Отец Турина и Ниэнори, прозванный «Стойким». 44—45, 52, 70—74, 79, 82, 86—87, 89—91, 93—96, 102, 109—116, 118—120, 128, 135—139, 141, 144, 221—222, 226, 230, 242, 245—246, 250; *Урин Лесной* (*Úrin of the Woods*) 112. (Заменено на *Хурин* (*Húrin*)).

Утраченные Эльфы (Lost Elves) Эльфы Великих Земель. 9 (в Артаноре), 40, 42, 283, 285, 293, 302; наречие Утраченных Эльфов 22, 47. *Утраченные Эльфы Хисиломэ (Lost Elves of Hisilómë)* 63—64, 249

Утренняя Звезда (Morning Star) 266

Уфэдин (Ufedbin) Гном, присоединившийся к карлам и обманувший Тинвэлин-та. 223—230, 232—236, 239, 243, 245—248

Уэссекс 301—302

Файглиндра (Faiglindra) См. *Айрин*.

Файливрин (Failverin) Дочь Галвэга из родотлим. 82—87, 102, 124—125, 138. См. *Фаэливрин*.

Фаласквиль (Falasquil) Жилище Туора среди скал на морском берегу. 152, 202, 204—205, 217, 253—256, 260—261, 263—264, 276

Фалмарини (Falmarini) Духи морской пены. 276

Фанглуин (Fangluin) «Синебород», карла из Ногрода. 229—230

Фаскалан (Faskalan), *Фаскала-нумэн (Faskala-númen)* «Купель Заходящего Солнца». 138. См. *Таньясалнэ*, *Фаури*, *Фос'Алмир*.

Фаури (Fauri) Раннее имя *Фос'Алмир (Fós'Almir)*. 138

Фафнир (Fafnir) Дракон, поверженный Сигурдом. 125

Фаэливрин (Failverin) Имя, данное Финдуилас, дочери Ородрэта из Нарготронда. 124. См. *Файливрин*, *Финдуилас*.

Фаэри (Faëry, Faërie) 321; *Залив Фаэри (Bay of Faëry)* 260, 313, 316, 324—325; *Светоч Фаэри (Lamp of Faëry)* (Сильмариль) 238; *побережья Фаэри (shores of Faëry)* 271—272; *Побережья Фаэри (The Shores of Faëry)* (стихотворение) 271—273, прозаическое предисловие 262, 265

Финарфин (Finarfin) 123

Финвэ Нолэмэ (Finwë Nólemë) 200, 220; *Нолэмэ (Nólemë)* 208. См. *Финголма*.

Финголма (Fingolma) Имя Финвэ Нолэмэ. 220

Фингон (Fingon) 216

Финдуилас (Finduilas) 124—125; *Курган Финдуилас (Mound of Finduilas)* 127, 130. См. *Фаэливрин*, *Хауд-эн-Элэт*.

Финрод (Finrod) 246; *Финрод Фэлагунд (Finrod Felagund)* 123. См. *Фэлагунд*.

Фионвэ (Fionwë), *Фионвэ Урион (Fionwë Úrion)* Сын Манвэ и Варды. 116, 281—283

Фириланда (Firilanda) См. *Айрин*.

Флиндинг (Flinding) Гном из родотлим, спутник Турина (более поздняя форма — Гвиндор из Нарготронда). 62, 78—82, 84—85, 116, 118—119, 123—124, 141—142. См. *Дуилин (I)*, *Гвиндор*.

Флуитуин (Fluithuin) Великанша, мать Готмога, сына Мэлько. 215. См. *Улбанди*.

Фоалокэ (Fóalókë) Дракон Глорунд. 70, 91, 94—99, 103, 105—106, 108, 129, 131, 138; *локэ (lókë)* 102. См. *Футлуг*.

- Фонтан* (*The Fountain*) Название одного из родов гондотлим (Южный Фонтан (*Fountain of the South*) 181). 173, 180—182, 217. См. *Эктэлион*.
- Форвайт* (*Forwaith*) Ранняя форма *Фородвайт* (*Forodwaith*). 334
- Фородвайт* (*Forodwaith*) Люди Севера (викинги). 313—314, 317—318, 323, 330, 334. (Эта форма заменила более раннюю *Форвайт* (*Forwaith*)). См. *Гвасго-нин*, *Люди Севера*, *Люди Моря*, *Крылатые Шлемы*.
- Фос'Алмир* (*Fôs'Almir*) Огненная Купель. 115, 138. (Эта форма заменила более раннюю *Фаури* (*Fauri*)). См. *Фаскалан*, *Таньясалпэ*.
- Франки* (*Franks*) 330
- Фризы* (*Frisians*) 306. См. *Фирусанди*.
- Фуи* (*Fui*) Богиня Смерти (Ниэнна). 115
- Фуитлуг* (*Fuitblug*) Гномская форма имени *Фоалокэ* (*Foalókë*). 70, 118; более ранние формы — *Фотлуг* (*Fotblug*), *Фотлог* (*Fotblog*) 118
- Фэанор* (*Fëanor*) 13, 129, 137, 204, 216, 228, 240—241, 259, 321; *Светоч Фэанора* (*Lamp of Fëanor*) (*Сильмариль*) 238. См. *Сыновья Фэанора*.
- Фэаноринги* (*Fëanorians*) 246, 250—251, 265
- Фэери* (*Fairies*) Синоним *эльфов* (*Elves*). 10, 23—24, 26, 28, 31, 35, 41, 113, 223, 240, 242, 249, 252, 257, 261, 264, 270, 274, и очень часто в Главе VI; отличны от гномов 113
- Фэй* (*Fay*) 10, 13, 29, 32, 43, 54, 64, 71, 76—77, 96, 233, 263, 274
- Фэлагунд* (*Felagund*) 53—56, 123—124, 126; «Владыка Пещер» 123. См. *Финрод*.
- Хадора Дом* (*Nador, House of*) 120, 126
- Хазен из Изеноры* (*Hasen of Isenóra*) Дядя Оттора Вэфре (Эриола). 291
- Хауд-эн-Эллет* (*Haudh-en-Elleth*) Курган Финдуилас. 130. См. *Финдуилас*.
- Хельгор* (*Helgor*) Раннее имя Эльфхеаха. 334. (Заменено на *Гелимер* (*Gelimer*)).
- Хенгест* (*Hengest*) Сын Оттора Вэфре (Эриола), вместе с братом Хорсой — завоеватели Тол Эрэссэа. 290—294, 304, 323
- Хеорренда* (*Heorrenda*) (1) Сын Эриола, рожденный на Тол Эрэссэа. 145, 197, 290—294, 323, 328, 334; *Хеорренда из Хэйвуду* (*Heorrenda of Hægwidu*) 290, 292, 328; *Золотая Книга Хеорренды* (*Golden Book of Heorrenda*) 290. (2) В древнеанглийской поэме *Деор* (*Déor*) 323
- Хирильорн* (*Hirilorn*) «Королева Дерев» в Артаноре. 18—19, 46, 51, 54. (Эта форма заменила более раннюю *Голосбринди* (*Golosbrindi*)).
- Хисиломэ* (*Hisilómë*) 10—11, 13, 17, 21, 23, 31, 38, 43, 45, 47, 51, 61—66, 70, 88, 92, 102—103, 115, 117, 119—120, 126, 138, 140, 204, 216, 222, 234, 240, 243, 248—251, 280. См. *Арьядор*, *Дор Ломин*, *Земля Тени*, *Матусдор*, *Хитлум*.
- Хитлум* (*Hitblum*) 61, 71—72, 74—77, 87, 120—122, 126—127, 131, 142, 204—205, 218, 238, 240—242, 248—252. См. *Хисиломэ*.
- Холм Бдения* (*Hill of Watch*) 158; *холм, что стоит на страже* (*hill of vigilance*) 161, 208. См. *Амон Гварэт*.

- Холмы Горечи (Bitter Hills)* См. *Железные Горы*.
- Хорса (Horsa)* См. *Хенгест*. 290—294, 304, 323
- Хранимая Равнина Нарготбронда (Guarded Plain of Nargothrond)* См. *Талат Дирнэн*.
- Хуан (Huian)* Назван «владыкой Гончих Псов Хисиломэ» (47), «Предводителем Псов» (21, 231), «Хуаном из рода Псов». 21—23, 26—27, 30—31, 34—36, 38—39, 41, 47—48, 53—59, 62, 68, 231, 233—234, 239, 243
- Хунтор (Hunthor)* Соратник Турамбара в нападении на Глаурунга. 133
- Хуор (Huor)* 214
- Хурин (Húrin)* 52, 118, 120, 126, 128, 131, 135, 137, 210, 216, 245. См. *Урин*.
- Хэбородин (Heborodin)* Окружные Холмы вокруг равнины Гондолина. 166. См. *Окружные Горы*.
- Хэйвуду (Hægwudu)* См. *Грейт-Хэйвуд, Хеорфенда*.
- Хэлькараксэ (Helcaraxe)* 209
- Хэндор (Hendor)* Слуга Идриль, вынесший Эарэндэля из Гондолина. 190, 216
- Цветок-на-Равнине (Flower of the Plain)* Гондолин. 158, 184. См. *Лотэнгфриол*.
- Чаща Ночи (Forest of the Night)* Таурфуин, великий сосновый бор на Горах Ночи (впоследствии — Дортонион, Таур-ну-Фуин). 21, 47, 62, 78. См. *Таурфуин*.
- Черный Меч (Blacksword)* Имя Турина среди родотлим (позднее — в Нарготронде). 84, 128. См. *Мормагли, Мормакиль, Мормэгийль*.
- Шипти, Т. А. Дорога в Средиземье (The Road to Middle-earth)*, 57
- Эадгиву (Éadgifu)* (древнеанглийский) (1) Жена Эльфвине, эльф с Тол Эрэссэа. 290. См. *Найми*. (2) Жена Деора, мать Эльфвине. 313—314, 323, 330—331
- Эала Эарендель энгла беорхтаст (Éalá Éarendel engla beorhtast)* (стихотворение) 266—269, 271, 277
- Эарамэ (Eärámë)* «Орлиное Крыло», первый корабль Эарэндэля. 253—254, 261, 265, 267. *Эарум (Earum)* 260—261, 276, *Эарам (Earam)* 276. См. *Эарнхама, Эарфамэ*.
- Эарнхама (Earnhama)* (древнеанглийский) «Орлиная Одежда», см. 276
- Эаррамэ (Eärrámë)* «Морское Крыло», корабль Туора. 265. См. *Алкварамэ, Эарамэ*.
- Эарендель (Éarendel)* (древнеанглийский). 266, 267—269. *Éalá Éarendel Engla Beorhtast* Стихотворение. 267—269
- Эарэндильон (Eärendilyon)* «Сын Эарэндэля», моряк. 264
- Эарэндэль (Eärendel)* 130, 144—145, 149, 165, 167, 169—171, 174, 177—178, 185, 187—193, 196, 199—201, 213, 215—216, 219, 221, 242, 252—270, 272, 274, 276, 278, 281, 286, 290, 302, 304, 306—310; не названный явно, в словах Ульмо к Туору, 155, 205. См. особенно 266—267. *Лэ об Эарэндэле (Lay of Eärendel)*

270. Более поздняя форма *Эарэндиль* (*Eärendil*) 212, 265—266; *Эарэндл* (*Earendl*) 267
- Эвадриэн* (*Evadrien*) «Железный Берег», Лионесс. 313, 334. (Эта форма заменила более раннюю *Эрэнол* (*Erenol*).).
- Эвранин* (*Evrani*) Няня Эльвинг. 241
- Эгалмот* (*Egalmoth*) (1) Владыка Народа Небесной Арки в Гондолине. 173, 175, 183, 192, 212, 217, 258, 278—279. (2) Наместник Гондора. 211
- Эглавайн* (*Eglavain*) Эльфинесс (?). 320, 325
- Эгламар* (*Eglamar*) = *Эльдамар* (*Eldamar*). 262, 265, 272
- Эгнор* (*Egnor*) Отец Бэрэна, назван «лесным охотником», «охотником эльфов, гномов», «эльф зеленолесья». 11, 15, 22—23, 28, 43—45, 49, 51—52, 61, 65—66, 71—72, 116, 139—140, 242, 248. *Эгнор бо-Римион* (>*го-Римион*) (*Egnor bo-Rimion* (>*go-Rimion*)) «сын Римиона» 22, 51. См. *Рог* (1).
- Эдайн* (*Edain*) 266
- Эдда* (*Edda*) (древнескандинавский) 125
- Эйвон, река* (*River Avon*) 295—296
- Эйтэль Иврин* (*Eithel Ivrin*) 123; *Иврин* (*Ivrin*) 124
- Эксетерская Книга* (*Exeter Book*) (древнеанглийской поэзии) 323
- Эксетерский Колледж*, Оксфорд 47, 199, 273, 277, 329
- Эктэлион* (*Ecthelion*) (1) Владыка Народа Фонтана в Гондолине, прозванный *Эктэлионом Фонтанным* (*Ecthelion of the Fountain*), *Владыкой Фонтана* (*Lord of the Fountain(s)*). 173, 175, 180—184, 191, 200, 211—213, 215, 217. (2) Имя двух Наместников Гондора. 212
- Эллон* (*Ellon*) (Гномское) имя Тинвэлинта. 69, 116. См. *Тинто'эллон*, *Тинтэллон*.
- Эллу* (*Ellu*) (1) Имя Тинвэлинта на эльдариссе. 49—50, 69. (2) Владыка соло-симпи, избранный вместо Тинвэлинта (позднее — *Олвэ*). 50
- Элу Тингол* (*Elu Thingol*) 50
- Эльбэниль* (*Elbenil*) Сердечко. 202. (Заменено на *Эльвэниль* (*Elwenil*)).
- Эльвинг* (*Elwing*) 139, 214, 217, 240—242, 251—256, 258—261, 264—265, 276, 279, 303, 307—308
- Эльвэ Синголло* (*Elwë Singollo*) Тингол. 50
- Эльвэниль* (*Elwenil*) Сердечко. 202. (Эта форма заменила более раннюю *Эльбэниль* (*Elbenil*)).
- Эльвэнильдо* (*Elwenildo*) Сердечко. 201. (Заменено на *Ильвэрин* (*Ilwerin*)).
- Эльдайрон* (*Eldairon*) Эльфийское имя Эльфвине: *Эльдайрон* из *Лутизн* (*Eldairon of Lúthien*), заменяет *Лутизн* из *Лутании* (*Lúthien of Luthany*). 313
- Эльдалиэ* (*Eldalië*) 9, 42—43, 115, 130, 136, 165, 167, 180, 199, 216, 219, 224, 241, 265
- Эльдамар* (*Eldamar*) «Эльфийский дом». 261—262, 272, 287. См. *Эгламар*.
- Эльдар* (*Eldar*) Избранные ссылки: все эльфы, включая Темных Эльфов 9, 64, 82; применительно к нолдоли 95, 149; как нечто отличное от нолдоли 153, 165, 178, 215, 218, 289. Ссылки на язык эльдар (противопоставленный языку

- гномов) 8, 70, 85, 148—149, 169, 192, 199, 215—216 (см. *Эльдарисса*, *Эльфийский*); *Эльдарский* — об именах 148. См. *Эльфы*.
- Эльдарисса* (*Eldarissa*) Язык эльдар, отличный от *нолдориссы* (*Noldorissa*). 148—149, 280
- Эльдарос* (*Eldaros*) = *Эльфхам* (*Elfham*), Дом эльфов. 301. *Эльдос* (*Eldos*) 302
- Эльмавойтэ* (*Elmavoitë*) «Однорукий», имя Бэрэна на языке Одинокого Острова. 34. См. *Эрмабвэд*.
- Эльмир* (*Elmir*) Одна из двух первых людей (вместе с Эрмоном). 305
- Эльтас* (*Eltas*) Рассказчик *Сказания о Турамбаге*. 69—70, 112, 116, 118—119, 135—137, 144—145, 242—243; см. особенно 119
- Эльфвине* (*Elfwine*) (древнеанглийский) «Друг эльфов». 278, 300—305, 307—311, 313—323, 325, 327, 329—334. «История *Эльфвине*» 300, 303, 305, 310—312, 323, 326. См. *Эльдайрон*, *Лутиэн* (1).
- Эльфийский* (*Elfin*) Указаны ссылки только на язык «эльдар» (отличный от гномского). 42, 49, 149, 202, 267; вероятно, используется в общем значении 304. См. *Эльдарф*, *Эльдарисса*.
- Эльфинец* (*Elfnesse*) 21, 38, 43, 47, 59, 130, 240, 313, 321, 323, 325; *дети Эльфинеца* (*children of Elfnesse*) 159, 326, *дочь Эльфинеца* (*daughter of Elfnesse*) 164, 217
- Эльфриниэль* (*Elfriniel*) Сердечко. 148, 201, 214—215. (Заменено на *Эльфрит* (*Elfrith*).). *Эльфриниол* (*Elfriniol*) 50, 201. (Заменено на *Ильфиниол* (*Ilfiniol*).). См. *Ильфиниол*, *Ильфрин*.
- Эльфрит* (*Elfrith*) Сердечко. 148, 201—202, 216. (Эта форма заменила более раннюю *Эльфриниэль* (*Elfriniel*).). См. *Ильфрит*.
- Эльфхам* (*Elfham*) (древнеанглийский) Дом эльфов. 301—302. См. *Эльдарос*.
- Эльфхеах* (*Elfheah*) (древнеанглийский) Компаньон Эльфвине, прозванный «Безотчим». 315—316, 320, 330, 332—334. (Это имя заменило имя *Гелимер*.).
- Эльфы* (*Elves*) Избранные ссылки (см. также *Эльдар*, *Фэери*). Включая гномов 22, 26, 35, 38 и т. д.; отдельно от гномов 8, 45, 48—49, 216—217. Судьба эльфов 60, 250; рост эльфов и людей 73, 80, 142, 159, 198, 220, 281, 283, 326—327; ссылки на «истаивание» 240, 242, 250, 281, 283, 285—289, 293—294, 301, 304, 306, 312—314, 323, 326—327; союз со смертными, см. *Люди*, вражда с карлами 230; наречия эльфов 4, 148, 163; письменность эльфов 163; эльфы и древнеанглийский язык 301—302, 304, 309
- Элэнвэ* (*Elenwë*) Жена Тургона. 209
- Энеадур* (*Eneadur*) Остров итлингов. 319—320, 322, 325
- Энеатрим* (*Eneathrim*) Итлинги. 331, 334. См. *Корабельщики Запада*.
- Эол* (*Eöl*) Отец Мэглина (Маэглина). 165, 168, 199, 220, 248
- Эох* (*Eoh*) Отец Оттора Вэфре (Эриола). 290—291, 294. (Заменено на *Деор* (*Déor*) (1)).
- Эриол* (*Eriol*) 3—9, 21, 40—42, 49, 145, 148—149, 209, 258, 264, 278—279, 283—284, 286—287, 289—295, 300—301, 311, 323, 326, 329—330. «История *Эриола*»

293—294, 300, 303, 310—311, 323, 329—330. *Песня Эриола* (стихотворение) 298—300. См. *Мэлинон*.

Эрмабвэд (*Ertabwed*) «Однорукий», (гномское) имя Бэрэна. 34, 36, 71—72, 116, 137, 144—145, 242. См. *Эльмавойтэ*.

Эрмон (*Ertmon*) Один из двух первых людей (вместе с Эльмир). 305

Эрумани (*Ertman*) 68 (великан Эрумана). *Эрумани* (*Ertmáni*) 264; *Битва при Эрумани* (*Battle of Ertmáni*) 285—286

Эрэд Вэтфин (*Ered Wethrin*) Горы Тени. 62, 132, 217

Эрэд Горгорот (*Ered Gorgoroth*) Горы Ужаса. 63

Эрэнол (*Erenol*) «Железные Утесы», «Железный Берег», Лионесс. 334. (Заменено на *Эвадриэн* (*Evadrien*).).

Эсгалдуин (*Esgalduin*) 63

Эути (*Euti*) Юты. 306

Эфэль Брандир (*Erbel Brandir*) 135

Южные Фонтаны (*Fountains of the South*) В Гондолине. 186. Королевский фонтан в Гондолине: см. *Дворцовая Площадь*.

Ютландия, полуостров 294

Юты (*Jutes*) 306. См. *Эути*.

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОШИБКИ И ОПЕЧАТКИ

«Книга утраченных сказаний», I том*

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
IV	12 снизу	© А. Дубинина, перевод стихотворений в III, IV, V, VIII главах, перевод IX главы, 2000;	© А. Дубинина, перевод стихотворений в I, III, IV, V, VIII главах, перевод IX главы, 2000;
IV	10 снизу	© С. Лихачева, перевод I главы, 2000;	© С. Лихачева, перевод I главы, перевод стихотворений в I главе, 2000;
XII	12 сверху	Ангманди	Ангаманди
XII	17 снизу	в рассказе о Бэрэна и Лутиэн	в рассказе о Бэрэне и Лутиэн
XVIII	10 сверху	от использования от слова	от использования слова
3	14 снизу	Дарина	Дурина
19	11 снизу	тэллэли	тэлэлли
19	4 снизу	говорил я	говорила я
22	5 сверху	<i>Гим Гитиль</i>	<i>Гим-гитиль</i>
22	15 сверху	<i>Солосимпи</i>	<i>солосимпи</i>
22	15 сверху	<i>Солосимпэ</i>	<i>солосимпэ</i>
22	18 сверху	<i>Тэлэлли</i>	<i>тэлэлли</i>
22	18 сверху	<i>Тэлэллэ</i>	<i>тэлэллэ</i>
24	9 сверху	Ваэфре	Вэфре
27	13 снизу	Сент-Джон-Стрит	Сент-Джон-стрит
43	3 снизу	Глубинные	Глубокомудрые
43	2 снизу	Глубинные	Глубокомудрые
44	14 снизу	<i>gnōte</i>	<i>gnōte</i>
52	8 сверху	<i>Воронве</i>	<i>Воронвэ</i>
52	8 сверху	Воронве	Воронвэ
61	13 сверху	<i>Айнуф</i>	<i>Айнуф</i>
61	13 сверху	<i>Айну</i>	<i>айну</i>
61	14 сверху (дважды)	<i>Илуватар</i>	<i>Илуватар</i>
61	14 сверху	<i>Илу</i>	<i>Илу</i>
61	15 сверху	<i>Улмо</i>	<i>Улмо</i>
61	15 сверху	Улмо	Улмо
61	15 сверху	<i>Линквиль</i>	<i>Линквиль</i>

* Со свежей версией списка замеченных ошибок и опечаток можно ознакомиться в сети Internet на сайте ТТТ по адресу: <http://ttt.by.ru>

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
61	16 сверху	Улмо	Улмо
61	17 сверху	Солосимпи	солосимпи
61	17 сверху	Солосимпэ	солосимпэ
61	18 сверху	Валар	валар
61	18 сверху	Вали	вали
61	18 сверху	Валур	валур
61	18 сверху	Валиф	валиф
61	20 сверху	Онэн	Онэн
61	20 сверху	Обэн	Обэн
61	21 сверху	Улмонан	Улмонан
62	1 снизу	Ильмарэ	Ильмарэ
66	14 снизу	фалмарини	фалмарини
72	17 сверху	Лаурэлин	Лаурэлин
73	1 сверху	Сильпион	Сильпион
73	7 снизу	не употребили	не пожалели
75	18 сверху	пока цвел Лаурэлин	пока цвела Лаурэлин
88	9 сверху	края его листьев	края ее листьев
88	11 сверху	Лаурэлин был	Лаурэлин была
88	12 снизу	его другое имя	другое имя этого Древа
91	19 сверху	<i>pā gebletsode felda under pām</i>	<i>pā gebletsode felda under pām</i>
102	3 снизу	Почем же	Почему же
113	1 сверху	присутствия.	присутствия.»
114	14 сверху	Тулиэ́лто! Тулиэ́лто!	Тулиэ́лто! Тулиэ́лто!
115	3 снизу	живущими по одиночке	живущими поодиночке
129	2 снизу	как и в «Сказании о Солнце и Луне»	как и в Сказании о Солнце и Луне
134	10 снизу	к теням	к Теням
141	9 снизу	солосими	солосимпи
154	12 сверху	Урвен	Урвэн
156	8 снизу	Нолэме	Нолэмэ
157	20 сверху	Так же	Также
170	13 сверху	Нолемэ	Нолэмэ
171	11 сверху (дважды)	Нолемэ	Нолэмэ
171	18 сверху	Алквалунтен	Алквалунтэн
173	4 снизу	Нолемэ	Нолэмэ
186	4 сверху	не сравнился бы даже прежний	не сравнилась бы даже прежняя
187	13 сверху	Фаскаланумэн	Фаскала-нумэн
192	15 сверху	Тэлипмэ	Тэлимпэ
192	20 сверху	Уйнэн	Уинэн

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
192	12 снизу	Критоскэлег	Критоскэлэг
196	3 сверху	Грэйт-Хэйвуд	Грейт-Хэйвуд
196	4 сверху	Грэйт-Хэйвуд	Грейт-Хэйвуд
196	14 сверху	Грэйт-Хэвуд	Грейт-Хэйвуд
200	19 сверху	на запада	на запад
201	9 снизу	В какой бы степени... не были	В какой бы степени... ни были
213	16 снизу	Дерев	Древ
215	16 снизу	попыткок	попыток
217	1 снизу	Dōgor Mōnab	Dōgor Mōnab
217	Отсутствует последняя строка страницы:		Месяц и Год.
220	11 снизу	Уйнэн	Уинэн
221	17 сверху	Хамфри	Хэмфри
229	6 снизу	привести	привезти
233	19 снизу	Мурменалда	Мурмэналда
Цветная вклейка между с. 236 и 237		Альквалондэ	Алквалондэ
237	12 снизу	Тарэга-илькорина	Тарэга-илькорина
254	8 снизу	утвен	утвэн
255	12 сверху	Ilyqinga	Ilyqinga
258	4 сверху	гладкости (с. 122).	гладкости» (с. 122).
262	1 сверху	NLDL	NĪDL
264	3 сверху	Нолемэ	Нолэмэ
264	14 снизу	нэрмир «фэй лугов»	нэрмир — «фэй лугов»
265	20 сверху	орхот	оркхот
268	7 снизу	(SLPL) (обе согласные Л	(SLPL) (оба согласных Л
277	3 сверху	Эринити	Эринти
279	18 сверху	Железные преисподни	Железные Преисподни
284	5 снизу	Глубинные	Глубокомудрые
Задняя сторона обложки		ИЗМЕНА ИСЕНГАРДА ПОРАЖЕНИЕ САУРОНА	ИЗМЕНА АЙЗЕНГАРДА САУРОН ПОВЕРЖЕННЫЙ